

АЛЕКСАНДР ОСОКИН

Великая тайна Великой Отечественной

глаза открыты

Я - УМ И РА

НО НЕ

САМО СЕ

20/VII-41

Annotation

Перед вами итоговый том документально-публицистического исследования Александра Осокина «Великая тайна Великой Отечественной». Доказывая свою гипотезу о том, что 22 июня 1941 года началась «не та война», к которой готовились Сталин и Гитлер, автор воссоздал уникальную по подробностям картину первого дня боевых действий. Он собрал и прокомментировал факты и документы, во многом меняющие хрестоматийные представления о событиях начала Великой Отечественной войны и предвоенных лет. Если же какие-то версии Александра Осокина покажутся читателю парадоксальными или даже невероятными, не стоит дожидаться того часа, когда гостеприимно распахнутся все архивы, сейфы, «особые папки» – и все странное станет понятным, а тайное явным. Думайте, сопоставляйте, делайте выводы сами, глаза открыты.

- [Александр Николаевич Осокин](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Версальская мина](#)
 - [Итоги Первой мировой войны и революции в России \(Версальская конференция\)](#)
 - [Генуя – Рапалло – путь к милитаризации Германии и СССР \(Генуэзская конференция и Рапалльский договор\)](#)
 - [Кто выдвинул Гитлера в фюреры](#)
 - [Олимпиады 1936 г. легитимизируют власть нацистов](#)
 - [Война в Испании показала – Гитлер готов воевать](#)
 - [Аншлюс Австрии и захват Клайпеды](#)
 - [Мюнхенские «миротворцы»](#)
 - [Польша – последний этап на пути ко Второй мировой войне](#)
 - [Подсказка Золотова вождю](#)
 - [Первый шаг к трагедии 22 июня 1941 года. Приезжал ли Гитлер в Москву вместе с Риббентропом?](#)
 - [Обнаружен полный список делегации Риббентропа](#)
 - [Список делегации Риббентропа](#)
 - [Члены делегации, не указанные в списке, но упомянутые в советской прессе в 1939 г](#)

- [Неопознанные лица делегации](#)
- [Фотографии, опубликованные в 1939 г](#)
- [Члены «ближнего круга» фюрера в составе делегации](#)
- [«Фройлен» в составе делегации – Эдит Крюгер или Ева Браун?](#)
- [Берлинские «университеты» для советской оборонной промышленности. Советские авиационные комиссии и делегации в 1939–1941 гг](#)
 -
 - [Выписка из протокола № 7 заседания Политбюро ЦК ВКП\(б\)](#)
 - [Записка А. Микояна И. Сталину, В. Молотову](#)
 - [Выписка из протокола № 8 заседания Политбюро ЦК ВКП\(б\)](#)
 - [«Запись бесед Сталина И. В., Молотова В. М., Микояна А. И. с главой германской экономической делегации Риттером» \(РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 298\)](#)
 - [Выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК ВКП\(б\)](#)
 - [Записка А. Микояна И. Сталину, В. Молотову, К. Ворошилову](#)
- [Второй шаг к трагедии 22 июня 1941 года. Фотопутешествие в Берлин с Молотовым](#)
 - [«Золотые самородки» из архивов](#)
 - [Поездка делегации Молотова в Берлин](#)
 - [Официальный список делегации и идентификация ее членов](#)
 - [«Фоторепортаж» о поездке в Берлин](#)
 - [Итоги поездки: не договорились или договорились?](#)
- [Ездил ли Сталин с Молотовым в Берлин в ноябре 1940 года? Анализ по решениям Политбюро](#)
- [Мировая пресса – послевизитные круги по воде](#)
- [Расстрелянный под номером четырнадцать](#)
 - [Молниеносное награждение](#)
 - [Таубин в кремлевском кабинете Сталина](#)
 - [Я. Г. Таубин – создатель первого в мире автоматического гранатомета](#)
 - [Я. Г. Таубин – пионер создания автоматических авиапушек самого большого в мире калибра](#)
 - [Арест. За что?](#)
 - [Дочь отвечает за отца](#)
 - [«Тайна октября 1941-го»](#)
 - [Подтверждение следует...](#)

- [Уточнения, внесенные Виктором Михайловичем и Михаилом Никитовичем Бабуриными](#)
- [Вместо заключения – о Таубине](#)
- [Образ врага образца 1939–1941 гг](#)
- [На столе у Молотова перед войной](#)
- [Комиссия люфтваффе проверяет ВВС И НКАП в апреле 41-го](#)
- [Отъезд Криппса из Москвы и Сообщение ТАСС от 13 июня 1941 г](#)
- [К чему готовили военачальников весной 1941 г. на Курсах усовершенствования высшего начсостава при Академии Генерального штаба?](#)
 -
 - [Преподаватели Академии Генштаба](#)
 - [Генерал-лейтенанты](#)
 - [Генерал-майоры](#)
 - [Комбриги](#)
 - [Полковники](#)
 - [Неопознанные слушатели КУВНАС АГШ – 41](#)
 - [Неопознанные преподаватели академии и начальство НКО](#)
 - [Военачальники, закончившие в 1941 г. КУВНАС АГШ, но не обнаруженные на групповой фотографии](#)
 - [Анализ сведений о выпускниках 1941 г. КУВНАС АГШ](#)
- [Правка Сталина в последних предвоенных решениях Политбюро](#)
 - [Почему Сталин взял на себя функции Председателя Совнаркома и как он их выполнил в начале войны](#)
 - [Решения Политбюро 18 июня – 5 июля 1941 г. \(Источник: РГАСПИ. Д. 1041. Протокол № 34\)](#)
 - [Документы, принятые ГКО СССР 1–3 июля 1941 г. \(РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2\)](#)
 - [Постановления ГКО](#)
 - [Распоряжения ГКО](#)
 - [Неожиданный ответ вождя на «Вопрос НКО»](#)
 - [Решение Политбюро № 34/76 от 20 июня 1941 г. «О строительстве автомобильного завода... в районе Камышина \(пост. СНК и ЦК\)»](#)
 - [Важнейшие решения Политбюро за 18 июня – 3 июля 1941 г. \(выборка\) \(РГАСПИ. Д. 1041. Протокол № 34\)](#)
 - [Постановления Государственного Комитета Обороны \(выборка\) \(РГАСПИ. Фонд 644\)](#)
 - [Что бомбила немецкая авиация на рассвете 22 июня 1941](#)

года

- Результаты первых бомбежек 22 июня 1941 г
- 22 июня 41-го Молотов прочел не ту речь, которую написал
- Один архивный листок может сто книг перетянуть
- Неравный обмен. Обмен посольств в 41-м
 - Почему дата обмена посольств стала тайной?
 - Когда Яков Джугашвили оказался в плену (по неопубликованным архивным документам РГАСПИ)
 - Как договаривались об обмене посольств в Москве (по не публиковавшимся ранее в широкой печати документам АВП РФ)
 - Как вывозили советское посольство, торгпредство и другие представительства СССР из Германии и оккупированных ею стран
- Калейдоскоп предвоенного театра абсурда – 3
 - Свидетельства, собранные историком М. Д. Рабиновичем
 - Замечания к докладу Хрущева на XX съезде КПСС
 - Но наш бронепоезд...
 - Рассказ профессора истории В. И. Дашичева
 - «Известный “кусочек” Литвы» (загадка Сувалок)
 - «Без вести пропавший» генерал
- Вместо послесловия
- Приложения
 - Приложение 1. Англо-польский договор о взаимопомощи и секретный протокол, 25 августа 1939 г
 - Приложение 2. Он предупреждал Сталина о войне
 - Отрывок из книги В. А. Новобранца «Я предупреждал Сталина о войне. Записки военного разведчика» [59]
 - Приложение 3. Немецкие мемуары о московских поездках
 - Приложение 4. Из доклада В. М. Молотова о внешней политике правительства на внеочередной пятой сессии Верховного Совета СССР
 - Приложение 5. Совещание при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии 17 апреля 1940 г
 - Выступление Проскурова
 - Приложение 6. Прием Муссолини полпреда СССР 24 июля 1940 г

- [Приложение 7. Беседа Молотова с Гессом 13 ноября 1940 г](#)
- [Приложение 8. Согласие на вступление СССР в пакт трех и превращение его в пакт четырех](#)
 - [Беседа Наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом](#)
 - [Из записи беседы В. М. Молотова с Риббентропом в Берлине 13 ноября 1940 г](#)
 - [Беседа полпреда СССР в Германии В. Г. Деканозова с рейхсканцлером Германии А. Гитлером](#)
- [Приложение 9. Операцию «Морской лев» не отменяли](#)
 - [Неизвестные факты: в 1941 году Гитлер тайно планировал уехать в Великобританию](#)
- [Приложение 10. Варианты боевых действий Германской армии против СССР](#)
 - [Докладная записка начальника РУ ГШ КА генерал-лейтенанта Голикова](#)
- [Приложение 11. Создание радиоуправляемых самолетов](#)
 - [Начальный этап](#)
 - [2. Испытания телемеханического самолета с радиотелемеханической линией](#)
 - [3. Телеуправление и другие эксперименты](#)
 - [4. Филиал завода № 379 после начала войны](#)
- [Приложение 12. Записка Военного совета КОВО начальнику Генштаба Красной Армии генералу армии Г. К. Жукову](#)
- [Приложение 13. Информация Разведуправления Генштаба Красной Армии о Германской армии. 25/26 апреля 1941 г](#)
 - [Записка советского военного атташе в Германии начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии генерал-лейтенанту Голикову](#)
 - [Спецсообщение Разведуправления Генштаба Красной Армии о распределении Вооруженных сил Германии по театрам и фронтам военных действий по состоянию на 25.04.41 г](#)
- [Приложение 14. Приказ наркома обороны о пролете Ю-52](#)
 - [Приказ народного комиссара обороны СССР](#)
- [Приложение 15. Заявка НКО в НКАП на десантные планеры на 1941–1942 гг](#)
 - [Записка начальника Генштаба Красной Армии генерала армии Жукова наркому авиационной промышленности](#)

[СССР]

- [Приложение 16. Письмо Гитлера к Муссолини от 21 июня 1941 г](#)
- [Приложение 17. Начало войны в описании главного подрывника-диверсанта страны И. Старина](#)
 - [Отрывок из «Записок диверсанта» Илья Старина \[88. С. 163–167\]](#)
- [Приложение 18. Наземные РЛС 22 июня 1941 г. в Севастополе](#)
 - [16-я радиотехническая бригада \(Севастополь\)\[243\]](#)
- [Приложение 19. Обращение Митрополита Сергия \(Страгородского\) 22 июня 1941 г](#)
- [Приложение 20. «Маска сброшена» – публикация в газете «Таймс» 23 июня 1941 года](#)
- [Приложение 21. Первые оперативные сводки Генштаба в Великой Отечественной](#)
 - [Оперативная сводка Генерального штаба Красной Армии № 01](#)
 - [Оперативная сводка Генерального штаба Красной Армии № 02](#)
 - [Оперативная сводка Генерального штаба Красной Армии № 03](#)
 - [Оперативная сводка Генерального штаба Красной Армии № 04](#)
- [Приложение 22. Начало войны на Балтийском флоте \(21–22 июня 1941 г.\)](#)
 - [Из книги: Олег Стрижак. «Секреты балтийского подплава не утаить в глубинах флотских архивов»](#)
- [Приложение 23. Воспоминания П. М. Стефановского о С. П. Супруне \(июнь – июль 1941 г.\)](#)
 - [Из книги: Стефановский П. М. Триста неизвестных](#)
 - [Сайт «Герои страны»](#)
- [Резюме-указатель к трилогии «Великая тайна Великой Отечественной»](#)
- [Список использованных сокращений](#)
- [Библиография](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)

- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)

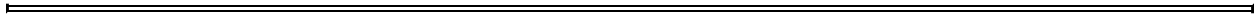
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)

- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)

- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)

- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)

- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)

Александр Николаевич Осокин
Великая тайна Великой Отечественной
Глаза открыты

Предисловие

Всякая истина рождается как ересь и умирает как предрассудок.

Томас Гексли

Да, эта теория безумна. Но весь вопрос вот в чем: достаточно ли она безумна, чтобы оказаться истинной?!

Нильс Бор

Это странно, но это истина, ибо истина должна быть странной. Более странной, чем фантазия.

Джордж Байрон

Прошло более 70 лет со дня начала Великой Отечественной войны, однако события 22 июня 1941 г. продолжают оставаться самой большой загадкой в истории нашей страны. Как случилось, что самая мощная армия мира – Красная Армия – была почти полностью разгромлена в первые же дни войны, если с 1919 по 1935 г. Германия фактически не имела армии?

Как получилось, что все связанное с первым днем той войны остается тайной для нашего народа? Почему Парад Победы не повторялся до 1965 г., а День Победы не был государственным праздничным днем с 1948 по 1964 г.?

На эти и множество других вопросов о причинах страшной катастрофы 22 июня 1941 г. у нас сегодня дается множество порой противоречащих друг другу ответов в книгах, фильмах, телепередачах и т. п. Какой же из них правдивый? Как объяснить произошедшую в этот день трагедию учащимся школ, техникумов, колледжей, вузов, а также военных училищ и академий?

Все версии о начале войны 22 июня 1941 г. в конечном счете сводятся к трем:

1. Официальная советская версия (фактически – версия Сталина), созданная в годы войны советской пропагандой, необходимая тогда, но

совершенно неправомерно поддерживаемая отечественной исторической наукой и по сей день: фашистская Германия напала: а) превосходящими силами, б) имея лучшую военную технику, в) вероломно. Однако опубликованные в последние годы данные показали, что «а» и «б» не соответствуют действительности, а «в» – просто глупость, ибо какая могла быть вера Гитлеру, постоянно нарушавшему все договоренности и захватившему к тому времени почти всю Европу.

2. Версия В. Резуна-Суворова, впервые озвученная Геббельсом и Риббентропом утром 22 июня 1941 г. и изложенная как «открытие» в книге В. Суворова (Резуна) «Ледокол» в 1992 г.: Сталин готовил нападение на Германию, а Гитлер, узнав об этом, опередил его и нанес превентивный удар. Расположение советских и немецких частей на границе СССР (наши в 30 – 300 км от границы, немецкие – до 1 км) и отсутствие в передовых советских частях боеприпасов и горючего (в то время как на фото немецких танков первого дня войны видно, что каждый из них увешан канистрами да еще имеет по две бочки бензина в прицепе) – это факты, которые решительно опровергают версию № 2.

3. Версия, предложенная мной и впервые полностью опубликованная в моей книге «Великая тайна Великой Отечественной. Новая гипотеза начала войны» (2007): советские войска стягивались к западным границам, потому что Сталин готовил их не к обороне и не к удару по Германии, а к транспортировке через Польшу и Германию к берегам Ла-Манша. Об этом он договорился с Гитлером, взамен пообещав обеспечить переброску немецких войск через СССР к Ираку. При этом в обоих случаях боеприпасы и горючее должны были перевозиться отдельно от живой силы и оружия. Эта переброска в обе стороны условно названа мной Великой транспортной операцией. (Вполне возможно, что решение о том, куда нанести удар – по Англии или по Германии, Сталин собирался принять в последний момент, оказавшись на берегу Ла-Манша.) Узнав об этом, Черчилль приказал заманить в Англию или даже выкрасть Гесса (что должно было вызвать недоверие Сталина к Гитлеру) и через него договорился с Гитлером о нанесении совместного удара по СССР на рассвете 22 июня 1941 г, но обманул его. В результате с этого дня Германии пришлось вести войну на два фронта. Вот почему документы о пребывании Гесса в Англии по сей день не рассекречены. Эта, совершенно невероятная на первый взгляд, версия при внимательном рассмотрении объясняет все странности и загадки первого дня войны. Не случайно, что заявка, а затем и

сценарий именно на основе этой гипотезы победили в 2006 г. на конкурсе Федерального агентства по культуре и кинематографии по теме «Начало Великой Отечественной войны в свете новых исторических исследований». Благодаря этому получил финансирование и был снят на студии «Встреча» документальный 52-минутный фильм «Тайна 22 июня» (режиссер С. Головецкий, сценарий А. Осокина и С. Головецкого, продюсер Н. Гугуева). Его премьера на большом экране состоялась в Доме кино 15 января 2008 г., а в телеэфире – 22 июня 2008 г., когда фильм и его 47-минутное обсуждение показали на телеканале «Звезда».

Этот «дуплет» – вышедшие практически одновременно книга и фильм – произвел сильное впечатление и кажущейся невероятностью изложенной гипотезы, и, по мнению многих, «ненаучно-историческим» методом автора, который считает рассказ участника событий, или чудом сохранившуюся его записную книжку 1941 г., или фотографии тех дней столь же серьезными документами, как и официальные архивные. Мне показалось, что нельзя просто сидеть в архивах, изучая события 1939–1941 гг., когда еще живы люди, в них участвовавшие. После выхода книги некоторые ветераны стали писать и звонить в издательство и выходить на контакт со мной. От них я услышал самое важное для себя: «Спасибо вам за то, что объяснили нам многие непонятные вещи, происходившие с нами в июне 1941 года». «Хорошо, что мы успели узнать, что тогда происходило на самом деле».

Ведь когда я решался на публикацию своей гипотезы, мое единственное сомнение заключалось именно в этом – не нарушит ли она душевный покой наших ветеранов. То, что я услышал от этих людей, необходимо было донести до всех, а новым для меня фактам дать объяснения. Поэтому я много встречался с участниками войны, в первую очередь с теми, кто воевал с ее первого дня, искал ответы на поставленные ими новые вопросы, подбирал и изучал фото– и кинокадры. В результате этих встреч и бесед написал еще одну книгу, расширяющую мою гипотезу и дающую более полную картину предвоенных событий и первого дня войны – «Великая тайна Великой Отечественной. Ключи к разгадке». Она была издана в том же издательстве «Время» и вышла в свет в январе 2010 г. Как только сообщение о выходе этой книги вместе с аннотацией издательство разместило на своем сайте, там сразу же появился следующий комментарий, написанный человеком, который явно прочитал первую книгу и лишь аннотацию ко второй:

«Эта версия останется всего лишь курьезом, хотя, может, и заслуживает внимания не только как набор остроумных интерпретаций. Поизрасходовали пыл и незыблемость неприкосновенных основ на Резуна,

так что реакция будет вялой и снисходительной» (Сергей Панин).

Эта короткая, ироничная и двусмысленная по форме, но очень глубокая по сути рецензия сразу двух версий начала Великой Отечественной войны является очень точной оценкой вреда, нанесенного правде о начале войны «Ледоколом» Резуна-Суворова. Раскрыв для читательской массы долго скрывавшуюся нашими пропагандистами и историками часть правды (во-первых, что официальная версия начала войны не соответствует действительности и, во-вторых, что велась тайная переброска советских войск к границе), Резун объяснил ее неправдой (якобы подготовкой Сталиным удара по Германии). Это означало, что он признавал справедливость гитлеровско-геббельсовского объяснения нападения Германии на СССР и выводил из-под удара Черчилля, который это нападение спровоцировал. Поэтому понять, в чем, по моему мнению, состояла правда (Сталин по договоренности с Гитлером готовил свои войска не к удару по Германии, а к Великой транспортной операции), читательской массе теперь действительно будет гораздо труднее, так как свои эмоции и восторги по поводу узнавания правды о начале войны она уже поторопилась излить на Резуна. Конечно же это сильно затян Timer процесс понимания и признания новой гипотезы, но ни в коем случае не остановит его.

К тому времени я обнаружил, что большинство изданных в советские годы мемуаров о начале войны (не говоря уж о книгах многих историков) были сильно скорректированы цензурой и самоцензурой, подгонявшей их под действовавшие тогда каноны. Особенно заметно это было по описаниям встреч военачальников и руководящих работников со Сталиным. Вышедшая в 2008 г. книга «На приеме у Сталина» (тираж 350 экз.!), содержащая ежедневные записи секретарями времени посещения его кабинета с точностью до минуты, опровергала сведения очень многих авторов.

Я понял, что для документального подтверждения фактов, дат, установления истоков тех или иных решений, принимаемых высшим руководством страны, а если точнее – лично Сталиным, необходимо обратиться к архивам. Начал я свой поиск в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), где хранится Архив Политбюро и часть Сталинского фонда (самые важные и знаковые документы которого остались в Архиве Президента Российской Федерации – АП РФ), а также в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).

В этих архивах мне удалось найти ряд уникальных документов и

фотографий, отражающих особые предвоенные отношения СССР с Германией. Результаты моих поисков были опубликованы в газете «МК» 22–23 июня, 11–13 августа и 28–29 октября 2010 г., а также 21 июня и 19–20 июля 2011 г. (в общей сложности около десяти газетных полос). Поскольку все представленные там материалы вы найдете в этой книге, отмечу лишь два факта. Из обнаруженных мной и впервые опубликованных в «МК» документов следует, что почему-то делегация Риббентропа, находившаяся в Москве в августе – сентябре 1939 г., почти на треть состояла из личного окружения Гитлера, а при приезде Молотова в Берлин там оказалось столько советских руководителей и военачальников, что вполне можно было назвать публикацию об этом событии «Выездное заседание Совнаркома в Берлине».

На радиостанции «Говорит Москва. 92 ФМ» прозвучал цикл авторских передач о начале войны в свете этой гипотезы. Несмотря на то что этот цикл занял в 2010 г. второе место в конкурсе Центрального федерального округа «Победа...» в номинации «Неизвестная война», со стороны историков – гробовая тишина. А что им сказать? Как объяснить, что «непрофессионал» находит в самых серьезных архивах и вводит в научный (и всенародный) оборот важнейшие документы, не обнаруженные историками-профессионалами более чем за 70 лет?

Все найденные мной в архивах интересные и важные документы, проливающие свет на предвоенные отношения СССР и Германии и объясняющие невероятные события предвоенного периода, 22 июня 1941 г. и первых недель войны, вошли в книгу, которую вы держите в руках. Она завершает мою трилогию о первом дне войны – «Великая тайна Великой Отечественной».

Сегодня в борьбе мнений о начале Великой Отечественной сложилась такая ситуация, когда официальная советская версия практически если не опровергнута полностью, то девальвирована опубликованными с начала перестройки мемуарами советских генералов и маршалов, а также рядовых участников войны, зарубежными изданиями и вновь открытыми документами российских и зарубежных архивов. Установлено, что предвоенное военно-техническое сотрудничество СССР и Германии было весьма плодотворным для обеих сторон. Оказывается, немцы не только передали СССР практически все запрошенные самолеты, но и перегнали их большую часть в СССР силами немецких летчиков. Непрерывно совершались поездки военно-технических делегаций и комиссий в обе стороны (до мая 1941 г.). Были осуществлены колоссальные поставки в СССР немецких изделий, документации, технологий и оборудования для

авиации, артиллерии и боевых кораблей (в том числе был продан СССР новейший тяжелый крейсер «Лютцев», правда недостроенный), а также огромное количество самого разного военного снаряжения, боеприпасов и приборов. Такие поставки могли осуществляться только предполагаемым союзникам, но никогда – вероятным противникам. В обмен на них СССР отправлял в Германию крайне необходимые ей горючее, сырье и продовольствие.

Главное же – четко зафиксирована тайная переброска к западным границам СССР в апреле – июне 1941 г. колоссального количества советских воинских частей и соединений вплоть до армий. До последнего времени именно это крупнейшее предвоенное мероприятие Красной Армии считается основным подтверждением правильности суворовской версии начала войны – подготовки советских войск в 1941 г. не к обороне, а к удару по Германии, тем более что впервые эти мероприятия были зафиксированы именно им.

Но я считаю, что только новая гипотеза о Великой транспортной операции объясняет истинную причину этой переброски и убедительно показывает, что она была согласована с Гитлером, а значит, не могла быть причиной нападения Германии на СССР, как не может служить его оправданием и сегодня. Скорее всего, оно было спровоцировано английской разведкой и авиацией по указанию Черчилля.

Открытие правды о причине катастрофы Красной Армии 22 июня 1941 г. нисколько не умаляет величия нашей Победы в войне с германским фашизмом, а напротив, лишь возвеличивает подвиг нашего народа, сумевшего разгромить сильнейшего врага после столь тяжкого поражения в первые дни войны. И главное, становится понятным, что причина катастрофы первых дней войны – не слабость нашей разведки, промышленности и армии, а личный проигрыш Сталина в предвоенной игре тайной дипломатии. Это было то же, что выдающийся публицист и социолог XIX в. Николай Данилевский, говоря о начальной фазе Отечественной войны 1812 г., назвал «великой политической ошибкой, обращенной духом русского народа в великое народное торжество».

Необходимо сказать правду о начале Великой Отечественной войны хотя бы через 70 лет со дня ее начала. Историю Великой Отечественной писали не историки, а пропагандисты, но так и следовало делать в годы войны. Сейчас же необходимо представить истинную картину происходившего в те дни, а главное – назвать причины трагедии. Пора снять вину за нее с наших военачальников, командиров и рядовых красноармейцев. Много лет партийные идеологи в нашей стране делали

все, чтобы возложить ее на невиновных. Пора восстановить справедливость.

И еще один довод, почему это сделать необходимо. Мне рассказали, как совсем недавно на одном из часто посещаемых россиянами турецких курортов 9 мая произошел такой случай.

Большая компания наших соотечественников за сдвинутыми столиками отмечала День Победы, в это время мимо них проходила группа немцев. Один немец что-то сказал своему спутнику. Молодой русский мужчина крепкого сложения заметил это и громко спросил: «Что, не нравится наш День Победы? А вы его не забывайте!» Немцы благоразумно удалились... Но уже в дверях здоровенный немец задержался и вернулся к праздничному столу. Наклонившись к нашему здоровяку, он негромко сказал: «Ми помним девятый май, а ви не забывайте, что был и двадцат два юни». Затем повернулся и спокойно ушел. «Ты понимаешь, мне даже сказать было нечего!» – переживал рассказчик.

И вдруг я понял, что, несмотря на проигранную войну, немцы гордятся ее первым днем, когда они были победителями, так же как французы гордятся победами Наполеона в России. Недаром на Триумфальной Арке в Париже выбит целый список русских городов, захваченных его армией в 1812 г. А ведь эти немцы не знают, что их предки 22 июня 1941 г. «побеждали» фактически безоружных людей. Вот для чего еще нужно рассказать истинную правду о 22 июня!

Скрытая правда – это всегда мина замедленного действия, рано или поздно она обязательно взорвется. Не будем забывать и о том, что после разгрома Германии часть документов, проливающих свет на предвоенное германско-советское сотрудничество и нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г., оказалась в руках наших союзников по антигитлеровской коалиции – США и Англии. А это значит, что захваченные ими архивы представляли для руководства СССР и лично Сталина не меньшую опасность, чем атомная бомба, ибо тоже наверняка использовались для шантажа. Вот тогда и пошла речь о постоянной «советской угрозе» и началась бешеная гонка вооружений, ибо личную предвоенную ошибку Сталина западные политики возложили на весь советский народ. Из-за скрытой правды о начале Великой Отечественной под угрозой ядерной войны в течение десятков лет жили уже дети тех, кто перенес все тяготы фашистского нашествия. Давайте же наконец откроем эту правду! Цель книги, завершающей трилогию о первом дне войны «Великая тайна Великой Отечественной», – только в этом.

Выражаю искреннюю благодарность и признательность всем, кто помог мне в подготовке этой книги к изданию:

советами и замечаниями – Станиславу Ивановичу Аверину, Николаю Михайловичу Анитову, Валентину Анатольевичу Белоконю, Агдасу Хусаиновичу Бурганову, Александру Ивановичу Владимирову, Григорию Григорьевичу Водолазову, **Теодору Кирилловичу Гладкову**, Александру Валентиновичу Глушко, Сергею Анатольевичу Головецкому, Николаю Николаевичу Ефимову, Анатолию Ивановичу Канащенкову, Александру Федоровичу Корнякову, Олегу Васильевичу Кустову, Леонтию Михайловичу Матиясевичу, Юрию Андреевичу Остапенко, Александру Борисовичу Симкину, Виктору Григорьевичу Трифонову, Льву Дмитриевичу Цесаркину, Виктору Васильевичу Черкашину;

в подборе материалов – Анатолию Николаевичу Антипову, Виктору Михайловичу Бабурину, Анатолию Борисовичу Бакушеву, Ларисе Яковлевне Бессоновой-Таубиной, Марии Ивановне Громыко, Ефиму Владимировичу Дубровскому, Вениамину Михайловичу Ивлиеву, Ольге Николаевне Ивлиевой, Николаю Борисовичу Квасову, Марку Владимировичу Коновалову, Сергею Александровичу Корнякову, Валерию Васильевичу Лаврику, Анатолию Ивановичу Леонову, Александру Аркадьевичу Льву, Рою Александровичу Медведеву, Леониду Ивановичу Матвееву, Александру Васильевичу Новобранцу, Виктору Александровичу Островскому, Александру Семеновичу Себко, Геннадию Семеновичу Тысяцкому, Осипу Яковлевичу Хотинскому, Александру Борисовичу Шпитальному, Александру Федоровичу Щеглову, Николаю Васильевичу Якубовичу;

в редактировании – Наталье Анатольевне Рагозиной, Татьяне Николаевне Саранцевой;

в оформлении текста и фотоматериалов – Валентину Павловичу Вахламову, Татьяне Романовне Савицкой, Анне Вячеславовне Саранцевой.

Отдельная глубокая благодарность бывшему директору Историко-документального департамента МИД РФ Константину Константиновичу Провалову, его заместителю Игорю Владимировичу Фетисову, коллективу АВП РФ и лично – Надежде Павловне Мозжухиной, Сергею Витальевичу Павлову и Наталье Владимировне Сергеевой,

Особая искренняя благодарность коллективу РГАСПИ и лично – заместителю директора Валерию Николаевичу Шепелеву, сотрудникам Ирине Николаевне Селезневой и Михаилу Владимировичу Страхову.

Версальская мина

Кто заказал Вторую мировую войну?

Итоги Первой мировой войны и революции в России (Версальская конференция)

До сих пор не дано четкого объяснения причины, по которой интервенция иностранных государств в Советскую Россию в годы Гражданской войны была спонтанной, разрозненной и кратковременной. Почему Антанта, закончив войну с Германией, не перенесла ее на территорию России, не создала сплошной фронт и не направила все свои силы против Красной Армии? Ведь именно тогда морской министр Великобритании У. Черчилль призвал к крестовому походу против большевиков. Но поход не состоялся. Советская пропаганда объясняла это, во-первых, тем, что империалисты Европы боялись контакта своих армий с революционной Россией, чтобы не занести коммунистическую заразу на территорию собственных стран (как это случилось с кайзеровской Германией), а во-вторых, непобедимостью Красной Армии «от тайги до британских морей».

Западные политики в своих объяснениях напирали на то, что их народы, а в первую очередь армии, устали от четырехлетней мировой войны, ресурсы истощены и экономика подорвана. Не последнюю роль в прекращении вооруженной борьбы с Советской Россией сыграли и небывалые людские потери в Первой мировой войне. Франция потеряла убитыми 1 млн 518 тыс. чел., Великобритания – 911 тыс. чел. (Россия потеряла более 2 млн человек, что, однако, не удержало ее от двух революций и кровопролитной Гражданской войны.)

Скорее всего, вопрос о том, что делать с Советской Россией, страны-победительницы тайно решали на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., одновременно с решением судьбы стран Тройственного союза (Германии, Австро-Венгрии и Турции). После длительных секретных совещаний на этой конференции был выработан и подписан Версальский мирный договор 1919 г. Он вступил в силу 10 января 1920 г., после того как его ратифицировали Германия и четыре страны-победительницы – Великобритания, Франция, Италия и Япония.

Конечно же статьи этого документа в первую очередь касались будущего Германии. Они предусматривали изъятие у Германии огромных территорий. Она возвращала Франции Эльзас-Лотарингию; Бельгии – округа Мальмеди и Эйпен, а также так называемую нейтральную и прусскую части Морене; Польше – Познань, части Поморья и другие

территории Западной Пруссии; г. Данциг (Гданьск) и его округ были объявлены «вольным городом»; г. Мемель (Клайпеда) передан в ведение держав-победительниц (в феврале 1923 г. он был присоединен к Литве). К Чехословакии отходил небольшой участок силезской территории. Саар переходил на 15 лет под управление Лиги Наций, а по истечении 15 лет его судьба должна была решиться путем плебисцита, одновременно тем же путем должен был решиться вопрос о ряде граничащих с Польшей германских земель. Угольные шахты Саара были переданы в собственность Франции. Всего по Версальскому договору Германия потеряла 67,3 тыс. кв. км, а также лишилась всех своих колоний, которые позднее были поделены между главными державами-победительницами на основе системы мандатов Лиги Наций.

Согласно Версальскому договору вооруженные силы Германии должны были быть ограничены сотысячной сухопутной армией, создаваемой на добровольной основе. Обязательная военная служба в этой стране отменялась. Основная часть сохранившегося военно-морского флота подлежала передаче победителям. Были также наложены жесткие ограничения на строительство новых боевых кораблей, в частности Германии запрещалось строить подводные лодки. Запрещалось также иметь многие современные виды вооружения – боевую авиацию, бронетехнику (за исключением небольшого количества устаревших машин для нужд полиции). Условия Версальского мирного договора были не просто оскорбительными и жестокими по отношению к великой державе Германии. Фактически они оказались провокационными, поскольку неизбежно вели к катастрофическому падению жизненного уровня населения, а следовательно, к крайней социальной нестабильности внутри страны. Сложившаяся ситуация порождала в Германии стремление к реваншу, усиление ультраправых сил и способствовала приходу к власти крайне реакционной фашистской партии. Поэтому можно сказать, что Версальский мирный договор был миной замедленного действия, которая должна была взорвать Германию и бросить ее на войну с Советской Россией. На эту мысль наводит и тот факт, что выполнение целого ряда жестких ограничений, наложенных на Германию, европейские державы должным образом не контролировали, а прямое нарушение их намеренно спускали ей с рук (в том числе аншлюс Австрии, отторжение Судетской области от Чехословакии и последующую оккупацию Чехии и Моравии).

Об отношении к Советской России и ее дальнейшей судьбе в Версальском договоре прямо ничего не говорилось. В разделе XIV «Россия и русские государства» оговаривались лишь два момента, связанные с

обязательствами Германии в отношении России: а) «Германия... обязуется уважать как постоянную и неотчуждаемую независимость всех территорий, входивших в состав бывшей Российской империи к 1 августа 1914 года», а также «окончательно признает отмену Брест-Литовских договоров, а также всяких иных договоров, всех других Договоров, соглашений и конвенций, заключенных ею с максималистским правительством в России» (статья 116). б) «Германия обязуется принять полную силу всех Договоров или Соглашений, которые Союзные и Объединившиеся державы заключили бы с государствами, которые образовались или образуются на всей или на части территорий бывшей Российской империи» (статья 117) (Итоги империалистической войны: Серия мирных договоров. Ч. 1. Версальский мирный договор / Полн. перевод с франц. Ю. В. Ключников, А. Сабанин. М.: Литиздат НКВД, 1925). Эти уделенные России две статьи Версальского мирного договора (полстранички из 172 страниц русского перевода его полного текста) фактически ставили под сомнение легитимность большевистского режима в России и предполагали ее развал на ряд мелких государств.

Генуя – Рапалло – путь к милитаризации Германии и СССР (Генуэзская конференция и Рапалльский договор)

Однако выпадение таких гигантов, как Россия и Германия, из мирового экономического сообщества не могло не привести к его тяжелейшему мировому кризису, с целью предотвращения которого весной 1922 г. (10 апреля – 19 мая) в Генуе и была созвана международная конференция по экономическим и финансовым вопросам. Официальной целью конференции было изыскание мер «к экономическому восстановлению Центральной и Восточной Европы». Фактически же главным был вопрос политический – об отношениях между Советским государством и капиталистическим миром. Последний был заинтересован в том, чтобы вернуть на мировой рынок Советскую Россию, а также Германию и ее бывших союзников, потерпевших поражение в Первой мировой войне.

Эта была первая встреча дипломатов стран Запада с руководством Советской России. Делегации возглавляли лидеры стран или их представители. Председателем советской делегации был назначен В. И. Ленин, но он не приехал, и руководство на месте осуществлял его заместитель по делегации нарком иностранных дел Г. В. Чичерин. Западные страны попытались заставить РСФСР признать долги царского и Временного правительств, вернуть промышленникам-иностранцам предприятия, национализированные Советской властью, или компенсировать их стоимость, а также ликвидировать в Советской России монополию государства на внешнюю торговлю. Чичерин отверг все эти требования и выдвинул контрпретензии: возместить Советскому государству убытки, причиненные военной интервенцией и блокадой (причем если довоенные и военные долги России составили в сумме 18,5 млрд золотых руб., то предъявленные убытки Советского государства в результате интервенции и блокады – 39 млрд золотых рублей). Делегация РСФСР представляла на этой конференции все советские республики, существовавшие в то время на территории бывшей Российской Империи: Азербайджанскую, Армянскую, Белорусскую, Бухарскую, Грузинскую, Украинскую, Хорезмскую, а также Дальневосточную. Советская делегация заявила, что РСФСР признает довоенные долги и право бывших собственников получать в концессию или аренду ранее принадлежавшее им

имущество при условии признания всеми де-юре Советского государства, оказания ему финансовой помощи и аннулирования военных долгов и процентов по ним. Ею также был поставлен вопрос о всеобщем сокращении вооружений. Однако вопросы сокращения вооружений и урегулирования взаимных финансово-экономических претензий не были разрешены.

Зато 16 апреля в ходе Генуэзской конференции советской дипломатии удалось предотвратить создание единого фронта государств, добивающихся дипломатической изоляции Советской России, и заключить с Германией Рапалльский договор. Этот договор, заключенный ночью в гостиничном номере германского канцлера Ратенау, вызвал негодование стран Большой и Малой Антанты, так как прорвал кольцо блокады вокруг Советской России. Благодаря ему, а также подписанным 11 августа 1922 г. секретным соглашениям Германия получила возможность в течение 11 лет создавать на территории СССР полигоны, на которых испытывалась новейшая немецкая военная техника, разрабатывалась и отрабатывалась тактика ее боевого применения, а также обучался личный состав обеих стран. Россия же получала за это оплату в валюте, а также «право участия в военно-промышленных испытаниях и разработках». Значительная часть образцов немецкой военной техники запускалась в серийное производство на советских заводах, а часть разработок осуществлялась в советских КБ с участием немецких специалистов. В результате такого тайного взаимовыгодного сотрудничества Советская Россия и Веймарская республика сумели не выпасть из руслу научно-технического прогресса и не отстали в военно-техническом отношении от великих держав-победительниц в Первой мировой войне.

Кто выдвинул Гитлера в фюреры

Арестованный, а затем осужденный за участие в «пивном путче» 8–9 ноября 1923 г., ветеран Мировой войны (слово «первая» к этому названию тогда еще не прилагалось), бывший ефрейтор 16-го баварского полка Адольф Гитлер, в то время председатель небольшой баварской Национал-социалистической рабочей партии, 13 месяцев провел в камере ландсбергской тюрьмы, где начал писать свои мемуары.

Ему помогали его сокамерники – члены его партии, участвовавшие в «пивном путче» в Мюнхене: Р. Гесс (его личный секретарь), Э. Маурис (личный шофер) и В. Хевель (знаменосец во время путча); двое первых поочередно печатали текст на пишущей машинке, а последний держал корректуру. Книга называлась «4 1/2 года борьбы против лжи, глупости и коварства», первая ее часть вышла в свет летом 1925 г. под названием «Моя борьба» («Майн кампф»). В ней кроме фактов автобиографии Гитлер дал свое объяснение причин и результатов Мировой войны, изложил свою политическую программу и идеи национал-социализма, основанные на расизме и милитаризме. Он обвинил марксистов и евреев в ликвидации в Германии монархии и в появлении демократической республики. Однако заявил, что собирается захватить власть в стране демократическим путем – в результате победы Национал-социалистической рабочей партии Германии (NSDAP) под его руководством на выборах в рейхстаг. А предвыборная кампания требовала огромных средств, которых у мелкой региональной рабочей партии не было. Поэтому, скорее всего, главной задачей этой книги было не что иное, как привлечение спонсоров. Для этого надо было объявить, чего ждать от прихода к власти NSDAP под руководством Адольфа Гитлера. И он объявил: «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе. Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены» .

Таким образом, в отличие от остальных претендентов на власть, обещающих возрождение Германии путем реванша (что означает возврат аннексированных по Версальскому договору территорий и прекращение выплаты репараций), Гитлер заявляет, что главной целью его политики станет завоевание новых земель на Востоке, то есть война с Советской Россией. А по поводу реванша он пишет: «Надо временно отодвинуть вопрос о возвращении отторгнутых областей и все внимание сконцентрировать на том, чтобы укрепить оставшиеся территории...» И тут же закладывает еще один краеугольный камень своей антисоветской и антирусской политики, утверждая, что все выдающиеся достижения России были достигнуты только благодаря немцам: «Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам – превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы».

Совершенно очевидно, что для завоевания новых земель требуется милитаризации экономики и создание мощного современного вооружения. А союзники Германии в этой книге указаны прямо: «Для Германии возможны только два союзника в Европе: Англия и Италия». Немыслимо, чтобы Сталин посчитал это приглашением к альянсу с нацистами (что приписывают ему некоторые «исследователи») и начал «приводить к власти Гитлера». Главный из тех, кто это утверждает – Резун-Суворов. Но это опровергается тем, что после прихода Гитлера к власти одиннадцатилетнее послерапальское советско-германское сотрудничество было существенно сокращено^[1] и возобновлено на гораздо более высоком уровне только после заключения договора о ненападении между СССР и Германией 23 августа 1939 г. На все эти послы Гитлера среагировали именно те, кому они и были адресованы, а именно промышленно-финансовые силы мира, заложившие в 1919 г. «версальскую мину». Вот он, тот человек, который должен возглавить Германию и повести ее в ими же указанную сторону – на Восток (пресловутый «Дранг нах Остен»). Такого лидера и его партию надо серьезно поддержать, и в первую очередь – деньгами.

Конечно же нашлись покровители и среди немецких промышленников и банкиров: Тиссен, Кирдоф, который распоряжался секретным фондом тяжелой индустрии, и, наконец, финансовый гений – Ялмар Шахт. Однако следует помнить, что национал-социалисты предпочитали революционные методы борьбы, то и дело переступая границы законности, а для германской промышленности самым важным в тот момент была стабильность. Поэтому, хотя хорошо известно, что отдельные германские

финансисты и промышленники помогали нацистскому движению и лично фюреру, значительных вливаний в бюджет партии от них не могло быть. Но зато на Гитлера обратили серьезное внимание те, кто заложили «версальскую мину». В этот период возле фюрера начинают появляться странные личности: либо иностранцы, либо лица с двойным гражданством, связанные с крупными англосаксонскими монополиями.

Первым из них можно назвать главного «пиарщика» Гитлера в период между «пивным путчем» и приходом к власти нацистов – Эрнста Ханфштенгля. Он родился в 1887 г. в Мюнхене в семье известных издателей. Его отец был немец, а мать американка. Детство и юность он провел в Германии, а затем переехал в Америку. В 1909 г. окончил Гарвардский университет и был принят в самых высших кругах США – среди его друзей и знакомых были экс-президент Т. Рузвельт и будущий президент Ф. Д. Рузвельт, поэт Т. Элиот, журналисты У. Липпман и Д. Рид, банкир Д. П. Морган, промышленник Г. Форд, дочь президента В. Вильсона и неисчислимое множество других «сильных мира того». В 1921 г. (спустя год после подписания Версальского договора!) Ханфштенгль вернулся в Германию. В 1922-м по рекомендации помощника военного атташе США в Берлине капитана Трумэна-Смита он впервые увидел Гитлера, а затем и познакомился с ним. Став вскоре близким другом и советником фюрера, знакомил его с нужными людьми, а также оказывал личную финансовую помощь (первую тысячу долларов Гитлер получил от него на покупку двух ротационных машин, что позволило превратить жалкий нацистский листок «Фелькише Беобахтер» в ежедневную газету). Ханфштенгль содействовал изданию первого тома «Майн кампф». В последующем он несколько раз спасал Гитлера от ареста и однажды даже от самоубийства. Войдя в ближайшее окружение фюрера, он получил прозвище Путци (весельчак, шутник) и считался придворным шутком, имеющим право говорить Гитлеру все, что угодно. После прихода Гитлера к власти Ханфштенгль получил официальный пост руководителя Службы иностранной прессы.

Далее у него начались трения с министром образования и пропаганды Геббельсом, и в 1937 г. он тайно выехал в Швейцарию, а затем в Англию. После начала Второй мировой войны Ханфштенгль был интернирован в Канаде, откуда по личному указанию президента США Рузвельта его доставили в США, и до 1944 г. он работал консультантом Вашингтона по вопросам личных взаимоотношений и внутренних событий в нацистской верхушке, а также по вопросам психологического противостояния и геополитики. На снимке Гитлера с группой приближенных на фоне

самолета во время избирательной кампании 1932 г. Э. Ханфштенгль, высокий, элегантный мужчина, стоит крайним слева рядом с Гитлером. Но кто же стоит там крайним справа?

Э. Ханфштенгль – личный пресс-секретарь Гитлера, А. Гитлер, личный адъютант Ю. Шауб, личный фотограф г. Гофман, личный пилот г. Баур, неизвестный. Предвыборная кампания 1932 г.

Как ни удивительно, на этом месте мог стоять Рандолф Черчилль, родной сын Уинстона Черчилля! Намек на это дал сам Ханфштенгль, который в своей книге «Мой друг Адольф, мой враг Гитлер» написал: «Превращение Гитлера в фигуру национального и международного масштаба породило одно из тех противостояний, которые так любимы историками, – конфронтацию (??? – А. О.) с сэром Уинстоном Черчиллем... Сэр Уинстон упоминает этот случай в своих мемуарах... Я весьма часто видел его сына Рандолфа в ходе наших предвыборных поездок. Я даже пару раз устраивал так, чтобы он путешествовал вместе с нами на самолете. Он сказал, что его отец собирается посетить Германию и нам следует организовать встречу. В апреле (1932 г. – А. О.) во время или сразу после президентской кампании я приземлился с Гитлером в мюнхенском аэропорту, и там меня ожидала телефонограмма от Рандолфа. Его семья с сопровождающими лицами остановилась в мюнхенском отеле

“Континенталь” (а не в “Регина Палас”, сэра Уинстона подвела память^[2]), и Рандолф приглашал меня к ним на ужин и надеялся, что я смогу привести с собой Гитлера, чтобы он встретился с его отцом. Я сказал ему, что сделаю, что смогу, но мы устали, нам нужно привести себя в порядок...» [94. С. 225]. Далее на трех страницах Ханфштенгль подробно описывает, как он уговаривал Гитлера встретиться с Черчиллем, но «Гитлер так и не появился. Он просто струсил...» [Там же. С. 226–228]. И дает этому объяснение: «Когда он сталкивался с человеком, равным ему по политическим способностям, в нем снова просыпался неуверенный буржуа». На этих же трех страницах Ханфштенгль описывает ужин с семьей У. Черчилля в отеле «Континенталь» и их беседу, во время которой Черчилль затронул ряд весьма серьезных вопросов, например, попросил: «Передайте моему боссу от меня, что антисемитизм может дать хороший толчок, но в качестве лозунга он не подойдет». Или: «Скажите мне, что ваш лидер думает о союзе между вашей страной, Францией и Англией?» Итак, в разгар избирательной кампании частное лицо из Англии (а на самом деле один из лидеров партии консерваторов!) У. Черчилль приезжает в Германию, причем не в Берлин, а именно в Мюнхен, где находится главный штаб национал-социалистической партии, причем в тот самый день, когда туда прилетел непрерывно разъезжавший в то время по Германии ее кандидат в канцлеры – Адольф Гитлер. Похоже, что встреча была согласована обеими сторонами, в том числе и через сына У. Черчилля Рандолфа, который по непонятной причине участвовал в германской избирательной кампании и даже летал с Гитлером в одном самолете. Тогда возникает несколько вопросов. Не затем ли приехал в Германию У. Черчилль, чтобы лично посмотреть на кандидата в канцлеры Германии Гитлера и даже побеседовать с ним? Не для того ли он передавал Гитлеру советы через Ханфштенгля, чтобы тот победил на выборах? Может быть, встреча и беседа Черчилля с Гитлером все же состоялась? Какое-то время я был уверен, что высокий человек справа на вышеупомянутом групповом снимке все-таки и есть Рандолф Черчилль. То есть Черчилль сначала послал своего сына для участия в избирательной кампании Гитлера, а затем сам приехал посмотреть на кандидата и побеседовать с ним. Ниже я привожу несколько фото Р. Черчилля в разные периоды его жизни, а также фото адъютанта Гитлера В. Брукнера, так как пилот Гитлера Ганс Баур в своей книге утверждает, что это он крайний справа на указанном групповом снимке.

У. Черчилль с сыном Рандолфом

В. Брукнер

Неизвестный

Внимательно рассмотрев эти фото, я убедился, что крайний справа на фото группы, участвовавшей в предвыборных полетах Гитлера, все же Брукнер, а не Рандолф Черчилль, хотя на этом месте вполне мог стоять и он.

Небезынтересно, что следующий контакт с фюрером влиятельные круги Великобритании осуществляли с помощью двух очаровательных молодых аристократок – сестер Дианы и Юнити Мидфорд (кстати, У. Черчилль, приходившийся им двоюродным дядей, общался с ними и даже дал Диане прозвище Динамит). На одном из приемов в Лондоне в 1933 г. Диана (тогда подруга, а затем жена лидера английских фашистов Освальда Мосли) познакомилась все с тем же Эрнстом Ханфштенглем. Он пригласил присутствовавших в Германию, чтобы своими глазами увидеть «новый порядок», к созданию которого он как политтехнолог имел прямое отношение. Диана вместе с сестрой Юнити отправились в столицу нацистской партии Мюнхен, разыскали там Ханфштенгля и получили от

него приглашения на очередной партийный съезд в Нюрнберг вместе с необходимыми билетами и заказанным номером в гостинице. Юнити была потрясена увиденным на съезде, ко всему прочему она еще и влюбилась в фюрера, поэтому немедленно переселилась в Германию, горя желанием с ним познакомиться. Ханфштенгль якобы эту идею не поддержал и не стал ей в этом помогать, но она сама начала буквально «охотиться за фюрером». 9 февраля 1935 г. она добилась своего и познакомилась с Гитлером, а 11 марта представила ему сестру Диану. В результате Юнити и Диана оказались в самом близком окружении фюрера. «Сестры были вхожи в мюнхенскую квартиру Гитлера на Принцрегентенплац, составляли его эскорт при посещении ресторанов, по его личному приглашению ездили на партийные съезды и вагнеровский музыкальный фестиваль в Байройте. Он часто приглашал Юнити в свой загородный дом Оберзальцберг в баварских Альпах, однако она никогда не оставалась там на ночь. Диане была несвойственна экзальтация вообще и в отношении Гитлера в частности. Она импонировала ему другим: своим острым умом, осведомленностью в политике, трезвыми суждениями. В отличие от Юнити, Диана не афишировала свои связи с нацистами и потому сохранила свое положение в лондонском обществе, что было для Гитлера очень важно: он верил, что английские аристократы-германофилы не допустят войны между Англией и Германией. Диана, возможно, была единственным на свете человеком, одинаково близко знавшим и Гитлера, и Черчилля. Она часто проводила наедине с фюрером долгие вечера в его квартире в здании Имперской канцелярии – после напряженного дня он не мог уснуть и вел с ней долгие беседы у камина об Англии и Черчилле. В свою очередь, Черчилль интересовался ее мнением о Гитлере, но когда она предложила устроить им встречу, отказался» [2].

Юнити и Диана Мидфорд среди эсэсовцев. 1935 г.

Отношения Гитлера с внучатыми племянницами Черчилля были столь близкими, что регистрация брака Дианы и О. Мосли произошла в Берлине в доме Геббельса, а единственными гостями на свадьбе были Гитлер и Геббельс. 2 августа 1939 г. сестры обедали с Гитлером, и он сказал им, что война неизбежна (совершенно очевидно, имея в виду нападение на Польшу. – А. О.). Диана вернулась в Англию, а Юнити, вопреки призывам британского консульства, не сделала этого и 3 сентября, узнав об объявлении войны, выстрелила себе в висок из пистолета. Ее спасли, лечили в лучшей клинике, Гитлер много раз навещал Юнити и подолгу сидел возле нее. Затем через Швейцарию ее отправили в Англию, где она долго болела и умерла в 1948 г.

Говоря о видных англичанах, встречавшихся с Гитлером, нельзя не сказать и о его общении с четой герцогов Виндзорских, посетивших Германию вскоре после того, как король Великобритании Эдуард VIII отрекся от престола и женился на американке Уоллис Симпсон, при этом они получили титулы герцога и герцогини. Во время своего кратковременного правления (январь – декабрь 1936 г.) Эдуард VIII симпатизировал Гитлеру, выступал против вмешательства во внутренние дела Германии и поддерживал Муссолини в агрессии против Эфиопии. Что же касается Уоллис, то в правительственных британских кругах было подозрение, что она агент Германии. Ходили разговоры о том, что Гитлер даже обсуждал возможность возвращения Эдуарда на английский престол в случае победы в войне и якобы имел с ним переписку в годы войны.

Герцог и герцогиня Виндзорские на приеме у Гитлера в Бергхофе

Возможно, поводом для этого послужила известная в те годы неприязнь Эдуарда к Черчиллю. В любом случае приведенные выше факты близкого общения Гитлера с представителями англосаксонского истеблишмента показывают, что мое предположение об англосаксонской «версальской мине», заложенной с целью привести Германию к войне против СССР и в итоге приведшей ко Второй мировой войне, не лишено оснований. Эта цепочка «неофициальных» общений с Гитлером, преимущественно английских, ясно показывает: Гитлер постоянно находился в контакте с высшими кругами Англии, разъяснял свои действия, получал советы, можно предположить, что порой и запреты (естественно, неофициальные, и в первую очередь – экономические, например, на что можно тратить получаемые им колоссальные кредиты и на что ни в коем случае нельзя). Но поскольку Англия и другие страны Европы и Америки являлись демократическими по форме, то, для того чтобы получать поддержку своих парламентов, им необходимо было доказать, что Германия стала вполне приличной европейской страной, ну, разве что с некоторыми особенностями, называемыми «новым порядком».

Для этого очень пригодились две Олимпиады, пришедшиеся на 1936 г.

Олимпиады 1936 г. легитимизируют власть нацистов

Еще в 1931 г. Международный олимпийский комитет избрал Берлин местом проведения XI летних Олимпийских игр 1936 г. Этим жестом мировое сообщество как бы вновь принимало Веймарскую республику в свои ряды после изоляции, последовавшей за поражением Германии в Первой мировой войне и жесткими решениями Версальской конференции. Ведь Германия уже выигрывала право на проведение Олимпиады в 1916 г., но тогда помешала Первая мировая война, и игры были отменены. Предоставление Германии права провести у себя Олимпийские игры 1936 г. рассматривалось как компенсация. Однако в 1933 г. к власти в Германии пришли нацисты во главе с Гитлером. Молодая и потому слабая демократия Германии была уничтожена и заменена жесткой диктатурой, были введены расовые законы, к политическим преследованиям добавились расовые, основанные на «арийском» превосходстве. Все это в корне противоречило олимпийским принципам. Однако те, кто заложил «версальскую мину», уже осуществляли финансирование германской промышленности, поэтому им надо было показать всему миру, что благодаря Гитлеру и NSDAP Германия не просто вышла из кризиса, но достигла значительного прогресса, а также представить мировой общественности размах ее экономических преобразований, приятный фасад, порядок, организованность – все, что так привлекательно для бизнеса. Тайной целью этой демонстрации было подхлестнуть дальнейшую милитаризацию страны. Поскольку в те годы преимущественное право проведения зимней Олимпиады имела страна, проводящая летнюю, то Германии было предложено провести и зимнюю тоже. Она проходила в Гармиш-Партенкирхене 6 – 16 февраля 1936 г. Гитлеровские власти на время проведения Олимпиад сделали все, чтобы скрыть следы своей преступной расистской политики, особенно тщательно в этом плане была подготовлена гораздо более многочисленная и по числу спортсменов, и по числу зрителей летняя Олимпиада. Временно исчезли антиеврейские надписи и знаки, смягчился расистский тон прессы. Благодаря таким стараниям зарубежным зрителям и журналистам предстал образ мирной и процветающей при «новом порядке» Германии.

Однако буквально через три недели после окончания зимней Олимпиады, 7 марта 1936 г., три батальона немецких солдат численностью

меньше 4 тысяч человек возвратили демилитаризованную Рейнскую область в состав рейха. Это было первое территориальное нарушение Германией пункта Версальского договора, согласно которому Англия и Франция имели право в случае ввода немецких войск в демилитаризованную зону оккупировать Германию, но они не сделали этого. Скорее всего, потому, что это был сигнал Гитлера крупному мировому капиталу о готовности Германии действовать в его интересах: «Готов к боевым действиям! Вы только увеличивайте нам инвестиции». Но это был сигнал лишь для посвященных.

Прогрессивные круги мировой общественности восприняли захват Рейнской области совсем иначе. Во многих демократических странах Запада началось движение за бойкотирование летней берлинской Олимпиады. Появилась идея провести контрололимпиаду в Барселоне, и туда отправились тысячи спортсменов. Но игры там пришлось отменить из-за вспыхнувшей именно в это время (июль 1936 г.) гражданской войны в Испании. Не будет лишним напомнить, что в этой войне Германия поддержала именно франкистских мятежников, которые, сорвав олимпиаду в Барселоне, содействовали успешному проведению ее в Берлине. (Я никогда не верил в случайные совпадения!) Руководство Третьего рейха сделало все, чтобы XI летняя Олимпиада (с 1 по 16 августа 1936 г.) была блестяще организована и ярко отрекламирована. Немецкая команда не только завоевала самое большое количество медалей, но и получила от нацистских идеологов объяснение своей победы – она якобы показала, что высшая немецкая цивилизация по праву стала преемницей «арийской» культуры классической античности.

Мировая пресса, захлебываясь, писала о «немецком чуде». «Нью-Йорк Таймс», например, заявила, что Игры «вернули Германию в лоно наций» и даже сделали ее «опять более человечной». Талантливая Лени Рифеншталь сняла о берлинских Олимпийских играх эффектный документальный фильм, получивший массу международных наград, в том числе престижные золотые медали на Всемирной выставке в Париже в 1937 г., на Венецианском кинофестивале в 1938 г. и специальную золотую медаль Олимпийского комитета в 1938 г.

Эмблема берлинской Олимпиады 1936 г.

Война в Испании показала – Гитлер готов воевать

Гражданская война в Испании началась с мятежа испанской армии, находящейся в Марокко, против республиканского правительства 17 июля 1936 г., за две недели до начала летней Олимпиады в Берлине. С первых же дней мятежники получили поддержку Германии и Италии в виде поставок оружия и боеприпасов. Это помогло франкистам уже в августе 1936 г. захватить город Бадахос и установить сухопутную связь между своими северной и южной армиями. После подписания 25 октября 1936 г. Германией и Италией Берлинского соглашения о военно-политическом союзе «Ось Берлин – Рим» в конце октября этого же года в Испанию прибыли германский авиационный легион «Кондор» и итальянский моторизованный корпус. Советский Союз, поддержав республиканское правительство, отправил в Испанию значительные партии вооружения и боевой техники, в том числе танки и самолеты, а также военных советников и добровольцев. Однако следует признать, что масштабы помощи Германии и Италии франкистам во время гражданской войны в Испании существенно превышали советскую помощь республиканцам. Об этом свидетельствует следующая таблица:

Военная помощь, оказанная Германией, Италией и СССР во время гражданской войны в Испании в 1936–1939 гг.

	СССР	Германия	Италия
Орудий	1186	700	456
Танков и броневинов	410	200	950
Самолетов	647	600	763
Живой силы	5000	6000	72 000

Фактически в этот период Испания превратилась в международный полигон, на котором Германия, Италия и СССР в боевых условиях испытывали свою новейшую технику.

«Из Германии и Италии поступило заказанное ранее иностранное вооружение. Кроме пулеметов, полевых, противотанковых и зенитных пушек, прибыли новинки танкостроения – только что сконструированные в Аугсбурге и Турине машины противоснарядного бронирования. Это было семейство танков нового поколения: 20-тонные германские “Т-III” и

итальянские 11-тонные “М-39” и 24-тонные “П-40”. Все они явились реакцией на рост могущества противотанкового оружия и на сражавшиеся в Испании советские легкие танки. “М-11” и “П-40” уже мало чем напоминали компактного и проворного, но слабо вооруженного и тонкобронного предшественника – “Фиата-Ансальдо”. Новые итальянские машины выдерживали попадания 20-миллиметровых снарядов и несли по пять расположенных тремя ярусами огневых точек вместо двух, в том числе 47-миллиметровые пушки. “Т-III” в свою очередь был неизмеримо сильнее и совершеннее уже снятого с производства “Т-I”. Он имел автоматическое 37-миллиметровое орудие, три пулемета, хорошую оптику, радиостанцию и обладал плавностью хода. Его 30-миллиметровая броня была не толще, чем у “П-40”, но качественно лучше. Будучи не тяжелее итальянского коллеги, “Т-III” далеко превосходил его в подвижности, живучести и надежности механизмов. Советские “Т-26” и «БТ-5» заметно уступали ему в бронезащите, в оптических приборах и в удобстве управления. Ему суждено было в дальнейшем стать “рабочей лошадкой” немецких танковых сил – “панцерваффе” и отличиться не только на полях Европы, но даже в пустынях Африки. Бомбардировочный парк “легионариев” (летчиков легиона «Кондор». – А. О.) пополнился подвижными и лучше защищенными двухмоторными “Юнкерсами-86”, “Дорнье-17” и “Фиатами-20”. Они были на уровне советских “СБ”, как “Ю-86”, или же превосходили их в дальности полета и в живучести, как “Дорнье”.

К 1939 году в испанском небе прибавилось машин принципиально новой конструкции, одномоторных двухместных пикирующих бомбардировщиков – германских “Юнкерсов-87” и итальянских “Бреда-65”, которые ранее в единичных экземплярах, начиная с фронтов Астурии и Леванта, с успехом поражали небольшие цели на поле боя.

Старые и легко воспламеняющиеся бипланы “Хе-51” немцы из истребителей превратили в штурмовики и легкие бомбардировщики. Итальянцы убрали с передовой хрупкие многоцелевые бипланы “Ромео-37”, оставив за ними функции разведки и связи.

Место уходящих со сцены деревянно-полотняных бипланов занимали цельнометаллические монопланы. В “Легионе Кондора” почетное место занял будущий “король воздуха” – легкий универсальный истребитель “Ме-109”, впервые появившийся в Испании над Бискайей и Брунете, где из-за конструктивных недоделок, неопытности пилотов и слабого оснащения часто терпел поражения. Теперь он получил пушечное вооружение и улучшенный мотор, а его механизмы стали надежнее.

Его соперником среди “легионариев” стал к 1939 году однотипный с “Мессершмиттом” новый и очень неплохой итальянский истребитель – моноплан “Фиат-50”. Оба они по большинству показателей, кроме маневренности, превосходили «Чатос» (так испанцы называли советский истребитель-биплан И-15, – А. О.) и «Москас» (так они называли первый советский истребитель-моноплан И-16. – А. О.). Наконец, осенью 1938 года Третий рейх прислал в Испанию несколько опытных, не завершивших испытаний образцов новейших самолетов. Среди них были скоростные истребители “Хейнкель-70” и “Хейнкель-112”, многоцелевые машины “Юнкерс-88”. Последние проектировались в качестве бомбардировщиков и дальних разведчиков, но в Испании смогли выполнять еще и функции истребителей сопровождения».

Я позволил себе привести столь длинную цитату из капитального труда историка Ю. А. Данилова «Гражданская война в Испании. 1936–1939», поскольку в ней в очень сжатом виде дана исчерпывающая информация о вооружении противоборствующих сторон этой войны.

Нельзя не упомянуть и о том, что в 1936–1939 гг. боевой опыт в Испании получили 405 летчиков-истребителей люфтваффе, которые стали его ударной силой в первые годы Второй мировой войны (с советской стороны там сражались 772 летчика, 36 из них стали Героями Советского Союза). Во время испанской кампании немцы также испытывали и усовершенствовали свою 88-миллиметровую тяжелую зенитную артиллерию, которую они использовали для уничтожения танков, укреплений и самолетов.

Аншлюс Австрии и захват Клайпеды

Участие Германии в гражданской войне в Испании показало, что ее военная мощь достигла такого уровня, который позволяет ей начать действия по возвращению территорий, отнятых у нее по Версальскому договору, а также по «оказанию помощи» немцам, компактно проживающим в других странах. Проводившаяся западными странами политика невмешательства в отношении Испании постепенно превратилась в попустительство политике Гитлера и Муссолини в Центральной Европе. Уступки диктаторам преподносились миру как вынужденные меры, направленные на предотвращение новой войны. Так, еще до начала войны в Испании, 13 января 1935 г., был проведен «демократический» плебисцит в Саарской области, в ходе которого 81 % ее жителей высказались за ее присоединение к Германии, и 1 марта присоединение состоялось.

16 марта 1935 г. в Германии была введена всеобщая воинская повинность.

7 марта 1936 г. Германия возвратила себе демилитаризованную Рейнскую область, введя туда войска (хотя это была не военная операция, а скорее военная демонстрация).

А вот попытка фашистского переворота в Австрии в 1934 г. сорвалась, несмотря на гибель канцлера Дольфуса. В ноябре 1937 г. Германию посетил как частное лицо лорд Галифакс – один из лидеров консервативной партии и доверенное лицо премьер-министра Чемберлена.

19 ноября 1937 г. состоялась его встреча с Гитлером. Галифакс заявил, что в Англии признаются великие заслуги фюрера в деле восстановления Германии и в том, что он преградил путь большевизму в Западную Европу, поэтому Германия по праву может считаться бастионом Запада. Он также заявил, что, вероятно, рано или поздно произойдут некоторые изменения европейского порядка. Это касается Данцига, Австрии и Чехословакии. Англия заинтересована лишь в том, чтобы предполагаемые изменения были произведены мирным, эволюционным путем и чтобы при этом можно было избежать методов, которые могут вызвать дальнейшие потрясения. Он сказал, что у Англии и Германии общая цель – установление и укрепление мира в Европе. Гитлер ответил, что тот, кто прошел солдатом мировую войну, больше войны не хочет. Он сказал также, что в Англии и во всех других странах господствуют одинаковые стремления, в случае общего конфликта выиграть может лишь одна страна – Советская Россия,

все другие в глубине души стоят за укрепление мира. Фактически получив во время этой встречи согласие на присоединение Австрии, Гитлер развернул соответствующую кампанию. 2 февраля 1938 г. Австрии было навязано соглашение, означавшее начало конца ее независимости. Французское правительство предложило Чемберлену выступить с совместным демаршем в Берлине. В Лондоне же между премьером и министром иностранных дел Иденом проявились жесткие разногласия по австрийской проблеме, и Иден был вынужден уйти в отставку. Его заменил лорд Галифакс. 13 марта 1938 г. немецкие войска вступили в Австрию. 10 апреля 1938 г. одновременно в Австрии и Германии был проведен плебисцит, на котором 99 % проголосовало за аншлюс.

Лорд Галифакс на прогулке с Герингом

Эти события открыли путь к Мюнхену и обозначили переход Версальской системы из кризисной фазы к ее полному распаду.

19 марта 1939 г. Германия предъявила Литве ультиматум о возвращении ей Мемеля (Клайпеды), и 23 марта в город вошли немецкие пехотные и танковые части вермахта, а прибывшая на мемельский рейд немецкая эскадра высадила десант морской пехоты.

Мюнхенские «миротворцы»

В 1938 г. население Чехословакии составляло 14 млн человек, из которых 3,5 млн были этническими немцами, компактно проживающими в Судетской области, а также в Словакии и Закарпатской Украине. Причем эти области никогда не входили в состав Германии, так как являлись частью Австро-Венгрии. Аншлюс Австрии дал Гитлеру повод поднять вопрос и о чешских немцах. Целью же его устремлений скорее была промышленность Чехословакии, в том числе и военная – одна из самых развитых в Европе. Она входила в число ведущих мировых экспортеров оружия, ее армия была отлично вооружена. Немецкие сепаратисты и нацисты Чехословакии во главе с Генлейном постоянно поднимали вопрос о притеснениях чехами этнических немцев. 22 мая 1938-го они сделали попытку превратить муниципальные выборы в плебисцит о присоединении Судетской области к Германии. Части вермахта выдвинулись к границе, однако и чехословацкие войска вошли в Судеты. Франция и СССР заявили о поддержке Чехословакии. Попытка отторжения Судетской области не удалась. Начались переговоры. Однако в начале сентября генлейновцы спровоцировали в Судетах беспорядки, и правительство Чехословакии вновь ввело в населенные немцами районы войска, объявив там военное положение. Генлейн сбежал в Германию. 22 сентября Гитлер выдвигает ультиматум: не препятствовать Германии в оккупации Судет. В ответ Чехословакия и Франция объявляют мобилизацию. 27 сентября Гитлер направляет Чемберлену письмо, в котором сообщает, что он не хочет войны, готов дать гарантию безопасности оставшейся части Чехословакии и обсудить детали договора с Прагой. 29 сентября в Мюнхене по инициативе Гитлера происходит его встреча с главами правительств Великобритании, Франции и Италии. Чехословацкие представители не были допущены к консультациям в ходе этого совещания. Отказали в участии и представителям СССР. 30 сентября 1938 г. Мюнхенские соглашения были подписаны Гитлером, Чемберленом, Даладье и Муссолини.

Германские войска заняли Судетскую область в течение десяти дней (в марте 1939 г. Германия оккупирует оставшуюся часть территории Чехословакии, включив ее в состав рейха под названием «протекторат Богемия и Моравия»).

После подписания Мюнхенских соглашений

В тот же день, 30 сентября 1938 г., в Мюнхене была подписана англо-германская декларация: стороны заявляли, что отныне они никогда не будут воевать друг с другом. Именно листком с текстом этого коммюнике размахивал в Лондонском аэропорту Чемберлен, говоря: «Я привез вам мир!»

«Я привез вам мир!»

Суть Мюнхенских соглашений: Великобритания, не препятствуя германской экспансии на восток, направила Германию на активные военные действия против СССР и дала ей возможность до начала этих действий нарастить свой военно-промышленный потенциал за счет чехословацкой военной промышленности (известно, что Чехословакия в 1939–1941 гг. выпустила оружия столько же, сколько промышленность Англии). При этом западное общество позиционировало четырех лидеров, подписавших Мюнхенские соглашения, как героев-миротворцев: Гитлер, например, стал «человеком года» в 1938 г. и даже выдвигался на Нобелевскую премию мира в 1939 г.^[3] Документальное подтверждение того, что участников мюнхенского совещания оценивали тогда как миротворцев, – бронзовая медаль, отчеканенная в честь этого «великого события». На ней слева направо профили Гитлера, Муссолини, Чемберлена и Даладье, причем из-за спины Гитлера (!) вылетает голубь мира с пальмовой ветвью в клюве. (Почти на 10 лет художники Третьего рейха опередили Пабло Пикассо, сделавшего голубя с пальмовой ветвью символом борьбы за мир.)

Польша – последний этап на пути ко Второй мировой войне

Есть один вопрос, на который никогда не давалось однозначного ответа: почему Запад, в первую очередь Великобритания, довольно спокойно отнесся к захвату Гитлером не только бывших германских территорий, но даже никогда не входивших в ее состав Австрии и Чехии, вдруг настолько возмутился его попыткой силой вернуть принадлежавшую раньше Германии Западную Польшу, что 3 сентября 1939 г. объявил Германии войну? Это вдвойне непонятно, ибо раздел Польши по пакту Молотова – Риббентропа наконец-то выводил к барьеру намеченных Западом главных действующих лиц Второй мировой войны – Германию и СССР. В чем, собственно, и состояла тайная стратегическая цель «версальской мины». Ведь вступление в войну Англии и Франции (которого Гитлер никак не ожидал) могло заставить его пойти на попятную и отказаться от захвата Польши. Удивителен и тот факт, что войну Германии объявили те же самые лидеры Чемберлен и Даладье, которые несколько лет вели политику умиротворения агрессора и невмешательства. Что же заставило их так резко поменять курс? Объяснений несколько: возмущение мировой общественности действиями набирающего силу фашистского агрессора в Европе; возмущение преследованиями евреев в Третьем рейхе; реальная угроза реванша со стороны Германии за ее проигрыш в Первой мировой войне; угроза прихода к власти новых политических сил, которые найдут поддержку в массах на волне борьбы с фашизмом: в Англии – Черчилля, во Франции – Народного фронта, в котором важную роль будет играть компартия, направляемая СССР; выполнение данных Польше обязательств, тем более что Польша оказалась первой страной Европы, оказавшей вооруженное сопротивление немецким войскам.

Соглашаясь с тем, что все перечисленные причины имели место, считаю, что самая главная заключалась в следующем. Мировые промышленно-финансовые силы, заложившие «версальскую мину», стали опасаться, что попустительство Гитлеру и в польском вопросе сможет навести мировое сообщество на понимание их долгосрочной политики подготовки Германии для смертельной схватки с СССР, и поспешили объявить ей войну.

Итак, скорее всего, Вторая мировая война была запланирована

решениями Парижской «мирной» конференции в 1919–1920 гг. Ее главным идеологом была Великобритания, задачей которой после Первой мировой войны было не обеспечение мира во всем мире, а сохранение и расширение Британской империи. Для выполнения этой задачи ей необходимо было восстановить и нарастить военный потенциал Германии и направить ее на войну с Советской Россией, чтобы избавиться таким образом от большевистской заразы, а заодно и ослабить (что неизбежно для воюющего государства) силы и аппетиты Германии, чтобы в дальнейшем она уже не помышляла о противостоянии Британской империи нигде и никогда. Осуществление этого плана и должен был обеспечить Версальский договор под видом ликвидации угрозы новой мировой войны. Поэтому причины и реалии начала Второй мировой войны, в том числе и нашей Великой Отечественной (по западной терминологии – советско-германской, по немецкой – войны на Восточном фронте), также следует рассматривать, принимая во внимание эту «версальскую мину» замедленного действия.

Подсказка Золотова вождю

Работая над новой гипотезой о начале Великой Отечественной войны, я, естественно, задавал себе вопрос: откуда в голове Сталина мог появиться такой план – осуществить Великую транспортную операцию как первый этап совместной с Германией антибританской кампании. Сработало его имперское мышление, или его подтолкнули к этому? Или это сделала неумолимая геополитика, у которой (как и у нелюбимой им Англии) нет ни друзей, ни врагов – только интересы? Кто предложил этот план – он или Гитлер?

И вот в ждановском архиве РГАСПИ в деле № 895, на обложке которого написано: «Письма отдельных граждан А. А. Жданову по вопросам международной политики, пропаганды и др., подлинник, 1939 г. – 11 сентября 1947 г.», мне попался интересный документ.

Начинается он с указания (сделанного, видимо, помощником Жданова) темы письма некоего Золотова и резолюции самого Жданова. Дата не указана.

«Золотов В. П. Ж-39

Автор, полагая, что главный враг СССР Англия, а не Германия, предлагает исходить в нашей внешней политике из задачи развязать войну Германии с Англией. Кроме того, предлагает активизировать нашу внешнюю политику на Балканах, вернув СССР роль России как организующего центра славянства.

Резолюция Жданова: Чудову п/п Жданов
А. К.»

(РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 895. Л. 1)

Я понял, что это краткое изложение письма некоего Золотова, сделанное помощником Жданова. Дата не указана. И далее следует изложение самого письма.

«Члену Политбюро ЦК, наркому иностранных дел,
т. Молотову В. М.

Копия секретарю ЦК, т. Жданову А. А.

Краткая записка

о некоторых вопросах нашей внешней политики

Внешняя политика Советского Союза, проводящаяся НКВД, страдает двумя большими пороками, грозящими при неустранении их изоляцией нашей страны от европейских и ближневосточных дел. Пороки эти:

1) Неправильный учет сил, значения и фактической роли в международной политике Великобритании, Франции и Германии.

2) Нежелание или неумение использовать в наших интересах симпатии и многовековую привязанность славянского населения Балканского полуострова и Средней Европы к славянам Советского Союза».

Далее я кратко излагаю содержание письма цитатами из него.

Автор письма пишет, что наши и зарубежные журналисты «начали третировать Англию как страну, потерявшую всякое значение». Великобритания представляется как «больной человек».

После Версаля «Германия стояла на коленях, Великобритания была занята приведением в порядок своего расстроенного войной хозяйства, а Франция, избавившись от германской опасности... шумно и уверенно претендовала на верховенство на нашем континенте».

«Возрождение империалистической Германии создало невероятную путаницу в умах всех людей, привыкших или к единообразной послевоенной жизни, или к прямолинейному мышлению... Заговорили, что де англо-американские противоречия... спорадичны... и... война между Англией и Америкой... неизбежна. Возвышение Германии и разгром ею европейской гегемонии Франции обнаружили истинную роль Великобритании как величайшей державы Европы, обладающей крепчайшими мировыми связями и самым умным буржуазным классом. Энергичная агрессия германского империализма заставила сейчас, в целях самосохранения, объединиться против Германии так называемые демократические страны и пригласить в это объединение Советский Союз. Договариваясь сейчас в общих с Англией, Францией и др. действиях против Германии, мы должны всегда четко и ясно себе представлять, что нашим основным и главным врагом в Европе и во всем мире является не Германия, а Англия. ... Резкое различие в идеологии государств вовсе не представляет такого же резкого антагонизма их политических и экономических интересов. Интервенция, гражданская война на советской земле была организована Англией, на ее деньги и средства, хотя почти без участия ее солдат. Знаменитое “стремление на Восток” германского фашизма если не создано, то подогревалось Англией, заинтересованной как

в нашей гибели, так и в ослаблении Германии. Сегодняшнее миролюбие Англии и приглашение Советского Союза к совместным действиям против Германии объясняется вовсе не общностью наших демократических интересов, а неопределенностью для Англии направления германской экспансии. Вместо того чтобы по английской указке устремиться на восток, германская армия вдруг бросилась на области центральной, юго-западной и прибалтийской Европы. Перед Англией выросла задача, создав преграды дальнейшему расширению германской агрессии в буржуазную Европу, приостановить там это движение, во что бы то ни стало повернуть германскую армию на восток, против Советского Союза. ... Конечной целью, преследуемой Англией в этой игре, является советско-германская война. ... Поскольку наш главный враг – Англия, нам нужно иметь тщательно разработанный план борьбы с ней...

Англию надо бить, но бить английским методом, то есть чужими руками. Англия не только наш враг, но и старинный враг Германии. Мировая война была, по сути, схваткой Англии с Германией. ... Нам необходимо, отучив Германию от мысли о нападении на Советский Союз, сделать развивающееся сейчас на наших глазах “стремление на запад” единственным путем германской экспансии. Германская фашистская буржуазия трезво учитывает, что война против Советского Союза, обладающего сильнейшей армией мира и неисчерпаемыми людскими и материальными ресурсами, может закончиться для Германии крахом... Крестовый поход против Советов буржуазному миру, раздираемому противоречиями, теперь не организовать. Нам нужно, играя на этих противоречиях, ослаблять силы буржуазных государств.

Втравливание Германии в войну против Франции в этом отношении открывает широкие возможности. Для этого надо:

1) всемерным укреплением нашей военной мощи и наших западных границ, демонстрацией непобедимости нашего оружия в каком-нибудь очередном дальневосточном пограничном конфликте лишить в глазах германского командования реальной ценности все германские планы войны с Советским Союзом.

...

4) На случай войны Германии с Францией и Англией обещать Германии соблюдение нами нейтралитета, обеспечить охрану ее тыла, а концентрацией Красной Армии на западной границе парализовать возможность Польши выступить на стороне Англии.

В результате войны Германии и ее союзников с Англией-Францией силы этих держав будут неимоверно истощены, Европа и мир будут

охвачены разлившимся морем пролетарских и национальных восстаний, и тогда-то Советский Союз бросит на весы истории меч Красной Армии.

II. О славянском вопросе».

Далее автор письма излагает серьезные политические возможности, которые может дать СССР обращение к славянам Европы.

«Каких-нибудь 5–6 лет назад слова “русский”, “славянин” были синонимами слов “великодержавность” и “великодержавный шовинизм”. Шпионы, враги народа, национальные шовинисты... старались разжечь потухшую уже ненависть многих бывших “инородцев” царской империи ко всему русскому и славянскому... Русский народ, давший миру тысячи выдающихся людей, пронесший через 200-летнее татарское господство, польское вторжение, наполеоновское нашествие, через позор Севастополя и Цусимы свою страстную веру в хорошую жизнь... свершивший величайшую в истории человечества революцию и создавший государство трудящихся, является, по существу, самым передовым народом на земном шаре. Сегодня наше участие в балканских делах крайне ничтожно, а ведь наше отсутствие на Балканах лишает нас возможности влиять на ближневосточные государства, т. к. Балканы – это ворота на Ближний Восток. ... Возможно, мое представление о наших международных делах несколько и ошибочно, но тогда эта возможная ошибочность оправдывается отсутствием у меня необходимой информации и материалов. Но все же, пользуясь правом, предоставленным мне уставом Партии, я счел своим долгом сообщить свои соображения руководителям Партии и Правительства.

п/п Золотов. Золотов Василий Григорьевич, член ВКП(б) с 1928 г., п/б №...[Указан московский адрес]. т. К-2-45-57» (РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 895. Л. 2 – 15).

Приблизительно установить дату написания этого письма можно по следующим цитатам из него:

«Вместо того чтобы по английской указке устремиться на восток, германская армия вдруг бросилась на области центральной, юго-западной и прибалтийской Европы» – то есть Германия уже захватила Мемель (Клайпеду). Других приобретений в Прибалтике до начала Второй мировой войны у Германии не было. А немецкие войска вступили в Мемель 23 марта 1939 г.

«Договариваясь сейчас в общих с Англией, Францией и др. действиях против Германии...» – из этого можно сделать вывод, что в момент написания письма шли переговоры между СССР, Англией и Францией. Известно, что такие переговоры проходили в Москве с 15 июня по 2 августа 1939 г., а затем с 12 по 22 августа 1939 г. Но можно считать, что контакты с Англией и Францией начались с 17 апреля 1939 г., когда советское правительство выступило с предложением о заключении между СССР, Англией, Францией договора «о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств». Такие же обязательства в аналогичном случае три державы брали бы на себя и в отношении государств, «расположенных между Балтийским и Черным морями и граничащими с СССР». Так что можно предположить, что письмо Золотова быть написано в период с 17 апреля по 21 августа 1939 г.

Теперь несколько слов об авторстве этого письма.

Человек, написавший его, – член партии, хорошо информированный, имеющий неплохое образование – высшее или, по крайней мере, гимназическое. Об этом свидетельствуют слог письма, знание автором истории (в том числе истории Рима) и экономики. Так, его фраза о мече Красной Армии, который должен быть брошен на весы истории, заимствована из истории Рима – это сделал при взвешивании золота контрибуции проигравшего Рима вождь галлов Бреннус, произнеся крылатую фразу: «*Vae victis!*» (Горе побежденным!). Золотов прекрасно разбирается в международных делах, дает очень профессиональный анализ британской политики.

Удивляют некоторые факты. Например, совершенно не свойственная столь умному человеку в те годы смелость суждений – он открыто критикует работу НКВД, что, кстати, смещает дату написания этого письма на апрель, так как фактически Золотов критикует наркома Литвинова (а он был снят с этой должности 3 мая 1939 г.) и проводимую им политику создания европейской коллективной безопасности против германской агрессии. Значит, наиболее вероятный срок написания письма – с 17 по 30 апреля.

Далее, Золотов указывает свой домашний адрес и телефон. А ведь большинство писем с советами правительству в те годы были анонимными. Это наводит на мысль, что золотовское письмо могло быть инспирировано самим Сталиным для ознакомления с ним членов Политбюро и руководства НКВД как с «голосом народа», требующим изменения политики в отношении Германии и Англии.

Тогда оно и могло стать поводом для снятия Литвинова и назначения Молотова, который своей линией по вопросам внешней политики не имел и всегда проводил сталинскую. Причины же этой замены были гораздо серьезнее. Намечался очень крутой поворот – к дружбе с Гитлером – и надо было готовиться к объяснениям и даже к возражениям со стороны твердокаменных большевиков, Коминтерна и зарубежных компартий, ссылаясь и на «голос народа» (самое интересное, что, похоже, такие возражения последовали и от Молотова, но об этом ниже).

Возможно, письмо было написано Ждановым, потому что эта тема неоднократно прослеживается в его предвоенной идеологической работе. На эту мысль наводит то ли конспект какого-то неизвестного сталинского выступления, то ли заметки во время беседы со Сталиным, то ли собственные тезисы Жданова, которые нашли в его архиве и приводили в своих книгах А. Некрич и Л. Безыменский:

«Тигры и их хозяева^[4].

Хозяева тигров нацелили на Восток.

Сифилизованная Европа.

Повернуть клетку в сторону англичан.

Не верьте унижениям.

Англия – профессиональный враг мира и коллективной безопасности.

“Дранг нах Остен” – английская выдумка...

Повернуть тигров в сторону Англии ...

Сговориться с Германией» [5. С. 276–277].

С трудом, но все же можно себе представить, что нашелся какой-то смелый и образованный человек, какие в те годы еще встречались среди большевиков-ленинцев. Только вот как большевик, вполне вменяемый член ВКП(б) решился вдруг предложить дружбу с фашистами (против Англии)?

Как бы там ни было, золотовский текст, заинтересовавший меня как подсказка Сталину, позволяет датировать два события – поворот Сталина к сотрудничеству с Германией (раньше такой датой считалось 3 мая 1939 г.) и рождение идеи, приведшей его к подготовке Великой транспортной операции.

**Первый шаг к трагедии 22 июня 1941 года.
Приезжал ли Гитлер в Москву вместе с
Риббентропом?**

Обнаружен полный список делегации Риббентропа

Если в прежние времена в нашей стране историческую истину скрывали с помощью цензуры – литературной, политической и самой главной – самоцензуры авторов, отлично понимавших, что можно и что нельзя, то во времена гласности ее стали скрывать обилием публикаций, наличием самых разных точек зрения и нагромождением гипотез. Все их авторы яростно борются между собой, в результате опять-таки разобраться в чем-либо трудно. Получилось, как в андерсеновской сказке «Огниво», где фрейлина, заметив дом, куда волшебная собака носила к солдату принцессу, нарисовала на его двери крестик. А умная собака наставила крестики на всех дверях, и найти нужную оказалось невозможно.

Одной из наиболее горячо обсуждаемых сегодня исторических тем является начало Великой Отечественной войны. По поводу завершения войны вопросов гораздо меньше, там все очевидно. Мы не могли не победить, потому что враг повел войну на уничтожение нашего народа, и победили. Красное знамя на рейхстаге 30 апреля 1945 г., Акт о безоговорочной капитуляции фашистской армии 8 мая и брошенные к подножию Мавзолея немецкие знамена 24 июня весьма красноречиво об этом свидетельствуют.

Но что же случилось в первый день войны – черный день 22 июня 1941 г. и в последовавшие за этим дни и недели? Вот уже 70 лет ответ на этот совершенно законный вопрос не дан. Война началась с жестокого удара по советским приграничным военным аэродромам. Самая сильная в мире Красная Армия по непонятным причинам не смогла дать отпора врагу и покатилась в глубь страны. В считанные дни мы понесли колоссальные потери в танках и артиллерии, а также потеряли половину хранившихся на складах приграничных округов боеприпасов, горючего, продовольствия (значительная часть которых была захвачена врагом). В течение десяти дней были сданы столицы трех союзных республик: Каунас – 24 июня, Минск – 28 июня, Рига – 1 июля. В плен попало неслыханное количество бойцов и командиров Красной Армии: за шесть месяцев 1941 г. – 3,8 млн человек... Кратко, очень точно и правдиво объяснил недавно то, что произошло, президент Академии военных наук генерал армии М. А. Гареев: «Накануне войны в 1941 г. подготовленность страны в целом к обороне и боеспособность вооруженных сил были значительно выше, чем

их боевая готовность» [20. С. 12]. Осталось понять, в чем конкретно это проявилось и что было тому причиной.

Ведь все наши потери первых дней и месяцев войны были не «временными неудачами ее начального периода», как нам всегда объясняли, а следствием чудовищного разгрома в самый первый ее день – 22 июня. И истинная причина и обстоятельства этого разгрома тщательно скрываются до сих пор, потому что он стал результатом не боевых действий нашей армии, а проигранной предвоенной стратегии Сталина.

Давно надо было сделать то, что сделали недавно для раскрытия тайны Катини: дать команду архивам подобрать материалы об этом дне, историкам – обобщить их и, поставив перед собой одну единственную цель, восстановить истину, чтобы затем без всяких оценок рассказать обществу о том, что же на самом деле и почему именно так произошло в первый день войны. Ведь факты порою оказываются сильнее самой мощной пропаганды. Тем более что почти каждая советская семья потеряла в ту войну кого-то из своих близких. Если мы не узнаем наконец правду о начале той страшной войны, то в будущем подобная трагедия может произойти с нашими детьми, внуками и правнуками, ибо богатейшие ресурсы нашей страны всегда будут кому-то казаться лакомым куском.

Завершая трилогию о первом дне Великой Отечественной войны, мне необходимо было в подтверждение своей гипотезы найти яркие свидетельства, новые фото и новые архивные документы. В этом мне очень помогла работа над фильмом «Тайна 22 июня», для которого в свое время вместе с его режиссером и соавтором сценария Сергеем Головецким мы просмотрели огромный массив отечественной и зарубежной кинохроники, обнаруженной в Красногорском кинофотоархиве и архиве Госфильмофонда в Белых Столбах. Часть ее была использована при написании настоящей книги, причем не просто как иллюстрации, она помогла мне проследить действия политиков, находя их порою там, где, согласно исторической «науке», они никогда не бывали и быть не могли, но оказывается – всякое случилось.

Роль архивных документов сегодня резко возрастает, причем оказалось, что у отечественных архивов есть одно совершенно очевидное преимущество перед зарубежными. Дело в том, что в условиях авторитарного режима, когда малейшее отступление от команды сверху могло стоить человеку свободы, а то и жизни, все должностные лица запасались «бумажками», которые в конце концов накапливались в архивах.

В этой главе я хочу показать лишь один найденный мной архивный документ, который публикуется впервые. Это – список членов делегации во

главе с министром иностранных дел Германии Риббентропом. Впервые он прилетел в Москву 23 августа 1939 г. и тогда от имени своего правительства за 24 часа согласовал со Сталиным и Молотовым, а затем подписал с Председателем Совнаркома СССР В. М. Молотовым Договор о ненападении между Германией и СССР.

Парадокс, на мой взгляд, в том, что именно этот, совершенно мирный договор стал одной из главных причин катастрофы 22 июня 1941 г. (обычно на него нападают за то, что якобы он ускорил начало Второй мировой войны). Я же хочу разобраться с нашими делами: для нас он отодвинул войну или нет? Облегчил неизбежное вступление в нее или усугубил? Со времен Версальского мирного договора 1919 г., завершившего Первую мировую войну, наши страны не имели общей границы, поэтому Германия не могла внезапно напасть на СССР. Так что «внезапность» немецкого нападения, на которую потом всегда ссылались советские пропагандисты, объясняя события 22 июня, обеспечил нам именно договор, подписанный Молотовым и Риббентропом. И угрозу войны он не ликвидировал – пожар мировой войны вспыхнул ровно через неделю после его подписания и, что совершенно очевидно, не мог не докатиться до нашей страны. Если добавить к этому серьезное непонимание этого договора советской молодежью, которая в те годы по целому ряду причин, в первую очередь из-за участия СССР в гражданской войне в Испании, относилась к фашистской Германии как к самому опасному и грозному противнику, полное неприятие этого договора коммунистическими и рабочими партиями мира, недоумение и страх в демократических странах, позже ставших участниками Антигитлеровской коалиции, то отрицательный результат подписанного документа для нашей страны очевиден. Сомнителен и главный козырь, который предъявляли в его защиту советские пропагандисты и, к сожалению, многие современные историки, – то, что якобы он на два года отдал нам войну и дал к ней подготовиться. Ведь Запад вел тогда «странную войну», и гитлеровская промышленность тоже получила два года, которые активно использовала для разработки и создания новой мощной военной техники.

Однако вернемся к списку членов немецкой делегации 1939 г. Я обнаружил его в Архиве внешней политики МИД РФ в фонде Секретариата наркома в двух вариантах – на немецком (Ф-06. Оп. 1. Д. 74. П. 8. Л. 36, 37) и русском (Ф-06. Оп. 1. Д. 74. П. 8. Л. 34–35) языках. На нем отсутствуют подпись составителя и дата, из чего следует, что либо к нему имелось сопроводительное письмо, оставленное в фонде наркома, либо он был передан нарочным из рук в руки. Такие случаи бывали. Например,

документы передавали во время приема у замнаркома иностранных дел СССР посол Шуленбург или советник посла Хильгер. Из-за отсутствия даты невозможно определить, о какой делегации идет речь – прилетавшей в августе или в сентябре. Либо он действовал неограниченный период времени (опубликованный ранее [61. С. 66–67] документ «Полномочия...», подписанный Гитлером, дает Риббентропу право «для подписания как пакта о ненападении, так и других соглашений, являющихся результатом этих переговоров», и не ограничивается никаким сроком).

В составе делегации 38 человек, включая Риббентропа, эта цифра уже неоднократно называлась. Изучение списка показало, что из этих 38 человек 17 – официальные лица, 8 – сопровождающие (7 охранников и один камердинер), 4 – обслуживающий персонал и 9 человек – летный состав.

Однако в советской прессе в августе 1939 г. публиковалось лишь 6 фамилий: Риббентроп, д-р Гаусс, Дернберг, П. Шмидт, Г. Гофман, д-р Шнурре. А в сентябре 1939 г. – 9: Риббентроп, Форстер, д-р Гаусс, Шнурре, Кордт, Генке, фон Галем, Шульце, Штейнбикель (из них четверо – Форстер, Кордт, фон Галем, Штейнбикель – отсутствуют в списке делегации). Таким образом, всего в газетах было названо 12 фамилий, в том числе 8 из списка членов делегации, а фамилии 9 членов делегации опубликованы не были.

Рассмотрим их всех. Полужирным шрифтом я выделил имена и фамилии членов делегации, как они указаны в варианте списка на русском языке, в квадратных скобках – мои комментарии. Указание «август» означает выявленное участие данного лица в августовском визите, «сентябрь» – в сентябрьском.

Список делегации Риббентропа

Delegation:

1. Reichsminister des Auswärtigen Joachim von Ribbentrop
2. Unterstaatssekretär Dr. Friedrich Gaus
3. Gesandter 1. Klasse Freiherr von Dörnberg
4. Gesandter 1. Klasse Paul Schmidt
5. Vortragender Legationsrat Dr. Karl Schnurre
6. Vortragender Legationsrat Hewel
7. Vortragender Legationsrat Dr. Paul Schmidt
8. Vortragender Legationsrat Andor Hencke
9. Professor Heinrich Hoffmann
10. Dr. med. Karl Brandt
11. Legationsrat Eduard Brückelmeyer
12. Legationssekretär Bernd Gottfriedsen
13. Schriftleiter Helmut Laux
14. Adjutant und Obersturmführer Max Wünsche
15. Adjutant Richard Schulse
16. Fräulein Edith Krüger
17. Sekretärin Hilde von Seef

Begleitung:

18. Kriminalrat Wipper
19. Kriminalbeamter Hans Werner
20. Kriminalbeamter Konrad Schneider
21. Kriminalbeamter Erhard Vetter
22. Kriminalbeamter Fritz Siecker
23. Kriminalbeamter Fritz Rahm?
24. Kriminalbeamter Kurt Kosner?
25. Diener Paul Bohnke
26. Ordonanz Friedrich Leske
27. Ordonanz Richard Sawade
28. Ordonanz Erhard Schmidt
29. Ordonanz Alfred Woitsch

Flugpersonal:

30. Flugkapitän H e i n
31. Flugkapitän Walter O p p e n b e r g
32. Oberflugmaschinist Wilhelm K o l s c h k e
33. Oberflugpostfunker Walter F o b e r g
34. Flugkapitän Johann S a u e r
35. Flugkapitän K l i h e h r
36. Oberflugmaschinist Max Z i n t l
37. Oberflugpostfunker Karl L o s i e j e w s k i
38. Flugfunke Franz G e r m a n n

1. Министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп
[1893–1946; обергруппенфюрер СС, советник Адольфа Гитлера по внешней политике; август, сентябрь.]

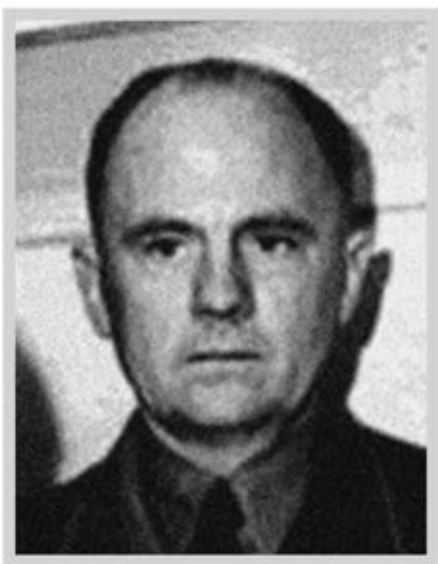
2. Помощник статс-секретаря Фридрих Гаус

[1881–1955; начальник юридического отдела МИД, посол по особым поручениям; единственный, кроме Риббентропа, член немецкой делегации, чье фото с указанием имени было опубликовано в советской прессе; август, сентябрь]

3. Посланник 1 класса фон Дернберг

[барон Александр фон Дернберг, 1901–1983; начальник протокольного отдела МИД; август, сентябрь.]

4. Посланник 1 класса Пауль Шмидт

[Пауль Отто Шмидт, 1899–1970; личный сотрудник Гитлера – переводчик и стенографист-хронограф, глава секретариата МИД; русским языком не владел, переводил с английского и французского; нет ни одного фото или кинокадра с ним, сделанного в Москве^[5]; август.]

5. Тайный советник д-р Карл Шнурре

[1898–1990; руководитель экономического отдела МИД, глава германской экономической делегации в СССР; до начала войны отвечал за экономические связи с СССР; август, сентябрь.]

6. Тайный советник Гевель

[Отто Вальтер Хевель, 1904–1945; личный сотрудник Гитлера, постоянный представитель министра иностранных дел Риббентропа при Гитлере, бригадефюрер СС, знаменосец во время «пивного путча» 1923 г., сидел с Гитлером в одной камере в Ландсбергской тюрьме, где осуществлял корректуру текста его книги «Майн кампф». По свидетельству Шпеера, Хевель был наиболее близким человеком к Гитлеру, «персона гратиссима». Его эмоциональная привязанность была очевидна всем окружающим. «С течением времени он установил с Гитлером особые отношения, напоминавшие отношения сына к отцу...» Не обнаружено ни одного фото или кинокадра с ним, сделанного в Москве.]

7. Тайный советник Пауль Шмидт

[Пауль Карл Шмидт, 1911–1997; начальник отдела печати МИД, впоследствии писатель Пауль Карель, автор книги «Восточный фронт» и др.; нет ни одного фото или кинокадра, сделанного в Москве; август.]

8. Тайный советник Андор Генке

[1895–1984; помощник статс-секретаря МИД; был советником немецкого посольства в Москве, консулом в Киеве; входил в состав германо-советской пограничной комиссии; сентябрь.]

9. Профессор Генрих Гофман

[1885–1957; с начала 20-х годов личный фотограф и личный друг Гитлера; август.]

10. Д-р медицины Карл Брандт

[1904–1948; рейхскомиссар здравоохранения, личный врач Гитлера, так называемый сопровождающий врач фюрера; нет ни одного фото или кинокадра с ним, сделанного в Москве.]

11. Советник Эдуард Брюкельмейер

[Сведений не обнаружено, вероятно, это псевдоним, под которым скрывалось неизвестное лицо.]

12. Секретарь Бернд Готтфризен

[Род. в 1911; личный секретарь Риббентропа; август, сентябрь.]

13. Редактор Гельмут Раус

[Сведений не обнаружено, скорее всего, это искаженное имя личного фотографа Риббентропа Хельмута Лаукса (род. в 1911), об участии которого в делегации пишет в своих мемуарах Гофман; нет ни одного фото Лаукса, сделанного в Москве, однако есть кинокадры, сделанные в августе, где молодой человек – возможно, это он – осуществляет фотосъемку.]

Хельмут Лаукс(?) (в шляпе) ведет съемку встречи Риббентропа на аэродроме в Москве 23 августа 1939 г.

Хельмут Лаукс?. Берлин, 12 ноября 1940 г.

14. Адъютант Макс Вюнше

[1914–1995, офицер-ординарец Гитлера; в 1939 г. унтерштурмфюрер СС (лейтенант), с 1944 г. – оберштурмбанфюрер СС (подполковник); нет ни одного его фото или кинокадра, сделанного в Москве.]

Вюнше в группе ближнего круга Гитлера (в правом верхнем углу)

15. Адъютант Рихард Шульце

[1914–1987, личный сотрудник Гитлера. В 1939 унтерштурмфюрер СС (лейтенант), с 1944 – оберштурмбанфюрер СС (подполковник). На советско-германских переговорах указан как адъютант Риббентропа, после гибели на Восточном фронте брата Ганса-Георга Шульце – личного адъютанта Гитлера – заменил его и был адъютантом фюрера от СС в 1941–1944 гг. Присутствовал на встречах в Кремле и на ряде фото запечатлен возле Сталина; август, сентябрь.]

16. Г-жа Эдит Крюгер

[Сведений не обнаружено. В немецком варианте списка делегации указано: «фройлен Эдит Крюгер». Это многозначительное «фройлен» вместо должности наводит на мысль, что таким образом могли внести в список лишь одну женщину Третьего рейха – пассию фюрера Еву Браун. Девичья фамилия ее матери Кронбургер, ее вполне могли сократить до в какой-то степени созвучной – Крюгер. Следует также учесть, что с весны 1938 г. Гитлер стал выпускать Еву в зарубежные поездки, иногда приглашал ее с собой. Она побывала с ним (неофициально) в Вене, Праге, Риме, без него ездила в Венецию на кинофестиваль (скорее всего, со своей сестрой Ильзе). Обычно Еву сопровождали ее подруга Герда, а также личный врач Гитлера д-р Брандт, личный фотограф Гофман и кто-то из адъютантов. Эти люди обнаружены в списке состава делегации Риббентропа. Фотографий Евы во время пребывания в Москве нет, ниже рассмотрены обнаруженные кадры кинохроники проводов делегации, на которых удалось ее разглядеть.]

17. Секретарша Гильда фон Зееф

[Сведений не обнаружено. Возможно, под этим именем скрывалась сестра Евы Ильзе Браун, которая незадолго до этого стала секретаршей любимого архитектора фюрера Шпеера^[6]. Сделанных в Москве ее фото

также нет, см. ниже кинокадры с ее участием.]

Сопровождающие

- 18. Член охраны Виппер**
- 19. Член охраны Ганс Вернер**
- 20. Член охраны Конрад Шнайдер**
- 21. Член охраны Эргард Феттер**
- 22. Член охраны Фриц Зикер**
- 23. Член охраны Фриц Рам**
- 24. Член охраны Курт Козне**
- 25. Камердинер Пауль Бонке**

Обслуживающие

- 26. – “ – Фридрих Леске**
- 27. – “ – Рихард Заваде**
- 28. – “ – Эрхард Шмидт**
- 29. – “ – Альфред Войтш**

Летный персонал

- 30. Капитан-летчик^[7] Гейм**

[Сведений не обнаружено, похоже, это летчик эскадрильи Гитлера – Людвиг Гайм.]

- 31. Капитан-летчик Вальтер Оппенберг**

[Сведений не обнаружено, возможно, это псевдоним.]

- 32. Старший машинист-летчик Вильгельм Вольшке**

[Бортмеханик. Сведений не обнаружено, возможно, это псевдоним.]

- 33. Старший радист Вальтер Коберг**

[Сведений не обнаружено, возможно, это псевдоним.]

- 34. Капитан-летчик Иоган Бауэр**

[Ганс Баур, 1897–1993, личный сотрудник Гитлера – его шеф-пилот, впоследствии генерал-лейтенант авиации, обергруппенфюрер СС. Нет ни одного фото или кинокадра с ним, сделанного в Москве.]

35. Капитан-летчик Клиэр

[Не обнаружен, похоже, это искаженное имя, в своих мемуарах Г. Баур утверждает, что пилотом второго самолета был Лир.]

36. Старший машинист-летчик Макс Цинтль

[Старший бортмеханик экипажа Г. Баура, который в мемуарах назвал его бортинженером.]

37. Старший радист Карл Лециевский

[Старший радист экипажа Г. Баура, в мемуарах Г. Баур называет его летчиком.]

38. Радист Франц Герман

[Сведений не обнаружено. Возможно, это псевдоним.]

Члены делегации, не указанные в списке, но упомянутые в советской прессе в 1939 г

Форстер Альберт (1902–1952) – партийный деятель, обергруппенфюрер СС, гауляйтер Данцига (с 1930 г.). С 26.10.1939 по 8.5.1945 гауляйтер Данцига – Западной Пруссии и имперский наместник Западной Пруссии; сентябрь

Кордт Эрих – немецкий дипломат (род. в 1903); с 1934 г. работал в германском министерстве иностранных дел в подчинении у Иохима фон Риббентропа, возглавлял бюро министра; принимал участие в важных переговорах и совещаниях на высшем уровне; сентябрь.

Фон Галем – заместитель начальника протокольного отдела МИД; сентябрь

Штейнбикель – фото не обнаружено. Возможно, это Отто Штайнбринк (1888–1949), один из руководителей германской металлургической промышленности и «фюреров» военной экономики; август, сентябрь.

Фотография О. Штайнбринка 20-х годов, более поздние не обнаружены.

Неопознанные лица делегации

1. Пожилой человек лет 65, седой, со шрамами на лице, присутствовал в кремлевском кабинете и в августе, и в сентябре. Ниже приведены четыре фотографии и один кинокадр, на которых он обнаружен и помечен знаком X1.

23—24 августа 1939 г. Молотов, Сталин, Шуленбург, неизвестный, Риббентрон

Фрагмент кинокадра проводов Риббентрона 24 августа 1939 г.

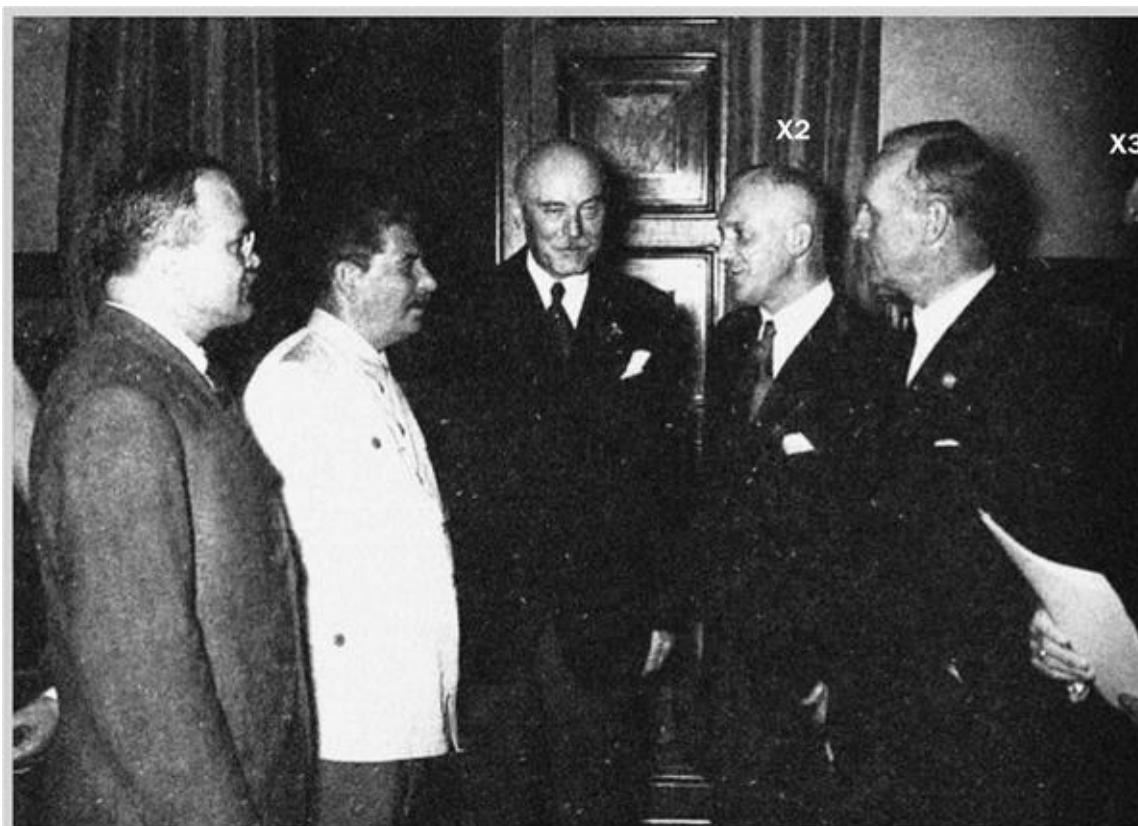
Подписание Договора о дружбе и границе

2. Человек 55–60 лет, обнаружен только на одном снимке, сделанном в августе, причем видно, что он беседует лично со Сталиным. Помечен знаком X2. Его выправка и вытянутые по швам руки свидетельствуют о том, что это военный. Внешне он очень похож на генерал-полковника (с 1940 г. генерал-фельдмаршала) В. Кейтеля (1882–1946), начальника ОКВ – прической, усиками, формой подбородка и уха.

3. Человек с характерным крючковатым (возможно даже сломанным) носом участвует в той же беседе со Сталиным и Молотовым. В его правой руке листы бумаги и какой-то брелок. Почему-то его очень не хотели показывать раньше, и сейчас не спешат показать россиянам, поэтому почти полностью вырезали из снимка. Он помечен знаком X3 и весьма похож на К. Хаусхофера.

23—24 августа 1939 г. Один неизвестный (X2) слева от Риббентропа, а справа видны нос и руки другого с листом бумаги и брелоком (X3).

X2 = В. Кейтель?

В. Кейтель, 8 мая 1945 г.

На левом снимке – увеличенный фрагмент лица человека, стоящего справа от Риббентропа (ХЗ) на предыдущем снимке, где видны только его нос и рука. На мой взгляд, это К. Хаусхофер, потому что именно он был идеологом создания континентального блока – «Оси». Листы бумаги и брелок в руках типичны для него, брелок – скорее это четки (он всегда тяготел к Востоку). На двух следующих фото – К. Хаусхофер, ученый-геополитик, учитель Гесса, автор многих идей книги «Майн кампф».

24 августа 1939 г. Тост Сталина за здоровье Гитлера. Гофман в мемуарах утверждает: Сталин произнес тост за него – «за величайшего фотографа Германии», к тому же на немецком языке, что нереально.

Э. Кох

*Г. Гофман
X4 – Кох или Гофман?*

X5 =? Фрагмент кинокадра

*Кенигсберг. 27 сентября 1939 г. Перед вылетом делегации в Москву.
На переднем плане Риббентроп и гауляйтер Восточной Пруссии Э. Кох.
Сзади в фуражках два военных летчика, вероятнее всего, пилоты*

вылетающих самолетов: справа – Баур, слева – пилот второго самолета

Сентябрь 1939 г. Из этого кинокадра встречи, показанной в нашей стране лишь через 60 лет, видно, что делегация Риббентропа второй раз прилетала в Москву как минимум тремя самолетами, один из которых был «Кондор» (справа) и два Ю-52 (в центре и слева)

27—28 сентября 1939 г. X6 – вероятнее всего, Кордт

Фотографии, опубликованные в 1939 г

А теперь посмотрим, какие же фотографии встреч советского и германского руководства были опубликованы в советской печати в 1939 г.

Из 41 известных мне фото августовских и сентябрьских встреч Сталина и Молотова с Риббентропом было опубликовано **всего три фотоснимка – один августовский и два сентябрьских.**

Вот единственный опубликованный тогда снимок августовской встречи. Он сделан фотографом М. Калашниковым 23 августа (точнее – ночью 24 августа) 1939 г. в кабинете Молотова сразу же после подписания советско-германского Договора о ненападении. Начальник юридического отдела МИД Германии Ф. Гаус гордо показывает его подписанные листы. Справа от него – довольные Риббентроп, Сталин и Молотов. Снимок был опубликован в «Правде» 24 августа 1939 г.

Далее идет первый из двух опубликованных тогда сентябрьских снимков. Он сделан фотокорреспондентом ТАСС Ф. Кисловым 27 сентября 1939 г. и напечатан в «Правде» 28 сентября. По непонятной причине этот снимок никогда не повторялся в последующих публикациях и сохранился лишь в пожелтевшей газетной копии. На нем четко видны два

приземлившихся немецких самолета.

Второй снимок был опубликован в «Правде» 28 сентября 1939 г. На нем запечатлен процесс подписания договора Молотовым. У него, как и у Сталина, на лице явное удовлетворение (выиграли!), которое контрастирует с задумчивым взглядом Риббентропа (временная уступка?). Эта фотография интересна тем, что на ней имеются следы монтажа – похоже, что справа от Сталина стоял кто-то из скрываемых участников этой встречи, которого заменили советским переводчиком Павловым.

Для сравнения я привожу другой снимок этого же места в кремлевском кабинете. На нем видно, что позади стола Молотова – плоская стена без всяких выступов, стыков и сводов, которые видны на опубликованной в сентябре 1939 г. фотографии. На той заметны разделяющая Сталина и Павлова линия, нестыковка правого плеча Павлова, ретушь вокруг головы Гауса.

Члены «ближнего круга» фюрера в составе делегации

Изучение состава делегации Риббентропа показало, что **семь ее членов были из ближайшего окружения Гитлера**. Можно, конечно, предположить, что своего личного пилота Ганса Баура вместе с самолетом «Кондор» FW-200 фюрер выделил Риббентропу для обеспечения максимальной скорости и безопасности этого важнейшего полета. По имеющимся сведениям, этот «Кондор» был оснащен самыми современными навигационными приборами, а кресло фюрера в нем было оборудовано различными средствами безопасности, в том числе для парашютирования. Своего личного фотографа и друга Г. Гофмана фюрер мог послать для того, чтобы тот сделал снимки, дающие полное представление о загадочном русском диктаторе. Но очень трудно объяснить, зачем в делегацию Риббентропа Гитлер включил своего постоянного представителя Хевеля, личного адъютанта Шульце, своего офицера-ординарца Вюнше, личного врача Брандта и личного переводчика с английского и французского, а также стенографиста-хронографа Шмидта – людей, которые практически неотлучно всегда находились рядом с фюрером.

Если же добавить к ним оказавшихся в кремлевском кабинете лиц Х2 и Х3 (предположительно, геополитика К. Хаусхофера и генерала В. Кейтеля – весьма близких Гитлеру главных его советников), а также вышеупомянутую «фройлен Эдит Крюгер» – Еву Браун, то наиболее вероятной причиной включения в делегацию Риббентропа столь значительной части свиты Гитлера окажется не что иное, как... тайное участие в ней самого фюрера, возможно, под именем неидентифицированного Эдуарда Брюкельмейера.

Ниже приведена фотография Гитлера с полным составом его «ближнего круга», полужирным шрифтом выделены имена тех из них, кто был включен в состав делегации или оказался с ней в Москве инкогнито. Из них в газетных сообщениях о составе делегации был упомянуты лишь фотограф Гофман и адъютант Шульце (Рихард – брат Ганса Теодора).

*Ставка «Вольфшанце». Июнь 1940 г. Слева направо: 1-й ряд – Брукнер, Дитрих, **Кейтель**, Гитлер, Йодль, М. Борман, Белов, **Гофман**; 2-й ряд – Энгель, **д-р Брандт**, Боденшатц, Шмундт, Вольф, Моррель, Ганс Теодор **Шульце**; 3-й ряд – Путткамер (за Кейтелем), Лоренц (за Боденшатцем), **Хевель** (за Гитлером), неизвестный (за Шмундтом), **Шауб**, **Вюнише***

Вполне возможен и другой вариант: Гитлер собирался лететь в Москву, но в последний момент передумал или обстоятельства не позволили ему этого сделать.

Тогда понятно отсутствие некоторых членов его свиты, включенных в список делегации, на фотографиях и в кинокадрах, сделанных в Москве. Если Гитлер тайно прилетал, то встреча, переговоры и проводы проходили тайно, если же он передумал или не смог прилететь – не прилетел и никто из его окружения, кроме Гофмана и Шульце, а также Евы Браун.

Есть несколько интересных фактов, косвенно подтверждающих возможность прилета Гитлера в Москву в августе 1939 г. Шеф-пилот Гитлера Ганс Баур утверждает, что 23 августа пилотируемый им самолет (разумеется, он указывает, что с Риббентропом на борту) встречал, а 24 августа провожал Молотов. Хотя, согласно публикациям в прессе и многим мемуарам, а также кинокадрам, это делал замнаркома Потемкин. Так может быть, самолет с Гитлером на борту, который вел Баур, приземлился не на Центральном аэродроме, а на одном из подмосковных военных аэродромов?

Весьма показателен еще один факт. Когда делегация летела из Москвы, в воздухе якобы была получена команда фюрера приземлиться не в Берхтесгадене, а в Берлине. «Неожиданно наш самолет радиogramмой повернули на Берлин, куда Гитлер вылетел в тот же день», – написал в

своих предсмертных мемуарах Риббентроп. Это значит, что Гитлер приземлился в Берлине, якобы возвращаясь из Берхтесгадена, в тот самый день, когда Риббентроп прилетел из Москвы. Интересно отметить, что и Гитлер, и Риббентроп были в этот день (24 августа) в белых плащах (см. ниже), хотя Риббентроп прилетел в Москву 23 августа в черном (см. справа).

24 августа 1939 г. Гитлер прилетел из Берхтесгадена в Берлин встречать Риббентропа. Кинокадр немецкой хроники.

23 августа 1939 г. кинокадр сделан в Москве в день прилета.

24 августа 1939 г. Кинокадр сделан в Москве в день отлета.

А теперь проанализируем несколько фактов, опровергающих возможность пребывания Гитлера в Москве в августе 1939 г. с делегацией Риббентропа. Статс-секретарь МИД Германии Вейцекер в своих воспоминаниях «Посол третьего рейха» пишет: «Договорившись о том, что я приеду к Гитлеру на следующее утро с Хендерсоном (посол Англии в Берлине. – А. О.), я отправился спать... Всем известно, как протекали беседы в Бергхофе, одна состоялась утром, а другая в полдень 23 августа 1939 года... На следующее утро, 24 августа, я общался с Гитлером наедине... 24 августа, после нашего возвращения на самолете в Берлин, стало ясно, что британский парламент не оказал Гитлеру того уважения, на которое тот рассчитывал... Вечером того же дня Гитлер в присутствии Геринга и меня заставил только что вернувшегося Риббентропа описать, как выглядела ситуация в Москве» [14. С. 216–218].

На первый взгляд, эта цитата говорит о том, что Гитлер не мог быть в Москве 23–24 августа. Но не будем забывать, что, во-первых, свои воспоминания Вейцекер писал в тюрьме в 1947–1950 гг., а значит, он не мог не считаться с официальной точкой зрения стран антигитлеровской коалиции. А, во-вторых, единственная встреча Гитлера в эти дни с иностранцем, послом Англии Гендерсоном, в присутствии Вейцекера могла произойти действительно 23 августа, но утром, еще до вылета фюрера в Москву. Вторая беседа Вейцекера с Гитлером 23 августа и «общение наедине» 24 августа вполне могли состояться... по телефону, когда фюрер уже был в Москве, или по радио во время полета (ведь Риббентроп пишет, что получил указание фюрера об изменении маршрута полета именно по радио). А вечером 24 августа все они собрались в Берлине.

Есть еще одно косвенное свидетельство в пользу тайного приезда Гитлера в Москву с делегацией Риббентропа. Пилот Баур описывает прилет в Москву так: «Пока мы кружили над аэродромом, я смотрел вниз и думал: “Что за беда! Что там происходит?” Я видел десятки советских флагов и германских со свастиками, развевавшихся по ветру, внушительный почетный караул и оркестр со сверкающими на солнце медными инструментами» [4. С. 204–205]. А вот что докладывал своему правительству посол США в Москве Ч. Болен: «Возникшее замешательство отразилось даже на самой церемонии приема Риббентропа в Москве. У русских не было нацистских флагов. Наконец их достали – флаги с изображением свастики – на студии “Мосфильм”, где снимались антифашистские фильмы. Советский оркестр спешно разучил нацистский гимн. Этот гимн был сыгран вместе с “Интернационалом” в аэропорту, куда приземлился Риббентроп» [52. С. 35].

Риббентроп же в своих мемуарах отмечает советский и германский флаги в единственном числе: «Мы прибыли в московский аэропорт, над которым рядом с флагом Советского Союза развевался флаг рейха». П. Шмидт в своих воспоминаниях также отметил, что, выйдя из самолета, увидел «флаг со свастикой в дружеском соприкосновении с флагом с серпом и молотом» – оба флага в единственном числе.

Есть еще одно существенное различие в описаниях встречи в московском аэропорту. Почему-то только американский посол и личный пилот фюрера Баур пишут о почетном карауле и оркестре, остальные подчеркивают скромность этой встречи – от НКВД были только замнаркома Потемкин и заведующий Протокольным отделом Барков, никакой торжественной церемонии этой встречи не зафиксировано ни в мемуарах, ни в кинофотодокументах^[8]. Это тоже может навести на мысль, что встреч было две, из которых одна была тайной.

А вот еще один кадр – из немецкого киножурнала «Вохеншау» (аналога советского киножурнала «Новости дня»). На нем показана триумфальная встреча Риббентропа немцами после подписания пакта Риббентропа – Молотова. Все понятно: немцы радуются тому, что войны на два фронта не будет, более того – из России будут поступать в большом количестве зерно и нефтепродукты. Вопрос в том, где и когда произведена это съемка?

Если это происходит 24–25 августа 1939 г. в Берлине, то почему справа от стоящего в машине триумфатора Риббентропа сидит гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох? Если же это происходит в Кенигсберге – столице Восточной Пруссии (откуда, кстати, делегация Риббентропа и вылетала в Москву 23 августа), то присутствие Коха абсолютно понятно – он встречает Риббентропа как хозяин региона либо разделяет с ним триумф как участник поездки в Москву. Но тогда почему же не выполнено полученное Риббентропом в воздухе указание Гитлера о смене курса его самолета и приземлении в Берлине? Сам Риббентроп в мемуарах упомянул, что была сделана кратковременная остановка в Кенигсберге, но о триумфальной встрече населения почему-то не сказал ни слова.

В Кенигсберге 24 августа 1939 г. Риббентроп (с поднятой рукой) на балконе, скорее всего, резиденции гауляйтера Восточной Пруссии Э. Коха

Жители Кенигсберга приветствуют Риббентропа.

И наконец, последний штрих. В своей книге воспоминаний Г. Баур опубликовал приведенный на с. 93 снимок Гитлера в белом плаще возле своего личного «Кондора» «Гренцмарк», который летал в Москву 23 августа 1939 г., причем Баур подписал этот снимок так: «Перед стартом. Польша, 1939 год» [4. Фотовкладка. С. 12]. Однако известно, что война в Польше началась в сентябре, Гитлер приехал туда на своем спецпоезде. На самолете же, находясь в Польше, он первый раз вылетел лишь 22 сентября – в день гибели в этой войне первого немецкого генерала – Фриче. Этот снимок никак не соответствует времени и ситуации – ни по погоде, ни по одежде, ни по настроению. Скорее всего, просто Баур скрывал истину, и, возможно, этот снимок сделан при пересадке фюрера с «Кондора» на Ю-52, на котором он вернулся в Берлин, чтобы там встретиться с Риббентропом и при большом стечении приближенных (!) выслушать его восторженный отчет о встрече со Сталиным.

Вполне возможно, что на верхнем снимке зафиксирована встреча в Кенигсберге прилетевшего 24 августа 1939 г. из Москвы фюрера (возле «Кондора» «Гrenzмарк», того самого, на котором Риббентроп улетал из Москвы), а на нижнем – выход фюрера с сопровождением из «Юнкерса» Ю-52 в тот же день в Берлине.

Не исключено, что этот снимок, запечатлевший доклад Риббентропа Гитлеру и получивший в последние годы широкую известность, был сделан специально для сокрытия факта пребывания Гитлера в Москве.

«Фройлен» в составе делегации – Эдит Крюгер или Ева Браун?

На кинокадрах, снятых в момент прощания с делегацией Риббентропа 24 августа и ее отлета из Москвы, я обнаружил лишь двух отъезжающих женщин – обе в белых платьях.

Первая из них, в легком шарфике и черной шляпке с белой широкой лентой, все время находится вблизи фотографа Гофмана, адъютанта Шульце или рослого и упитанного охранника. Это хорошенькая блондинка лет 25–28. Весьма вероятно, что именно она указана в немецком списке делегации под именем Эдит Крюгер с экзотической должностью «фройлен» (явный намек на то, что она лицо неофициальное). Я уже высказал предположение, что этой женщиной могла быть Ева Браун (род. в 1912 г.). Далее я приведу несколько фотографий и кинокадров, сделанных в Москве и подтверждающих эту смелую догадку.

Вторая молодая дама, с фотоаппаратом в руках, все время держится недалеко от Эдит Крюгер и фотографа Гофмана, она без головного убора, брюнетка. На приведенном выше фото она крайняя слева, разговаривает с руководителем экономической делегации К. Шнурре (позади которого адъютант Р. Шульце беседует с «Эдит Крюгер»). Согласно списку делегации, ее зовут Гильда фон Зееф, однако совершенно не исключено, что на самом деле это Ильзе Браун – старшая сестра Евы Браун (она старше на три года).

Ниже я привожу семь фотографий Евы Браун, а под ними три фрагмента из кадров кинохроники о проводах делегации Риббентропа в московском аэропорту, на которых запечатлена фройлен «Эдит Крюгер», весьма похожая на пассию фюрера (возраст, овал лица, форма носа, слегка асимметричный тяжеловатый подбородок, волосы, улыбка).

Семь фото Евы Браун

Три фрагмента из кинокадров с «Эдит Крюгер» 24 августа (проводы Риббентропа в Москве)

А вот для сравнения фотография, сделанная в Германии.

На прогулке в Бергхофе. Впереди – Ева с фюрером, за ней – Ильзе (в профиль), возле нее адъютанты. У Евы в руках фотокамера.

Посмотрите еще раз на кинокадр, сделанный 24 августа 1939 г. во время проводов делегации Риббентрона в Москве. Крайняя слева – «Гильда фон Зееф». У нее в руках фотоаппарат.

Теперь я привожу два фото и один кинокадр, весьма убедительно показывающие редкостное сходство «секретарши Гильды фон Зееф» со старшей сестрой Евы Браун – Ильзе Браун.

Ильзе Браун – сестра Евы Браун

«Гильда фон Зееф» – фрагмент кинокадра, снятого в Москве

Ильзе Браун – фрагмент снимка, сделанного в Бергхофе

Таким образом, если к семи людям из ближайшего окружения Гитлера, оказавшимся в списке членов делегации Риббентропа (Шмидт, Хевель, Гофман, Брандт, Вюнше, Шульце, Баур) добавить двух его главных советников, обнаруженных в эти часы рядом со Сталиным (Кейтель и Хаусхофер), да еще сестер Еву и Ильзе Браун, обнаруженных на аэродроме при отлете, то окажется, что в Москве в эти дни побывало одиннадцать человек из постоянного окружения фюрера и его главных советников. А уж что это означает – судите сами.

На мой взгляд, независимо от того, побывал Гитлер в Москве или только собирался туда ехать, обнаруженный список делегации Риббентропа доказывает, что она была сформирована в расчете на участие фюрера. Это означает также, что Гитлер получил приглашение приехать в Москву от Сталина и Молотова и дал официальное согласие, предоставив при этом список своего ближайшего окружения на всех встречах Риббентропа с Молотовым в августе и сентябре 1939 г.

А вот факт приезда самого фюрера пока остается неустановленным.

Мои предположения основываются лишь на одном документе – списке делегации Риббентропа, обнаруженном в ведомственном архиве МИД – Архиве внешней политики РФ.

Рукопись этой книги уже находилась в издательстве, когда мне попала в Интернете фотография человека, лицо которого я где-то недавно видел. Перебрав фото, подобранные для книги, я довольно быстро нашел его «двойника». Им оказался тот самый «упитанный охранник», который на проводах делегации Риббентропа из Москвы 24 августа опекал хорошенькую блондинку «фройлен Эдит Крюгер», а может быть, Еву

Браун.

Ганс Раттенхубер

Охранник возле Евы Браун – «Виппер» – «Раттенхубер»

Но под фотографией в Интернете была подпись: «Ганс Раттенхубер... группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции (24.2.1945), начальник личной охраны Гитлера». Мало того, что таким образом обнаружен двенадцатый человек из самого близкого окружения фюрера, побывавший в августе 1939-го в Москве, но к тому же он начальник его личной охраны, а еще и его бессменный телохранитель, который просто не имел права отлучаться от своего шефа. Неужели Гитлер отпустил его в Москву на день-два для обеспечения безопасности Евы? В принципе возможно, но маловероятно! Ведь в статье о Гансе Раттенхубере, опубликованной в Википедии, сказано: «Постоянно находился при Гитлере, сопровождая его во всех поездках и обеспечивая его охрану».

Рейхсфюрер Гиммлер благодарит команду под руководством г. Раттенхубера. Надо же, такое совпадение: на случайно найденном в Интернете фото их тоже семеро, ровно столько, сколько было в группе охраны делегации Риббентропа под командой Раттенхубера – «Виппера». А может быть, это они и есть? И время года подходит – лето или начало осени. Неужели бывают такие совпадения?

История появления Раттенхубера возле фюрера такова. Г. Раттенхубер впервые познакомился с Г. Гиммлером в 1918 г. в период их совместного обучения в офицерской школе, в 1929–1933 гг. он был председателем Союза полицейских чиновников Баварии, и Гиммлер очень ценил его как профессионала. Став в 1933 г. полицей-президентом Мюнхена, Гиммлер назначил Раттенхубера своим адъютантом. Для обеспечения безопасности Гитлера во время его пребывания в Баварии Гиммлер создал под руководством Раттенхубера группу охраны из сотрудников криминальной полиции. С этого времени и до смерти Гитлера 30 апреля 1945 г. Раттенхубер являлся бессменным начальником личной охраны фюрера. Скорее всего, охрану делегации в Москве обеспечивали те самые его мюнхенские коллеги. Поэтому вполне вероятно, что руководителем охраны в немецкой делегации был именно Раттенхубер, фигурирующий в немецком варианте списка делегации Риббентропа под фамилией Виппер. Ведь только рядом с этой фамилией указано высокое звание «советник криминальной полиции» (что соответствует армейскому майору или штурмбаннфюреру СС). Шесть остальных охранников в этом списке – просто «служащие криминальной полиции».

Хочу сказать, что до обнаружения «Списка делегации Риббентропа»

вероятность приезда с этой делегацией в Москву Гитлера, на мой взгляд, не превышала 5 %. Найденный список увеличил эту вероятность сразу до 50 %. Присутствие в составе этой делегации Евы Браун повышает ее до 75 %, а идентификация сопровождающего ее охранника как Раттенхубера – даже до 90 %.

Так что российским и германским историкам и ведомственным архивистам пора предъявить подлинные документы об этой поездке, а то могут опоздать, и истина будет установлена без них.

Перечисленные факты и кино– и фотодокументы позволяют сделать следующие выводы.

1. Сталин пригласил Гитлера в Москву, и приглашение было принято.
2. Гитлер собирался приехать, иначе никогда не дал бы советскому руководству список своего «ближнего круга».
3. Этим Гитлер проявил величайшее доверие к Сталину, что подчеркивает приезд в составе делегации его пассии Евы Браун со своей сестрой Ильзе Браун под псевдонимами.
4. Тот факт, что должна была состояться встреча первых лиц, подтверждают и фото этих встреч, на которых постоянно присутствует Сталин. Это означает либо то, что Гитлер тоже был там, но «не попал в объектив», либо то, что все его полномочия были переданы Риббентропу (о чем свидетельствует выданная ему Гитлером доверенность).

Берлинские «университеты» для советской оборонной промышленности. Советские авиационные комиссии и делегации в 1939–1941 гг

Одним из самых важных для понимания советско-германских предвоенных отношений в 1939–1941 гг., но, тем не менее, малоизученных направлений удивительного военно-технического сотрудничества являются непрерывные поездки в этот период советских делегаций и комиссий в Германию, а немецких – в СССР (о последних почти нет никаких сообщений). Вопрос о необходимости немедленной отправки советских специалистов в Германию впервые был поднят в Политбюро 4 сентября 1939 г., на 10-й день после подписания договора о ненападении между СССР и Германией и на следующий день после объявления Англией и Францией войны Германии. Такая близость дат вполне могла означать, что Сталин боялся объявления войны со стороны этих стран и Советскому Союзу в тот момент, когда советские войска вступят на территорию Восточной Польши в соответствии с имевшейся договоренностью об этом с Германией. Оказывается, такой вариант был возможен в соответствии со статьей 1 англо-польского договора от 25 августа 1939 г. и пунктом 1b специального протокола к нему (см. Приложение 1). Поэтому надо было срочно готовиться к большой войне, для чего совершить качественный скачок в военной технике. Помощь в этом деле в сложившейся ситуации могла оказать и оказывала только Германия (особенно после начала Финской войны, когда правительство США наложило «моральное эмбарго» – запрет на поставку авиационных технологий в СССР).

Долгие годы в нашей стране тема поездок в Германию советских комиссий в предвоенный период оставалась одной из самых запретных. Первым рассказал о них в своей книге «Цель жизни» выдающийся авиаконструктор, начальник ОКБ и замнаркома авиапромышленности А. С. Яковлев:

«Вслед за пактом о ненападении было заключено также и экономическое соглашение, по которому Советский Союз обязывался поставлять Германии некоторые виды сырья в обмен на немецкое

оборудование и машины, в том числе самолеты.

Для реализации этого соглашения в Германию выехала торговая делегация^[9] во главе с И. Ф. Тевосяном. В авиационную группу делегации вошли А. И. Гусев (руководитель), И. Ф. Петров, Н. Н. Поликарпов, В. П. Кузнецов, П. В. Дементьев и я, а также ряд инженеров разных специальностей. В задачу группы входило ознакомление с немецкой авиационной техникой и выбор наиболее интересных объектов для закупки.

Таким образом, совсем незадолго до войны мне пришлось побывать в Германии. И хотя между нашими странами был заключен договор о ненападении, все мы знали, что фашизм есть фашизм и что рано или поздно, а воевать с фашистами придется. В один из первых дней пребывания в Берлине нас принял генерал-полковник Удет – заместитель Германа Геринга, бывшего в то время министром авиации. Генерал Удет ведал всей технической частью министерства авиации и был теснейшим образом связан с авиационными промышленниками – Мессершмиттом, Дорнье, Хейнкелем и др. Его должность имела громкое название – генерал-фельдцейхмейстер.

Удет – известный военный летчик Первой мировой войны, а также инженер-конструктор. Незадолго до нашего приезда ему удалось установить мировой рекорд скорости на одном из самолетов Хейнкеля, с которым они были большими друзьями.

С первой же встречи Удет произвел на меня хорошее впечатление – невысокий, плотный, с открытым приятным лицом, живой в обращении. Он сразу заявил, что по указанию Геринга покажет нам все самолеты, моторы и предметы оборудования, состоящие на вооружении германских ВВС. Для начала он предложил продемонстрировать немецкую технику на земле и в полете на аэродроме Иоганишталь под Берлином; затем проехать по авиационным заводам Юнкерса, Хейнкеля, Мессершмитта, Фокке-Вульфа, Дорнье; повидаться там с конструкторами; выбрать то, что мы захотим приобрести, а потом еще раз встретиться для окончательных переговоров. Такая программа с нашей стороны возражений не встретила, и на другой же день состоялся показ в Иогаништале.

На линейке аэродрома в строгом порядке, как на параде, было выставлено много различной военной техники, двухмоторные бомбардировщики “Юнкерс-88” и “Дорнье– 215”, одномоторные истребители “Хейнкель-100” и “Мессершмитт-109”, разведчики “Фокке-Вульф-187” и “Хеншель”, двухмоторный истребитель “Мессершмитт-110”, пикирующий бомбардировщик “Юнкерс-87” и другие самолеты. Около

каждой машины замерли по стойке смирно экипажи – летчики и механики.

Нас встретили многочисленные чины министерства авиации во главе с Удетом. Для начала Удет пригласил нашего главу – Тевосяна к самолету связи “Шторх” (“Аист”), сел на пилотское кресло и предложил Ивану Федоровичу занять место пассажира. Запустили мотор, и прямо с места, с очень коротким разбегом Удет поднял машину в воздух, в течение нескольких минут покружил на небольшой высоте над нами и с блеском приземлился точно на стоянку.

Тевосян вышел из самолета и похвалил машину. Позже этот самолет Геринг нам подарил... Затем мы приступили к осмотру выставленных самолетов. Нам были названы их летно-тактические данные, особенности вооружения и оборудования. Когда осмотр закончился, самолеты один за другим с интервалом в одну-две минуты поднялись в воздух, на бреющем полете прошли над нами и в таком же порядке выполнили посадку. Все было организовано образцово. По-видимому, такие показы устраивались не в первый раз и не только для нашей делегации.

Мы вернулись в “Адлон” под сильным впечатлением виденного. Однако нашего генерала Гусева одолевали сомнения: не могли же немцы показать нам действительный уровень военной авиационной техники. “Наверное, нас считают дураками и показали старье, а не современные самолеты”, – говорил он.

Признаться, меня тоже смущала откровенность при показе секретнейшей области вооружения. Действительно, может быть, нас водят за нос, втирают очки, пытаются продать устаревшие типы самолетов? После зрелого размышления мы решили, однако, пока не спешить с окончательным заключением, а побывать на заводах. Там будет виднее.

И действительно, поездка по заводам во многом помогла рассеять наши сомнения. Серийное производство самолетов и моторов, характер технологической оснащенности заводских цехов довольно убедительно говорили о том, что показанное в Иогаништале и есть основа технического оснащения “Люфтваффе” – военно-воздушных сил гитлеровской Германии. Однако некоторые члены нашей комиссии держались другого мнения. “Старье, барахло, настоящую, современную технику скрывают, покупать нечего” – вот что они нам твердили...

По возвращении в Берлин нас, как и было обещано, снова принял Удет. Однако его отношение резко изменилось, когда наш старший, генерал Гусев, в довольно бестактной форме заявил, что показанные самолеты устарели, интереса для нас не представляют и что мы хотели бы увидеть технику сегодняшнего дня. Удет вспыхнул:

– Я офицер и за свои слова отвечаю. Мы показали все, и, если вам не нравится, не покупайте. Мы не настаиваем – дело ваше.

Когда во время разразившейся через полтора года войны против Советского Союза гитлеровская авиация стала терпеть поражения от советских летчиков, виновником этих неудач гитлеровцы объявили Удета. Его обвинили в том, что он выдал советским людям, то есть нашей делегации, все секреты “Люфтваффе”. В начале 1942 года в Москву поступили сведения, что “при испытании нового оружия погиб генерал-полковник Удет”.

Из опубликованных после войны мемуаров конструктора Хейнкеля стало известно, что против Удета интриговал другой заместитель Геринга – фельдмаршал Мильх. Геринг пытался их мирить, но у него ничего не получалось. Конфликт с каждым днем обострялся. Мильх, пользуясь расположением Гитлера, организовал настоящую травлю Удета.

Хейнкель пишет: Удет надеялся, что Геринг поддержит его, так как тот сам опасался честолюбия Мильха, однако маршал старался защитить себя. Он искал компромиссов и не оказал Удету никакой поддержки. Он, правда, все еще не хотел смещать Удета и поставить на его место Мильха, что было бы вполне естественным решением. “Ты должен остаться. Ты должен работать вместе с Мильхом, – не раз говорил он. – Если я отпущу тебя с твоего поста, весь мир поймет, что что-то неладно” ...

Мильх продолжал свои интриги, которые достигли высшей точки к моменту провала гитлеровского наступления на Москву.

Читаем у Хейнкеля:

“17 ноября в полдень Пфистермайстер (сотрудник Хейнкеля. – А. Я.) позвонил мне из Берлина. “Удет скончался”, – сказал он. У меня перехватило дыхание. “Как это произошло?” – “Застрелился”, – ответил он.

...Удет в своей спальне пустил себе пулю в голову, все было совершенно ясно. Блицкриг против России провалился. “Люфтваффе”, брошенные на восток, были измотаны и разбросаны по русским степям. Их хребет был сломен...

...По приказу Геринга власти позаботились о том, чтобы никто, кроме гробовщика, не видел его и чтобы его самоубийство держалось под строгим секретом...”

По возвращении из Германии, вечером, только я приехал с вокзала домой, позвонил Поскребышев и предложил сейчас же приехать в Кремль.

У Сталина в кабинете был народ. Шло обсуждение каких-то вопросов. Он поздоровался и пошутил:

– Значит, вас прямо с корабля на бал, посидите, послушайте. Мы скоро

кончаем и тогда поговорим с вами.

Через некоторое время он предложил подробно рассказать о поездке. Слушали очень внимательно, не перебивая.

Я не скрыл, что в нашей авиационной группе были разногласия. Наши военные руководители считали, что немцы обманывают нас, втирают очки, показывают старье. Что самолеты “Мессершмитт”, “Юнкерс” и другие – это устаревшие, несовременные машины, а что с современной техникой нас не познакомили. Работники промышленности, наоборот, считали, что такие самолеты, как истребители “Мессершмитт”, бомбардировщики “Юнкерс”, – сегодняшний день немецкой военной авиации. Правда, и нас смущало то, что если это техника современная, то почему нам ее показывают. Однако мы твердо считали, что технику эту надо закупить и как следует изучить.

Сталин очень интересовался вооружением немецких самолетов: стрелково-пушечным, бомбовым, а также сравнением летно-технических данных с нашими машинами аналогичных типов.

Разговор затянулся до поздней ночи и закончился уже на квартире Сталина за ужином» [105. С. 180–189].

«Не успел я еще как следует освоиться с новой должностью, как в марте 1940 года пришлось вторично поехать в Германию с экономической делегацией И. Ф. Тевосяна. Это произошло так же неожиданно, как и первый раз.

Первоначально меня не включили в состав авиационной группы этой делегации. Авиационных специалистов представляли два десятка работников промышленности и военно-воздушных сил. Как потом стало известно, за несколько дней до отъезда Сталин просматривал списки членов делегации и почему-то обратил внимание на отсутствие в списке моей фамилии. И тут же дал указание назначить меня руководителем авиационной группы.

За два дня до отъезда он вызвал меня к себе и стал говорить о задаче, возлагавшейся на комиссию. Она заключалась в том, чтобы в возможно короткий срок закупить в Германии авиационную технику, представлявшую для нас наибольший интерес. Требовалось сопоставить уровень наших самолетов и немецких, изучить технические новинки в области авиации вообще. Внимательно выслушав Сталина, я в свою очередь поставил перед ним несколько вопросов.

Первый вопрос – о составе авиационной группы. Я считал, что поскольку мне придется отвечать за выполнение порученных группе заданий, то я имею право скорректировать состав ее участников, на что мне

сразу же было дано согласие» [Там же. С. 211–212].

«После поездки по заводам и встреч с Мессершмиттом, Хейнкелем и Танком у членов авиационной комиссии составилось вполне определенное мнение о необходимости закупить истребители “Мессершмитт-109” и “Хейнкель-100”, бомбардировщики “Юнкерс-88” и “Дорнье-215”.

Однако из-за бюрократических проволочек аппарата торгпредства мы не могли быстро и оперативно решить порученную нам задачу, то есть принять на месте решение о типах и количестве подлежащих закупке самолетов.

Заведующий инженерным отделом торгпредства Кормилицын предложил действовать по обычной в таких случаях схеме: от имени торгпредства послать запрос во Внешторг, чтобы последний согласовал его с ВВС и Наркоматом авиационной промышленности, то есть потратить несколько месяцев на ведомственные переговоры без гарантии на успех.

Я, видя такое дело, попробовал послать телеграмму по адресу: “Москва, Иванову”. Торгпредское начальство телеграмму задержало и запретило передавать ее в Москву. Только после того, как я объяснил Тевосяну, что, предвидя возможность каких-либо затруднений и учитывая важность задания, Сталин разрешил при осуществлении нашей миссии обращаться непосредственно к нему и для этой цели дал мне шифрованный телеграфный адрес: “Москва, Иванову”, он согласился и приказал не чинить препятствий.

Буквально через два дня был получен ответ, предоставляющий право на месте определить типы и количество закупаемых самолетов без согласования с Москвой. Такая быстрая реакция на мою шифровку буквально потрясла торгпредских чиновников. Работать стало очень легко, и поставленная перед нами правительством задача была успешно решена.

В общем, вторая поездка в Германию оказалась такой же интересной и полезной, как и первая, а может быть, еще интереснее, потому что если первая носила ознакомительный характер, то эта – деловой: мы отбирали и закупали нужную нам авиационную технику.

В день возвращения в Москву из Германии, вечером, я был вызван к Сталину, у которого находились Молотов, Микоян, Маленков и Шахурин. Со мной долго и подробно беседовали, сперва в кремлевском кабинете, а потом за ужином на квартире у Сталина. Сталина интересовало все: не продают ли нам немцы старье, есть ли у них тяжелые бомбардировщики, чьи истребители лучше – немецкие или английские, как организована авиапромышленность, каковы взаимоотношения между немецкими ВВС – “Люфтваффе” и промышленностью и т. д.

Участвовавших в беседе, естественно, больше всего интересовало: действительно ли немцы показали и продали нам все, что у них находится на вооружении; не обманули ли они нашу комиссию, не подсунули ли нам свою устаревшую авиационную технику.

Я сказал, что у нас в комиссии также были сомнения, особенно в первую поездку, но сейчас разногласий на этот счет нет. Мы уверены, что отобранная нами техника соответствует современному уровню развития немецкой авиации. Сталин предложил мне представить подробный доклад о результатах поездки, что я и сделал» [Там же. С. 222–223].

«Советско-германские переговоры в Берлине в ноябре 1940 года были непродолжительны и, как известно, бесплодны. Вся делегация во главе с Молотовым вернулась в Москву, а меня оставили еще на две недели, так как я получил задание использовать свое пребывание в Германии для ознакомления с авиационными заводами, на которые мне не пришлось попасть в предыдущие поездки.

Мне удалось встретиться с некоторыми немецкими авиационными специалистами и еще раз побывать на нескольких заводах, которые нам охотно показывали. Как и в прежние поездки, я задумывался над вопросом: почему гитлеровцы так откровенно знакомят со своей авиационной промышленностью – одной из секретнейших отраслей вооружения армии? Разгадку дали они сами.

Однажды нас пригласили осмотреть авиационный завод Хейнкеля в Ораниенбурге, под Берлином. Завод хороший. Правда, не было случая, чтобы нам показали какой-нибудь завод сразу. Следовало предупредить заблаговременно, что хотим посмотреть такое-то предприятие. Нас туда возили, но показывали, естественно, все в “подготовленном” виде. После осмотра авиационного завода директор предложил мне записать свои впечатления и отзыв в книге почетных посетителей. Я поинтересовался, кто там писал до меня. Оказывается, мы были не первыми из иностранцев, которым показывали этот завод. Многие известные деятели авиации крупнейших стран мира – США, Англии, Франции, Японии – осматривали завод и оставили свои отзывы. Я обнаружил, что здесь побывал и оставил восторженную запись знаменитый американский летчик Линдберг.

Директор завода обратил особое внимание на автограф главнокомандующего французским воздушным флотом генерала Виемена, который посетил этот завод незадолго до начала войны с Германией. Генерал написал: замечательный, лучший в мире завод, который делает честь и славу не только строителям завода, но и вообще германскому воздушному флоту. Пока я читал, директор лукаво поглядывал на меня. Я

прочел и спросил:

– Ну что же тут особенного? Ваш завод стоит такой оценки.

Директор ответил:

– Дело в том, что генерал Виенен был у нас за полтора-два месяца до войны. Он и его спутники посмотрели наш завод и немецкую авиацию похвалили, но, видимо, не сделали соответствующего вывода, потому что через два месяца французы отважились на войну с нами.

Стало понятно, что французскому генералу показывали этот лучший германский самолетостроительный завод, чтобы доказать: авиационная мощь Германии неизмеримо выше воздушной мощи Франции. Они запугивали французов, англичан, запугивали американцев, надеялись запугать и нас. Чувствовалось их стремление поразить нас своей мощью. Не только внушить уважение к немецкой технике, но главным образом посеять в нас страх перед немецкой военной машиной, заложить основу того, чем они побеждали других: заразить паническим ужасом перед мощью гитлеровской Германии и сломить волю к сопротивлению.

По возвращении в Москву меня сразу же, чуть ли не с вокзала, вызвали в Кремль. Сталин проявлял чрезвычайный интерес к немецкой авиации. Поэтому не случайно, как уже, наверно, заметил читатель, каждый раз по возвращении из предыдущих поездок в Германию, меня в тот же день к нему вызывали» [Там же. С. 231–233].

А вот как описывает поездки в Германию другой постоянный член авиационной подкомиссии генерал-майор, а впоследствии генерал-лейтенант авиации И. Ф. Петров – заместитель начальника НИИ ВВС, а затем начальник НИИ ВВС и начальник ЦАГИ, заместитель начальника ГУ ВВС – в своей книге «Авиация и вся жизнь»:

«Вслед за подписанием пакта о ненападении между СССР и Германией была достигнута принципиальная договоренность о торгово-экономическом соглашении, по которому Германия в обмен на некоторые виды сырья обязывалась поставить нам промышленное оборудование, станки, машины, образцы военной техники. Для реализации этого соглашения в октябре 1939 г. в Германию выехала советская хозяйственная комиссия во главе с членом ЦК КПСС И. Ф. Тевосяном^[10]. В состав комиссии входили конструкторы, руководящие деятели промышленности, сотрудники научно-исследовательских институтов и представители военного ведомства.

В период с октября 1939 по январь 1940 г. члены комиссии осмотрели

большое количество образцов военной техники: самолеты, моторы, пушки, танки, самоходные артиллерийские установки, радиотехническую аппаратуру, военные корабли и т. д., и посетили многие предприятия, производившие эту технику. На основе этой подготовительной работы были составлены списки оборудования и образцов техники, которые комиссия рекомендовала к закупке в качестве объектов изучения или для оснащения предприятий. Рекомендованные списки и легли в основу проекта торгово-экономического соглашения между СССР и Германией.

Первоначально руководителем авиационной группы в составе комиссии был назначен генерал Л. И. Гусев. В группу входили П. П. Поликарпов, А. С. Яковлев, П. В. Деметьев, В. П. Кузнецов, Л. Д. Швецов, С. П. Супрун, я и ряд инженеров разных специальностей. После посещения крупнейших заводов Мессершмитта, Хейнкеля, Юнкерса, Дорнье, Фокке-Вульфа у руководителя нашей группы Л. И. Гусева сложилось впечатление, что на заводах нам показывают уже устаревшие типы самолетов, и потому от закупки этих самолетов он отказался. Однако члены комиссии, с “пристрастием” осматривавшие цеха и видевшие детали незавершенного производства, пришли к выводу, что показанные немецкие самолеты составляют основу вооружении “Люфтваффе”. Об этом и был поставлен в известность ЦК партии при докладе о результатах поездки. Поэтому в марте 1940 г. было принято решение послать в Германию вторую комиссию, руководителем авиационной группы которой был назначен уже заместитель наркома авиационной промышленности А. С. Яковлев, а я, числившийся по заграничному паспорту инженером ЦАГИ, – его заместителем. Нашей группой были осмотрены самолетостроительные заводы Хейнкеля в Ростоке, Юнкерса в Дессау, Дорнье в Фридрихсгафене, Мессершмитта в Регенсбурге и Аугсбурге, Фокке-Вульфа в Бремене, Хеншеля в Шокефельде; моторостроительные заводы Даймлер-Бенц в Штутгарте и Бисдорфе, Юнкерса в Дессау, Сименса и Гальске в Берлине, Хирта вблизи Берлина, завод “Байрише Моторен Верке” (BMW) в Мюнхене; заводы, поставлявшие оборудование для самолетов и моторов, – Боша в Штутгарте, Сименса и Гальске в Берлине, Шварца в Берлине, Юнкерса в Магдебурге, Карла Цейса в Иене, завод “Аскания Верке” в Берлине и многие другие.

Мы осматривали лаборатории, цеха, испытательные станции и стенды, беседовали с конструкторами и производственниками. В результате нам не только удалось ознакомиться с имевшимися конструкциями, но и увидеть перспективу их дальнейшего развития на ряд лет.

На основе оценок, сделанных авиационной группой, было решено

закупить следующие образцы самолетов: по два экземпляра бомбардировщиков J-88K1 (пикирующий вариант), J-87 и Do-215; по пять экземпляров истребителей He-100, Me-11 °C-2 (двухмоторный) и Me-109E; два экземпляра двухмоторного учебного самолета FW-58

После осмотра основных авиационных заводов Германии большая часть членов авиационной группы – П. В. Дементьев, А. С. Яковлев, Н. Н. Поликарпов и др. – уехала в Москву. Закупку отобранных самолетов и отправку их в Москву А. С. Яковлев по согласованию с Москвой возложил на меня»[65. С. 46–48].

«Часть самолетов перегоняли в Москву немецкие летчики, некоторые же были разобраны и вместе с другим закупленным оборудованием в нашем сопровождении отправлены по железной дороге...

На одной из встреч в Кремле перед поездкой в Германию И. В. Сталин дал мне и персональное задание: “Вот, вы, товарищ Петров, едете в Германию. Учтите: договор с Германией хотя мы и подписали, но фашистская Германия была и остается злейшим нашим врагом^[11]. Берегите время, надо сделать как можно больше, реализовать согласие немцев на продажу нам указанных в договоре самолетов и моторов. По договору немцы должны нам показать всю авиационную промышленность. При осмотре постарайтесь определить их промышленный потенциал. На случай войны с Германией нам очень важно знать сейчас, сколько они смогут выпускать боевых самолетов в день”.

Тем не менее, осмотрев в Германии 219 авиационных точек – большую часть немецких авиазаводов, особенно новых, – я пришел к выводу, что Германия способна выпускать до 70–80 самолетов в день^[12].

Свое первое сообщение о проведенных мной расчетах я сделал на коллегии МАП^[13], проходившей под руководством А. И. Шахурина. Названная мной цифра настолько не соответствовала существовавшим у руководителей нашей авиационной промышленности представлениям о потенциальной мощности авиапромышленности Германии, что мое сообщение было встречено раздраженно, если не враждебно. После такой реакции я, естественно, почувствовал себя весьма скверно. Шахурин заседание коллегии закрыл, позвонил Маленкову. Тот сказал, чтобы мы немедленно ехали к нему. Когда мы вошли в кабинет, Маленков задал мне единственный вопрос: “Сколько, по-вашему, немцы смогут выпускать боевых самолетов в день?” – “По нашему подсчету, 70–80 самолетов в день”, – ответил я. Больше он со мной разговаривать не стал: знал, что я выполнял личное задание Сталина. Тут же позвонил ему, и Сталин

попросил нас приехать к нему. Реакция Маленкова, отвечавшего в ЦК ВКП(б) за авиационную промышленность, и Шахурина была вполне понятна: наша промышленность выпускала в то время лишь 26 боевых самолетов в день. А так как всем уже было ясно, что война с Германией – дело совсем недалекого будущего^[14], то такое соотношение, как 80:26 говорило не в пользу руководителей нашей авиационной промышленности, и они предпочли бы сделать из меня “врага народа”, завербованного немцами. Жизнь моя опять повисла на волоске.

Когда ею приходилось рисковать в Германии (если бы немцы заподозрили меня в разведке, они живым бы меня не выпустили), я был спокоен – знал во имя чего. Но дома... После моего краткого доклада И. В. Сталин стал подробно расспрашивать, как я получил эту цифру – 70–80 самолетов. На его вопросы я отвечал не без волнения: рука, в которой держал папку с расчетами, сильно вспотела. Сталин взял у меня эту папку, молча походил по кабинету, потом сел и начал читать материалы подсчета. Кроме меня, эти материалы были подписаны инженером-механиком В. К. Михиным, сотрудником нашего Торгпредства в Германии, и С. П. Супруном^[15]. Окончив читать, Сталин встал, подошел к Маленкову: “Надо развернуть нашу промышленность на это количество боевых самолетов – на 70–80 самолетов в день”. После этого ко мне подошел Шахурин и уже очень “дружелюбно” спросил: “Скажите, Иван Федорович, а вы не ошиблись в подсчете?” Я ответил: “Ошибка, Алексей Иванович, есть в наших планах выпуска боевых самолетов на случай войны, и их придется немедленно менять”. Вопрос о резком увеличении выпуска самолетов был настолько важен, что И. В. Сталин вместе с П. В. Дементьевым сам посетил несколько авиационных заводов. На заводах № 1 и № 39 вместе с ними был и я» [Там же. С. 49–51]^[16].

«За время нашей работы в Германии Удет принимал нас трижды: первый раз в Министерстве авиации Германии и два раза на квартире – то ли своей, то ли специально предназначенной для официальных встреч. Первая из этих встреч на квартире состоялась уже после того, как мы объездили и осмотрели все заводы, какие хотели. Удет поинтересовался нашим впечатлением от немецкой авиапромышленности. Мы с Василием Константиновичем Михиным отвечали в том смысле, что промышленность эта мощная, на высоком техническом уровне, способная выполнить любой поставленный ей план. Удет помолчал. Потом сказал: “С планом у нас большие трудности... Вот вы объехали почти всю страну. Обратили внимание, что решетки с балконов и вокруг палисадников почти все сняты?

У нас нет металла. Наше руководство считает, что война с русскими... Он (Гитлер. – А. О.)сказал: чтобы покончить с коммунистами, потребуется три месяца. Поэтому у нас есть только план на ближайшие 2–2,5 месяца – 70–80 боевых самолетов в день (тем самым подтвердив наши собственные выводы). А дальше сказать ничего нельзя – все будет определять война и металл» [Там же. С. 51].

«В 1941 г., командуя авиацией резерва Ставки Верховного Главнокомандующего, на Брянском фронте я встретил В. К. Михина, с которым перед войной мы отправляли в СССР закупленные немецкие самолеты и который теперь возглавлял воздушную разведку Брянского фронта. Василий Константинович, авиационный инженер, отлично владел немецким языком, хорошо знал немецкую авиационную промышленность и ее кадры.

В Брянской тюрьме мы втроем – я, Василий Константинович и Илья Эренбург, военный корреспондент «Правды», допрашивали пленных немецких летчиков. Нас особенно интересовал летный состав “Люфтваффе” и изменения в авиапромышленности Германии. Оказалось, что в промышленности существенных изменений не было. А вот в командовании ВВС Германии изменения произошли: стало точно известно, что генерала Удета среди авиационной верхушки нет. Кроме того, сбитые немецкие летчики рассказывали, что **те специалисты военной приемки, которые до войны работали с нами при отборе для закупки немецких военных самолетов, были посажены в тюрьму и вряд ли теперь живы.**

Уже после войны довелось мне смотреть трофейный немецкий художественный трехсерийный фильм “Без борьбы нет победы”, снятый примерно в 1943 г. Основная его идея – борьба с “предателями Великой Германии”. Коротко его содержание. В первой серии молодой немецкий автогонщик, избалованный мировой славой, устанавливает рекорды. Во второй серии этот постаревший и всеми забытый экс-чемпион в ресторане высказывает генералу Удету свои обиды на правительство Германии. То обстоятельство, что Удет его выслушивает, свидетельствует о том, что и сам Удет, один из немецких асов, находится в числе недовольных, считает себя недооцененным. В третьей серии преданные Гитлеру и “Великой Германии” люди докладывают фюреру о том, что часть лучших немецких самолетов, перегоняемая немецкими летчиками, уже приземлилась на Центральном аэродроме в Москве, а другая часть их, отправленная по железной дороге, пересекла границу СССР. Взбешенный Гитлер вызывает к себе в ставку генерала Удета – виновника этого неслыханного “предательства”. Генерал, получив вызов, предпочитает застрелиться в

своим кабинете.

Фильм вышел в Германии еще до заговора фашистских генералов против Гитлера, и возможно, что самоубийство (или убийство?) Удета – действительный факт^[17].

Итак, с одной стороны, потеря Германией перед самой войной секретов одного из мощнейших наступательных родов войск – авиации. С другой стороны, широкое развертывание нашей авиационной промышленности, выявление слабых сторон новейшей боевой техники врага, что в немалой степени помогало нашим летчикам в ее уничтожении (вспомним подвиги А. И. Покрышкина, И. Н. Кожедуба и сотен других героев) – вот результаты нашей работы в Германии.

Чем же можно объяснить тот невероятный факт, что новейшие боевые машины немецких ВВС перед самой войной вдруг оказались в Москве? Пожалуй, только одним: у немцев был разработан план скорой войны с нами, и они, откровенно показывая мощь своей военной техники, старались морально нас подавить, будучи совершенно уверенными в том, что нам не успеть воспользоваться полученными сведениями и что-либо предпринять в противовес. Правда, история с генералом Удетом показала, что Гитлер все же пожалел о содеянном и нашел в генерале козла отпущения»^[18] [Там же. С. 56–57].

Выше приведены очень интересные личные воспоминания о поездках советских военно-технических комиссий в Германию в период предвоенного (1939–1941 гг.) сотрудничества СССР и Германии. Книга А. С. Яковлева «Цель жизни», в которой впервые в СССР были опубликованы сведения об этом загадочном периоде, вышла в 1967 г. огромным тиражом в Госполитиздате и потом многократно переиздавалась. Воспоминания же И. Ф. Петрова «Авиация и вся жизнь» были изданы лишь в годы перестройки – в 1992 г. в ЦАГИ тиражом 245 (!) экземпляров, поэтому в них есть просто уникальные факты. Но объяснения цели немецкого руководства, разрешившего показать советским комиссиям практически все, у обоих авторов совпадают. По их мнению, это всего лишь стремление убедить советских специалистов, а через них советское руководство в абсолютном превосходстве немецкой авиационной техники и мощи немецкой промышленности, а также показать недостижимость подобного уровня в СССР. Такова была легенда этого сотрудничества, озвученная не Сталину, а Сталиным и успешно доживающая свой век (а точнее – восьмой десяток лет) в умах большинства отечественных историков войны. Они почему-то

совершенно не воспринимают тот факт, что немцы не только показывали, но и передавали все, что запрашивали эти комиссии: боевые самолеты, их составные части, моторы, оружие, бомбовое вооружение, чертежи, приборы, оборудование и станки, многие новейшие технологии и патенты и материалы. Все это позволило произвести за два года подлинную революцию в нашей авиапромышленности, без которой она никогда не смогла бы осуществлять выпуск громадного количества современных боевых самолетов в годы войны. Трудно поверить, что немцы пошли на это, готовясь к войне против Советского Союза.

Мало того, оказалось, что и к нам приезжали немецкие комиссии, которые в первую очередь изучали, как внедряется то, что передано из Германии, и какие технические новинки придуманы у нас. И как ни странно – им тоже показывали все. Ниже я приведу для примера материалы о посещении советской комиссией авиапредприятий Германии и немецкой комиссией авиапредприятий СССР.

Хотелось бы узнать у историков войны, тех, что «сохранили верность» сталинскому объяснению откровенности Германии при ознакомлении русских специалистов с немецкой авиапромышленностью, как же тогда объяснить ответную откровенность советской стороны. Показывая немецким комиссиям достижения авиационной промышленности СССР, наше руководство тоже нагоняло на них страх? Мол, уж такого вам никогда не создать. Или пугало русским размахом? У вас, мол, один заводик этот самолет выпускает, а у нас его советский аналог – сразу три завода одновременно «кукашат», и т. п. А может, вовсе не пугало, а рапортовало? Вот, мол, какое мы вам серьезное подспорье в борьбе с проклятыми англичанами и их восточными колониями готовим, так что давайте, передавайте еще чего-нибудь, мы все это так же быстро освоим!

Хотелось бы также услышать объяснение, почему группы выезжающих в этот период в обе стороны военно-технических специалистов назывались не делегациями, а комиссиями. Яковлев, правда, все время употребляет в своих мемуарах слово «делегация», что вполне понятно при наличии советской цензуры, хотя пару раз и он сбивается на «комиссию». У Петрова же везде «комиссия», а главное, во всех довоенных официальных секретных документах – только «комиссия». Ведь делегация – это просто группа представителей, а комиссия – группа представителей со специальными полномочиями. А если между двумя странами есть какое-то соглашение, то комиссия проверяет, как выполняется это соглашение. Тогда совсем по-другому воспринимается показ ей всего без ограничений – значит, это предусмотрено подписанным соглашением. Именно так и

обстояло дело в октябре 1939 – мае 1941 г., в период поездок комиссий по военно-техническому сотрудничеству СССР и Германии.

Ниже приведены документы о советских военно-технических делегациях и комиссиях, направлявшихся в 1939–1941 гг. в Германию, которые хранятся в Архиве Президента РФ и впервые были опубликованы в 2008 г. в «Вестнике Архива Президента РФ» [18. С. 215–265].

Выписка из протокола № 7 заседания Политбюро ЦК ВКП(б)

№ П7/3 4 сентября 1939 г.

Строго секретно

(Из О.П.)

3. – Вопрос НКВТ.

Обязать т. Микояна в двухдневный срок:

1) Совместно с т. Кагановичем М. М. подготовить две группы работников и представить на утверждение ЦК для посылки в Германию по заказам отдельно моторов и отдельно самолетов, а также техпомощи по ним;

2) Совместно с т. т. Сергеевым и Малышевым подготовить группу работников и представить на утверждение ЦК для посылки в Германию по заказам станков и другого оборудования для снарядного производства;

3) Совместно с т. т. Тевосяном и Кузнецовым подготовить группу работников и представить на утверждение ЦК для посылки в Италию по заказам машин для увеличения района плавания миноносцев и лидеров до 5–6 т. миль и технической помощи по этим машинам.

(АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 665. Л. 81. Выписка на бланке)

Записка А. Микояна И. Сталину, В. Молотову

№ 185/с

7 сентября 1939 г.

Тов. СТАЛИНУ И. В.

Тов. МОЛОТОВУ В. М.

Направляю Вам проект Постановления ЦК о составе Комиссии для посылки в Германию и Италию.

Довожу до Вашего сведения, что в Комиссию по миноносцам в Италию тов. Кузнецов предлагает включить не 4 человека, а 8, добавив в состав Комиссии 4-х человек по вооружению и дополнив программу работ Комиссии заказами артиллерийских приборов и вооружения, а также технической помощью по ним.

На случай, если Вы согласны с предложением т. Кузнецова, предлагаю список Комиссии на 8 человек, составленный т. Тевосяном и т. Исаковым.

А. Микоян

Прилагается справка о членах комиссии. А. М.

№ 185/с

7/IX-39 г.

Постановление ЦК

1. Утвердить следующий состав Комиссии для посылки по заказам в Германию и Италию:

а) Комиссия по самолетам и технической помощи по ним в составе:
ИЛЬЮШИНА Сергея Владимировича,
ЯКОВЛЕВА Александра Сергеевича,
СУХОГО Павла Осиповича;

б) Комиссия по моторам и технической помощи по ним в составе:
ШВЕЦОВА Аркадия Дмитриевича,
КЛИМОВА Александра Яковлевича,
КУЗНЕЦОВА Василия Петровича;

в) Комиссия по заказам станков и другого оборудования для снарядного производства в составе:

СКОПЦОВА Василия Ивановича,
БУРЛАКОВА Ивана Ивановича,
КИСЕЛЬНИКОВА Арефия Васильевича,
ЛОБАДЕНКО Сергея Никифоровича;

г) Комиссия по заказам машин для увеличения района плавания миноносцев и лидеров и технической помощи по этим машинам в составе:

ОГЛОБЛИНА Георгия Александровича,
ЯРЫНИЧ Евгения Андреевича,
ДЕГТЯРЕВА Павла Дмитриевича,
МИХАЙЛОВА Федора Матвеевича

2. Обязать т. Микояна А. И. вместе с т.т. Кагановичем М. М., Сергеевым, Малышевым, Тевосяном, Локтионовым и Кузнецовым составить программу работ каждой комиссии в отдельности и представить на утверждение ЦК в 3-х дневный срок.

СПРАВКА

1. ИЛЮШИН Сергей Владимирович – Гл. конструктор завода № 39.
2. ЯКОВЛЕВ Александр Сергеевич – Конструктор з-да № 115 и он же Директор.
3. СУХОЙ Павел Осипович – Конструктор з-да № 135.
4. ШВЕЦОВ Аркадий Дмитриевич – Конструктор з-да № 19.
5. КЛИМОВ Александр Яковлевич – Конструктор з-да № 26.
6. КУЗНЕЦОВ Василий Петрович – Зам. Нач. Научно-исследовательского института Военно-воздушных сил.
7. СКОПЦОВ Василий Иванович – Зам Нач. Главстанкопрома и он же Главный инженер Главка.
8. БУРЛАКОВ Иван Иванович – Нач. группы технологов з-да № 50 6-го Главного Управления НКБ.
9. КИСЕЛЬНИКОВ Арефий Васильевич – Гл. механик Комбината № 179 НКБ.
10. ЛАБОДЕНКО Сергей Никифорович – Нач. отд. тяжелого станкостроения ленинградского з-да “Центролит”.
11. ОГЛОБЛИН Георгий Александрович – Инженер ЦКБ-17 Наркомсудпрома в Ленинграде.
12. ЯРЫНИЧ Евгений Андреевич – Военный инженер 2-го ранга. Нач. 2-й секции 6-го отдела Научно-технического комитета Наркомвоенморфлота в Ленинграде.
13. ДЕГТЯРЕВ Павел Дмитриевич – Инженер ЦКБ-17 Наркомсудпрома в Ленинграде.
14. МИХАЙЛОВ Федор Матвеевич – Инженер турбинного отдела Кировского завода в Ленинграде.

(АП РФ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 665. Л. 82–84. Подлинник)

20 октября 1939 г. нарком обороны Ворошилов направляет на имя И. Сталина и В. Молотова «Программу особых заказов и закупок» на 26 листах, предусматривающую приобретение у Германии 340 типов военной техники, оружия, боеприпасов, приборов, аппаратуры и др., в том числе 82 позиции по авиации, включая самолеты, а также дополнительно 286 изделий и их составных частей к перечню заказов по военному кораблестроению *(АП РФ. Ф.3. Оп. 64. Д. 666. Л. 28–54. Подлинник)*.

Для их выбора, изучения и приобретения в Германию направляется Хозяйственная комиссия во главе с И. Т. Тевосяном, а его заместителем по заказам НКО назначен заместитель начальника ГАУ дивинженер Г. К.

Савченко. Комиссия состояла из пяти военно-технических (судостроение, морская артиллерия, полевая артиллерия, авиация, снарядное производство) и семи производственных подкомиссий. Решение Политбюро ЦК ВКП (б) на 3-х листах по их составу приведено ниже.

Выписка из протокола № 8 заседания Политбюро ЦК ВКП(б)

№ П8/128 23 октября 1939 г.
Строго секретно

128. – О составе хозяйственной комиссии, направляемой в Германию.

Принять следующее решение (см. приложение).

Секретарь ЦК

ПРИЛОЖЕНИЕ

к п. 128 пр. ПБ № 8

О СОСТАВЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ КОМИССИИ, НАПРАВЛЯЕМОЙ В ГЕРМАНИЮ

Направить хозяйственную комиссию в Германию, назначив Председателем этой комиссии тов. Тевосяна И. Т., а тов. Савченко Г. К. – его заместителем по заказам Наркомата Обороны.

2. Утвердить следующий состав комиссии:

а) По судостроению и механизмам кораблей

1. Фролов А. А. (бригадир) – председатель Научно-технич. Комитета НКВМФ.

2. Никитин В. А. – гл. инженер ЦКБ-17, конструктор крейсера.

3. Разинкин В. Ф. – гл. инженер 1-го Главного Управления (по специальности инженера по судовым механизмам).

4. Боголюбов С. А. – начальник 2-го Главного Управления (специал. по механизмам кораблей).

5. Ногин В. В. – зам. нач. ЦНИИ-45 (специалист-котельщик).

6. Мучкин Н. Ф. – строитель линкора 3-да № 189.

7. Ермолаев П. И. – строитель линкора 3-да № 198.

8. Смирнов В. В. – нач. 3-го отдела 13-го Главного Упр. (специалист по механизмам кораблей).

9. Зубов Б. Н. – зам. нач. 13-го Главного Управления.

10. Завьялов А. С. – нач. НИИ-48 (специалист по броне).

11. Шибает Н. И. – начальник Минно-торпедного Управления.

12. Гаврилов В. М. – нач. связи НКВМФ.

б) По артиллерии (морской)

1. Мельников В. Н. (бригадир) – начальник 4-го отдела Научно-технического комитета (артиллерист) НКВМФ.

2. Устинов Д. Ф. – директор завода “Большевик” (артиллерист).

3. Фармаковский С.Ф. – главный конструктор завода № 212 (специалист по приборам управления артиллерийским огнем).

4. Гончаров Л. Г. – начальник кафедры Военно-Морской Академии – профессор НКВМФ.

5. Акулин М. И. – зам. начальника Управления вооружения НКВМФ.

в) По артиллерии (полевой)

1. Савченко Г. К. (бригадир) – нач. Артиллерийского Управления РККА.

2. Засосов И. И. – зам. председателя артиллерийского комитета.

3. Герасименко И. А. – начальник 3 отдела Артиллерийского Управления РККА.

4. Гюннер А. А. – начальник 6 отдела Артиллерийского комитета (специалист по приборам артиллерийского огня).

5. Ильющенко С. А. – начальник 3-го отдела Артиллерийского комитета (специалист по порохам).

6. Круглов Н. А. – нач. 6-го отдела Технического Управления НКБ.

7. Королев Н. П. – пом. нач. Химического института.

г) Авиация (по самолетам)

1. Ильюшин С. В. (бригадир) – главный конструктор завода № 39.

2. Яковлев А. С. – директор и главный конструктор завода № 115.

3. Петров И. Ф. – бригадный инженер – зам. начальника Авиационного института.

4. Шевченко В. И. – полковник – инструктор Управления ВВС РККА. (по моторам).

5. Гусев А. И. (бригадир) – полковник – зам. командующего ВВС Белорусского военного округа.

6. Королев Д. В. – нач. 3-го Моторного Главного Управления НКАП.

7. Швецов А. Д. – технический директор и гл. конструктор завода № 19.

8. Кузнецов В. П. – бригадный инженер – зам. нач. Института Авиации.

д) По оборудованию для снарядного производства

1. Толстов Г. А. (бригадир) – бригадир – нач. 7-го Главного Управления НКБ.

2. Скопцов В. И. – главный инженер и зам. нач. Главного Управления Главтяжстанкопром.

3. Бурлаков И. И. – нач. группы технологов з-да № 50.

4. Кисельников А. В. – главный механик комбината № 179.

е) По получению стали без доменного процесса

1. Зацев П. Г. (бригадир) – нач. бюро изобретательства

Наркомчермета (работает над получением стали без доменного процесса).

2. Остапчук И. В. – директор научно-экспериментального з-да по прямому восстановлению железа.

3. Ярхо Н. А. – ст. инженер технического отд. Главруды (работает над получением стали без доменного процесса).

ж) По доменному производству

1. Коробов П. И. (бригадир) – зам. Наркома черной металлургии.

2. Михалевич Г. Ф. – нач. доменного цеха Магнитогорского комбината имени Сталина.

3. Шумаков Л. Г. – начальник доменного цеха завода им. Кирова в Макеевке.

з) По сталеплавильному производству

1. Резников С. И. (бригадир) – нач. ГУМП'а Юга и Центра (специалист по стали).

2. Перцев М. А. – главный инженер завода “Электросталь” (специалист по электросталям).

3. Новолоцкий П. И. – главный инженер Кузнецкого металлургического завода имени Сталина (специалист по качественным сталям).

4. Мякушко А. Г. – нач. бессемеровского цеха Криворожского металлургического завода.

и) По прокату

1. Шарапов А. И. (бригадир) – начальник цеха блюминга з-да “Красный Октябрь”.

2. Тищенко С. И. – главный инженер Макеевского металлургического завода имени Кирова.

к) По механизации добычи руды

1. Мелешкин С. М. (бригадир) – управляющий трестом Ленинруда.

Краснянский Е. А. – главный механик Главруды.

Кривоносов П. Е. – нач. Горно-рудного Управления Кузнецкого металлургического комбината.

л) По высокооктановым бензинам

1. Пучков П. К. (бригадир) – нач. Главнефтепереработки Кавказа.

2. Гутыря В. С. – зам. директора Азербайджанского Научно-исследовательского ин-та объединения Азнефтедобычи.

м) По гидрированию угля

1. Волонихин Ю. В. (бригадир) – главный инженер и зам. нач. Главгаза.

2. Потарин М. Л. – нач. Технического отдела Главгаза.

1. Марьин М. И. (бригадир) – пом. нач. Инженерного Управления НКО.
2. Мольков Н. Г. – зам. нач. Управления Связи НКО.
3. Павлов М. В. – ст. инженер узла связи НКО.

(АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 666. Л. 73–78. Выписка на бланке)

23 октября 1939 г. Политбюро утвердило списки всех двенадцати подкомиссий, они срочно выехали в Германию, и уже 28 октября 1939 г. большинство из них провели переговоры в Берлине. В тот же день Тевосян, Савченко и полпред СССР Шкварцев посылают шифровку № 7333, 7336 Сталину, Молотову и Микояну, в которой, в частности, сообщают:

«Мы на это требование Ритера^[19] заявили: Соглашение о германских поставках не может быть подписано, пока наша комиссия не убедится на предприятиях и военных объектах, что вооружение и оборудование, подлежащее поставке Германией, являются последними образцами техники и что они удовлетворяют наши требования. Список в письменном виде мы можем предъявить только после возвращения нашей комиссии с заводов. Требования Ритера о немедленном подписании соглашения о взаимных поставках являются неприемлемыми, так как согласие о советских поставках действительно только при условии, если германское правительство, со своей стороны, согласится дать нам требуемые виды вооружения и оборудования. К концу беседы Ритер вынужден был согласиться на предложенный нами порядок работы нашей комиссии.

При этом договорились, что 28 октября члены нашей комиссии, разбившись на группы по отдельным специальностям, встречаются с соответствующими специалистами от германского министерства и устанавливают список заводов и объектов, подлежащих посещению нами, после чего немедленно разъезжаются на предприятия

Наше личное впечатление от беседы с Ритером следующее Ритер был ошеломлен нашими требованиями в части объема поставок по военному судостроению. Особо подчеркиваем, что Ритер все время стремился убедить нас в необходимости немедленного заключения договора...» (АПРФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 666. Л. 91–93. Бланк шифрограммы).

Далее события развивались так. Советские подкомиссии посетили практически все, что хотели, и им все показали, за исключением 240-

миллиметрового орудия, чертежей крейсера «Шарнгорст», неконтактной торпеды и вертолета. Интересно отметить, что из известных до настоящего времени документов о военно-техническом сотрудничестве СССР и Германии в предвоенный период нигде не упоминается такой важнейший в то время прибор, как радиолокатор. То ли его производство было столь засекречено в обеих странах, то ли не рассекречены документы тех лет о его приобретении^[20].

Когда списки советских заказов были уточнены, германская сторона заявила, что объем работ гораздо больше, чем предусматривалось кредитным соглашением от 19 августа 1939 г. и обменом письмами между Молотовым и Риббентропом от 28 сентября 1939 г., при этом стоимость военных заказов превысит 1 млрд германских марок, стоимость промышленных заказов 300 млн марок, а с учетом намеченных советской стороной дополнительных заказов общий объем работ, которые Германия должна выполнить для СССР, составит 1,5 млрд марок. Германия же имеет возможность немедленно выполнить работ лишь на 660 млн марок. Причем «на нижеследующих трех условиях:

1) германские поставки будут производиться не иначе как в размерах соответствующих советских поставок,

2) вопрос о поставке железа должен быть разрешен в удовлетворительном для германской стороны смысле,

3) Германия должна получить цветные металлы и специальные металлы, необходимые для изготовления качественной стали, своевременно до начала изготовления соответствующих изделий.

Остальное же будет изготовлено для СССР до окончания первого квартала 1941 года. Однако советская сторона сочла, что немцы, ссылаясь на войну, сильно завысили цены на выполняемые работы. Германская сторона предложила продолжить переговоры в Москве» (Там же) (очевидно, имея в виду работать напрямую с первыми лицами СССР. – А. О.).

**«Запись бесед Сталина И. В., Молотова В. М.,
Микояна А. И. с главой германской
экономической делегации Риттером» (РГАСПИ.
Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 298)**

Я привожу эту запись в кратком изложении с использованием цитат.

19 декабря 1939 г. германская Экономическая делегация во главе с Риттером и Шнурре прибыла в Москву, и 31 декабря 1939 г. Риттер и Шнурре были приняты Сталиным, Молотовом и Микояном. С советской стороны присутствовали также Бабарин и Тевосян, а с немецкой – Шуленбург и Хильгер. Сталин предложил рассматривать взаимные поставки СССР и Германии не как простой коммерческий оборот, а как помощь («Мы могли бы продавать хлеб за золото другим, но мы помогаем Германии»). Сталин просит помочь морской артиллерией: поставить 3 башни по два 15-дюймовых орудия и по одной 11-дюймовой пушке, как на всех немецких карманных линкорах. Также просит продать чертежи на 16-дюймовую пушку в порядке помощи. Крейсер, который продает Советскому Союзу Германия, тоже помощь. Микоян заикнулся было о двух крейсерах, но Сталин его остановил – одного хватит, Германия ведь сама воюет. Сталин просит продать новый способ обогащения руды (японцам-то продали!), а также перископы и аккумуляторы для подводок.

Риттер отвечает, что крейсер «Лютцев» будет поставлен обязательно, а вот второй крейсер, «Зейдлиц», только в том случае, если его оплатят медью, никелем, оловом, золотом. Германия поставит станков на 200 млн марок, но вот снарядных пока не может – нужны самим. Признает, что цены на самолеты завышены, но в них включена и стоимость лицензий.

«Т. Сталин говорит, что, возможно, советская сторона будет копировать самолеты, но прежде ... нужно посмотреть, что они из себя представляют, и за те, которые будут копироваться, советская сторона готова оплатить лицензии». Риттер просит увеличить процент содержания железа в руде. Сталин отвечает утвердительно и говорит, что может быть увеличена поставка железной руды, если Германия даст экскаваторы, бурильную технику и т. д. Будет увеличена в этом случае и поставка меди, никеля и хромовой руды.

Риттер согласен с такой постановкой вопроса и предлагает организовать в Германии склады для цветных металлов, которые

поставляются для выполнения советских заказов. Сталин возражает, в том числе потому, что об этом может стать известно в Англии.

В списке оборудования, которое просит Сталин у Германии, есть также: подъемные краны на 250, 75 и 25 т, электродная мастерская, пилы и гибочные прессы для обработки брони. «После ухода немецкой делегации т. Сталин сказал, что в связи с продолжительностью немецких поставок договор лучше заключить на полтора года»^[21] (Л. 1–8).

«Сильно вдавались в детали. Сталин находился не в очень хорошем настроении В общем политическом отношении следует отметить, что из его уст в первый раз выпало слово о двусторонней взаимопомощи Советское Правительство рассматривает Договор не как обыкновенный товарообменный, а как особый Договор взаимной помощи. Советский Союз готов помочь Германии поставками сырья и средств питания ... он ожидает за это помощь от Германии. Советский Союз хочет учиться у Германии, и особенно в области военного вооружения Он признал необходимость поддержания в секрете известных вещей» (Л. 9).

**«Сталинская программа» – перечень того, что он просит у
Германии:**

«орудийные башни с боезапасом – 95 млн марок (скорее всего, для покупаемого у Германии крейсера «Лютцев». – А. О.);
аккумуляторные батареи
44 МАЛ – 740 (по 180 тыс. мар. – одна)
33 МАЛ – 800 – «– (вероятно, для подводных лодок. – А. О.);
авиация (без лицензий) – 30–40 млн мар.
Краны подъемные:
3 – 250 тн —
18 млн мар.
75 тн – 1,8 млн мар.
5 тн – 0,8 млн мар.
Электродная мастерская – 2,5 млн мар.
Рулевая машинка Ансальдо – 40 тыс. мар. / комплект
Экспанзит – 250 тыс. мар.
Пилы для обработки брони – 130 тыс. мар. за шт.
Гибочные пресса – 600 тыс. мар. за шт.»

(Л. 10)

29 января 1940 г. вернувшийся из Берлина Риттер вновь был принят в Кремле. Состав участников переговоров был тот же, что и 31 декабря 1939 г.

Риттер сообщил, что привез положительный ответ по всем вопросам и указал сроки поставок: башен – с 1.3.41 г. по 1.6.42 г.; снарядных станков – 1-й комплект – 1940 г., 2-й – 1941 г. Интересно, что целый ряд изделий и станков Германия приобретать не советует и предлагает новые, более совершенные и современные.

Сталин предлагает (исходя из того, что Германия не может осуществить поставки по некоторым позициям в течение года) подписать два договора: первый – со сроком один год и второй – со сроком два года. Условие одно: на какую сумму советская сторона поставит свою продукцию в Германию, на такую же она должна получить товаров оттуда. Основа соглашения – клиринг, а не кредит.

Риттер говорит, что кредитом это назвать нельзя, так как разница будет покрываться марками. «Т. Сталин говорит ... чтобы Риттер не считал русских дураками ... Германия сейчас нигде не покупает зерно, нефть, руду, хлопок на марки, а платит за это валюту

Советский Союз продает за марки высокоценные продукты, благодаря чему немало нажил себе врагов. Но он хочет, чтобы Риттер понял, что ни Англия, ни Франция не могут столкнуть с пути дружбы Советский Союз с Германией». Сталин предлагает точно указать, что Германия может поставить в течение 12 месяцев, и составить соответствующие договоры. «Т. Сталин говорит, что он погорячился, но высказал все то, что чувствовал» (Л. 11, 19–28).

8 февраля 1940 г. состоялась новая встреча там же в прежнем составе (кроме Шуленбурга). Риттер привез письмо от Риббентропа. Пришли к соглашению, что договор будет один, но в нем будет отдельно указано, что делается в течение одного года, что в больший срок. Сталин согласился на просьбу Германии об увеличении поставок цветных металлов и о переработке рыбы в районе Мурманска. Германия согласилась продать советской стороне чертежи на крейсер «Бисмарк» и чертежи на 11-дюймовую артиллерию (Л. 29).

Обсуждавшийся договор получил название «Хозяйственное соглашение между СССР и Германией», которое было подписано 11 февраля 1940 г. После этого, 4 марта 1940 г., было принято новое решение Политбюро о возобновлении работы Хозяйственной комиссии в Германии, уточнены названия и функции подкомиссий, а также их состав. Теперь

Хозяйственная комиссия сосредоточила свою деятельность на «размещении в Германии заказов на предметы вооружения». Был повышен должностной уровень членов комиссии. Достаточно отметить, что руководителями четырех ее подкомиссий стали заместители наркомов, а пятой – заместитель руководителя Хозяйственной комиссии и начальник Артиллерийского управления Наркомата обороны. Из 61 члена комиссии 22 были (или стали впоследствии) генералами, хотя большинство из них работали в промышленности.

Ниже приведены копии решения Политбюро от 4 марта 1940 г. и утвержденный им список членов Хозяйственной комиссии

Выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК ВКП(б)

№ П13/135 4 марта 1940 г.

Строго секретно

(Из О.П.)

135. – О комиссии тов. Тевосяна.

1. Для размещения в Германии заказов на предметы вооружения направить комиссию под руководством тов. Тевосяна в следующем составе (см. приложение).

2. Приемку корпуса корабля "Лютцев", всего вооружения, механизмов, оборудования, входящего в комплектацию корабля, возложить на НКВМФ при участии НКСП и НКВ.

Достройку корабля производит НКСП в качестве генерального поставщика и предъявляет к сдаче комплектно со всем вооружением НКВМФ.

3. На этих же условиях (как в п. 2) производится приемка 15 дюйм. башен и сдача их Наркоматом Вооружения Наркомату Военморфлота.

Секретарь ЦК

Приложение

К п. 135(ОП) пр. ПБ № 13

Список членов комиссии по размещению заказов в германии

1. ТЕВОСЯН И. Т. – Нарком Судостроительной Промышленности – Руководитель комиссии

1. Комиссия по судостроению

2. НОСЕНКО И. И. – Зам. Наркома Судостроительной промышленности – Руководитель

3. НИКИТИН В. А. – Главный конструктор ЦКБ-17 НКСП, г. Ленинград – Руководитель корпусной группы

4. ФРОЛОВ А. А. – Начальник НТК НКВМФ –

5. БОЖЕНКО В. С. – Главный инженер з-да 189 НКСП, г. Ленинград – Руководитель механической группы

6. ЗАВЬЯЛОВ А. С. – Директор НИИ-48, г. Ленинград – Руководитель броневой группы

7. ЛЕСНИКОВ Н. Н. – Старший инженер НТК КВМФ – Военпред броневой группы

8. ХОМЯКОВ Н. М. – Главный инженер з-да ЦКБ-52, г. Ленинград – Руководитель группы электротехники и связи

9. РУМЯНЦЕВ Б. П. – Главный инженер з-да 181, г. Ленинград – Руководитель станочной группы

10. ИСАЧЕНКОВ Н. В. – Управление Военного Кораблестроения НКВМФ
–

II. Комиссия по авиации

11. ЯКОВЛЕВ А. С. Зам. Наркома Авиационной промышленности
Руководитель

12. ДЕМЕНТЬЕВ П. В. Директор з-да № 1 НКАП Руководитель
самолетной группы

13. ОСИПЕНКО П. И. Инженер 1 ранга. Начальник отделения
Главного Управления Авиационного снабжения

14. КОРНЕЕВ М. Н. Инженер-механик завода № 18 НКАП

15. КОРОТКОВ Ф. А. Зам. главного конструктора завода № 33 НКАП

16. ПЕТРОВ И. Ф. Бригинженер НИИ Главного Управления
Авиационного снабжения

17. КУЗНЕЦОВ В. П. Бригинженер НИИ Главного Управления
Авиационного Снабжения Руководитель моторной группы

18. КОРОЛЕВ Д. В. Начальник 3 Главного Управления НКАП

19. БЕЛОБОРОДОВ Г. М. Военинженер 1 ранга. Начальник 2 отдел.
2 Управления Главн. Управл. Авиационного Снабжения

20. СИДОРЕНКО В. А. Военинженер 2 ранга. Начальник отдела
Моторного отдел. Главного управления Красной армии Руководитель
группы оборудования Авиационного снабжения

21. ПЛОТНИКОВ А. Е. Инженер ЦИАМ НКАП

22. ГРИШИН А. В. Зам. Начальника 6 Главного Управления НКАП
Руководитель группы моторных агрегатов и винтов

23. СТОЛЯРОВ П. А. Военинженер 1 ранга. Начальник отделения 10
отдела НИИ Главного Управления Авиационного снабжения Красной армии
Руководитель группы спецоборудования

24. КАЛИН В. Я. Военинженер 2 ранга. Начальник 14 отдела НИИ
Главного Управления Авиационного снабжения

25. ЕВДОКИМОВ С. А. Начальник 3 отдела 4 Управления Главного
Управления Авиационного снабжения

26. ТОРОПОВ И. И. Конструктор з-да № 32 НКАП Руководитель
группы вооружения

27. ДОБРОХОТОВ Н. Д. Начальник отделения НИИ Главного
Управления Авиационного снабжения

III. Комиссия по морской артиллерии и приборам

28. РЯБИКОВ В. М. Зам. наркома вооружения Руководитель

29. АКУЛИН М. И. Зам. начальника Артиллерийского Управления
НКВМФ

30. МЕЛЬНИКОВ В. Н. Зам. начальника Артиллерийского Управления

НКВМФ

31. АВРААМЕНКО Я. Ф. Заместитель начальника 2 отделения Артиллерийского Управления НИМИ

32. ВИХЕРЕВ А. А. Технолог завода им. Сталина

33. ЕМЕЛЬЯНОВ С. А. Конструктор завода им. Сталина

34. УСТИНОВ Д. Ф. Директор завода "Большевик"

35. СЕЛЕЦКИЙ В. П. Военинженер 1 ранга

36. ТРУСЕВИЧ А. В. Пом. начальника отдела Артиллерийского Управления НКВМФ Руководитель группы по артбоезапасу

37. СЕЛЯНКИН А. П. Нач. ОТК Гидрографического Управления ВМФ Руководитель гидрографической группы

38. КОНСТАНТИНОВ В. А. Старший военпред Гидрографического Управления ВМФ

39. САВЕЛЬЕВ В. С. Военпред 3-да № 239 минноторпедной группы Руководитель

40. ГРАЧЕВ В. С. Пом. нач. 4-го отдела НИМТИ ВМФ

41. МЯСИЩЕВ В. И. Нач. отдела Управления связи ВМФ гидроакустики и связи Руководитель группы

42. ОСИПОВ А. Н. Старший военпред Управления связи ВМФ приборов управления стрельбой Руководитель группы

43. КОРСАКОВ И. М. Военинженер 1 ранга Уполномоченный комиссии НКВМФ

44. ЮРЬЕВ Б. Б. Директор завода № 212

45. СОЛОВЬЕВ А. Ф. Директор завода «ГОМЗ»

IV. Комиссия полевой артиллерии, связи, автотанковому инженерному и химическому вооружению

46. САВЧЕНКО Г. К. Начальник АУ НКО Руководитель

47. КУРОЧКИН П. А. Военинженер Артиллерийского Управления Красной армии

48. КОРОБКОВ Б. М. Автоброневое Управление НКО

49. СОРОКИН Полковник

50. ЖИВАНИК М. М. Инженер и начальник 2 отдел. Артиллерийского Управления Красной армии

51. ШНЫРКЕВИЧ А. П. Пом. начальника отдела Инженерного Управления Красной армии

V. Комиссия по элементам пиротехники, выстрелу, снаряженным станкам

52. ТОЛСТОВ Г. А. Зам. наркома боеприпасов Руководитель

53. МАЛИНЕНКО Н. Д. Главный технолог завода им. Орджоникидзе, г. Челябинск

54. КОМИССАРОВ А. М. Начальник опытной мастерской завода № 80

55. СКОПЦОВ В. И. Зам. начальника Главстанкопрома

56. НОСКОВ Ф. П. Главный инженер Главстанкоремонта

57. МАТВЕЕВ А. Н. Главный механик 1-го Главного Управления НКБ

- 58. ЗЕЛЕНКОВ А. П. Главный технолог завода № 11 НКБ
- 59. БАЖЕНОВ К. И. Начальник цеха НИИ № 6 НКБ
- 60. БЛАТОВ В. Д. Начальник цеха комбината твердых сплавов НКЦМ
- 61. СЕЛЕЗНЕВ Н. С. Конструктор НИИ-24 НКБ

(АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 668. Л. 24–29. Выписка на бланке)

Для того чтобы можно было представить себе, как проходили переговоры советских подкомиссий в Берлине и уровень советско-германского предвоенного сотрудничества, ниже приведены отчеты о переговорах 28 октября 1941 г. двух самых крупных подкомиссий – авиационной и судостроительной.

Записка А. Микояна И. Сталину, В. Молотову, К. Ворошилову

№ 76/с 4 ноября 1939 г.

Тов. СТАЛИНУ И. В.

Тов. МОЛОТОВУ В. М.

Тов. ВОРОШИЛОВУ К. Е.

Направляю Вам полученные мною из Берлина от комиссии тов. ТЕВОСЯНА следующие записи переговоров с немцами:

1. Запись переговоров авиационной бригады с представителями Министерства авиации Германии.

2. Запись переговоров бригады по судостроению с представителями Морского Министерства Германии.

3. Запись переговоров бригады морского вооружения с представителями Морского Командования Германии.

4. Запись переговоров артиллерийской и автобронетанковой бригады.

5. Запись переговоров группы по вопросам моторного горючего с представителями Министерства хозяйства Германии.

4/XI-39 А. Микоян

г. Москва

ПРИЛОЖЕНИЕ

Секретно

ЗАПИСЬ ПЕРЕГОВОРОВ АВИАЦИОННОЙ БРИГАДЫ КОМИССИИ СССР С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ МИНИСТЕРСТВА АВИАЦИИ ГЕРМАНИИ, СОСТОЯВШИХСЯ 28.10.39 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: Тов. Гусев – бригадир комиссии
тов. Шевченко – член “
тов. Яковлев – “ “
тов. Королев – “ “
тов. Кузнецов – “ “
тов. Михин – “ “

тов. Первова – переводчик

Предварительно состоялась беседа с советником Мюллер, который попросил высказать наши пожелания. Мы сообщили Мюллеру, что считаем необходимым:

1. Осмотреть исследовательские институты и опытные аэродромы.
2. После этого осмотреть заводы, производящие наиболее интересные образцы.

Г-н Мюллер сразу же заявил, что он имел другую установку и поэтому его план несколько расходится с нашим. Он предложил сначала посетить заводы, а затем институты. Комиссия настаивала, однако, на проведении своего плана. О плане комиссия с Мюллером не договорилась.

После разговоров с Мюллером комиссию принял начальник военно-технического управления Министерства Авиации генерал Удет. Генерал Удет является участником империалистической войны – асом, имеет орден пурля Мерите. Вместе с тем он является одним из выдающихся организаторов технического развития германского Воздушного Флота.

В беседе у генерала Удет с немецкой стороны принимали участие генерал Люфт и др. высшие офицеры. Удету с нашей стороны было заявлено то же пожелание, что и в предварительной беседе с Мюллером: сначала должны мы произвести осмотр исследовательских институтов, а затем осмотр заводов.

Генерал Удет просил не настаивать на предложенном комиссией плане. Он сказал, что комиссия имеет, по-видимому, неточное представление о немецких испытательных и исследовательских институтах. В немецких институтах, по заявлению Удета, не имеется всех типов самолетов, как это имеется в СССР. Это объясняется тем, что авиационная промышленность находится в частных руках.

Далее Удет просил учесть то обстоятельство, что Германия находится в состоянии войны. Она свела к минимуму число типов самолетов и сделала упор на массовое производство. Он добавил, что Германия является единственной страной, которая производит только один тип истребителя – Мессершмидт 109. Он подтвердил поэтому предложение Мюллера начать сначала с осмотра заводов, а затем осмотреть институты и аэродромы.

Удет сказал также, что комиссии покажут последние образцы самолетов, находящиеся на вооружении, среди них Мессершмидт 109, Хенкель 111, Дорнье 215.

На замечание комиссии о том, что нельзя себе представить, чтобы Германия, даже если она находится в состоянии войны, не работала над новыми образцами самолетов, т. к. она отстанет при таком положении от своих противников, Удет ответил следующим образом: серийные самолеты постоянно совершенствуются, т. е. совершенствуются собственно самолет, мотор, винты, приборы.

В качестве примера он сослался на Мессершмидт 109. Раньше на этом самолете стоял мотор 26 литров, теперь 30. Скорость этого самолета достигла теперь 570 км/час. В общем, говорит Удет,

Германия согласна показать состоящие на вооружении самолеты с последними усовершенствованиями.

Со стороны комиссии снова было заявлено пожелание осмотреть сначала институты и аэродромы, а затем заводы. Кроме того, нами заявлено желание осмотреть те типы самолетов, которые уже испытаны, но не находятся в серийном производстве.

Удет свободно согласился с предложением комиссии осмотреть разные типы испытанных, но не находящихся в производстве самолетов. Сославшись на это, он еще раз подчеркнул, что считает более целесообразным осмотреть сначала з-ды, где могут вызвать интерес также некоторые моменты процесса производства. Говоря об испытанных, но не строящихся образцах, Удет назвал Форсе Вульф 187^[22] и асимметричный многоцелевой самолет фирмы Блю и Фосс.

Он указал также, что и др. фирмы имеют разные образцы испытанных, но не производящихся самолетов.

В результате обмена мнений была принята следующая программа работы на первую неделю:

1. Понедельник – завод Хейнкель – Рошток^[23]
2. Вторник – Институт ДФЛ – Берлин
3. Среда – Даймлер-Бенц – Берлин
4. Четверг – Дорнье – Фридрихсгафен
5. Пятница – Фоске Вульф – Бремен
6. Суббота – Рейн Металл – Берлин.

Далее была достигнута следующая договоренность:

1. Программа будет скользящей, в случае надобности время на посещение того или иного завода может быть удлинено.

2. В случае пожелания членов комиссии они могут на один и тот же завод выезжать по 2 раза для более детального ознакомления с интересующими их вопросами.

3. Предъявленные к осмотру объекты должны быть в полном комплекте, с полным вооружением.

4. По желанию комиссии может быть взят для осмотра самолет из воинской части.

5. Комиссии предоставляется право осмотреть две воинские части: бомбардировочную и истребительную.

6. Осмотренные виды самолетов будут собраны на одном из аэродромов для сравнения. На этом аэродроме могут производиться полеты.

7. На основе опыта осмотра з-да Хейнкель 31.10.39 немцами будет представлена письменная программа.

Гусев
Михин

Секретно

**ЗАПИСЬ ПЕРЕГОВОРОВ БРИГАДЫ СУДОСТРОЕНИЯ
КОМИССИИ СССР С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ МОРСКОГО
МИНИСТЕРСТВА ГЕРМАНИИ**

28 октября 1939 года

ПРИСУТСТВОВАЛИ со стороны СССР:

Бригадир т. Фролов

Члены бригады – Зубов,

Никитин, Мучкин, Завьялов,

Разинкин, Смирнов, Боголюбов,

Ногин, Карасев.

Переводчики: Корзинкина и

Федоров.

со стороны Германии:

представители Морского

Министерства во главе

с адмиралом Вицель.

Вел переговоры со стороны СССР – Фролов, со стороны Германии – адмирал – Вицель.

Беседа состоялась в здании Морского Министерства. После обмена обоюдными приветствиями была достигнута следующая договоренность.

Обе бригады комиссии СССР, т. е. бригада судостроения и бригада вооружения, предпринимают совместные следующие действия:

1. Осмотр действующих кораблей: л/к «Шарнгорст», т/к «Адмирал Хиппер», один новейший миноносец, одна подводная лодка типа лодки, затопившей английский л/к «Роял Ок», одну подводную лодку универсальную (заградитель), один тральщик и, если будет время у комиссии, то один из легких крейсеров типа «Нюрнберг», постройки 30–33 годов. Корабли представляются для осмотра 30 и 31 октября и 1 ноября.

2. После осмотра этих кораблей будет предоставлена возможность осмотреть строящиеся корабли и верфи, на которых эти корабли строятся.

Будут осмотрены: в Киле на фирме Дейч-Верке авианосец «Граф Цеппелин», также на фирме «Германия Верфт» т/кр. «Принц Эуген», в Гамбурге на верфи «Блом и Фосс» л/к «Бисмарк», в Бремене на верфи Дешимаг л/к л/кр. ^[24] «Зейдлиц» и «Лютцф».

Кроме этих кораблей будет предоставлена возможность ознакомиться и с другими кораблями, строящимися на этих верфях.

3. Будут предоставлены для ознакомления рабочие чертежи строящихся кораблей в конструкторских бюро судостроительных верфей

и проектные материалы вновь проектируемых и интересующих комиссию построенных кораблей в Берлине, в Морском Министерстве.

4. Будет предоставлена возможность осмотра броневых заводов Круппа в Эссене и полигона для испытания снарядов и брони у голландской границы. Причем посещение этого полигона предполагается после осмотра судостроительных верфей.

На этом совместное совещание двух бригад с представителями Морского Министерства закончилось. Совещание длилось полтора часа.

По окончании данного совещания судостроительная бригада продолжала собеседование отдельно от бригады вооружения в Управлении кораблестроения германского морского министерства.

Совещание вел со стороны Германии адмирал...

Со стороны Германии были названы фамилии лиц, которые будут сопровождать и давать объяснения комиссии во время посещения кораблей и заводов:

По судостроению – советник Зеефиш, по машиностроению – советник Курцак, по электротехнике – старший советник Зайцен. Фамилия сопровождающего по броневым вопросам будет названа позже.

Вслед за этим было приступлено к детализации требований комиссии к морскому ведомству.

В результате совещания было достигнуто следующее:

1. Согласован перечень поставок, требуемых комиссией для своих кораблей. Со стороны Германии были названы основные фирмы, изготавливающие эти поставки.

Перечень основных поставок и основных фирм указан в приложении к настоящей записи.

Представители Управления кораблестроения Германии дали согласие в течение 4–5 дней представить комиссии подробный перечень фирм, изготавливающих интересующие комиссию поставки, с тем, чтобы в дальнейшем комиссия указала бы те фирмы, которые она хочет посетить. Все вопросы, поставленные комиссией, получили удовлетворительное разрешение, за исключением вопроса о подлодках с единым двигателем.

Представители управления заявили, что таких лодок в Германии не имеется, но что над этой проблемой они работают и что будет предоставлена возможность комиссии ознакомиться с этими материалами.

2. Получено согласие на продажу для СССР полного проекта со всеми рабочими чертежами крейсера «Адмирал Хиппер». Причем согласовано, что сразу же после осмотра кораблей будет предоставлена возможность комиссии ознакомиться с проектом этого корабля в Берлине, в Морском Министерстве.

3. Получено согласие на продажу двух комплектов всего оборудования, устройства, вооружения, брони и всех прочих предметов для крейсера типа «Адмирал Хиппер», за исключением корабельной стали, производство которой (Вр. сопр. 52, предел текучести 34, удлинение 18 % по германскому стандарту СТ 52), по-видимому, не

представляет для нас затруднений.

Однако этот вопрос оставлен на окончательное разрешение председателя комиссии. Со стороны Управления кораблестроения Морского Министерства Германии возражений к продаже металла нет.

4. Получено согласие на покупку уже спущенных на воду и находящихся в достройке крейсеров с процентом готовности: «Зейдлиц» окол. 60 и «Лютцев» с процентом окол. 45.

Также получено согласие на поставку всего дооборудования для этих кораблей до 100 % по всем частям.

Срок, в течение которого будет сделана эта поставка, будет уточнен через ближайшие 3–4 дня.

5. Получено согласие на продажу для СССР всех проектных материалов и рабочих чертежей на л/к «Шарнгорст».

Причем также было согласовано, что сразу же после осмотра корабля будет предоставлена комиссии возможность ознакомиться с проектными материалами в Берлине, в Морском Министерстве.

6. Получено согласие на продажу для СССР всех проектных материалов и рабочих чертежей авианосцев «Граф Цеппелин». Причем также после осмотра авианосца на заводе получено согласие ознакомиться с проектными материалами авианосца в Берлине, в Морском Министерстве.

7. Одновременно самим Управлением кораблестроения Германии было предложено купить у них для СССР находящийся на стапеле авианосец типа «Граф Цеппелин» с готовностью в настоящий момент около 30 % (машины около 50 %). Спуск ориентировочно ожидается в середине 40 года.

Условия поставки оборудования те же, что и для кр. «Зейдлиц». На это предложение комиссия заявила, что ответ будет дан после доклада председателю комиссии.

8. Получено согласие от Управления кораблестроения Морского Министерства Германии на ознакомление и передачу комиссии технических условий на материалы и отдельные изделия, употребляемые военными фирмами Германии (в том числе и на броню).

9. Получено согласие на постройку в течение 1 1/2 лет по готовому проекту фирмы Демаг 260-тонного плавучего крана.

10. Получено согласие на осмотр комиссией испытательных бассейнов в Гамбурге и Берлине и посещение научно-исследовательских институтов.

По выяснении указанных вопросов совещание, продолжавшееся 3 час. 30 мин., закончилось.

Бригадир (Фролов)

Члены бригады: (Зубов)

(Никитин)

(Мучкин)

(Завьялов)

(Боголюбов)

(Разинкин)

(Смирнов)

(Ногин)

(Карасев)...

(АП РФ. Ф. 3. Оп.64. Д. 666. Л. 118–139. Подлинник)

**КРАТКИЙ ДОКЛАД о состоянии авиационной промышленности
Германии (февраль – апрель 1941 г.)**

Авиационной комиссией под председательством генерал-майора авиации тов. Петрова И. Ф. и членов: т.т. Микояна А. И., Супруна С. П., Максимова А. В. и Родзевича Е. В. были осмотрены следующие авиационные предприятия:

Самолетостроительные заводы.

1. Заводы «Хейнкель» – серийное производство самолетов Ю-88.
2. Завод «Хеншель» – серийное производство самолетов Ю-88.
3. Заводы «Юнкерса» – производство самолетов Ю-88 и десантных самолетов Ю-52 и Ю-90.
4. Заводы «Дорнье» – серийное производство самолетов Дорнье-217.
5. Завод «Бюккера» – серийное производство учебных и тренировочных самолетов.

Моторостроительные заводы.

1. Два моторостроительных завода БМВ – крупносерийное производство моторов воздушного охлаждения 801-А.
2. Моторостроительный завод «Юнкерса» – серийное производство моторов ЮМО-211.
3. Завод «Аргус» – серийное производство рядных моторов воздушного охлаждения 270 и 410 л.с. для учебных и тренировочных самолетов.

Производство винтов.

1. Новый завод VDM – крупносерийное производство винтов как с металлическими, так и деревянными лопастями.
На этом заводе изготавливаются регуляторы винтов со всей проводкой, а также коки винтов, т. е. полный винтовой комплект.
2. Завод «Аргус» – производство винтов для учебных и тренировочных самолетов в комплекте с винтомоторной группой.
3. Завод «Эмер-Висс» (Швейцария) – производство металлических винтов с автоматически изменяемым в полете шагом.

Приборостроительные заводы.

1. «Сименс-Гальске». Приборы самолетовождения, авиационное бомбовое вооружение и контрольная моторная аппаратура.

2. Заводы «Аскания» – опытный, ремонтный и крупносерийный заводы. Производство приборов самолетовождения, контрольная аппаратура моторов и специальные оптические инструменты (кинофототеодолиты).

Немецкий исследовательский авиационный институт.

1. Осмотрена скоростная аэродинамическая труба, штопорная труба, институт прочности авиационных конструкций; завод производства приборов, летающая моторная лаборатория, самолет Ю-88 и другие самолеты, на которых производится исследовательская работа института.

Аэродинамический институт при высшей технической школе

(Цюрих, Швейцария).

1. Скоростная аэродинамическая труба (скорость потока до 3000 километров в час).

Трофейные самолеты и моторы.

Осмотрены трофейные английские и французские самолеты и моторы. Облетаны два самолета:

1. «Спитфайр» с мотором «Мерлин».

2. «Кертис» с мотором «Прат-Витней».

Анализ авиационной промышленности Германии.

Систематическое изучение авиационной промышленности Германии, проводимое в последние полтора года, позволяет в достаточной степени точно определить количество выпускаемых боевых самолетов и систему организации серийного производства их.

В начале 1940 года нами значительно шире и подробнее были осмотрены авиационные предприятия Германии, при этом был определен количественный выпуск в 12 000 – 15 000 боевых самолетов в год при односменной работе заводов.

К началу 1941 года произведены следующие изменения в технологии и организации серийного производства:

1. Серийные заводы, как правило, выпускавшие ранее одновременно по два типа самолетов, переведены на выпуск только одного типа.

2. Все основные заводы переведены на конвейерное производство самолетов, в отличие от тактного производства, которое мы видели год тому назад.

3. Ряд заводов переведены с односменной работы на двухсменную («Хеншель», «Хейнкель» и «Юнкерс»).

Кроме этого, нами дополнительно выявлен ряд новых заводов, ранее нам не известных, как то: «Хейнкель», «Хеншель», «Дорнье», винтовой завод в Гамбурге, моторный завод крупносерийного

производства моторов воздушного охлаждения БМВ-601 в Мюнхене, а также замечено расширение существовавших заводов «Юнкерс», «Хейнкель», «Аргус» и «Хеншель».

Без учета авиационных заводов в оккупированных странах – Польше, Чехо-Словакии, Франции и Голландии, СОСТОЯНИЕ АВИАЦИОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ГЕРМАНИИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ПОЗВОЛЯЕТ ПРОИЗВОДИТЬ ВЫПУСК ВОЕННЫХ САМОЛЕТОВ ДО 20 000 – 24 000 ШТУК В ГОД ИЛИ НЕ МЕНЕЕ 65–8 °САМОЛЕТОВ В СУТКИ.

С учетом авиазаводов оккупированных стран, производство самолетов составит не менее 100 самолетов в сутки, т. е. 30 000 самолетов в год.

Организация авиапромышленности в Германии.

По заданию воздушного министерства конструкция опытного самолета разрабатывается на опытном ведущем заводе той или иной фирмы. Если результаты испытания этого самолета получились хорошие, самолет передается на производство заводам-дублерам других фирм.

Например, самолет Ю-88 производится одновременно фирмами: Хейнкель, Хеншель и дублируемыми заводами Юнкерса по единой технологии и единым чертежам. Некоторые из этих заводов производят только отдельные элементы данного самолета (фюзеляж, плоскости, оперение).

Все эти заводы между собой кооперированы.

Благодаря тому, что мелкие детали, необходимые в производстве (трубки, краны, рычаги управления, приборные панели, сектора и т. д.), изготовлены на мелких специализированных заводах, самолетостроительный завод разгружен от этих операций и является в основном сборочным заводом, используя свои площади по прямому назначению для сборки и выпуска самолетов.

Модернизация самолетов.

Истребители.

Одноместный истребитель «Мессершмидт-109» улучшен и берет одну 250 кг или одну 500 кг бомбу.

Выпущена небольшая серия самолетов «Хейнкель-113» в качестве ночного истребителя.

Сравнивая летно-тактические данные немецких самолетов 1940 года с самолетами настоящего времени, можно отметить следующие изменения:

Истребитель «Мессершмидт-109» в 1940 году не имел бомбового вооружения. Синхронные пулеметы калибра 7,92 мм заменены на крупнокалиберные 12,8 мм.

Изменение веса и увеличение сопротивления за счет установки балки для подвески бомб компенсируется установкой более мощного мотора, что дает даже увеличение максимальной горизонтальной скорости на 20–25 километров в час.

На истребителе «Мессершмидт-110» стрелковое вооружение не претерпело изменений. Установлено только бомбардировочное вооружение и бронирование.

Увеличение лобового сопротивления самолета из-за установки бомбовых подвесок и увеличение взлетного веса компенсируется установкой более мощных моторов и скорость самолета остается прежней, т. е. 530 км/час.

Бомбардировщики.

Бомбардировщик До-215, имевший максимальную скорость 460 километров в час и только три пулемета калибра 7,92 мм, один вперед и два назад, поднимавший тонну бомб, заменяется пикирующим бомбардировщиком «Дорнье-217», имеющим максимальную скорость 560 километров в час. Стрелковое вооружение этого самолета две пушки и шесть пулеметов. На самолет можно подвесить во внутрь фюзеляжа две бомбы по 1 000 кгр. каждая или одну торпеду 1 650 кгр. Кроме этого, имеется наружная подвеска для двух тонн бомб, которые самолет может брать за счет горючего на ближних дистанциях.

Пикирующий бомбардировщик Ю-88, имевший скорость 450–460 километров в час и всего три пулемета калибра 7,92 мм, благодаря установке более мощных моторов увеличил скорость до 490 километров в час. Также увеличено стрелковое вооружение, вместо двух пулеметов назад устанавливаются три пулемета, или два пулемета и одна пушка.

На самолете Ю-88 (разрушитель) установлены две пушки и два пулемета и одна пушка назад. Бомбодержатели и щитки, ограничивающие скорость пикирования, сняты для увеличения скорости полета, которая равна 500–510 км.

Основные изменения в немецких самолетах, произведенные на основании опыта войны.

1. Введено на всех типах самолетов частичное бронирование экипажа и отдельных, наиболее уязвимых, мест самолета.

2. Изменена тактика использования истребительных самолетов. На одноместный и многоместный истребитель установлено бомбардировочное вооружение и они используются в качестве дневных бомбардировщиков.

Главной задачей истребителей является уничтожение бомбардировочных самолетов противника.

3. Увеличены огневые точки, как в передней, так и задней полусфере и, как следствие, увеличен экипаж с трех до пяти человек.

4. Установлены огневые точки для летчика.

5. Установлены пушки и крупнокалиберные пулеметы на бомбардировщиках.

6. Особое внимание уделено защитной окраске, введен специальный камуфляж самолета и кока винта.

7. Увеличена мощность серийных моторов с 1 200 до 1 450 л.с. и введен на вооружение новый мотор воздушного охлаждения BMW-801 в

1 680 л.с. при 2 700 об/мин. На высоте 2 400 метров.

8. В научно-исследовательских организациях усиленно работают над поднятием высотности моторов до 6 000 – 7 000 метров.

9. Заменены на бомбардировщиках лопасти металлических винтов на деревянные, причем лопасти из низкосортной упаковочной древесины, за исключением комля лопастей, которые изготавливаются из высокосортной древесины. Все винты автоматически изменяемого в полете шага.

10. Для ускорения цикла обучения летчиков и приближения учебных машин к боевым, введен на вооружение новый учебный самолет (вместо биплана моноплан) для первоначального обучения, на котором летчик сидит рядом с инструктором.

11. Созданы подвесные бензобаки и устанавливаются на ряде самолетов легкоъемные дополнительные для увеличения дальности полета.

12. Создается новый тип самолета – ночной истребитель.

13. Введены эксплуатационные ограничения: холодный запуск моторов, позволяющий при температуре -15 °C вылетать через 4 минуты после запуска. Холодный запуск применяется только на моторах «Даймлер-Бенц».

14. Введен автомат – электроцентробежный регулятор постоянных оборотов винта, исключающий раскрутку винта на пикировании.

Трофейные английские и французские самолеты, сбитые в Германии.

Наилучшим из осмотренных английских истребителей является одноместный английский истребитель «Спитфайр» с мотором «Мерлин» 1 060 л. с. Максимальная скорость 550–560 клм/час на высоте 5500 метров. С модернизированным мотором «Мерлин-10», максимальная горизонтальная скорость должна быть порядка 580–590 клм/час.

Вооружение самолета 8 пулеметов при малом запасе патронов (200–250 штук на пулемет) при небольшом калибре 7,8 мм и невысокой скорострельности 1 100 – 1 200 выстрелов в минуту, что нужно считать слабым.

Самолет имеет броню как спереди, так и сзади летчика. Передняя часть козырька летчика выполнена из бронированного стекла толщиной 39 мм. Толщина брони верхней части спинки, защищающей голову и плечи летчика, 12 мм, нижняя часть спинки 6 мм. Кроме этого, имеется броня толщиной в 6 мм, которая защищает приборную доску и грудь летчика. Бронирование самолета «Спитфайр» равноценно бронированию самолета «Мессершмитт-109».

Наилучшим из рассмотренных английских бомбардировщиков является двухмоторный бомбардировщик «Бристоль-Бленхейм» с мотором «Бристоль-Меркурий» 1 050 л. с. Максимальная скорость 475 клм/час. Бомбовая нагрузка внутри фюзеляжа – 450 кг. Дальность полета 3 000 клм.

Вооружение: 1 пулемет для стрельбы вперед,

1 пулемет вверх и назад в башне. Самолет цельнометаллический.

Все остальные, осмотренные нами самолеты: истребители «Хаукер-Харрикейн», «Глостер-Гладиатор», «Моран-406», бомбардировщики «Ферри-Бетл», «Уитли», фирмы «Арсмстронг», «Виккерс-Веллингтон», «Хендли-пейдж-Гемтон», «Блох», «Потез», «Девуатин», американские «Дуглас-ДБ-7», «Локхид-Электра» – в части скоростей, потолков, бомбовой нагрузки, живучести, удобств эксплуатации, – значительно уступают истребителю «Спитфайр» и бомбардировщику «Бристоль-Бленхейм» и, тем более, немецким самолетам.

Трофейные моторы.

Основным типом мотора водяного охлаждения английских военно-воздушных сил является мотор «Мерлин». Наравне с ним на самолетах устанавливаются и звездообразные моторы воздушного охлаждения – «Бристоль».

Особый интерес представляют бесклапанные моторы фирмы «Бристоль».

На французских самолетах установлены моторы водяного охлаждения «Испано-Сюиза» 12 у.в. рс и моторы воздушного охлаждения «Гном-Рон К-14».

Мотор «Мерлин» по своим качествам, особенно модифицированный «Мерлин-10», ни в какой степени не уступает мотору «Даймлер-Бенц».

Вооружение трофейных самолетов.

Из всех осмотренных французских и английских самолетов пушка была только на самолете «Моран-406» с мотором «Испано-Сюиза», стреляющая через втулку винта. Сама по себе пушка довольно устарелая, тяжелая и не габаритная (пушка «Эрликон», калибра 20 мм).

Все осмотренные нами английские бомбардировщики имели бомбы калибра не больше 110 кг с загрузкой их во внутрь фюзеляжа.

Технология производства французских и английских самолетов крайне сложна и не приспособлена к массовому и серийному выпуску.

ВЫВОДЫ

1. Самолетостроительная промышленность Германии переведена на конвейерное производство, взамен ранее существовавшего «тактного» метода производства.

Количественный выпуск самолетов к началу 1941 года составляет по приблизительным подсчетам 20 000 – 24 000 самолетов в год против 12 000 – 15 000 в год по определению нашей первой комиссии в конце 1939 года. С учетом использования авиационных заводов Польши, Чехо-Словакии, Франции и Голландии выпуск самолетов составит не менее 30 000 самолетов в год или 100 самолетов в сутки.

2. В конце 1939 года при первом посещении авиационной комиссии

Германии, в серийном производстве находились следующие боевые самолеты:

Бомбардировщики:

1. «Хейнкель-111»
2. «Дорнье-17»
3. «Дорнье-215»
4. Ю-88
5. Ю-87
6. Ю-52

Истребители:

1. «Мессершмитт-109»
2. «Мессершмитт-110»
3. «Хейнкель-100»

Разведчики:

1. «Хеншель-126».

К началу 1941 года на массовом конвейерном производстве находятся следующие боевые самолеты:

Бомбардировщики:

1. Ю-88
2. «Дорнье-217»

Истребители:

1. «Мессершмитт-109»
2. «Мессершмитт-110»

Таким образом, в крупносерийном производстве остались всего четыре типа самолетов.

3. Массовое производство морских боевых самолетов Германия не имеет. Все морские операции, как правило, выполняются сухопутными самолетами Ю-88 и До-217.

Морские самолеты выполняют разведывательные, санитарные и спасательные функции.

4. Учебная авиация

Делу подготовки летных кадров военно-воздушного флота в Германии уделяется исключительно большое внимание. Для этой цели в серийном производстве находятся следующие учебные самолеты:

- а) «Бюккер» – для первоначального обучения.
- б) «Мессершмитт-108» – вывозной тренировочный самолет для истребительных частей.
- в) «Фокке-Вульф» – двухмоторный учебный самолет.

г) Ю-52 – летающий класс для подготовки специалистов авиаслужбы.

Вся система обучения построена на самолетах монопланного типа, соответствующих современным боевым самолетам.

По моторам.

В массовом конвейерном производстве, для установки на боевых самолетах, находится всего три типа моторов, а именно:

«Даймлер-Бенц-601»

ЮМО-211

Моторы с водяным охлаждением.

И мотор БМВ-801 – двойная звезда воздушного охлаждения.

На бомбардировочных самолетах Ю-88 и До-217 винты изменяемого шага с металлическими лопастями вытесняются винтами изменяемого шага с деревянными лопастями.

Тактика боевой авиации.

1. Основные бомбардировочные операции производятся в ночное время на всех имеющихся типах бомбардировщиков, даже на самых устаревших (Ю-52). При необходимости бомбометания в дневное время функции бомбардировщиков несут истребители Ме-109 и Ме-110.

2. Как правило, соединение истребителей, тем более одиночные истребительные самолеты, уклоняются от воздушного боя с истребителями противника.

Основная задача истребительной авиации – уничтожение бомбардировщиков противника.

3. Все стратегические пункты как в Германии, так и в Англии защищены аэростатами заграждения, поэтому перед основной атакой бомбардировщиков идут первой волны самолеты-тральщики, оборудованные приспособлениями для резки тросов привязных аэростатов.

4. Существующие средства противовоздушной обороны почти не эффективны против ночных налетов. В этом мы лично убедились при ночных бомбардировках Берлина.

Исключительно подавляющее моральное действие оказывает применение воющих бомб.

Направление развития авиационной техники в Германии.

1. Дальнейшее развитие самолето- и моторостроения идет, главным образом, за счет модернизации существующих типов самолетов и моторов.

Улучшение боеспособности самолетов идет за счет:

а) повышения мощности и высотности моторов и установки этих моторов на существующих серийных самолетах;

б) увеличения бронезащиты экипажа и жизненных частей самолета;

в) увеличения бомбовой нагрузки до двух бомб калибра 1 000 кг.

или одной торпеды 1 650 кгр. внутри фюзеляжа;

г) установки на всех самолетах бомбардировочного вооружения.

2. Широко проводится подготовка к десантным операциям. Для этого созданы специальные многоместные планеры и усиленно тренируется личный состав десантных отрядов.

3. Ведется практическая работа по определению типа и тактики боя самолета – ночного истребителя.

Из осмотра трофейных самолетов вытекает, что английские самолеты значительно уступают немецким как по боевым качествам, так особенно по сложности конструкции и непригодности их к массовому серийному производству.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ РАБОТА.

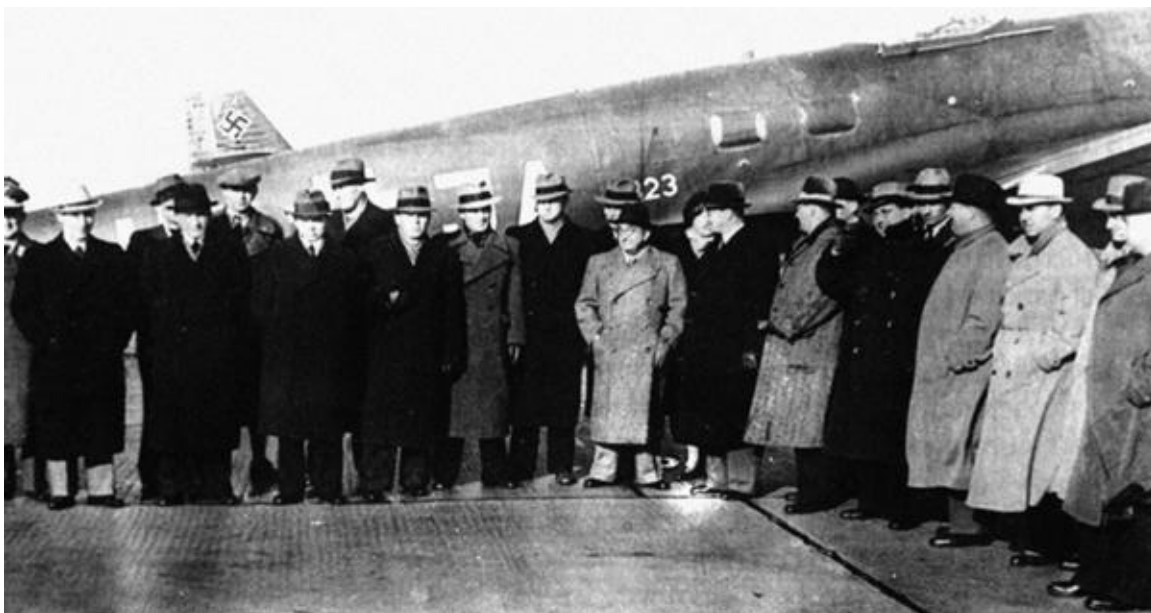
БОЛЬШОЙ КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И КАЧЕСТВЕННЫЙ РОСТ АВИАЦИОННОЙ ТЕХНИКИ ГЕРМАНИИ В ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ОБЪЯСНЯЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ШИРОКО ПОСТАВЛЕННОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТОЙ НЕ ТОЛЬКО В НАУЧНЫХ ИНСТИТУТАХ, НО И В ЗАВОДСКИХ ЛАБОРАТОРИЯХ И АЭРОДРОМАХ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ АВИАЦИОННОЙ КОМИССИИ
Генерал-майор авиации (И. Петров)

Члены (А. Микоян)
(С. Супрун)
(Е. Родзевич)
(А. Максимов)
(РГАЭ. Ф. 8044)

Встреча в Берлине советской Комиссии во главе с Тевосяном. В первом ряду справа налево: полпред Шкварцев, Тевосян, Савченко, статс-секретарь МИД Германии Кеплер. Судя по времени дня, можно предположить, что советская Комиссия прибыла поездом.

А это похоже на встречу на аэродроме фирмы «Хейнкель» в Ростове, куда советская Комиссия, скорее всего, была доставлена самолетом. И хозяева, и гости выстроились на фоне пассажирского варианта среднего бомбардировщика Хе-111 для фотографирования. В центре в светлом пальто и очках сам Э. Хейнкель, слева от него Ильюшин, Яковлев, Петров.

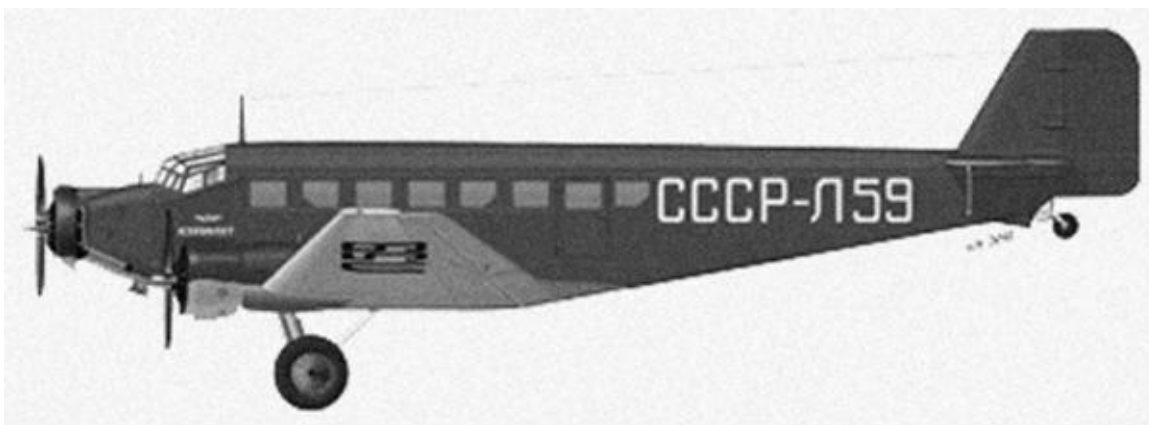

А вот один из результатов напряженной работы советских авиационных комиссий и делегаций в Германии. На поле аэродрома НИИ ВВС в Чкаловской стоит новенький «Мессершмитт Вф-110». Наверное, снимок специально сделали против солнца, чтобы пятиконечные звезды на его крыльях были не слишком заметны, но если приглядеться, их можно разглядеть. Вф-110 поступило 5 штук.

Зато кресты на новейшем советском высотном скоростном истребителе «МиГ-3» видны отчетливо.

Немцы, воевавшие в 1939–1941 гг. с Англией, всячески подчеркивали, что они с русскими договорились, поэтому дни Англии сочтены и лучше ей сдаться без боя. Очень хотелось бы, чтобы все, кто по сей день верит яковлевско-петровским (а фактически – сталинским) утверждениям о том, что немцы тогда показали нам все по единственной причине – чтобы запугать, ответили на вопрос: «А с какой же целью мы им показали всё?» Ведь аналогичные комиссии люфтваффе приезжали и в СССР. Скорее всего, причины этого показа и обмена были другие: во-первых, гарантия паритета; во-вторых, кооперация – совместное изготовление и использование оружия обеими странами; в-третьих, участие в изготовлении и поставке отдельных составных частей самолетов – моторов, пушек, пулеметов и снарядов к ним, приборов управления и систем обнаружения.

«Юнкерс Ju-52» (заказано 10 шт.). Аэрофлот «Юнкерс Ju-52» не заказывал. Тем не менее у ГВФ этот самолет имелся еще до войны. Во время работы авиационной комиссии в 1939–1941 гг. было заказано 10 самолетов Ju-52 для СССР, из которых 5 были изготовлены, а 3 даже приняты советской стороной. Однако в СССР они якобы не поступили. В настоящей книге (см. комментарий к Приложению 16) я предположил, что приземлившийся 15 мая 1941 г. на Центральном аэродроме Ju-52 был одним из трех этих самолетов. С ним было прислано письмо Сталину от Гитлера. Всего до 22 июня 1941 г. немцами было поставлено в СССР 30 новейших самолетов разных типов. Похоже, что была осуществлена и симметричная поставка советских самолетов, а также других видов оружия в Германию. Кроме ознакомления с достижениями и новинками передовой военной техники, это делалось еще и для организации кооперации оборонной промышленности Германии и СССР и поддержания военного паритета этих двух сотрудничающих стран.

**Второй шаг к трагедии 22 июня 1941 года.
Фотопутешествие в Берлин с Молотовым**

«Золотые самородки» из архивов

Работа в архиве похожа за труд золотоискателя – бесконечное просеивание породы в поисках золотинок, когда лишь изредка блеснет одна-другая. И вдруг в один день мне попались сразу два огромных самородка – в Архиве внешней политики РФ я обнаружил официальные списки делегации Риббентропа (38 человек), приезжавшей в Москву в августе – сентябре 1939 г. и делегации Молотова (65 человек), ездившей в ноябре 1940 г. в Берлин. Несколько лет я искал эти документы, и буквально за две недели до этой драгоценной для меня находки на презентации книги Сергея Хрущева «Никита Хрущев: Трилогия об отце» спрашивал об этих списках одного известного писателя-историка, ведущего популярных телепередач, не попадались ли они ему? На что он ответил, что сам давно и упорно ищет их, но безрезультатно, и даже ссылок на них не встречал, так что похоже, их и нет. И вдруг – я обнаруживаю оба эти списка в один день!

О списке делегации Риббентропа я уже рассказал в отдельной главе этой книги, а списка делегации Молотова буквально «дождалась» сделанная за полгода до этого моя другая, не менее драгоценная находка – обнаруженный в РГАСПИ роскошный фотоальбом о поездке делегации Молотова в Берлин. Высококачественные фотографии из этого альбома были сделаны штатным фотографом делегации, известным фотомастером М. Калашниковым, но большинство из них никогда ранее не публиковались в нашей стране. Если быть точным, впервые я увидел этот альбом на выставке, посвященной 70-летию начала Второй мировой войны в Государственном центральном музее современной истории России (бывший Музей Революции). Он лежал раскрытым на стенде под стеклом, и, естественно, видны были лишь две его страницы. Но я сразу понял, что это за ценность, и стал ждать, пока закроется музейная выставка и альбом вернут в РГАСПИ. Не теряя времени, я оформил все заявки и, как только экспонат оказался в архиве, получил его в работу. Скажу честно, этот альбом (20 фотографий) и прилагавшиеся к нему 18 фотографий о пребывании делегации в Берлине, подаренные немцами Молотову, позволили увидеть всю эту поездку в новом свете, причем увидеть буквально собственными глазами, как бы совершив путешествие во времени. Единственная проблема – незнание многих запечатленных на них лиц, и вдруг – список! Все совпало. Это просто везение! Но начнем по порядку...

Поездка делегации Молотова в Берлин

Поездка делегации Молотова в Берлин в ноябре 1940 г., на мой взгляд важнейший этап на пути к трагедии 22 июня 1941 г., в свое время не была тайной. Это был официальный государственный визит советского премьера в дружественную страну, о нем сообщали тогда советские газеты, в киножурналах даже показывались сюжеты о пребывании делегации в Берлине. Однако информация подавалась в минимальных дозах. Так, по поводу визита, начавшегося 10 ноября в 18.45 и завершившегося 15 ноября в 24.00, советская пресса обошлась публикацией предельно кратких сообщений, проиллюстрировав их всего лишь двумя (!) фотографиями. А киножурнал «Новости дня» показал в основном отъезды и приезды Молотова во время этого визита. На то была причина. Ведь «дружественная» страна, в которую впервые за всю историю СССР отправился в зарубежный вояж советский премьер, в тот момент уже второй год вела войну почти против всей Европы. Понятно, что у мировой общественности никакой радости такая поездка вызвать не могла, вот ее особо и не афишировали.

Была и другая причина такой лаконичности. Показанные крупным планом лица всех участников берлинских переговоров свидетельствовали бы о том, что этот визит не был ни ответным визитом вежливости, ни ознакомительным или зондирующим («разузнать и прощупать» – как его позиционировало советское руководство, а затем вплоть до наших дней советские и многие российские историки). Нет, он был неслыханным и по составу участников, и по обсуждавшимся вопросам, и по степени проявления взаимных дружеских чувств. И уж никак он не был «бесплодным», как уверяют многие историки с подачи его участника авиаконструктора и замнаркома авиапромышленности Яковлева. Вот почему после начала Великой Отечественной войны поездка Молотова в Берлин стала одной из самых больших тайн в нашей стране – на много лет о ней как бы забыли.

По понятным причинам не упоминали о ней и в Германии, и в странах антигитлеровской коалиции (до начала «холодной войны»). Пожалуй, впервые она была упомянута в вышедшей в 1966 г. книге историка Александра Некрича, в которой автор сделал мужественную, если не сказать героическую, попытку осознать трагедию первого дня этой войны. Книга так и называлась – «1941. 22 июня 1941». Но даже в ней,

выдающейся для своего времени по правдивости, об этом берлинском визите было сказано буквально следующее: «Переговоры в Берлине в ноябре 1940 года и последовавшие затем события на Балканах свидетельствовали о развитии агрессивных планов гитлеровской Германии». И это всё, больше ни слова. Не упомянута даже фамилия Молотов. Не сказано не только, о чем гитлеровская Германия вела переговоры с советской стороной в ноябре 40-го, но даже с кем конкретно она их вела. Но главное – автор упомянул о них! Пожалуй, первым о визите Молотова в Берлин и своем участии в нем рассказал авиаконструктор А. С. Яковлев в книге «Цель жизни» (1967), а описал эту поездку в книге «С дипломатической миссией в Берлин» (1971) другой ее участник – переводчик В. М. Бережков (правда, кроме Молотова и себя он назвал имя лишь одного человека, участвовавшего в ней с советской стороны – первого секретаря полпредства в Берлине и переводчика Павлова). В дальнейшем Бережков издал несколько книг и статей, где довольно подробно рассказал о некоторых деталях этой поездки. В 1973 г. обозначился четвертый участник поездки – маршал Василевский, который в то время был заместителем начальника Оперативного управления Генштаба. В своей книге «Дело всей жизни» он открыл имена еще двух ее участников: И. И. Лапшова – помощника председателя совнаркома Молотова и В. М. Злобина – генерал-адъютанта наркома обороны Тимошенко. А первые фотографии той молотовской поездки появились у нас, пожалуй, лишь в 1991 г. в сборнике «Оглашению подлежит» и в книге Г. Л. Розанова «Сталин – Гитлер. 1939–1941» – по два маленьких и не очень качественных снимка в каждой книге. Затем они начали появляться и во множестве других изданий, но при этом как бы случайно делалось все, чтобы не было возможности идентифицировать участников переговоров и встреч: мелкие отпечатки плохого качества, минимум имен и текста в подписях под ними. В одной из книг даже напечатали фотографию, на которой посла Шкварцева «загримировали», подрисовав ему густые усы. Поэтому в своих книгах «Великая тайна Великой Отечественной. Новая гипотеза начала войны» (2007) и «Великая тайна Великой Отечественной. Ключи к разгадке» (2010) я привел 24 фотографии берлинских переговоров Молотова, конкретизируя события и называя максимально возможное количество запечатленных на них участников встречи.

А после обнаружения полного списка делегации Молотова и сделанных во время этой поездки высококачественных фотографий появилась реальная возможность рассмотреть почти каждого ответственного участника этой поездки, используя и все появившиеся в

отечественной и зарубежной печати, а также в Интернете фото– и кинокадры. А кроме того – увидеть, с кем и как они общались в Берлине, и с учетом этого попытаться понять, по каким направлениям шли переговоры и чем закончились: полным расхождением позиций «дружественных» стран – СССР и Германии или какой-то новой договоренностью. Судя по всему, в последние полгода перед Великой Отечественной войной обе страны вели свою политику именно на основе результатов этой встречи, что и привело нашу страну к катастрофе 22 июня 1941 г. Ведь о чем бы ни шли переговоры в Берлине и чем бы они ни закончились, вариантов могло быть только два: либо продолжение и даже укрепление неожиданно вспыхнувшей в 1939-м «дружбы», либо ее конец.

Вот что сообщили тогда миру о ходе и результатах этой встречи ее участники в совместном заключительном коммюнике:

«Обмен мнений протекал в атмосфере взаимного доверия и установил взаимное понимание по всем важнейшим вопросам, интересующим СССР и Германию».

Этот лишенный какой бы то ни было информации текст должен был показать, что если стороны не договорились, то и не рассорились. На Западе с 1948 г., а в нашей стране с 1991-го стали публиковаться записи бесед Молотова с Гитлером и Риббентропом, которые позволили выявить круг обсуждавшихся проблем, однако никаких конкретных сведений о принятых в Берлине решениях никогда не сообщалось. Из заключительного коммюнике совершенно непонятно, были ли достигнуты истинные цели поездки, которые стали известны как «указания Сталина Молотову от 9 ноября 1940 г.» (9 рукописных листков из блокнота), озаглавленные «Некоторые директивы к Берлинской поездке»). Этот документ был введен в научный оборот историком Л. Безыменским в 1995 г. [5. С. 346–349]. В нем перед Молотовым были поставлены следующие задачи:

1. Выяснить, как предлагает Гитлер делить мир по заключаемому пакту.
2. Обозначить сферу интересов СССР.
3. Ничего не подписывать, имея в виду продолжение переговоров в Москве.

Из этих задач выявляется суть ноябрьских переговоров в Берлине. Гитлер более всего хотел зафиксировать на бумаге присоединение СССР к Оси-треугольнику (Берлин – Рим – Токио), что сломало бы непреклонность Англии, возглавляемой Черчиллем. Сталин, казалось, был готов участвовать в дележе мира с Гитлером, но не хотел это афишировать. Вопросы экономического и военно-технического сотрудничества были

решены ранее, после договоров 1939 г. о ненападении и дружбе и границе. Принятые решения успешно выполнялись. Поэтому договариваться теперь могли скорее о военном сотрудничестве: распределении работ в оборонной промышленности, унификации в ее различных проявлениях и даже о непосредственном участии СССР в войне против Великобритании (в подготовке десантной операции в Англии) и броске на Ближний Восток. Ибо у Гитлера выбор был весьма ограничен: нанести удар либо по Англии, либо по СССР, так как долго держать без дела под ружьем свои отобилизованные дивизии он не мог, а воевать на два фронта не собирался.

Лишь в годы перестройки стало известно, что Молотов увез в Москву немецкий проект превращения Пакта трех в Пакт четырех, обсудил его со Сталиным и уже 25 ноября 1940 г. сообщил Шуленбургу о готовности СССР заключить такой пакт о политическом и экономическом сотрудничестве. Но ведь с 24 августа 1939 г. оно и так шло полным ходом. Однако – с поправками – к двум предложенным Риббентропом секретным протоколам предлагалось добавить еще три: о выводе немецких войск из Финляндии, о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине и о включении Болгарии в советскую зону безопасности (фактически – о контроле над проливами Босфор и Дарданеллы). Текст был передан через Шуленбурга в Москве, однако ответа от Гитлера якобы так и не последовало (либо он последовал, но неизвестен по сей день).

Через две недели после завершения визита Молотова в Берлин прибыл новый полпред СССР Деканозов, а смена послов всегда означала крутой поворот в отношениях между странами. С учетом того, что Деканозов был еще и заместителем наркома иностранных дел, это означало, что дружба станет еще крепче. Однако Гитлер на оба банкета, устроенные в честь делегации Молотова, не пришел (в отличие от Сталина во время приездов Риббентропа в Москву в 1939 г.). Так что же – не договорились или разыграли недоговоренность?

Официальный список делегации и идентификация ее членов

Обнаруженный мною в Архиве внешней политики РФ документ «Список лиц, сопровождающих Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара Иностранных дел В. М. Молотова» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. Пор. № 161. П. 15. Л. 1–3), который никогда не публиковался в открытой печати^{[\[25\]](#)}, позволяет понять многое в той поездке советской делегации в Берлин. Вот он.

С П И С О К

лич, сопровождающих Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
В.М.МАЛЮТОВА.

1. Тевосян Иван Терентьевич - Народный Комиссар Чешской Металлургии СССР.
2. Денавзов Владимир Георгиевич - Заместитель Народного Комиссара Иностранных Дел СССР.
3. Маркулов Исаволод Николаевич - Заместитель Народного Комиссара Иностранных Дел СССР.
4. Крутиков Алексей Евгеньевич - Заместитель Народного Комиссара Внешней Торговли СССР.
5. Еландаев Василий Петрович - Заместитель Народного Комиссара Внешней Торговли СССР.
6. Николаев Александр Сергеевич - Заместитель Народного Комиссара Внешней Торговли СССР.
7. Липов Иван Иванович - Начальник Отдела Начальства Государственного Совета Народных Комиссаров СССР.
8. Коенков Павел Павлович - Начальник Отдела Начальства Народного Комиссара Иностранных Дел СССР.
9. Александров Александр Михайлович - Заместитель Начальства-Европейского Отдела Наркоминдела СССР.
10. Вильям Александр Павлович - Заместитель Начальства Отдела Наркоминдела СССР.
11. Мальгунов Николай Григорьевич - Заместитель Отдела Начальства Наркоминдела СССР.
12. Ларков Владимир Николаевич - Заместитель Начальства Отдела Наркоминдела СССР.
13. Саломея Григорий Сильмович - Заместитель Генерального Секретаря Наркоминдела СССР.
14. Крутиков Евгений Семенович - Помощник Генерального Секретаря Наркоминдела СССР.
15. Липов Иван Иванович - Помощник Начальства Отдела Начальства Народного Комиссара Иностранных Дел СССР.

16. Подцероб Борис Семенович	- Ответственный референт Наркома
17. Богданов Павел Яковлевич	- Референт
18. Яков Якович Михайлович	- Старший референт
19. Злобин Василий Михайлович	- Эксперт
20. Васильевский Александр Иванович	- Эксперт
21. Васильева Зера Ивановна	- Отомографистка
22. Захаров Николай Васильевич	- Отомографист
23. Петрова Анна Яковлевна	- Отомографистка-машинистка
24. Голышев Сергей Григорьевич	- Машинистка
25. Калинин Иван Михайлович	- Сотрудник для поручений (фото-корреспондент)
26. Остриков Сергей Павлович	- Референт
27. Павлов Александр Петрович	- Референт
28. Мельников Федор Федорович	- Референт
29. Яков Якович Грязнев	- Ст. референт
30. Гудков Иван Михайлович	- Секретарь
31. Яковлев Оттавио Оттавиевич	- Переводчик
32. Михайлов Георгий Иванович	- Начальник охраны
33. Корудин Павел Яковлевич	- Пом. начальника охраны
34. Локотков Сергей Романович	- Пом. начальника охраны
35. Кибалько Федор Петрович	- Сотрудник для поручений
36. Яковлев Александр Васильевич	- Сотрудник для поручений
37. Яков Якович Михайлович	- Сотрудник охраны
38. Корсунин Яков Григорьевич	- Сотрудник охраны
39. Лобосов Федор Васильевич	- Сотрудник охраны
40. Корсун Александр Григорьевич	- Сотрудник охраны
41. Андреев Михаил Яковлевич	- Сотрудник охраны

42. Кромин Александр Дмитриевич	- Сотрудник охраны
43. Ленков Алексей Иванович	- Сотрудник охраны
44. Творогов Михаил Степанович	- Сотрудник охраны
45. Лобин Александр Павлович	- Сотрудник охраны
46. Пущиков Федор Давыдович	- Сотрудник охраны
47. Курок Афанасий Давыдович	- Сотрудник охраны
48. Матришев Иван Фридрихович	- Сотрудник охраны
49. Смирнов Николай Яковлевич	- Сотрудник охраны
50. Курок Константин Алексеевич	- Медицинский (врач)
51. Ринков Борис Федорович	- Обслуживающий (повар)
52. Чулаева Любовь Константиновна	- Обслуживающая (официантка)
53. Волков Иван Григорьевич	- Обслуживающий (паромашер)
54. Белогородский Осип Фридрих	- Начальник поезда
55. Воронин Михаил Яковлевич	- Сотрудник поездов бригады
56. Горин Дмитрий Андреевич	- Т о ж е
57. Рибан Илья Андреевич	- Т о ж е
58. Кисел Григорий Иванович	- Т о ж е
59. Давыдов Иван Яковлевич	- Т о ж е
60. Степанов Андрей Иванович	- Т о ж е
61. Давыдов Григорий Федорович	- Т о ж е
62. Сиробов Константин Иванович	- Т о ж е
63. Постышев Михаил Иванович	- Т о ж е
64. Володин Георгий Павлович	- Т о ж е
65. Зайцев Владимир Васильевич	- Т о ж е

Из этого списка следует, что делегация Молотова в ноябре 1940 г. почти в два раз превышала по численности германскую делегацию Риббентропа в августе – сентябре 1939 г. (66 человек против 38, если считать вместе с руководителями). Столь расширенный состав мог объясняться более широким кругом рассматриваемых вопросов, меньшей степенью их проработанности и подготовленности итогового документа либо наличием какой-то серьезной проблемы или даже противоречия, требующего обсуждения и решения во время переговоров.

Анализ списка делегации показал, что 31 человек составляли собственно делегацию, обеспечивавшую работу предсовнаркома и наркома

иностранных дел В. М. Молотова. В их числе: один нарком и четыре замнаркома, четыре начальника главных отделов НКВД, начальники личной канцелярии предсовнаркома и наркома иностранных дел, заместитель генерального секретаря НКВД (генеральный секретарь НКВД Соболев по личному заданию Сталина в это время был командирован в Болгарию, где обсуждался вопрос о проливах), референты и технические работники НКВД. Из этого следует, что во время переговоров в Берлине то или иное решение могло быть не только принято, но и немедленно оформлено в виде государственного договора или секретного протокола к нему.

Отличает эту делегацию от московской делегации Риббентропа и наличие в ее составе военных экспертов самого высокого ранга: Злобин был генерал-адъютантом и постоянным советником наркома обороны маршала Тимошенко, а Василевский занимался разработкой советских стратегических военных планов. Напоминаю, что единственный обнаруженный до настоящего времени советский план войны на 1941 г. (от 15 мая 1941 г.) был написан собственноручно Василевским и не подписан ни Сталиным, ни Тимошенко, ни Жуковым. Через год после этой поездки Василевский станет заместителем начальника Генштаба, еще через год – начальником Генштаба, год спустя – маршалом, а после войны – военным министром. Это означает, что стратегические военные вопросы были одним из важных аспектов берлинских переговоров.

Далее по списку: 18 человек составляли охрану; 4 человека – обслуживающий персонал (врач, повар, официантка, парикмахер); 12 человек – поездная бригада.

Чтобы понять цели поездки и возможности делегации, рассмотрим персонально ее состав (31 человек, первые из указанных в списке, по которым удалось собрать минимальную информацию и найти фотографии). Полужирным шрифтом дан текст из найденного документа «Список лиц...». В квадратных скобках я привожу дополнительные сведения о каждом члене делегации.

Молотов Вячеслав Михайлович – Председатель Совета Народных Комиссаров и Народный Комиссар Иностранных Дел СССР

[Член Политбюро ЦК ВКП(б) – высшего партийного органа в СССР, председатель СНК с 1930 г., нарком иностранных дел с 4 мая 1939 г. Имя, должность и фото в качестве руководителя делегации были опубликованы в советских газетах в 1940 г.]

1. **Тевосян Иван Тевадросович** – Народный Комиссар Черной Металлургии СССР

[До этого в 1938 – 39 гг. – нарком судостроительной промышленности. С октября 1939 г. председатель Хозяйственной комиссии по закупке в Германии военной техники и промышленного оборудования, а с марта 1940 г. по июнь 1941 г. председатель Комиссии по размещению заказов в Германии. Позже – заместитель Председателя Совмина СССР. Имя и должность в качестве члена делегации были опубликованы в советской прессе в 1940 г.]

2. **Деканозов Владимир Георгиевич** – Заместитель Народного Комиссара Иностранных Дел СССР

[До назначения 4 мая 1939 г. на эту должность работал в ГПУ и ЦК Грузии, затем начальником внешней разведки НКВД. 27 ноября 1940 г. он вновь приехал в Берлин полпредом, (с мая 1941 г. – послом СССР), на мой взгляд со сталинским вариантом условий присоединения Советского Союза к Оси, так как выехал в Берлин через день после ознакомления с ними посла Германии Шуленбурга. При этом он продолжал оставаться заместителем наркома НКВД. Являясь человеком Берии и личным

посланцем Сталина, как ни странно, в своих докладах о действиях и намерениях Германии он зачастую, рискуя вызвать их гнев, давал объективную картину подготовки Германии к войне против СССР. Имя, должность и фото в качестве члена делегации были опубликованы в советских газетах в 1940 г.]

3. Меркулов Всеволод Николаевич – Заместитель Народного Комиссара Внутренних Дел СССР

[С 3 февраля по 20 июля 1941 г. и с 15 апреля 1943 г. по 7 мая 1946 г. нарком (министр) государственной безопасности СССР. Имя и должность в качестве члена делегации были опубликованы в советских газетах в 1940 г.]

4. Крутиков Алексей Дмитриевич – Заместитель Народного Комиссара Внешней Торговли СССР

[Имя и должность в качестве члена делегации были опубликованы в советских газетах в 1940 г.]

5. Баландин Василий Петрович – Заместитель Народного Комиссара
Авиационной Промышленности СССР [по двигателям]

[Имя и должность в качестве члена делегации были опубликованы в
советских газетах в 1940 г.]

6. Яковлев Александр Сергеевич – Заместитель Народного
Комиссара Авиационной Промышленности СССР [по опытному
самолетостроению, одно время был консультантом Сталина по авиации].

[Имя и должность в качестве члена делегации были опубликованы в
советских газетах в 1940 г.]

7. **Лапшов Иван Иванович (1888)**^[26] – Начальник Личной Канцелярии Председателя Совета Народных Комиссаров СССР

8. **Козырев Семен Павлович (1907)** – Начальник Личной Канцелярии Народного Комиссара Иностранных Дел СССР

9. **Александров Александр Михайлович (1907)** – Заведующий Центрально-Европейским Отделом Наркоминдела СССР

[Имя и должность в качестве члена делегации были опубликованы в советских газетах в 1940 г.]

Фото 1970-х годов

10. **Павлов Алексей Павлович** (1903) – Заведующий Правовым Отделом Наркоминдела СССР

11. **Пальгунов Николай Григорьевич** (1898) – Заведующий Отделом Печати Наркоминдела СССР

Фото в юности

12. **Барков Владимир Николаевич** (1890) – Заведующий Протокольным Отделом Наркоминдела СССР

[Имя и должность в качестве члена делегации были опубликованы в советских газетах в 1940 г.]

13. **Саксин Григорий Филиппович** (1904) – Заместитель
Генерального Секретаря Наркоминдела СССР

Фото 1960–1970 гг.

14. **Кружков Владимир Семенович** (1905) – Помощник Генерального
Секретаря Наркоминдела СССР

Фото 1960-х годов

15. **Ленский Григорий Григорьевич** – Помощник Начальника
Личной Канцелярии Народного Комиссара Иностранных Дел СССР

16. Подцероб Борис Федорович (1910) – Ответственный референт Наркома

17. Богданов Валентин Михайлович – Референт
[Настоящее имя Бережков Валентин Михайлович – личный переводчик Молотова. После этой поездки он останется в Берлине 1-м секретарем посольства. В Москву вернется после обмена посольствами в Турции 22 июля 1941 г. (по его утверждению), а по моему мнению – 19 июля 1941 г.]

18. Юнин Михаил Михайлович (1910) – Старший референт

19. Злобин Вениамин Михайлович – Эксперт

[На момент поездки генерал-лейтенант, генерал-адъютант наркома обороны маршала Тимошенко, до этого – преподаватель Академии Генштаба. В июле 1941 г. – начальник Оперативного управления Генштаба.]

20. Василевский Александр Михайлович – Эксперт

[На момент поездки генерал-майор, 1-й зам. начальника Оперативного управления Генштаба. С 1 августа 1941 г. заместитель начальника ГШ – начальник Оперативного управления Генштаба, с 1942 г. – начальник Генштаба, с 1943 г. – Маршал Советского Союза.]

21. **Васильева Вера Ивановна** – Стенографистка
22. **Захаров Николай Васильевич** – Стенографист
23. **Петрова Зинаида Дмитриевна** – Стенографистка-машинистка
24. **Романова Эсфирь Григорьевна** – Машинистка
25. **Калашников Михаил Михайлович** – Сотрудник для поручений
(фото-корреспондент)
[Снимки берлинского фотоальбома сделаны именно им.]
26. **Стриганов Сергей Романович** (1916) – Референт
[Остался в составе советского посольства в Берлине заведующим референтурой, хотя продолжал числиться в центральном аппарате НКВД.]

27. **Бажанов Александр Петрович** – Референт

[Остался в составе советского посольства в Берлине.]

28. Молочков Федор Федорович (1904) – Референт.

[Впоследствии много лет заведовал протокольным отделом МИД.]

Фото в зрелые годы

29. Анин Леонид Юрьевич – Ст. референт

30. Гудков Иван Михайлович – Секретарь

31. Миносян Степан Степанович – Переводчик

Сведений о последних трех лицах в списке, так же как и сведений о стенографистах, машинистках, членах охраны и поездной бригады найти не удалось. Не исключено, что некоторые фамилии и имена в списке вымышленные, на самом деле под этими именами в Берлин приехали совсем другие люди (как, например, Богданов – Бережков). Это навело на мысль, что фактически во время пребывания делегации в Берлине там могло оказаться гораздо больше советских представителей. Во-первых, могли присутствовать члены пяти подкомиссий Комиссии Тевосяна по размещению заказов в Германии (судостроительной, авиационной, морской артиллерии и приборов, полевой артиллерии, боеприпасов). В них входили заместители наркомов, директора и главные конструкторы оборонных предприятий, руководители и ведущие специалисты заказывающих управлений наркомата обороны. Во-вторых, людей, необходимых для обсуждения различных вопросов, могли просто отправить на это время в командировку в Берлин по линии соответствующего ведомства, чтобы не пугать мировую общественность огромной официальной советской делегацией.

О том, что вместе с Молотовым в Берлин должно было приехать очень много людей, есть любопытное свидетельство личного пилота Гитлера Ганса Баура. В своих мемуарах он написал, что Гитлер предлагал Молотову свой личный самолет для доставки советской делегации, но оказалось, что «Молотов хотел отправиться в Берлин с делегацией, насчитывавшей 256 человек» [4. С. 238]. Намек на реальность такого количества советских гостей содержится в описании приема, состоявшегося в советском полпредстве вечером 12 ноября, в книге Бережкова «С дипломатической миссией в Берлин»: «Был извлечен сервиз на 500 персон, с незапамятных времен хранившийся в посольстве для особо торжественных случаев» [8. С. 17]. Если предположить, что русских и немцев на этом приеме было примерно поровну, получается как раз 250 человек. В обнаруженном в АВП РФ отчете участника этой поездки о приеме в честь Молотова в отеле «Кайзергоф» говорится, что с немецкой стороны в нем участвовало 200 высших чинов.

«Фоторепортаж» о поездке в Берлин

Большой объем совершенно новой информации о берлинской поездке мне удалось получить в уже упомянутом мною фотоальбоме корреспондента «Правды» Калашникова и на прилагавшихся к нему немецких фотографиях. Высокое качество отпечатков позволило, сильно увеличивая их, идентифицировать персонажи на больших групповых снимках. Этому очень помогли и кадры кинохроники о берлинской поездке, переговорах и мероприятиях, связанных с пребыванием делегации Молотова в Берлине 12–14 ноября 1940 г. Все эти бесценные источники дали возможность увидеть наконец воочию, как проходил визит делегации на самом деле, а не судить о нем лишь по регламентированным описаниям историков и даже отдельных участников этих переговоров.

Лица на представленных снимках я идентифицировал, основываясь как на внешнем сходстве, так и на информации из опубликованных статей и воспоминаний, на архивных документах и т. п. В случае сомнения рядом с фамилией стоит знак вопроса. Если кто-то из запечатленных на снимках во время встреч, проводов и переговоров, не был включен в официальный список делегации, но о его пребывании в Берлине в тот момент имеются прямые или косвенные доказательства, я отмечаю его фамилию знаком (—). Предполагаю, что кое-кто из провожавших могли отправиться в Берлин утром 11 ноября на самолете и встречать там Молотова 12-го.

10 ноября 1940 г. 16.45^[27]. Москва, Белорусский вокзал. Проводы делегации Молотова

Фото из фондов РГАСПИ. Рапорт Молотову начальника почетного караула. Справа налево: начальник личной охраны Сталина и начальник 1-го отдела ГУГБ Власик, замнаркома иностранных дел Лозовский, командующий Московским военным округом генерал армии Тюленев, председатель Комитета Обороны маршал Ворошилов, двое неизвестных лиц, Молотов, нарком обороны маршал Тимошенко, начальник Генштаба генерал армии Мерецков (—)

Фото из фондов РГАСПИ. Крупным планом слева направо: Лозовский, Ворошилов, дочь Молотова, заместитель председателя Совнаркома, нарком путей сообщения Каганович, жена Молотова; между Лозовским и Ворошиловым первый секретарь ВЦСПС Шверник (—)? Мерецков (за

Ворошиловым), нарком ВМФ Кузнецов (—)? (рядом в фуражке), зам. председателя Совнаркома, председатель Госплана Вознесенский (за Кагановичем), зам. председателя Совнаркома Первухин (—)?

11.00–11.40. 12 ноября 1941 г. Берлин. Ангальтский вокзал. Встреча делегации Молотова

Фото из фондов РГАСПИ. Справа налево: 1-й ряд – начальник почетного караула; переводчик, советник посольства Германии в Москве Хильгер; Молотов; министр иностранных дел Риббентроп; начальник ОКВ генерал-фельдмаршал Кейтель. 2-й ряд – полпред СССР Шкварцев, генерал-лейтенант, начальник гарнизона Берлина Зейферт; Меркулов; Деканозов. 3-й ряд – Малышев (—)? (см. ниже); в военно-морской форме – Воронцов либо Кузнецов (см. ниже); Крутиков (в профиль)?; Яковлев. 4-й ряд – начальник партийной канцелярии фюрера Ламмерс; младший статс-секретарь МИД Лютер. 5-й ряд – военный атташе Италии; Василевский; Злобин; нарком связи Пересыпкин (—)? (см. ниже); Лапшов (в очках)?

Фото из фондов РГАСПИ. Слева направо: 1-й ряд – Кейтель, Риббентроп, Молотов. 2-й ряд – Меркулов, Зейферт, Шкварцев, Хильгер. 3-й ряд – Яковлев, Воронцов или Кузнецов (в морской фуражке), Скорняков или Рычагов (в фуражке советских ВВС (—) (см. ниже)

При сравнении сильно увеличенных фрагментов первых двух снимков с фотографиями известных лиц были обнаружены следующие члены советской делегации:

А. М. Василевский. Увеличенный фрагмент

Генерал-майор А. М. Василевский

В. М. Злобин. Увеличенный фрагмент

Генерал-лейтенант В. М. Злобин

А. Д. Крутиков? Увеличенный фрагмент

Заместитель наркома внешней торговли А. Д. Крутиков

А. С. Яковлев. Увеличенный фрагмент

Заместитель наркома авиапромышленности, начальник и главный конструктор ОКБ А. С. Яковлев

*Заведующий канцелярией Председателя Совнаркома И. И. Лапшов?
Увеличенные фрагменты*

Обнаружен также ряд лиц, не указанных в списке членов делегации, но оказавшихся в ней фактически. То ли они приехали другим поездом, то ли прилетели на самолете, то ли уже находились в Берлине в составе Хозяйственной или Закупочной комиссий и пришли встречать председателя Совнаркома:

Пересыпкин? Увеличенный фрагмент

И. Т. Пересыпкин – нарком связи, с 1943 г. маршал войск связи

Малышев? Увеличенный фрагмент

В. А. Малышев – заместитель Председателя Совнаркома и нарком среднего машиностроения (с 1941 г. нарком танковой промышленности)

Опознать некоторые лица на фотографии, сделанной во время встречи делегации на Ангальтском вокзале, довольно сложно. Человек в третьем ряду, судя по тому, что он в военно-морской форме, скорее всего, военно-морской атташе в Берлине капитан 1 ранга Воронцов (военные из состава делегации были в гражданской одежде). Но он похож и на наркома ВМФ адмирала Кузнецова, который мог прилететь в Берлин 11 ноября самолетом вместе с начальником ГУ ВВС Рычаговым (возможно, что на этом же снимке справа от него). Но тот тоже в военной форме, значит, скорее это заместитель военного атташе в Берлине по авиации полковник Скорняков. Хотя на Рычагова этот человек похож не меньше, чем на Скорнякова. Утверждать, что это Рычагов, не позволяют знаки отличия на шинели (то ли три ромба, то ли три шпалы), не соответствующие его званию с июня 1940 г.

Воронцов или Кузнецов? Увеличенный фрагмент

Нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов

*Военно-морской атташе в Берлине капитан 1 ранга М. А. Воронцов.
Послевоенное фото*

Рычагов или Скорняков? Увеличенный фрагмент

*Начальник ГУ ВВС генерал-лейтенант авиации (до 4.06.40 г. комкор)
П. В. Рычагов*

*Заместитель военного атташе в Берлине по авиации полковник Н. Д.
Скорняков*

В пользу присутствия Кузнецова и Рычагова в Берлине говорит тот факт, что главным вопросом и для Германии, и для СССР тогда могли быть именно флот и авиация, но представлять советские ВМФ и ВВС в Берлине вряд ли доверили бы атташе в звании полковников. Ниже я приведу другие фотографии берлинской поездки, которые подтверждают это предположение.

Заканчивая рассмотрение встречи делегации Молотова на Ангальтском вокзале, надо отметить еще два важных момента:

1. На каждого встречавшего Молотова и его делегацию германского должностного лица высокого ранга (Риббентроп, рейхсфюрер Гиммлер, Ламмерс, статс-секретарь МИД Вейцзекер, шеф прессы Дитрих и др.) приходился соответствующий по рангу советский представитель (Молотов, Меркулов, Лапшов, Деканозов, Пальгунов и др.). Поскольку среди встречавших советскую делегацию был и высший после фюрера представитель военного командования Германии – начальник ОКВ генерал-

фельдмаршал В. Кейтель, то можно предположить, что и с делегацией Молотова прибыл советский военный представитель такого же уровня, например Мерецков. Кстати, присутствие на вокзале руководителя Трудового фронта Третьего рейха Лея наводит на мысль, что в составе советской делегации должен был быть и кто-то из руководства профсоюзов, например Шверник.

Кадр из немецкой кинохроники. Лица, встречающие советскую делегацию (справа налево): Ламмерс, рейхсфюрер Гиммлер, шеф прессы Дитрих, младшие статс-секретари МИД Боле, Лютер, Кеплер, начальник политического отдела МИД Верман

2. На встрече присутствовали и представители держав Оси: Италии, с которой у СССР были прекрасные отношения, и, как ни удивительно, Японии, с которой в предыдущем году произошел серьезный военный конфликт. Это свидетельствует об особом интересе держав Оси к берлинским переговорам Молотова.

Кадр из немецкой кинохроники. Молотова встречают дипломаты Германии, Италии и Японии.

Следует также отметить на двух фото встречи советской делегации на Ангальтском вокзале отсутствие вблизи Молотова кого-либо из советских переводчиков – Бережкова (Богданова) из состава делегации или Павлова, работавшего в советском полпредстве. Остается только предположить, что либо сам Молотов, либо идущий рядом с ним полпред Шкварцев в какой-то степени владели немецким языком. Удивляет и отсутствие в первых рядах приехавшего вместе с делегацией Молотова германского посла в Москве Шуленбурга.

12 ноября 12.40–13.30. Переговоры Молотова с Риббентропом

Фото из фондов РГАСПИ. Справа налево: Хильгер, Риббентроп, Молотов, переводчик и первый секретарь полпредства в Берлине В. Н. Павлов, Деканозов (спиной к фотографу) за столом переговоров в служебном особняке министра иностранных дел. Это один из всего лишь двух снимков переговоров в Берлине, которые напечатала газета «Правда» 18 ноября 1940 г., то есть через три дня после официального возвращения делегации в Москву.

12 ноября. 15.00–18.25. Первое посещение Гитлера в новой имперской канцелярии

Фото из фондов РГАСПИ. На этих двух снимках мы видим Молотова, Деканозова, Баландина, Баркова, а также Козырева, Бережкова, Лапшова? Павлова. Почему-то нет Тевосяна, Меркулова, Крутикова, Яковлева и Шкварцева. Может быть, здесь присутствуют лишь работники НКВД? А как же Баландин? Германские представители: Хильгер, шеф-адъютант фюрера Шауб (2-й слева на верхнем фото), офицер-ординарец фюрера Даргес (2-й слева на нижнем фото), адъютант фюрера по авиации фон Белов (3-й слева на верхнем фото), начальник государственной канцелярии Мейснер (справа от Молотова), ответственные работники МИД: Дернберг (1-й справа на нижнем фото), Штеенграхт ван Мойланд (3-й справа на верхнем фото), Шмидт (3-й справа на нижнем фото), Штефаниус? (2-й справа на нижнем фото)

Молотов вместе с другими членами советской делегации встречался с фюрером трижды: 12 ноября в 15.00 в новой имперской канцелярии (переговоры); 13 ноября в 14.00 в старой имперской канцелярии (завтрак в квартире фюрера) и в 15.00 (?) в новой имперской канцелярии (переговоры). В подписях к фотографиям берлинской поездки Молотова, обнаруженным в РГАСПИ, к сожалению, не указаны точные даты, поэтому, чтобы их установить, мне пришлось поработать в других архивах.

В Архиве внешней политики РФ я нашел документ, который по существу представляет собой отчет о встрече с Гитлером, написанный одним из членов делегации Молотова, но не самим Молотовым и не Деканозовым, так как о них там говорится в третьем лице. Почему-то этот документ озаглавлен «О здании Гитлера» (Ф-06. Оп. 2. П. 15. Д. 161. Л. 4–8). Возможно, его автор имел указание свыше описать в первую очередь, как живет и работает Гитлер. Документ состоит из четырех страниц машинописного текста без даты и подписи, причем из него можно предположить, что автор написал его и отправил шифровкой или с нарочным в Москву после первого дня пребывания делегации в Берлине,

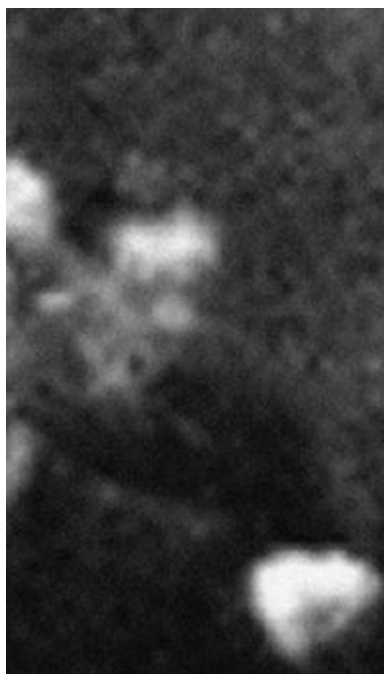
поскольку события второго дня там не описаны. Интересен этот текст тем, что содержит прежде никогда не публиковавшиеся свежие впечатления члена делегации Молотова.

Вот отрывки из него, рассказывающие о первой встрече Молотова с Гитлером.

«О здании Гитлера. Прекрасное, громадное, вновь отстроенное здание, где помещается Гитлер (новая имперская канцелярия. – А. О.), является пристройкой к дому, в котором жил Бисмарк. Для встречи т. Молотова у здания Гитлера был выстроен почетный караул. В тот момент, когда машины подошли к подъезду, грянули барабаны. В подъезде т. Молотова встретил личный министр фюрера Мейснер, который в сопровождении других лиц из 25–30 человек СС провел т. Молотова по широкому и длинному коридору в приемную Гитлера, где т. Молотову совсем не пришлось дожидаться, т. к. сразу после доклада Гитлеру о прибытии т. Молотова он был принят.

На беседе т. Молотова с Гитлером, присутствовал т. Деканозов и в качестве переводчиков советник германского посольства Гильгер, секретарь полпредства СССР в Берлине т. Павлов и т. Богданов. В приемной Гитлера, где были лица, сопровождающие т. Молотова (т. Лапшов, Козырев, Саксин, Барков), находился германский посол в Москве Шуленбург, зав. протокола МИДа ДERNберг, секретарь германского посольства в Москве Вальтер, несколько чинов из МИДа, СС и ряд лиц из охраны Гитлера...»

Всех перечисленных членов делегации я обнаружил на двух приведенных выше фотографиях, где мы видим, как их впервые ведут по 142-метровому переходу к кабинету фюрера. Саксина я просто вычислил, так как из указанных в отчете оставался неопознанным только он, поэтому никем другим этот человек, читающий на ходу бумаги, не мог быть. Правда, оказалось, что осведомитель, он же член делегации, срочно доложивший о первом дне пребывания делегации Молотова в Берлине, почему-то не заметил еще одного члена делегации, идущего по переходу, – замнаркома авиапромышленности Баландина, а он ведь в первых рядах – слева от Молотова!

Саксин?

Баландин (крайний слева)

Ни фото, ни качественных кинокадров первой встречи делегации с Гитлером нет. Есть только несколько снимков, где Гитлер позирует с Молотовым в кабинете новой канцелярии, якобы беседуя через переводчика Хильгера. Наверняка это объясняется тем, что журналистам и фоторепортерам категорически запрещалось входить в кабинет во время переговоров, чтобы не помешать и не услышать, а может быть – не увидеть лишнего. Похоже, что такая опасность существовала (кто же был этим «лишним» – начальник Генштаба Мерецков или... бери выше?). Скорее всего, именно поэтому нет ни одного общего снимка участников этих переговоров – фоторепортеров впускали только тогда, когда все, кроме Гитлера, Молотова и одного переводчика – Хильгера, выходили через

другую дверь.

А сопровождавшие Молотова члены делегации коротали время в приемной, их занимали и развлекали помощники и сотрудники фюрера. Вот как это описал в своем отчете вышеупомянутый осведомитель – член делегации: «В приемной шел разговор о дворце, о Гитлере. Немцы отметили следующие детали, характеризующие Гитлера: он не пьет, не курит, не ест мясо и т. д., больше всего любит и довольствуется фруктами и орехами. Даже на обед ему подают фрукты и орехи. Во дворце сняты ценные гобелены из боязни, что они могут пострадать от бомбардировки. Во дворце Гитлера масса разнообразных живых цветов. Немцы отмечают, что Гитлер очень любит цветы.

Лица, сопровождавшие т. Молотова в канцелярии фюрера, были встречены более чем любезно. Сопровождающих угощали коньяком и другими винами. Следует отметить такую деталь: по утверждению немцев, во дворце Гитлера не разрешается курить. Зная, что русские много курят, Гитлер распорядился разрешить в этот день курить во дворце. Этим воспользовались не только русские, но и немцы также курили очень много. Беседа т. Молотова с Гитлером продолжалась свыше двух часов (в советской записи беседы указано два с половиной часа. – А. О.).

Вечером весь состав советской делегации был приглашен на обед к министру иностранных дел фон Риббентропу».

12 ноября. 18.30–20.45. Прием, устроенный Риббентропом в честь Молотова в отеле «Кайзергоф»

Из фондов РГАСПИ. В кулуарах приема (слева направо): Кеплер (часть лица человека в очках)? Галем, Хрулев (—)? Дернберг, Риббентроп, неизвестный, Барков, Штефаниус? Вейцеккер, Мейснер, Злобин? Штеенграхт ван Мойланд, Штерн (—)? Молотов, Потрубач (—)? Штенгер? Кулик (—)? (бритая голова), Хильгер, Козырев, Володин (—)? А. П. Павлов, замнаркома НКВД Меркулов, рядом с ним начальник гестапо Мюллер? Все внимательно слушают рассказ начальника штаба ОКХ генерал-полковника Гальдера – крайний слева в первом ряду. Между ним и Галемом – главный адъютант Гитлера от вермахта полковник Шмундт. Справа от Гальдера – ассистент фоторепортера с отражателем, переводчик В. Н. Павлов (затылок), фотограф Лаукс?

На этой большой фотографии я неожиданно обнаружил нескольких человек, весьма похожих на советских ответственных работников и военачальников, не входивших в состав делегации Молотова, но работавших вместе с ней 12–13 ноября 1940 г. в Берлине:

Хрулев? Увеличенный фрагмент

Генерал-лейтенант интендантской службы А. В. Хрулев – начальник Главного интендантского управления Красной Армии с августа 1940 г., в дальнейшем начальник тыла Красной Армии, заместитель наркома обороны. Главной своей заботой Хрулев считал накопление запасов материальных средств для мобилизационного развертывания войск и их размещения с учетом особенностей новой войны.

Кулик? Увеличенный фрагмент

Г. И. Кулик – маршал Советского Союза, заместитель наркома обороны СССР и начальник Главного артиллерийского управления (ГАУ)

Маршалы Тимошенко и Кулик

Штерн? Увеличенные фрагменты

Генерал-полковник Г. М. Штерн. Во время Финской войны командующий 8-й армией. Чем занимался в апреле – декабре 1940 г., не известно. В январе – апреле 1941 г. командовал Дальневосточным фронтом. С апреля 1941 г. – начальник Управления ПВО РККА. Фото 1930-х годов

Володин? Увеличенный фрагмент

П. С. Володин – начальник штаба ВВС, генерал-майор авиации

Таубин. Кадр из немецкой кинохроники. Отель «Кайзергоф», 12.11.40 г.

Калинин вручает конструктору Я. Г. Таубину орден Ленина. 28.11.40 г.

Конструктор Я. Г. Таубин

Потрубач. Увеличенный фрагмент

М. М. Потрубач – помощник наркома иностранных дел СССР

Отель «Кайзергоф». 12.11.40 Г. Шпитальный? Кадр из немецкой кинохроники

Конструктор Б. Г. Шпитальный

Удалось идентифицировать и ряд немецких руководителей и военачальников, они указаны в подписи под большой фотографией в отеле «Кайзергоф». Однако одного из них следует рассмотреть на дополнительном фото, так как часть его лица оказалась в тени. Он стоит справа от Меркулова. Скорее всего, это группенфюрер СС Г. Мюллер – начальник гестапо. Что подтверждает фото ниже в центре – фрагмент широко известного снимка совещания руководителей спецслужб Третьего рейха. Характерный профиль в том же ракурсе, стрижка под полубокс очень похожи, а вот петлицы вызывают сомнения. Дело в том, что с 20 апреля 1939 г. по 14 декабря 1940 Г. Мюллер имел чин оберфюрера СС и должен был носить на петлицах двойной дубовый лист. Здесь лист скорее тройной, чем двойной, со звездочкой внизу, что соответствует званию обергруппенфюрера СС, которым Мюллер никогда не был. Значит, это не он. Однако на ноябрь 1940 г. среди 21 обергруппенфюрера не обнаружено ни одного похожего на этого человека. Так, может быть, это все-таки Мюллер?

В профиль Мюллер? Увеличенный фрагмент

Начальник гестапо Г. Мюллер

Отель «Кайзергоф». 12.11.40 г. Кадр из немецкой кинохроники

Фото из фондов РГАСПИ. Слева направо: Риббентрон, Мейснер, Молотов, Хильге

Фото из фондов РГАСПИ. Слева направо: Фрик – рейхсминистр внутренних дел, Боле, неизвестное лицо, Риббентрон, Молотов, Галем, Шуленбург

Фото из фондов РГАСПИ. В завершение приема в «Кайзергофе» – кофе с коньяком, сигары и неформальное общение. Слева направо: Молотов, Фрик – министр внутренних дел, Хильгер, Готтфризен –

секретарь Риббентропа, Риббентрон, Гиммлер, Хевель – представитель МИД при Гитлере, Тодт? – рейхсминистр вооружения и боеприпасов

Вот что написал о приеме в «Кайзергофе» участвовавший в нем осведомитель и член делегации: «К имперской гостинице («Кайзергоф». – А. О.) немцы относились с большим уважением, т. к. с ней связано начало организации национал-социалистской партии в Берлине. На приеме было не менее 200 человек, все – высшие чины германских учреждений и армии. Риббентрон и т. Молотов обменялись речами. По окончании перевода речи т. Молотова весь зал шумно аплодировал. Мне пришлось побеседовать с руководителем гестапо Гиммлером (неточность – рейхсфюрер СС Гиммлер был руководителем всех спецслужб рейха. – А. О.) и министром коммуникаций (Дорпмюллером. – А. О.) Переводчиком был Хенке Гиммлер поинтересовался, строится ли Дворец Советов, и одновременно сказал, что министр коммуникаций получил приказание от Гитлера построить такой дворец, какого нет еще в мире. Министр коммуникаций занялся сейчас этим вопросом и на Парижской выставке смотрел макет Дворца Советов. Он озабочен одним – какой фундамент может выдержать этот дворец.

На обед было подано на закуску полкраба, начиненного капустой (это кушанье оказалось довольно вкусным), бульон из черепахи, две жестких хлебных булочки, утка с картофелем и с урюком с соусом и мороженое. Были три сорта вина: два белых и шампанское. После обеда все были приглашены в зал, где подавали кофе и сигареты. По окончании обеда Риббентрон лично со всеми попрощался в передней».

13 ноября. 10.00–10.40. Визит Молотова к рейхсмаршалу Герингу в Министерство авиации^[28]

Фото из фондов РГАСПИ. Павлов (стоит позади Молотова), Молотов, Хильгер, неизвестный, Геринг

13 ноября. 10.45–11.25. Визит Молотова к заместителю фюрера по партии Имперскому Министру Гессу

Фото из фондов РГАСПИ. Справа налево: Гесс, переводчик Павлов, Молотов, Деканозов (затылок), Хильгер

13 ноября. 14.00–15.00. Завтрак, устроенный Гитлером в честь Молотова в помещении старой имперской канцелярии. Общение в приемной фюрера

Фото из фондов РГАСПИ. Слева направо: Хевель, Молотов, Хильгер, адъютант Шульце (в дверях), Гитлер, Кейтель

Слева направо: Хевель, Молотов, Хильгер, Шауб, Гитлер, адъютант Шульце (в дверях), Кейтель. Это второе фото о поездке, напечатанное 18 ноября 1940 г. в «Правде»

Слева направо: Борман, Хевель, Молотов, неизвестный (стоит спиной), Хильгер, Шауб, Гитлер, Шульце, Кейтель

Фото из фондов РГАСПИ. На заднем плане: Павлов, Кейтель, Шкварцев

Крайний слева – Лей

Молотов и Гитлер за столом переговоров – все найденные фото

Справа налево: Кейтель, Деканозов (похоже, ему подрисовали шевелюру), Риббентроп, Гитлер, Борман или Мерецков? (спина), Молотов, Хильгер, Шмидт? – переводчик-стенографист

А здесь идет такой разговор, который даже Риббентроп не должен слышать

Собрав вместе опубликованные снимки Молотова и Гитлера за столом переговоров, я обнаружил, что на большинстве из них они сидят в креслах, которых нет в кабинете фюрера ни в новой, ни в старой имперских канцеляриях.

Кабинет фюрера в новой имперской канцелярии

Кабинет фюрера в старой имперской канцелярии

У кресла Молотова подлокотники деревянные и решетчатые, а у кресла Гитлера – обитые тканью. Вполне возможно, что на этих снимках запечатлены не официальные переговоры, а, например, беседа во время завтрака в столовом зале, а сами переговоры проходили в другом месте, которое почему-то до сих пор не названо. Тогда где же?

Поиск ответа на этот, казалось бы, второстепенный вопрос привел меня к неожиданному открытию, показавшему, в какой атмосфере проходили переговоры Молотова в Берлине.

Узнать, где это было снято, помог найденный мной в Архиве внешней политики РФ документ – напечатанное золотой краской приглашение Гитлера Молотову. В нем написано по-немецки: «Фюрер и Рейхсканцлер приглашает Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народного Комиссара Иностранных Дел СССР господина Молотова на завтрак в среду 13 ноября 1940 года в 14 часов. Дом Фюрера и Рейхсканцлера. Вильгельмштрассе, 77» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. Пор. № 160. П. 15. Л. 27). Вот она, важная деталь, столько лет не вскрытая (либо, наоборот, тщательно скрываемая) историками и мемуаристами: оказывается, Гитлер устраивал прием для Молотова у себя дома! Это – проявление высшей степени дружеского расположения политического

деятеля, а тем более главы государства, к официальному представителю другой страны. Вот почему в очередной информации ТАСС о переговорах в Берлине, переданной 14 ноября 1940 г. на согласование секретарю Сталина Поскребышеву, в частности, говорилось: «Тов. Молотов выехал в 13 ч. 45 м. из дворца Бельвю в старую имперскую канцелярию... Части германской армии и отряды личной охраны Гитлера, выстроенные у входа в имперской канцелярии, оказали тов. Молотову воинские почести» (АП РФ. Ф. 3. Д. 675. Л. 97–99). Эта информация была тогда полностью напечатана в «Правде», исключили лишь одно слово – «старую», скорее всего потому, что мир знал – там находится квартира фюрера. О ней писал в своих мемуарах адъютант Гитлера по авиации фон Белов (в некоторых публикациях – фон Бюлов): «Я увидел теперь, как шла при нем жизнь в Имперской канцелярии и в квартире фюрера (из чего следует, что квартира – Haus des Fuhrers – не являлась частью имперской канцелярии. – А. О.)... По другую сторону верхнего холла перед покоем Гитлера находилась маленькая, предназначенная лишь для личного пользования приватная столовая... Из курительной можно было пройти в столовую, а оттуда – в Зимний сад и через него в тот зал, в котором устраивались государственные банкеты» [6. С. 43]. Похоже, что завтрак в честь Молотова 13 ноября 1940 г. был дан именно там.

Вместе с Молотовым на этом приеме присутствовали официально заявленные члены советской делегации: Тевосян, Деканозов, Меркулов, Крутиков, Баландин, Яковлев, Барков, полпред т. Шкварцев и первый секретарь полпредства т. Павлов. «С германской стороны присутствовали: Министр иностранных дел г-н фон Риббентроп, руководитель верховного

командования вооруженных сил Германии генерал-фельдмаршал Кейтель, имперский министр доктор Геббельс, руководитель германского трудового фронта доктор Лей, начальник отдела печати германского правительства доктор Дитрих, видный деятель национал-социалистской партии Борман, начальник личной канцелярии Гитлера доктор Мейснер, германский посол в Москве г-н фон дер Шуленбург, начальник личной охраны Гитлера г-н Зепп Дитрих, адъютанты Гитлера Штауб и полковник Шмундт, посланник Хевель, советник германского посольства в Москве Хильгер» – так сообщалось тогда в печати об этой встрече.

По непонятной причине на известных сегодня фотографиях встреч Гитлера с Молотовым запечатлены лишь Деканозов, Шкварцев и Павлов, а с немецкой стороны – Кейтель, Борман, Мейснер, Штауб, Хевель и Хильгер. Однако в Интернете я обнаружил групповой снимок или кинокадр, сделанный в столовой квартиры Гитлера. Вот он.

За ближним столом (слева направо): Барков или А. П. Павлов (с бородой)? Деканозов, Ефремов, Тевосян? (спиной), Геббельс, Шкварцев или Хевель? (спиной влоборота, судя по фигуре), Мейснер, Баландин. За дальним столом: Кейтель, неизвестный, переводчик В. Н. Павлов (спина), Хильгер, Риббентрон (спиной), Молотов, Гитлер отсечен. Вдали виден еще один стол, за которым сидят два человека. Но это явно далеко не все находившиеся в этом зале.

Увеличенный фрагмент предыдущего снимка. Ефремов?

А. И. Ефремов, нарком тяжелого машиностроения СССР (фото 1944 г.)

Снимок, сделанный во время завтрака, интересен не только тем, что впервые показывает место, где Гитлер устроил завтрак в честь Молотова и его спутников, и подтверждает участие Геббельса в переговорах с Молотовым в Берлине. Этот снимок подтверждает и мое предположение об участии в берлинских переговорах советских ответственных представителей, не включенных в список официальной делегации. За ближним столом обнаружен нарком тяжелого машиностроения СССР и зампред Совнаркома Ефремов (рядом с Геббельсом), за дальним – неизвестный справа от Кейтеля. Кейтель в своих мемуарах написал: «Был дан завтрак в апартаментах фюрера, во время которого я сидел в непосредственной близости от сопровождавшего Молотова г-на Деканозова. Беседа наша оказалась невозможной, ибо рядом не было

переводчика». Однако на фото отчетливо видно, что именно рядом с Кейтелем и сидящим около него человеком находится переводчик Павлов. Возможно, к моменту съемки на это место сел кто-то другой, например, начальник Генштаба Мерецков, что было бы вполне логично (его шевелюра гораздо более похожа на запечатленную на снимке, чем лысина Деканозова).

13 ноября. 2-я половина дня. Вторая беседа между Гитлером и Молотовым

После упомянутого завтрака его участники разъехались, и, скорее всего, переговоры продолжились по различным направлениям, а Гитлер в сопровождении Риббентропа и Молотов в сопровождении Деканозова переехали или перешли из здания старой имперской канцелярии (Вильгельмштрассе, 77) в здание новой имперской канцелярии (Вильгельмштрассе, 78). Там, в кабинете «фюрера и рейхсканцлера», были продолжены официальные переговоры, которые длились три с половиной часа, при этом присутствовали переводчики Хильгер и Шмидт (в качестве личного стенографиста и хронографа фюрера), а также Павлов и Бережков (Богданов).

Кроме приведенного выше фото беседы в кабинете во время первой встречи Молотова с Гитлером мне удалось найти лишь два снимка переговоров Молотова и Гитлера, сделанных в кабинете фюрера в новой канцелярии. Вот они.

13 ноября. 19.00–21.00. Ужин в советском полпредстве в честь Молотова

Фото из фондов РГАСПИ. Тост Молотова. Слева направо: у стены – Риббентроп (виден краешек его лба), Деканозов, Хильгер, шеф РСХА Гейдрих? Молотов, переводчик Павлов, Меркулов, министр коммуникаций Дорпмюллер, Ефремов (—), Мейснер, Баландин, Вейцзекер, Штерн (—)? неизвестное лицо, Малышев (—)? генерал Томас, нарком судостроительной промышленности Носенко (—)?; ряд напротив (затылки и спины) – неизвестный, неизвестный, Тевосян? неизвестный, Шуленбург? Ламмерс, Гиммлер, Шкварцев, 1-й секретарь ВЦСПС Шверник (—)? генерал-инспектор ВВС Смушкевич (—), зампред СНК Первухин (—), нарком оборонной промышленности Ванников (—)

Ефремов? Увеличенный фрагмент

А. И. Ефремов. Фото 1944 г.

Штерн? Увеличенный фрагмент

Носенко? Увеличенные фрагменты

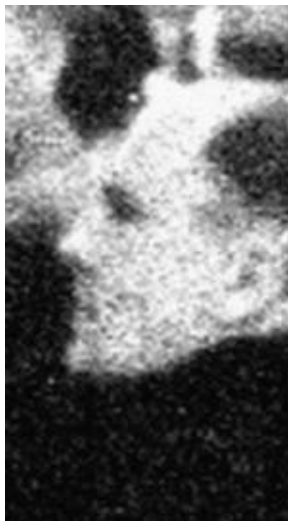
И. И. Носенко – нарком судостроительной промышленности

Шверник? Увеличенный фрагмент

Н. М. Шверник – первый секретарь ВЦСПС

Ванников. Увеличенный фрагмент

Б. Л. Ванников – нарком вооружения

Смушкевич Увеличенный фрагмент

Генерал-лейтенант авиации Я. В. Смушкевич, генерал-инспектор ВВС РККА

Первухин Увеличенный фрагмент

М. Г. Первухин – заместитель председателя Совнаркома

Во время приема в советском посольстве началась бомбардировка Берлина английской авиацией, из-за чего встречу прервали, а гости и хозяева разъехались по бомбоубежищам. Молотов и Риббентроп спустились в бункер под зданием МИД, где состоялась их трехчасовая заключительная беседа (в записи беседы, сделанной В. Павловым, указано, что она началась в 21.00 и закончилась в 24.00). Во время этой беседы Риббентроп передал Молотову несколько листов с проектом соглашения между державами тройственного пакта и СССР и двух секретных протоколов к нему (эти документы приведены в приложениях к моей второй книге [63. С. 493–495]).

14 ноября. 10.55–11.00. Проводы делегации на Ангальтском вокзале

Фото из фондов РГАСПИ. Крайний слева – генерал Зейферт, за ним – Рычагов (—) или Скорняков? Рядом с ним – Тевосян, впереди в центре – Риббентроп и Молотов, сзади между ними – Хильгер и Шкварцев

Фото из фондов РГАСПИ. На перроне. В первом ряду слева направо:

Хильгер, Молотов, Риббентроп, Тевосян, Боле, Барков, Шкварцев. За ними: Козырев (между Молотовым и Риббентропом), Проскуров (—)? – зам. начальника ГУ ВВС по ДБ авиации (между Шкварцевым и Барковым)

Генерал-лейтенант авиации И. И. Проскуров

Фото из фондов РГАСПИ. Слева направо в первом ряду: неизвестный, Хильгер, Молотов, Риббентроп, Тевосян, Боле, Барков, Шкварцев. За ними: Меркулов (между Хильгером и Молотовым), Козырев (в профиль между Молотовым и Риббентропом), Готтфризен, Деканозов, Штерн (за Боле справа), Кузнецов (—) и Проскуров (—) (между Барковым и Шкварцевым)

Фото из фондов РГАСПИ. Слева направо крупным планом: Хильгер, Молотов, Риббентроп, Боле, Шкварцев. За ними: Меркулов (между Хильгером и Молотовым), Козырев и Готтфризен (между Молотовым и Риббентропом), Штерн (—) и Тевосян (между Риббентропом и Боле), Барков (за Боле справа)

Фото из фондов РГАСПИ. Прощание. Слева направо: Зейферт, Тевосян, Молотов, военный атташе Италии, Лей, Хильгер, Риббентроп, Ламмерс, Деканозов, Готтфризен, Штенгер?

Фото из фондов РГАСПИ. Молотов прощается с Гиммлером. Слева направо: Проскуров (—)? Риббентроп, Молотов, Ламмерс, Гиммлер, Лей, Боле, военный атташе Италии

15 ноября 1940 года. 24.00. Встреча Молотова в Москве на Белорусском вокзале

Фото из фондов РГАКФД. Слева направо: Вознесенский, Булганин, Микоян, Лозовский, Мерецков, Шкварцев, неизвестный, Тимошенко, неизвестный, неизвестный, Тюленев, Молотов, Власик

Фото из фондов РГАКФД. Слева направо: Каганович, Микоян, Лозовский, Мерецков, Тимошенко, Шкварцев, Молотов... Тюленев, Власик... Военных слишком много: кто встречает, а кто приехал – не разобрать. Для встречи предсовнаркома вполне достаточно было бы четырех военачальников – наркома обороны, наркома ВМФ, начальника Генштаба и командующего Московского военного округа. А вот если кто-либо из них тоже ездил в Берлин, тогда понятно, почему среди встречающих и их заместители.

Итоги поездки: не договорились или договорились?

15 ноября 1940 г. ровно в полночь Молотов ступил на московскую землю, задержавшись относительно срока, указанного в упомянутом «Распределении часов ...», лишь на пятнадцать минут. Казалось бы, он, несмотря на позднее время, должен был немедленно ехать в Кремль к Сталину и в подробностях рассказать ему и Политбюро о результатах этой важнейшей поездки. Однако по записям в Кремлевском журнале видно, что ни 15-го, ни 16-го, ни 17-го он этого не сделал, и только 18 ноября Молотов зашел вечером к Сталину, они побыли наедине всего лишь 25 минут, после чего Молотов ушел.

А заседание Политбюро, на котором Молотов отчитывался о своей поездке (о нем подробно рассказал историку А. Куманеву управделами Совнаркома Я. Чадаев (см. [48. С. 470–476]), и это единственное свидетельство об этом отчете), если верить Чадаеву, состоялось 14 ноября 1940 г. – то есть за сутки до возвращения Молотова! Для того чтобы как-то свести концы с концами в этой истории, Чадаев утверждал, что Молотов вернулся в Москву 13 ноября, но это дела не меняет, поскольку с 6 по 14 ноября 1940 г. в кремлевском кабинете Сталина приема не было. Значит, на самом деле это происходило 15 ноября, когда впервые после девятидневного перерыва Сталин принимал в своем кабинете. В этот день с 14.15 до 16.15 в кабинете Сталина находились 18 человек, но это не было заседанием Политбюро, так как из членов Политбюро там присутствовали только Сталин, Ворошилов и Жданов, да еще один кандидат – Берия. Скорее это было заседание Совнаркома, потому что в кабинете находились три зампреда – Ворошилов, Вознесенский, Малышев и один будущий – Ефремов, а также восемь наркомов, в том числе нарком обороны Тимошенко, и ряд высших военных и военно-промышленных руководителей страны. Показательно, что из присутствующих десять человек (Малышев, Ванников, Ефремов, Кулик, Мерецков, Носенко, Рычагов, Таубин, Шпитальный и начальник Управления вооружения ВВС Сакриер), возможно, участвовали в работе советской делегации в Берлине. В книге «Великая тайна Великой Отечественной. Новая гипотеза...» я уже высказывал предположение о том, что они могли вернуться в Москву самолетом 14 ноября. Тогда 15 ноября Совнарком вполне мог рассмотреть на своем заседании результаты поездки Молотова. При этом логично и

присутствие на нем нового управделами Совнаркома Чадаева. А вести заседание мог... сам Молотов, возвратившийся в Москву 14 ноября самолетом с этой же группой, а может быть, и со Сталиным. По окончании заседания Молотов мог выехать на автомобиле навстречу спецпоезду, прибывающему из Берлина, где-то пересест в него, и 15 ноября в 24.00 его вместе со всей делегацией торжественно встречали в Москве.

Каковы же были результаты этой поездки и переговоров? Когда участники этих событий начали писать свои воспоминания о них, то представители обеих сторон оказались крайне единодушны в оценке: результаты были никакими!

Кейтель: «Я спросил Гитлера об их результатах – он назвал их неудовлетворительными. Тем не менее решения о подготовке войны против СССР он все еще принимать не хотел, ибо намеревался дожидаться реакции на эти переговоры в Москве у Сталина» [40. С. 155].

Василевский: «Следующим утром мы покидали Берлин. От помпезности и от показной приветливости хозяев не осталось и следа: холодные проводы, сухой обмен официальными фразами» [13. С. 103].

О том, какими видел результаты встречи в Берлине сам Молотов (тогда, а не потом), убедительно говорит подлинник черновика благодарственной телеграммы Риббентропу, посланной Молотовым со станции Малкине при пересечении границы. И его собственноручные исправления, и добавления на заготовленном его помощниками тексте – не просто дипломатическая вежливость, видно, что тут «строку диктует чувство».

«Благоволите принять, Господин Рейхсминистр, мою **искреннюю**^[29] (зачеркнут какой-то длинный эпитет. – А. О.) благодарность за (**радушный** – зачеркнуто. – А. О.) **широкий и теплый** прием, оказанный мне и моим спутникам в **памятные** дни пребывания в Германии.

Молотов.

Малкиния, 14 ноября 1940 года» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. Пор. № 160. П.15. Л. 12).

Телеграммы Молотова Гитлеру и Риббентропу

Рейх МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Г-ну фон-РИББЕНТРОП.

Берлин.

Благоволите принять, Господин *Рейх* *и. о. министра* ~~министра~~, мою благо-
мирный и добрый дарность за ~~радушный~~ *надежный* прием, оказанный мне и моим спут-
никам в дни пребывания в Германии.

МОЛОТОВ.

Малкия, 14 ноября 1940 года.

РЕЙХСКАНЦЛЕРУ ГЕРМАНИИ г-ну ГИТЛЕРУ.

БЕРЛИН.

Покидая пределы Германии, прошу Вас, г-н Рейхсканцлер,
принять благодарность за ~~дружественный~~ *радужный* прием, оказанный мне
в Германии.

МОЛОТОВ.

Малкия, 14 ноября 1940 года.

Через 34 года, беседуя с Ф. Чуевым, Молотов сказал о берлинских переговорах: «Они нас хотели втянуть и одурачить насчет того, чтобы мы выступили вместе с Германией против Англии... Мы с ним так и не договорились»[102. С. 36–37]. Но когда резко не договорились, такие телеграммы не шлют.

Совсем иную оценку результатов поездки дает в своих мемуарах Микоян: «После поездки Молотова в Берлин не только не было сделано выводов о необходимости готовить страну к скорому неизбежному столкновению с гитлеровской Германией, но, наоборот, был сделан вывод о

возможности дальнейшего развития советско-германского сотрудничества» [38. С. 184–185].

Так о чем же все-таки договорились с Риббентропом и Гитлером Молотов и Сталин, участвовавший в этих переговорах очно^[30] или заочно? Отметим, что в своем кремлевском кабинете в эти дни вождь не появлялся, а после каждого этапа переговоров Молотов посылал ему отчеты и получал указания, хотя вполне возможно, что таким образом скрывалось присутствие Сталина в Берлине. Ведь через 10 дней после возвращения делегации Молотов вручил послу Шуленбургу «Дополнение руководства СССР к проекту соглашения между державами тройственного пакта и СССР», превращающее Пакт трех в Пакт четырех (см. Приложение 10), а «треугольник» в «четыреугольник»^[31]. А еще через два дня в Берлин прибыл новый посол СССР Деканозов с советскими дополнениями. Судьба же их неизвестна. Дал ли Берлин на них ответ, и если да, то какой? Совершенно очевидно одно – именно этот ответ внушил Сталину уверенность в том, что гитлеровские дивизии, накапливающиеся вдоль западной границы СССР, никакой опасности для нашей страны не представляют. И это в итоге и привело к катастрофе 22 июня 1941 года.

Прибытие Деканозова в Берлин

*Прибытие полпреда СССР Деканозова в Берлин. 27 ноября 1940 г.
Справа налево: Галем, Верман, Деканозов, Кобулов – советник посольства
и резидент НКВД, неизвестный*

*Прием Гитлером полпреда СССР Деканозова. 19 декабря 1940 г.
Справа налево: Мейснер, Риббентроп, Гитлер, Деканозов, переводчик
Вермюлен*

Ездил ли Сталин с Молотовым в Берлин в ноябре 1940 года? Анализ по решениям Политбюро

Этот вопрос довольно подробно рассмотрен в первой книге трилогии «Великая тайна Великой Отечественной. Новая гипотеза начала войны» [63. С. 209–242]. Основанием для такого предположения послужило зафиксированное в «Кремлевском журнале» отсутствие приема в сталинском кабинете в период с 5 по 14 ноября 1940 г. Отсутствие приема с 5 по 8 ноября вполне понятно – предпраздничная суэта, торжественное заседание и прием в честь годовщины революции 6-го, парад и демонстрация 7-го, застолья в ближнем кругу 7-го и 8-го. Объяснимо и отсутствие приема 9 ноября: Сталин с Молотовым, уединившись на ближней даче, готовили не официально заявленную, а подлинную программу визита в Берлин. Недаром введенные в научный оборот Л. Безыменским девять листков из блокнота Молотова с заголовком «Некот[орые] дир[екти]вы к Берл[инской] поездке» датированы именно этим числом. Но где же Сталин находился целых пять дней – с 10 по 14 ноября? Я попытался выяснить, был ли в эти дни вождь в Москве, и для этого проанализировал хранящиеся в РГАСПИ подлинники принятых в этот период решений Политбюро и даты имеющихся на этих документах подписей и резолюций Сталина.

Для начала следует отметить, что задача это непростая, потому что в делопроизводстве аппарата Политбюро обнаружилась масса серьезных нарушений общепринятого порядка создания, хранения и учета важных документов. Основополагающими правилами такового порядка являются: строгая фиксация лиц, их создававших или знакомившихся с ними; обязательное наличие подписей всех этих лиц с указанием дат, когда эти подписи были поставлены; исключение любой возможности вносить какие-либо исправления и изменения в документ после его утверждения, а уж тем более – возможности его подмены (для этого документы подшиваются в книги, прошнуровываются с закреплением сургучной печатью и т. п.). В порядке же создания и оформления документов Политбюро в этот период наблюдается полное отсутствие какой бы то ни было системы^[32]. Если раньше после каждого заседания Политбюро его решения оформлялись

отдельным протоколом и по каждому его пункту принималось отдельное решение (в 20-х годах каждый выступавший даже прочитывал в протоколе текст изложения своего выступления и лично вносил поправки!), то с конца 30-х годов решения по каждому вопросу стали принимать отдельно, как правило не собирая Политбюро, а в рабочем порядке^[33]. Члены Политбюро либо визировали решение собственноручно, либо сообщали по телефону о своем согласии, о чем на его проекте делал соответствующую пометку личный секретарь Сталина А. Н. Поскребышев, он же заведующий Особым сектором ЦК и канцелярией Генерального, а затем Первого секретаря ЦК. Наличие пяти подписей или заочных согласий узаконивало принятое решение (пятеро из девяти членов Политбюро – то есть большинство). Даты никто из них никогда не ставил. Часть решений готовилась через Секретариат ЦК и поступала в Политбюро в виде решения Оргбюро ЦК за подписью одного из секретарей ЦК, заверенной печатью ЦК. Но далее в процессе оформления решения Политбюро оно проходило такое же согласование с остальными его членами, как и обычная записка руководителя, имеющего доступ к одному из членов Политбюро (чаще всего к Сталину). Поскребышев имел право в случае отсутствия или занятости Сталина сделать отметку: «Т. Сталин – за. А. П.» (А. П. – Александр Поскребышев) или же просто «За – А. П.», и это приравнивалось к подписи Сталина, поскольку всегда так или иначе согласовывалось с ним.

Иногда, в соответствии с ведомственной подчиненностью инициатора принятия решения Политбюро, на записке или решении Оргбюро ЦК ставили свои визы наркомы, зампреды СНК и секретари ЦК. На решениях Оргбюро и шифровках всегда указывались даты, изредка их проставляли и на записках и письмах. Иногда же единственная дата появлялась при присвоении номера решению Политбюро – по указанию Поскребышева – и проставлялась рукою на любом исходящем документе (например, Решении Оргбюро) без перепечатывания, простым зачеркиванием ранее напечатанного номера или внесением при этом в него изменений также рукою. Таким же образом вносились изменения и на письмах и записках (в том числе рукописных), которые при получении номера с датой становились подлинником официального партийного и государственного документа.

Иногда на листке, вырванном из блокнота, ставился номер решения Политбюро: например, «П. 34/121», где первая цифра – номер протокола заседания Политбюро, а на самом деле это номер группы решений за определенный период (около месяца), подшивавшихся в одном деле, а

вторая цифра – порядковый номер вопроса повестки дня в этом протоколе. Далее указывалась дата принятия решения – 25.VI.41 г. В итоге данное решение Политбюро обозначается, например, так: «П. 22/110 от 11.XI.40 г. “О заместителях председателя Госбанка”».

Ниже я привожу результаты просмотра решений Политбюро, принятых 10–15 ноября 1940 г. Копии решений с подписью Сталина даны в конце главы. Наличие подписи Сталина на документах «Особой папки» (ОП) я не устанавливал, так как все эти документы в РГАСПИ почему-то представлены в виде машинописных копий, не имеющих рукописных пометок, виз и подписей (их подлинники хранятся в Архиве Президента РФ).

Решения Политбюро за 10–15 ноября 1940 г. (РГАСПИ. Д. 1029. Пр. № 22)

От 10.XI.40 г.

105. Об образовании местных органов государственной власти в уездах, городах, волостях, местечках и апилинках Литовской ССР (ОБ от 02.XI.40 г., пр. М 60, п. 104-гс)

106. Об Антропове Т. Н. (ОБ от 01.XI.40 г., пр. № 60, п. 65-гс)

107. О строительстве Ахтынского оросительного канала в Дагестанской АССР (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)) – **с подписью и резолюцией Сталина**

108. О Лебедеве И. М. и Кушарове В. И.

109. Об обеспечении скорейшей уборки и заготовки хлопка урожая 1940 г. в Узбекистане

От 11.XI.40 г.

110. О заместителях председателя Госбанка ССР – **с подписью Сталина**

111. О председателях ЦК профсоюзов (ОБ от 10.XI.40 г., пр. № 60, п. 140-гс)

112. Вопрос Вологодского обкома ВКП(б) (ОБ от 10.XI.40 г., пр. № 60, п. 133-гс)

113. О переводе молдавской письменности новых районов Молдавской ССР (Бессарабия) с латинизированного на русский алфавит (ОБ от 10.XI.40 г., пр. № 60, п. 132-гс)

114. О Вашугине Н. Н. (ОБ от 10.XI.40 г., пр. № 60, п. 135-гс)

115. О Поченкове К. И. (ОБ от 10.XI.40 г., пр. № 60, п. 134-гс)

116. О Кузнецове Ф. Ф. (ПБ от 04.XI.40 г. пр. № 22, п. 58) – **с подписью и резолюцией Сталина**

117. О программе завода № 22 на 1941 год (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)) – ОП

118. О строительстве Нижне-Вуоксинской гидроэлектростанции {постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)}

119. О председателе исполкома Львовского областного совета депутатов трудящихся (ОБ от 10.XI.40 г., пр. № 60, п. 139-гс)

120. О Ромашове И. С. (ОБ от 10.XI.40 г., пр. № 60, п. 138-гс)

121. О начальнике 4 Главного управления Наркомата авиационной промышленности (ОБ от 10.XI.40 г., пр. № 60, п. 136-гс)

122. О передаче НКАП завода ЦНИИТМАШ НКТМ (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)) – **с подписью и резолюцией Сталина**

123. Об аппарате Наркомата боеприпасов СССР

124. О привлечении к ответственности руководителей Златоустовского завода (записка Тевосяна) – **с подписью и резолюцией Сталина**

От 12.XI.40 г.

125. О создании в колхозах страховых, семенных и продовольственных фондов подсолнуха – **с подписью и резолюцией Сталина**

126. О кардоленте для Наркомтекстиля ССР – **с подписью и резолюцией Сталина**

127. О строительстве виноделен и винных подвалов – **с подписью и резолюцией Сталина**

128. Об отчислении на пополнение неделимых фондов колхозов западных областей УССР – **с подписью и резолюцией Сталина**

129. О строительстве зерноскладов – **с подписью и резолюцией Сталина**

130. О приемке от колхозов Украинской ССР зерна других культур вместо пшеницы – **с подписью и резолюцией Сталина**

131. Об отделении ТАСС в Шанхае. – ОП

От 13.XI.40 г.

132. О Николаеве Б. Ф. (ОБ от 13.XI.40 г., пр. № 60, п. 184-гс)

133. О проведении выборов депутатов в Верховный Совет СССР взамен выбывших по отдельным избирательным округам (ОБ от 11.XI.40 г., пр. № 60, п. 158-гс)

134. О Волошине И. Ф. (ОБ от 13.XI.40 г., пр. № 60, п. 181-гс)

135. О Койшигулове А. (ОБ от 13.XI.40 г., пр. № 60, п. 182-гс)

136. Вопрос ЦК КП(б) Украины (ОБ от 13.XI.40 г., пр. № 60, п. 180-гс)

137. О Скрыгине Н. А. (ОБ от 13.XI.40 г., пр. № 60, п. 183-гс)

От 14.XI.40 г.

138. О Лихачеве И. А. (ОБ от 10.XI.40 г., пр. № 60, п. 137-гс)

139. Об управляющем делами СНК Союза ССР (ОБ от 10.XI.40 г., пр. № 60, п. 157-гс) – **с подписью Сталина**

140. О секретаре Московского горкома ВКП (б) по авиационной промышленности (ОБ от 13.XI.40 г., пр. № 60, п. 197-гс)

141. Об уменьшении плана хлебосдачи из урожая 1940 года по

совхозам Наркомсовхозов Казахской ССР

142. Об общежитии для строительных рабочих завода № 462 (телеграмма Хрущева и Корнийца) – **с подписью и резолюцией Сталина**

От 15.XI.40 г.

143. О сроке введения советской валюты и новых розничных цен в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР

144. Об уборке хлопка в Узбекской ССР (телеграмма Юсупова) – **с подписью и резолюцией Сталина**

145. Об обеспечении семенами колхозов Казахской ССР (телеграмма Ундасынова и Скворцова) – **с подписью Сталина**

146. О размещении частей Красной Армии, расположенных в Грузинской ССР (телеграмма Чарквиани и Бакрадзе)

147. О приемке от колхозов Архангельской области других зерновых культур вместо гороха – **с подписью и резолюцией Сталина**

148. О приемке от колхозов Новосибирской области других зерновых культур вместо пшеницы и бобовых, а также мяса вместо картофеля – **с подписью и резолюцией Сталина**

149. О приемке от колхозов Омской области мяса вместо зерна и картофеля – **с подписью и резолюцией Сталина**

150. О приемке от колхозов Саратовской области зерна вместо семян подсолнуха и льна-кудряша – **с подписью и резолюцией Сталина**

151. О приемке от колхозов Смоленской области картофеля вместо зерна – **с подписью Сталина**

152. О приемке от колхозов Татарской АССР подсолнуха вместо зерна, а также зерна повышенной влажности– **с подписью и резолюцией Сталина**

153. О приемке от крестьянских хозяйств Молдавской ССР кукурузы повышенной влажности– **с подписью и резолюцией Сталина**

154. О приемке от колхозов АССР Немцев Поволжья зерна и подсолнуха с повышенной влажностью– **с подписью и резолюцией Сталина**

155. О приемке от колхозов Пензенской области зерна и подсолнуха повышенной влажности– **с подписью и резолюцией Сталина**

156. О приемке от колхозов Чечено-Ингушской АССР кукурузы повышенной влажности– **с подписью и резолюцией Сталина**

157. О приемке от колхозов Удмуртской АССР зерна повышенной влажности– **с подписью и резолюцией Сталина**

158. О приемке от колхозов Красноярского края зерна с затхлым запахом– **с подписью и резолюцией Сталина**

159. О приемке от колхозов Чкаловской области подсолнуха с затхлым запахом и обрубленными семенами– **с подписью и резолюцией Сталина**

160. О приемке от колхозов Челябинской области зерна с примесью спорыньи– **с подписью и резолюцией Сталина**

161. О приемке от единоличных хозяйств Украинской ССР кукурузы вместо пшеницы, ржи и бобовых культур – **с подписью и резолюцией Сталина**

Итак, что же показал анализ документов за 10–15 ноября 1940 г. со следами сталинской руки? Начнем с того, что согласно официальным сообщениям того времени советская делегация во главе с Молотовым отбыла в Берлин 10 ноября 1940 г. в 18.50. Так что в этот день ее члены вполне могли успеть приехать в Кремль и решить там текущие вопросы, в том числе и по подготовке решений Политбюро. Поэтому оформленное в этот день решение «О строительстве Ахтынского оросительного канала в Дагестанской АССР», на котором есть подпись Сталина и его лаконичная резолюция «за», не может служить доказательством того, что он в этот же день не уехал из Москвы.

11 ноября были оформлены четыре решения Политбюро, на которых есть подпись вождя. Совершенно очевидно, что первое из них «О заместителях председателя Госбанка ССР» было подписано раньше, о чем свидетельствует имеющаяся на нем подпись Молотова, отбывшего из Москвы 10 ноября.

Второе – «О Кузнецове Ф. Ф.» появилось на основе письма наркома обороны Тимошенко № 554с от 10 ноября 1940 г., который, весьма вероятно, лично обратился с ним к Сталину и тут же получил на нем резолюцию (она и стоит сверху).

Третье – «О передаче НКАП завода ЦНИИТМАШ НКТМ» подписано наркомом авиапромышленности Шахуриным 4 ноября, а он, согласно «Кремлевскому журналу», 5 ноября заходил в кабинет Сталина дважды, причем второй раз был последним посетителем и находился там полчаса. Весьма вероятно, что тогда и подписал.

Четвертое решение, подписанное в этот день Сталиным, – «О привлечении к ответственности руководителей Златоустовского завода». Совершенно очевидно, что с ним нарком черной металлургии Тевосян в день своего отъезда в Берлин в составе молотовской делегацией все-таки приходил к Сталину (речь шла об отмене решения прокуратуры об аресте директора, главного инженера и начальника ОТК Златоустовского металлургического завода) и получил сталинскую резолюцию, чем спас их. (Нельзя не отметить, что в те годы, когда руководитель, рискуя собственным покоем, а то и жизнью, мужественно вступался за своих подчиненных и ручался за них, утверждая, что они не враги народа, а их арест нанесет ущерб производству, Сталин иногда соглашался с ним и останавливал НКВД. Так случилось и в этот раз.)

Пятое решение – «О строительстве Нижне-Вуоксинской гидроэлектростанции». Письмо о необходимости этой стройки Сталину и

Молотову написал заместитель председателя Совнаркома, председатель Совета по топливу и электрохозяйству при СНК Первухин. На первой странице его письма есть пометка Поскребышева: «От т. Первухина», которая свидетельствует о том, что в момент рассмотрения письма самого Первухина в Москве уже не было – судя по фото, сделанному на приеме в советском посольстве 13 ноября 1940 г., он уехал в Берлин. Значит, этот вопрос рассматривали во второй половине дня 10-го или 11 ноября. Другая пометка того же Поскребышева, «т. Сталин за», свидетельствует о том, что в момент рассмотрения этого решения и самого Сталина не было, зато все остальные члены Политбюро расписались в полном составе (кроме Молотова – он в пути к Берлину, и Хрущева – он на Украине).

Шестое решение, «Об аппарате наркомата боеприпасов», имело самые трагические последствия и для этого аппарата, включая наркома Сергеева, и для всего наркомата боеприпасов. Оно подписано Берией и Мехлисом 5 ноября и могло быть рассмотрено Сталиным в любой день с 5 по 10 ноября. Пометка Поскребышева «т. Сталин за (А. П.)» также свидетельствует о том, что в момент принятия решения вождя не было на месте, а Поскребышев согласовал с ним этот вопрос по телефону или даже по радиосвязи.

Так что никакого подтверждения присутствия Сталина в Москве 11 ноября 1940 г. оформленные в этот день решения Политбюро, в том числе и подписанные им, не дают.

Все решения ПБ, зарегистрированные Поскребышевым 12 ноября, были оформлены списком, напечатанным 10 ноября и, видимо, тогда же подписанным Сталиным (см. с. 246). Никаких других решений ни 12, ни 13 ноября не зарегистрировано. 13 ноября не было оформлено ни одного решения Политбюро за подписью Сталина, что свидетельствует об отсутствии вождя.

14 ноября таких решений с его подписью два – «Об управляющем делами СНК Союза ССР» (Чадаеве) и «О т. Лихачеве И. А.» (директоре завода «ЗИС»). Оба приняты на основе выписки из протокола Оргбюро от 10 ноября. Значит, вождь мог завизировать его в тот же день (тем более что на нем есть отметка о заочном согласовании этого решения с Молотовым). С другой стороны, 14 ноября Сталин уже мог вернуться в Москву и подписать это решение.

Но в тот же день вышло еще и решение Политбюро «Об общежитии для строительных рабочих завода № 462», принятое на основе шифровки Хрущева и Корнийца. Здесь надо отметить, что любое решение Политбюро, принятое по шифровке, позволяет получить довольно точные сведения о времени работы с нею. Рассмотрение упомянутой шифровки

показало, что она поступила в ЦК из Киева 14 ноября в 9.40 и была расшифрована в 10.55. Наличие на ней подписи вождя свидетельствует о том, что если Сталин и уезжал 10 ноября, то 14 ноября он уже вернулся и приступил к работе (так как шифровка должна была рассматриваться в течение 24 часов).

То, что 15 ноября Сталин был в Москве, доказывает и «Кремлевский журнал». Согласно записям в нем в этот день в кабинете Сталина с 14.15 до 18.00 проходило большое совещание, на него были приглашены девятнадцать человек. Одиннадцать из них, по моему мнению, только что вернулись из Берлина. Но в этот день было оформлено решение Политбюро «Об уборке хлопка в Узбекской ССР», принятое на основе шифровки секретаря ЦК Узбекистана Юсупова, в которой он просил разрешения в «двух районах на восемь тире десять дней использовать в сборе хлопка учащихся старших классов». Шифровка была получена в ЦК 13 ноября в 12.21, но почему-то оформлена решением Политбюро лишь 15 ноября, хотя обычно решение Политбюро оформлялось на следующий день после его подписания. Учитывая срочность и важность вопроса^[34], можно предположить, что причиной задержки оформления решения по нему могло быть только отсутствие Сталина 13-го ноября. 14-го он уже подписал решение по шифровке Хрущева (возможно, Поскребышев распорядился доставить ее в сталинскую квартиру в Кремле, так как прием в кабинете в тот день не велся).

Итак, исходя из наличия подписи вождя под решениями Политбюро, можно утверждать, что **11 ноября 1940 г.** Сталина **могло не быть** в Москве, **а 12 и 13 ноября** он определенно **отсутствовал**. **14 ноября**, по крайней мере во второй половине дня, он **находился в Москве**, но в своем кабинете не появлялся. То есть проведенный анализ перечисленных выше архивных документов показывает, что Сталин вполне мог доехать до Берлина на поезде вместе с делегацией Молотова, а оттуда вернуться самолетом **в первой половине дня 14 ноября 1940 г.**

Фотокопии решений Политбюро с 10 по 15 ноября 1940 г. (выборка)
(РГАСПИ. Д. 1029. Протокол № 22)

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

10 ноября 1940 г.
№ 584 с.

П.22/116 от 11.XI.40 г.

Секретно.

Экз. № 1

ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)

товарищу С Т А Л И Н У.

Постановлением ПБ ЦК ВКП(б) от 4 ноября 1940 г. № П22/58, второй Заместитель Начальника Главного Управления Политической Пропаганды Красной Армии тов. КУЗНЕЦОВ Ф.Ф. назначен Заместителем Наркома Государственного Контроля СССР по кадрам.

Д о к л а д ы в а ю

1. Что этот вопрос не был согласован со мною.
2. Считаю нецелесообразным тов. КУЗНЕЦОВА брать из Армии.

Прошу решение ПБ ЦК ВКП(б) от 4 ноября 1940 г. о тов. КУЗНЕЦОВЕ пересмотреть.

Тов. КУЗНЕЦОВА оставить в должности второго Заместителя Начальника Главного Управления Политической Пропаганды Красной Армии.

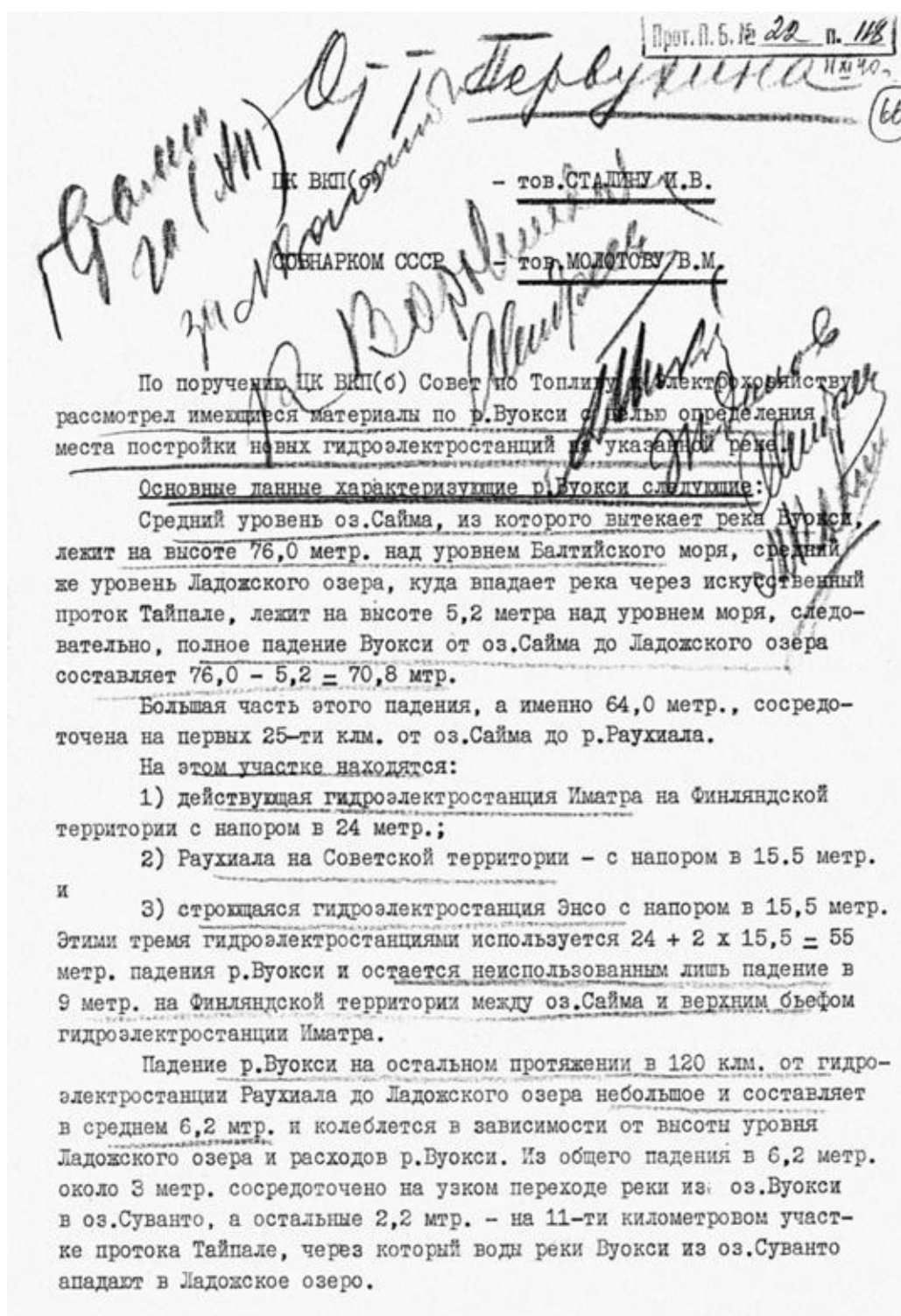
НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ СССР
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

(С.ТИМОШЕНКО)

П. два экз.
10.11.40

П.22/116 от 11.XI.40 г. «О Кузнецове Ф. Ф. (ПБ от 04.XI.40 г. пр. № 22, п. 58)». Из этого решения видно, что оно подготовлено как письмо наркома обороны от 10 ноября 1940 г. на имя Сталина и могло быть подписано им в этот день до отъезда делегации в 18.50. А зарегистрировано оно было и получило номер 11 ноября, то есть наличие

на нем подписи Сталина не доказывает присутствия его в Москве 11 ноября.

П.22/118 от 11.XI.40 г. «О строительстве Нижне-Вуоксинской гидроэлектростанции (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б))». Лист 1

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ
СССР

10 ноября 1942 г.

№ 01650

Москва, площ. Чогина, д. 4.
Телеф. ком. К-0-18-40

П. К. ВКП(б)

товарищу СТАЛИНУ И. В.

СНК Союза ССР

товарищу МОЛОТОВУ В. М.

Экономический Совет при Совнаркоме Союза ССР постановлением № 1624-481с от 3 октября с.г. предложил Прокурору Союза ССР тов. БОЧКОВУ выявить виновных в поставке Златоустовским Metallургическим заводом некачественной стали марки ХМА заводу № 92 НКВ.

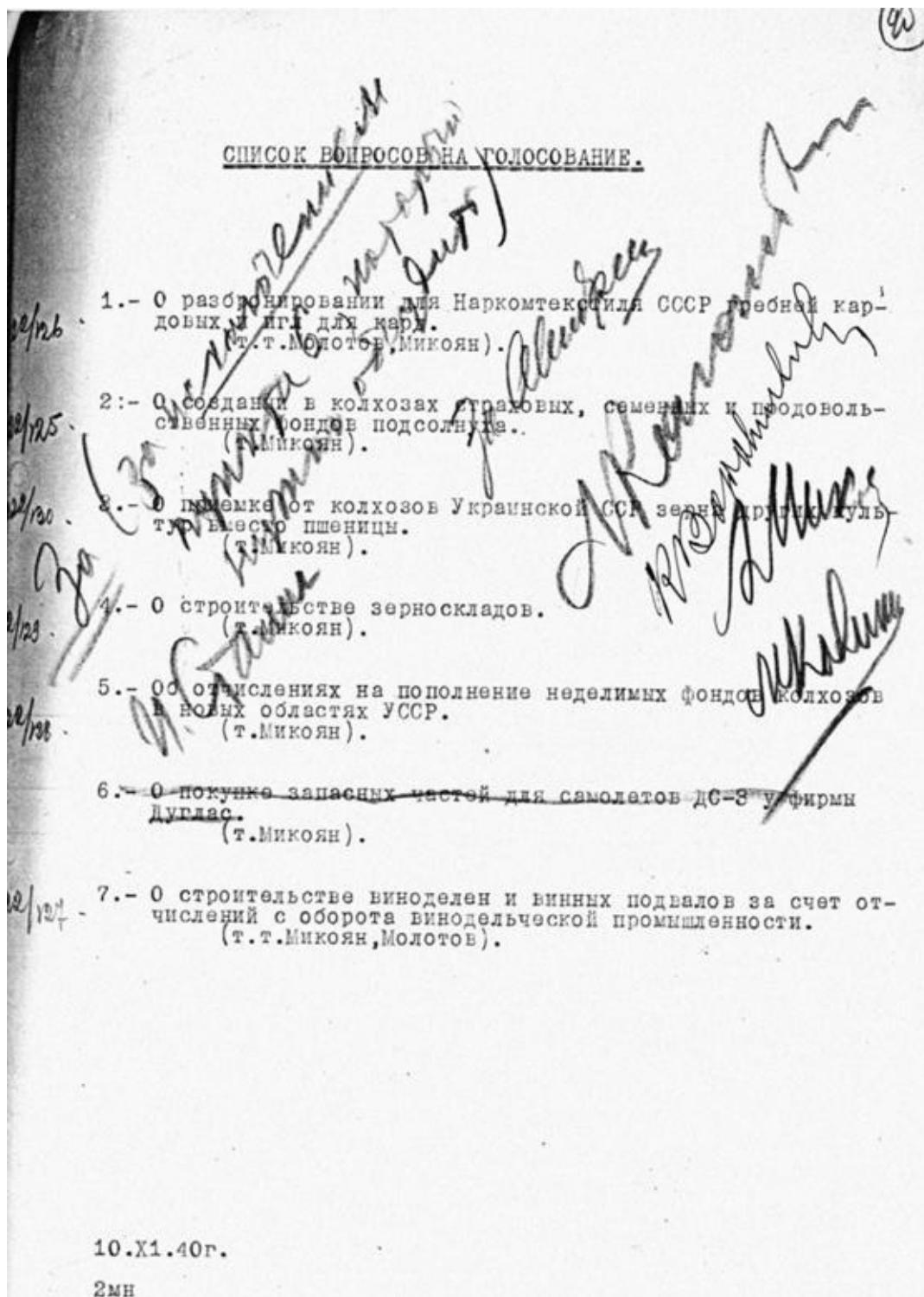
Прокуратурой РСФСР привлечены, на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 мая 1940 года, к уголовной ответственности Директор Златоустовского Metallургического завода т. ДМИТРИЕВ Д. З., Главный Инженер завода тов. МУРЗИН И. И. и Начальник ОТК завода тов. МЕЛИХОВСКИЙ К. Я.

Основанием для привлечения к уголовной ответственности послужили: забракование заводом № 92 стали марки ХМА в количестве 627 тонн, поставленных по выхода Указа, и забракование другими потребителями 481,9 тн. стали иных марок, поставленных после выхода Указа.

Сталь марки ХМА, ипущая на гильзы цилиндров авиамоторов, сложная по своему химическому составу, производилась до 1940 года в электропечах и в незначительных количествах. По существовавшей технологии сталь

П.22/124 от 11.XI.40 г. «О привлечении к ответственности руководителей Златоустовского завода» (записка Тевосяна, лист 1). В день отъезда в Берлин Молотова член делегации нарком черной металлургии Тевосян, возможно на последнем обсуждении программы поездки,

обратился к Сталину с письмом об отмене решения прокуратуры о привлечении к уголовной ответственности трех руководителей Златоустовского металлургического завода. На трех страницах он подробно изложил ситуацию, техническую суть проблемы, дал высокую оценку работе обвиняемых и просил в порядке исключения заменить уголовное наказание на административное. Сталин согласился (см. его резолюцию) и сам передал письмо на оформление Поскребышеву (см. его пометку: «От т. Тевосяна»). На следующий день решение было оформлено.

Список вопросов на голосование – решения Политбюро от 12 ноября 1940 г. № 22/125 – 22/130, принятые списком. Решение о покупке запчастей для самолетов ДС-З «Дуглас» Сталин отклонил, написав «нужно обсудить», очевидно, имея в виду результаты поездки делегации в Берлин. На подлиннике же видно, что список был напечатан 10 ноября,

скорее всего тогда же и был подписан Сталиным, а 12 ноября решения были оформлены Поскребышевым.

Решения ПБ от 14 ноября 1940 г., принятые списком:

Список подготовлен 10 ноября 1940 г. и принят в ускоренном порядке в день отъезда делегации в Берлин, что дает намек на то, что главная фигура в принятии решений Политбюро – Сталин – готовился к отбытию. И действительно, затем в приеме посетителей его кабинета перерыв до 15 ноября, а в оформлении решений Политбюро перерыв два дня – 12 и 13 ноября, за которые можно было слетать в Берлин.

СТРОГО СЕКРЕТНО

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В 48 ЧАС.

Снятие копии воспрещается

(Пост. ПБ от 5 мая 1940 г. пр. № 100, п. 5)

Кому послана Т.Т. АНДРЕЕВУ, МИКОЯНУ

Обеспечение семенами колхозов Казахской ССР (телеграмма Т.Т. Ундасынова и Скворцова)

ШИФРОВКА

Из Л.А.АТА на расшифрование

Отправлена 14-03 14.XI 1940 г. Поступила в ЦК ВКП 14.XI 1940 г. ч. 16 м. 20

Вх. № 1319/Ш.

Москва, ЦК ВКП(б) Т.Т. АНДРЕЕВУ, МИКОЯНУ.

Значительная часть колхозов Павлодарской области, а также в ряде районов Акмолинской, Северо-Казахстанской, Кустанайской, Актюбинской областей вследствие засушливого лета и суховеев, проходивших в период созревания хлебов, получили низкий урожай и не обеспечили себя полностью семенами для посева в 1941 году.

В целях обеспечения семенами колхозов Республики Совнарком и ЦК КП(б) Казахстана просят разрешить организации межколхозного позаймствования семян как внутри областей, так и между областями в пределах республики на договорных началах с условием возврата позаймствованного зерна из урожая 1941 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СНК УНДАСЫНОВ

СЕКРЕТАРЬ ЦК КП(б) КАЗАХСТАНА СКВОРЦОВ.

Расшифрована 14.XI 1940 г. в ч. 17 м. 10 Напечатано 5 экз.

Незлобин.

Отпечатано 2 экз.

Подпись *Резолюция*

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ИНСТРУКЦИИ:

1. Шифротелеграмма должна храниться только в секретных хранилищах.
2. При ссылках на текст шифротелеграммы воспрещается указывать, что цитируемый текст взят из шифротелеграммы, также воспрещается указывать и номера шифровок.
3. Ответ на шифровку посылается также в шифрованном виде, текст передаваемого сообщения должен быть зашифрован в шифротелеграмме, которая и передается по шифровому каналу. Ответ должен быть зашифрован в шифротелеграмме, которая и передается по шифровому каналу.

П.22/145. Об обеспечении семенами колхозов Казахской ССР (телеграмма Ундасынова и Скворцова)

СТРОГО СЕКРЕТНО

Снятие копий воспрещается

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В 48 ЧАС.

(Пост. ПБ от 5 мая 27 г., пр. № 100, п. 5)

Кому послана

Микояну, Кагановичу

2012

ШИФРОВКА

Из К И Е В А

отправлена 01-10, 14.XI. 1940 г. Поступила в ЦК ВКП

на расшифрование

14.XI. 1940 г. ч. 9 м. 40

Вх. № 1313/Ш.

МОСКВА, ЦК ВКП(б) - тов. СТАЛИНУ И.В.

СНК СССР - тов. МОЛТОВУ В.М.

В городе Днепрпетровске, вблизи участка отведенного для строительства цеха моторного завода № 452 НКВИАпрома, Сталинская железная дорога строит больницу на 500 коек, это строительство ведется с 1937 года, но сейчас фактически законсервировано.

Учитывая напряженное положение с размещением строительных рабочих указанного завода № 452 и возможность приспособить здание незаконченной больницы в 15-20 дней под общежитие, в котором можно разместить до 2.000 рабочих, ЦК КП(б) Украины и СНК УССР просят незаконченное здание больницы временно передать из ведения НКПС в ведение НКАП для использования под общежитие строительных рабочих завода. Обязать НКАП в 1941 году построить общежитие для рабочих, освободив помещение для достройки под больницу.

Микоян-34
Каганович-34
Андраев-34
Ворошилов-34
Камышин-34

СЕКРЕТАРЬ ЦК КП(б) УКРАИНЫ
ХРУЩЕВ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СНК УССР
КОРНИЙЦ.

П.22/142 от 14.XI.40 г. «Об общежитии для строительных рабочих завода № 462 (телеграмма Хрущева и Корнийца)»

22 11/4

(114)

**НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
СВЯЗИ СССР**

ПРИЕМ 12 21 56/22/25
м.пор. № 48/26-ТШК 97/98
от К.С. КОРОВКИНА
Передано в г. О. № 10509 88 12/11 21/38
№ 10509 88 12/11 21/38
сл. го. ч. м.

Адрес: СЕРИИ Г МОСКВА
ЦК ВКП ТОВАРИЩ
АНДРЕЕВУ

Юсупова

В СВЯЗИ С МАССОВЫМ РАСКРЫТИЕМ ХЛОПКА В МИРЗАЧУЛЬСКОМ И
СЫРДАРЬНСКОМ РАЙОНАХ, СВЯЗАННЫХ ПОЛУПЕРТОВЕЖЕНСКИМИ С
НЕДОСТАТОЧНЫМ КОЛИЧЕСТВОМ РАБОЧЕЙ СИЛЫ ЗПТ ХОТЯ МЫ И ПОМОГЛИ ЗА
СЧЕТ ЗЕРНОВЫХ РАЙОНОВ ОДНАКО НАЛИЧИЕ БОГАТОГО УРОЖАЯ ПОД УГРОЗОЙ
ОСТАТЬСЯ ПОД ДОЖДЕМ И СНЕГОМ ЗПТ ПРОСИМ КАК ИСКЛЮЧЕНИЕ
РАЗРЕШИТЬ ЭТИХ ДВУХ РАЙОНАХ НА ВОСЕМЬ ТИРЕ ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
СБОРЕ ХЛОПКА УЧАЩИХСЯ ШКОЛ СТАРШИХ КЛАССОВ БЕЗ УЩЕРБА ДЛЯ
УЧЕБЫ ЗА СЧЕТ СООТВЕТСТВУЮЩЕГО СОКРАЩЕНИЯ НА ЧЕТЫРЕ ТИРЕ ПЯТЬ
ДНЕЙ ЯНВАРСКИХ И ЛЕТНИХ КАНИКУЛ НР 559-

СЕКРЕТАРЬ ЦЕКА УЗБЕКИСТАНА КСУПОВ*

ТЕХ.С-Т 05 ЦК ВКП (Б)
40643
1388513-9
ПОДЛЕЖ.П. ОБС. АР.
И СЕКРЕТНЫМ АРХИВ

122/144

15 XI.40

П.22/144 от 15.XI.40 г. «Об уборке хлопка в Узбекской ССР (телеграмма Юсупова)», (которая по непонятной причине дважды подписана Сталиным. – А. О.

Хотя три шифровки поступили в разное время – 12 ноября в 21 ч.38 м.,

14 ноября в 9 ч. 40 м. и 14 ноября в 16 ч. 20 м. – они были подписаны Сталиным одновременно 15 ноября, о чем свидетельствуют номера регистрации решений Политбюро по ним за этот день, идущие один за другим. А ведь за 13–14 ноября было зарегистрировано еще 12 решений Политбюро, а 15 ноября (после того как три решения по шифровкам были подписаны Сталиным и зарегистрированы в первую очередь) за ними в этот день им было подписано и зарегистрировано еще 16 решений Политбюро по сельскохозяйственным вопросам (П.22/145, П.22/147 – П.22/161). За время поездки делегации дел накопилось много!

5го ноября 1940 г.

1. т. Ворошилов 16.30–19.15
2. т. Жданов 16.35–19.50
3. т. Берия 16.35–19.15
4. т. Вознесенский 16.35–19.50
5. т. Малышев 16.35–19.50
6. т. Ефремов 16.35–19.50
7. т. Саклиер 16.35–19.50
8. т. Кулик 16.35–19.50
9. т. Тимошенко 16.35–19.50
10. т. Шахурин 16.35–19.50

Последние вышли в 19.50.

15. ноября 1940 г.

1. т. Ворошилов 16.30–19.15
2. т. Жданов 16.35–19.50
3. т. Берия 16.35–19.15
4. т. Вознесенский 16.35–19.50
5. т. Малышев 16.35–19.50
6. т. Ефремов 16.35–19.50
7. т. Саклиер 16.35–19.50
8. т. Кулик 16.35–19.50
9. т. Тимошенко 16.35–19.50
10. т. Шахурин 16.35–19.50

Последние вышли в 19.50.

11

15 ноября 1940 г.

5. т. Малышев 16.30–19.15
6. т. Вознесенский 16.35–19.50
7. т. Ефремов 16.35–19.50
8. т. Тимошенко 16.35–19.50
9. т. Кулик 16.35–19.50
10. т. Мерцков 16.35–19.50
11. т. Носенко 16.35–19.50
12. т. Коробков 16.35–19.50
13. т. Лебедев 16.35–19.50
14. т. Сидоренко 16.35–19.50
15. т. Рычагов 16.35–19.50
16. т. Саклиер 16.35–19.50
17. т. Таубин 16.35–19.50
18. т. Шпитальный 16.35–19.50
19. т. Шахурин 16.35–19.50

Последние вышли в 19.50.

15 ноября 1940 года

1. т. Ворошилов	вход в 14–10 м.
2. т. Жданов	выход 18–00 м.
3. т. Берия	вход в 14–15 м.
4. т. Вознесенский	выход 18–00 м.
5. т. Малышев	вход в 14–15 м.
6. т. Ванников	выход 18–00 м.
7. т. Ефремов	вход в 14–15 м.
8. т. Тимошенко	выход 18–00 м.
9. т. Кулик	вход в 14–15 м.
10. т. Мерцков	выход 17–50 м.
11. т. Носенко	вход 14–15 м.
12. т. Коробков	выход 17–50 м.
13. т. Лебедев	вход 14–15 м.
14. т. Сидоренко	выход 16–15 м.
15. т. Рычагов	вход 14–15 м.
16. т. Саклиер	выход 16–15 м.
17. т. Таубин	вход 16–15 м.
18. т. Шпитальный	выход 17–15 м.
19. т. Шахурин	вход 16–40 м.

Последние вышли в 18–00 м.

Листы из «Кремлевского журнала» за ноябрь 1940 г., из которых следует, что с 6 по 14 ноября Сталин не вел прием в своем кабинете

Мировая пресса – послевизитные круги по воде

Предлагаю вниманию читателя свою выборку из наиболее ярких и значительных публикаций в мировой прессе о визите Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. Эти материалы обнаружены мной в рабочем документе НКВД СССР «Отклики иностранной печати на поездку Председателя Совнаркома СССР и Наркома иностранных дел В. М. Молотова в Берлин», который хранится в Архиве внешней политики (Ф-06. Оп. 2. Пор. № 163. Папка 15. Л. 1 – 115)^[35]. Надпись на папке: «Начато 10 ноября 1940 г. Окончено 19 ноября 1940 г.» говорит о том, что в ней собраны отклики мировой прессы, опубликованные в период со дня появления известия о предстоящем визите Молотова в Берлин до пятого дня включительно после его окончания.

Германия.

«Вестдейчер Беобахтер» 18.XI.40

«Визит Молотова вызвал в Англии и США сильное беспокойство. В Англии ощущается общее недовольство позицией Черчилля. Опасение влияния берлинских переговоров на русско-японские отношения, что может привести к изменению положения на Дальнем Востоке».

«Нахт аус габе» 18.XI.40

«Переговоры с испанским и итальянским министрами иностранных дел, начавшиеся в Зальцбурге и Берхтесгадене, подтверждают перед всем миром, что наступление держав оси, начавшееся с поездки Гитлера во Францию и на испанскую границу и достигшую наивысшего уровня в берлинских переговорах Молотова, успешно продолжается. Усилия Англии добиться улучшения отношений с СССР потерпели неудачу. Поездка Молотова в Берлин привела к полному краху британские стремления помешать политике наступления держав оси. Это наступление простирается на юг и запад, на Европу и Африку. Оно простирается также на восток, вплоть до сферы японских интересов. Важнейшим признаком успеха этого наступления является то, что Англия не в состоянии оказать на него никакого воздействия».

Япония.

«Ницци-ницци» 17.XI.40

«Переговоры в Берлине Советского Союза заложили краеугольный камень для ускорения построения нового порядка в Европе и установления тесного содружества с державами оси».

Италия.

«Пополо дю Рома» 17.XI.40

«Сердечные телеграммы наркома иностранных дел Молотова Гитлеру и Риббентропу, отправленные им после отъезда из Берлина, укрепляют убеждения немцев в том, что визит Молотова представляет собой дипломатическое событие, на котором основывается дальнейшее развитие военных и мирных проблем».

«Телеграфо» 19.XI.40

«Будет создан гигантский европейско-азиатский блок. Не все члены этого блока будут обязаны принимать в нем военное участие, однако все они будут иметь тесные связи с державами оси. Другими словами, от Алхесираса^[36] до Токио в эту систему, которая может быть названа системой сотрудничества держав, непосредственно заинтересованных в исчезновении Британской Империи, будет включено все то, что организовано и играет важную роль».

Англия.

«Дейли мейл» 19.XI.40

«В военных кругах считают, что целью переговоров Гитлера с Молотовым было получить согласие СССР на нарушение Германией границ Югославии и Болгарии. Полагают, что такое разрешение было дано Москвой на определенных условиях, и что в ближайшее время германские войска проследуют через Югославию и Болгарию».

Турция.

«Вакыт» 16.XI.40

«Нет сомнения, что между Германией и СССР существует политическая дружба, но эту дружбу нельзя считать военным союзом. Это подтверждается тем фактом, что в делегации Молотова не было военных представителей. Немцы, скорее всего, получают не военную, а экономическую помощь».

«Истамбюль» 17.XI.40

«В берлинском и московском коммюнике имеется заметная разница. Эта разница состоит в том, что ТАСС говорит только о взаимопонимании, берлинское же агентство говорит о взаимном согласии».

«Улус» 17.XI.40

«Берлинское совещание провалило попытку англичан, но это еще не доказательство того, что Советы отказались от своей прежней политики оставаться вне войны и использовать все благоприятные возможности, которые может предоставить война».

«Тан» 18.XI.40

«Соглашение же в Берлине имеет, скорее всего, экономический характер. Уже сообщалось, что Гитлер хочет создать авиационную промышленность на советской земле. Возможно, что этот вопрос обсуждался в Берлине. Вообще, Германия хочет, чтобы помощь со стороны СССР усилилась. Таким образом, пока не обнаружено, что визит Молотова связан с политическими вопросами».

Швеция.

«Стокгольм Тиднинген» 16.XI.40

«Заключено советско-германское экономическое соглашение, которое содержит следующие пункты:

1. Постройка германских авиационных заводов в России. Взамен этого Германия предлагает России лицензии на постройку некоторых типов самолетов.
2. Германия оказывает техническую помощь в реконструкции и увеличении русского военного флота.
3. Увеличение экспорта русской нефти в Германию за счет внутреннего потребления ее в России.
4. Экспорт германских станков для усиления русских вооружений».

«Фритт фолк» 19.XI.40

«Привлекают к себе внимание сообщения из Вашингтона о том, что американцы прервали деловые переговоры с СССР после того, как Молотов вступил в тесный контакт с Германией».

Китай.

«Гуйчжоужибao» 13.XI.40

«Перед Советским Союзом стоят два пути: демократический – англо-американский и агрессивный германо-итальянский».

Норвегия.

«Фриттфолк» 19 ноября 40

«Японское посольство в Берлине во время переговоров находилось в постоянном контакте с германским МИД. Связывая все это с участием Молотова в прощальном обеде, данном в честь японского посла Того... можно прийти к выводу, что отношения между Японией и СССР входят в новую фазу».

Германия.

«Фелькишер Беобахтер» 11.XI.40

«Ведя борьбу с Англией за решающий исход войны, Германия и Италия в Европе и Япония на Дальнем Востоке идут к новому политическому порядку в мире, и к новым формам сотрудничества наций. В рамках этого нового порядка Россия также будет играть большую и решающую роль».

«Фелькишер Беобахтер» 15 ноября 40

«Жизненное пространство Германии и жизненное пространство России во многих местах пересекаются, но нигде не противоречат интересам друг друга».

«Дейче альгемейне цайтунг» 15 ноября 40

«Вознаграждение России за то, что она поддерживает программу “Берлин-Рим-Токио” должно последовать за счет банкротства Британской Империи... Если Россия пожелает осуществить свои старые мечты о доступе к мировым океанам за счет Ирана или Британской Индии, державы Оси не будут иметь никаких возражений. Участники переговоров будут стараться привести в исполнение заключение пакта о ненападении между Россией и Японией».

Вернон Бартлетт, член английского парламента (радиопередача из Лондона 12 ноября 40)

«Приходится только удивляться, что Россия как раз в тот момент, когда выборы в США и все выступления обоих кандидатов так ясно подчеркнули намерения США оказать всяческую поддержку Англии, решила открыто и бесповоротно связать свою судьбу с Германией».

Берлинский корреспондент шведской газеты «Дагенс Нюхеттер»
13.XI.40

«Отсутствие военных в свите Молотова и присутствие большого количества руководителей советской промышленности указывают на то, что поездка связана, главным образом, с торговым сотрудничеством».

Радиопередача из Лондона 13.XI.40

«Германия не думала, что ей придется долго воевать. Она была уверена, что Англия не сможет продержаться без Франции. Тот факт, что Англия продержалась и держится, а также избрание Рузвельта президентом и тесное сотрудничество Англии с США – все это, вероятно, заставило германский народ призадуматься. Немцы должны сейчас делать что-то, чтобы уменьшить значение победы Рузвельта и спасти свою, нечестно захваченную наживу. Они обратились за помощью к России, рассчитывая, что она присоединится к оси, которая так недавно называлась “Антикоминтерновской”».

«Ивнинг стандарт» 13.XI.40

«Вопрос о нефти будет главной статьей сделки».

Дипломатический обозреватель газеты «Таймс» 13.XI.40

«Ввиду того, что ни один специалист по снабжению сельского хозяйства не приехал с Молотовым, можно сделать вывод, что Германия более всего нуждается в сырье и промышленных товарах. Сталин, несомненно, готов подписать пакт, который, вероятно, будет согласован и в Москве. Для него главная ставка в этой игре заключается в том, чтобы Гитлер был занят где-нибудь в другом месте. Таким образом, Сталин надеется получить год передышки или даже два или три года... Гитлер хотел бы иметь возможность противопоставить Англии германо-русский блок... Этим он надеется произвести впечатление на Англию и подорвать английское мужество и дух сопротивления».

Сообщение агентства «Рейтер» 13.XI.40

«Политика Советского Союза снова подтверждается в выступлении руководителя Красной Армии на военном параде, как политика, направленная Сталиным к одной постоянной цели, а именно: спасению русского народа от войны».

Лондон. Агентство «Рейтер» 14.XI.40

«В сообщении, полученном из Белграда, предсказывается встреча между Гитлером и Сталиным в Польше».

Радиопередача из Лондона. 15.XI.40

«То, что произошло между русскими и немцами в Берлине, продолжает оставаться в тайне. Германия, по-видимому, потребовала от России увеличения экономической помощи. Россия якобы согласилась на это. Советы собираются делать для Германии то, что делают США для Англии. Конечно, здесь есть разница. США оказывают всяческую помощь Англии для того, чтобы Англия поскорее закончила войну. Советы же помогают Германии для того, чтобы она могла как можно дольше сопротивляться. Они преследуют одну лишь цель – истощить Германию».

«Дейли экспресс» и «Дейли геральд» 16.XI.40

Ссылаясь на берлинских корреспондентов нью-йоркских газет, помещают сообщения о признании Ирана, Афганистана и Индии сферой влияния Советского Союза.

«Вашингтон пост» 12.XI.40

«Советский Союз и Германия, вероятно, уже достигли нового соглашения, которое требует лишь официальной подписи. Условия соглашения неизвестны, но, по крайней мере, они означают нейтралитет Советского Союза в отношении целей и активности держав оси на Балканах. Возможно, хотя и менее вероятно, что Советский Союз готов активно сотрудничать с Германией, Италией и Японией в деле создания нового порядка в Европе и Азии».

Военный обозреватель агентства «Юнайтед пресс мейзон» 12.XI.40

«Советская и германская армия стоят друг против друга от Финляндии до Румынии. Поэтому поездка Молотова будет успешной, если он даже временно разрядит напряженность такого положения, чтобы обеспечить жизненные интересы Советского Союза».

Турция.

«Хакикат» 14.XI.40

«Если Советы решатся на сотрудничество с немцами, то они удалятся от принципа марксистской революции, что невероятно. То, что Советы усиливают страны оси, противоречит их собственным жизненным интересам. Мы надеемся, что Советы будут стараться сохранять

нейтралитет».

«Акшам» 15.XI.40

«Обе стороны будут стараться получить друг у друга новые выгоды, и, в первую очередь, в экономической области. Возможно, Германия будет просить у Советов военные материалы и самолеты, чтобы этим самым компенсировать помощь, оказываемую Америкой Англии. Может быть, Германия пожелает вовлечь СССР в германо-итало-японский союз».

Швеция.

«Дагенс нюхетер»

10. XI.40

«Основным вопросом будет вопрос о Дарданеллах и путях Советского Союза в Индийском океане».

12. XI.40

«Список 32-х сотрудников, сопровождающих Молотова указывает на то, что в переговорах будут играть значительную роль политико-экономические вопросы... Германия хочет показать США и Англии, что в лице Советского Союза она имеет такого же сильного помощника, как у Англии – США. В этом основная суть русского визита в Берлин».

Румыния.

«Порунка времий» 5.XI.40

«Этот визит указывает также на то, что СССР входит в новый европейский порядок. В Берлине не исключают возможности заключения военного союза между СССР и Германией».

«Кувынтул» 15.XI.40

«Одним из первых последствий визита Молотова в Берлин будет разрыв переговоров между СССР и США».

«Время»^[37] 14.XI.40

«Позицию Москвы уже давно нельзя считать нейтральной в буквальном смысле этого слова. А визит Молотова, несомненно, представляет конец советского нейтралитета в настоящем мировом столкновении».

«Время» 15.XI.40

«По сообщению берлинского корреспондента, в результате переговоров между германскими деятелями и Молотовым достигнуты

следующие соглашения:

Москва одобряет процесс создания нового порядка в Европе, но не участвует в этом процессе.

Германия не будет предпринимать и поддерживать какие бы то ни было действия, идущие вразрез с интересами СССР в Дарданеллах.

Границы между СССР и Финляндией окончательны.

Будет готовиться подписание пакта о ненападении между Москвой и Токио.

Германо-советские переговоры будут продолжены в Москве».

Германия.

«Фелькишер Беобахтер» 20.XI.40

«В свете происходящей войны и в свете новых германо-русских отношений, антикоминтерновский пакт принял новый облик. Он направлен против любой попытки нарушить внутреннюю созидательную работу трех молодых народов Европы и Дальнего Востока. Он направлен также против реакционных держав Запада. Этот пакт явился предостережением Англии, и англичане это поняли».

«Дейче альгемейне цайтунг» 20.XI.40

«Воды вокруг британских островов – это ограда вокруг политического карантина. Снова в Германию прибыл граф Чиано. В Германию также прибыл Суньер. Вопреки английским маневрам, визит Молотова имел своим результатом согласие между нами и Россией во всех важных вопросах. Визит русского наркома иностранных дел ясно показывает, что внимание в германской дипломатии приковано также и к другим направлениям европейской политики. Беседы Гитлера показали, что интерес держав оси равным образом устремлен и к юго-восточному вопросу, где с полной очевидностью развивается процесс консолидации и создания нового порядка».

Канада.

Газета «Монреаль Геральд» 20.XI.40

«Последняя консультация Гитлера с такой большой советской делегацией свидетельствует о слабости Германии».

Газета «Ла пресс» 20.XI.40

«Поездка Молотова в Берлин является косвенным свидетельством неудач Германии против Англии. Германия нуждается в новых союзниках и

большой помощи со стороны Советского Союза».

Турция.

23. XI.40 *Аг. «Пресс телеграф» сообщает из Анкары:*

«Турецкие круги считают, что посещение Молотовым Берлина, визит короля Бориса в Зальцбург и обед, устроенный германским послом в Софии, имеют своей целью определить место Турции в комбинациях оси».

«Сон поста» 22.XI.40

«Сравнивают поездку Молотова в Берлин со встречей Александра I с Наполеоном в 1807 году в Тильзите... Тильзит имел положительные результаты и мог сыграть важную роль в судьбе Европы. Если в сегодняшнем Тильзите достигнуты успехи, они тоже смогут сыграть важную роль. Таким образом, за более чем 130 лет история Европы не принесла ничего нового, кроме подготовки нового Тильзита». В статье указывается, что «как тогда, русский царь впервые встречался с главой иностранного государства, так и на этот раз глава народного правительства впервые совершил свою поездку за пределы России».

Румыния.

«Сера» 17.XI.40

«Не исключено присоединение СССР и Испании к тройственному пакту».

Журнал «Времеа» 17.XI.40

«Германия и Россия сообща решают судьбу Европы. Русский флот сможет оказать помощь... державам оси. СССР выдвигается на передний план мировой политики, и его дипломатия самая лучшая, которую когда-либо имела Россия».

Газета «Фаланга» 17.XI.40

«После визита Молотова в Берлин Москва фактически присоединяется к оси, и Японии будет открыт рынок с огромным запасом советского сырья, а Москва усилит индустриализацию».

«Курентул» 22.XI.40

«В случае добрососедских отношений между Москвой и Токио не замедлит появиться и пакт четырех, то есть Германии, Италии, Японии и СССР».

Журнал «Времеа» 23.XI.40

«Окончательное германо-советское соглашение возможно только при полном достижении Россией целей, поставленных еще Петром I и Екатериной II».

Сирия.

«Л'ориеш» 14.XI.40

«Берлинское коммюнике о свидании Молотова с Гитлером означает, во-первых, что СССР присоединяется к войне против Англии. Во-вторых, что Центральная Европа и Балканы будут поделены между Германией, Италией и СССР. В-третьих, СССР и Япония договорятся о порядке в Восточной Азии, и, в-четвертых, то, что коммунистическая тактика навсегда порвала с такими словами, как “антифашистский порядок”, “народный фронт” и “союз с демократией”».

Франция.

«Тан» 19.XI.40

«Даже после опровержения ТАСС было бы ошибкой считать, что исключена возможность заключения советско-японского договора о ненападении. Это одна из тех проблем, пишет газета, которая подготавливается к конференции 4 держав – Германии, Италии, Японии и СССР и которую рассматривают как логическое продолжение визита Молотова в Берлин».

Швеция.

16. XI.40 Лондонский корреспондент «Дагенс нюхетер» пишет, что, «согласно циркулирующим в Лондоне слухам, есть основания предполагать, что заключено советско-германское экономическое соглашение, которое содержит следующие пункты:

1) Постройка германских авиационных заводов в России. Взамен этого Германия предоставит России лицензии на постройку некоторых новых типов самолетов.

2) Германия оказывает техническую помощь в реконструкции и увеличении русского военного флота.

3) Увеличение экспорта русской нефти в Германию за счет уменьшения внутреннего потребления ее в России.

4) Экспорт германских станков для усиления русских вооружений».

В английских кругах считают, что Германия решила вести наступление на Ближний Восток, чтобы установить контроль над нефтяными

месторождениями.

Турция.

«Тасвири Эфкяр» 16.XI.40

«Сотрудничество между Германией и СССР имеет больше экономический характер. Трудно предположить, что СССР будет воевать вместе с Германией против Англии. Но возможно, что Москва сосредоточит войска на границе с Индией, чтобы таким путем оказать давление на Англию».

«Тан» 18.XI.40

«Уже сообщалось, что Гитлер хочет создать авиационную промышленность на советской земле. Возможно, что этот вопрос обсуждается в Берлине».

Интересно, почему сбор публикаций был так быстро и резко прекращен? Скорей всего – для срочного анализа откликов и доклада о них руководству: вначале наркому иностранных дел и председателю Совнаркома Молотову, а затем Сталину. Руководству страны надо было принимать решение по главному вопросу визита: присоединяться к пакту трех с превращением его в пакт четырех или нет?

Итак, подытожим результаты поездки по откликам мировой прессы.

Визит вызвал серьезное беспокойство в Англии.

Его считают продолжением состоявшихся перед этим переговоров Германии с Италией, Испанией и Францией.

Считают, что создается огромный европейско-азиатский блок, главная цель которого – исчезновение Британской империи.

Германия хочет создать авиационную промышленность на советской земле, в том числе построить германские авиационные заводы в СССР и дать лицензии на постройку некоторых типов самолетов.

Будет увеличена поставка русской нефти в Германию за счет сокращения ее внутреннего потребления в СССР.

Предполагается встреча между Гитлером и Сталиным.

В свите Молотова обнаружено большое количество руководителей советской промышленности (присутствие высоких военных удалось скрыть. – А. О.).

Переговоры будут содействовать заключению пакта о ненападении между СССР и Японией.

«В случае добрососедских отношений между Москвой и Токио, не замедлит появиться и пакт четырех, то есть Германии, Италии, Японии и СССР» («Курентул» 22.XI.40).

Иран, Афганистан и Индия признаны сферой влияния СССР.

Встреча Молотова с Гитлером означает, что СССР присоединяется к войне против Англии.

Есть возможность заключения военного союза между СССР и Германией.

Есть предположение, что заключено советско-германское экономическое соглашение.

Германо-советские переговоры будут продолжены в Москве.

Обобщив перечисленные результаты, можно сказать, что, по мнению мировой прессы, **переговоры прошли успешно, позиции Германии и СССР сближаются, эти страны договорились по экономическим вопросам (главное – увеличение поставок нефти в Германию и строительство германских авиазаводов в СССР), готовится присоединение СССР к пакту четырех.**

**Расстрелянный под номером
четырнадцать**

Молниеносное награждение

Просматривая кинокадры немецкой кинохроники приема в честь делегации Молотова в берлинском отеле «Кайзергоф» 12 ноября 1940 г., я обнаружил среди гостей, проходящих из холла в банкетный зал, человека, лицо которого где-то уже видел. Он идет рядом с советским полпредом в Берлине Шкварцевым, на другом кадре слева от него идет командующий сухопутных войск вермахта генерал Браухич. Несколько дней лицо этого человека не выходило у меня из головы – огромный лоб, характерный нос, слегка курносый, густые брови...

И вдруг я вспомнил, где видел это лицо – в журнале «Известия ЦК КПСС» в начале 90-х годов. Пришлось полистать эти журналы, и в № 6 за 1990 г. я обнаружил на с. 223 в рубрике «Читатель уточняет» публикацию, посвященную этому человеку, с двумя его фотографиями.

Кадры немецкой кинохроники: на входе в банкетный зал отеля «Кайзергоф» 12 ноября 1940 г. во время приема в честь делегации Молотова

Я. Г. Таубин

М. И. Калинин вручает Я. Г. Таубину орден Ленина

В тексте сообщалось, что это выдающийся советский конструктор

оружия – Яков Григорьевич Таубин (1900–1941), начальник и главный конструктор ОКБ-16 Наркомата вооружения, создатель первого в мире пехотного автоматического гранатомета. Его дочь Лариса Яковлевна Бессонова прочитала в № 2 этого же журнала за 1990 г. впервые опубликованное постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 4 октября 1940 г. «Об изготовлении новых образцов вооружения для НКО», которым Таубину и его КБ поручалась работа по форсированию создания 37– и 23-миллиметровых авиационных пушек и разработке крупнокалиберного (12,7 мм) пулемета. Однако в именном указателе к этому постановлению были неправильно указаны инициалы и годы жизни ее отца. Лариса Яковлевна возмутилась и опубликовала в № 6 журнала упомянутую выше справку об отце и две его фотографии, чудом сохранившиеся в семье Таубиных. Из справки следовало, что за успешные разработки группа работников ОКБ-16 в ноябре 1940 г. была награждена орденами и медалями, в том числе сам Я. Г. Таубин – орденом Ленина. Далее сообщалось, что в мае 1941 г. Таубин был арестован и 28 октября 1941 г. в составе группы военачальников по указанию Берии расстрелян в поселке Барбыш Куйбышевской области. Посмертно реабилитирован в 1955 г. Таким образом Лариса Яковлевна как бы вернула из небытия имя и образ отца после многих лет безвестности, которая была десятикратно несправедливой, потому что созданное Таубиным в 1934 г. ОКБ (иногда пишут, что это произошло годом раньше) существует до наших дней и продолжает начатое им дело. Оно прославилось своими разработками под руководством сотрудника и последователя Таубина – Александра Эммануиловича Нудельмана (1912–1996), дважды Героя Социалистического Труда, лауреата трех Сталинских, двух Государственных и Ленинской премий. Созданные ОКБ-16 и защищавшие нашу страну в годы Великой Отечественной войны автоматические авиационные пушки, которые считаются лучшими во Второй мировой войне, были развитием первых таубинских пушек типа МП-6 (мотор-пушка), ПТБ-23 (пушка Таубина – Бабурина 23 мм), ПТБ-37 (пушка Таубина – Бабурина 37 мм), БМА-37 (Бабурина моторная авиационная)^[38]. Позже этим конструкторским бюро были созданы и многие другие выдающиеся образцы современного оружия уже по совершенно новой тематике.

Но вернемся к началу нашей истории. Что мог делать в Берлине выдающийся советский конструктор оружия и начальник ОКБ Наркомата вооружения за полгода до начала войны? Обнаруженный мной в Архиве внешней политики РФ список членов делегации Молотова из 66 человек, среди которых Таубин не значился, ясности не внес. Но зато в РГАСПИ в

«Особой папке» решений Политбюро я обнаружил приложение к решению Политбюро П29/60 (постановление СНК и ЦК № 1882-779) от 4 октября 1940 г. «Об изготовлении новых образцов вооружения для НКО», которое заслуживает того, чтобы привести его текст полностью:

«1. НКВ форсировать работы по пушке калибра 37-мм со сроком поставки к 25 декабря 1940 года на полигонные испытания.

2. ВВС совместно с НКАП и НКВ организовать проведение летных сравнительных испытаний самолетов нового поколения в ноябре-декабре 1940 года.

3. НКАП совместно с НКВ переоборудовать истребитель «Мессершмидт-110» под пушки ПТБ-23 и провести летные испытания при стрельбе боевыми боеприпасами по реальным целям на земле и с воздуха. Срок окончания стрельб – ноябрь 1940 года.

4. Командировать группу конструкторов НКАП и НКВ во главе с наркомом Б. Л. Ванниковым в Германию».

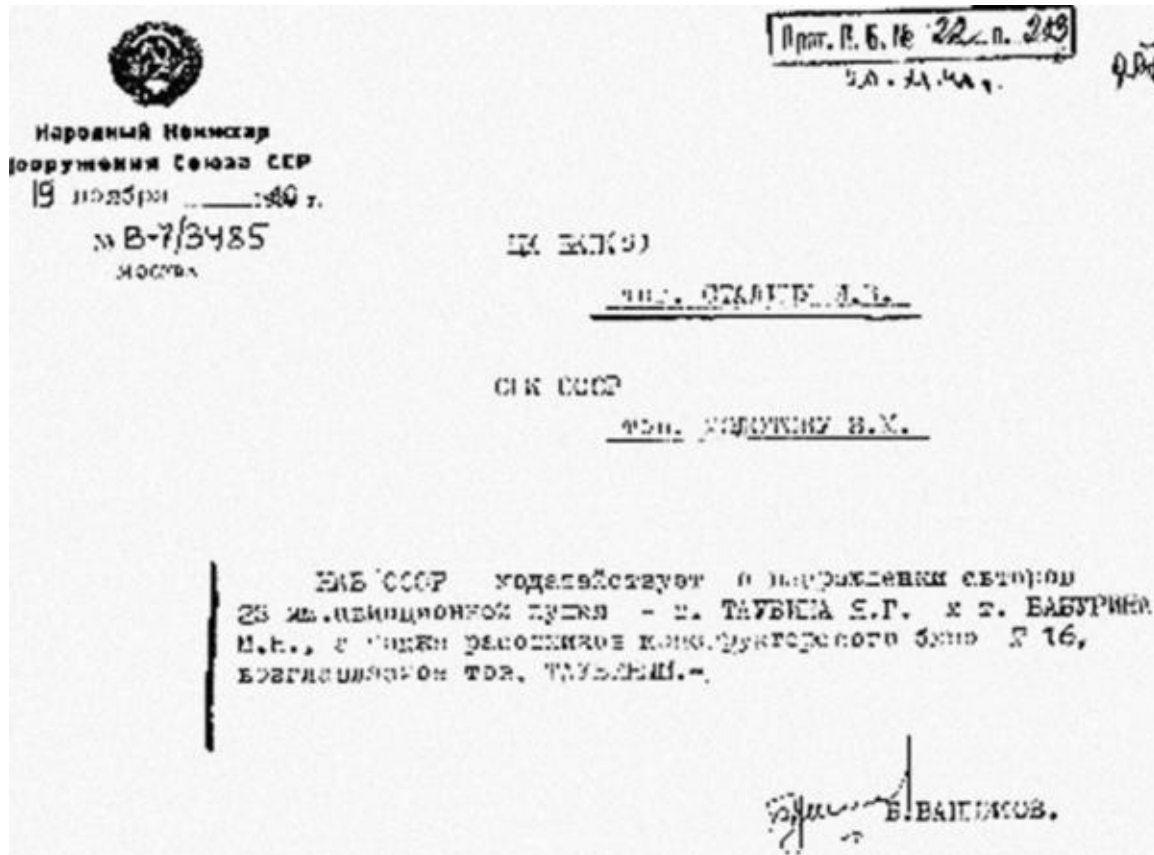
То есть согласно этому приложению нарком вооружения Ванников, главный конструктор упомянутых пушек и начальник ОКБ-16 НКВ Таубин, начальник ОКБ-15 НКВ главный конструктор Шпитальный, а также руководство ВВС и НКАП должны были выехать в Берлин. И вообще, изучение документов того периода показывает, что судьба испытаний пушки ПТБ-23 в составе истребителя Ме-110, приобретенного у Германии, почему-то оказалась очень жестко связанной с поездкой Молотова в Берлин.

5 ноября 1940 г. зам. начальника ГУ Авиационного Снабжения ВВС дивизионный инженер Сакриер докладывает письмом № 553–577 о ходе работ по пушке ПТБ-23, в том числе сообщает: «второй вариант – пушка ПТБ-23, оборудованная системой пневмозарядки, совместимой с пневматикой самолета “Мессершмидт-110”. Данный образец отправлен в Москву, где в течение 3–5 дней будет произведена окончательная отладка пушки на самолете. Предполагается закончить отладку установки к 6 ноября 1940 года» . Этот срок был выдержан, и 10–12 ноября пушка ПТБ-23 в составе самолета Ме-110 успешно прошла на полигоне ВВС в Ногинске летные стрельбовые испытания. Причем оказалось, что при стрельбе с воздуха новыми бронебойно-зажигательными снарядами она безотказно при самых разных режимах полета пробивала 25-миллиметровую броню (бронеспинка!) при темпе стрельбы 600 выстрелов в минуту. Вывод акта испытаний, подписанного от ГУ АС ВВС Сакриером, гласил: «Рекомендовать запуск ПТБ-23 в валовое производство с устранением выявленных недостатков».

Я уверен, что после подписания этого акта в тот же день все вышеупомянутые лица вылетели в Берлин, возможно прямо с ногинского аэродрома-полигона, на котором проходили эти испытания. Во всяком случае, мне удалось обнаружить, что 12 и 13 ноября 1940 г. многие из них присутствовали на официальных мероприятиях, связанных с пребыванием делегации Молотова в Берлине, – на банкетах в отеле «Кайзергоф» и в советском посольстве, а также на проводах Молотова на Ангальтском вокзале утром 14 ноября. Я разглядел их на некоторых фото из альбома о берлинской поездке Молотова, обнаруженном в РГАСПИ, а также в кинохронике об этом визите. Но условия съемки и качество отпечатков, сделанных с кинокадров, а главное – полное нежелание героев съемки быть удачно запечатленными (Шпитальный, например, заметив кинокамеру, просто отвернулся) не дают возможности точно идентифицировать некоторых из обнаруженных лиц. Точнее было бы сказать, как в известном случае с заснятым не там, где надо, высокопоставленным чиновником: обнаружено «лицо, похожее на...». Таких, «похожих на...» (да еще в штатском!) крупных советских военачальников и руководителей оборонной промышленности – Смушкевича, Штерна, Рычагова, Проскурова, Хрулева, Первухина, Малышева, Ефремова, Носенко, Ванникова, Володина и других – набралось немало^[39].

Важно то, что большинство из них 15 ноября 1940 г. оказались на совещании у Сталина в его кремлевском кабинете (вместе с Таубиным и Шпитальным), где они докладывали результаты своей поездки в Берлин. А также то, что всего через четыре дня после этого совещания участник поездки в Берлин нарком вооружения (НКВ) Ванников подал 19 ноября Сталину докладную записку, в которой ходатайствовал о награждении конструкторов – создателей 23-миллиметровой авиационной пушки Таубина и Бабурина, а также ряда работников ОКБ-16, возглавляемого Таубиным. Следует отметить, что в этой докладной записке не указано, за что именно всех этих людей представляют к награде – за принятие созданной ими пушки на вооружение, за ее испытания или за ее разработку. Видимо, вождь прекрасно знал, за что. Возможно, по соображениям секретности их заслуги нельзя было оглашать. Но само собой напрашивается предположение, что ходатайство о награждении появилось именно в связи с итогом этой поездки в Германию. Вполне вероятно, что во время этой командировки в ходе испытаний авиационной пушки Таубина – Бабурина или, что более вероятно, после ознакомления с ней или с чертежами, а также с результатами ее стрельбовых летных испытаний в составе немецкого истребителя Me-110, проведенных в СССР, немецкие

специалисты очень высоко ее оценили. Не исключено, что немцы решили даже оснащать ею свои истребители и заказали для Германии целую партию этих пушек.

Поэтому когда Сталину доложили об этих успехах, он дал указание Ванникову срочно подготовить проект указа о награждении Таубина и группы работников его ОКБ. То, что в списке оказалось еще 16 человек, наводит на мысль, что Сталин, будучи в тот день в прекрасном настроении благодаря удачной поездке вообще и успеху с пушкой в частности (впервые не мы просим оружие у немцев – а немцы у нас!), на вопрос Ванникова «Сколько еще человек включить в список?» – ответил: «Как в номере этого КБ».

Награждение Таубина и его сотрудников прошло молниеносно. Постановление Политбюро по вопросу этого награждения П22/203 было принято на следующий день после представления – 20 ноября 1940 г. Его подписали лично Сталин, Молотов и Микоян, а Калинин, Каганович, Ворошилов и Андреев дали согласие по телефону.

Яков Григорьевич Таубин

Михаил Никитович Бабурин

В тот же день вышел Указ Президиума Верховного Совета. 21 ноября он был опубликован на первой полосе газеты «Правда» и многих других советских газет («Красная Звезда», «Московский большевик» и др.). И уже 28 ноября 1940 г. Калинин в Кремле вручил Таубину орден Ленина (фото Табуина и Бабурина с группой работников авиазавода № 32 НКАП, награжденных за ту работу, также было опубликовано в печати).

Проект.

206

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА С С Р
о награждении работников конструкторского бюро №16.

За успешное освоение новых образцов вооружения -
НАГР А Д И Т Ь:

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

1. ТАУБИНА Якова Григорьевича - начальника КБ.
2. БАБУРИНА Михаила Никитовича - ведущего конструктора

ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

- 1 НУДЕЛЬМАН Александр Эммуилович - ведущего конструктора.

ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

- 1 ГЛУХАРЕВА Константин Константинович - Начальника исследовательского отдела.
- 2 ПЕЛИНОВ Пётр Павлович - конструктора
- 3 СТРАЖОВ Александр Степанович - конструктора.

Орденом "ЗНАК ПОЧЕТА"

- 1 ВАСИЛЕВСКОГО Алексея Павловича - механика-отладчика
- 2 ВЕЗВИНА Григория Борисовича - начальника производства
- 3 ИСАКОВА Дмитрия Федоровича - начальника сборки

МЕДАЛЬЮ "ЗА ТРУДОВОЕ ОТЛИЧИЕ".

- 1 ВЕСЕЛОВА Василия Яковлевича - токаря
- 2 ГОРБУНОВА Алексея Сергеевича - фрезеровщика
- 3 ИВАНОВА Ивана Дмитриевича - механика-отладчика
- 4 ИСАКОВА Бориса Федоровича - механика-отладчика
- 5 КРУГЛОВА Петра Ивановича - токаря
- 6 ЛИПГАРТ Вадима Карловича - токаря
- 7 НИКИФОРОВА Дмитрия Никифоровича - нач.отдела подготовки производства.
- 8 САВЕНКОВА Николая Ивановича - ст.мастера механ.цеха.

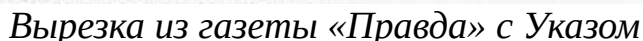
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР

СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР

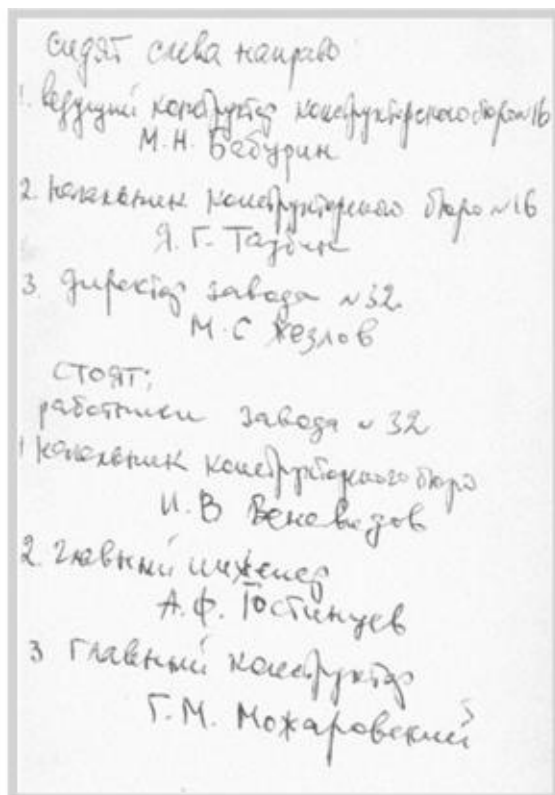
Проект Указа с визами членов Политбюро

На сохранившейся в семье Таубина фотографии, запечатлевшей момент вручения ему высшей награды СССР, видно, что церемония происходит не как обычно — в Екатерининском, или Свердловском зале

Хотелось бы узнать, что же стало причиной столь небывалой срочности, публичности и даже экстраординарности этого награждения. Впечатление такое, что таким образом кому-то подавался некий знак, но кому и какой? Следует обратить внимание и на то, что Постановлением Комитета Оборона при СНК СССР № 423 от 16 ноября 1940 г. (то есть на следующий день после описанного совещания у Сталина) авиационную пушку ПТБ-23 приняли на вооружение (непонятно только, для какого самолета). А 23 ноября 1940 г., через три дня после подписания Указа Президиума ВС СССР о награждении Таубина и ряда работников его КБ, был подписан совместный приказ наркома авиапромышленности (НКАП) и начальника Главного Управления ВВС Красной Армии (ГУ ВВС КА) за № 657с/0293 «О конструировании и изготовлении установок на самолеты под 23 мм пушку и под 12,7 мм пулемет Таубина – Бабурина». В нем трем авиазаводам поручалось конструирование и изготовление установок для размещения пушек и пулеметов Таубина – Бабурина на самолетах Ильюшина и Лавочкина с целью проведения их испытаний.

Однако в указе о награждении говорилось: «За успешное освоение новых образцов вооружения». Значит, испытания таубинской пушки в составе какого-то самолета уже были проведены, в противном случае в указе было бы сказано: «За разработку». Но единственные завершённые к тому времени испытания пушка ПТБ-23 прошла лишь на борту истребителя «Мессершмитт-110», приобретенного у Германии (одного из пяти штук). С какой же целью они проводились? Вариантов лишь три: либо Советский Союз собирался создавать аналогичный двухмоторный истребитель, либо изготавливать Me-110 по немецкой лицензии, либо немцы решили использовать в своем Me-110 лучшую на тот момент в мире авиационную пушку Таубина – Бабурина. Если это так, то полигонные испытания Me-110 с пушками ПТБ-23 на полигоне НИИ ВВС проводились, вполне возможно, совместно с немцами. Тогда не исключено, что и запуск пушки ПТБ-23 в серийное производство был осуществлён безотносительно к конкретному советскому самолёту, в первую очередь – для поставки немцам, но, естественно, и для советских самолётов тоже (поэтому одновременно с Таубиным и Бабуриным не наградили конструктора самолёта – ведь им был Вилли Мессершмитт). Это подтверждается и тем, что пушка Таубина – Бабурина ПТБ-23 проходила затем полигонные испытания в составе трёх самолётов. Сначала (в ноябре 1940 г.) – на купленном у Германии истребителе Me-110, на который вместо двух его штатных пушек «Эрликон» поставили две ПТБ-23, в том числе одну – с пневмоперезарядкой, совмещённой с пневматикой самолёта. А в марте-апреле 1941 г. – на штурмовике Ил-2 (испытания прошли полностью) и на истребителе ЛаГГ-3 (испытания не были закончены).

Слева – фото, сделанное после вручения наград в Кремле. Справа – обратная сторона этой фотографии, на которой рукой М. Н. Бабурина написано: «Сидят слева направо: 1. ведущий конструктор конструкторского бюро № 16 М. Н. Бабурин. 2. начальник конструкторского бюро № 16 Я. Г. Таубин. 3. директор завода № 32 М. С. Жезлов; стоят: работники завода № 32: 1. начальник конструкторского бюро И. В. Веневидов. 2. главный инженер А. Ф. Гостинцев. 3. главный конструктор Г. М. Можаровский». Из этого следует, что вместе с Таубиным и Бабуриным наградили не конструктора самолета, а руководство авиазавода, обеспечившего установку пушки ПТБ-23 на каком-то самолете.

Тогда вся эта история с молниеносным награждением главного конструктора Таубина и сотрудников его ОКБ, а также запуск созданной ими авиационной пушки в серийное производство до того, как она была испытана на советских боевых самолетах, приобретает совсем другое звучание.

Таубин в кремлевском кабинете Сталина

Главный конструктор и начальник ОКБ-16 Я. Г. Таубин был в кремлевском кабинете Сталина всего три раза:

1. 22 июля 1940 г. При этом к вождю были приглашены еще лишь четыре человека: М. Н. Бабурин – соавтор Таубина по пушкам ПТБ-23 и ПТБ-37, ведущий конструктор ОКБ-16 (это была его единственная встреча с вождем); генерал-лейтенант авиации Я. В. Смушкевич – начальник ГУ ВВС (по нынешним понятиям, главком ВВС); генерал-лейтенант авиации П. В. Рычагов – первый зам. начальника ГУ ВВС и генерал-майор авиации А. И. Филин – начальник НИИ ВВС и зам. начальника ГУ ВВС. Совещание длилось 4 часа 45 минут, сначала только с руководителями ВВС, через полтора часа к ним присоединился Филин, еще через час были приглашены Таубин и Бабурин. Учитывая то, что с мая в НИИ ВВС испытывались приобретенные у Германии самолеты, в том числе двухмоторный истребитель Ме-110, можно предположить, что именно тогда, после сообщения Таубина и Бабурина о новой 23-миллиметровой авиационной пушке, и было предложено установить ее и испытать на истребителе Ме-110.

Что было первопричиной такого решения, можно только гадать: то ли неготовность советских самолетов, задерживающая запуск этой лучшей в те годы пушки в серию, то ли уже поступившая просьба немецкого руководства о поставке этой советской пушки в Германию. В любом случае получается, что Таубину лично Сталиным было дано правительственное задание установить пушки ПТБ-23 на немецкий истребитель и обеспечить их стрельбовые испытания на полигоне. И конечно же Таубин заверил вождя, что все будет сделано. (Нельзя не отметить, что все пять участников этого совещания в кабинете вождя были арестованы в мае-июне 1941 г., из них трое расстреляны 28 октября 1941 г., один – 23 февраля 1942 г. и один, М. Н. Бабурин, умер в заключении в 1944-м).

2. 4 октября 1940 г., когда Таубин (без соавтора) находился у вождя почти вдвое дольше, чем в первый раз, – около 3 часов. На этот раз и присутствующих в кабинете было гораздо больше: два члена Политбюро – Молотов и Ворошилов, нарком НКВД Берия, руководство Наркомата обороны – Тимошенко, Кулик, Рычагов, руководство Генштаба – Мерецков, Василевский и Анисов, заместитель начальника ГУ АС ВВС Сакриер, нарком вооружения Ванников, начальник Управления стрелкового

вооружения НКВ Склизов, главные конструкторы НКВ – Таубин, Шпитальный и Шпагин. За час до окончания этого совещания пришли члены Политбюро Хрущев, Жданов и секретарь ЦК Маленков. По составу можно предположить, что конструкторы докладывали политическому и военному руководству страны о созданных ими новых видах вооружения. Таубин, вероятно, рассказал о результатах испытаний его пушки МП-6.

Очевидно, с учетом высоких результатов, достигнутых Таубиным и его коллективом, постановлением СНК и ЦК от этого же числа ему была официально поручена новая работа – довести 37-миллиметровую авиационную пушку (позже ее стали называть БМА-37 – «Бабурина моторная авиационная 37-мм» и 11-П – «11-я пушка ОКБ-16») и крупнокалиберный 12,7-миллиметровый авиационный пулемет и поставить их на испытания 25 декабря 1940 г. То есть за полтора месяца возглавляемое Таубиным ОКБ-16 должно было довести 37-миллиметровую пушку и разработать новый образец авиационного вооружения – крупнокалиберный пулемет 12,7 мм. Думается, что такие темпы были возможны только потому, что до этого ОКБ-16 уже занималось этим по собственной инициативе^[40].

Скорее всего, на том же совещании было принято решение провести испытания пушки ПТБ-23 на немецком истребителе Ме-110 и повторить их в Германии либо обсудить с немцами результаты испытаний, проведенных в НИИ ВВС, а для этого направить в Германию группу специалистов во главе с наркомом Ванниковым, в которую и вошли Таубин со Шпитальным. Это предположение подтверждается тем, что все эти лица были обнаружены мной на фотографиях и в кинохронике мероприятий, связанных с пребыванием делегации Молотова в Берлине 12–14 ноября 1940 г.

3. 15 ноября 1940 г. Об этом посещении, когда Таубин находился в кабинете вождя только один час, я рассказывал выше. Но это был звездный час конструктора, ибо за доложенные результаты его работы через две недели ему будет вручен орден Ленина – высший орден страны! В кабинете Сталина при этом находилось много народу, но это не было заседанием Политбюро, так как из его членов там присутствовали только Сталин, Ворошилов и Жданов да еще один кандидат – Берия.

Скорее это походило на заседание Совнаркома^[41], поскольку среди присутствовавших были четыре зампреда СНК – Ворошилов, Вознесенский (первый зампред), Малышев и Ефремов (станет зампредом позже), а также семь наркомов, связанных с обороной страны, в том числе

сам нарком обороны Тимошенко (и два его заместителя – начальник Генштаба Мерецков и начальник ГАУ Кулик), наркомы Берия (НКВД), Малышев (НКСМ), Ванников (НКВ), Ефремов (НКТМ), Носенко (НКСП), Шахурин (НКАП).

Показательно, что семь из находившихся на сей раз в кабинете Сталина лиц (Малышев, Ванников, Ефремов, Кулик, Мерецков, Носенко), скорее всего, участвовали в работе делегации Молотова в Берлине, хотя официально не входили в ее состав. В течение первых двух часов этого совещания присутствовала и группа руководства автобронетанковых войск – начальник ГАБТУ Федоренко^[42], начальник АБТУ Коробков, а также ответственный работник Наркомата химической промышленности Лебедев, возможно также побывавшие в Берлине. Их сменили руководители ГУ ВВС и ГУАС, Рычагов с Сакриером, и конструкторы-вооруженцы Таубин и Шпитальный, побывавшие в Берлине.

Интересно отметить, что нарком авиапромышленности Шахурин вошел в кабинет только через 25 минут после них. Он в Берлине не был, его там представляли два замнаркома – Яковлев и Баландин. Вероятнее всего, что именно на этом совещании Шахурину сообщили о результатах представления авиапушки ПТБ-23 в Германии и предложили вместе с ГУ ВВС издать приказ, который поручал бы заводам НКАП размещение этой пушки на нескольких типах советских истребителей и других боевых самолетах. 3 декабря 1940 г. были начаты работы по установке пушек Таубина на штурмовике Ил-2 конструктора Ильюшина. До 1 марта 1941 г. требовалось сдать 10 самолетов для войсковых испытаний, причем именно с пушками ПТБ-23. Головной серийный Ил-2, поднявшийся в воздух 10 марта 1941 г., был вооружен уже двумя пушками ПТБ-23, однако второй самолет – 23-миллиметровыми пушками ВЯ, разработанными тульскими конструкторами Волковым и Ярцевым, третий – 20-миллиметровыми пушками ШВАК Шпитального, а четвертый – пушками Салищева и Галкина. Причиной этому могло быть, с одной стороны создание вопреки плановой советской экономике здоровой конкуренции в разработке военной техники, а с другой – стремление использовать в новых самолетах оружие, хорошо отработанное в серийном производстве, пусть даже и с несколько худшими характеристиками.

Окончательный выбор пушки для штурмовика Ил-2 руководители ВВС и авиапрома решили сделать после проведения полигонных испытаний в апреле 1941 г., однако решение о том, что Ил-2 обязательно будет иметь 23-миллиметровую пушку, уже было принято. Поэтому решением Политбюро № 29/318 от 31.III.41 г. было принято Постановление СНК и ЦК от того же

числа, которым предусматривалось строительство «заводов авиационного вооружения на Украине: в Дарнице завода по производству 23 мм авиационных пушек 10 тыс. шт. в год и в Артемовске завода авиационных пулеметов калибра 12,7 мм мощностью 12 тыс. шт. в год».

В этой связи нельзя не вспомнить, что мировая печать, комментируя результаты переговоров Молотова с Гитлером 12–14 ноября 1940 г., сразу после их окончания отмечала: «Германия хочет создать авиационную промышленность на советской земле» (турецкая газета «Тан» за 18 ноября 1940 г.); предусматривается «постройка германских авиационных заводов в России. Взамен этого Германия предоставит России лицензии на постройку некоторых типов самолетов...» (газета «Стокгольм Тиднинген» за 16 ноября 1940 г.) и т. п. Может быть, поэтому в плане выпуска боеприпасов на 1941 г. заказ на 23-миллиметровые снаряды для новых авиапушек, не установленных пока ни на одном советском самолете, почти в два раза превышал заказ на 20-миллиметровые снаряды для пушки ШВАК, которая была принята на вооружение еще в 1936 г. и установлена на истребителях И-153П, И-16, И-185, Як-3, ЛаГГ-3.

Все это свидетельствует о том, что в тот период 23-миллиметровая пушка Таубина – Бабурина рассматривалась как главное оружие советских истребителей в надвигающейся войне. И это неудивительно, так как по ее характеристикам видно, что она была лучшей авиационной пушкой своего времени и имела самый большой калибр. А работу по ее конструированию поручили Таубину, поскольку до этого он успешно воплотил в жизнь другое свое изобретение – первый в мире автоматический гранатомет.

Я. Г. Таубин – создатель первого в мире автоматического гранатомета

В 1929 г. Таубин стал студентом Одесского института технологии зерна и муки (в обиходе – Мукомольного). Описание начала его жизненного пути время не сохранило. Известно только, что он родился в белорусском городе Пинске в 1900 г. (точная дата до сих пор неизвестна) в многодетной семье. В трудные голодные годы Гражданской войны, чтобы помочь своим многочисленным сестрам, он вместе с братом Ароном уехал на Украину под Белую Церковь, где братья стали работать у своего дяди-мельника. Сначала они помогали ему на мельнице, ремонтируя механизмы, а затем начали ремонтировать и другие мельницы в округе. Со временем оба стали отличными механиками и даже решили поступить в институт. Яков с юности был страстным изобретателем.

Именно в связи с реализацией одного из своих изобретений по части коммунального хозяйства (а именно водопровода) он оказался в начале июля 1931 г. на территории Одесского артучилища. Там ему довелось наблюдать, как из трехлинейки с помощью надеваемой на ее дульную часть мортирки^[43] стреляют гранатой Дьяконова калибра 40,8 мм. Такой способ увеличивал дальность метания гранаты до 150–300 м, однако много сил и времени уходило на перезарядку после каждого выстрела.

Гранатомет Дьяконова – трехлинейка Мосина с мортиркой на стволе

Яков задумал сделать эту стрельбу автоматической с помощью специального гранатомета, в результате чего дальность поражения увеличилась бы до 1 200 м, а скорострельность – с двух до 50–60 выстрелов в минуту (к 1939 г. она уже достигла 200 выстрелов в минуту). В то время в мире уже появилось автоматическое стрелковое оружие – автоматы, или пистолеты-пулеметы, но создание автоматического крупнокалиберного оружия (тем более калибра 40,8 мм) требовало решения ряда сложных проблем. Поэтому прежде, чем сконструировать свой гранатомет, Якову Таубину пришлось сначала его изобрести. Видимо, он работал над ним днем и ночью, потому что уже 16 июля 1931 г. был впервые зарегистрирован его приоритет в изобретении гранатомета. (В 1991 г. его дочери Л. Я. Бессоновой-Таубиной выдали авторские свидетельства на шесть изобретений Таубина, вполне вероятно, что есть еще и ряд закрытых.) А в последние дни августа 1931 г. Таубин направляет в Артиллерийское управление Наркомата обороны проект своего автоматического гранатомета, стреляющего штатной гранатой Дьяконова 40,8 мм.

Проект студента из Одессы произвел впечатление на недавно назначенного заместителя наркома по военным и морским делам (с 1934 г. наркома обороны СССР) и начальника вооружений РККА, командарма 1-го ранга (с 1935 г. маршала Советского Союза) Тухачевского. Очевидно, он сразу понял то, о чем гораздо позже написал преемник Таубина А. Э. Нудельман (возможно, повторив слова Таубина): «Гранатомет предназначался для вооружения сухопутных войск в целях усиления огня взвода (роты); во многих частных задачах пехота могла в пределах до 1,2 км обходиться без привлечения артиллерии» [60. С. 21]. Поэтому, несмотря на поступившее в Арткомитет заключение специалистов, в котором утверждалось, что этот проект невозможно реализовать даже теоретически, Тухачевский предложил Таубину изготовить опытные образцы гранатомета на Ковровском оружейном заводе № 2.

Таубин без колебаний оставил институт, хотя учился уже на 4-м курсе, и уехал в Ковров, где под его руководством были сделаны два опытных образца гранатомета. Но там заниматься этим было очень тяжело, так как завод был перегружен заказами и не заинтересован в навязанной ему новой сложной работе. Главк Наркомтяжпрома (ГВМУ), которому подчинялся Ковровский завод, при поддержке Наркомата обороны перевел Таубина в Москву, выделив ему небольшое помещение на Инструментальном заводе, испытывавшем дефицит заказов. В марте 1934 г. удалось даже пробить

создание маленького КБ по реализации изобретения Таубина «Автоматический гранатомет». Вначале это КБ получило название «КБ Таубина», сокращенно КБТ; в декабре 1936 г. после выделения из НКТП Наркомата оборонной промышленности оно было переименовано в КБ-16 НКОП, а с 1939 г. после выделения из НКОП НКВ и НКАП – в ОКБ-16 НКВ (Наркомата вооружения). Оказалось, что в гранатомете нуждается не только пехота, но и ВМФ, и пограничные войска НКВД, поэтому работа по его совершенствованию в ОКБ-16 под руководством Таубина велась непрерывно.

В 1935 г. автоматику гранатомета, использующую отвод части пороховых газов, заменили на автоматику, использующую отдачу подвижного ствола («длинный ход»). В 1936 г. тяжелый треножный станок заменили легким колесным, сходным со станком широко известного пулемета «Максим». Благодаря этому удалось снизить его вес с 73 до 45,5 кг (позже он был еще уменьшен и составил 40 кг). Вскоре стало очевидно, что конструкция гранаты Дьяконова (созданной в 1916 г.) не стыкуется с принципом автоматической подачи в гранатомете, и в 1938 г. пришлось разработать новую гранату того же калибра, введя ее в унитарный патрон с гильзой.

Гранатомет Таубина в музее

Атмосфера в ОКБ была творческой, талантливых людей не только замечали, но специально искали и приглашали. Дельные предложения подхватывались сразу. Таубин включил в число авторов изобретений по гранатомету конструкторов Бергольцева, Бабурина, Рашкова, Малышева.

Одна из модификаций называлась «гранатомет системы Таубина – Бергольцева», другая – гранатомет «системы Таубина, Бергольцева и Бабурина». Разрабатывался также автоматический гранатомет большого калибра, 60-миллиметровый, универсальный, с дальностью до 2 500 м. Основным же являлся калибр 40,8 мм. Было разработано несколько вариантов гранатомета этого калибра – пехотный (основной), корабельный для установки на бронекатерах, а также гранатомет для моторизованных войск, который устанавливался на мотоцикл (был даже придуман вариант мотоцикла с двумя колясками).

Когда старый конармеец и приверженец кавалерии, назначенный вместо Тухачевского заместителем наркома обороны по вооружению, командарм 1-го ранга (с мая 1940 г. маршал Советского Союза) Кулик начал рьяно выступать против гранатомета, Таубин предложил установить гранатометы на тачанки и испытать в одном из кавалерийских корпусов. Существовал и вариант использования гранатомета в самолете. В 1937 г. два гранатомета установили в крыльях самолета и даже провели летные стрельбовые испытания^[44]. Проверке по полной программе государственных испытаний были подвергнуты все варианты использования гранатомета калибра 40,8 мм, и все закончились успешно.

Испытания 40,8-миллиметрового автоматического гранатомета на полигоне

Несколько таких гранатометов использовались во время боевых

действий во время Финской войны. С одним из них на фронт выезжали представители ОКБ-16 А. Нудельман (будущий начальник и главный конструктор ОКБ-16) и механик Б. Исаков. Во всех вариантах и во всех условиях, включая сорокаградусный мороз на Карельском перешейке, гранатомет работал безотказно и показал весьма высокую боевую эффективность^[45].

Однако на вооружение он принят не был. Возможных причин несколько, и первая из них – неприязнь замнаркома Кулика и к гранатомету, и к его автору. Нудельман вспоминает об отношении Кулика к Таубину так:

«В 1937 г. Кулик вернулся после кратковременной поездки в Испанию, где шла гражданская война. Нарком оборонной промышленности М. М. Каганович собрал в своем кабинете совещание конструкторов отрасли, на котором присутствовали также Таубин и я. Кулик рассказывал о боевом опыте применения стрелково-артиллерийской техники в Испании. Касаясь ближнего боя, он вдруг вспомнил о гранатомете Таубина и произнес, обращаясь к наркому, буквально следующее: “Таубин опять на меня жалобу написал. Я на ней написал – гранатомет нам не нужен. Таубина надо арестовать!” Это было за три с лишним года до ареста Таубина».

И еще:

«Вернувшись однажды в 1938 г. с заседания Совета Оборона, где рассматривался вопрос о гранатомете, Таубин рассказал мне, что во время обсуждения Кулик обратился к Сталину: “Товарищ Сталин, уберите Таубина, я не могу работать!”» [60. С. 23].

Другая причина – конкуренция гранатомета с 50-миллиметровым ротным минометом «Оса» конструкции Шавырина. Они имели очень близкие калибры – 40,8 и 50 мм, но миномет был гораздо легче (16 кг) и проще в изготовлении, а значит, и дешевле. Зато у гранатомета было два таких серьезных преимущества, как большая дальность стрельбы (1 200 м против 300 м для этого типа миномета) и гораздо более высокая точность прицельного ведения огня. Сторонники «минометчиков» из НКО настояли на проведении сравнительных испытаний, причем по тактико-техническим требованиям (ТТТ) к миномету, поскольку ТТТ на автоматический гранатомет и выстрел к нему не разрабатывали, ведь гранатомет был совершенно новым видом оружия и его место в системе вооружения сухопутных войск не было определено. И, что было очевидной глупостью,

такие испытания все-таки провели в феврале 1939 г. в присутствии наркома обороны Ворошилова и других высших чинов НКО. И миномет, и гранатомет испытания выдержали, но на вооружение был принят и запущен в массовое производство только 50-миллиметровый миномет «Оса». Однако в боях начального периода войны он слабо показал себя и вскоре был снят с вооружения. Маршал артиллерии Н. Д. Яковлев (в годы войны начальник Главного артиллерийского управления) писал в мемуарах: «50-мм ротный миномет уже на первом году войны показал себя довольно заурядным оружием. Дальность его огня, составлявшая всего несколько сот метров, заставляла расчет миномета сближаться с противником на предельно малые расстояния» [Там же. С. 146].

И наконец, третья и, возможно, главная причина – гранатомет разрабатывался без «высочайшего соизволения», то есть без Постановления СНК и ЦК ВКП(б). Мне не удалось найти ни единого упоминания о нем в повестках дня Политбюро за 1938–1941 гг. (хотя на заседаниях Главного Военного Совета вопросы о нем рассматривались). На мой взгляд, это произошло из-за того, что Таубина выдвинул и поддерживал Тухачевский, объявленный врагом народа и уничтоженный в июне 1937 г. Скорее всего, по этой же причине работы Таубина по гранатомету в ОКБ-16 были прекращены и заменены работой по созданию авиационных пушек^[46]. Но об этом ниже.

Известно, что у истории нет сослагательного наклонения, то есть безнадежно задаваться вопросом, что было бы, если бы... Но вот в истории с первым в мире гранатометом – таубинским – жизнь ответ на такой вопрос предоставила. Более чем через четверть века после описанных событий, во время вьетнамской войны, американцы применили новый тип оружия. Действие его было неожиданным и поразительным и в прямом, и в переносном смысле. «Небольшие скоростные катера, проносящиеся по протокам Меконга, буквально выкашивали огнем прибрежные заросли. Не менее эффективно действовали автоматические гранатометы, установленные на вертолетах», – так описывает действие американского 40-миллиметрового автоматического гранатомета М-20 один из специалистов по истории отечественной артиллерии и вооружения А. Широкоград в своей статье «Получи, фашист, гранату! Супероружие Якова Таубина» в журнале «Популярная механика» за ноябрь 2007 г. Но ведь это была реализация идеи таубинского гранатомета, отвергнутого перед самым началом Великой Отечественной войны как неперспективное оружие и оказавшегося новейшим и эффективнейшим даже через 25–30 лет! И калибр, и варианты боевого применения те же, разве что вместо мотоцикла

– вертолет (был вариант их установки и на джипах). Сколько жизней советских солдат, и в первую очередь пехотинцев, было бы сохранено в годы Великой Отечественной войны, если бы...

«Северовьетнамцы предприняли максимум усилий, чтобы захватить трофейные образцы, и вскоре американские гранатометы доставили в Москву. Советский аналог было поручено делать ОКБ-16 под руководством Нудельмана. И вот к началу 1969 года 30-мм автоматический гранатомет АГС-17 «Пламя» прошел заводские испытания... Правда, наладить его массовый выпуск удалось лишь в 1971 году» – это снова из статьи Широкограда. Гранатомет наконец-то был принят на вооружение в Советской, а затем и Российской Армии. Причем АГС-17 был заново разработан (главный конструктор проекта Александр Федорович Корняков) и не походил ни на американский, ни на таубинский, хотя создавался на том же предприятии, в стенах которого этот новый вид оружия впервые в мире появился четверть века назад.

Гранатомет АГС-17 «Пламя»

Я. Г. Таубин – пионер создания автоматических авиапушек самого большого в мире калибра

В 1939 г. Таубин приступает к работе по созданию 23-миллиметровой авиационной пушки, с рассказа о триумфальном запуске которой в серийное производство и необычно быстром награждении ее авторов и ведущих специалистов ОКБ-16 в ноябре 1940 г. я и начал эту историю. О том, как шла работа над этой пушкой, никто не расскажет лучше, чем сами ее участники, дожившие до того времени, когда такой рассказ стал возможным (1987–1988 гг.). Это соратники Таубина – главные конструкторы, ведущие специалисты и ученые ОКБ-16, ставшие лауреатами Сталинской, Государственной и даже Ленинской премий.

А. Э. Нудельман:

«Опыт воздушных боев в Испании (1936 г.) показал слабость 7,62-мм пулеметов “ШКАС” при стрельбе по немецким самолетам новой конструкции. В это время уже проходила испытания созданная в 1930 г. 20-мм пушка “ШВАК” конструкции Шпитального – Владимирова. Но и в дальнейшем действие снаряда у цели в воздушном бою и при стрельбе по наземным целям необходимо было увеличивать. К началу 1938 г. по заказу ВВС промышленностью боеприпасов был разработан 23-мм патрон с высокой начальной скоростью (900 м/с) снаряда (0,2 кг) для самолетной пушки. Разработка авиационной пушки под этот патрон (мотор-пушки для истребителя) была поручена Таубину. Ведущим конструктором стал Бабурин, конструкторская группа состояла из Суранова, Грибкова, Нудельмана, Таубкина и др. ... Следуя опыту создания гранатомета, 23-мм пушку стали строить по схеме с длинным ходом ствола, с магазинной подачей патронов... Идеология подачи патрона в пушку была близка к обойменному питанию гранатомета... Необходимо было увеличить скорострельность до 600 выстр./мин. Достижение такой скорострельности стало возможно при значительном сокращении длины хода ствола» («Вопросы истории естествознания и техники». 1991. № 1. С. 92 – 103).

А. С. Суранов:

«Конструкцию зенитной малокалиберной пушки разрабатывали т.т. Рашков, Лебедев, А. Э. Нудельман (станок), Мушинский^[47] и др. Общее

руководство и заданность осуществлял Яков Григ. Таубин. Работа над зенитной пушкой шла параллельно с какими-то другими организациями, и она закончилась, когда была принята на снабжение какая-то другая конструкция... Работа над второй пушкой, которая имела индекс МП (мотор-пушка) продолжалась до самой войны. Ее 6-я модификация была принята к изготовлению и изготавливалась крупной серией (МП-6). За эту работу осенью 1940 года Яков Григ. Таубин и группа его сотрудников была награждена орденами и медалями^[48]» (Рукописная справка, написанная А. С. Сурановым 4.03.88 г. по просьбе дочери Я. Г. Таубина, подлинник на 3 страницах. Из личного архива Л. Я. Таубиной-Бессоновой. С. 2–3).

Исходя из того, что первой пушкой в тот период в ОКБ-16 считалась зенитная, можно предположить, что тематика автоматических пушек пришла к Таубину из ГАУ, с которым его ОКБ связывала многолетняя совместная работа по гранатомету. А уж потом появился новый заказчик – ГУ ВВС, заказавший вторую – авиационную мотор-пушку, устанавливавшуюся в развал двигателя истребителя и стреляющую через его полый вал.

П. П. Грибков:

«Пушка МП-3 была уже с коротким ходом ствола^[49] и темпом стрельбы 500–550. Впоследствии темп стрельбы был доведен до 600 выстрелов в минуту. Действительно, первые образцы пушек с длинным ходом ствола имели темп стрельбы 300, но ведь МП-3 была уже третьей моделью – с коротким ходом... Когда в конце августа или начале сентября (1940 г. – А. О.) Таубин срочно вызвал Бабурина в Москву, на заводе было сделано 15 пушек МП-3. По возвращению из Москвы на завод Бабурин рассказывал, что они были у Сталина, который потребовал поднять темп стрельбы до 600, считая, что пушка с темпом 500 выстрелов в минуту годится лишь для сухопутных войск... На заводе поднимали темп стрельбы путем лучшей отладки. Начальник цеха, где делали пушку, Василий Ефимович Сиберева предложил возвратную боевую пружину запирающего агрегата с большой жесткостью... Поэтому затвор стал приходить в переднее положение с большей скоростью... Пушка стала стрелять с темпом 600–610 выстрелов в минуту^[50]. Эта же пружина была поставлена и на МП-6. Темп 600 выстрелов в минуту по тому времени для такого мощного патрона 23 мм был очень высоким и таил в себе неприятности, которые никто не мог предвидеть, а тем более мы, молодые и неопытные

инженеры...» (П. П. Грибков. Рецензия на рукопись статьи А. Э. Нудельмана «Конструктор авиаавтоматического оружия Я. Г. Таубин». Машинопись, подлинник на 10 страницах. Из личного архива Л. Я. Таubiной-Бессоновой. С. 2–4).

В. Л. Таубкин:

«Я проработал в КБ, которое в довоенные годы возглавлял Я. Г. Таубин, несколько десятков лет, начиная с 1935 года, и поэтому в курсе истории создания пушки МП-6... Она прошла в 1940 году заводские и государственные испытания на полигоне ВВС с участием военных. Ответственным испытателем от полигона был офицер т. Гурьев. После этого она была поставлена на серийное производство на двух заводах. Тогда (а не авансом) Таубин и группа сотрудников были награждены орденами и медалями... Что касается усилия отдачи, то тогда этот параметр вообще не фигурировал ни в требованиях, ни в характеристике пушки» (В. Л. Таубкин. «Замечания к “Запискам наркома” Ванникова». 20 января 1988 г. Машинопись, подлинник на 5 страницах. Из личного архива Л. Я. Таubiной-Бессоновой. С. 1–2).

М. П. Бундин:

«В то время мне довелось работать ведущим инженером-конструктором в КБ Таубина. Вспоминаю... Однажды, перед началом войны, мы с механиком отрабатывали стрельбой в тире опытный крупнокалиберный авиационный пулемет конструкторского бюро Таубина. Неожиданно позвонил Яков Григорьевич и сказал, что приедет посмотреть пулемет при стрельбе. Вскоре он приехал вместе с генералом П. Рычаговым, уже бывшем тогда в составе командования ВВС страны. Осмотрели пулемет и произвели его отстрел. Стрельбу произвели в одну очередь, выпустив все 100 заложенные в ленту патроны. Отказов не было. Это говорит о том, что пулемет можно было доработать окончательно, что зависело не только от нашего КБ, но и от наркомата вооружения, но не осуществилось потом... (Одной из причин ареста Таубина считается то, что он не выполнил постановление Правительства по созданию крупнокалиберного авиационного пулемета 12,7 мм. А из рассказа Бундина следует, что уже до 9 апреля 1941 г., когда был снят Рычагов, пулемет безотказно стрелял. – А. О.)

Яков Григорьевич Таубин был талантливым конструктором и организатором, был настоящим изобретателем и смелым бойцом, отдавшим свою жизнь делу прогресса новой техники... К сожалению, в книге

“Оружие Победы”, вышедшей вторым изданием в 1987 году под общей редакцией В. Н. Новикова, не нашлось заслуженного места для фотографии Я. Г. Таубина и его большой роли в начальном становлении и развитии работ по созданию нового автоматического стрелково-пушечного оружия...» (М. П. Бундин. «Он был смелым бойцом». Подлинник, рукопись на 3 листах. Из личного архива Л. Я. Таубиной-Бессоновой. С. 2–3).

А вот как рассказывал в своих мемуарах «Записки наркома» (написаны в начале 60-х годов, изданы в 1988 г. в журнале «Знамя» № 1 [11]) о судьбе создания пушки МП-6 непосредственный начальник Таубина заместитель наркома вооружения с 1937 по 1939 г. и нарком вооружения с 1939 по 7 июня 1941 г. Б. Л. Ванников:

«Так получилось и с конструктором Таубиным, разрабатывавшим одну из конструкций 23-миллиметровой авиационной пушки. Его проект был оригинальным, содержал много хороших технических решений, да и продвинулся он в изготовлении опытных образцов дальше других. Словом, эта пушка была лучшей и могла своевременно обеспечить нашей боевой авиации большие преимущества...

Заводские испытания... выявили ряд конструктивных недочетов его пушки. Наиболее серьезно было то, что сила отдачи при стрельбе значительно превышала обещанную. Впрочем, сила отдачи вполне соответствовала калибру и мощности пушки, но выявилось несоответствие техническим условиям, предложенным самим Таубиным... Тогда он попробовал добиться, чтобы конструкцию приняли в таком виде, но, естественно, натолкнулся на сопротивление со стороны авиаконструкторов. Повышенная сила отдачи пушек, размещенных в крыльях, при одновременной стрельбе сбивала с курса легкие самолеты. К тому времени подоспели результаты испытания создававшихся тогда других авиационных пушек, и оказалось, что и у них сила отдачи превышала требуемую самолетостроителями. Тогда конструкторы, как вооруженцы, так и авиационные, вынуждены были признать, что подошли к этому вопросу легковесно. Стало ясно, что нужно либо отказаться от авиационных пушек, развивающих значительные силы отдачи, либо исходить из иных параметров в расчетах при конструировании самолетов. ... После очередного периода колебаний вновь было принято решение форсировать соответствующие работы (совершенно очевидно, что имеются в виду работы авиаконструкторов, а не по пушке. – А. О.).

Что касается Таубина, то он на одном из совещаний, отвечая на вопрос

Сталина, заявил, что добьется значительного снижения силы отдачи, хотя и в данном случае не имел твердых оснований для такого обещания. И. В. Сталин же, по-видимому, счел его ответ вполне обоснованным... Авиаконструкторы были недовольны, но не решились довести дело до конфликта с Таубиным, так как чувствовали и свою долю вины. Они предпочли усилить у мотора то место, к которому крепится пушка, и – по-видимому, даже без разрешения руководства наркомата авиационной промышленности – договорились об этом с авиазаводами. Хотя такое усиление не оказало никакого влияния на конструкцию мотора, а для установки пушки было весьма полезно, тем не менее оно нарушало установленный порядок, по которому изменения в утвержденные чертежи на продукцию, переданную в серийное производство, можно было вносить только с разрешения правительства.

Каким-то путем о нарушении узнал Сталин. А поскольку как раз тогда он настойчиво требовал соблюдения упомянутого порядка, то “самовольничанье” вызвало у него особенно острую реакцию... В 1941 году, за несколько месяцев до начала войны, Таубин тоже внес изменения в свою конструкцию и попросил установить новые сроки. А в наркомате вооружения, где уже потеряли надежду получить законченную пушку в ближайшее время, тогда уже был иной план: передать доводку конструкции Таубина заводским конструкторам и технологом, обладавшим высокой квалификацией и огромным опытом, для чего, пойдя на риск, принять ее в серийное производство до проведения окончательных испытаний...

Итак, мы передали судьбу 23-миллиметровой пушки в руки замечательного коллектива одного из самых мощных артиллерийских заводов. Там были хорошие конструкторы и технологи, прекрасное оборудование и отличная металлургическая база, поставлявшая лучшие стали и заготовки. Такое благоприятное сочетание возможностей обеспечивало быструю доводку и запуск пушки в серийное производство. Работы на заводе уже шли быстрыми темпами, как вдруг совершенно неожиданно для наркомата конструкция Таубина была объявлена вредительской, а сам он арестован» [11. С. 146–151].

Впервые же имя Таубина в печати было упомянуто в книге «Оружие Победы», вышедшей в 1987 г. [64] и рассказывающей о вкладе оборонной промышленности в Победу. Она написана авторским коллективом под редакцией В. Н. Новикова, бывшего в 1939–1941 гг. директором Ижевского оружейного завода, который выпускал авиационное вооружение, в том числе и разработанное ОКБ-16 (в последующем Новиков стал

заместителем наркома – заместителем министра вооружения, а в 1960–1962 и в 1965–1980 гг. заместителем председателя Совета Министров СССР):

«В конструкторском коллективе, руководимом Я. Г. Таубиным и М. Н. Бабуриным^[51], еще до войны в творческом соревновании с коллективом, создававшим пушку ВЯ, разрабатывалась 23-мм авиационная пушка МП-6...» [Там же. С. 291].

Интересно, что истории горькой судьбы 23-мм пушки в книге «Оружие Победы» предшествовал рассказ ее авторов о первой пушке ОКБ-16, принятой на вооружение в годы войны:

«...В грозном 1941 году родилась 37-мм пушка НС-37. Ее разработали А. Э. Нудельман, А. С. Суранов, Г. А. Жирных, В. Я. Неменов, С. Г. Лунин, М. П. Бундин. При создании этой пушки был использован большой опыт и много материала по разработке пушки МП-6, которая еще до войны создавалась в том же конструкторском коллективе под руководством Я. Г. Таубина и М. Н. Бабурина при участии А. Э. Нудельмана» [64. С. 294]^[52].

Из приведенных выше рассказов непосредственных участников работ по созданию лучшей в мире для своего времени авиапушки становится совершенно очевидным, что МП-6 (затем ПТБ-23) была первой авиапушкой такого большого калибра. Она успешно выдержала все испытания (стоит отметить, что по той же схеме были разработаны еще две пушки – 23-миллиметровая противотанково-зенитная пехотная и такого же калибра танковая системы Таубина – Бабурина). Иначе руководство страны никогда не запустило бы ее в серийное производство, да еще поручив Таубину Постановлением СНК и ЦК от 4 октября 1940 г. сразу две работы – «сконструировать 37 мм авиационную пушку... и подать на испытания не позже 25 декабря с. г.» и «сконструировать и подать не позже 25 декабря с. г. на полигонные испытания 12,7 мм пулемет». Кстати, из этого следует, что разработка 37-миллиметровой пушки (11-П) началась не 17 мая 1941 г. (то есть на следующий день после ареста Таубина и Бабурина) под руководством Нудельмана, как, к сожалению, были вынуждены написать в своих воспоминаниях сам Нудельман и некоторые другие участники этой работы, а намного раньше, и под техническим руководством Таубина и Бабурина^[53]. А с 17 мая 1941 г. и до принятия ее в серийное производство 30 декабря 1942 г. продолжалась работа над ней же, но уже под

руководством Нудельмана и Суранова и уже под другим названием – 11-П. Слабо верится, чтобы на пушку, которую по решению правительства должны были еще 25 декабря 1940 г. подать на испытания, техпроект начали делать только на следующий день после ареста Таубина и Бабурина и представили уже через месяц – к 16 июня 1941 г., а еще через месяц (27 июля) был готов первый опытный образец пушки. Имеется письмо Шахурина заместителю начальника ГУ ВВС Жигареву № 204763 от 17 апреля 1941 г., из которого следует, что 37-миллиметровая пушка Таубина, поданная для установки в серийном самолете ЛаГГ-3, в него не помещается, так как не увязана с его мотором М-105П. Значит, в это время пушка уже существовала «в металле»^[54]. В указываемые Нудельманом короткие сроки лишь переделали документацию на 37-миллиметровую пушку, исключив имена ее создателей, объявленных «врагами народа». А дальше, как всегда, пошли испытания и устранения выявленных недостатков. Это процесс неизбежный, и тут нет вопросов. Вопрос в другом: почему устранение недостатков пушки начали с ликвидации ее создателей?

Арест. За что?

16 мая 1941 г., то есть через полгода после объявления в кабинете вождя о небывалом успехе Я. Г. Таубина и М. Н. Бабурина, они были арестованы. Таубин обвинялся в «участии в антисоветском заговоре», в «консервировании недоработанных образцов вооружения и в запуске в валовое производство технически несовершенных систем: 23-миллиметровой авиапушки, 12,7-мм пулемета и других», и даже в «создании вражеской пушки». Эти обороты привел в своей единственной публикации об отце в газете «Калининградская правда» (г. Королев) сын Я. Г. Таубина Григорий Таубин, который был ознакомлен с делом своего отца, откуда и взял все вышеуказанные пункты его обвинения^[55].

Нельзя не обратить внимания на то, что арест Таубина и Бабурина произошел на следующий день после того, как в Москве приземлился немецкий транспортный самолет Ю-52, доставивший вождю письмо от фюрера, в котором среди прочего Гитлер дал свои объяснения по поводу появления Гесса в Англии^[56].

Этот его «перелет» ставил под угрозу стратегический план Сталина по вступлению СССР в войну, первым этапом которого, на мой взгляд, должна была стать согласованная им с фюрером операция, условно названная мной «Великой транспортной операцией». Суть этой операции, в ходе которой советские войска должны были перебрасываться через Польшу и Германию к Ла-Маншу, а немецкие – через СССР в Ирак, изложена в первой и второй книгах моей трилогии (см. [63. С. 45–46, 415] и [62. С. 16–18]). К тому же советская разведка, скорее всего, успела доложить Сталину, что Рудольф Гесс осуществил свой перелет из Аугсбурга (где находился завод и аэродром Мессершмитта) в Англию на истребителе Ме-110, на котором к тому времени уже могла быть установлена пушка Таубина – Бабурина ПТБ-23. Замаячила угроза тяжелых объяснений по этому поводу с Черчиллем. Поэтому Сталин вполне мог в день получения письма от фюрера дать команду арестовать Таубина и Бабурина «на всякий случай», чтобы были конкретные люди, на которых этот «казус» можно будет «списать».

В приведенной выше рецензии, а фактически в своих воспоминаниях о Таубине (1988 г.) П. Грибков утверждает, что 14 мая 1941 г. Таубин участвовал в совещании в ЦК у Маленкова^[57], а на следующий день он был арестован. Вероятно, Грибков ошибся на один день. По записям в

«Кремлевском журнале» Маленков после пятидневного перерыва был на приеме у Сталина трижды – 14, 15 и 17 мая (16 мая приема вообще не было). 14 мая Маленков участвовал в часовом совещании, на котором присутствовали Молотов, Берия, Вышинский, Жданов и нарком авиапромышленности Шахурин. Похоже, что 15 мая было принято решение об аресте Таубина и дано указание об этом Меркулову, а 17 мая во время 45-минутного совещания Сталина с Молотовым, Маленковым, Шахуриным и конструкторами Савиным и Норовым^[58] в кабинет вождя на пять минут зашел Меркулов и доложил о его выполнении. Одновременно было решено снять с производства пушки МП-6, ПТБ-23, 37-миллиметровую пушку и пулемет калибра 12,7 мм, а также убрать со всех разработок имена их создателей Таубина и Бабурина.

Первым был арестован Таубин (видимо, как руководитель ОКБ и участник поездки в Берлин), вслед за ним Бабурин, о чем свидетельствуют номера ордеров НКГБ от 16 мая 1941 г.: у Таубина – № 189, а у Бабурина – № 194. Эти номера указаны в протоколах и актах обыска от того же числа, сохранившихся в семьях арестованных (их под расписку выдали женам). Соавторы жили в одном доме в Большом Спасоболвановском переулке. Таубины – в квартире № 12, а Бабурины – этажом ниже в квартире № 7. А обыски проводились разными сотрудниками Третьего отдела НКГБ: у Таубина – «Назаровым и Чутыриным в присутствии понятого дворника Анны (нрзб) и жены арестованного Таубиной Клавдии Леонидовны», а у Бабурина – «Антроповым и Гороховым в присутствии понятого управдома тов. Гаврилова В. А. и жены ар-го Бабуриной Александры Ивановны». В обоих случаях собрали документы и вещи – «имущество, лично принадлежащее арестованному», перенесли в отдельную комнату по составленной описи, заперли и опечатали, отдав ключ жене «до особого распоряжения НКГБ СССР».

Так за что же арестовали людей, которые денно и нощно занимались только новыми авиационными пушками, подобных которым не было в мире, вот уже второй год охваченном войной? Вот что говорится по этому поводу в статье Григория Таубина «Рассказ об отце», напечатанной 4 августа 2005 г. в упомянутой выше газете «Калининградская правда»:

«Из заключения к следственному делу № 2540 по обвинению Таубина Якова Григорьевича, подписанного заместителем наркома внутренних дел Кобуловым: “В НКВД СССР поступили данные о том, что начальник ОКБ-16 Наркомата вооружения Таубин Я. Г. является участником антисоветского военного заговора и проводит активную вражескую работу.

На этом основании Таубин Я. Г. 16 мая 1941 года был арестован”. Далее шли стандартные в подобных случаях перечисления: кем был вовлечен в антисоветскую организацию, проводившую подрывную работу в целях реставрации капитализма в стране, кого вовлек в заговор сам. А затем конкретные обвинения: “Являясь начальником Особого конструкторского бюро Наркомата вооружения, Таубин принимал активное участие в консервировании недоработанных образцов вооружения и в запуске в валовое производство технически несовершенных систем: 23-миллиметровой авиапушки, 12,7-мм пулемета и других («другие» – это 37-миллиметровая пушка! – А. О.). В предъявленном обвинении Таубин виновным себя признал, но впоследствии от своих показаний отказался”».

Перечислим и другие возможные причины ареста и расстрела Таубина:

1. Он создал пушку с гораздо большей отдачей, чем было предусмотрено в техническом задании на нее, поэтому авиаконструкторы не смогли установить ее на свои самолеты (по крайней мере, так утверждал в то время Ильюшин).

Это не соответствует действительности. Во-первых, сила отдачи в техническом задании на пушку не оговаривалась, во-вторых, ее в то время просто не могли замерить, в-третьих, в других пушках отдача оказалась еще больше.

2. Он пообещал Сталину снизить силу отдачи, но свое обещание не сдержал.

Таубин пообещал сделать все, что можно, был придуман вариант усиления мотора самолета для крепления на нем мотор-пушки, но изменить третий закон Ньютона («действие равно противодействию» и т. д.) он был не в состоянии. Кстати, принятая на короткое время на вооружение штурмовика Ил-2 вместо ПТБ-23 пушка ВЯ имела гораздо большую отдачу.

3. Он не сумел сделать порученный правительством пулемет 12,7 мм, хотя под него уже начали строить завод.

Разработка пулемета 12,7 мм была поручена Таубину 4 октября 1940 г., его опытные образцы были созданы и успешно отстреливались в тире (см. выше воспоминания Бундина), Таубина же почему-то арестовали до срока, установленного для окончательного предъявления пулемета на государственные испытания.

4. Главная неудача Таубина была в том, что при серийном изготовлении пушек МП-6 металл почему-то был заменен менее качественным, из-за чего его детали выходили из строя, и требования по надежности и долговечности пушки не были выполнены.

Такое объяснение было тогда в ходу в Наркомате вооружения и в ОКБ-16. Замена материала в серии обычно осуществляется по инициативе завода с целью снизить себестоимость изготовления, конструктор почти всегда против. Значит, это либо было сделано заводом и наркоматом без согласия Таубина, либо являлось провокацией с целью создать повод для его ареста, либо просто выдумкой для объяснения ареста.

5. «За несколько месяцев до начала войны Таубин тоже внес изменения в свою конструкцию и попросил установить новые сроки», чем нарушил «установленный порядок, по которому изменения в утвержденные чертежи на продукцию, переданную в серийное производство, можно было вносить только с разрешения правительства» (по словам Ванникова).

Таубин и Бабурин не берегли «свою шкуру», а создавали лучшее оружие для защиты Родины. А их за это арестовали.

6. «Затевался новый грандиозный “процесс военных”» (статья А. Ваксберга, «Тайна 28 октября 1941-го» [12]).

Меньше всего Сталин хотел публичного обсуждения арестов военных – перед лицом грядущей войны это выглядело бы полным идиотизмом, а в условиях начавшейся войны – безумием и вызвало бы панику. Поэтому ни единого сообщения о произведенных арестах военных в печати в то время не было и быть не могло.

7. На Таубина поступил донос. «Более обоснованной представляется версия, что донос написан кем-то из своих, кому уход Таубина был больше всего на руку», – предполагает А. Широкоград в упоминавшейся выше статье в журнале «Популярная механика».

Подобные доносы в те времена, конечно, случались нередко, но в данном случае такой вариант весьма сомнителен. Ведущих специалистов для своего небольшого ОКБ Таубин подбирал лично, большинство из них были его давние знакомые – однокурсники и земляки. Потому обычные для сталинских репрессий «круги по воде» в виде арестов наверняка не миновали бы и автора доноса. А в ОКБ-16, кроме Таубина и Бабурина, не тронули ни единого человека.

8. Таубина арестовали якобы за то, что однажды, выйдя из кабинета вождя, он грубо выругался в его адрес.

Во-первых, согласно «Кремлевскому журналу» он всего три раза был в кабинете вождя за годы работы и каждое посещение было для него большим событием. Во-вторых, за годы работы Таубина руководителем, а это был период разгула репрессий 30-х годов, он не мог не знать о многочисленных случаях ареста людей и за куда более невинные высказывания в адрес власти и вождя, поэтому маловероятно, чтобы мог

позволить себе такое. Кроме того, он был интеллигентным человеком.

9. Таубину могли поставить в вину и то, что он не был членом партии, что в 30-х годах его поддерживал и помог создать КБ «враг народа» Тухачевский, и даже то, что он был женат на бывшей сотруднице секретариата Тухачевского.

10. Таубину мог отомстить первый муж его жены Клавдии Леонидовны – кадровый чекист – за то, что тот «увел» у него жену. О возможности такого варианта мне рассказала дочь Таубина Лариса Яковлевна со слов своего единоутробного брата Юрия, который был сыном этого чекиста.

Семья Таубиных. Ноябрь 1940 г. Через 5 месяцев появится Лариса.

Я. Г. Таубин с сыном Гришей незадолго до ареста

Дочь отвечает за отца

Опознав Таубина на снимках, сделанных во время приема в честь Молотова в Берлине 12 ноября 1940 г., я решил разыскать его дочь, опубликовавшую материал о своем отце в журнале «Известия ЦК КПСС» № 6 за 1990 г. Узнав номер ее телефона, я позвонил ей и сказал, что у меня есть берлинские фото ее отца, отпечатанные с кинокадров. Она сразу же заявила, что ее отец никогда не был в Берлине, но я предложил ей все-таки взглянуть на эти снимки.

Когда мы встретились, она долго рассматривала их и признала, что, как ни странно, но, скорее всего, это ее отец, хотя и выглядит на фото старше своих сорока лет. Потом рассказала о своей семье. У Таubiных было трое детей – дочь Неля (1934–2009), сын Григорий, родившийся в 1936 г., и дочь Лариса, которая родилась в апреле 1941 г. Они жили всемером (с ними жили также Юрий 1921 г. рождения – сын Клавдии Леонидовны от первого брака и ее мать Прасковья Матвеевна) в четырехкомнатной квартире в доме в Староболвановском переулке (ныне 1-й Новокузнецкий). Три этажа этого дома Таубин надстроил хозспособом для жилья сотрудников своего ОКБ, добившись разрешения на это властей.

В доме жили многие ведущие работники ОКБ: Бабурин, Нудельман, Бергольцев, Грибков. После ареста Таубина и Бабурина их семьи из квартир почему-то не выселили (возможно, благодаря незримой поддержке А. Э. Нудельмана, бессменного начальника ОКБ-16 с 1943 по 1986 г.).

Таубины очень дружили с Бабуриными. Когда началась война, обе семьи уехали в эвакуацию в Северный Казахстан в город Уральск, где жила родня жены Таубина Клавдии Леонидовны (она происходила из яицких казаков), а в 1944 г. вместе вернулись. Арестованное при обысках «личное имущество» семьям конечно же не вернули. У Таубиных отобрали две комнаты, в них поселился со своей семьей работник НКВД. Его жена однажды на кухне сказала Клавдии Леонидовне: «Ты своего все ждешь, а зря – его ведь мой собственноручно расстрелял». Так это прозвучало или не совсем так, но только после этого Таубины жить с ними не смогли, разменялись и переехали в другое место.

Отобрали после возвращения две комнаты из трех и у Бабуриных. Семья Таубиных жила очень трудно на скромный заработок матери, которая не могла оставлять дома без присмотра троих маленьких детей и потому брала работу на дом, в основном стирала белье. По возвращении из

эвакуации стали сдавать одну из двух оставленных семье комнат. Александру Ивановну Бабурину как жену репрессированного на работу долго не брали, потом удавалось устроиться только на самую низкооплачиваемую – учетчицей и диспетчером на автобазе и т. п. Только после реабилитации мужа она стала работать плановиком-экономистом в конторе научного оборудования АН СССР. А Клавдия Леонидовна Таубина стала работать в отделе кадров треста «Мосгео».

Писем от Якова Григорьевича Таубины не получали – им объяснили, что он осужден без права переписки, а что это означает, тогда еще не знали. Жена много раз пыталась разузнать что-то о нем, ей всегда отвечали: «жив, здоров, работает». Как выяснилось позже, были работники ОКБ, не верившие в то, что их неутомимый начальник «враг народа». Один из них, замечательный человек и механик от бога – Борис Исаков, после ареста Таубина много раз ходил в райком (он был членом партии), доказывая, что арест их начальника – ошибка. (В 1943 г. Б. Исаков стал одним из первых, если не первым, рабочим страны – лауреатом Сталинской премии. В том же году он погиб на испытаниях одной из пушек.)

Бабурин имел право переписки (одно письмо в год!), но семья получила всего два или три его письма. Пока шло «следствие», жена носила для него передачи в Бутырку, потом отправляла посылки. Порядочные люди встречались и в те суровые времена – в семье Бабуриных сохранилась копия ходатайства-поручительства его друга начальника ОКБ ГАУ инженер-полковника Георгия Хрисанфова и двух инженер-полковников, его коллег, – Агаева и Соловьева (см. с. 326).

Таубин же канул в неизвестность сразу и навсегда...

Лариса Яковлевна Бессонова-Таубина с портретом отца. Август

2010 г. Фото автора

Лариса Таубина в первые послевоенные годы

В 1958 г. после окончания школы Лариса Таубина устроилась на работу в ОКБ-16 (опять же при поддержке Нудельмана, будь он против, ее бы и на порог оборонного предприятия не пустили) и проработала там пять лет, одновременно учась на вечернем факультете МГУ. В январе 1959 г. в ОКБ-16 пришел, демобилизовавшись после срочной службы в армии, и начал работать слесарем в сборочном цехе Григорий Таубин. Окончив вечернее отделение МИЭМ, он прошел путь до старшего инженера, проработав на предприятии, созданном его отцом, до 1969 г. Так оказалось, что дети Таубина долгие годы не только жили в одном доме, но и работали вместе с людьми, многие из которых прекрасно знали, помнили и даже любили Якова Григорьевича.

Из их рассказов перед ними возникал новый образ отца – не зэка, сломавшего судьбу семьи, а смелого человека, орденоносца, патриота, талантливого и страстного изобретателя, мудрого и справедливого руководителя. Человека, который всегда думал только о работе и о людях, ее выполняющих, – он даже придумал и ввел в ОКБ свою собственную

систему премирования за результаты труда. Правда, все это им рассказывали как-то аккуратно и почему-то вполголоса.

К этому времени Таубин уже был реабилитирован, и стало известно, как сложилась его судьба. В постановлении Генеральной прокуратуры СССР от 20 декабря 1955 г. о реабилитации была наконец сказана правда: «28 октября 1941 года арестованный Таубин был расстрелян без суда и следствия по преступному предписанию Берии. Позднее в 1942 году задним числом Кобуловым, Влодзимирским и Родосом было сфальсифицировано заключение о необходимости расстрела Таубина, в котором ложно утверждалось, что предъявленные ему обвинения по статьям 58-1А, 58-7, 58-11 УК РСФСР доказаны».

Несмотря на это, более чем за 45 лет (в том числе за 32 года после его реабилитации) о Таубине не было ни написано, ни сказано ни слова, хотя созданное им предприятие процветало и его бывшие соратники и подчиненные становились неоднократными лауреатами Сталинских, Государственных и даже Ленинской премий и награждались самыми высокими орденами почти за каждое принятое на вооружение новое изделие.

Лариса за эти годы окончила МГУ и целевую аспирантуру при нем, защитила кандидатскую диссертацию, стала преподавателем Московского энергетического института, вышла замуж, родила дочь, получила отдельную квартиру (опять же помог Нудельман). Переехала в отдельную квартиру и семья Бабурина (не без его же помощи).

Лариса Таубина в юности

Впервые имя Таубина было упомянуто, как сказано выше, во втором издании книги «Оружие Победы» (1987), членом авторского коллектива которой был и Нудельман. Но действительно только упомянуто, а о его роли в создании ОКБ-16, а также о заслугах Таубина и Бабурина в создании 23– и 37-миллиметровых пушек, участвовавших в войне, не сказано ни слова. В книге не оказалось и фотографии Таубина, хотя помещены фотографии всех заметных сотрудников ОКБ-16 того периода, в том числе лучших рабочих. И фотография Бабурина там была. Даже столь скудные свидетельства очень обрадовали членов семей изобретателей-соавторов – значит, вклад их отцов в создание оружия Победы все же был, хотя Таубины, конечно, расстроились, не увидев в книге фотографии Якова Григорьевича. К тому же в газете «Социалистическая индустрия» за 8 и 9 и 11 сентября 1987 г. Таубины и Бабурины прочитали отрывки из готовящейся к печати книги мемуаров В. Н. Новикова, который перед войной был директором оружейного завода, изготавливавшего таубинский пулемет. В этом отрывке Таубин и Бабуринов даже не упоминались.

Лариса Яковлевна решила восстановить справедливость при издании книги Новикова и для этого встретила с ним. Вот ее рассказ об этой встрече:

«Я раздобыла телефон Новикова и позвонила ему. Сказала, что раньше я работала в ОКБ-16 и жила в их доме, многих знаю, поэтому могу уточнить важные детали по истории ОКБ. Он пригласил меня приехать к нему домой. Мы часа три беседовали в холле его квартиры. Новиков даже дал мне прочитать из своей книги текст об освоении перед войной большим оружейным заводом, на котором он был директором, 12,7-миллиметрового авиационного пулемета разработки ОКБ-16. В нем говорилось, что создатель этого пулемета (без указания фамилии) был очень талантливым инженером, но одновременно вел слишком много разработок, что мешало делу. По его словам, в процессе изготовления пулемет регулярно “отстреливали” в заводском тире, но вновь и вновь он отказывал, обрывая очередь. Несколько раз Новиков звонил конструктору (то есть моему отцу) в Москву и просил приехать, чтобы разобраться на месте. Он же отвечал, что перегружен другими работами и никак не ехал. Тогда Новиков сам приехал в Москву и пришел к нему в кабинет, обеспечив доставку туда и двух постоянно отказывавших пулеметов (как потом выяснилось – из пяти, сделанных к тому времени заводом. – А. О.). Долго разбирались с причиной отказов, наконец конструктор согласился с тем, что пулемет нуждается в доработке и даже написал это на бумаге. И

расписался. Этим он сам подписал себе приговор».

В вышедшей в 1988 г. книге Новикова «Накануне и в дни испытаний» это изложено так:

«Вместе (с Таубиным. – А. О.) мы написали записку наркому, в которой изложили создавшуюся ситуацию. Получалась, конечно, какая-то ерунда: с одной стороны, завод должен изготовить новую партию пулеметов в течение двух-трех месяцев, с другой – нет еще готового пулемета. В записке Таубин обещал довести пулемет за четыре месяца, а завод – через такое же время изготовить его. Записку Таубин подписал, а я сказал, что доложу все Ванникову» (Новиков В. Н. Накануне и в дни испытаний. М.: Политиздат, 1988. С. 45).

Это – в книге, а в разговоре с Ларисой Яковлевной (по ее словам) в этом месте Новиков хлопнул в ладоши и сказал:

«А я не будь дурак: с этой распиской – прямо к “усатому”!^[59] В результате пулемет с серийного производства сняли! Сняли и конструктора. Его потом, кажется, расстреляли, а при Хрущеве вроде бы реабилитировали.

– Да, – сказала я. – Его реабилитировали. В 55-м. 20 декабря.

– А вы-то откуда знаете? – удивился Новиков.

– Так уж вышло – я ведь дочь Якова Григорьевича Таубина. Так зовут этого конструктора.

Он сделал вид, что крайне удивлен, хотя, скорее всего, отлично знал об этом.

– Имя отца должно быть в вашей книге. И еще одно имя – Михаил Никитович Бабурин. Это его соавтор.

– Бабурина я никогда не видел, – сказал он. – Так для чего вы мне звонили?

– Я хочу, чтобы в вашей книге ОКБ-16 было описано правильно и названо все своими именами, и могу вам в этом помочь материалами от ветеранов.

– Боюсь, что не успеете – книга выходит вот-вот.

– И все же я попробую, – сказала я, и мы распрощались.

Поздно вечером мне позвонил Нудельман (он тогда уже второй год не был руководителем ОКБ, а работал консультантом в министерстве). Очень удивлялся, почему я поехала к Новикову, не побывав у него. Услышав о

том, что я хочу собрать справки с воспоминаниями видных ветеранов ОКБ о предвоенном периоде и о роли моего отца и передать их Новикову, предложил начать с себя и пригласил приехать к нему домой.

Александр Эммануилович Нудельман

Когда я приехала, у него уже была готова страничка – и рукописная, и напечатанная на машинке, подписанная им 27 сентября 1987 года. Прямо от него я поехала в ОКБ и затем еще несколько дней ездила туда, где мне дали свои подписанные справки с воспоминаниями об отце его соратники – такие “киты” ОКБ, как Суранов, Грибков, Таубкин, Жирных, Бундин^[60] (двое последних болели, и мне пришлось ехать за справками к ним домой). Скомплектовав подборку из всех этих справок (по одному подписанному авторами экземпляру и рукописные черновики я оставила у себя), я снова приехала к дому, в котором жил Новиков, и опустила их в его почтовый ящик – видеться с ним не хотелось.

В тот же вечер он позвонил мне по телефону. “Что они там – с ума посходили ваши мужики?! – рокотала трубка. – Чего они его так расписывают, чего добиваются? Ну, ничего, скоро выйдет еще одна книга, там о вашем отце сказано гораздо хуже, чем у меня!” – “Вы что имеете в виду – “Записки наркома”? – удивилась я. – А я слышала ото всех, что Ванников очень хорошо относился к отцу”.

Весной 1988 года книга Новикова вышла. В набор же она была сдана 29 октября 1987 года – через месяц после нашей встречи. Об отце он там упомянул и ничего плохого не сказал, впрочем, как и хорошего. Но зато о пушке Таубина – Бабурина МП-6 был вынужден сказать очень много – он

ведь не мог проигнорировать такой серьезный материал, против его воли оказавшийся у него в виде комплекта справок самых заслуженных ветеранов ОКБ-16. Так что мы оба успели – я собрать и привезти справки-воспоминания, а Новиков – в последний момент включить их мнение о 23-мм пушке в свою книгу. Однако название “ПТБ-23” он даже не упомянул».

Вот лишь кусочки текста из этой книги:

«В конструкторском коллективе, руководимом Я. Г. Таубиным и М. Н. Бабуриным, еще до войны в творческом соревновании с коллективом, создавшим пушку ВЯ, разрабатывалась 23-мм авиационная пушка МП-6. Эта пушка первой в отечественном производстве имела автоматику на коротком ходе ствола и была всесторонне испытана. Созданная с учетом перспективной технологии, пушка МП-6 была в ноябре 1940 года поставлена на серийное производство на двух заводах. Однако эта пушка, принятая в ноябре 1940 года на вооружение, в мае 1941 года с производства была снята в основном из-за недостаточной живучести. Но годы, ушедшие на создание этой пушки, не прошли напрасно...» [64. С. 291].

«Разработка и испытания пушки МП-6 позволили выбрать надежную схему и наметить новые конструктивные решения при создании мощной пушки НС-37» [Там же. С. 296].

«Пушка МП-6 была меньше пушки ВЯ по массе и габаритам, удобна для установки в развале двигателя самолета, и потому предполагалось применять ее, в отличие от пушки ВЯ, также и на истребителях. Пушка была хорошо отработана технологически, автоматика ее работала надежно. К концу 1940 года пушка МП-6 была переведена на непрерывное звеньевое питание вместо магазинного. Механизм такой конструкции (прямая подача патрона при одновременном съеме звена) специально был разработан для этой пушки А. Э. Нудельманом. С этим новым видом питания пушка испытывалась на истребителях ИП-21 (М. М. Пашинина), ЛаГГ-3 (первые летные экспериментальные испытания пушки проводились на закупленном в Германии “Мессершмитте-110”) и на штурмовике Ил-2. Испытания самолета ИП-21, на котором пушка МП-6 со звеньевым питанием впервые проходила летные испытания, и пушечной установки были успешными... Работа по созданию пушки МП-6 внесла большой вклад в отечественную артиллерийскую технику» [Там же. С. 294–296].

Опять ни слова о ПТБ-23. Она не упомянута и в редактировавшихся Новиковым книгах.

Чуть раньше вышли мемуары наркома вооружения Б. Л. Ванникова (1988 г.), где он, пытаясь как-то объяснить причину ареста выдающегося конструктора автоматического оружия перед самой войной и его расстрел без суда, пишет и о «завышенных обязательствах» Таубина, и о нарушении им установленного вождем порядка внесения изменений в чертежи, и о его неуравновешенности, даже легкомыслии. Правда, тут же сам все это опровергает, и по частностям, и в целом, назвав Таубина «безусловно, талантливым конструктором, автором прекрасного... лучшего в то время проекта мощной авиационной пушки» [11. С. 149].

Ветераны ОКБ-16 рассказали Ларисе Яковлевне, что в первом издании книги Нудельмана «Пушки для боевых самолетов» (1983), где излагалась история созданного Таубиным предприятия и направления по разработке авиапушек, имя Таубина вообще не упоминалось. Во втором издании этой книги (1988), его фамилия несколько раз была упомянута в связи с ОКБ-16 и даже была помещена одна его фотография, а под ней целых восемь строк [61] на странице 21. Но зато какую гордость за отца испытала семья! И хотя там ничего не говорилось о его с Бабуриным пушках и упоминался лишь созданный им гранатомет (причем зачем-то подчеркивалось, что, к сожалению, он так и не был принят на вооружение), зато впервые указывалось, что Я. Г. Таубин «был изобретателем первого в мире пехотного гранатомета». В третьем же ее издании (1993) ему посвящена целая глава.

«Тайна октября 1941-го»

Опубликованная 20 апреля 1988 г. в «Литературной газете» статья А. Ваксберга «Тайна октября 1941-го» поистине стала поворотным моментом в посмертной судьбе Якова Григорьевича.

Из этой статьи очень популярной в те годы газеты всем наконец стало известно, когда и как погиб Я. Г. Таубин. А его семья, знавшая об этом еще с 1955 г. из справки о реабилитации, узнала из нее, вместе с кем 28 октября 1941 г. их отец и муж был расстрелян без суда и следствия по личному указанию (№ 2756/Б от 18 октября 1941 г.) наркома НКВД и члена ГКО Берии в пос. Барбыш под Куйбышевым в группе из 20 человек и каким мучениям подвергались эти люди во время допросов.

Оказалось, что в эту группу входили очень известные в стране военачальники: два генерал-полковника и четыре генерал-лейтенанта; пять Героев Советского Союза, в том числе один дважды Герой. Да и остальные были тогда людьми заметными, занимавшими в разное время весьма высокие должности. Среди них оказалось девять генералов, четверо из которых были заместителями наркома обороны, трое – в разное время начальниками ГУ ВВС (по нынешним понятиям, это – Главком ВВС), один – начальником ПВО страны, двое – командующими военными округами, один – помощником начальника Генштаба, один – начальником штаба ВВС, двое – приравненными к генеральскому званию – дивизионный инженер и бригадный инженер, двое – заместителями начальника Управления наркоматов. Кроме того, среди расстрелянных тогда были: начальник военной академии, генерал-адъютант замнаркома обороны по вооружению, а также гражданские лица: первый секретарь ЦК союзной республики и первый секретарь обкома партии, два замнаркома, два директора НИИ и один начальник ОКБ – главный конструктор оружия. Двое были членами ЦК и четверо – кандидатами в члены ЦК. Шестеро – депутатами Верховного Совета СССР (имевшими депутатскую неприкосновенность).

СОВ. СЕКРЕТНО

374

СОТРУДНИКИ ОСОБЫХ ПОСТУПЛЕНИЙ СИНДРИУМ
НАД СССР
Ст. лейтенанту государственности
тов. СЕРГЕЕВУ И.О.

С получением сего предлагается Вам выехать в гор.
Куйбышев и привести в исполнение приговор - выстрел
по приказанию (расстрелять) в отношении следующих за-
ключенных:

- ✓ 1. ШЕРНА Григория Михайловича,
- ✓ 2. ДОБЫНОВА Александра Дмитриевича,
- ✓ 3. СЛАДКОВИЧА Якова Владимировича,
- ✓ 4. САВЧЕНКО Георгия Космича,
- ✓ 5. РАЧАГОВА Павла Васильевича,
- ✓ 6. САКРИБЕР Якова Саломоновича,
- ✓ 7. ЗАСОСОВ Якова Ивановича,
- ✓ 8. ЗОЛДОДИНА Павла Семеновича,
- ✓ 9. ПРОСКОТОВА Якова Ивановича,
- ✓ 10. СЕВЕРЯКОВА Степана Осиповича,
- ✓ 11. АРЖЕНТИНА Федора Константиновича,
- ✓ 12. НАВЕРОВА Матвея Максимовича,
- ✓ 13. СОБОРОВА Михаила Николаевича,
- ✓ 14. ТАВРИНА Якова Григорьевича,
- ✓ 15. РОЗОВА Давида Ароновича,
- ✓ 16. РОЗОВИЧЕГОРОДСКОГО Зинаиды Петровны,

- ✓ 17. ГОЛОДКИНА Феликса Иосифовича,
- ✓ 18. БУЛАТОВА Дмитрия Александровича,
- ✓ 19. НЕСТЕРЕНКО Марии Петровны,
- ✓ 20. ФИБИХА Александра Ивановича,
- ✓ 21. ВАЙНШТЕЙН Самуила Герцовича,
- ✓ 22. БЕЛАКОВА Ивана Ивановича,
- ✓ 23. СЕВЕРБЕРГ Ашхи (Хан) Яковлевича,
- ✓ 24. ДУНАЕВСКОГО Евгения Викторовича,
- ✓ 25. КИЗЛОВА Михаила Сергеевича,

Об исполнении довести.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР Внутренних дел СССР
Генеральный Комиссар Государственной Безопасности

Л. Берия
(Л. БЕРИЯ)

Справочник
Зем. Н. К. К. м. Меркулов
приказан приговорен
к расстрелу
у всех присутствующих
документы
12/10-48, 20

Распоряжение Берии о расстреле 25-ти

Вот их полный список в том же порядке, как в расстрельном документе:

1. Штерн Григорий Михайлович, генерал-полковник, начальник ГУ ПВО НКО

2. Локтионов Александр Дмитриевич, генерал-полковник, с июня 1940 года командующий ПриОВО, а с 29 ноября 1940 по 19 июня 1941 года «в распоряжении НКО»

3. Смушкевич Яков Владимирович, генерал-лейтенант авиации, помощник начальника Генерального штаба по авиации

4. Савченко Георгий Косьмич, генерал-майор артиллерии, заместитель начальника ГАУ

5. Рычагов Павел Васильевич, генерал-лейтенант авиации, заместитель наркома обороны по авиации, начальник ГУ ВВС

6. Сакриер Иван Филимонович, дивизионный инженер, зам. начальника Главного управления авиационного снабжения (иногда указывается как начальник ГУ АС)

7. Засосов Иван Иванович, полковник, заместитель председателя Арткомитета ГАУ

8. Володин Павел Семенович, генерал-майор авиации, начальник штаба ВВС

9. Проскуров Иван Иосифович, генерал-лейтенант авиации, заместитель начальника ГУ ВВС, начальник Управления дальнебомбардировочной авиации ВВС (в 1939–1940 гг. замнаркома обороны, начальник Разведывательного управления)

10. Склизков Степан Осипович, бригадный инженер, начальник Управления стрелкового вооружения ГАУ

11. Арженухин Федор Константинович, генерал-лейтенант авиации, начальник Военной академии командного и штурманского состава ВВС

12. Каюков Матвей Максимович, генерал-майор технических войск, генерал-адъютант заместителя наркома обороны по вооружению маршала Кулика

13. Соборнов Михаил Николаевич, военинженер 1-го ранга, начальник опытного отдела Технического совета Наркомата вооружения

14. Таубин Яков Григорьевич, конструктор стрелково-пушечного вооружения, начальник Особого конструкторского бюро № 16 Наркомата вооружения

Далее список продолжают гражданские лица:

- 15. Розов** Давид Аронович, заместитель наркома торговли СССР
- 16. Розова-Егорова** Зинаида Петровна, студентка Института иностранных языков, жена Давида Розова
- 17. Голощекин** Филипп Исаевич, Главный арбитр при СНК СССР
- 18. Булатов** Дмитрий Александрович, первый секретарь Омского обкома ВКП(б)
- 19. Нестеренко** Мария Петровна, жена Павла Рычагова, майор авиации, заместитель командира авиаполка особого назначения
- 20. Фибих-Савченко** Александра Ивановна – жена Георгия Савченко, домохозяйка

Перечисленные двадцать человек были расстреляны в Барбыше под Куйбышевым в песчаном карьере на полигоне Куйбышевского УНКВД.

Кроме них в это же расстрельном списке было еще пять гражданских лиц, которых по указанию № 2756/Б расстреляли в другом месте – под Саратовом (есть сообщения о том, что это произошло 1 ноября 1941 г., где было расстреляно 4 человека), и один человек был расстрелян в Тамбове 6 ноября:

Вайнштейн Самуил Герцович, заместитель наркома рыбной промышленности (Саратов)

Белахов Илья Львович, директор Института косметики и гигиены Главпарфюмера (Саратов)

Слезберг Анна Яковлевна, начальник «Главпищеароматмасло» Наркомпищепрома СССР (Саратов)

Дунаевский Евгений Викторович, литературный работник, переводчик с персидского языка, поэт (Тамбов)

Кедров Михаил Сергеевич, член президиума Госплана СССР, директор Военно-санитарного института (Саратов)

Военачальники, партийные и хозяйственные работники из «списка 25-ти»

Г. М. Штерн

А. Д. Локтионов

Я. В. Смушкевич

Г. К. Савченко

П. В. Рычагов

И. Ф. Сакриер

П. С. Володин

И. И. Проскуров

Ф. К. Арженухин

М. М. Каюков

Я. Г. Таубин

Ф. И. Голощекин

М. П. Нестеренко

М. С. Кедров

Д. А. Булатов

Фото остальных одиннадцати человек из «списка 25-ти» пока не обнаружены.

Сколько лет прошло с тех пор, выросли дети, внуки и правнуки этих людей, но до сих пор никакого объяснения происшедшему 70 лет назад нет. Ведь нельзя же всерьез воспринимать тот бред о «военном заговоре», «контрреволюционной работе в армии», «экономической контрреволюции», «шпионаже» или «вредительских пушках», которым

наполнены их «дела» и которые даже сегодня публиковать страшно и стыдно. Так что же было истинной причиной гибели лучших людей страны, особенно нужных ей именно в тот тяжелый для нее час, когда враг подходил к Москве и каждый опытный специалист был на вес золота?

Может быть, пора попытаться понять, для чего и кем это делалось?

Пищу для размышлений в этом направлении дает судебное дело Берии. Вот ключевая фраза из приговора по нему:

«Судом установлено, что в октябре 1941 года подсудимый Берия, замечая следы совершенных заговорщиками преступлений (в полном соответствии с нравами того времени группу Берии и его шести подельников почему-то называют «заговорщиками». – А. О.), отдал письменное распоряжение о расстреле без суда 25 арестованных по списку, составленному подсудимыми Меркуловым и Кобуловым. **В этот список были включены лица, со стороны которых заговорщики могли опасаться разоблачения».**

Попытаемся понять какого разоблачения могли ожидать от людей, попавших в этот список? Их можно разделить на четыре группы.

1. Авиационная: Локтионов, Смушкевич, Рычагов, Штерн, Володин, Проскуров, Арженухин.

2. Артиллерийская: Савченко, Сакриер, Склизков, Каюков, Соборнов, Засосов, Таубин (все, кроме Таубина, – выпускники Артиллерийской академии им. Дзержинского).

Представители двух этих групп по работе в 1939–1941 гг. непрерывно были связаны с Германией, некоторые из них входили в состав совместных комиссий и делегаций, другие ездили туда в командировки для закупки самолетов и иной военной техники, обмена опытом, приобретения оборудования и новых технологий.

Вся история с Таубиным и его 23-миллиметровой пушкой показывает, что в процессе этого сотрудничества бывали случаи, когда и немцев знакомили с нашими техническими достижениями, и даже порой передавали их. И руководство страны боялось при этом, особенно после начала войны, не столько предательства со стороны наших специалистов, сколько возможности утечки какой бы то ни было информации о существовавшем между СССР и Германией сотрудничестве. Например, информации о том, какие ориентировки, задания и указания получали эти специалисты непосредственно от первых лиц (а практически все эти люди бывали и в кабинете Сталина), направлявших их в заграничные командировки к

«союзнику», который неожиданно, вопреки заверениям вождя, 22 июня 1941 г. превратился в самого страшного врага. Очевидно, под «опасностью разоблачения» именно это имелось в виду^[62].

Предполагаемая мной причина ареста Таубина – особая, она была изложена выше. Скорее всего, особой была и причина ареста Сакриера. Может быть, он имел неосторожность высказать свою оценку ситуации, которая могла привести к разоблачению Инстанции, может быть, высказывался против контактов с фашистской Германией, а потому и был арестован раньше всех из группы – 21 апреля 1941 г.

Следующим стал Таубин – единственный арестованный в мае на следующий день после прилета Ю-52, привезшего Сталину личное послание от Гитлера.

7 июня взяли Штерна и Смушкевича, 19 июня – Локтионова и Савченко, остальных же – после начала войны. На мой взгляд, истинной причиной большинства этих арестов стала именно начавшаяся война, когда потребовалось срочно скрыть предвоенное военно-техническое сотрудничество с фашистской Германией. Одно время я даже считал, что все эти аресты были произведены после начала войны, а уж потом задним числом переоформлены. Поэтому установление точной даты ареста Таубина и Бабурина, подтвержденной и документами, и членами их семей, сохранившими в памяти этот роковой день, доказало, что действительно могли быть и аресты до начала войны.

3. Жены: Фибих (Пестровская, Савченко) – жена Савченко, Нестеренко – жена Рычагова, Розова-Егорова – жена Розова. Предстоит еще понять, почему жены именно этих трех высокопоставленных лиц из списка были расстреляны вместе со своими мужьями. По моему мнению, жены Савченко и Розова были обречены, потому что находились вместе со своими мужьями в длительных заграничных командировках. Фибих жила с мужем в Германии, куда Савченко решением Политбюро от 23 октября 1939 г. был назначен заместителем председателя Хозяйственной комиссии Тевосяна^[63]. Розова-Егорова – в США, так как Розов был не только заместителем наркома торговли СССР, но и руководителем Амторга. А жена Рычагова майор авиации Мария Нестеренко была заместителем командира авиаполка особого назначения, весьма вероятно, того самого АПОН полковника Мурзина, а затем Грачева, который базировался на Центральном аэродроме и выполнял особо важные задания ЦК партии и правительства, в том числе заграничные рейсы.

4. Лица, имевшие в прошлом контакты с вождями: Булатов был

вместе со Сталиным в Туруханской ссылке в 1915–1917 гг. В 20-е годы работал секретарем Смоленского и Вятского губкомов, в 30-х – начальником отдела кадров ОГПУ и заведующим Орготделом ЦК, а затем первым секретарем Омского обкома партии. Арестован 29 января 1938 г.

Голощекин также вместе со Сталиным был в Туруханской ссылке в 1915–1917 гг. Затем он – комиссар Екатеринбургского ревкома, председатель Костромского и Самарского губисполкомов, первый секретарь Казахского крайкома партии. Один из организаторов расстрела царской семьи. Арестован 13 октября 1939 г.

Вайнштейн, Белахов, Слезберг – бывшие коллеги жены Молотова П. С. Жемчужины^[64], первый был ее замом в Наркомрыбпроме, второй – подчиненным в возглавляемом ею Главке «Тэжэ» Наркомпищепрома, третья – начальником соседнего Главка в Наркомпищепроме. После того как 10–13 июня всех троих арестовали, 10 августа 1939 г. Политбюро приняло решение^[65], в котором говорилось, что «в окружении тов. Жемчужины оказалось немало враждебных шпионских элементов», поэтому необходимо «произвести тщательную проверку всех материалов, касающихся т. Жемчужины... Предрешить освобождение т. Жемчужины от поста Наркома рыбной промышленности». 21 октября 1939 г. она была снята с поста наркома.

Кедров в 1922 г. проверял Берия в Баку от ВЧК (он был членом ее Коллегии) и тогда еще предлагал его снять. По другим сведениям, у Кедрова, начальника Каспийской ЧК, в 1922 г. произошел конфликт с замначальника Азербайджанской ЧК Берией. После появления Берии в Москве в ноябре 1938 г. на посту первого замнаркома внутренних дел Кедров вновь поднял этот вопрос, и 16 апреля 1939 г. он был арестован.

Розов ездил по США в 1936 г. с кем-то из высшего руководства страны, налаживая торговые контакты. Подолгу бывал в загранкомандировках. Вернулся из-за границы в январе 1940 г., когда советско-американские отношения резко ухудшились из-за сотрудничества СССР с Германией и Финской войны. Арестован 28 марта 1940 г.

Не совсем понятно, с кем из руководства страны пересекались пути переводчика восточной поэзии Е. Дунаевского, который был арестован 19 февраля 1939 г. Единственный, к кому он мог иметь отношение по своей профессии, – это Сталин. В молодости вождь писал стихи на грузинском языке. Есть ведь сообщения, что Берия хотел издать сборник стихов вождя к его юбилею (часто пишут, что он хотел это сделать к 70-летию в 1949 г., но мне кажется, что еще больше оснований у него было для такого очень

грузинского подарка к 60-летию Сталина, когда Берия только появился в Москве из Грузии, но вождь запретил). Эти стихи при подготовке к изданию надо было переводить на русский язык. Возможно, этим занимался Е. Дунаевский.

Итак, общим у всех 25 человек из этого списка было то, что они могли рассказать что-то о тех, кто отдал приказ об их включении в расстрельный список. Один из них – Берия. Он сам назвал себя, подписав указание о расстреле 25-ти. Однако по высокому положению лиц, включенных в список, ясно, что решение об их ликвидации мог принять лишь один человек – Сталин. Значит, именно он и Берия в первую очередь и опасались разоблачения. Ведь большинства включенных в «список 25-ти» прямо коснулся переход к дружественным отношениям с фашистской Германией в 1939 г. и они принимали по указанию Инстанции самое активное участие в советско-германском хозяйственном и военно-техническом сотрудничестве в 1939–1941 гг., включая командировки за рубеж и прием в СССР германских представителей.

Решение Политбюро о необходимости освобождения от должности наркома жены Молотова Полины Жемчужины из-за ареста ее коллег Вайнштейна, Белахова, Слезберг было серьезным предупреждением не столько для нее, сколько для ее мужа, причем менее чем за две недели до первого прилета Риббентропа в Москву. Цель этого была объяснена выше. С тремя – Голощекиным, Булатовым и Кедровым – просто сводили старые счета, используя сложившуюся ситуацию.

С 16 мая 1941 г. вслед за арестом Таубина и Бабурина начинаются аресты не входящих в «список 25-ти» работников оборонной промышленности и военных, в первую очередь авиаторов, так или иначе имевших отношение к созданию и испытаниям 37- и 23-миллиметровой пушек, а также 12,7-миллиметрового крупнокалиберного пулемета Таубина – Бабурина. В их числе: полковник авиации Г. М. Шевченко – начальник Научно-испытательного полигона авиационного вооружения ВВС (арестован 18 мая); генерал-майор авиации А. И. Филин – заместитель начальника Главного Управления ВВС и начальник НИИ ВВС (23 мая); нарком боеприпасов И. П. Сергеев, с 3 марта 1941 г. освобожденный от должности и ставший преподавателем Академии Генштаба (30 мая); нарком вооружения Б. Л. Ванников (9 июня); начальник ГУ НКВ И. А. Мирзаханов, непосредственный начальник Таубина (дата ареста неизвестна); заместитель наркома авиапромышленности В. П. Баландин (дата ареста неизвестна); замнаркома обороны генерал армии К. А. Мерецков (24 июня). К счастью, четверо последних по указанию Сталина

были освобождены после нескольких месяцев допросов и жестоких избиений и успешно продолжили ответственную работу на очень высоких постах. Ванников руководил Атомным проектом и стал трижды Героем Социалистического труда, Мерецков стал маршалом и командовал фронтами, Мирзаханов был назначен заместителем наркома вооружения и получил звание генерала, Баландин занял свой прежний пост замнаркома авиапромышленности. Остальные же из этого списка были расстреляны в Саратове вместе с большой группой военных – всего 46 человек. В составе этой группы было семь генерал-лейтенантов, девять генерал-майоров, четыре Героя Советского Союза, арестованных перед самой войной и вскоре после ее начала. Вряд ли можно считать совпадением, что их расстреляли именно в день Красной Армии – 23 февраля 1942 г. Это было самым серьезным предупреждением всем военным по поводу их возможных высказываний о предвоенном сотрудничестве СССР с Германией и причинах катастрофы 22 июня 1941 г. Есть предположение, что и многие послевоенные репрессии военачальников и руководителей оборонной промышленности связаны с тем же.

Подтверждение следует...

Вся история о конструкторе стрелково-пушечного вооружения Таубине, изложенная в этой главе, началась с того, что я обнаружил похожего на него человека в кадрах немецкой кинохроники, зафиксировавшей прием в честь делегации Молотова в берлинском отеле «Кайзергоф». В итоге выяснилось, что это он. Многих советских генералов, наркомов, замнаркомов, директоров оборонных предприятий я разглядел на снимках фотографа Калашникова, сделанных во время берлинской поездки Молотова, в найденном мною в РГАСПИ фотоальбоме. Но и в немецкой кинохронике, запечатлевшей вход делегации в банкетный зал «Кайзергофа», я узнал кроме Молотова еще нескольких советских представителей: полпреда Шкварцева, резидента НКВД в Берлине (под прикрытием советника полпредства) А. Кобулова, наркома черной металлургии Тевосяна. И еще одного человека, весьма похожего (ростом, фигурой, прической, в общем, всем, кроме лица, которое он, скорее всего, отвернул, заметив кинокамеру) на советского конструктора стрелково-пушечного вооружения Бориса Гавриловича Шпитального. На левом лацкане его пиджака что-то прикреплено, вполне возможно, это ордена, которые Шпитальный носил всегда. С учетом того, что постановление СНК и ЦК от 4 октября 1940 г. обязывало НКВ командировать в Германию конструкторов, а на совещании по результатам этой поездки в кабинете Сталина были и Таубин со своим конкурентом Шпитальным, вероятность присутствия на этом кинокадре именно Шпитального сильно возросла. Поэтому я начал искать его потомков и вышел на его сына Александра Борисовича.

Позвонив ему по телефону, я задал вопрос: «Бывал ли ваш отец в командировке в Германии до войны?» Конечно же первый ответ был «нет», потом он сказал, что отец бывал в заграничных командировках, но где – он не знает. После моих настойчивых просьб и объяснений, для чего это нужно, Александр Борисович обещал порыться в отцовских бумагах. Через некоторое время он сообщил мне по телефону, что нашел фотографии отца, сделанные за рубежом, и предложил к нему приехать. При встрече я рассказал ему о двух своих книгах о начале войны и о том, что сейчас работаю над третьей. Александр Борисович поведал много интересного об отце и любезно дал мне две его любительские фотографии, сделанные за рубежом (см. с. 320). По попавшей в кадр рекламе видно, что оба снимка

сделаны в Германии. На правом, где Шпитальный стоит перед витриной кондитерского магазина, об этом свидетельствует написание слова «schokolade» («шоколад»), а на левом, где он позирует возле витрины автосалона, немецкий текст рекламы и перечень указанных на ней автофирм: «Хорьх», «Вандерер», «Д.К.В.», «Ауди» и ниже «Авто-Юнион». Именно так назывался германский автомобильный концерн, созданный из этих четырех фирм в 1932 г. Значит, эти снимки сделаны в Германии после 1932 г.

Фотографии Б. Г. Шпитального

На приеме в отеле «Кайзергоф» (кинокадр)

Декабрь 1940 г.

Между сентябрем 1939 г и ноябрем 1940 г. в президиуме заседания в ЦДРИ

Судя по одежде Шпитального, эти снимки были сделаны осенью. В беседе Александр Борисович вспомнил рассказ отца о курьезной ситуации, имевшей место во время одной из его зарубежных командировок. Вместе с двумя коллегами его поселили в шикарном отеле в номере с новейшей сантехникой, причем никто не объяснил, как ею пользоваться. И вот они, три инженера – специалиста по точной механике, были вынуждены разбираться с нею, строя различные предположения и даже рисуя ее возможную кинематическую схему. Я подумал, что соседями главного конструктора Б. Г. Шпитального по номеру вполне могли быть именно главный конструктор Я. Г. Таубин и И. Ф. Сакриер, дивинженер, окончивший Артиллерийскую академию им. Дзержинского. Тем более что 15 ноября 1941 г. все трое оказались в кабинете Сталина, причем вошли в него одновременно. Для меня нет сомнений в том, что человек, отвернувший лицо от кинокамеры и есть Б. Г. Шпитальный. Я показал Александру Борисовичу распечатанный для него кинокадр в «Кайзергофе» и спросил: «Это ваш отец?» Он долго разглядывал его, а потом сказал: «Точно сказать не могу, но похож... очень».

Два снимка, сделанные за рубежом

Уточнения, внесенные Виктором Михайловичем и Михаилом Никитовичем Бабуриными

Я уже писал, что через дочь Я. Г. Таубина Ларису Яковлевну я познакомился с сыном соратника и соавтора ее отца Виктором Михайловичем Бабуриным. Он многое рассказал мне о своем отце, о его жизни и работе с Табуиным и дал целый ряд бесценных документов и фотографий, что очень помогло понять их трагическую судьбу, а также ситуацию с 23– и 37-миллиметровыми авиапушками и гранатометом, в создании которых его отец был не только ведущим конструктором, но и полноправным соавтором Таубина. Я дал ему, так же как и Л. Я. Бессоновой-Таубиной, прочитать мою статью о Таубине перед публикацией ее в «МК» и учел их замечания, за которые очень им благодарен. Когда я уже собирался сдавать третью часть своей трилогии в издательство, Виктор Михайлович позвонил мне и сказал, что он познакомился в ФСБ с делом своего отца и предложил встретиться. Мы встретились, и он передал мне тюремное фото отца, ксерокопии нескольких листов дела и выписки оттуда, относящиеся к истории создания знаменитых авиационных пушек и гранатомета и сделанные со слов отца из протокола его допросов.

Этот снимок сделан, скорее всего, в день ареста 16 мая 1941 г.

Я счел необходимым изложить здесь главное из предоставленных мне Виктором Михайловичем материалов.

1. Все документы по аресту М. Н. Бабурина были оформлены в один день – 16 мая 1941 г., и эта дата стоит:

на постановлении на арест, которое подписано замнаркома Государственной Безопасности и Прокурором Союза, то есть арест произведен на самом высоком уровне;

на ордере № 194 на арест и обыск, на который ссылаются в протоколе и акте обыска квартиры;

на протоколе обыска;

на акте о проведении обыска;

на протоколе допроса.

2. В постановлении на арест указаны следующие его причины:

«...Бабурин, работая ведущим конструктором Особого Конструкторского Бюро № 16, вместе с начальником этого бюро Таубиным с целью ослабления оборонной мощи Союза ССР проводят подрывную вредительскую работу. С 1931 г. по 1939 г. разработка гранатомета, после затрат на эту работу 7–8 млн рублей гранатомет не принят на вооружение как не отвечающий тактико-техническим требованиям. В 1937 г. Бабурин и Таубин приступили к проектированию 37 мм автоматической пушки малой мощности, не закончив работ, перешли на новую конструкцию большой мощности (зенитно-противотанковая – израсходовано 1 200 тыс. рублей – не принята на вооружение как устаревшая и имеющая ряд плохо решенных узлов).

С лета 1939 г. Бабурин и Таубин работали по 23 мм авиационным пушкам, но ни один из изготовленных 7 образцов к установленному сроку не был закончен. По принятому на вооружение автоматическому пулемету^[66] АП-12 Бабурин и Таубин заслали на завод № 2 7 измененных чертежей и в дальнейшем отказались консультировать завод по выпуску этих пулеметов».

Далее, в постановлении на арест сказано, что пушкой калибра 37 мм Таубин и Бабурин занимались с 1937 г. Значит, постоянные заявления Нудельмана о том, что эта работа была начата под его руководством с 17 мая 1941 г., – как бы это помягче сказать? – ну, скажем, не очень соответствуют действительности. До этого Таубин и Бабурин уже трудились над этой пушкой четыре года! И именно они – главные авторы этой пушки, поставленной на серийные Як-9 и Ил-2 в 1943 г.! Не случайно Ванников, сам просидевший с 7 июня по 25 июля 1941 г. на Лубянке, не побоялся ответить на прямой вопрос Сталина о пушке Нудельмана (речь

шла о 37-мм пушке) так: «Хотя пушку Таубина в 1941 году называли вредительской, тем не менее Нудельман при поддержке наркомата вооружения добился на ней очень хороших результатов» [11. С. 150].

Читаем дальше. Гранатомет не отвечал тактико-техническим требованиям?! Так ведь Таубин первым в мире изобрел его, никаких технических требований на него не существовало. Он потому и не «пошел», что, кроме самого изобретателя, никто на свете и понятия не имел, что это такое и зачем оно нужно. После ареста Таубина и Бабурина о гранатомете 30 лет никто даже не вспомнил, пока в 60-е годы американцы до того же самого не додумались (или позаимствовали).

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № _____

Допрос начал в 14 час. 10 минут. Окончен в 17 час. — минут.

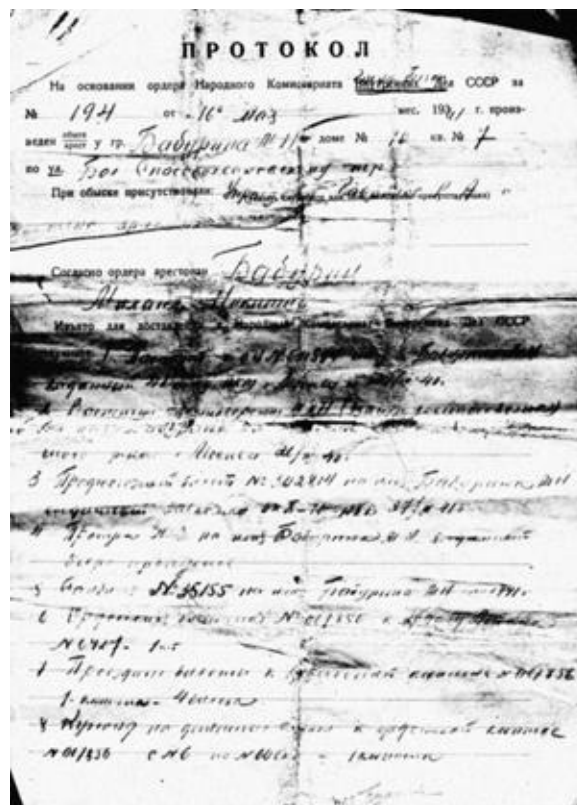
1941 г. м.в. мес. 16 дня. Я Николай Степанович Таубин
(полн., экзек. орган, фамилия)
Нудельман допросил в качестве судьи

1. Фамилия Бабури
2. Имя и отчество Николай Никитич
3. Дата рождения 1901г.
4. Место рождения Пензенская
5. Место жительства г. Москва, Басовский переулок
6. Пол и гражд. (подданство) русский, 1-й ст.
7. Партийность (в прошлом и в настоящем) беспартийный
8. Образование (общее, специальное) Среднее специальное, технич. инж.-конструкторское училище в г. Пенза в 1924 году
9. Паспорт в отпуске при аресте
(полн. и экзек. органы выдан, номер, выдан, в каком органе)
10. Род занятий Ведущий конструктор бюро № 16 (ОХБ-16) Наркомата Внутренних дел, Пензенский конструктор
(наим. органа и должности)
11. Социальное происхождение Великий Степанович, сестра Степановна
(род матери, родителей и их социальное положение)
12. Социальное положение (род занятий и имущественное положение):
 - а) до революции Рабочий
 - б) после революции Специалист

Нудельман

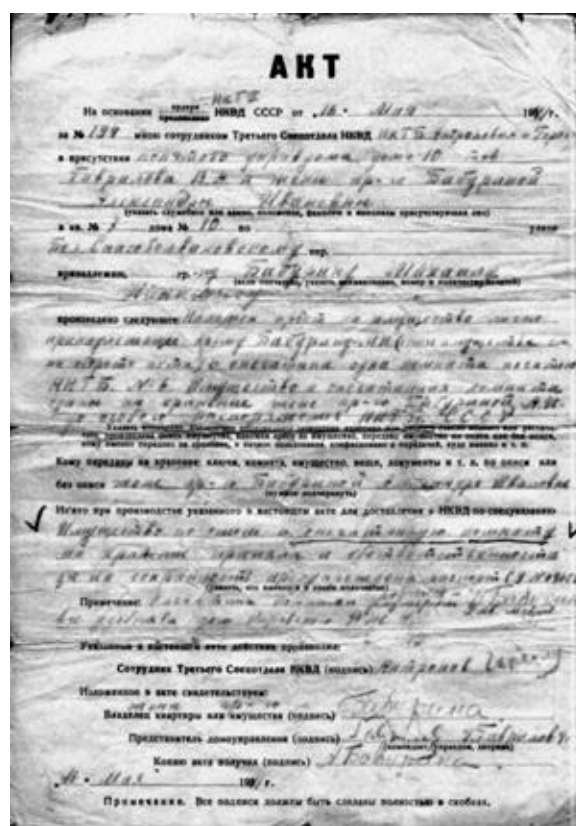
Протокол первого допроса М. Н. Бабурина в день ареста. «Вопрос: Вы арестованы за проведение активной антисоветской пропаганды. Предлагаю вам дать подробные показания о совершенных вами преступлениях. Ответ: Антисоветской работой я не занимался и сознательно никаких преступлений против Советской власти не совершал. Вопрос: Вы говорите неправду. В распоряжении следствия имеются материалы, изобличающие вас во вражеской работе. Учтите, что вам надо говорить правду и по вопросам вашей вражеской работы вы будете допрошены в следующий раз...»

И если Таубин и Бабурин, по утверждению допрашивающих, ни разу ничего так и не довели до ума, за что же их срочно наградили высшим орденом страны? Почему за 26 допросов, которые тянулись до февраля 1942 г., ни следователь, ни Бабурин ни разу не упомянули об этом награждении?

Протокол обыска (первая страница, а весь протокол на четырех двухсторонних листах): «На основании ордера Народного Комиссариата Государственной безопасности СССР за № 194 от 16 мая 1941 г. проведен обыск/арест у гр. Бабурина М. И... При обыске присутствовали Управдом Гаврилов С. А. и жена арестованного... Согласно ордера на арест...

изъято... 1. Паспорт. 2. Временное удостоверение ГАУ... 3. Профсоюзный билет... 4. Пропуск № 3... 5. Санбилет... 6. Орденовая книжка... 7. Проездные билеты к орденовой книжке... 8. Купоны на денежные выдачи к орденовой книжке...». На других семи страницах перечислены изъятые «для доставления в НКГБ СССР» 37 позиций: документы, чертежи, записные книжки, фотографии, орден Ленина, охотничье ружье с припасами... «Обыск производился с 3-х до 10 часов 16/V-41 г... опечатана одна комната, принадлежавшая ар-му»

Акт обыска: «Наложён арест на имущество, лично принадлежащее ар-му Бабурину М. Н. (опись имущества на обороте листа) и опечатана одна комната... Имущество и опечатанная комната сданы на хранение жене ар-го Бабуриной А. И. до особого распоряжения НКГБ СССР». В «Описи...» на обороте указаны 15 позиций: рояль, велосипед, радиоприемник, стол письменный, диван, трюмо, два киноаппарата, два фотоаппарата, пальто, два костюма, сервант, «плащ прорезиновый {Так в тексте.} муж. серый»

Бабурин на допросе 13 июня 1941 г. показал, что перевод гранатомета с длинного хода на короткий был сделан по его предложению,

одновременно он предложил тогда и новую схему гранатомета.

КОПИЯ

ПОВТОРНОЕ

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданство: *Батурин*

Имя: *Михаил* Фамилия: *Григорьев*

Дата рождения: *31.08.1909* Возраст: *тридцать*

Пол: *мужского* Место рождения: *Томская*

Возраст: *двадцать* лет, в чем в книге регистрации актов о смерти

В *44* года *октябре* месяца *11* числа

Врачебная запись за № *1015*

Причина смерти: *инфаркт*

Место смерти: город, селение: *—*

район: *—*

область, край: *—*

республика: *—*

Место регистрации: *Киров. обл.*

Тайшетская 44

и регистрационная служба ЗАГС

Выдано в *Т. Смирнов 04.*

Секретарь (подпись): *Сул*

И-МО № 315878

19 1991

19 1991

Я, Смирнов Л. П.,
нотариус с Москвы, свидетельствую
верность этой копии с подлинником
документа, в последнем подчисток,
приписок, зачеркнутых слов и иных
необозначенных исправлений или каких-
либо особенностей не оказалось.

Зарегистрировано в книге № *ЖК - 5846*

подпись: *Смирнов* 1991

**ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
И ДАЛЬШАЯ
ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА

№ 104/60 от 31.08.44
г. Москва, 31.08.44

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Бабурина Михаил Николаевич, уроженца г. Ленинград, 1901 года рождения, умершего 31.08.44 г.
(фамилия, имя, отчество)
и Табубина Яковлевич
(фамилия, имя, отчество)
наименование, место и время совершения преступления)
по обвинению: В составе группы военнопленных с 14.04.44 г.
до 31.08.44 г.
на основании ст. 2 Закона Российской Федерации от 18.04.2000 № 163-ФЗ
законодательных решений были признаны не виновными в
преступлении(ах).

И соответствии со ст. 1-4 указанного Закона и определением
Конституционного Суда Российской Федерации от 18.04.2000 № 163-В
Бабурина Михаил Николаевич
(фамилия, имя, отчество)
как пострадавший(ая) в государственном терроризме (без указания
ст. 28), освобожден(а) от государственного(ой) не законного наказания,
(ст. 28)
прямой(ой) (или косвенной) не законной репрессии и реабилитирован(а).

Заместитель прокурора
Удостоверяется печатью
карты политических репрессий

А.К. Ташченко

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ
ЛЕНИНГРАДСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА

8 мая 1947 г.
№ 468-П-57/5336

СПРАВКА

Дело по обвинению гражданина БАБУРИНА Михаила
Никитовича, 1901 года рождения, уроженца г. Ленин-
града, «перемещенного военными трибуналами Ленинград-
ского военного округа 6 мая 1947 года».

Постановление Особого Совещания при НКВД СССР
от 30 сентября 1942 года в отношении БАБУРИНА
Михаила Никитовича, отменено и дело прекращено
президиумом на основании состава преступления.

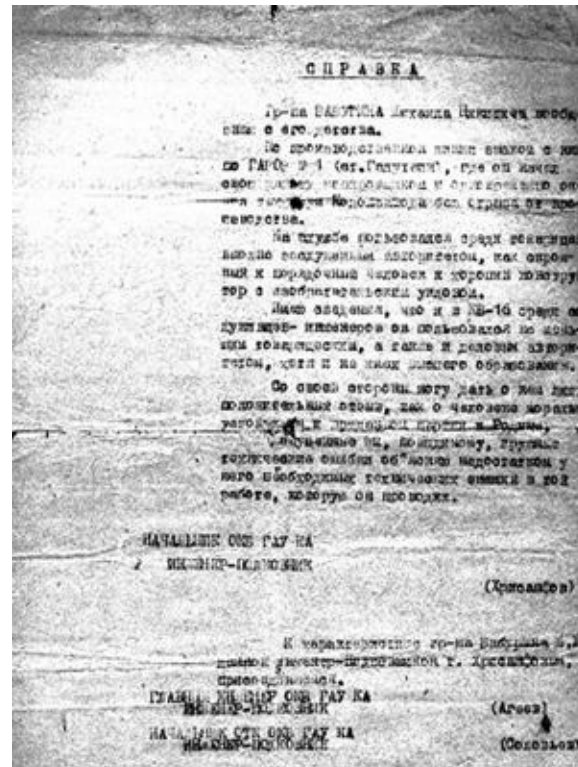

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОТ ЛВО
Михаил Никитович
А.А. АНАТОЛЬЕВ

Масштаб 1:100. Число копий 10. Печать
Московской Государственной Академии
госпитальствует ввиду отсутствия фото-аппа-
рата. Высота листа 28 см. Фото 30 см.
30 см.

Ростов. А. 1048

Эти три совершенно типичных документа свидетельствуют о трагической судьбе М. Н. Бабурина и подтверждают бредовость обвинений, выдвинутых против него и его друга, соавтора и начальника – Я. Г. Таубина. Из справки о смерти М. Н. Бабурина видно, что он умер 31.08.44 г. от пеллагры (авитаминоз «при хроническом недоедании или при однотипном питании»). Справка Военного Трибунала (а ведь Михаил Никитович был гражданским!) ЛВО (реабилитация велась по месту рождения, а не по месту работы!) сообщает, что постановление Особого Совещания при НКВД от 30 сентября 1942 г. отменено и дело прекращено

за отсутствием состава преступления. Значит, все эти семичасовые обыски, 26 многочасовых допросов, несколько пухлых томов «дела» – чистая туфта? Но зачем? Зачем было уничтожать лучших, награжденных высшими орденами страны конструкторов? Кто-нибудь когда-нибудь возьмет на себя труд объяснить весь этот бред со смертельным финалом? И сосчитает, наконец, безвозвратные потери, которые страна понесла не на фронте, а в тылу? И не только в количестве человек, а во всем...

«Справка. Гр-на Бабурина Михаила Никитича вообще знаю с его детства. По производственной линии знаком с ним по ГАРОЗ^[67] (ст. Галутвин)^[68], где он начал свою работу копировщиком и одновременно закончил техникум Коломзавода без отрыва от производства. На службе пользовался среди товарищей вполне заслуженным авторитетом как скромный и порядочный человек и хороший конструктор с изобретательским уклоном. Имею сведения, что и в КБ-16 среди сослуживцев-инженеров он пользовался не меньшим товарищеским, а также деловым авторитетом, хотя и не имел высшего образования. Со своей стороны могу дать о нем лишь положительные отзывы, как о человеке морально устойчивом и преданном партии и Родине.

Допущенные им, по-видимому, крупные технические ошибки объясняю недостатком у него необходимых технических знаний в той работе, которую он проводил. Начальник ОКБ ГАУ КА инженер-полковник Хрисанфов. К характеристике гр-на Бабурина М. Н. данной инженер-полковником т. Хрисанфовым присоединяемся. Главный инженер ОКБ ГАУ КА инженер-полковник Агеев. Начальник ОТК ОКБ ГАУ КА инженер-полковник Соловьев».

Этот документ – свидетельство не просто благородства трех инженер-полковников, его подписавших, но и их героизма. Они ведь были членами партии, полковниками Красной Армии да еще командирами высокого ранга, при том подписали эту «справку», фактически – поручительство, втроем, то есть группой, что в те годы вообще считалось недопустимым (был даже термин – «групповщина»). Мало того, они – работники другого предприятия. Значит, нашлись такие люди, которые посмели в разгар войны (а это случилось не раньше января 1943 г., когда было введено звание «инженер-полковник» вместо «военинженера 1 ранга») заступиться за друга, арестованного перед самой войной! А ведь они руководили фирмой «меченой», ОКБ ГАУ КА создал не кто иной, как конструктор-изобретатель Л. В. Курчевский – создатель «динамореактивной пушки» (фактически первого безоткатного орудия), расстрелянный в 1937-м. И самое поразительное то, что три инженер-полковника не пострадали. Виктор Михайлович Бабури, рассказывал, что дядя Гоша (Георгий Александрович Хрисанфов) довольно часто бывал у них дома и после войны, бывали и Бабурины в его доме.

На допросе Бабури также сказал, что летом 1937-го на показательных стрельбах из гранатомета в Ногинске присутствовали Тухачевский и Ефимов (скорее, это было весной, так как 22 мая того года Тухачевского и Ефимова арестовали).

В деле Бабурина кроме Таубина упоминаются Ванников, Сакриер, Сатель, Соборнов, Шевченко, Алексеев, Никонов, Пономарев, Цилов, Нудельман.

Из дела Бабурина становится точно известен перечень работ, выполнявшихся в ОКБ-16 под руководством Таубина. Все работы Бабури перечислил 18 июня, отвечая на вопрос следователя. Вот этот перечень:

- 40,8 мм автоматический гранатомет,
- 60 мм гранатомет,
- 37 мм зенитная пушка, иногда «зенитно-противотанковая пушка»,

иногда «авиационная пушка» (фактически это три разные пушки, построенные по одной схеме – зенитка, противотанковая пушка и авиапушка,

- 23 мм авиационная пушка,
- 25 мм пушка,
- 20 мм пушка,
- 12,7 мм пулемет.

Итого, за шесть лет работы Бабурина в ОКБ-16 он был ведущим конструктором девяти систем оружия. А Таубин руководил этими работами и вел еще целый ряд других. Это немыслимая нагрузка, тем не менее с ней успешно справлялись, потому что каждый этап работ ОКБ, за которые государство платило деньги, очень жестко принимали заказчики – ГУ ВВС и ГУ АС (ГУ авиационного снабжения). Из десяти упомянутых в деле людей семеро были военными, причем инженерами, они принимали работу ОКБ-16 и считали ее отличной, хотя не пропускали ни единого недостатка. К великому сожалению, все семеро были репрессированы. По вопросам следователя из протоколов допросов да и по предъявленному обвинению заметно, что представители органов технически были не слишком образованны. Чего стоят, например, такие перлы, как «подрывная вредительская работа» путем «разработки автоматического гранатомета», поскольку он не принят на вооружение? Или «автоматический пулемет»? Однако, продолжая эту «нехорошую», по их мнению, тематику, ОКБ-16 под руководством Нудельмана почему-то ничего не сорвало, а все и всегда выполняло и успело выпустить еще в годы войны две лучшие в мире авиапушки, а сам Нудельман впоследствии стал дважды Героем Социалистического труда и получил целых шесть премий. Конечно же значительная часть работ в «послетаубинский» период была выполнена ОКБ-16 по совершенно новой тематике и с блестящими результатами. Но два проекта из многолетнего периода деятельности ОКБ-16 уже без Таубина и Бабурина вызывали и вызывают вопросы: авиапушки НС-37 и НС-23 и в фас и в профиль стопроцентно похожи на «вредительские» БМА-37 (она же 11-П) и ПТБ-23 (она же, только с магазинным питанием, МП-6). Нудельман, который до реабилитации Таубина и Бабурина молчал о самом факте их работы в ОКБ-16 («на законном основании» для тех времен – они ведь были репрессированы), после нее молчал, стиснув зубы, а уж после публикации Ваксберга в «Литгазете» и странички Ларисы Таубиной об отце в «Известиях ЦК КПСС» молчать не смог и стал упоминать имя Таубина в историческом плане – как своего учителя и создателя ОКБ. А про его с Бабуриным пушки отточил формулировку: «Конечно, годы, ушедшие

на создание авиационного 23-мм автомата, пушки МП-6, не прошли напрасно. Создание этой пушки дало нам большой опыт, много материала для разработки пушки НС-37» [60. С. 36].

Во-первых, «много материала» оказалось благодаря тому, что разработка этой пушки в ОКБ-16 началась не со следующего дня после ареста Таубина и Бабурина, то есть с 17 мая 1941 г., как утверждал всегда Нудельман, а именно под их руководством и гораздо раньше – с 1937 г. Во-вторых, «материалом» были не только их идеи и чертежи, но и «живые» образцы этой пушки, которые по Постановлению от 4 октября 1940 г. изготавливали для предъявления 25 декабря 1940 г. Под руководством своих подлинных создателей эти пушки были не только изготовлены, но и прошли множество испытаний, в том числе на полигонах. Значит, НС-37 и была той самой БМА-37? Но кто и как через столько лет сможет это подтвердить?

Казалось, что это нереально. Однако подтверждение нашлось, и пришло оно от рабочего – одного из самых уважаемых и заслуженных ветеранов КБТ – ОКБ-16 Алексея Федоровича Сенечкина.

Рассказывает Лариса Яковлевна Таубина-Бессонова:

«Мы много лет жили с Сенечкиными в одном подъезде, они этажом выше. Мало того, еще вместе лет двадцать жили на одной даче, которую когда-то получил отец. Он Алексея Федоровича очень любил и ценил, иногда даже отдавал ему свою путевку в дом отдыха, когда сам не мог пойти в отпуск из-за перегрузки. Когда же отца не стало, Сенечкин помогал нам по содержанию дачи, а потом мы даже стали ее совладельцами, и он занимал полдачи и пол-участка. Он много рассказывал мне об отце. Однажды я задала ему вопрос, постоянно меня занимавший: “Так все же участвовала хоть одна отцовская пушка в войне, или, после того как его арестовали, в ОКБ создали другую?”

Алексей Федорович Сенечкин. 1944 г.

1970-е годы

Он как-то странно посмотрел на меня и спросил: “Если на пальто переставить пуговицы, это как будет – новое пальто или старое?” Я пожала плечами: “Наверное, старое”. А он продолжил: “Принесли мне в цех еще довоенную пушку, и новый начальник ОКБ дал команду – на станке сфрезеровать набитое на ее боку название и на это место приклепать шильдик с новым! Шлеп-шлеп – и пальто из старого стало новое! Всего делов! Фокус-покус!” Я похолодела: “Нудельман?” – “Не-а, Глухарев”. – “А это кто?” – “Да был такой после твоего отца”. Потом уж мне объяснили, что Глухарев какое-то время руководил ОКБ-16 сразу после Таубина, но пробыл очень недолго и его сменил Нудельман»^[69].

А теперь обратимся к книге А. Нудельмана и посмотрим, какой же пушкой занимался в начале войны один из лучших механиков ОКБ-16 Сенечкин.

«9 сентября 1941 г. мы (А. Э. Нудельман, М. П. Бундин и слесарь-механик А. Ф. Сенечкин. – А. О.) выехали из Москвы в КБ С. А. Лавочкина, где приступили к установке первого опытного образца пушки на истребитель ЛаГГ-3. С. А. Лавочкин и весь коллектив его КБ и серийного завода... с пониманием взялись за установку пушки НС-37 на свой самолет... Установка пушки была закончена 10 октября 1941 г. Самолет был испытан стрельбой в заводском тире и подготовлен для отправки на испытания на полигон ВВС, а наша бригада 12 октября вернулась в Москву... Государственные летные испытания закончились в марте 1942 г. Для участия в них в феврале 1942 г. на полигон была направлена бригада сотрудников нашего КБ (М. П. Бундин, Г. А. Жирных, Б. Ф. Исаков, А. Э. Нудельман, А. Ф. Сенечкин)... Произошла поломка... Однако нам удалось отремонтировать... Эту наварку и ручную обработку произвел механик.

Именно его стараниями, его умением и находчивостью ремонт был произведен без потери времени – этой же ночью, что дало возможность благополучно и своевременно завершить государственные испытания пушки» [60. С. 44–48].

Этот рассказ А. Нудельмана о триумфальном пути авиационной пушки НС-37, созданной в ОКБ-16, можно продолжить, и в нем не раз будет встречаться имя слесаря-механика А. Ф. Сенечкина, который начал этот ее путь с того, что, выполняя приказ начальства, сменил ее название.

Во время нашей первой беседы Лариса Яковлевна Таубина рассказала, как она, будучи уже немолодым и больным человеком, обратилась за помощью в КБ «Точмаш» (так стало называться в то время созданное ее отцом ОКБ-16). Она позвонила в приемную начальника и попросила оказать ей содействие в госпитализации в известную клинику. Ее соединили с человеком по фамилии Разговоров. «Вы поймите, – сказал он ей, – мы вам ничем не обязаны, ведь ни одна пушка вашего отца в Великой Отечественной войне не участвовала!» Идя домой, она горько плакала от обиды за отца...

Лариса Яковлевна, Виктор Михайлович! Вам сказали неправду, ибо 23-миллиметровая пушка Таубина и Бабурина МП-6 защищала Тулу, а 37-миллиметровая авиационная пушка Таубина – Бабурина с 1943 г. участвовала в войне, громя врага с самолетов ЛаГГ-3, Як-9, Ил-2, и она по праву считается одной из самых лучших авиапушек Второй мировой войны.

Пушка НС-37, она же 11-П, она же БМА-37, она же 37-миллиметровая авиационная пушка Таубина – Бабурина

«НС-37 (сокр. Нудельман-Суранов, 11-П-37 – на ранней стадии разработки) – советская авиационная пушка калибра 37-мм». Так описана эта пушка в Википедии. «11-П-37» – прозрачный намек на ее действительное происхождение, этот индекс был присвоен ей ее подлинными создателями – Я. Г. Табуиным и М. Н. Бабуриным и означал не что иное, как одиннадцатый проект авиационной пушки по таубинской

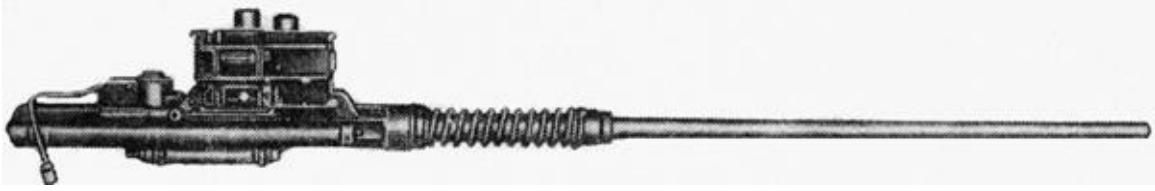
нумерации (которая не прекратилась с его смертью), после чего свою многолетнюю работу по 37-мм и 23-мм авиапушкам ОКБ-16 сдавало под руководством Нудельмана и Суранова. Другие названия этой пушки – БМА-37 (пушка Бабурина моторная авиационная), 37 мм авиационная пушка Таубина (в документах Политбюро, ЦК ВКП(б) и СНК СССР). Это на нее по указанию нового начальника ОКБ-16 Глухарева механик Сенечкин нанес новое название, скорее всего «11-П-37», перед отправкой на испытания в начале сентября 1941 г. [\[70\]](#)

А вот вторая таубинско-бабурина пушка, участвовавшая в Великой Отечественной. Она тоже имела много названий и вариантов: «МП-3» (мотор-пушка 300 выстр./мин.), «МП-6» (мотор-пушка 600 выстр./мин.), «ПТБ-23» (пушка Таубина – Бабурина 23-мм), «6-П» (шестой проект авиационной пушки), «23 мм пушка Таубина» (в документах Политбюро, ЦК ВКП(б) и СНК СССР) – отсутствие слова «авиационная» означает, что руководство страны имело в виду ее использование и для самолетов, и в качестве зенитки, и как противотанковую. На чудом сохранившемся фото этой пушки изображен вариант МП-6 с магазинным питанием (ведь Таубин и Бабурин все же успели заменить его в ПТБ-23 на непрерывное с рассыпным патроном).

Пушка МП-6 с магазинным питанием

Очевидно, что отличие между МП-6 и ПТБ-23, названной позже НС-23, лишь в одном – способе питания, то есть подачи в нее патронов. В ПТБ-23 (НС-23) патроны подавались непрерывной лентой, но ведь в других таубинско-бабуриных пушках этого калибра также использовалось непрерывное питание. Если бы сохранилось фото ПТБ-23, то вообще никакого бы различия не было (может, потому оно и не сохранилось).

Пушка HS-23, она же ПТБ-23

Вместо заключения – о Таубине

В этой главе я подробно рассказал о Якове Григорьевиче Таубине, потому что обнаружил его на кинокадрах берлинского приема в честь делегации Молотова. Моя находка дала возможность проследить весь жизненный путь талантливого конструктора, установить истинные причины его молниеносного награждения, а затем попытаться понять причины его ареста и расстрела, а также арестов в мае-июне 1941 г. и расстрелов и гибели в лагерях еще нескольких верных сынов Отечества, которые своим талантом и умением могли бы надежно его защитить.

Завершая рассказ об этом выдающемся изобретателе, конструкторе и организаторе производства, важно отметить, что он одним из первых в мире понял роль и место автоматического крупнокалиберного оружия и создал первый в мире автоматический гранатомет, на несколько десятков лет опередив свое время. Кроме того, Таубин создал КБТ – ОКБ-16, которое стало одним из главных предприятий страны по разработке автоматического крупнокалиберного оружия, а впоследствии, уже без него, – ряда еще более современных систем. Вместе со своим соавтором М. Н. Бабуриным Я. Г. Таубин разработал несколько типов 23-миллиметровой пушки (МП-6, ПТБ-23, зенитка и др.) и довел ее до серийного выпуска (она стала первой в мире серийно выпускаемой авиапушкой большого калибра). В таком же соавторстве были разработаны 37-миллиметровые авиапушки ПТБ-37 и БМА-37, которые ее авторы не успели довести до серийного выпуска из-за ареста. Это сделал созданный Таубиным творческий коллектив ОКБ-16 под руководством сначала военинженера К. К. Глухарева, а затем ученика и сотрудника Таубина А. Э. Нудельмана. Получившая позже известность под маркой НС-37, эта пушка была принята на вооружение весной 1943 г. и, став грозным оружием советских истребителей Як-9 и ЛаГГ-3, а также штурмовика Ил-2, громила врага в небе во время Великой Отечественной войны (за годы войны было выпущено 8 тысяч этих пушек).

Есть сведения, что в годы войны действовала еще одна из пушек Таубина – Бабурина, МП-6, принятая в серийное производство до начала войны, – около 200 (называется также цифра 400) таких пушек, которые успели изготовить в Туле, внесли весомый вклад в героическую оборону Тулы в октябре – декабре 1941 г., громя немецкую пехоту и танки Гудериана. А пушка ПТБ-23, получившая позже название НС-23, была

принята на вооружение в октябре 1944 г. в составе штурмовика Ил-10 и участвовала в завершающих битвах войны, в том числе в штурме Берлина. Так что пушки этих двух безвинно осужденных и оболганных конструкторов успели неплохо повоевать.

Сегодня выросшее из ОКБ-16 предприятие носит имя А. Э. Нудельмана, возглавлявшего его более 44 лет. Хотя справедливее было бы «имени Таубина и Нудельмана». Тем более что один из ветеранов предприятия, А. Ф. Корняков, рассказал мне, что слышал такое предложение от самого Нудельмана, когда решался вопрос о присвоении предприятию его имени.

Я. Г. Таубин и М. Н. Бабурин стали жертвой замечательных результатов своей работы, создав лучшую для своего времени авиапушку в мире. Скорее всего, руководство Третьего рейха захотело взять ее на вооружение и договорилось об этом с советским руководством (а заодно и о выпуске крупнокалиберного авиационного таубинского пулемета, созданного по той же схеме). Было даже запланировано строительство двух новых заводов: в Дарнице – для производства 23-миллиметровой авиапушки и в Артемовске – для производства 12,7-миллиметрового пулемета. Что же случилось потом? Может быть, информация о перелете Гесса в Англию 10 мая 1941 г. именно на истребителе Ме-110, на котором могла быть установлена таубинская авиационная пушка, поставила под угрозу разоблачения тесную кооперацию СССР и Германии в области вооружения, и Сталин решил свалить все на «предателей», продавших секреты врагу? Или Сталин понял, что война с Гитлером неизбежна, и надо было скрывать все следы договоренностей с ним? А может быть, вообще, тот арест Таубина с Бабуриным был фиктивным, просто они исчезли для своих домашних и коллег по работе, а на самом деле их откомандировали куда-то на совместные с немцами испытания созданных ими пушки и пулемета (массовые аресты сотрудников НИП АВ ВВС^[71] и НИИ ВВС только усиливают эти подозрения). А после начала войны Сталину уже ничего не оставалось, как расправиться со всеми свидетелями и участниками его военно-технического партнерства с «заклятыми друзьями».

Образ врага образца 1939–1941 гг

В 1941 г. была выпущена книга «Спутник партизана», содержащая множество рекомендаций, советов и указаний по самым разнообразным вопросам. Были в ней и рекомендации по рукопашному бою с целым рядом картинок. Небезынтересно, что форма солдат противника на них гораздо больше похожа на английскую, чем на немецкую, и в первую очередь – характерной тарелкообразной плоской каской, резко отличающейся от немецкой, глубокой и защищающей шею сзади.

В годы войны «Спутник партизана» неоднократно переиздавался, но его иллюстрации, в большинстве своем, не менялись. В «Спутнике партизана», изданном в 1943 г. [87. С. 292–298. Рис. 104–110], все изображения противника в рукопашном бою с партизаном такие же, как в издании 1941 г. – контурные с плоской английской каской-тарелкой.

Солдат противника, изображенный на страницах «Спутника», гораздо больше похож на английского пехотинца, чем на немецкого: плоская каска, высоко поднятый ранец, отсутствие характерного цилиндра противогаза, тонкий штык на винтовке вместо тесака.

Издание 1941 г.

Издание 1943 г.

Рис. 59.
Тычок
лопатой.

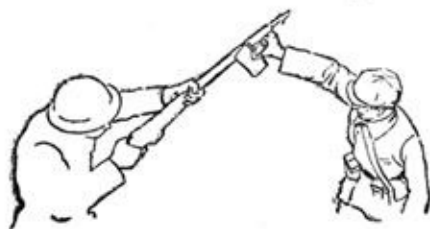
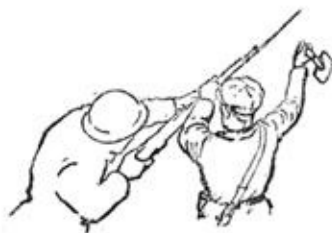

Рис. 60. Отбив вверх лопатой.

Рис. 61. После отбива вверх подсакивай к противнику, захватывая его винтовку левой рукой и наноси рубящий удар.

КОЛИ НОЖОМ!

Нож, кинжал, клинковый штык — все это грозное оружие рукопашного боя. Особенно выгодно применять их при тесном соприкосновении с противником — в окопах с перекрытием, в групповой схватке, в густом лесу или кустарнике, в воде.

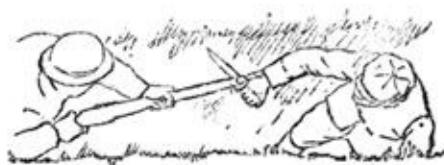

Рис. 62. Коли ножом: верхний рисунок — отвод винтовки противника вниз — направо; нижний рисунок — захват винтовки и удар ножом сверху.

Вспомнив, что в те далекие годы при подготовке книги к печати набор был ручным, долгим и трудоемким, можно предположить, что книга «Спутник партизана» была подготовлена еще до начала войны и сориентирована на другую войну, к которой Сталин тайно готовил страну. В таком случае ставшие невероятными после 22 июня 1941 г. плоские каски солдат противника сегодня вполне объяснимы. Они, конечно, могли казаться странными в годы войны, но в то время некогда было размышлять на подобные темы, — надо было бить врага. И на перерисовывание картинок с изображением врага у издателей уже не было времени. Набрали заново все, что касалось конкретностей начавшейся войны, — немецкой боевой техники, оружия, формы и знаков различия и т. п., а все сведения общего характера — способы ориентирования на местности, разжигания костра, строительства блиндажей, минирования железных дорог, а также ведения рукопашного боя — оставили прежними. Потому-то и стали «спутниками партизана» в рукопашном бою солдаты противника в странной форме с плоскими касками.

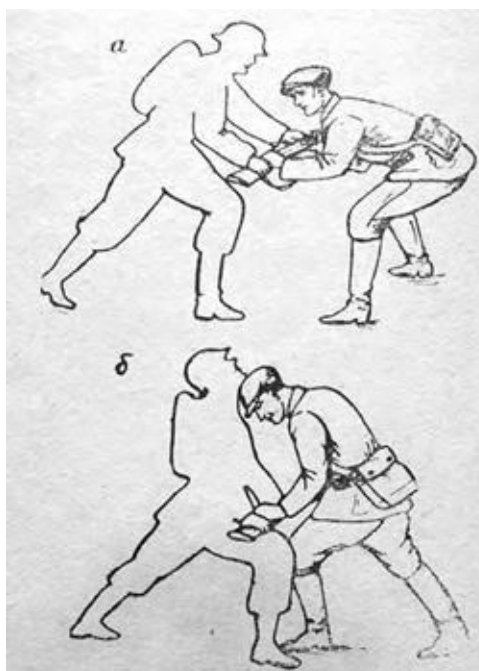

Рис. 110. Как обезоружить врага после отбива винтовки
вправо: а — захват винтовки обеими руками; б — рывок
на себя с ударом головой в подбородок.

298

XII. КАК ОКАЗАТЬ ПЕРВУЮ ПОМОЩЬ ЧЕМ И КАК ПЕРЕВЯЗАТЬ РАНЕНОГО

Для перевязки ран применяй перевязочный (индивидуальный) пакет, состоящий из двух ватно-марлевых подушек и бинта. Одна подушка пришита к концу бинта, а другая может быть передвинута вдоль бинта, на который она надета.

Чтобы наложить повязку, вскрой пакет, возьми бинт в правую руку, а левой рукой захвати конец бинта, к которому пришита подушка. Не касайся и не грязни подушечки с той стороны, которой она накладывается на раны. Если рана сквозная, наложи одну подушечку на входное отверстие, а другую — на выходное отверстие раны. Если рана имеет только одно отверстие, наложи на нее обе подушечки.

Прижми подушечки к ране оборотами бинта. Бинт раскатай правой рукой слева направо.

Если у тебя нет индивидуального пакета, для перевязки можно применять чистое по-

299

Правую кисть накладывай всегда поверх левой. Схваченную таким приемом руку противника обезоружь. Для этого упи большой палец правой руки в сгиб мизинца противника, а большой палец левой руки — в сгиб его безымянного пальца. Продолжая тянуть вооруженную руку к себе и нажимать большими пальцами на эти суставы, вывертывай руку противника влево и наружу от себя.

Рис. 106. Захват в «вилаку».

(рис. 107). Таким образом можешь бросить противника на землю, делая ему «подножку» или ударя ногой по его ногам (рис. 108). От сильной боли враг выпускает нож и остается безоружным.

Второй способ. Держи вооруженную руку противника одной левой рукой, а правой хватай за его левый локоть, и вместе с рывком на себя, наноси ему удар головой в подбородок или живот.

Рис. 107. Как вывертывать кисть противника.

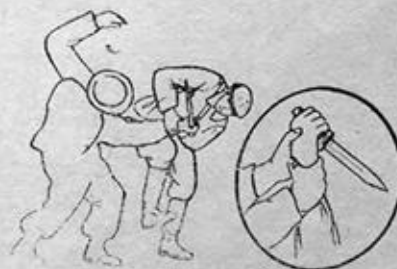

Рис. 108. Выворачивание руки противника сопровождается «подножкой» или ударом ногой по его ногам.

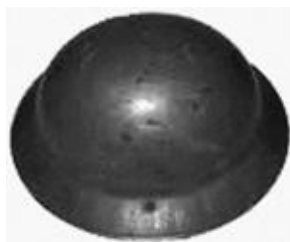

Английские солдаты-пехотинцы

Английская магазинная винтовка «Ли-Энфильд»

Английская каска

Немецкая каска

Английский пехотинец в бою

Английские солдаты в плену возле Дюнкерка

«Кто силен в воздухе, тот в наше время вообще силен» – это слова наркома обороны К. Ворошилова, сказанные 18 августа 1933 г. «по случаю» – в День Воздушного флота СССР. А если точнее – опубликованные в этот

день в газете «Правда» в его статье «К работникам, инженерам и техникам авиационной промышленности». Фраза так и просилась на плакат – и конечно же такой плакат появился. Он был цветным, если так можно сказать, ибо краску использовали лишь одну – красную. Ею раскрасили «гениальные» слова наркома и все самолеты со звездами (мне рассказывал один коренной москвич, что видел в предвоенные годы, как на каком-то первомайском параде к Красной площади пролетела пятерка истребителей красного цвета).

Этот плакат создавал целый авторский коллектив художников во главе с известнейшим В. Дени. Но вот что интересно – в выходных данных плаката почему-то указаны две даты – «1938 г.» и «1941 г.». Возле второй даты стоит название организации, выпустившей этот плакат, – ДОСААФ. Исходя из этого, можно предположить, что плакат был разработан художниками в 1938 г., но отпечатали его почему-то лишь в 1941-м.

Тогда можно кое-что понять, ведь на нем изображено, как советские истребители громят самолеты противника. А противник хотя и зашифрован, но узнаваем: эмблема на крыльях его самолетов – белый круг, что никак не может быть свастикой или крестом, значит, это не немцы и не франкисты с их Х-образным крестом. В 1938 г. наиболее вероятно, что это были японцы. Но 13 апреля 1941 г. был подписан Пакт о нейтралитете между СССР и Японией, японского министра Йосико Мацуоку лично провожал на вокзал его великий тезка, так что в адрес Японии никаких намеков быть не могло. Остается Англия, тогда и пейзаж на плакате кое о

чем говорит: уж не Ла-Манш ли на нем изображен – один берег низкий, почти пляж возле Дюнкерка, а противоположный – с грядой меловых холмов?

Ведь в период между 13 апреля и 22 июня 1941 г. этот почти антибританский плакатик выглядел вполне уместно.

Для понимания того, кто в нашей стране считался врагом в предвоенный период, весьма показательна история еще одного плаката. Он случайно промелькнул как-то передо мной в Интернете в варианте № 1, и именно потому, что я не понял сразу, о чем речь – кто такие народы-братья, бомбящие Лондон, пришлось к нему несколько раз возвращаться, пока не стало ясно, что на плакате изображены немецкий (с крестом) и французский (с круглой трехцветной эмблемой) самолеты. Неужели вишистские вооруженные силы помогали немцам бомбить Лондон? Это было невероятно. Дальнейшие поиски в Интернете привели к тому, что я нашел еще два варианта этого плаката: № 2 – с советским и немецким самолетами и № 3 – с советским и английским самолетами. Кстати, в Интернете сказано, что авторами плаката были лучшие сатирики страны – поэт С. Я. Маршак и художники Кукрыниксы. Стало очевидным, что вариант № 3 мог появиться на свет в период Великой Отечественной войны: начиная с 8 августа 1941 г. советские летчики полка морской авиации Преображенского совершили первые налеты на Берлин. Вариант № 1 мог относиться к периоду с июля 1940 г. по ноябрь 1942-го – ведь бомбили же французы в ответ на потопление своего флота англичанами английскую базу в Гибралтаре. А вот вариант № 2 мог существовать только в период с 17 сентября 1939 г. по 22 июня 1941-го. Возникло предположение, что вариант № 1 и № 2 – фальшивки, запущенные с какой-то целью в Интернет. Я решил сравнить изображенные на плакатах самолеты с реальными бомбардировщиками, бывшими в то время на вооружении у русских, немцев и англичан. Сходство обнаружилось лишь с двумя – советским Ер-2 и немецким До-17. Значит, изначально существовал вариант № 2, который впоследствии заменили на вариант № 3. Стало быть, вариант № 1 – фальшивка. Он и сделан второпях, о чем свидетельствуют такие детали, как непонятно почему красный цвет французского самолета – его просто оставили с плаката-оригинала № 3, отсутствие опознавательного знака на правом крыле (просто забыли подрисовать) и нарисованный «в лоб», без учета перспективы, опознавательный знак на левом крыле. Вариант № 2, возможно, был отпечатан в типографии, но в дело так и не пошел. А публиковался, скорее всего, лишь вариант № 3.

Вариант № 1

Вариант № 2

Вариант № 3

Советский бомбардировщик Ер-2

Немецкий бомбардировщик До-17

А вот еще один интересный факт, правильно понять который позволяет вариант № 2 этого плаката. Об этом факте сообщает в своих

мемуарах «Прозрение» генерал-майор Бурцев (М.: Воениздат, 1981), возглавлявший перед войной отдел по работе среди войск противника (Седьмой отдел) Политуправления РККА. В начале мая 1941 г. нарком обороны маршал Тимошенко вызвал к себе в кабинет сотрудников Седьмого отдела в полном составе (беспрецедентный случай!) и имел с ними беседу, затянувшуюся до полуночи. «Нарком интересовался и южным, и восточным, и западным направлениями, всеми сопредельными странами, их армиями», – пишет Бурцев. Однако на следующий день отдел получил совершенно определенную задачу: «В предельно короткий срок подготовить специальный доклад о Германии и вермахте». Скорее всего, в связи с предстоящей совместной операцией Германии и СССР нарком обсуждал с сотрудниками Седьмого отдела, как в новой ситуации позиционировать и объяснять контакты с немецкими солдатами и офицерами и какие при этом претензии следует предъявлять давнему недругу Англии (недаром же вся Красная Армия с 1918 г. пела: «И от тайги до Британских морей...»).

На сайте zhistory.org.ua/biggame.htm Кейстута Закорецкого, которого считаю серьезным, внимательным, глубоким и результативным исследователем событий 22 июня 1941 г. (хотя, на мой взгляд, недостаточно критично относящимся к версии Суворова-Резуна), я прочел такую информацию:

«Кстати, на обсуждении фильма “Последний миф” на канале “1+1” 30 июня 2001 г. (POSL_MIF.HTM) был продемонстрирован довоенный фильм Днепропетровской киностудии о том, как девчата колхоза “Коммунар” на Днепропетровщине увлеченно изучают технику гранатометания (фото с экрана телевизора):

Кадры из довоенного фильма Днепропетровской киностудии

Так вот, гранаты они кидали по мишеням, изображавшим английских солдат»

Мишень для обучающихся стрельбе

Позволю себе прокомментировать приведенные К. Закорецким кинокадры.

Кадр 1-й. Назван сюжет документального фильма или киножурнала:

«Славные патриотки». Назван Днепропетровск – центр области, где находится колхоз «Коммунар», то есть довольно точно указано место съемки сюжета. Указан кинооператор Днепропетровской киностудии, снявший этот сюжет – М. Богомолец.

Кадр 2-й. Надпись на избе: «Дом обороны», где, очевидно, колхозом «Коммунар» выделено помещение для занятий по военному делу, хранения учебного оружия и пособий по военной подготовке колхозной молодежи.

Кадр 3-й. Отделение, составленное из девушек-колхозниц, марширует по селу с трехлинейками и противогазами. Возможно, они идут на стрельбище – стрелять или кидать гранаты по мишеням, представляющим собой целящихся английских солдат.

Кадр 4-й. Девушки на стрельбище. Военрук дает одной из них учебную гранату и объясняет, что с ней надо делать.

Кадр 5-й. Мишень в виде английского солдата, перед ней лежит, очевидно, только что брошенная в нее учебная граната.

Самое интересное то, что я нашел в Интернете кинокадры, где на стрельбище в кадре одновременно 8 мишеней в виде такого же, как на этом фото, английского солдата! .

Все эти изобразительные средства пропаганды – и рисунок противника в «Спутнике партизана», и плакаты с самолетами, и кадр из фильма с мишенью в виде английского солдата в тарелкообразной каске – говорят о том, что образ врага тогда не был выдумкой какого-то начальника «на местах», а широко тиражировался. Значит, был в русле предвоенной государственной политики СССР. Но после начала Великой Отечественной войны было сделано все, чтобы об этом забыли, а уж забывать-то у нас умели.

А вот еще подтверждения того, что в 1938 г. противником считалась Германия, а в 1940–1941 гг. Англия. Причем подтверждения стихотворные:

...Под Кенигсбергом на рассвете
Мы будем ранены вдвоем,
Отбудем месяц в лазарете,
И выживем, и в бой пойдем.

Константин Симонов, 1938 г.

...Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,

Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя.

Павел Коган, 1940–1941 гг.

Из этих стихов видно, что за два года советская пропаганда произвела смену «образа врага»: в 1938 г. потенциальным противником нашей страны считалась фашистская Германия, в 1940–1941 гг. – Англия и Япония (а с 13 апреля 1941 г. Япония перестала быть врагом, следовательно, осталась только Англия).

Нелегко с «образом врага» пришлось и советским кинематографистам, когда в 1938 г. они снимали пропагандистский «художественный» фильм «Если завтра война».

Основу фильма составили документальные кадры, снятые во время учений Красной Армии, а вот с противником, которого в фильме громят «малой кровью могучим ударом», пришлось повозиться – для него надо было шить костюмы, выбирать символику и язык, всячески маскируя его национальную принадлежность. Поэтому френчи и фуражки – английские, каски – французские периода Первой мировой войны, погоны нашиты по-японски – поперек плеча, а речь – почти немецкая. А может быть, это все надо было понимать как изображение «крестового похода» капиталистических стран против СССР?

Кадр из фильма «Если завтра война»

Есть и другого рода «вещественные доказательства» в деле образа врага в предвоенный период – это политические карикатуры в советской печати. Одним из самых ярких карикатуристов в нашей стране был Борис

Ефимов. Недавно на арбатском книжном развале я купил альбом его карикатур «Поджигатели войны», изданный в 1938 г. издательством «Искусство». Из него видно, какие ассоциации вызывали в 1936–1938 гг. те, кто в августе 1939 г., как по мановению волшебной палочки, вдруг станут лучшими друзьями нашей страны, с которыми мы рука об руку в течение двух лет будем бороться с английскими и французскими «поджигателями войны» и придем к катастрофе 22 июня 1941 г.

БРАК ПО ЛЮБВИ... К ЧУЖИМ ТЕРРИТОРИЯМ

Карикатуры 1936 г.

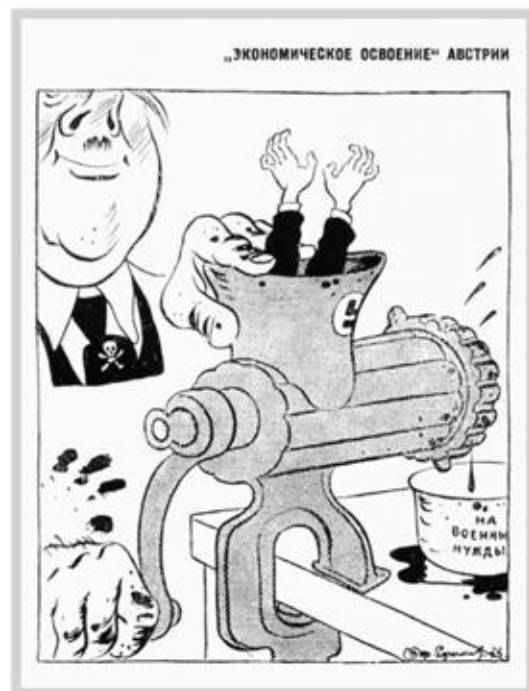
НЕУСТОЙЧИВОЕ РАВНОВЕСИЕ

МЕЧТЫ ФАШИСТСКИХ КАННИБАЛОВ
(Римско-берлинский вариант)

Карикатуры 1937 г.

Карикатуры 1938 г.

И вот после такого трехлетнего пропагандистского «парада алле» 23 августа 1939 г. в Москву прилетает Риббентроп, за день решаются все проблемы и все вопросы, и 24 августа Советский Союз заключает с

Германией пакт о ненападении, а через неделю после этого Германия нападает на Польшу. 3 сентября Англия и Франция объявляют войну Германии. 17 сентября в Польшу входят и советские войска. А через месяц, 28 сентября, СССР и Германия заключают еще один договор – о дружбе и границе. А еще месяц спустя советский народ получит объяснения происходящего от главы правительства В. Молотова:

«Под “идеологическим” флагом теперь затеяна война еще большего масштаба и еще больших опасностей для народов Европы и всего мира. Но такого рода война не имеет для себя никакого оправдания. Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это – дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. **Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за “уничтожение гитлеризма”, прикрываемая фальшивым флагом борьбы за “демократию”**» (из выступления на сессии Верховного Совета 31 октября 1939 г.).

А ровно месяц спустя после речи Молотова будут опубликованы объяснения и самого вождя:

«а) не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну;

б) после открытия военных действий Германия обратилась к Франции и Англии с мирными предложениями, а Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии, ибо он считал и продолжает считать, что скорейшее окончание войны коренным образом облегчило бы положение всех стран и народов;

в) правящие круги Франции и Англии грубо отклонили как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны.

Таковы факты.

Что могут противопоставить этим фактам кафешантанные политики из агентства Гавас?» («Правда» 30 ноября 1939 г.).

Последней фразой Сталин будто предлагал тему для карикатуры Б. Ефимову или Кукрыниксам, где можно было бы очень остроумно обыграть и лгунов из демократического парижского кафе-шантана, и истинных поджигателей войны, а также показать непоколебимое миролюбие советского лидера.

О ЛЖИВОМ СООБЩЕНИИ АГЕНТСТВА ГАВАС

Редактор «Правды» обратился к тов. Сталину с вопросом: как относится т. Сталин к сообщению агентства Гавас о «речи Сталина», якобы произнесенной им «в Политбюро 19 августа», где проводилась якобы мысль о том, что «война должна продолжаться как можно дольше, чтобы истощить воюющие стороны».

Тов. Сталин прислал следующий ответ: «Это сообщение агентства Гавас, как и многие другие его сообщения, представляет вранье. Я, конечно, не могу знать, в каком именно кафе-шантане сфабриковано это вранье. Но как бы ни врал господин из агентства Гавас, он не может отрицать того, что:

а) не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на

Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну;

б) после открытия военных действий Германия обратилась к Франции и Англии с мирными предложениями, а Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии, ибо он считал и продолжает считать, что скорейшее окончание войны коренным образом облегчило бы положение всех стран и народов;

в) правящие круги Англии и Франции грубо отклонили, как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны.

Таковы факты.

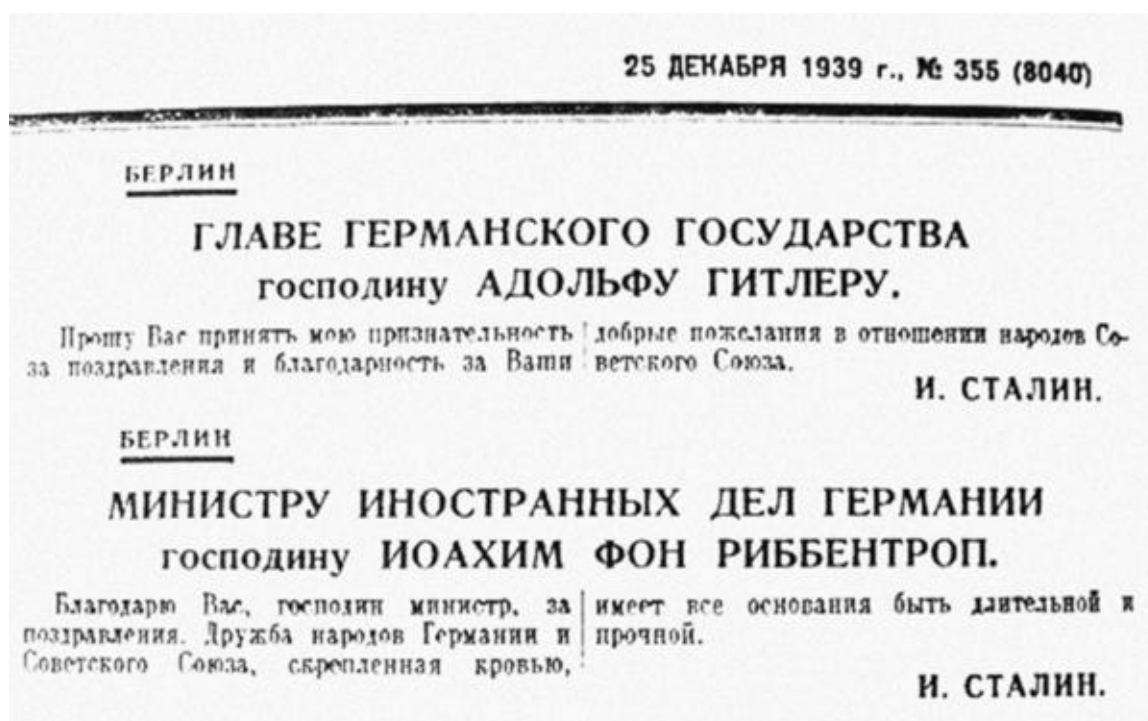
Что могут противопоставить этим фактам кафе-шантанные политики из агентства Гавас?»

Менее чем через месяц после этого Сталин даст свою пророческую характеристику новоявленной дружбе СССР с гитлеровской Германией – «дружба, скрепленная кровью» и даже опубликует ее в газете «Правда». История появления столь невероятного тогда и гораздо более понятного сегодня определения этой дружбы такова.

21 декабря 1939 г. Гитлер и Риббентроп поздравили советского вождя с 60-летием телеграммами, которые были немедленно опубликованы во всех советских центральных газетах. Дело в том, что поздравления Сталину от лидеров зарубежных стран в тот момент были в большом дефиците – кроме руководства Германии единственное поздравление поступило из Финляндии. Но, конечно, не из Хельсинки, столицы той Финляндии, с которой шла тогда «зимняя война», а из Териоки, где временно находилось Народное правительство Финляндской Демократической Республики, которым руководил член Исполкома Коминтерна Отто Куусинен. А 25 декабря 1939 г. в газете «Правда» были напечатаны ответные благодарственные телеграммы Сталина Гитлеру и Риббентропу. В телеграмме Риббентропу и появились эти удивительные слова о дружбе народов СССР и Германии.

Высказывалось немало объяснений столь странного определения

советско-германской дружбы и множество догадок – чью же кровь Сталин имел в виду. Предполагали, что это кровь поляков, пролитая в сентябре 1939 г.; что это кровь немецких солдат и советских красноармейцев, пролитая в тот же период; что это кровь немцев, а также украинцев и белорусов, долго страдавших от режима Пилсудского; один историк даже связывает эту кровь с тем, что «немцев и русских связывали прочные революционные традиции, что народы обеих стран принесли немалые жертвы на алтарь общей борьбы за социальный прогресс» (уж не пивной ли путч или гибель Хорста Весселя имеется в виду?). Высказывалось также предположение, что он имел в виду кровь, пролитую советскими и немецкими антифашистами – участниками гражданской войны в Испании...

Выскажу и свое предположение. Мне кажется, эту «кровь» надо связывать с тостом Сталина после подписания договора о ненападении ночью 24 августа 1939 г. (который обычно подают просто как тост за Гитлера, «которого так любит немецкий народ»). Дело в том, что на Кавказе существовал древний обычай – при заключении договора о дружбе смешивать вино с несколькими капельками крови договаривающихся, разливать по чашам и выпивать его. Отмеченная таким ритуалом дружба называлась «дружба, скрепленная кровью» – то есть вечная дружба на все

времена, а отнюдь не временный союз, заключенный для достижения сиюминутных выгод. Я конечно же не думаю, что подобный «кровавый» ритуал был совершен 24 августа 1939 г., скорее всего, Сталин просто применил этот оборот как образ, стараясь подчеркнуть крепость и незыблемость новоявленной дружбы. Однако эти слова в его устах оказались страшным пророчеством.

Тост за «дружбу, скрепленную кровью»

На столе у Молотова перед войной

Представленная здесь подборка из вопросов, поступивших на имя Председателя Совнаркома В. М. Молотова в январе – мае 1941 г. (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 413. Л. 32 – 165), показалась мне заслуживающей внимательного рассмотрения, ибо помогает лучше понять предвоенную обстановку в стране.

№ п/п	Кто вносит и на чье имя	Краткое содержание	Направление
3	т. Мехлис (НКГК) т. Молотову т. Микояну	(Л. 32) 11 января 1941 г. Ревизией НКГК вскрыто, что в московском центральном аэро- порте Гражданского воздушного флота бесхозяйственно и неза- конно расходовался авиабензин. Виновные привлечены к дисци- плинарной и уголовной ответ- ственности. Т. Молокову дано указание об установлении систематического контроля за расходом горючего в аэропортах ГВФ.	т. Первухину

7	Пономаренко
(ЦК КПБ(б))
т. Сталину
т. Молотову	...прибавка 20—30% цимола к низкосортному бензину повышает октановое число с 60 до 100, превращая его в авиационный высокооктановый. [Цимол можно добывать из скипидара. Предлагает увеличить его добычу.]	
1	Тимошенко	(Л. 46) 20 января 1941 г.
...просит увеличить отпуск бензинов для закладки в запас, обязать НКАП ускорить производство моторов, работающих на горючем с более низким октановым числом, а НКНП увеличить производство высокооктановых бензинов.	Первухину
Вознесенскому
2	Тимошенко	Просит разрешить выплатить денежную компенсацию за не использованный в 1940 г. очередной отпуск тем военным, которые этим отпуском не смогут воспользоваться и в 1941 г. По смете НКО... 100 млн. руб.	Звереву
Булганину
4	Тимошенко
(Сталину,
Молотову)	(Л. 48) 21 января
Во исполнение приказа о переводе на казарменное положение срочно-служащих летно-технического состава ВВС КА и выселении их семей из авиа-гарнизонов на 20.1.41 переведено на казарменное положение 13 887 человек (38%...) и выселено 5170 семейств (57%...).	
	Кузнецов
(НКМФ)	(Л. 58) 28 января
Просит о закупке в Германии теплохода «Пантера» в качестве учебного корабля для подготовки слушателей и курсантов ВМФ.	

2	Кузнецов
(НКМФ)	<p>(Л. 70) 7 февраля
Для обеспечения нормальной эксплуатации и обслуживания купленного в Германии крейсера «Петропавловск» (бывший «Лютцов») ... о командировании в Германию 50 наших моряков для обучения... а также разрешить допуск в СССР 10 немецких специалистов для обучения наших моряков на крейсере.</p>	
8	Кузнецов
(НКВМФ)	<p>(Л. 82) 20 февраля
Германское военно-морское командование дает согласие на участие 5 наших командиров в одно-двухдневном выходе на заводские испытания однотипного с «Петропавловском» («Лютцевом») крейсера, а также на посещение осенью 1941 г. небольшой группой наших крейсеров немцами, в которых проводится подготовка команд по обслуживанию приборов управления артогнем.</p>	
10	Мехлис	<p>(Л. 85) 22—23 февраля
Сообщает, что т. Локтионов, бывший командующий Прибалтийским военным округом при отъезде из Риги увез с собой из занимаемой им квартиры в доме бывшего министра Латвии мебель и посуду на 45 тыс. руб. Считает, что поступок Локтионова нельзя оставить безнаказанным.</p>	<p>Ворошилову
(зачеркнуто)
«за ВМ»</p>

8	Пронин (Мосгор- исполком)	(Л. 87) 25 февраля В Москве в тоннелях метро и построенных в подвалах убежищах может укрыться только 470 тыс. человек. [Необходимо дополнительно построить 4 тыс. бомбоубежищ, приспособив подвалы]	Ворошилову Булганину
1	Шахурин (НКАП)	(Л. 115) 21 марта [Предлагает проект постановле- ния Комитета Обороны о строи- тельстве 20-местного десантного планера. Просит...1,5 млн. руб.]	Если с т. Воро- шиловым + М (так в тексте. — А. О.)
1	Тимошенко Жуков	(Л. 125) 31 марта Просят обязать соответствующие Наркоматы изготовить в 1941 г. 20 штук железнодорожных кранов грузоподъемностью 75 тн. и 30 тн. грузоподъемностью 45 тн., нужных НКО для погрузки и выгрузки тяжелых танков.	Вознесенскому Сабурову
14	Иванов (начальник 4 ГУ НКБ) (Молотову)	(Л. 129) 2—3 апреля Сообщает о неудовлетворительном состоянии производства боеприпасов... а также о причинах предварительных разрывов снарядов. Вносит на рассмотрение ряд предложений по улучшению производства боеприпасов.	Вознесенскому Ворошилову
14	Чесноков (НКЛП)	(Л. 131) 5 апреля Вносит на рассмотрение проект постановления ЦК и СНК о закупке в Германии лицензии и оборудования для производства искусственной шерсти.	Сабурову (Госплан) Микояну (НКВТ) На заключение Косыгину

3	Жуков (НКО)	(Л. 132) 7 апреля Постановление СНК от 31.1.40 запрещает полеты наших само- летов в 7,5 км пограничной зоне без предварительного оповещения погранвластей. Это затрудняет борьбу с нарушающи- ми госграницы иностранными самолетами. Просит изменить это постановление, разрешив нашим самолетам производить полеты с одновременным опо- вещением погранвластей.	
2	Тимошенко Жуков (НКО)	(Л. 150) 19 апреля Сообщают о результатах про- веденной инвентаризации бензотары и горюче-смазочных материалов в КА. Просят: 1) Принять ряд мер по увеличе- нию производства высокоокта- новых бензинов. 2) Заложить в НЗ 61 тыс. тн. автобензина и 38 тыс. тн. авто- тракторного горючего (<u>для отмо- билизации воинских частей</u>)*. 3) Ускорить производство бензо- цистерн, заправщиков, насосов и др.	Вознесенскому Берии
5	Шашков (НКМФ)	Просит выделить дополнительно 520 тн. троса, необходимого для оснащения выпуска судов в на- ступающую навигацию.	Сабурову (план) Кагановичу
9	Лобанов Бенедиктов	(Л. 156) Вносят на рассмотрение проект постановления СНК о сборе и регенерации отработанных не- фтяных масел в МТС и совхозах.	Сабурову (Госплан) Записка Ан- дрееву

9	Кузнецов НКВМФ	(Л. 159) Просит заказать в Германии 100 контактно-пусковых часов для радиомаяков ВМФ. Стоимость 180 тыс. германских марок.	
1	Хрущев Корниец	3 мая Просят утвердить стоимость строительства тоннельного убежища в Киеве на 4,5 тыс. чел. с вводом в 1942 году.	
2	Хрущев Корниец	Просят утвердить стоимость строительства тоннельного убежища в Киеве для ЦК, СНК и Президиума Верховного Со- вета Украины.	
6	Кузнецов Носенко (НКВМФ, НКСП)	Вносят на рассмотрение проект постановления СНК и ЦК о ме- роприятиях по увеличению на 4 единицы количества строя- щихся в 1941 году сторожевых кораблей проекта 29 и на 6 еди- ниц количества подводных лодок XV серии.	Ворошилову Вознесенскому
7	Кузнецов Носенко (НКВМФ НКСП)	Вносят на рассмотрение проект постановления СНК и ЦК о зада- ниях по строительству в 1941 г. линкоров «Советский Союз», «Советская Россия» и «Советская Украина».	Ворошилову Вознесенскому
3	Буденный	5 мая Просит обязать НКСМ изготовить в 1941 г. дополнительно 42 элек- тростанции КЭС-12-36, необходи- мые для укомплектования поле- вых автохлебозаводов и походных механических прачечных.	

По тематике эти вопросы распределились так:

1. Четыре вопроса об экономии горючего (№ 3 и № 7 в январе, № 9 в апреле и № 8 в мае; а также четыре вопроса о мерах по увеличению его производства и качества (№ 1 в январе; № 2.1, 2.2 и 2.3 в апреле), из чего видно, что это было в то время очень важной задачей, ибо помимо накопления собственных стратегических запасов горючего Советский Союз должен был ежемесячно поставлять его в Германию в обмен на новейшую военную технику, станки, оборудование и пр. (Есть сведения, что увеличение советских поставок нефтепродуктов, ставшее одним из результатов берлинского визита Молотова в ноябре 1940 г., осуществлялось целиком за счет внутренней экономии внутри страны.)

2. Пять вопросов, которые могли иметь непосредственное отношение к Великой транспортной операции в 1941 году:

а) о 100 млн руб. денежной компенсации «за неиспользованный в 1940 г. очередной отпуск тем военным служащим, которые этим отпуском не смогут воспользоваться и в 1941 г.». Стало быть, уже были запланированы действия, из-за которых большинство командиров не смогут получить положенный отпуск. Если учесть, что в то время оклад командира взвода составлял 650 руб., роты – 800, батальона – 975, полка – 1 425, дивизии – 2 050 руб., то получается, что в 1941 г. планировалось отпустить большинству командиров отменить;

б) о переводе летно-технического состава ВВС на казарменное положение и выселении их семей из авиагарнизонов^[72] (это должно было сохранить секретность и оперативность колоссальных авиаперевосов во время Великой транспортной операции);

в) о создании 20-местных десантных планеров;

г) об изготовлении железнодорожных подъемных кранов для погрузки тяжелых танков;

д) о выделении дополнительно 520 т троса для наркомата речного флота (при диаметре троса 25 мм это 2 500 м), что, на мой взгляд, было

необходимо для буксировки барж с танками по каналам и рекам Польши и Германии к Северному морю и Ла-Маншу, а также по советским каналам и рекам к Черному морю;

е) о заказе на изготовление 42 электростанций для полевых автохлебозаводов и походных механических прачечных.

3. Пять вопросов по сотрудничеству с Германией: 1) о закупке учебного судна, 2) о командировании советских моряков в Германию и немецких в СССР для обучения советской команды купленного в Германии крейсера «Петропавловск» (бывший «Лютцев»), 3) об участии наших командиров в заводских испытаниях крейсера в Германии, 4) о закупке лицензии и оборудования для производства искусственной шерсти, 5) о заказе пусковых часов для радиомаяков ВМФ.

4. Три вопроса, связанные со стратегическим оборонным строительством – бомбоубежищ в крупных городах, в том числе в Москве с использованием метро.

5. Два вопроса по строительству в 1941 г. трех линкоров, четырех сторожевых кораблей и шести подводных лодок XV серии (типа «Малютка»).

Из этой выборки видно, что в последние предвоенные месяцы перед Председателем Совнаркома не поднимаются вопросы об усилении оборонительных рубежей на западной границе, хотя уже более полугода на ней сосредотачиваются немецкие войска. Напротив, с 30.1.40 г. действует постановление СНК, запрещающее полеты нашей авиации в приграничной зоне (7,5 км) без предварительного оповещения погранвластей. И Жуков в своем вопросе от 7 апреля просит изменить это постановление, потому что оно затрудняет борьбу с самолетами-нарушителями.

Единственный в этом перечне вопрос о по-настоящему оборонительном мероприятии – строительстве бомбоубежищ – вполне мог подниматься как мера предосторожности и на случай войны с Англией.

Характерно сообщение наркома госконтроля Мехлиса о бывшем командующем ПрибОВО Локтионове. Не исключено, что это просто навет, но вполне возможно, что это часть «легенды» для прикрытия истинной работы Локтионова в то время – подготовки переброски советских войск (в том числе авиации) через Польшу и Германию к берегам Северного моря и Ла-Манша как части Великой транспортной операции. Мною обнаружен подлинник приказа наркома обороны от 29 ноября 1940 г. об освобождении Локтионова от должности командующего ПрибОВО, согласованный с Политбюро (см. с. 453). В нем говорится, что Локтионов освобожден по болезни по его личной просьбе и зачислен в распоряжение наркома

обороны с предоставлением длительного отпуска для лечения. Интересно, что за четыре дня до начала войны (18 июня 1941 г.) нарком Тимошенко представит в Политбюро для согласования последний приказ о перестановках в высшем военном руководстве, где первым пунктом будет назначение «больного» и «проштрафившегося» Локтионова на очень высокую должность – генерал-инспектора пехоты Красной Армии. Но почему-то якобы именно в этот день он был арестован.

Комиссия люфтваффе проверяет ВВС И НКАП в апреле 41-го

Для реализации экономического и военно-технического сотрудничества в рамках заключенных между СССР и Германией договоров и ряда соглашений, в первую очередь Хозяйственного, с германской стороны в 1939 г. была создана комиссия, аналогичная советской Хозяйственной комиссии, которую возглавлял нарком Тевосян. Она называлась Экономической комиссией, и возглавляли ее посол по особым поручениям МИД Германии Карл Риттер и заведующий восточноевропейской референтурой экономическо-политического отдела МИД Карл Шнурре. Что означало подобное дублирование, пока не очень понятно – то ли они руководили Экономической комиссией на равных, то ли по очереди, то ли один был руководителем, а второй заместителем, как Савченко при Тевосяне. Во всяком случае, известно, что Риттер в германском МИДе ведал экономическими проблемами войны, а Шнурре был первым официальным лицом, с которым шел разговор о возможном сближении Германии и СССР (с советской стороны в нем участвовал временный поверенный в делах СССР Георгий Астахов) еще 5 мая 1939 г.

Эксперт этой комиссии советский тайный агент Г. Кегель утверждает: «В секторе стран Восточной Европы отдела торговой политики вопросами отношений с Советским Союзом ведал советник Шнурре... Руководство делегацией и право решения вопросов в ходе переговоров – в руках министерства иностранных дел, а конкретно – посла Риттера, замещать и представлять которого поручено ему, Шнурре» (Г. Кегель. «В бурях нашего века. Записки разведчика антифашиста» [_nashego_veka_zapiski_razvedchika-antifash_id113474_page43.html](#). С. 43).

О составе немецкой Экономической комиссии практически ничего не известно, кроме промелькнувшего количества ее членов (30 человек) во время одного из ее приездов в Москву. Полагаю, что из этого списка можно было бы узнать много интересного о предвоенных отношениях СССР и Германии, например, если в нем обнаружится много военных. Так, на единственной опубликованной в 2009 г. фотографии встречи этой комиссии в Москве в «Вестнике АП РФ» [18. С. 225] я разглядел лицо «похожее на»... К. Боденшатца – в то время начальника управления министерства авиации, полковника люфтваффе, военного адъютанта Геринга и его

личного представителя при фюрере.

Есть целый ряд записей переговоров руководителей немецкой Экономической комиссии с советским руководством, в том числе со Сталиным, Молотовым и Микояном. Тем не менее полный состав Экономической комиссии до сих пор неизвестен. Однако мне удалось обнаружить в РГАСПИ в «Особой папке» с решениями Политбюро за 1941 г. решение о посещении одной немецкой комиссией советских авиазаводов в апреле этого года, то есть за два месяца до начала войны. Пожалуй, это первый полностью публикуемый документ о программе и порядке приема подобной немецкой комиссии в СССР.

«О пребывании в СССР германской авиационной комиссии»

(Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)). Решение ПБ № 30/5 от 2 апреля 1941 г.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1) Поручить наркому авиапромышленности т. Шахурину А. И. показать прибывшей в СССР германской авиационной комиссии следующие предприятия НКАП: заводы № 1, 19, 22, 24, 26, большую аэродинамическую и винтовую трубы ЦАГИ, а также завод “Шарикоподшипник” Наркомсредмаша.

2) Утвердить следующий план показа предприятий (Приложение № 1).

3) Непосредственное руководство и организацию показа заводов возложить на замнаркома авиационной промышленности т. Яковлева А. С.

4) Утвердить в качестве сопровождающих германскую авиационную комиссию:

от Наркомавиапрома – т. Репина А. К.

от управления ВВС – т. Филина А. И.

от Наркомвнешторга – т. Михина В. К.

5) Отпустить Наркомавиапрому из резервного фонда СНК СССР на расходы, связанные с пребыванием германской авиационной комиссии в СССР, – 90 тыс. руб.

6) Обязать наркома путей сообщения т. Кагановича представить по требованию Наркомавиапрома для перевозки германской авиационной комиссии спальный вагон с прицепом его к поездам по указанию Наркомавиапрома.

Выписки посланы т.т. Шахурину, Микояну, Рычагову, Чадаеву – все, Кагановичу – 6, Звереву – 5

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Ед. хр. № 33. Л. 99)

**План посещения германской авиационной комиссией заводов
НКАП.**

2 апреля 18–19 Прием в НКАП.

7 апреля 12–17 Посещение завода № 1 (объяснения дают директор завода Третьяков, главный конструктор Микоян, сопровождает главный инженер Литвинов и зам. директора Иванов +3)^[73]

8 апреля 12–17 Посещение завода № 24 (объяснения дают директор Жезлов, главный инженер Куинджи +3)

9 апреля Поездка в Рыбинск. Посещение моторного завода № 26 (объяснения дают директор т. Лаврентьев, главный конструктор т. Климов, сопровождают +3)

10–11 – 12 апреля – Поездка в Молотов. Посещение завода № 19 (объяснения дают директор завода т. Юсин, главный инженер т. Лосев, сопровождают +3)

15 апреля 12–17 Посещение завода № 22 (объяснения дают директор завода Окулов, главный конструктор т. Петляков, сопровождают +3)

19–24 Посещение большой трубы ЦАГИ (объяснения дает профессор Юрьев, сопровождает профессор Поликовский и инженер (?) Сопман +3)

16 апреля 19–23 Обед, устроенный НКАП».

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Ед. хр. 33. Л. 99 – 100)

Анализ этого плана показывает, что комиссия 2 апреля уже была в СССР, но с 3 по 6 апреля не имела плана работы. Значит, либо ей было предоставлено время для осмотра достопримечательностей, что маловероятно, либо из соображений секретности ее деятельность в указанные дни не раскрыта и сегодня. Вполне возможно, что гости посещали в эти дни авиационные части, НИИ ВВС, ЛИИ НКАП^[74] в Жуковском и полигон в Ногинске, где наблюдали полеты, а в Ногинске даже стрельбы и бомбометание с советских самолетов, в первую очередь МиГ-3 и Пе-2.

Оказалось, что в упомянутом выше «Вестнике Архива Президента РФ» [18. С. 320–324] был опубликован отчет о пребывании в СССР именно этой комиссии. Из него следует, что она прибыла 29 марта 1941 г., за четыре дня до принятия соответствующего Постановления СНК и ЦК и за девять дней до первого посещения ею авиазавода. Тогда весьма вероятно, что целую неделю она провела на военных и испытательных аэродромах и полигонах (как и советские авиационные комиссии в Германии). Другой причиной отсутствия плана работы комиссии в течение 5 дней могли стать

события в Югославии, 5 апреля 1941 г.: СССР подписал с этой страной договор (в церемонии подписания принял участие сам Сталин), а утром 6 апреля немцы подвергли Белград жестокой бомбардировке. И в тот же самый день немецкая делегация начала осматривать советские авиазаводы. О том, как это происходило, рассказывает следующий документ.

«Записка наркома авиапромышленности А. Шахурина И. Сталину

№ Н-25/2924 25 апреля 1941 г.

Секретно

Экз. № 1

ЦК ВКП(б)

товарищу Сталину И. В.

Направляю Вам отчет о посещении заводов авиационной промышленности СССР Германской Комиссией.

А. Шахурин

ПРИЛОЖЕНИЕ

Секретно

Отчет о посещении заводов авиационной промышленности СССР германской авиационной комиссией за время с 29 марта по 16 апреля 1941 г.

Состав германской авиационной комиссии:

1. ЧЕРЗИХ Гюнтер – инженер генерал, руководитель комиссии, работает в министерстве авиации. С 1923 по 1930 г. работал в СССР в качестве помощника технического директора авиационного завода № 22, а затем в плановом отделе авиатреста. Говорит по-русски.

2. ШВЕНКЕ Дитрих – инженер полковник, работает в министерстве авиации. Был помощником германского авиационного атташе в Лондоне. В 1932 г. был в СССР и осматривал завод № 22 и ЦАГИ. Летчик.

3. ШАДЕ Евгений – директор авиационных заводов АТГ (всеобщее транспортное общество) в Лейпциге. Был техническим директором завода № 22. Говорит по-русски. Выехал в Германию 9.IV-41 г., осмотрев только два завода – № 1 и № 24.

4. КЮНКЕЛЕ Вильгельм – директор от фирмы Даймлер Бенц. Хороший специалист, под его руководством построены новейшие заводы авиационных моторов фирмы Даймлер Бенц в Мариенфельде и Генсхагене. Бывал в Америке, знает американскую промышленность авиационных моторов.

5. ЛОССНИТЦЕР Отто – директор завода фирмы Маузер. Несколько раз был в СССР в Липецке, в летной школе. Общая продолжительность

пребывания в СССР около 3-х лет. Понимает русский язык, но говорит плохо. Летчик.

6. ЭКЛ Отто – один из директоров авиационного завода фирмы Хеншель в Шонефельде.

7. КЕНИГ Карл – директор от фирмы Электрон.

8. БАУЕР Карл – директор от фирмы Аскания Верке.

9. КЕСТЕР Эдуард – доверенный фирмы Сименс Аппарате и Maschinenbau (SAM). Инженер летчик, со стажем 14 лет. Летает на сухопутных и гидросамолетах всех классов. В 1938 г. в течение 3-х месяцев изучал американскую авиационную промышленность, хорошо ее знает.

10. ГЮТЛЕР Евгений – штабнженер, секретарь комиссии.

Кроме того, в осмотре авиационных заводов СССР участвовали: г. АШЕНБРЕННЕР, полковник, германский авиационный атташе в СССР, и г. ВУНДЕРЛИХ, оберштабнженер, помощник германского авиационного атташе в СССР. Оба они говорят по-русски.

Принцип подбора членов германской авиационной комиссии

1. Подбор специалистов по основным отраслям авиапромышленности, а именно: самолетостроение (ШАДЕ, ЭКЛ), моторостроение (КЮНКЕЛЕ), вооружение самолетов (ЛОССНИТЦЕР), приборостроение (БАУЕР), летное дело (ЧЕРЗИХ, ЛОССНИТЦЕР, ШВЕНКЕ, КЕСТЕР).

2. Знание условий СССР и знание русского языка (ЧЕРЗИХ, ШАДЕ, ЛОССНИТЦЕР, ГЮТЛЕР), а также знание авиационной промышленности других стран (КЮНКЕЛЕ, КЕСТЕР).

Посещение заводов

Посещение заводов производилось по следующему, утвержденному правительством, плану:

1. 7/IV-41 г. – завод № 1, г. Москва.
2. 8/IV-41 г. – завод № 24, г. Москва.
3. 9/IV-41 г. – завод № 26, г. Рыбинск.
4. 12/IV-41 г. – завод № 19, г. Молотов.
5. 14/IV-41 г. – комбинат № 150.
6. 15/IV-41 г. – завод № 22, Фили.
7. 15/IV-41 г. – ЦАГИ, г. Раменское.
8. 16/IV-41 г. – ГПЗ им. тов. Кагановича, г. Москва.

Что показано на заводах. Замечания членов германской комиссии по отдельным заводам:

1. **Завод № 1** – производство истребителей Миг. Были показаны

заготовительные цеха, механический цех, цеха групповой сборки, монтажный цех, цех окончательной отделки, шестигранник, аэродром и вновь строящийся монтажный цех.

Объяснения давали директор т. ТРЕТЬЯКОВ и гл. конструктор тов. МИКОЯН А. И. Немцы отметили хорошую сварку деталей самолета, интенсивную работу рабочих, хорошую конструкцию закалочной, вертикальной, двухшахтной печи советского производства. Большой интерес вызвал истребитель Миг, который, по заявлению КЕСТЕРА и ШВЕНКЕ, является очень современной машиной. Интересовались скоростью истребителя^[75].

2. **Завод № 24** – производство авиамооторов АМ-35. Были показаны: инструментальный цех, кузница, механический цех, сборочный цех, испытательная станция, цех переборки. Объяснения давали директор завода тов. ЖЕЗЛОВ, главный инженер тов. КУИНДЖИ.

Члены делегации отметили хорошую организацию производства, наличие большого количества приспособлений, удешевляющих производство, и оборудование завода специальными станками. Интересовались мощностью мотора. Директор завода сообщил, что мотор имеет мощность 1 450 л. с. на высоте 5 500 метров.

3. **Завод № 26** – производство авиамооторов М-105. Были показаны: заводская лаборатория, инструментальный цех, механический цех, термический цех, сборочный цех, испытательная станция и переборка.

Объяснения давали директор завода тов. ЛАВРЕНТЬЕВ и главный конструктор тов. КЛИМОВ.

Немцы отметили, что завод имеет значительное количество универсального оборудования, что облегчает возможность перехода производства с одного типа мотора на другой. Произвела впечатление работа сборщиков в монтажном цеху.

4. **Завод № 19** – производство моторов М-25. Были показаны: центральная заводская лаборатория, литейный цех, механический цех, термический цех, монтажный цех, испытательная станция и переборка.

Объяснения давали директор завода тов. КОЖЕВНИКОВ и главный инженер тов. БУТУСОВ.

Большое впечатление произвела хорошо механизированная литейная. Немцы не поверили сообщению директора о том, что брак в литейной составляет 3–4 %.

Немцы (КЕСТЕР, КЮНКЕЛЕ) сравнивали завод № 19 с аналогичным заводом Пратт – Витней в Америке и заявили, что завод № 19 значительно больше завода Пратт – Витнея. Завод оставил хорошее впечатление в части оборудования и организации технологического процесса. Немцы отметили наличие на заводе № 19 большого количества советских станков. Один из немцев (КЕНИГ), проходя по механическому цеху, подметил, что цех подготавливается к производству двухрядной звезды.

5. **Комбинат № 150**. Были показаны: кузница и прокат алюминиевого листа. Объяснения давал директор завода тов. ОКУНЕВ.

На немцев произвел очень сильное впечатление прокатный цех,

имеющий грандиозное и прекрасное здание, а также новейшее оборудование. Член комиссии г. КЮНКЕЛЕ заявил, что этот цех лучший из пяти, которые он знает в Европе и в Америке.

6. **Завод № 22** – производство самолетов Пе-2. Были показаны: заготовительные цеха, механический цех, цех деталей, цех групповой сборки, крыльевой цех, монтажный цех, новый корпус и аэродром. Объяснения давали директор завода тов. ОКУЛОВ и гл. конструктор тов. ПЕТЛЯКОВ.

Завод находится в стадии налаживания производства новой машины, вследствие чего технологический процесс еще не полностью налажен, не получается впечатления поточного производства. Кроме того, в механическом цехе производится смена крыши и настил полов, благодаря чему в цехе темновато и недостаточно чисто. По этой причине завод не произвел должного впечатления на членов комиссии, кроме ее председателя г. ЧЕРЗИХ. Г-н ЧЕРЗИХ знал завод до 1930 г. и мог убедиться, что с того времени завод существенно вырос. Часть членов комиссии (г. ШВЕНКЕ и др.) не поверили, что им показали весь завод, просили показать «вторую часть».

Большое впечатление произвел самолет Пе-2. Все члены комиссии и особенно летчики (ШВЕНКЕ, КЕСТЕР) очень внимательно осматривали машину в процессе сборки, а также кабину пилота в готовом самолете. Немцы не поверили, что самолет может пикировать под углом 90°.

7. **ЦАГИ**. Были показаны: малая (винтовая) и большая аэродинамические трубы. Объяснения давали проф. ЮРЬЕВ и проф. ПОЛИКОВСКИЙ.

В составе членов комиссии не было специалистов аэродинамиков, поэтому не было дано оценки трубы по существу. Однако размер большой трубы поразил членов комиссии. Немцы заметили, что русские всегда были сильны в теории, а теперь имеют прекрасную базу для экспериментальных исследований в области аэродинамики самолета и винта.

8. **ГПЗ им. КАГАНОВИЧА**. Были показаны: кузница, механические цеха, цеха изготовления шариков и роликов, цех изготовления точных подшипников и отделение сборки подшипников.

Объяснения давал директор завода тов. ЮСИМ. В составе комиссии специалистов по шариковым и роликовым подшипникам не было. Комиссия интересовалась заводом потому, что о нем имеются в Германии сведения как о крупнейшем подшипниковом заводе. Осмотр завода эти сведения подтвердил.

Отдельные высказывания членов германской комиссии о своих впечатлениях при посещении заводов НКАП:

1. Мы не ожидали того, что увидели. По имевшимся в Германии сведениям, ожидали увидеть значительно худшее против того, что увидели.

2. В области промышленности русские перестали быть русскими (ЧЕРЗИХ). Замечание было сделано по поводу очень четкой работы одного монтера на заводе № 26.

3. Советские авиационные заводы, в отличие от германских, слишком сосредоточены. Они построены не по новому принципу (новым принципом считается германский, цеха рассредоточены в нескольких корпусах, находящихся на расстоянии 150–200 метров друг от друга).

4. Технологический процесс налажен хорошо (подчеркивали, что особенно по заводу № 24).

5. Рабочие работают очень интенсивно.

6. Хорошо работают женщины, которых на советских заводах значительно больше, чем на германских.

7. Неясно, как будет выглядеть дружба СССР с Германией через 10 лет. Мы убедились, что СССР технически прогрессирует и имеет сырье. Германия больше заинтересована в дружбе с СССР, чем СССР в дружбе с Германией (ШВЕНКЕ).

Следует отметить, что члены германской комиссии задавали очень мало вопросов, касающихся самолетов и моторов. Главной самой задачей они поставили возможно детальный осмотр самолетов и моторов, а также заводов.

Поведение членов германской комиссии при осмотре заводов и во время поездок:

1. ЧЕРЗИХ Гюнтер. Сам интересовался общими вопросами производства. В процессе посещения заводов указывал другим членам комиссии, на что нужно обратить внимание.

На обеде на заводе № 19 напился пьяным до такой степени, что на следующий день, по его же словам, совершенно не помнил, как уехали из заводууправления на поезд. Точно так же напился пьяным на заводе № 22. После этого в пьяном состоянии был в ЦАГИ. Во время ужина не мог говорить ответный тост, вместо него тост говорил г. АШЕНБРЕННЕР.

2. ШВЕНКЕ Дитрих. Интересовался главным образом самолетами. Очень хотел полетать.

3. ШАДЕ Евгений. Был только на заводах № 1 и № 24.

4. КЮНКЕЛЕ Вильгельм. Во время посещения моторных заводов очень внимательно осматривал производство и особенно внимательно приспособления. Нет сомнений, что часть приспособлений (особенно с завода № 24) он применит на заводах Даймлер Бенц.

5. ЛОССНИТЦЕР Отто. Интересовался преимущественно установкой вооружения на осмотренных самолетах.

6. ЭКЛ Отто. По-видимому, неспециалист. Производством интересовался мало. Основное внимание обращал на условия работы, одежду рабочих и т. д. По нашему предположению, он имел специальное задание так называемого «рабочего фронта». Безусловно, резко, враждебно настроен против СССР.

7. КЕНИГ Карл. Свои соображения высказывал очень мало. Однако заводы осматривал внимательно. Вел себя скромно.

8. БАУЕР Карл. Во время осмотра заводов почти ничем не интересовался. На заводе № 19 напился пьяным до такой степени, что самостоятельно не мог выйти из автомашины. После этого случая пил

мало. Большой любитель ухаживать за женщинами.

9. КЕСТЕР Эдуард. Особый интерес проявил к самолетам. По-видимому, имел специальное задание по определению рабочей площади заводов и количества станков, т. к. при посещении всех заводов пытался подсчитывать площади цехов и станки.

10. ГЮНТЕР Евгений. Неспециалист. По-видимому, прикомандирован к комиссии из Гестапо. Члены комиссии общались с ним очень мало, избегали его.

11. АШЕНБРЕННЕР. При осмотре заводов почти ничем не интересовался. Вел себя довольно развязно и неумно. Уважением среди членов комиссии не пользуется.

12. ВУНДЕРЛИХ. Внимательно прислушивался ко всем объяснениям советских специалистов.

Немедленно после осмотра каждого завода председатель комиссии отправлялся в германское посольство для посылки в Германию своих заключений. Для составления заключений по самолетным заводам он брал с собой в посольство г. г. ШВЕНКЕ и КЕСТЕРА, а по моторным заводам – г. г. ШВЕНКЕ и КЮНКЕЛЕ.

Германская комиссия в полном составе вылетела в Германию 17/IV-41 г. Вместе с нею вылетел г. АШЕНБРЕННЕР, по-видимому для совместного доклада».

(АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 670. Л. 133–141. Подлинник)

О том, что представители советской военной промышленности, конструкторы и военные в 1939–1941 гг. много времени провели на германских военных заводах, в КБ и институтах, на полигонах, аэродромах и боевых кораблях, известно давно, хотя системно этот вопрос не рассматривался никогда. Было выработано четкое объяснение, почему немцы показали советским специалистам перед войной почти все: чтобы подавить своими достижениями и деморализовать. Советские представители в соответствии с этим объяснением немецкой сверхоткровенности якобы торопились увидеть у них как можно больше, чтобы понять степень нашего бедствия, и лихорадочно пытались найти способы противодействия, а также разузнать то, что немцы якобы скрывали самыми разными путями. Известен рассказ Яковлева о том, как он в цеху одной из немецких фирм подцеплял подошвой металлическую стружку, чтобы потом сделать ее химический анализ. Но это не очень стыкуется с тем, что немцы показывали нашим представителям почти все, передавали комплекты чертежей и не только запугивали своей военной мощью, но и продавали СССР самолеты, корабли, пушки, вооружение, боеприпасы, станки, оборудование и материалы, новые способы изготовления, целые технологические процессы и патенты. Порой еще и кредит давали.

Один из самых серьезных исследователей феномена советско-германского предвоенного военного сотрудничества В. А. Журавель пишет:

«Советский Союз получил своевременную техническую помощь и инжиниринговые услуги. Ему поставлялись машины и различное промышленное оборудование. Управленческий состав советской экономики смог познакомиться с менеджментом и особенностями хозяйства Германии. Благодаря этому фактору СССР сэкономил огромные, не подлежащие подсчету средства на разработку аналогов этих высоких технологий собственными силами. Эти средства представляли собой: время, необходимое для решения поставленных задач, которые уже были решены в Германии; материальные ресурсы, затрачиваемые на содержание научно-технических комплексов, решающих поставленные задачи; интеллектуальный, научно-технический потенциал, людские ресурсы, отвлекаемые на решение проблем, уже решенных в Германии. В результате применения высоких технологий, импортированных из Германии, резко увеличивалась производительность персонала, увеличивался удельный вес продукции на единицу рабочей площади цеха и, следовательно, освобождалось значительное количество людских и временных ресурсов. Например, в советской авиационной промышленности (за счет расширения, интенсификации производства и применения высоких технологий) производительность возросла с 20 устаревших по тактико-техническим характеристикам машин в сутки в 1939 – 40 годах до 60 боевых самолетов новых конструкций в сутки в июле 1941 года. Использование германских научно-технических разработок, а также производственно-технологических процессов в качестве производительного капитала позволило СССР выпускать продукцию, обладавшую повышенной конкурентоспособностью и уникальными тактико-техническими характеристиками, экономя значительные средства за счет меньших издержек производства на единицу готовой продукции. В это время удалось значительно увеличить количество и мощность промышленных предприятий, провести реорганизацию управления экономикой, расширить производство, увеличить объем стратегических запасов, укрепить вооруженные силы. Таким образом, можно утверждать, что поставки, осуществленные Германией в СССР в 1939–1941 гг., носили не только информационный и инвестиционный, но и инновационный характер, в значительной мере обеспечивая смену поколений техники и технологии в ряде отраслей промышленности Советского Союза» [29. С. 5].

Это не на запугивание похоже – это серьезнейшая помощь, как вполне откровенно обозначил отношения, существовавшие тогда между СССР и Германией, Сталин во время встречи с Риттером 31 декабря 1939 г. Такую помощь можно оказывать только союзнику, но никогда – потенциальному врагу.

Мне посчастливилось найти в РГАСПИ веское тому доказательство. Но ведь постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О пребывании в СССР германской авиационной комиссии» не содержит даже намека на истинные цели и задачи, которые ставило Политбюро, допуская немецкую комиссию в середине апреля 1941 г. (за два месяца до войны!) на свои важнейшие авиазаводы, выпускавшие лучшие советские самолеты того времени – истребитель МиГ-3 и пикирующий бомбардировщик Пе-2. Почему это была «комиссия», а не «делегация»? Что и на каком основании она проверяла? И почему в этой комиссии было несколько человек, не только знавших русский язык, но и работавших ранее в нашей стране на авиазаводах? И почему именно эти два самолета заинтересовали немецкую комиссию: один – лучший в мире высотный истребитель, второй тоже начинал свою биографию как высотный истребитель и сначала даже имел гермокабину. Похоже, что в этом-то и было все дело – именно эти самолеты срочно готовили для борьбы с имевшимися на вооружении Англии бомбардировщиками, летавшими на высоте 7–8 км^[76]. Вот немецкие «союзники» и приехали посмотреть, как движется дело, у них-то самих таких самолетов не было. Тогда получается, что предвоенное советско-германское сотрудничество – увы! – имело еще одну ускользнувшую от внимания историков составляющую: предвоенный германо-советский военно-промышленный комплекс использовал кооперацию и даже разделение труда, то есть кое-что делали немцы и делились с СССР, а кое-что делали русские и делились с Германией!^[77] Что еще раз подтверждает реальную возможность планирования их совместных боевых действий против Англии.

Когда эта глава уже была написана, я получил настоящий подарок от писателя, историка авиации Николая Васильевича Якубовича, с которым мы уже несколько лет обмениваемся информацией по авиационной тематике. Он прислал мне по электронной почте обнаруженный им в Центральном архиве МО, в фонде НИИ ВВС, акт осмотра двух немецких самолетов До-17, приземлившихся на приграничных аэродромах ЗапОВО весной 1941 г. Этот акт на восьми страницах подписан тремя представителями НИИ ВВС 24 марта 1941 г. Привожу полностью текст

первой и последней страниц этого акта, а также их факсимильное изображение (см. на с. 379–381).

Мне показалось примечательным то, что дата получения этого акта в НИИ ВВС, 7 апреля, совпадает с датой начала работы прибывшей в СССР немецкой комиссии. Но вскоре я заметил еще одно многозначительное совпадение: на с. 7 акта напечатано: «Самолет ДО-17^[78] может быть использован в качестве транспортного самолета для переброски людей в количестве 5–6 человек или груза небольших габаритов до 500 клгр при полной зарядке горючим». Тут я вспомнил, что из состава той немецкой комиссии из Германии прилетело как раз десять человек, а участвовавшие в ее работе германский авиационный атташе и его помощник по долгу службы находились в Москве. Из этого вполне можно предположить, что комиссия прибыла в СССР именно на этих двух приземлившихся на советских военных аэродромах самолетах До-17. Но ведь она должна была начать свою работу лишь 2 апреля (дата приема в НКАП в Приложении к Постановлению совпадает с датой выпуска решения Политбюро о работе комиссии^[79]), а самолеты прилетели гораздо раньше – 20 и 21 марта. И вдруг я обнаружил, что в «шапке» отчета о работе немецкой комиссии, отправленного наркомом авиапромышленности Шахуриным Сталину, указана дата начала работы комиссии на 5 дней раньше – 29 марта («с 29 марта по...»). А. Волков же в работе «Советская авиапромышленность и ВВС РККА в период репрессий 1937–1941 гг.» пишет, что ответный визит немецкой делегации начался 26 марта 1941 г.

Я прикинул, что если присланный мне Якубовичем акт осмотра двух немецких самолетов был подписан 24 марта и специалисты из НИИ ВВС вместе с немецкой делегацией выехали в тот же день в Москву, то 25 марта в нее прибыли, а 26-го начали работу. Все получается вполне реально.

И еще одно весьма важное совпадение – катаклизмы в советских ВВС и их руководстве начались именно в период пребывания немецкой авиационной комиссии в СССР весной 1941 г.:

– 9 апреля вышло Решение Политбюро П. № 30/125 «Об авариях и катастрофах в авиации Красной Армии» (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) и о снятии Рычагова с постов начальника ВВС Красной Армии и заместителя наркома обороны за «попытку т. Рычагова замазать расхлябанность и недисциплинированность», о предании полковника Миронова^[80] суду «за явно преступное распоряжение» – о перелете, во время которого разбилось несколько самолетов, и о назначении 1-го заместителя начальника ВВС Жигарева и.о. начальника ВВС КА;

– 9-го же апреля вышло решение Политбюро П. № 3/126 «О главных недостатках в военной авиации» (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)). Вот оно дословно: «Объявить выговор наркому обороны т. Тимошенко за то, что в своем рапорте от 8 апреля 1941 г. он по сути дела помогает т. Рычагову скрыть от ЦК ВКП(б) и СНК СССР недостатки и язвы, имеющие место в ВВС Красной Армии»). Несмотря на громкое название, в этом решении не было ни слова об авиации, самолетах, авариях и других недостатках и «язвах», а тем более – главных;

– 12 апреля вышел приказ № 0022 НКО СССР, в котором говорилось: «Заместителя начальника ГУ ВВС КА генерал-лейтенанта авиации Проскурова И. И. за явно преступное распоряжение, нарушающее правила летной службы, в результате чего произошли 3 катастрофы, при которых погибло 7 человек и ранено 2 человека, от занимаемой должности отстранить и предать суду» (РГВА. Ф. 4. Оп. 15-б. Д. 2); это было сделано с подачи Сталина, собственноручно написавшего на 1-м листе проекта приказа: «чтобы Проскуров был предан суду»;

– 12 апреля, то есть через пять дней после посещения немецкой комиссией завода № 1, выпускающего МиГ-3, вышел приказ № 332 наркома НКАП Шахурина, который обязывал директора этого завода увеличить суточный выпуск самолетов МиГ-3 до 20 единиц, начиная с августа месяца.

Связаны ли все эти события и принятые решения с работой немецкой авиационной комиссии, еще предстоит выяснить, но, учитывая, что с комиссией постоянно находились заместитель начальника ГУ ВВС и начальник НИИ ВВС Филин и начальник 1-го ГУ НКАП Репин, а общее руководство посещением заводов осуществлял замнаркома авиапромышленности авиаконструктор Яковлев, который к тому же был личным советником Сталина по авиации, это вполне реально.

Причины для принятия суровых мер в отношении названных в этих документах лиц вызывают удивление. Дело в том, что все приведенные в них случаи аварий имели место 3–4 месяца назад, а поводом для начала репрессий стал один-единственный случай – авария 27 марта 1941 г. (когда немецкая делегация уже могла находиться в Москве). Все остальные претензии в адрес руководства ВВС, ставшие причиной репрессий, были невнятными и неконкретными, в основном «расхлябанность» и «недисциплинированность»^[81]. Однако после арестов эти формулировки, в общем-то традиционные для всех начальников, перерастали в обвинения по засорению кадров ВВС «непроверенными», «политически

сомнительными» и «подозрительными» людьми, а затем и вовсе во «вредительские действия» участников «заговора генералов» или «заговора героев» (среди арестованных действительно было много генералов и Героев Советского Союза, в том числе принявших первый бой с фашизмом во время гражданской войны Испании в 1936–1939 гг.).

Возможной причиной арестов называют и резкий ответ Рычагова Сталину на совещании в Кремле: «Вы заставляете нас летать на гробах!», а также пролет немецкого транспортного самолета Ю-52 до Москвы. Но первое маловероятно и ничем не подтверждено, а второе произошло гораздо позже – 15 мая 1941 г. и, видимо, с согласия Сталина, так как этот Ю-52, скорее всего, был частью немецких поставок в СССР и к тому же вез вождю письмо от фюрера.

Но никто никогда не вспомнил в этой связи, что именно в дни пребывания в Москве германской авиационной комиссии произошли события, возможно ставшие спусковым крючком к массированному удару по руководству Красной Армии, и в первую очередь по ВВС. Это – события в Югославии.

После появления информации о предварительном согласии Югославии присоединиться к Тройственному пакту там развернулось мощное движение против внешнеполитического курса правительства Цветковича. Антигермански настроенные офицеры и части ВВС организовали переворот, в результате которого 27 марта 1941 г. было сформировано новое правительство во главе с генералом авиации Симовичем. Новый премьер прислал делегацию в СССР, и 5 апреля 1941 г. в Москве был подписан Договор о дружбе и ненападении между СССР и Югославией. Детали этого договора не были ясны. В действительности же югославская сторона просила СССР оказать содействие поставками вооружений для своей армии, а возможно даже, и непосредственным направлением на Балканы советского воинского контингента, особенно авиации.

А буквально на следующий день, 6 апреля, Германия напала на Югославию и самолеты люфтваффе подвергли жестокой бомбардировке Белград. Едва ли советские генералы, всей душой готовые помочь братьям славянам в борьбе с фашистами, с энтузиазмом отнеслись к прибытию в это время в Москву немецкой авиационной комиссии, которую они должны были сопровождать и к тому же все ей показывать и рассказывать о последних достижениях советских ВВС. На их взгляд это выглядело как предательство по отношению к югославам^[82]. Но на то было решение Политбюро, и его следовало выполнять. Вполне возможно, что в этот момент впервые за всю советскую историю генералы, большинство из

которых были представителями ВВС, посмели высказать свое мнение вождю и по поводу Югославии^[83], и по поводу приема немецкой авиационной комиссии.

Это могло быть воспринято Сталиным как бунт, притом первый бунт не «троцкистов» и видных участников Октябрьской революции и Гражданской войны, а выращенных Сталиным молодых кадров (Рычагову было 30 лет, Проскурову – 34, Шахту – 37, Смушкевичу – 39, Штерну, Пумпуру и Птухину – 41). И вождь не мог этого допустить – все они и целый ряд других были отстранены от должности и арестованы в апреле – июне и расстреляны 28 октября 1941 г. и 23 февраля 1942-го.

А К Т

Секретно
Секретно № 2. 12

по осмотру 2-х немецких самолетов ДО-17, произведенных по заказу
20 и 21 Марта 1941 г. в г. Вальске и в м. Цехановец.

В течение двух дней 20 и 21 Марта 1941 г. в районе расположения 126 ИАП произвели посадку два немецких самолета типа ДО-17 Е и ДО-17 Е 3.

Первый самолет сел на аэродроме в г. Вальске и второй в месте Цехановец. Экипаж 1-го самолета: инструктор-летчик 3-й разряда Авиации - лейтенант ШТИН Ганс и бортмеханик унтер-офицер ГЕРТНЕР Франц.

Экипаж 2-го самолета: унтер-офицеры инструктора-торпедной (Восточная Пруссия) Авиации летчик КЛЕУС Вильгельм, борт-радист ХЕ-БАНН Альфред и борт-техник - отрядчик ДИНСИНАХ Вильгельм.

Оба экипажа объясняют причину посадки тем, что заблужденность из-за плохих метеорологических.

Осмотр самолетов и их вооружения и оборудования показал, что это самолеты постройки 1936-1937 г.г. переданные в немцы для учебных целей.

Эти самолеты имеют следующие основные данные:

С А М О Л Е Т	в г. Вальске	в м. Цехановец.
Тип самолета	ДО-17-Е 1	ДО-17-Е 3
Дата выпуска	1936-г.	3. 7. 1937г.
№ самолета		№ 8003
М о т о р и	2ХМВУ1	2ХМВУ1
Вес пустого самолета	4745 кг.	4745 кг.
Вес нагрузки	2255 кг.	2255 кг.
Полетный вес	7000 кг.	7000 кг.
Э и п и л а и	3 члв.	3 члв.
Запас топлива в 2-х баках	1400 литр.	1400 литр.
Запас масла в 2-х баках	104 литра	104 литра
Максимальная скорость	380 км/час	380 км/час.
Скорость безопасная (при "буктанке")	260 км/час.	260 км/час.

Первая Страница акта по осмотру немецких самолетов

на исключение того, что на самолете ДС-17-В-3 отсутствуют средства
охраны прохода. На самолете ДС-17-В-3 имеются: автомат курса
производства фирмы "Аскония".

Кроме того на самолете ДС-17-В-3 имеется ручной аэрофото-
аппарат для горизонтальной съемки (см. фото №) на 35 см.
мм.

Данные аэрофотоаппарата ДС-17-В-3:

1. Металлическая конструкция.
2. Фокусное расстояние 125 мм.
3. Затвор итерный со скоростью $\frac{1}{140}$ $\frac{1}{220}$ $\frac{1}{300}$
4. Размер пленки 7 x 9 см.
5. Светоочка объектива 1:1,5 с фаздиаграм.
6. Вес - 4,7 кг.
7. Габариты 24 x 10 см.
8. Счетчик количества снимков.
9. Сигнализатор, подающий размыкание пленки.
10. Ручка для закрывания пленки на клапане ДС-17-В-3, без
отключения;

Выводы:

1. Самолеты ДС-17-В являются установленными боевыми самолетами с
охраной прохода и предназначены для ведения боевых действий.

2. Установленные на самолетах ДС-17 приборы и оборудование
оборудование хорошо известны и детально изучены в ЦНИ ВВС и в ЦДТИ
на немецких самолетах ДС-17В, ДС-17Б, ДС-17С, ДС-17Д и ДС-17Е.

3. По конструкции, по составу и комплектации оборудования и
оборудования самолеты ДС-17-В являются не пригодными,
для боевого

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЦНИ ВВС ВВС РККА

полковник 1 ранга

полковник 1 ранга

полковник 2 ранга

(Куликов)

(Александров)

(Гуляев)

24/10-41.

Доп. 4 экз.

последняя Страница того же акта

Текст на стр. 1

Секретно Экз. № 2.12

Штамп: «НИИ ВВС РККА К вх. № 3/0 805 7/IV 1941 г.»

Акт

по осмотру 2-х немецких самолетов ДО-17^[84], произведших посадки 20 и 21 марта 1941 г. в г. Бельске и в м. Цехановец.

В течение двух дней 20 и 21 марта 1941 г. в районе расположения 126 ИАП произвели посадку два немецких самолета типа ДО-17 Е1 и ДО-17 Е3. Первый самолет сел на аэродроме в г. Бельске и второй в местечке Цехановец. Экипаж 1-го самолета: инструктор-летчик 3-й Варшавской Авиашколы – лейтенант ШТИХ Ганс и бортмеханик унтер-офицер ГЕРТЦЕР Франк. Экипаж 2-го самолета: унтер-офицеры инструктора Торунской (Восточная Пруссия) Авиашколы летчик КЛЕУС Вильгельм, борт-радист ХЕЙВЛИН Альфред и борт-техник-стрелок ДИФЕНБАХ Вильгельм. Оба экипажа объясняют причину посадки тем, что заблудились из-за плохих метеоусловий. Осмотр самолетов и их вооружения и оборудования показал, что это самолеты постройки 1936–1937 г.г., переданные в школы для учебных целей. Эти самолеты имеют следующие основные данные:

САМОЛЕТ	в г. Бельске	в м. Цехановец
Тип самолета	ДО-17-Е1	ДО-17-Е3
Дата выпуска	1936 г.	3.7.1937 г.
№ самолета		№ 3003
Моторы	2Х БМВУ1	2Х БМВУ1
Вес пустого самолета	4745 кгр.	4745 кгр.
Вес нагрузки	2255 кг.	2255 кг.
Полетный вес	7000 кг.	7000 кг.
Экипаж	3 челов.	3 челов.
Запас топлива в 2-х баках	1400 литр.	1400 литр.
Запас масла в 2-х баках	104 литра	104 литра
Максимальная скорость	380 кл/ч	380 кл/час.
Скорость безопасная (при «болтанке»)	250 кл/час.	250 (?)кл/час.

(ЦАМО. Ф. НИИ ВВС. Оп. 502941. Д. 33. Л. 12)

Текст на стр. 8:

за исключением того, что на самолете ДО-17 Е3 отсутствуют средства слепой посадки. На самолете ДО-17 Е3 имеется: автомат курса производства фирмы «Аскания». Кроме того, на самолете ДО-17 Е3 обнаружен ручной аэрофотоаппарат для перспективной съемки (см. фото №№...) на 35 снимках. Данные аэрофотоаппарата следующие^[85]:

1. Металлической конструкции.

2. Фокусное расстояние 125 мм.
3. Затвор шторный со скоростью 1/140 1/220 1/600
4. Размер снимка 7 x 9 см.
5. Светосила объектива 1: 2 с диафрагмой.
6. Вес – 4,7 кг.
7. Габариты 14 x 19 см.
8. Счетчик количества снимков.
9. Сигнализатора*, показывающий разматывание пленки.
10. Ручка для перематывания пленки на наматывающую катушку, без ограничения.

Выводы:

1. Самолеты ДО-17-Е являются устаревшими военными самолетами, снятыми с производства и переданными в школы для учебных целей.
2. Установленное на самолетах ДО-17 вооружение и спецоборудование хорошо известны и детально изучены в НИИ ВВС и в ЦАГИ на немецких самолетах ДО-215, Ю-88, Хе-111, Ме-109 и Ме-110.
3. По конструкции, по объему и номенклатуре вооружения и оборудования самолеты ДО-17-Е интереса не представляют.

Акт составили

Представители НИИ ВВС Красной Армии

Военинженер 1 ранга (подпись) (Куликов)

Военинженер 1 ранга (подпись) (Авакимян)

Военинженер 2 ранга (подпись) (Гульник)

24/III-41

Отп. 4 экз.

(Там же. Л. 19)

Отъезд Криппса из Москвы и Сообщение ТАСС от 13 июня 1941 г

«Сообщение ТАСС» от 13 июня 1941 г. – самый очевидный и грозный предвестник катастрофического землетрясения, от которого содрогнулась одна шестая часть земной суши 22 июня 1941 г. Кроме всего прочего это еще и уникальный источник информации о предвоенной ситуации в нашей стране. Написав о нем в двух предыдущих книгах трилогии, я вынужден вернуться к этому документу, так как заметил, что никто из множества историков, политиков, писателей и журналистов, тоже писавших о нем, почему-то никогда не обращал внимания на его первые слова: «Еще до приезда английского посла в СССР г-на Криппса в Лондон». В результате давались самые разные (порой противоположные) объяснения, с какой целью это «Сообщение ТАСС» было опубликовано. Надо сказать, что архивный подлинник этого документа никогда не публиковался, и решение Политбюро по столь важному вопросу в каталоге решений Политбюро за июнь 1941 г. отсутствует, из чего следует, что, скорее всего, такого решения не существовало, а «Сообщение ТАСС» было опубликовано по личному указанию Сталина.

Когда текст этой книги уже был передан в редакцию, я обнаружил в Интернете (grachev62.narod.ru/stalin/t18/t18_094.htm) сообщение бывшего ответработника ЦК КПСС Толстикова о записанном им следующем рассказе Я. С. Хавинсона:

«Перед началом войны я работал ответственным руководителем ТАСС. 13 июня мне позвонили от товарища Сталина и сказали, чтобы я срочно приехал к нему на кунцевскую дачу. Я сразу же выехал. У ворот меня встретил офицер, машину мы оставили, и он проводил меня к даче.

Когда я вошел, товарищ Сталин встретил меня, мы поздоровались, и он усадил меня за стол в зале. Передо мной лежали бумага, ручка, стояли чернила.

Товарищ Сталин сказал: «Пишите, товарищ Хавинсон». Он прохаживался по дорожке вдоль зала, попыхивал трубкой и диктовал. По ходу он заглядывал в текст, сделал две или три поправки. Закончив диктовать, он сказал: «Прочитайте вслух». Я встал и прочитал... 14 июня Заявление ТАСС было опубликовано в советских и зарубежных

газетах...»^[86]

Из Кремлевского журнала видно, что Я. С. Хавинсон лично встречался со Сталиным и в 1939–1943 гг. трижды побывал в его кремлевском кабинете. Записи этого журнала подтверждают, что Сталин мог принимать в тот день на своей даче, поскольку в кремлевском кабинете приема не было. Известно также, что В. Толстиков был ответственным работником Международного отдела ЦК. Так что приведенный рассказ, скорее всего, отражает истинные события, а значит, текст заявления продиктован лично Сталиным.

Но вернемся к «Сообщению ТАСС» от 13 июня 1941 г.

Считается, что оно было серьезным предупреждением «паникерам» и «провокаторам войны», то есть тем, кто в нашей стране понимал тогда степень угрозы гитлеровского нападения на СССР и объяснял ее другим, а самое «страшное» – предпринимал реальные меры по повышению боеготовности Красной Армии и ВМФ к отражению удара или готовил промышленные предприятия к эвакуации в случае временного успеха противника.

Любое из указанных выше действий после публикации «Сообщения» от 13 июня 1941 года ставило в то время совершающего его человека вне закона – он мог быть немедленно отстранен от должности и даже арестован. Считается что это «Сообщение ТАСС» должно было успокоить население страны, чтобы сберечь нашим людям нервы и здоровье. Считается, что это сообщение было адресовано и зарубежью, чтобы разрядить грозную обстановку на границе, – мол, мы ни к какому удару по Германии не готовимся и войска не подтягиваем, и одновременно показать всему миру миролюбие СССР. Считается также, что это было завуалированное обращение к Гитлеру с просьбой сообщить наконец, что является причиной его претензий к СССР (а вероятнее всего, ответить на переданный новым полпредом Деканозовым советский вариант условий присоединения СССР к пакту трех держав – Германии, Италии и Японии). Не зря именно в мае состоялись три встречи посла Германии Шуленбурга с задержавшимся после Первомайских праздников в Москве Деканозовым, которые прекратились сразу же после появления в Москве сведений о том, что Гесс в Лондоне.

Это все возможные причины появления «Сообщения» (кстати, «Сообщением ТАСС» тогда называлась важная правительственная информация преимущественно для внутреннего пользования, а «Заявлением ТАСС» – для зарубежного). Но что же послужило поводом к

его появлению? Здесь гадать не приходится, ибо Сталин начал «Сообщение» словами, прямо его раскрывающими: «Еще до приезда английского посла в СССР г-на Криппса в Лондон, а особенно после его приезда в Лондон...» («Правда» за 14 июня 1941 г.). Криппс отбыл из Москвы 6 июня 1941 г. И этот известный факт я вдруг увидел в новом свете, так как из текста «Сообщения» видно, что Сталин именно это счел поводом для его публикации неделю спустя. Ведь отъезд посла без указания причин, возможно, был и отзывом посла? А что такое отзыв посла? Это серьезный шаг к ухудшению отношений между двумя странами вплоть до их разрыва или даже объявления войны. Нота протеста – отзыв посла – ультиматум и объявление войны – вот цепочка дипломатических действий, ведущих к войне.

Ричард Стаффорд Криппс – с мая 1940-го по январь 1942 г. посол Великобритании в СССР. Фото конца 1940-х годов

Если бы, например, 6 июня Гитлер отозвал своего посла Шуленбурга, то после 22 июня Германия и вся Европа кричали бы, что это фактически было предупреждением о готовящейся Германией войне против СССР. А тут вдруг уезжает посол Англии Криппс и почему-то никто из историков никакого значения этому не придает, хотя в последние предвоенные дни, похоже, значение этому событию придавалось огромное. Недаром в отчете о самом первом дипломатическом заявлении, полученном 22 июня 1941 г. от посла СССР в Англии Майского по поводу его беседы с министром иностранных дел Иденом в этот день, советский посол пишет: «Затем Иден перешел к вопросу о Криппсе. Он хотел бы, чтобы Криппс как можно скорее вернулся в Москву, однако, ввиду инцидента с коммюнике ТАСС и

болезненной реакцией на него со стороны Криппса, Иден хотел бы знать, является Криппс для нас “персона нон грата”. Иден считал бы нецелесообразным менять посла, но он готов это сделать, если бы мы того пожелали. Я заверил Идена, что подозрение Криппса ни на чем не основано, что отношение лично к нему у нас хорошее, что если у Криппса раньше были в Москве известные трудности, то это вытекало из других, хорошо известных Идену причин. Иден был очень доволен моим ответом и заявил, что постарается срочно отправить Криппса в Москву» [26. С. 11. (АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 352. Д. 2402. Л. 262–263)].

О том, что это были за трудности, можно предположить, прочитав запись беседы первого замнаркома иностранных дел Вышинского с Криппсом 4 июня 1941 г. Из нее следует, что Криппс был принят по его просьбе и сообщил, что «по вызову своего правительства он вылетает в пятницу 6 июня с. г. в Стокгольм, чтобы оттуда отправиться в Лондон для консультации со своим правительством... Далее Криппс заявил, что... в свое время просил у Молотова принять его, но получил отказ... Просил сохранить его заявление в секрете до его прибытия в Англию. Официальным мотивом отъезда Криппса из Москвы будет необходимость получить консультацию у шведских врачей... поблагодарил меня за внимательное отношение к нему в течение всего “бесплодного” года его пребывания в Москве» [25. С. 719–720 (АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 9. Д. 20. Л. 35–36)].

К сожалению, из одних лишь этих документов понять истинные причины отъезда Криппса из Москвы невозможно. «Бесплодный» год пребывания в Москве, отказ Молотова принять его, плохие отношения СССР и Англии – такое бывает в дипломатической практике... Но почему же Иден полагает, что в Москве Криппса могут считать «персоной нон грата»? Почему его отъезд в Лондон стал причиной единственного предвоенного публичного размышления Сталина на запретную в то время в СССР тему возможной войны с Германией?

Почему военно-морской атташе Германии Баумбах в своей телеграмме в Берлин от 24/ IV-41 г. сообщил, что он пытается «противодействовать слухам» «о якобы существующей опасности германо-советской войны», что «британский посол называет дату 22 июня как дату начала войны»?

На мой взгляд, есть несколько вариантов причины отъезда Криппса.

1. Не стоит забывать, что гораздо более вероятным источником появления в Москве информации о принятии Гитлером решения напасть на СССР в то время был Шуленбург, вернувшийся из Берлина к Первомайским праздникам. 27 апреля его принимал Гитлер, после беседы с которым этот

опытнейший политик и царедворец понял, что нападение Германии на СССР неизбежно. Именно эту мысль он доводил до сведения Сталина и Молотова через Деканозова во время частных встреч с последним 5, 9 и 12 мая 1941 г. Вот от кого скорее могла пойти серьезная утечка информации о готовящейся войне Германии против СССР, которая, возможно, дошла и до Криппса. Тогда Сталин через советского посла в Лондоне Майского мог потребовать от английского правительства отзыва Криппса, обвинив его в подстрекательстве и, возможно, даже объявив его «персоной нон грата». Текст «Сообщения» больше всего соответствует такому варианту. Однако у Криппса мог быть и другой источник такой информации – Черчилль, после того как он через Гесса договорился с Гитлером о совместном ударе по СССР. Тогда возможны еще несколько вариантов причины отъезда Криппса в Лондон.

2. Его мог отозвать сам Черчилль, демонстрируя Гитлеру свою готовность ударить вместе с ним по СССР 22 июня. Мол, поскольку англичане все делают честно-благородно, по международным правилам, то, собираясь напасть на Советский Союз, они предупреждают его об этом общепринятым в дипломатии способом – отзывом посла.

3. Криппс мог быть оповещен Черчиллем о достигнутой с Гитлером договоренности и имел неосторожность кому-то об этом намекнуть. Это дошло до Баумбаха, о чем тот официально сообщил в Берлин (тот факт, что он повторил за Криппсом дату 22 июня, говорит о том, что, скорее всего, он не был осведомлен о ней германским руководством). Гитлер тут же сообщает Черчиллю о происшедшей утечке сверхсекретной информации от Криппса, и посла из Москвы тут же отзывают.

4. Еще один вариант, полностью повторяющий изложенный выше, с той, однако, разницей, что Криппс допустил утечку этой информации целенаправленно, чтобы предупредить советское руководство, так как он всегда был левым и выступал за сотрудничество с СССР. В «Британской энциклопедии» о нем сказано: «член крайне левой группировки в Лейбористской партии, он участвовал в создании в 1932 году Социалистической лиги. В 1936 году Криппс выступил за создание единого фронта с коммунистами, что привело к его исключению впоследствии из Лейбористской партии (этот фронт был расширен в 1938 году и стал антифашистским народным фронтом)». В пользу этого варианта говорит еще один факт – Криппс, выступая в Лондоне на заседании военного кабинета 16 июня 1941 г. по поводу вступления СССР в войну, заявил: «... для Англии было бы лучше, если бы Советы не участвовали в деле в этом году, а оставались потенциальной угрозой» (Городецкий Г. Роковой

самообман Сталина и нападение Германии на Советский Союз. М.: РОССПЭН, 1999. С. 312). Это заявление неожиданным образом совпадает с абсолютной уверенностью Сталина в том, что СССР в 1941 г. воевать с Германией не будет. Такое сходство их позиций навело меня еще на один возможный вариант обстоятельств отъезда Криппса из Москвы.

5. Советская разведка довела до сведения Сталина, что Черчиллю стало известно о подготовке Великой транспортной операции, выводящей часть войск Германии и СССР на исходные позиции для нанесения совместного удара по Британской империи (в том числе для высадки десанта на Британские острова в операции «Морской лев»). Поэтому вождь лично (или через Молотова или Вышинского) попросил Криппса срочно выехать в Лондон и сообщить Черчиллю об этой готовящейся операции, которую СССР как дезинформационную разыгрывает с Германией, с тем чтобы соединения Красной Армии с ее помощью были переброшены к Ла-Маншу, после чего они будут готовы ударить по фашистским войскам вместе с британской армией, флотом и авиацией. Косвенным подтверждением возможности такого варианта является молниеносное превращение Черчилля из заклятого врага Советской России в ее лучшего друга и союзника в день нападения Германии. Не случайно он стал единственным лидером, выступившим 22 июня 1941 г. и объявившим, что в этой войне намерен не просто защитить свою страну от врага, но «уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима» (ни Молотов, ни Сталин в своих радиообращениях к народу так круто вопрос не ставили, у них – «отразить», «защитить», «разгромить немецкую армию»).

Мне удалось обнаружить документ, в котором изложена точка зрения самого Криппса о возможности нападения Германии на СССР. Это записка начальника внешней разведки НКГБ Фитина 5 мая 1941 г. Сталину, Молотову и Берии о двух шифровках Криппса в МИД Англии от 23 апреля 1941 г., содержание которых было передано агентом из Лондона 30 апреля 1941 г. Вот полный текст этой записки:

Записка НКГБ СССР в ЦК ВКП(б) – И. В. Сталину, СНК СССР – В. М. Молотову и НКВД СССР – Л. П. Берия с препровождением телеграмм английского посла в СССР С. Криппса

№ 1451/м 5 мая 1941 г.

Направляем содержание телеграмм английского посла в СССР Криппса за №№ 412 и 413 от 23 апреля 1941 г., адресованных

Министерству иностранных дел Англии.

Содержание телеграмм получено НКГБ СССР из Лондона агентурным путем.

Народный комиссар государственной безопасности СССР
Меркулов

Основание: сообщения из Лондона №№ 2950 и 2965 от 30.IV.1941 г.

Содержание телеграмм за №№ 412 и 413 английского посла в СССР Криппса Министерству иностранных дел Англии от 23 апреля 1941 г.

Ниже сообщаю резюме моих впечатлений о состоянии советско-немецких отношений в разрезе последних событий:

1. Ярко выраженная враждебность не только не уменьшилась, но в связи с приближением опасности – увеличилась.

2. Военные, которые начинают быть силой вне партии, убеждены в том, что война неизбежна, но они жаждут отсрочки ее хотя бы до зимы.

3. Советское правительство будет уступать немецкому давлению, поскольку это серьезно не затрагивает их военных приготовлений или подготовленности.

4. Если Гитлер намерен удовлетвориться заверением и обещаниями, то ему не нужно будет нападать на Россию.

5. Если же его не удовлетворят обещания, то он должен будет напасть на Советский Союз, так как любые практические предложения будут отвергнуты Советским правительством.

6. Ход дальнейшего развития отношений будет зависеть от того, в какой степени Гитлер потребует послушания (? – А. О.) от СССР, и это станет ясным в ближайшее время.

7. В настоящее время действия обоих правительств характерны тем, что, отказываясь от применения политики давления, они ведут усиленные военные приготовления (к чему не указано. – А. О.).

8. Наиболее сильным противовесом (очевидно, к этим приготовлениям. – А. О.) является страх, что мы можем заключить сепаратный мир (из чего следует, что Криппс считает эти приготовления направленными против Англии. – А. О.) при условии эвакуации немцами оккупированной ими территории в Западной Европе и предоставить Гитлеру свободу рук на Востоке.

Я отдаю себе отчет, что это весьма деликатный вопрос для проработки по косвенным каналам. Тем не менее, я считаю его самой ценной картой в весьма трудной игре (это очень похоже на ответ Молотова Димитрову 21 июня: «Ведется большая игра. Не все зависит от нас». – А. О.), и, вероятно, некоторые средства для использования такой карты будут найдены.

Советский талант в приобретении информации через нелегальные каналы хотя бы на этот раз может быть использован нами в свою пользу (возможно, именно эта мысль Криппса подала Черчиллю идею похищения Гесса, во время пребывания которого в Англии можно будет подкидывать Сталину через эти «каналы» ложную информацию, толкающую

его к конфликту с Гитлером. – А. О.).

Помимо вышеуказанного средства, вероятным и эффективным противовесом немецкого давления может быть:

- а) страх, что Турция присоединится к державам «оси»;
- б) страх, что США выступят против Японии и совершенно прекратят торговлю с СССР.

9. К величайшему сожалению, кажется, что Турция не желает что-либо делать, что могло бы заставить ее взять на себя определенные обязательства в этом направлении.

США ничего не делают здесь в смысле беседы с Советским правительством и применения к СССР известного давления.

Начальник 1-го Управления НКГБ СССР

П. М. Фитин.

(ЦА ФСБ РФ. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 56. Л. 1160–1163.)

Раз Криппс так представлял себе ситуацию 23 апреля, то трудно представить, что в это время он что-либо знал о конкретной дате нападения Германии на СССР. (Считается, что эта дата впервые была озвучена Гитлером лишь 30 апреля, я же убежден, что это произошло между 12 и 20 мая.) Поэтому дата «24/IV-41 г.» телеграммы Баумбаха в Берлин с сообщением о называемой Криппсом дате нападения Германии «22 июня» вызывает большое сомнение. Более вероятно, что телеграмма была отправлена Баумбахом 24/V-41 г. [см. 62. С. 67–76], а потом, уже после войны, доработана введением лишней палочки перед цифрой V с целью сокрытия истинных обстоятельств начала войны.

12 июля 1941 г. Подписание в Кремле советско-английского соглашения о совместных действиях в войне против Германии. Слева направо: Дэнлоп – секретарь английского посольства, Потрубач, Козырев, Криппс, Сталин, Молотов, неизвестный

Рассматривая вопрос об отъезде Криппса, следует помнить, что через четыре дня после нападения Германии на СССР он вернулся в Москву, несколько раз встречался с Молотовым, а 8 июля наконец встретился со Сталиным (по моему мнению, вернувшимся в Москву лишь 3 июля) и уже во время второй встречи с ним (12 июля 1941 г.) было подписано советско-английское соглашение.

Беседа первого заместителя наркома иностранных дел А. Я. Вышинского с временным поверенным в делах Великобритании в СССР Г. Л. Баггалеем

16 июня 1941 г.

По просьбе Баггалея я принял его в 17 час. 10 минут. Баггалея заявил, что он пришел ко мне как заместителю народного комиссара с первым визитом. Баггалея тут же добавил, что он с большим удовольствием прочел сообщение ТАСС, опубликованное в советских газетах 14 июня с.г. с опровержением слухов, распространяемых в иностранной печати, о близости войны между СССР и Германией. Он,

Баггалеи, однако, не совсем понимает и несколько удивлен тем, что в сообщении ТАСС упоминается имя Криппса. Слухи о предстоящем нападении на СССР со стороны Германии, заявил Баггалеи, появились впервые в Стокгольме, Анкаре и других пунктах, а затем были опубликованы и в английской прессе. Почему в сообщении ТАСС эти слухи и их распространение связываются с приездом Криппса в Лондон? Баггалеи заметил, что в то время, когда Криппс прибыл в Лондон, туда же приезжали и другие лица, но в сообщении ТАСС упоминается только имя Криппса. Чем же это объяснить?

Я ответил Баггалею, что сообщение ТАСС констатирует факты, как они есть. Факты таковы, что после прибытия Криппса в Лондон английская пресса особенно стала муссировать слухи о предстоящем нападении Германии на СССР. Сообщение ТАСС характеризует поведение английской прессы до и после приезда Криппса в Лондон. Баггалеи заметил, что он понимает логически правильное изложение этой части сообщения ТАСС, но не находит в сообщении ТАСС и в моих объяснениях ответа на вопрос, почему же в этой связи упоминается имя Криппса. Рядовой человек, прочитав эту часть сообщения ТАСС, неизбежно свяжет это сообщение с именем Криппса, что, по его мнению, было бы неправильно.

На это я заметил, что какие-либо претензии по этому вопросу, очевидно, надлежало бы адресовать к английским журналистам и редакторам газет, которые так усиленно стали муссировать, слухи, опровергнутые ТАСС, особенно после приезда в Лондон Криппса.

От дальнейшего обсуждения этого вопроса Баггалеи уклонился, заявив, что в случае, если он получит инструкции от своего правительства, он позволит себе вернуться к этому вопросу.

Я, разумеется, на дальнейшем обсуждении этой темы не настаивал.

Далее Баггалеи заявил, что в сообщении ТАСС, как он представляет себе, имеется два основных положения: во-первых, в сообщении указывается, что между СССР и Германией никаких переговоров не было и, во-вторых, что нет никаких оснований для выражения беспокойства в связи с передвижениями германских войск.

На мой вопрос, кого Баггалеи имеет в виду, говоря о выражении беспокойства, Баггалеи ответил – СССР.

На это я ответил Баггалею, что, как видно из сообщения ТАСС, для СССР нет никаких оснований проявлять какое-либо беспокойство. *Беспокоиться могут другие (курсив мой. – А. О.).*

Беседа продолжалась 25 минут.

При беседе присутствовал Зав.2-м западным отделом т. Гусев.

А. Вышинский

(АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2 /7.9. Д. 20. Л. 37–38. Машинопись, заверенная копия. Указана рассылка)

А. О.: Вообще, это тот случай, когда комментарии излишни – в беседе

все очевидно. Похоже, что Сталин внушил своему окружению глубокую уверенность в том, что «ситуация под контролем». Ровно через день он напишет аналогичную по сути, но матерную по форме резолюцию на докладной записке наркома НКГБ Меркулова о готовности Германии к нападению на СССР. Суть же первого обращения Багалея к советскому руководству одна – услышать подтверждение того, что между СССР и Германией никаких переговоров не было. Вышинский же на поставленный вопрос по вполне понятным причинам ответил уклончиво, но вполне понятно: «Беспокоиться могут другие!»

К чему готовили военачальников весной 1941 г. на Курсах усовершенствования высшего начсостава при Академии Генерального штаба?

В сентябре 2009 г. на выставке, посвященной 70-летию начала Второй мировой войны, в Государственном центральном музее современной истории (ГМСИР) я впервые увидел снимок, который меня поразил, – никогда мне еще не приходилось видеть на одной фотографии такого количества советских военачальников последнего предвоенного периода. Их там 63, разных родов войск, в основном – генералы, большинство – пехотинцы, но есть и представители ВВС, артиллерии, танковых и даже инженерных войск. Есть несколько политработников. Все это я определил по их мундирам и гимнастеркам, знакам различия, эмблемам и шевронам. В трудных случаях я обращался за помощью к Александру Глушко, и все вопросы успешно решались. Определил я приблизительно и время съемки – между июнем 1940 г. (5 – 14 июня этого года газета «Правда» опубликовала фотографии 1 048 военачальников, которым впервые в СССР были присвоены генеральские звания) и 22 июня 1941-го. Поскольку в первом ряду сидят шесть генералов в брюках на выпуск, я понял, что это преподаватели одной из военных академий – такую форму ввели для них в этот период. А найдя среди них известных мне людей – генерал-лейтенантов Карбышева (пятый слева) и Шиловского (третий справа), которые были тогда начальниками ведущих кафедр главной академии Красной Армии, предположил, что на снимке запечатлен выпуск Академии Генштаба.

К сожалению, на выставке не было указано, какому архиву этот экспонат принадлежит. Уже после закрытия выставки я выяснил, что он является собственностью самого музея. И после длительных переговоров с руководством и сотрудниками музея у меня появилась качественная электронная версия этой фотографии с высоким разрешением. Благодаря этому появилась возможность увеличивать ее фрагменты и пытаться каким-то образом идентифицировать запечатленные на ней лица – выявляя портретное сходство, изучая элементы униформы, ордена и т. п. Сотрудники музея рассказали мне, что эту фотографию подарил музею в 1970 г. один из этих шестидесяти трех военачальников – генерал армии Герой Советского Союза Иван Иванович Федюнинский, и что фото числится в фондах ГМСИР за № ГИК 38025/48 под названием: «Выпускники Курсов усовершенствования Высшего начальствующего состава РККА при Академии Генштаба (далее сокращенно КУВНАС АГШ. – А. О.) Красной Армии им. К. Е. Ворошилова. 1 половина 1941 года (до июня)».

Внимательно рассматривая снимок и сопоставляя его с различными

документами и источниками, я установил, что на нем запечатлены 9 генерал-лейтенантов (в том числе один – авиации и один – инженерных войск), 35 генерал-майоров (из них один – авиации, три – артиллерии, три – танковых войск), а также три комбрига (один – пехотный, один – авиационный и один – артиллерийский), три бригадных комиссара и десять полковников (пять артиллеристов, один пехотинец, два танкиста и два представителя инженерных войск). Даже по внешнему виду этих людей понятно, что на своем веку они успели понюхать немало порошу. Об их боевом опыте, военных подвигах и заслугах свидетельствуют и многочисленные ордена на груди, хотя до войны боевые награды давались крайне скупой. Следует отметить, что тринадцать человек на этом снимке – в повседневной форме и без наград, поэтому на их груди нет даже медали «XX лет РККА», которой в феврале 1938 г. были награждены практически все представители старшего начсостава Красной Армии, прослужившие в ней более 20 лет.

Моя длительная и кропотливая работа по их идентификации (с помощью нескольких баз данных, фондов РГАСПИ, справочников и энциклопедий, в том числе интернетовских, о советских генералах предвоенного периода и участвовавших в Великой Отечественной войне) дала интересные результаты. Оказалось, что почти все эти люди воевали в Гражданскую войну 1918–1921 гг., многие – на фронтах империалистической (как ее называли в СССР) войны 1914–1918 гг., а также участвовали в ряде других войн и военных конфликтов: на КВЖД в 1929 г.; в японско-китайской войне, шедшей с 1935 г., гражданской войне в Испании 1936–1939 гг., в сражениях с японцами на Хасане в 1938 г. и Халхин-Голе в 1939-м, в «освободительном походе» на Западную Украину и в Западную Белоруссию в сентябре 1939-го и в Бессарабию и Северную Буковину в июне 1940-го, а также в «зимней войне» с Финляндией 1939–1940 гг. То есть в составе последнего предвоенного набора главных военных курсов страны оказались военачальники, имевшие боевой опыт и прежних, и современных войн. Результаты моих изысканий по идентификации военачальников, запечатленных на этом снимке, даны ниже. Я привожу по каждому из них две фотографии: фрагмент снимка № ГИК 38025/48 и фотографию похожего на него известного военачальника (когда абсолютной уверенности в том, что это именно тот человек, у меня нет, я привожу два снимка похожих на него людей).

Отдельной группой я даю фотографии военачальников, о которых удалось узнать, что они были выпускниками КУВНАС АГШ 1941 г., но почему-то отсутствуют на этом большом снимке. Причин этому может

быть несколько: возможно, в 1941-м в КУВНАС АГШ было два или даже больше выпусков в разное время, или одновременно выпускались несколько групп, и на этом снимке не все они; возможно, из-за крайне напряженной обстановки к моменту съемки некоторые выпускники срочно отбыли в свои соединения, или были отправлены в заграникомандировки, или не могли отрываться от работы в Генштабе над планами стратегического развертывания в приграничных районах или переброски частей и соединений к Северному морю и на Ближний Восток, а также над вариантами последующих боевых действий.

Под фотографиями даны очень краткие подписи (если бы я дал хотя бы краткую биографию каждого, вместе они составили бы целую небольшую книжку).

Разнообразие родов войск и значительный боевой опыт людей, запечатленных на этом снимке, делает весьма вероятным вариант подготовки этой группы военачальников к выполнению конкретной боевой стратегической операции. Ею в этот период, на мой взгляд, скорее всего, могла быть Великая транспортная операция (ее первый этап), то есть транспортировка частей и соединений Красной Армии на запад к проливам Ла-Манш и Па-де-Кале, а также подготовка к броску на юго-восток к проливам Босфор и Дарданеллы с целью нанесения последующего удара либо по Британской империи (совместно с Германией), либо по Германии (совместно с Англией).

О том, что это вполне возможно, свидетельствует и дата снимка, которую удалось определить гораздо точнее, чем она указана в ГМСИР. Помогла в этом книга «Генерал Карбышев», автор которой Е. Решин хорошо знал Д. М. Карбышева еще с Гражданской войны, когда тот служил военным комиссаром одного из инженерных соединений. В книге приведены воспоминания дочери генерала-героя Елены Дмитриевны Карбышевой (полковника запаса). В них она неоднократно цитирует письма отца из Москвы, которые он посылал ей в 1941 г. в Ленинград, где она училась тогда в военной академии.

«...8 мая он мне писал: “Я понемногу начинаю собираться в дорогу”.

10 мая: “Мне, по-видимому, придется задержаться до 20 мая, так как работа лезет из всех щелей, и я едва успеваю с ней справиться... (скорее он имел в виду подготовку к 24 мая, когда состоялось последнее совещание с высшим военным руководством западных округов в кабинете Сталина. – А. О.) У меня во вторник большое занятие, в среду лекция...”»

15 мая: «Вот и еще день прошел... Дни мелькают. Сегодня отчитал

последнюю лекцию, читал с подъемом, весело и хорошо. Теперь надо заканчивать разную писанину, а ее очень много» (между прочим, именно в этот день Жуков и Тимошенко подали Сталину проект документа, получившего в 90-х годах известность под названием «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», или, как его с подачи Резуна-Суворова некоторые называют, «План “Гроза”»). Возможно, Карбышев готовил материал для него).

«6 июня папа провожал маму ко мне в Ленинград... **А 7 июня тронулся в путь и он сам...**». «После неоднократных представлений Академия Генерального штаба получила в июне 1941 года разрешение командировать Д. М. Карбышева в Западный особый военный округ» [72. Глава «Западный фронт»].

В диссертации В. А. Миркискина «Военная и научная деятельность Дмитрия Михайловича Карбышева» [56] указано, что 7 июня 1941 г. он «убыл в командировку в г. Гродно для инспекции оборонительных сооружений на западной границе».

Значит, выпуск КУВНАС АГШ был произведен между 15 мая (последняя лекция) и 6 июня. А если предположить, что обучение на курсах завершалось сдачей экзаменов (или, как говорили в те годы, испытаниями), то вероятней всего снимок сделан в период 25 мая – 5 июня 1941 г.^[87], то есть вскоре после последнего предвоенного совещания 24 мая 1941 г. в кабинете Сталина высшего руководства страны и Красной Армии.

И наконец, несколько слов о помещении, в котором сфотографирована группа выпускников КУВНАС с командованием и ведущими преподавателями Академии Генштаба^[88]. На мой взгляд, съемка проводилась в аудитории академии, которая была закреплена за этой группой КУВНАС. Справа за спиной выпускников висит большая карта, закрытая белой материей, видимо, на время съемки. На стене слева видна еще одна карта-схема меньшего размера. Элементы рельефа на ней и резкое сужение водного пространства наводят на мысль о сходстве с районом вокруг пролива Босфор, где пролив в некоторых местах сужается до 750 м. Для сравнения ниже приложены карты пролива Босфор и несколько его современных фото, в том числе сделанное со спутника. Возможно, что белой материей была закрыта на время съемки большая карта европейской части СССР и части Западной Европы – оккупированной Германией Польши, Германии и Англии, то есть той самой территории, через которую

проходили железнодорожные, автомобильные и водные пути транспортировки войск от мест постоянного базирования к берегам проливов Ла-Манш и Па-де-Кале...

Для подтверждения или опровержения моего предположения о том, что на этом снимке изображена группа военачальников Красной Армии, чьи соединения и части должны были участвовать в Великой транспортной операции или в ее обеспечении, надо было проследить, где каждый из них встретил 22 июня 1941 г. и как сложилась его дальнейшая военная и личная судьба. Что я и попытался сделать и в предельно кратком виде привожу здесь результаты своих поисков.

Преподаватели Академии Генштаба

1. Д. М. Карбышев

Начальник (по другим сведениям помощник начальника) кафедры тактики, «профессор по кафедре тактики высших соединений» (из автобиографии)^[89], генерал-лейтенант инженерных войск. Пленен летом 1941 г. при невыясненных обстоятельствах, убит в концлагере в феврале 1945 г.^[90]

2. Е. А. Шиловский

Начальник кафедры, генерал-лейтенант, в эвакуации в 1941–1942 гг. был начальником АГШ

3. В. К. Мордвинов

Начальник Академии, генерал-лейтенант

4. Ф. П. Шафалович

Преподаватель, генерал-майор, генерал-лейтенант с 29.10.43 г.

5. В. А. Меликов

Начальник кафедры военной истории, генерал-майор. Арестован в июне 1941 г., умер в 1942 г. (по другой версии арестован 18.01.42, умер в 1945 г. в заключении).

6. П. С. Ярмошкевич

Преподаватель, генерал-майор, с 16.10.43 генерал-лейтенант, начальник штаба 4А ЗФ, погиб в авиакатастрофе 08.02.45.

7. И. П. Сергеев (?)

Преподаватель АГШ с 03.03.41 г., полковник, до этого в 1939–1941 гг. нарком боеприпасов. 30.5.41 г. арестован и расстрелян 23.03.42 г.

8. И. Х. Паука

Начальник кафедры тактики, генерал-майор. Арестован 24.06.41 г.; умер, находясь под арестом в мае 1943 г.

9. В. Г. Воронцов

Старший преподаватель кафедры общей тактики, генерал-майор, С сентября 1941 г. командир 375 сд 29-й армии

10. В. Ф. Воробьев (?)

Преподаватель, генерал-майор. С ноября 1941 г. командир 95 сд 35 ск ЮФ под Севастополем, с 02.11.44 генерал-лейтенант

11. А. В. Сухомлин

Начальник кафедры. 28 июня 41 г. в составе группы офицеров во главе с замначальника ГШ Ватутиным направляется автотранспортом в Псков, в штаб СЗФ для выполнения особого задания Ставки ГК. С 10.11.42 г. генерал-лейтенант

Генерал-лейтенанты

12. Н. В. Медведев

Зам. командующего СибВО (с апреля 41 г), а с января 42 г. командующий СибВО. Выпускник КУВНАС АГШ 1941 г.^[91]

13. В. Ф. Герасименко

Командующий ПриВО – 21 А (с июля 1940 г.). Выпускник КУВНАС АГШ 1941 г.

14. А. Н. Бахтин

Начальник Управления боевой подготовки Красной Армии с 21 января 1941 г., Одновременно преподаватель АГШ

15. Г. П. Кравченко

Первый в стране дважды Герой Советского Союза (1939). В июне – ноябре 1940 г. – командующий ВВС ПрибВО, а с марта 1941 г. командующий 64 иад КОВО. Причина столь резкого понижения после учебы дважды Героя, любимца вождя, вероятнее всего – сокрытие истинного его назначения после КУВНАС на должность, связанную с Великой транспортной операцией. Выпускник КУВНАС АГШ 1941 г. Погиб, командуя 215 иад в воздушном бою 23.2.43 г.

16. С. И. Черняк
*Герой Советского Союза (1940), Командир 3 ск РГК ЗакВО (Батуми),
Выпускник КУВНАС АГШ 1941 г.*

17. Ю. В. Новосельский
Командир 2 мк РГК ОдВО

Генерал-майоры

18. И. Ф. Николаев

Командир 10 ск 8А ПрибОВО. 18.08.44 г. умер от болезни.

19. Ф. Я. Семенов

Начальник оперативного отдела штаба ЗапОВО(?). Дальнейшая судьба неизвестна.

20. Ф. М. Харитонов

Командир 2 вдк ХВО (Нежин), в боях с 11 июля 1941 г. С 20.12.42 г. генерал-лейтенант, командующий 6А ЮЗФ. 20.05.43 г. ранен, эвакуирован в Москву, умер 28.05.43 г. Выпускник КУВНАС АГШ 1941 г.

21. А. З. Наумов

Командир 13 сд 10А ЗапОВО, в конце июня 1941 г. попал в плен. Сотрудничал с немцами. В 1950 г. расстрелян.

22. Т. Т. Хрюкин

Дважды Герой Советского Союза (1939, 1945). Командующий ВВС 12А КОВО. С 17.03.43 генерал-лейтенант. Ком. ВВС Карельского, Юго-

Западного фронтов, 8-й воздушной армии. С 11.05.44 г. генерал-полковник. После войны попал в автокатастрофу. Умер 19.07.53 г. Выпускник КУВНАС АГШ 1939 г. (?)

23. А. В. Куркин

Командир 3 мк 11А ПриБОВО с января 1941 г. С 07.02.43 г. генерал-лейтенант, с 25.04.44 г. генерал-полковник. Выпускник КУВНАС АГШ 1941 г.

24. И. М. Герасимов

Командир 146 сд 36 ск 5А КОВО. Попал в плен под Коростенем. Освобожден в 1945 г. амер. войсками, передан СССР. В 1945–1953 гг. сидел

в тюрьме.

25. Н. А. Соловьев

*Командир 11ск 8А ПрибОВО с 07.07.40 г., затем с 10.11.41 г. – 375 сд.
Смертельно ранен в бою, умер 04.10.42 г.*

26. В. С. Гончаров

Сведений о занимаемой должности на 22 июня 1941 г. нет. С августа 41 г. начальник артиллерии 34А СЗФ, после выхода из окружения был расстрелян без суда 11.09.41 г. по приказу Мехлиса.

27. А. В. Катков

*До 16.06.41 г. заместитель командующего, а затем командующий
УрВО (до 1945 г.)*

28. В. А. Глазунов

Командир 3 вдк ОдВО, с августа 1941 г. командующий ВДВ КА

29. Р. Я. Малиновский

С марта 1941 г. командир 48 ск ОдВО, с 9.11.41 г. генерал-лейтенант, с 9.10.44 г. маршал. В 1957–1967 гг. министр обороны СССР

30. В. Ф. Сергацков

В 1941 г. окончил КУВНАС АГШ. Преподавал в АГШ, хотя есть сообщение: «22.6.41 г. он был в штабе ЗакВО». Затем зам. командующего армии по тылу, командир 22 ск. С 22.02.44 г. генерал-лейтенант.

31. М. П. Дмитриев

Начарт ЗА ЗапОВО, затем командующий артиллерией фронтов: ЦФ, БрФ, ВорФ, ЮЗФ. С 7.11.42 г. генерал-лейтенант, с 1954 г. генерал-полковник

32. А. А. Никифоров

Начальник Хабаровского округа погранвойск НКВД

33. П. В. Волох

Командир 18 мк ОдВО, с 07.06.43 г. генерал-лейтенант танковых войск. Окончил КУВНАС АФ в 1941 г. (ошибка кадровиков, публикации, или в 1941 г. спецгруппы Академии им. Фрунзе и АГШ обучались вместе?). Командующий БТМВ ЮЗФ. Погиб 25.08.43 г.

34. К. Л. Добросердов

Командир 7 ск РГК ОдВО (с февраля 1938 г). С августа 41 г. начальник штаба 37-й армии. Попал в плен в сентябре 1941 г. при попытке перейти линию фронта, выходя из окружения. Освобожден американцами в мае 1945 г. и передан СССР. Прошел проверку, восстановлен в звании, работал начальником военной кафедры ряда вузов.

35. С. И. Поветкин

Командир 47 ск РГК ЗапОВО (Бобруйск), С 1943 г. генерал-лейтенант

36. И. П. Карманов?

Командир 62 ск УрВО – 22А ЗФ (с августа 1939 г.). В боях с июля 1941 г. В октябре 1941 г. пропал без вести. (Об этом свидетельствуют следы зачеркивания его лица на этом фото.) Однако факт его награждения орденом Отечественной войны (посмертно) указывает, что он погиб достойно.

37. А. А. Тарасов?

Инспектор физподготовки и спорта КА. 15–22 июня 1941 г. руководил сборами у Эльбруса, на которые съехались лучшие альпинисты страны. В 1934–1946 гг. на руководящих должностях по физической подготовке в РККА. В 1947–1958 гг. начальник Военного института физкультуры и спорта. С 1944 г. генерал-лейтенант.

38. А. С. Сироткин

Сведений о занимаемой 22.06.41 г. должности нет. С 1921 г. во внутренних войсках ОГПУ-НКВД, командовал 15-й и 50-й дивизиями ВВ. В

1942–1946 гг. начальник войск НКВД (МВД) по охране особо важных промпредприятий, затем начальник Управления внутренних войск.

39. Е. С. Зыбин

Командир 36 кд 10А ЗапОВО. В 1938 г. был арестован, освобожден. Попал в плен 08.07.41 г., в 1945 г. освобожден американцами и передан СССР. Расстрелян в 1946 г. «за потерю управления и антисоветскую агитацию в плену»

40. М. В. Захаров?

Начальник штаба ОдВО. С 1940 г. генерал-майор, с 1942 г. генерал-лейтенант, с 1933-го генерал-полковник, с 1945-го генерал армии, с

1959 г. – Маршал Советского Союза. По приказу наркома и решению Политбюро от 19 июня 1941 г. «освобожден от должности и зачислен в распоряжение НКО». Войну почему-то встретил в ОдВО, и весьма успешно. «22 июня 1941 г. привел войска округа в боеготовность, т. к. за два дня до нападения создал штаб полевой армии из группы командиров ОдВО». В Википедии об этом сказано так: «Совершил выдающийся и по тем временам исключительно рискованный поступок: сделав вывод из имеющихся разведданных о готовности врага к нападению на СССР, отдал приказ о приведении войск округа в боевую готовность, о занятии приграничных укреплений и выводе войск из мест постоянной дислокации, о перемещении штаба округа на передовой полевой командный пункт, о немедленном перемещении авиации по полевым аэродромам» (в ряде публикаций указывается, что Захаров убедил отдать такой приказ командующего округом Я. Т. Черевиченко). Но есть публикации, где сказано, что «с началом ВОВ Захаров – нач. штаба 9-й армии». Понижение? Нет, просто с началом войны ОдВО превратился в 9-ю Армию, а его место занял Южный фронт (командующий генерал армии Тюленев).

41. А. Н. Ермаков

Командир 2 ск РГК (ЗапОВО, Минск), с 1944 г. генерал-лейтенант

42. С. И. Еремин

Командир 20 ск РГК (МВО, 29А) с 20 июля 1940 г. С 10 июля 1941 г. в составе 13А ЗФ. Убит в бою 28 июля 1941 г.

43. В. А. Смирнов

Начальник Подольского пулеметного училища, затем командир 116 сд, которая участвовала во взятии Ясс в августе 1944 г. под его командованием. Более поздних сведений нет.

44. М. Т. Попов

Командующий ПриВО в июне – ноябре 1941 г., с 1943 г. генерал-лейтенант

45. И. А. Корнилов

Командир 49 ск КОВО, пленен, будучи тяжелораненым 07.08.41 г. в р-не Подвысокое. В апреле 1945 г. освобожден американскими войсками, до декабря 1945 г. проходил проверку в СМЕРШе. Был восстановлен в кадрах, закончил ВАК при Военной академии им. Ворошилова, работал начальником военной кафедры в гражданском институте.

Комбриги

46. М. Т. Слепнев

Летчик полярной авиации, один из первых Героев Советского Союза(№ 5). Участвовал в спасении экипажа парохода «Челюскин». Сведений о занимаемой 22.06.41 г. должности нет. С 1939 г. начальник Академии ГВФ. В 1941–1942 гг. командир авиабригады ВВС Черноморского флота; в 1942–1943 гг. в Главном Управлении ВВС ВМФ. С 1946 г. в отставке.

Полковники

47. П. П. Полубояров

Начальник АБТУ ПрибОВО (с марта 1941 г.), до этого – с ноября 1940 г. учеба на КУВНАС АГШ, с января 1941 г. начальник АБТУ ЛВО. С 1942 г. генерал-майор, с 1943-го генерал-лейтенант, с 1962-го маршал танковых войск

48. И. И. Федюнинский

Герой Советского Союза (1939). Командир 15 ск 5А КОВО (с июня 1941 г.), до этого – с ноября 1940 г. командир 87 мсд ЗабВО, с 12.08.41 г. генерал-майор, с 1942-го генерал-лейтенант, с 1944-го генерал-полковник с 1955-го генерал армии

49. В. С. Нестерук?

Начарт 7А ЛВО с марта 1941 г., в 1943 г. зам. командующего артиллерией Брянского фронта, с января 1945-го командир корпуса прорыва РГК. С 3.05.42 г. генерал-майор, с 22.08.44 г. генерал-лейтенант артиллерии

50. С. А. Иванов

Сведений о занимаемой 22.06.41 г. должности нет. С июля 1941 г. командир 108 отд. тд Брянского, затем Западного фронта. С января 42-го зам. начальника ГАБТУ, с 07.06.43 г. генерал-майор танковых войск

51. М. Т. Каракоз

Сведений о занимаемой 22.06.41 г. должности нет. С 5 июля 1941 г. начштаба 3-го корпуса ПВО ЗакВО, с июня 1942-го начштаба ПВО ЗакВО, с ноября 1942-го командир 416 сд, затем 13 ск ЗФ. С 30.08.44 г. генерал-майор

52. Е. В. Леошеня

Сведений о занимаемой 22.06.41 г. должности нет. Почему-то указывается везде как сподвижник генерала Карбышева. Особо проявил себя на сооружении Московского оборонительного рубежа и зон

заграждений, сыгравших важную роль в битве за Москву в 1941 г. С 20.12.43 г. генерал-майор инженерных войск.

Неопознанные слушатели КУВНАС АГШ – 41

Пехотный комбриг

Комбриг-танкист

Комбриг-артиллерист

Полковой комиссар или полковник артиллерии^[92]

Полковник пехоты

Полковник артиллерии

Подполковник саперных войск

Неопознанные преподаватели академии и начальство НКО

Поскольку все эти четыре человека сидят на почетном первом ряду, скорее всего, они или преподаватели академии, или представители НКО. Возможно, что крайний справа – замполит АГШ бригадный комиссар Г. Я. Калинин, так как он сидит рядом с начальником академии генерал-лейтенантом В. К. Мордвиновым. Похоже, что остальные трое тоже политработники.

**Военачальники, закончившие в 1941 г. КУВНАС
АГШ, но не обнаруженные на групповой
фотографии**

М. Ф. Терехин

*Генерал-лейтенант танковых войск, Герой Советского Союза (1939),
командир 2 КА ДВФ 4.41–12.45 (в 1940–1941 гг. командир 5 мк)*

Н. г. Хоруженко

Генерал-майор, командир 220 мд 23 ск (Ереван), потом 45А

А. А. Котляров

Генерал-майор, командир 58 тд 30 мк ДВФ, с 07.10.41 генерал-майор, с 19.10.41 г. участвовал в боях на Западном фронте. 20. 11. 41 г. застрелился.

А. С. Ксенофонов

Генерал-майор, командир 22 ск 27А ПриБОВО

Д. И. Кислицын

Комбриг, с 5.07.43 г. генерал-майор, старший помощник инспектора пехоты ЛВО, с 25.08.41 г. временно исполняющий обязанности командира 396 сд, затем командир 28 гв ск, 67 ск, 47 ск

И. А. Иконников

Генерал-майор, Военный атташе в Болгарии (ранее начальник оперативного отдела штаба 7А ЛВО)

Т. К. Коломиец

Генерал-майор, командир 32 ск 16А ЗабВО, с 15.09.43 г. генерал-лейтенант

Ф. К. Парусинов

Генерал-лейтенант, командующий 25А ДВФ с марта 1941 г., зам. командующего ДВФ с 1943 г.

М. П. Петров

Герой Советского Союза (1937), генерал-майор, командир 17мк РГК ЗапОВО. В августе 1941 г. был назначен командующим 50-й армией, 7 октября 1941 г. – командующим Брянским фронтом. При выходе из окружения был тяжело ранен и умер 10 октября 1941 г.

П. Д. Артеменко

Генерал-майор, командир 27ск 5А КОВО, попал в плен.

С. С. Фоменко

Генерал-майор, с 1938 г. зам. командующего, с 23–27.06.41 г. – командующий ЗапОВО. С 16.10.43 г. генерал-лейтенант

И. В. Простяков

Генерал-майор, по окончании КУВНАС АГШ до 1942 г. ст. преподаватель АГШ, с 15.10.42 г. по 30.01.44 г. командир 9 гв. сд

И. Н. Руссиянов

Генерал-майор, командир 100сд 2ск РГК ЗапОВО, с 7.06.43 г. генерал-лейтенант

С. И. Оборин

Генерал-майор, командир 14мк 4А ЗапОВО. 08.07.41 г. арестован, расстрелян 16.10.41 г.

П. И. Косенко

Начальник артиллерии 30мк ДВФ, генерал-майор с 1943 г.

Анализ сведений о выпускниках 1941 г. КУВНАС АГШ

Собранные данные позволяют сделать следующие выводы:

1. На фото запечатлен выпуск КУВНАС при Академии Генштаба 1941 г., готовивших военачальников высшего звена. Пятнадцать выпускников, запечатленных на этом фото, 22 июня 1941 г. командовали корпусами; восемь человек занимали должность заместителя командующего армией (в том числе по ВВС, начальника артиллерии, начальника АБТУ, начальника оперотдела); пять человек командовали округами (в том числе один заместитель), пять человек были командирами дивизий (в том числе двое – горно-стрелковых). Десять человек не идентифицированы, сведения о должности на 22 июня девяти человек, запечатленных на фото, отсутствуют. Восемь были преподавателями Академии Генштаба, что, однако, не помешало некоторым из них выехать на фронт (Карбышев – еще до начала боевых действий, Сухомлинов – 28 июня), три преподавателя (Меликов, Паука и Сергеев) были арестованы в июне 1941 г.

2. В составе слушателей этой группы обнаружены представители различных родов войск – пехоты, артиллерии, танковых войск, авиации, кавалерии, а также воздушно-десантных и инженерных войск. Это говорит о том, что данная группа КУВНАС могла быть целевой, комплексной и отрабатывала единую операцию, в которой все они должны были участвовать. Не исключено, что это могла быть Великая транспортная операция с последующим совместным с Германией ударом по Британской империи: на западе – высадка на Британские острова, на востоке – поход на Средний и Ближний Восток (однако не исключено, что Сталин мог после Великой транспортной операции начать боевые действия вместе с Англией против Германии).

Интересно, что у выпускников КУВНАС-41 в биографических материалах указаны различные сроки выпуска – от марта до июня 1941 г. Что это значит, непонятно. То ли из-за засекреченности этой группы никто из кадровиков не знал фактического срока выпуска, то ли прикрывали истинную информацию, то ли выпусков в 1941 г. было несколько.

3. В обнаруженных биографических данных слушателей этой группы КУВНАС часто не указана их конкретная должность на 22 июня 1941 г.

Иногда записано: «с 30 июня 1941 года», «с июля 1941 года...», «с августа»; чаще всего – «войну встретил в прежней должности», очень редко – «закончив КУВНАС... получил новое назначение...», но почему-то в марте. Создается впечатление, что дата окончания этих курсов в 1941 г. закрыта по сей день, так же как и новые назначения его слушателей после их окончания. Большинство полученных назначений, судя по опубликованным на настоящий момент биографиям, приходится на март 1941 г., то есть на самый разгар занятий. Можно предположить, что или было несколько выпусков, или иногда назначались люди, еще находившиеся на учебе. Хотя это трудно представить – например, новый командир корпуса должен его принять у старого, но при этом находится за тысячу километров в Москве, что же он будет прерывать учебу, а потом ехать ее продолжать? Возможно, эти назначения осуществлялись под целевые задачи военачальников, которые они получали во время учебы в КУВНАС. И наконец, возможно, что это были не обычные курсы усовершенствования при АГШ, а тайная подготовка к реальной стратегической операции 1941 г.

4. Интересно, что после окончания этих курсов некоторые слушатели были не только не повышены в должности, а даже сильно понижены. Самый яркий пример такого случая – карьера генерал-лейтенанта авиации дважды Героя Советского Союза Кравченко. Вот отрывок из его биографии в Википедии: «В 1940 г. командовал ВВС Прибалтийского особого военного округа. В Великой Отечественной войне участвовал с июня 1941 года как командир 11-й смешанной авиационной дивизии на Западном и Брянском фронтах...» А вот как об этом периоде его жизни говорится на сайте «Герои страны»: «В июле – ноябре 1940 года командовал ВВС Прибалтийского военного округа. В 1941 году окончил курсы усовершенствования командного состава при Военной академии Генштаба. Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 года в должности командира 11-й смешанной авиационной дивизии (Западный и Брянский фронты)». Значит, после повышения квалификации этого летчика-героя (кстати, он был одним из двух первых дважды Героев в нашей стране) понизили в должности на две ступени. Объяснить это можно, только предположив, что по окончании курсов он был назначен не на более высокую, а на более важную должность. И это назначение было связано с осуществлением Великой транспортной операции. Вполне возможно, что Кравченко стал командующим всей истребительной советской авиацией, участвующей в ней. Назначение это могло состояться или в апреле 1941 г. (одновременно с назначением начальником ГУ ВВС Жигарева вместо

снятого, а может быть, тоже тайно переброшенного на подготовку той же стратегической операции Рычагова), или в конце мая – начале июня 1941 г., после окончания курсов. Когда же 22 июня наша авиация была разгромлена, не поднявшись со своих аэродромов, и большинство военачальников, принимавших участие в подготовке Великой транспортной операции (вот она, одна из возможных истинных причин возникновения «дела авиаторов»!) были арестованы, своего любимца Кравченко вождем не тронул, и для него срочно подобрали должность командира 11 сад, которой 22 июня (с августа 1940 г.) командовал полковник Ганичев. Вот он и появился там в конце июня – начале июля, как и многие другие выпускники 1941 г. КУВНАС АГШ.

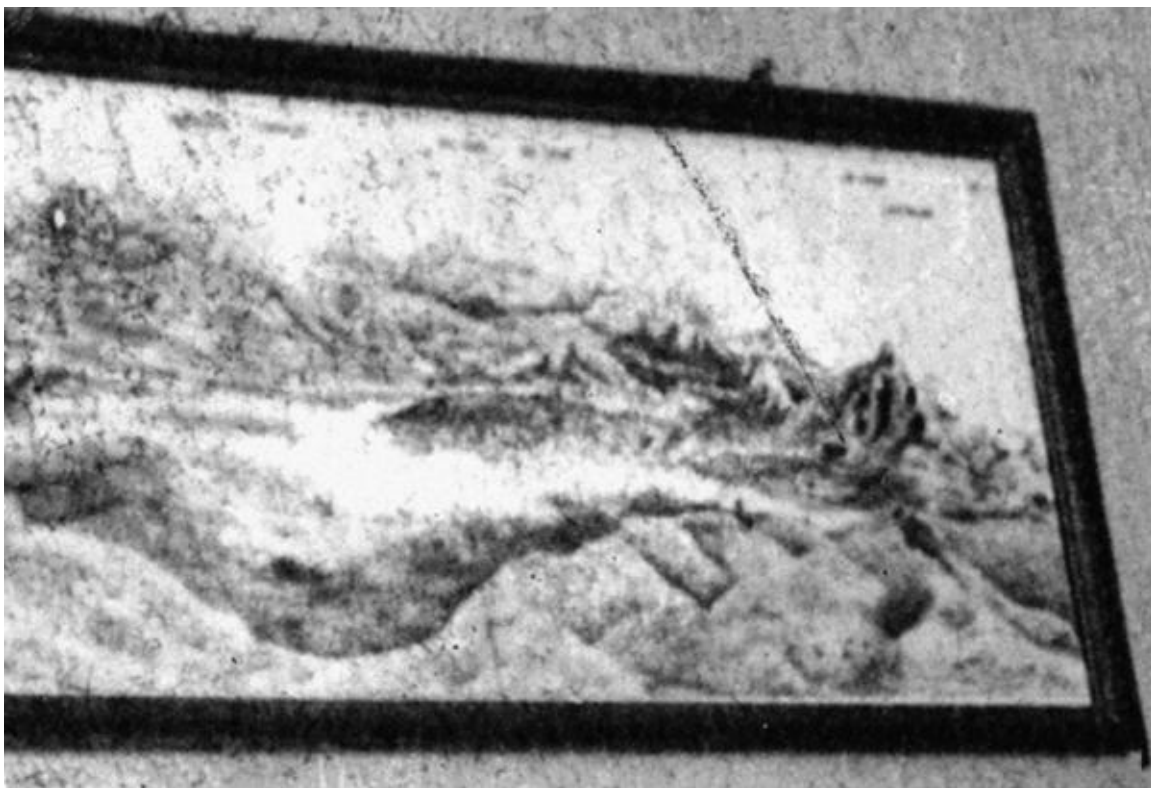
5. Другой авиатор, Герой Советского Союза генерал Хрюкин возглавлял ВВС 14-й общевойсковой армии. В 1941 г. он окончил КУВНАС. Его назначили командующим авиацией 12-й общевойсковой армии Киевского особого военного округа. Этой армией, которая дислоцировалась на правобережье Днестра в районе городов Станислав и Черновцы, командовал генерал П. Г. Понеделин. Какой смысл был в том, чтобы переводить Кравченко на аналогичную работу, но в другой регион? И в августе того же года его возвращают на хорошо знакомый Север – командующим ВВС Карельского фронта. Интересно, что все три слушателя-авиатора, закончившие КУВНАС АГШ в 1941 г., были Героями Советского Союза, и, зная стиль тогдашнего высшего руководства страны, можно понять, что по окончании курсов их перевели на какое-то очень важное дело – может быть, и на подготовку совместной с немцами антибританской операции. А поскольку оказалось, что основные военно-воздушные силы СССР перед войной были нацелены в южном направлении, то героев-летчиков туда и отправляли.

6. К вопросу о картах, висящих на стенах помещения, где производилась съемка. Одна, большая, закрыта белой материей, а вторая, значительно меньшая по размеру, заслуживает внимательного изучения.

Во-первых, это не карта, а карта-рисунок с изображением рельефа какого-то места. Совершенно очевидно, что это невысокие горы на берегу водного пространства – скорее всего, пролива. Но ведь более всего в те годы (впрочем, как и ранее со времен князей Олега и Святослава) правителей нашей страны интересовали проливы – Босфор и Дарданеллы. Рельеф также напоминает и север Ирана, и Турцию.

Так что, судя по карте-рисунок, оказавшейся на фото выпуска КУВНАС АГШ 1941 г., вполне возможно, что одним из мест боевых

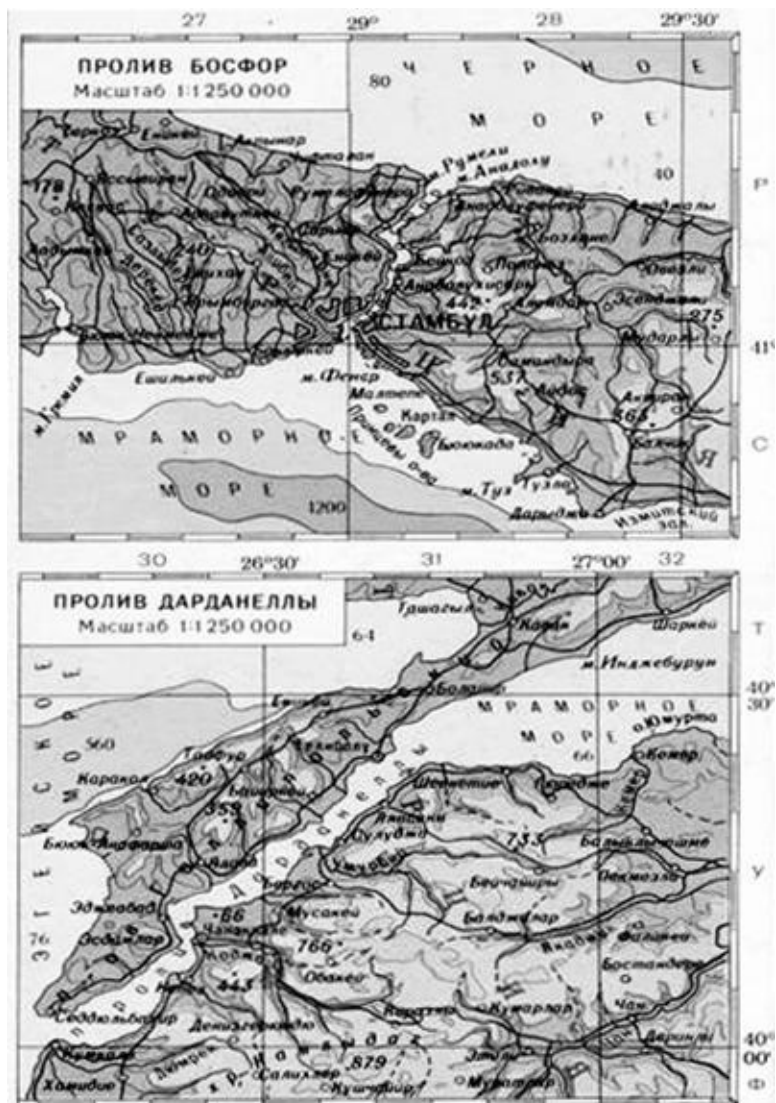
действий, к которым готовили слушателей, был пролив Босфор или находящиеся рядом с ним районы. В связи с этим особый интерес представляет начало войны в Севастополе.

Карта-рисунок на стене аудитории

Пролив Босфор, вид из космоса

Самые правдивые и потому заслуживающие наибольшего внимания воспоминания об этом, из тех, что мне довелось прочесть, начинаются так: «Закончились большие маневры Черноморского флота под руководством адмирала Ивана Степановича Исакова. Все силы флота: корабли, береговая оборона Черноморского побережья и морская авиация в течение нескольких дней участвовали в выполнении сложнейшей, совместно с частями Красной Армии, десантной операции.

21 июня 1941 г. большинство кораблей Черноморского флота в полной боевой готовности, присущей таким ответственным моментам боевой подготовки, как маневры, собрались в обширных бухтах главной базы Севастополя. Крупные корабли встали на якорь в Северной бухте, остальные пришвартовались к стенкам на заранее предназначенных местах...»

Это отрывок из «Записок участника обороны Севастополя» капитана 1-го ранга А. К. Евсеева^[93], написанных в 1942 г. в единственном экземпляре. Прочитав их, адмирал Исаков написал на первой странице резолюцию с указанием хранить их как секретный документ и использовать для исторической работы по Севастополю. То есть полностью согласился с содержанием этих записей.

Абсолютную достоверность этой информации подтвердил и нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов, написавший в своей книге «Накануне»: «20 июня из района учений в Севастополь вернулся Черноморский флот и получил приказ остаться в готовности № 2. Большая часть матросов и командиров так и не сошла на берег. Многие из них потом еще долгие месяцы не видели близких» [46. С. 323].

Итак, оказывается, перед самой войной проходили «большие маневры Черноморского флота» со сложнейшей десантной операцией, в которых в полной боевой готовности участвовали все силы флота, к тому же береговая оборона, морская авиация, а главное – части сухопутных войск. И это в тот период, когда Сталин больше всего боялся провокации, чихнуть вблизи границы не давал, а тут такую силищу решил продемонстрировать, да еще в полной боевой готовности! Это почему же? Думаю, по той же причине, по которой 22 июня он категорически запретил стрелять по пролетающим самолетам на западной границе, а часом раньше разрешил открыть огонь по «неизвестным самолетам» в Севастополе. А именно потому, что здесь противником предполагались не немцы, а те, против кого готовился совместный с немцами десант (очень хотелось бы услышать иное объяснение).

Эти маневры закончились 20 или 21 июня 1941 г., а когда они начались и в каком районе проходили, я узнал из немецких источников, которые свидетельствуют о том, что немцы были полностью в курсе этих «учений».

Самое первое упоминание об этих маневрах я обнаружил в «Военном дневнике» начальника штаба ОКВ Ф. Гальдера:

«13 июня 1941 г. ...Из Румынии сообщают о скоплении кораблей, которые находятся в боевой готовности юго-западнее Одессы» [21. С. 705].

Следующие сведения об этих маневрах – из дневника министра народного просвещения и пропаганды Третьего рейха Й. Геббельса (он делал записи в дневнике на следующий день):

«15 июня 1940 г. ...Москва приводит русский флот в боевую готовность...» [73. С. 260].

«19 июня 1940 г. ...В самой же России готовятся ко Дню морского флота»^[94] [Там же. С. 269].

Интернетовский сайтутверждает, что на этих маневрах флот и части ОдВО отрабатывали не высадку десанта, а защиту от нее.

Член Военного Совета ЧФ дивизионный комиссар Н. М. Кулаков в своей книге «Доверено флоту» пишет:

«На середину июня было назначено учение Черноморского флота совместно с частями Одесского военного округа в северо-западном районе моря и на прилегающих участках побережья. О многом говорило уже само время его проведения. Обычно учения такого масштаба устраивались гораздо позже, осенью, – ими как бы подводился итог летней учебной кампании. Учение предусматривало высадку оперативного десанта в составе стрелковой дивизии на необорудованное побережье и нанесение удара по военно-морской базе (а для другой стороны – отражение его)... На западном побережье Крымского полуострова был высажен десант... О том, как оценивалась общая обстановка, в которой началось 14 июня наше учение, может дать представление такая деталь: был установлен особый сигнал, означавший, что учение прерывается и флот немедленно переходит на ту степень повышенной боевой готовности, какая будет назначена... 18 июня учение закончилось, и корабли стали возвращаться в Севастополь. Однако на флоте была сохранена оперативная готовность номер два» [44. С. 23–24].

Последнее позволяет предположить, что это могли быть совместные маневры с румынскими кораблями и германо-румынскими воинскими частями, причем в любой момент они были способны превратиться в реальные боевые действия. Вполне возможно, высадка этого учебного десанта осуществлялась на единственный остров, находящийся в том районе в 35 км от берега – остров Змеиный, скалистые берега которого весьма напоминают берега пролива Босфор.

Остров Змеиный

Небезынтересно, что в десанте участвовали войска Одесского военного округа, часть которого (или весь?) перед самой войной загадочным образом почему-то превратилась в 9-ю Армию, после начала войны неожиданно вошедшую в состав Южного фронта. Стоит отметить, что несколько выпускников КУВНАС АГШ 1941 г. вполне успевали по их окончании принять участие в этих июньских учениях. Это – начштаба ОдВО Захаров (переведенный 19 июня 1941 г. «в распоряжение НКО»), а также командиры корпусов Новосельский, Глазунов, Волох, Добросердов, командир авиабригады ЧФ Слепнев и другие.

«21 июня по Севастополю распространился слух, что в воскресенье в Севастополь прилетит нарком ВМФ Кузнецов принимать парад кораблей флота в честь окончания учений, – рассказал мне ветеран Великой Отечественной войны Ефим Владимирович Дубровский (в то время он был курсантом Севастопольского военно-морского училища береговой обороны и проходил летнюю практику на батарее береговой обороны, расположенной на мысе Фиолент), – но он не прилетел, так как началась война. О том, что эти маневры были, знал весь Севастополь – ведь

несколько дней боевых кораблей не было в бухте, а к 22 июня они все появились».

В связи с этими маневрами возникают еще два вопроса. Первый: почему о таком интересном и важном факте никто из организовывавших его и участвовавших в нем военачальников подробно не рассказал в своих мемуарах, и в первую очередь – сам адмирал Исаков и его начальники – нарком Кузнецов и начальник Генштаба Жуков? Второй: почему никто не связал с этими учениями оказавшуюся значительно более высокой боеготовность Одесского военного округа (по сравнению с другими округами) и Черноморского флота 22 июня 1941 г. и их минимальные потери в первые дни войны?

На мой взгляд, главной причиной этого было то, что находившиеся на этих учениях в полной боеготовности войска ОдВО и корабли Черноморского флота не растеряли ее и вернувшись на места своего базирования. Или, учитывая, что эти учения были совместными, советские морские и армейские военачальники, присутствовавшие на них лично, разгадали замысел противника и, рискуя своими жизнями, отдали противоречившие указаниям вождя и наркома обороны приказы о приведении флота и войск в полную боевую готовность. Именно после этих приказов в ОдВО (или в 9-й Армии) самолеты были выведены с основных аэродромов и рассредоточены по запасным оперативным, воинские части заняли предполье и укрепрайоны, были выданы боеприпасы и горючее, запрещены увольнения и отпуска. И имя одного из этих героев уже точно известно – это Матвей Васильевич Захаров, в последующем маршал Советского Союза и дважды Герой Советского Союза. Имена остальных еще предстоит установить, но я убежден, что среди них будет несколько имен выпускников КУВНАС АГШ 1941 г.

Рассматривая тему возможной подготовки советских войск к операции в районе Босфора, нельзя не обратить внимания еще на одну совершенно забытую сегодня сенсацию первых месяцев войны с Германией. 27 июля 1941 г. в газете «Правда» было помещено такое сообщение:

«26 июля. От Советского Информбюро. В числе документов, захваченных нашими войсками при разгроме 52-го немецкого химического полка западнее Ситно, обнаружена папка с секретными документами и схемами европейской части Турции^[95] и проливов... 52 полк базировался в Восточной Пруссии, куда были переброшены с Балкан... даются указания о возможности высадки морского десанта... указываются места, наиболее уязвимые со стороны моторизованных армий. Все эти документы еще раз

разоблачают агрессивные планы германского руководства в отношении Турции».

Почти вся третья полоса этого номера «Правды» была занята фотокопиями найденных документов на немецком языке. Вот их перечень:

1. Брошюра с приложением иллюстраций и эскизами.
2. Военно-географический план Истамбула.
3. Карта Европейской Турции.
4. Карта Европейской Турции, включая проливы.
5. Карта Измадского залива.

О том, что такой полк в вермахте существовал и был разгромлен во время советского контрудара под Сольцами в середине июля 1941 г., упоминает в своем «Военном дневнике» начальник штаба ОКХ Ф. Гальдер:

«31 июля. О потерях в 52-м минометном химическом полку. В руки противника попало большое количество секретной матчасти и документация. Необходимо издать соответствующий руководящий приказ» [22. С. 199].

Есть подтверждения этому случаю и в советских документах периода войны. Когда в октябре 1943-го наступающие советские войска обнаружили немецкий склад с химическими снарядами, генерал-майор технических войск Шакир Джексенбаев, начальник химической службы 2-го Прибалтийского фронта, докладывал командующему фронту М. М. Попову и члену Военсовета Л. З. Мехлису: «Здесь, близ райцентра Калининской области Идрицы (а также населенных пунктов Лудзы, Гельбене, Валги), в июле 1941 года были захвачены немецкие секретные документы и химическое имущество 2-го батальона 52-го минометного химического полка противника. Документы свидетельствовали о вероятности химического нападения» .

Следует отметить, однако, что в этих советских документах даже упоминания о Турции, Босфоре и десанте нет. Но зато говорится, что в руки советского командования попали секретное химическое имущество и документы (вполне возможно, что на это же самое имущество). Поэтому нельзя исключать того, что советское руководство, ссылаясь на разгром 52-го химполка, опубликовало в июле 1941 г. в газете «Правда» совсем другие немецкие документы, весьма возможно, разработанные для совместной операции по захвату проливов и переданные СССР до начала войны.

Ф. Чуев пишет: «Вспоминается рассказ А. И. Мгеладзе (Первый

секретарь ЦК КП Грузии в последние годы жизни И. В. Сталина), дополненный Молотовым, о том, как после войны на дачу Сталина привезли карту СССР в новых границах – небольшую, как для школьного учебника. Сталин приколот ее кнопками на стену: “Посмотрим, что у нас получилось... все в порядке... Вот здесь мне наша граница не нравится! – сказал Сталин и показал южнее Кавказа”» [102. С. 18–19].

Это тоже косвенное подтверждение правильности моего предположения о Великой тайне Великой Отечественной и намечавшейся Сталиным совместной операции в проливах и на Ближнем Востоке. Но еще более серьезным подтверждением подготовки к ней я считаю обнаруженное мною Решение Политбюро о распределении мобзапасов и средств на строительство аэродромов и бензоемкостей по округам на 1941 г., из которого следует, что на юг (КОВО и ОдВО) выделяется ресурсов и средств в 1,3 раза больше, чем на все вместе взятые остальные приграничные округа (ЗапОВО, ПрибОВО и ЛВО) (см. с. 498–501).

Правка Сталина в последних предвоенных решениях Политбюро

Почему Сталин взял на себя функции Председателя Совнаркома и как он их выполнил в начале войны

Почему Сталину вдруг оказалось мало власти Первого секретаря ВКП(б)? Почему он взял на себя еще и управление Совнаркомом, о чем 4 мая 1941 г. было принято Решение Политбюро № 30/36? О том, «куда он гнет», выпускники и преподаватели военных академий, а также высшие военные чины слышали из его выступления в Кремле 5 мая, а вся страна узнала из центральных газет утром 7 мая 1941 г. Не будем гадать о причине этой «кадровой перестановки» (готовился ли Сталин к встрече с Гитлером или к войне, или засомневался в Молотове, или Молотов поспорил с ним по поводу отношений с Германией), а заглянем в закрытые в то время (как и много-много лет спустя) подлинные документы, связанные с этим событием.

4 мая 1941 г. Политбюро приняло решение с очень неброским, даже скучноватым, названием: «Об усилении работы советских центральных и местных органов». Среди еще одиннадцати решений Политбюро, принятых в этот день, по названию оно было, пожалуй, самым незаметным. Оно даже не попало в «Особую папку». Зато по содержанию было поистине судьбоносным.

В РГАСПИ я увидел его рукописный вариант.

Вот он:

Об усилении работы Советских центральных и местных органов.

I. В целях полной координации работы советских и партийных организаций и безусловного обеспечения единства в их руководящей работе, а также для того, чтобы еще больше поднять авторитет советских органов в современной напряженной международной обстановке, требующей всемерного усиления работы советских органов в деле обороны страны – Политбюро ЦК ВКП(б) единогласно постановляет:

1). Назначить т. Сталина председателем СНК СССР.

2). Т. Молотова назначить заместителем председателя СНК СССР и руководителем внешней политики СССР с оставлением его на посту

наркома по иностранным делам.

3). В виду того, что т. Сталин, оставаясь по настоянию Политбюро ЦК первым секретарем ЦК ВКП(б), не сможет уделять достаточно времени работе по Секретариату ЦК, назначить т. Жданова А. А. заместителем т. Сталина по Секретариату ЦК и освободить его от обязанности наблюдения за Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

4). Назначить т. Щербакова А. С. секретарем ЦК ВКП(б) и руководителем Управлением пропаганды и агитации с сохранением за ним поста первого секретаря Московского обкома и горкома ВКП(б).

II. Настоящее решение Политбюро ЦК ВКП(б) внести на утверждение Пленума ЦК опросом.

Номер этого Решения «п. № 32/36 от 4.V/41 г.» написан другим почерком.

Следующий документ, имевший прямое отношение к этому вопросу, был принят на следующий день, подшит в это же дело через 16 листов и выглядит так:

Утвердить проекты Указов Президиума Верховного Совета СССР:

1) Об освобождении т. Молотова В. М. от обязанностей председателя СНК СССР.

2) О назначении т. Молотова В. М. зам. председателя СНК СССР.
№ 32/52 от 5.V/41 г.

А еще через 5 листов я обнаружил написанное карандашом на листке без даты, без подписи и даже без заголовка следующее «нечто»:

«Ввиду неоднократного заявления т. Молотова В. М. о том, что ему трудно исполнять обязанности председателя СНК СССР наряду с выполнением обязанностей народного комиссара иностранных дел, удовлетворить просьбу т. Молотова об освобождении его от обязанностей председателя СНК СССР».

Над этим текстом размашисто написано: «Копировать».

Вот, собственно, и все. Молотова сняли якобы по его собственному заявлению, но в деле нет ни его письменного заявления, ни его письменного согласия (хотя бы в виде подписи на этом документе). Разве что, не нарушая незыблемое единство Политбюро, он за это решение проголосовал, как всегда, «за»^[96]. Ведь, скорее всего, как обычно, никакого заседания Политбюро по этому вопросу не было (во всяком случае, 1–5 мая прием в кремлевском кабинете вождя не велся, и единственным

посетителем его за те дни был Жданов, находившийся там 5 мая с 17.45 до 18.00), а голосование провели опросом, то есть Поскребышев со своими сотрудниками обзвонил всех по телефону.

Попытаемся теперь, исходя из текстов двух решений Политбюро, изложить истинную причину нового назначения Сталина. Она выглядит так: в сложившейся напряженной международной обстановке дело обороны страны требует безусловного единства, то есть единоначалия. На уровне высшего руководства страны решено было реализовать это совмещением двух высших должностей, и для Сталина это был шаг к будущему посту Верховного Главнокомандующего. Сталин отлично понимал, что во время войны все должно быть подчинено воле одного человека, который берет на себя всю полноту ответственности и отвечает лично за победу или поражение возглавляемых им вооруженных сил. Тем более что после крайне неудачно протекавшей советско-финляндской войны этот вопрос встал очень остро. Нарком обороны Ворошилов и начальник Генштаба Шапошников ответили за промахи принятых ими (а порою не ими) решений и были заменены. При обсуждении неудач они неоднократно высказывались по поводу вмешательства конечно же не вождя и не высшего партийного руководства, а политических комиссаров в принимаемые командирами разных уровней решения.

Возможно, новый нарком обороны поставил даже вопрос ребром. Во всяком случае, 12 августа 1940 г. было принято решение Политбюро № 19/177 «Об укреплении единоначалия в Красной армии и Военно-Морском Флоте» и в тот же день вышел одноименный Указ Президиума Верховного Совета, которым ликвидировался институт военных комиссаров «в целях осуществления в частях и соединениях полного единоначалия и дальнейшего повышения авторитета командира – полновластного руководителя войск, несущего полную ответственность также и за политическую работу в частях».

Итак, суть принятого решения о совмещении Сталиным двух высших в стране должностей – полное **его** управление **всем** и полная **его ответственность за все**.

А теперь посмотрим, как это реализовалось на деле.

Сведения о последних предвоенных и первых днях войны в Кремле крайне скудны. Личных дневников члены Политбюро и их сотрудники не вели, дневники рабочие, подобные тем, что вели работники НКВД, обязанные вносить туда записи немедленно после любых встреч и бесед с представителями иностранных государств, пока не обнаружены. Не опубликованы даже документы кремлевской охраны об убийствах-

прибытиях, поездках, командировках и отпусках охраняемых ими лиц. Есть только два непрерывных во времени источника: «Кремлевский журнал» – «Тетради (журналы) записи лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.)» и «Повестки дня заседаний Политбюро ЦК ВКП(б)» с решениями Политбюро, хранящиеся в РГАСПИ.

Вопрос о присутствии в Кремле и работе Сталина 21–22 июня 1941 г. и в последующие дни вплоть до 3 июля был и остается одним из ключевых при поиске объяснений катастрофы 22 июня 1941 г. Я просмотрел все решения Политбюро за этот период. Ниже привожу полный перечень повесток дня заседаний Политбюро за эти дни. Повторюсь – заседаний Политбюро в этот период не было, все решалось в рабочем порядке, порою «опросом» – то есть по телефону. Иногда собирались у Сталина несколько человек. Но правило было неизменным – пять членов Политбюро (большинство) должны были завизировать принимаемое решение.

В публикуемом ниже перечне решений Политбюро за 18 июня – 5 июля 1941 г. полужирным шрифтом выделены те решения, на которых есть личная подпись Сталина. Решения, на которых есть также резолюции, замечания, предложения и правка, вписанные его рукой, – подчеркнуты. Наличие подписи Сталина на документах «Особой папки» (ОП) не устанавливалось, так как все эти документы в РГАСПИ представлены в виде машинописных копий, не имеющих рукописных пометок, виз и подписей^[97]. Следует отметить, что документы «Особой папки», также как и шифровки, перевозке не подлежали, поэтому на подлинниках решений Политбюро этой категории, принятых в период с 19 июня по 3 июля 1941 г., когда Сталина могло не быть в Москве, следов руки Сталина, скорее всего, не будет обнаружено, так как в этот период вопросы согласовывались с ним устно по закрытым каналам ВЧ-связи (о чем делалась пометка его личного секретаря А. Поскребышева типа: «Т. Сталин ЗА – (А. П.)» или «ЗА – А. П.»).

Решения Политбюро 18 июня – 5 июля 1941 г. (Источник: РГАСПИ. Д. 1041. Протокол № 34)

От 18.VI.41 г.

51. *О первом заместителе начальника НИИ ВВС.*

52. *О семенах колхозам для посева яровых культур в 1941 г.*

53. *О первом секретаре Новосибирского обкома ВКП(б).*

54. О поставке Наркомату обороны в июне месяце и III квартале 1941 г. 239 тыс. комплектов автомобильных шин (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)). – ОП.

55. **Вопрос НКО** (приказ наркома о перемещениях Локтионова, Ковалева, Лукина и др. – А. О.).

56 – 70 – (несколько решений о назначениях из ОП. – А. О.).

От 20.VI.41 г.

71. Вопросы Верховного суда СССР. – ОП.

72. Об отпуске семенной ссуды колхозам Татарской АССР (шифровка. – А. О.)

73. О выделении средств из резервного фонда СНК СССР. – ОП.

74. О строительстве автогужевой дороги Крестцы – Пестово Ленинградской области (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)).

75. О дополнительных ассигнованиях на ремонт судов за границей.

76. *О строительстве автомобильного завода на 100 тыс. грузовых трехтонных автомобилей с дизельмотором в г. Камышине и заводов смежной промышленности в районе Камышина* (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)).

77. Просьба секретаря Рязанского обкома ВКП(б) Тарасова об освобождении от работы председателя исполкома областного совета депутатов трудящихся Соколова (ОБ^[98] от 18.VI.41 г., пр. № 96, п. 5с).

78. О Козлове Г. В. (ОБ от 18.VI.41 г., пр. № 96, п. 4с).

79. О Поздняке И. И. (ОБ от 18.VI.41 г., пр. № 96, п. 3с).

80. О заместителях наркома и составе коллегии Наркомата

станкостроения СССР (ОБ от 18.VI.41 г., пр. № 94, п. 12-гс).

81. **О разрешении Совнаркому Латвийской ССР перенести выходной день с 22 на 24 июня 1941 г.**

82. **О семенах колхозам для посева яровых культур в 1941 г.**

83. О маскирующей окраске самолетов, взлетно-посадочных полос, палаток и аэродромных сооружений (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)). – ОП.

84. О выпуске самолетов МиГ-3 с предкрылками (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)). – ОП.

От 21.VI.41 г.

85. О введении должности заместителя начальника Управления заказов вооружения Главного управления ВВС Красной Армии и утверждении на эту работу Селезнева Н. П. (ОБ от 19.VI.41 г., пр. № 94, п. 16-гс).

86. О введении должности консультанта при начальнике Научно-испытательного института ВВС Красной Армии по самолетам и утверждении на эту работу Пышнова В. С. (ОБ от 19.VI.41 г., пр. № 94, п. 15-гс).

87. О заместителе наркома тяжелого машиностроения по кадрам (ОБ от 19.VI.41 г., пр. № 94, п. 13-гс).

88. О секретаре Ростовского обкома ВКП(б) по рыбной и пищевой промышленности (ОБ от 19.VI.41 г., пр. № 97, п. 1-гс).

89. Вопрос Ивановского обкома ВКП(б) (ОБ от 19.VI.41 г., пр. № 94, п. 14-гс).

90. **Об отпуске Дукельскому.**

91. О выделении из резервного фонда Совнаркома СССР средств на строительство заводов № 4 и 393 НКВ. – ОП.

92. Об увеличении программы по выпуску самолетов Як-1 на заводе № 292 (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)). – ОП.

93. О выделении из резервного фонда Совнаркома СССР средств на строительство артиллерийских заводов в гг. Купянске и Лиски и строительство теплоцентралей на этих заводах. – ОП.

94. Об ускорении ввода в действие авиамоторного завода № 452 НКАП в Днепропетровске (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)). – ОП.

От 22.VI.41 г.

95. О мобилизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому особому, Западному особому, Киевскому особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северо-Кавказскому и Закавказскому военным округам.

96. Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения.

97. О военном положении.

98. Об утверждении положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах боевых действий.

От 23.VI.41 г.

99. О Ставке Главного командования Вооруженных сил Союза ССР (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)). – ОП.

100. О порядке обеспечения всеми видами довольствия войск НКВД, поступивших в оперативное подчинение командования Красной Армии. – ОП.

101. Вопрос Наркомфина СССР. – ОП.

102. О проведении выборов в Верховный Совет СССР и в Верховный Совет РСФСР по отдельным избирательным округам вместо выбывших депутатов.

103. О Зеленцове В. В. и Бормане А. В. (ОБ от 21.VI.41 г., пр. № 97, п. 292-гс).

104. О Белокоскове В. Е. (ОБ от 21.VI.41 г., пр. № 97, п. 291-гс).

105. О Герасимове И. М. (ОБ от 21.VI.41 г., пр. № 97, п. 290-гс).

106. О Мартьянове С. М. (ОБ от 21.VI.41 г., пр. № 97, п. 289-гс).

107. О Филатове Д. С. (ОБ от 21.VI.41 г., пр. № 97, п. 288-гс).

108. Вопрос Красноярского крайкома ВКП(б) (ОБ от 21.VI.41 г., пр. № 97, п. 287-гс).

109. О работе Гражданского воздушного флота в военное время. – ОП.

110. О вводе в действие мобилизационного плана по боеприпасам (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)). – ОП.

От 24.VI.41 г.

111. Об увеличении выпуска грузовых автомобилей и организации производства автомобилей с передней ведущей осью (вездеходов) (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)). – ОП.

112. **О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе.**

113. О Советском Информационном бюро (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)).

114. **О выделении муки и кукурузы для УССР.**

115. О создании Совета по эвакуации (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)). – ОП.

От 25.VI. 41 г.

116. **О конференции Осоавиахима.**

117. **О физкультурном параде.**

118. **Вопрос НКО** (назначение Астахова, Куцевалова, Науменко. – А. О.).

119. **О сдаче населением радиоприемных и передающих устройств.**

120. О начальниках охраны войскового тыла.

121. **О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника.**

122. О создании Советского бюро военно-политической пропаганды.

123. Телеграммы Попова, Никишева и Жданова [о кадрах]. – ОП.

124. О дне отдыха на территории Азербайджанской ССР (телеграмма ЦК КП(б) Азербайджана).

125. О производстве брони и танков «КВ» (постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР). – ОП.

От 26.VI.41 г.

126. **О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами** (шифровка. – А. О.).

127. О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время.

128. О первом заместителе начальника Главного управления гидрометеорологической службы СССР при СНК СССР (ОБ от 24.VI.41 г., пр. № 97, п. 536-гс).

129. О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время.

130. О дополнении закона о всеобщей воинской обязанности статьей 30-в.

131. О Совете по эвакуации (постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР). – ОП.

132. Телеграмма Калнберзина и Лацис [о кадрах]. – ОП.

От 27.VI.41 г.

134. Вопрос НКАП. – ОП.

135. О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества. – ОП.

136. Об увеличении выпуска танков KB, Т-34, Т-50, арттягачей и танковых дизелей в III и IV кварталах 1941 г. (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)). – ОП.

137. О принятии на вооружение Красной Армии и об организации производства 25 мм осколочно-зажигательно-трассирующего снаряда к 25 мм зенитной автоматической пушке (постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б)). – ОП.

138. О Совете по эвакуации (постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР). – ОП.

139. О допущении изъятий из ст. 16 «Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий».

140. Вопросы Верховного Суда СССР. – ОП.

141. О подготовке летного и технического состава для авиационных частей фронта (постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР). – ОП.

142. Об отборе коммунистов для усиления партийно-политического влияния в полках.

143. О передаче московских и ленинградских Ленинских курсов при ЦК ВКП(б) в ведение НКО.

144. О вывозе из Москвы государственных запасов драгоценных металлов, драгоценных камней, Алмазного фонда СССР и ценностей Оружейной палаты Кремля. – ОП.

От 28.VI.41 г.

145. Вопросы Верховного Суда СССР. – ОП.

146. Вопрос Госбанка. – ОП.
147. **О местных газетах и журналах.**
148. **Об увеличении тиража газеты «Красная Звезда».**
149. **О временном прекращении издания ряда отраслевых газет.**

150. **Об увеличении тиража газеты «Правда».**

От 29.VI.41 г.

151. Об отборе коммунистов для усиления партийно-политического влияния в полках и дивизиях.
152. О переводе из Москвы наркоматов и главных управлений (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)). – ОП.
153. Об эвакуации авиазаводов. – ОП.

От 30.VI.41 г.

154. ***О создании при Бюро СНК Комитета по распределению рабочей силы.***

155. **Об автотракторном и гужевом транспорте, поставленном для Красной Армии.**

156. ***О выдаче личному составу Военно-Морского флота СССР дополнительных видов довольствия.***

157. Вопросы Верховного суда СССР. – ОП.
158. Об уполномоченных НКПС на фронтах.
159. О заместителях наркома путей сообщения.
160. Вопросы Наркомата военно-морского флота (ОБ от 28.VI.41 г., пр. № 98, п. 114-гс).
161. Об Ерохине М. М. и Нестеренко П. Г. (ОБ от 29.VI.41 г., пр. № 98, п. 122-гс).
162. О Кабанове И. Г. и Переславцеве Т. Т. (ОБ от 29.VI.41 г., пр. № 98, п. 123-гс).

163. ***Об образовании Государственного Комитета Обороны.***

164. Об утверждении мобилизационного народнохозяйственного плана на III квартал 1941 г. – ОП.

От 01.VII.41 г.

165. О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами.
166. ***Вопрос Моссовета*** (о сносе деревянных строений)

вокруг оборонных заводов. – А. О.).

167. Об эвакуации радиостанций (постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б)). – ОП.

168. О Совете по эвакуации (постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР). – ОП.

169. **Об образовании при СНК СССР Комитета продовольственного и вещевого снабжения Красной Армии.**

170. О строительстве радиостанции в районе г. Куйбышева. – ОП.

От 02.VII.41 г.

171. **Об Александрове** (постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР).

172. **О председателе Радиокомитета.**

173. **О Донском.**

174. О разгрузке Ленинграда от предприятий Наркомата боеприпасов (постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР). – ОП.

175. О броневом стане Мариупольского завода им. Ильича (постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР). – ОП.

176. О сохранении тела В. И. Ленина. – ОП.

От 03. VII.41 г.

177. Об установлении на военное время временной надбавки к сельскохозяйственному налогу и к подоходному налогу с населения.

178. Вопрос ИККИ (о финансовой помощи зарубежным компартиям). – ОП.

179. Вопрос ИККИ (о КП Китая). – ОП.

От 05.VII.41 г.

180. О народном комиссаре заготовок (ОБ от 03.VII.41 г., пр. № 94, п. 20-гс).

181. О Кучумове П. С. (ОБ от 03.VII.41 г., пр. № 98, п. 130-гс).

182. О Чекменеве Е. М. (ОБ от 03.VII.41 г., пр. № 98, п. 129-гс).

183. Вопросы Верховного суда СССР. – ОП.

184. Об эвакуации архивов (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)). – ОП.

185. Об эвакуации предприятий Наркомавиапрома. – ОП.

186. О порядке эвакуации населения в военное время. – ОП.
187. О порядке эвакуации семей руководящих партийных, советских работников и семей начальствующего состава Красной Армии, флота и войск НКВД из прифронтовой полосы. – ОП.
188. Об утверждении положения «Об эвакуационном пункте по эвакуации гражданского населения из прифронтовой полосы». – ОП.
189. Об эвакуации рабочих и служащих эвакуированных предприятий. – ОП.
190. О Голеве Я. И. (ОБ от 04.VII.41 г., пр. № 98, п. 137-гс).

По выделенным полужирным шрифтом документам, подписанным Сталиным, мы видим, что 18 июня многие принятые решения Политбюро были подписаны им.

19 июня не зарегистрировано ни одного документа (и по «Кремлевскому журналу» видно, что в этот день прием в кабинете Сталина не велся). Вероятно, последние документы он подписал 18 июня и 19-го уехал в отпуск в Сочи вместе со Ждановым^[99].

Решения, зарегистрированные 20 июня, могли быть подписаны Сталиным и гораздо раньше – о зам. наркома и составе коллегии Наркомата станкостроения (п. 80); о переносе выходного дня в Латвии (п. 81) с 22 на 24 июня в связи с праздником «Лиго» (это было известно заранее); о семенной ссуде (п. 82) для посева яровых в северных областях (обычно посевная заканчивалась в первых числах июня). Решение о строительстве автозавода в Камышине (п. 76) следует рассмотреть отдельно, и я вернусь к нему ниже.

Поражает отсутствие письменных следов участия вождя в важнейших решениях от 21–23 июня 1941 г. при наличии его подписи на одном единственном документе, зарегистрированном 21 июня, – об отпуске наркому морского флота Дукельскому, где она стоит на заключении начальника Лечсанупра Кремля Бусалова от 6 июня 1941 г. с ходатайством Микояна от 19 июня (см. решение ПБ № 90). Учитывая обнаруженный документ «Сводка Главного Командования за 22 июня 1941 г.» (см. главу «Один архивный листок...», с. 522–527) с незначительной правкой Сталина, что свидетельствует о полной его дееспособности 22 июня 1941 г., отсутствие каких-либо следов его участия в выпуске важнейших решений 21–23 июня («секретного» Решения Политбюро от 21 июня, Директив наркома обороны № 1, № 2 и № 3 от 22 июня, Указов о мобилизации и введении военного положения) можно объяснить лишь

отсутствием вождя в Москве в эти дни. Единственный след его участия – пометка, сделанная рукой Поскребышева на машинописном проекте Указа о мобилизации (без единой визы членов ПБ): «Указание т. Сталина – опубликовать», подпись Поскребышева и дата: «22/VI». Документу присвоен очередной номер решения Политбюро – «П.34/95». Но почему же Сталин не удостоил столь важный указ своей подписи, а поручил это своему секретарю? Видимо, потому, что его просто не было в Москве^[100]. Очень хотелось бы услышать другое правдоподобное объяснение этому факту.

Если 19 июня Сталин уезжал в Сочи вместе со Ждановым, то члены Политбюро должны были провожать его на вокзале (что косвенно подтверждается отсутствием приема в этот день в кремлевском кабинете), и там Микоян вполне мог получить у него визу на ходатайстве об отпуске наркому морского флота Дукельскому (это самый последний документ, подписанный Сталиным до войны). Следует отметить, что ниже подписи Сталина на нем стоит подпись Молотова, явно как остающегося «на хозяйстве», и больше – ни единой визы.

Начиная с 22 июня, почту Сталину в Сочи, вероятно, стали доставлять фельдсвязью самолетом, как это делалось в последние годы во время его отпусков. Поэтому на письмах и записках, превращавшихся после его решений в Решения Политбюро, с 24 июня появляется его подпись и даже правка. Однако их нет на шифровках и, вероятней всего, нет на документах «Особой папки», которые транспортировать было нельзя.

Обращает на себя внимание и тот факт, что 3–5 июля не было принято ни одного решения Политбюро. Очевидно, потому, что полтора дня вождь был в пути, а в первый день после возвращения в Москву изучал обстановку и принимал срочные оперативные решения (первое из них – назначение наркома Тимошенко командующим Западным фронтом вместо Павлова было принято Сталиным еще в Сочи 29–30 июня, 1 июля вернувшийся в Москву Молотов сообщил о нем Тимошенко, 2 июля Тимошенко и Павлов выехали на фронт). Скорее всего, 4 июля Сталин отменил решение Молотова о назначении Павлова заместителем командующего ЗФ по бронетанковым войскам и дал команду арестовать его, что и было сделано в тот же день в Довске. О появлении Сталина в Москве косвенно свидетельствует и тот факт, что 5–8 и 12 июля практически все решения Политбюро (кроме награждений) были приняты через Особую папку. Поэтому в их подлинниках, хранящихся в АП РФ, наверняка в эти дни появляется личная подпись и правка вождя. Хотя с 1 июля по самым важным вопросам уже принимались постановления Государственного Комитета Обороны (ГКО), который был образован 30

июня 1941 г. совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б).

Поэтому я просмотрел и весь массив первых постановлений ГКО (с 1 по 3 июля 1941 г.). Привожу их с теми же выделениями в тексте, что и в перечисленных выше Решениях Политбюро.

Документы, принятые ГКО СССР 1–3 июля 1941 г. (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2)

Постановления ГКО

От 1.VII.41 г.

1сс. **«Об организации производства средних танков Т-34 на заводе «Красное Сормово».** – ОП (не на бланке ГКО, подписи на Постановлении нет, на письме Малышева имеется подпись Сталина. – А. О.).

2сс. **«О производстве танков КВ-1 на Челябинском тракторном заводе.** – ОП (не на бланке ГКО, подписи на Постановлении нет, письмо Малышева подписано Сталиным. – А. О.).

От 2.VII.41 г.

3сс. **«Об усилении противопожарной безопасности г. Москвы и пригородных городов Московской области»** (на бланке ГКО за подписью заместителя председателя ГКО Молотова, подписи Сталина нет. – А. О.).

От 3.VII.41 г.

4сс. **«О программе выпуска артиллерийского и стрелкового вооружения, плане эвакуации заводов наркомата вооружения и создании новых баз в Поволжье, на Урале и в Сибири»** (на бланке ГКО за подписью Молотова, подписи Сталина нет, вообще нет ни одной визы. – А. О.).

Распоряжения ГКО

От 1.VII.41 г.

1с. **«Об увеличении выпуска пожарных машин и пожарных цистерн на Московском заводе противопожарного оборудования наркомата общего машиностроения»** (не на бланке, за подписью

Молотова, подписи Сталина нет, заверено печатью управделами СНК и подписью В. Мартынова. – А. О.).

От 2.VII.41 г.

3. Мандат Уполномоченного ГКО (Тула) Шкирятову (на бланке ГКО, за подписью Председателя ГКО, подписи Сталина нет. – А. О.).

4. Мандат Уполномоченного ГКО (Ковров) Савченко (на бланке ГКО, за подписью Председателя ГКО, подписи Сталина нет. – А. О.).

5. Мандат Уполномоченного ГКО (Ижевск) Чекунову (на бланке ГКО, за подписью Председателя ГКО, подписи Сталина нет. – А. О.).

6. Мандат Уполномоченного ГКО (Смоленск) Хохлову (на бланке ГКО, за подписью Председателя ГКО, подписи Сталина нет. – А. О.).

7. **«Об Уполномоченных ГКО на оборонных заводах»** (не на бланке ГКО, заочно согласовано со Сталиным, но есть его правка. – А. О.).

От 3.VII.41 г.

9сс. **«Об изъятии обмундирования из неприкосновенного запаса Дальневосточного фронта и ЗАБВО»** (не на бланке ГКО, согласовано со Сталиным, есть его правка. – А. О.).

Два первых Постановления ГКО напечатаны не на бланке ГКО (его еще не существовало) и не имеют никакой утверждающей подписи (в обоих на последнем листе имеется лишь виза наркома Малышева, готовившего их проекты). Однако в комплект документов по каждому из этих постановлений входит письмо Малышева на имя Сталина с просьбой об утверждении с карандашной пометкой рукой Поскребышева: «Молотов Микоян – ЗА (А. П.)». Оба письма Малышева имеют подпись Сталина, что означает его согласие без каких-либо замечаний. Кроме того, в каждый комплект входит четвертушка бумаги в клетку с надписями «ОП. № ГКО-1сс. 1.VII. 41 г» и перечнем фамилий руководителей, которым необходимо направить постановление или выписки из него. Все это вместе заменяет подписи Председателя ГКО на постановлении. Причина та же самая, что и в случае с решениями Политбюро, – документы «Особой папки» нельзя было перевозить.

Поэтому если бы Сталин был в это время Москве, ему обязательно принесли бы подлинники постановлений ГКО (тем более самых первых – № 1 и № 2) и они были бы подписаны лично им. А если он находился в Сочи, то все вопросы были обсуждены с ним по ВЧ-связи. Письма от Малышева вполне могли доставить самолетом (не исключено, что их привезли и члены Политбюро 29 июня). 1 июля Молотов вернулся самолетом из Сочи в Москву и привез ряд подписанных Сталиным документов, в том числе письма по Постановлениям ГКО № 1 и № 2. Поскребышев их немедленно дооформил как постановления от 1 июля 1941 г.

Постановление № 7, вероятно, было согласовано со Сталиным по ВЧ-связи, так как на нем есть пометка Поскребышева: «т. Сталин за (А. П.)» (зачем это было бы нужно, если бы вождь находился в Москве?). Тем не менее в нем рукой вождя вычеркнуты фамилии двух уполномоченных ГКО и добавлен раздел об уполномоченном ГКО по Смоленской области. Наиболее вероятное объяснение этого казуса такое: согласованное со Сталиным накануне заочно Постановление ГКО № 7 было оформлено и выпущено 2 июля 1941 г., а 3 июля он вернулся в Москву и в тот же день успел внести изменения в его текст еще до рассылки. В этот же день подпись Председателя ГКО Сталина впервые появилась сразу на двух постановлениях ГКО: № ГКО-9сс «Об изъятии обмундирования из неприкосновенного запаса Дальневосточного фронта и ЗАБВО» и № ГКО-14 о назначении Вознесенского Уполномоченным ГКО по вопросам вооружения и боеприпасов. Кроме того, имеется письмо за подписью Берия от 3 июля о сокращении сроков готовности куйбышевских авиазаводов, подписанное Сталиным 3 июля. Все это может быть подтверждением того, что Сталин вернулся в Москву именно 3 июля.

Еще одно очень серьезное подтверждение этому я обнаружил, изучая списки посетителей кабинета Сталина за 11 июня – 6 июля 1941 г. по записям в «Кремлевском журнале». Оказалось, что есть одна деталь, почему-то ускользавшая до сих пор от внимания исследователей этого важнейшего документа: практически ежедневно после перечня посетителей за текущий день вносилась отметка: «Последние вышли в...». Обычно в ней проставлялось то же время, что и против фамилии последнего посетителя, но иногда указывается время и более позднее, и это может означать лишь одно – время ухода из кабинета его хозяина.

Так 11 июня 1941 г. последние посетители (судя по составу, скорее всего, участники начавшегося в 0.20 совещания по истребителю МиГ-3), Маленков, Шахурин, Жигарев и Микоян (конструктор), вышли из кабинета

в 1.15. Значит, согласно последней записи этого дня «Последн. вышли 1 ч. 30 мин. 12/VI 41» через 15 минут после окончания совещания из кабинета вышел Сталин.

Внимательно изучив, кто выходил последним из кабинета Сталина в период 11 июня – 6 июля 1941 г., я увидел, что в следующий раз Сталин выходил один последним из своего кабинета лишь 6 июля в 2.30, через пять минут после выхода членов ГКО и Политбюро. За весь период предполагаемого мною отсутствия вождя в Москве (с 19 июня по 2 июля) этого не произошло ни разу и повторилось лишь после его возвращения в Москву (3 июля он вышел вместе с Молотовым, Ворошиловым, Кагановичем и Вознесенским; 4 июля – с Молотовым, Ворошиловым, Берией и Маленковым; а 5 июля – с Молотовым).

Надо признать, что в «Кремлевском журнале» мною обнаружен еще один такой случай. 27 июня 1941 г. после последнего в этот день совещания в сталинском кабинете, в котором участвовали Микоян, Тимошенко, Голиков, Берия, Кузнецов и которое закончилось в 2.35, написано: «Последние вышли 2.40». Эта запись рушит все мои построения об отсутствии Сталина в Москве, если не предположить, что Молотов в этот день незаметно для дежурного секретаря вернулся в кабинет (он даже мог пройти через второй вход в сталинский кабинет) и вышел последним в 2.40, а дежурный секретарь не указал это отдельным упоминанием о Молотове, а написал так, как обычно отмечал уход хозяина кабинета: «Последние вышли в...». Другая возможная причина этого казуса – если ежедневные записи на отдельные листки для службы охраны, которые почему-то называются «Тетради (журналы) записи лиц, принятых И. В. Сталиным», делали не сами дежурные секретари, а другие малозначительные сотрудники Особого сектора, подчиненные Поскребышева. При этом они переписывали на отдельные листки записи, сделанные в течение дня дежурным секретарем в приемной (в рассматриваемый период – Поскребышевым, Чечулиным и Чернухой). Поэтому в листках нет ни единого изменения, хотя фамилии порою даны ошибочно и явно записаны на слух (Саклиер вместо Сакриер и т. п.). Тогда указанная ошибка могла вкратиться при переписывании. Дело в том, что последние посетители кабинета – Микоян, Тимошенко, Голиков, Берия и Кузнецов в этот день вышли в 2.35. Молотов же с 17 июня по 4 июля выходил всегда последним. Наверняка вышел последним и в этот день, и в подлиннике «Кремлевского журнала» было указано время его второго пребывания в кабинете: «21.25 – 2.40». При переписывании этих цифр на отдельный лист, вторую прочитали ошибочно и записали как «24.00». Тогда

все становится на место.

Неожиданный ответ вождя на «Вопрос НКО»

Полт. № 34 а 55
Сов. Секретно
экз. №... 80

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

18. ИЮНЯ 1941 г.

ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП (б)

тов. СТАЛИНУ

Вопрос НКО

Для улучшения руководства боевой подготовки частей Красной Армии, прошу утвердить следующие назначения:

1. Генерал-Инспектором Пехоты Красной Армии - Генерал-Полковника ЛОКТИОНОВА Александра Дмитриевича, состоящего в распоряжении НКО.
2. Заместителем Командующего Войсками Дальневосточного фронта - Генерал-лейтенанта КОВАЛЕВА Михаила Прохоровича, освободив его от должности Генерал-Инспектора Пехоты Красной Армии.
3. Заместителем Командующего Войсками Уральского военного округа - Генерал-лейтенанта ЛУКИНА Михаила Федоровича, освободив его от должности Командующего Войсками 16 Армии.
4. Командующим Войсками 16 Армии - Генерал-лейтенанта ЕРЕМЕНКО Андрея Ивановича, освободив его от должности Командующего Войсками 1 Краснознаменной Армии.
5. Командующим Войсками 1 Краснознаменной Армии - Генерал-лейтенанта ВАСИЛЬЕВА Василия Петровича, освободив его от должности командира Особого стрелкового корпуса ДВФ.
6. Начальником штаба Одесского военного округа - Генерал-майора БОДИНА Павла Ивановича, освободив его от должности командира 1-го воздушно-десантного корпуса.

Решение Политбюро № 34/55 от 19 июня 1941 г.

Это первая страница последнего предвоенного Решения Политбюро о перестановках высшего командного состава Красной Армии («Вопрос НКО». П. № 34/55 от 19 июня 1941 г.), принятого на основе проекта приказа наркома обороны. Обычно такие проекты согласовывались с членами Политбюро без проведения заседания, в рабочем порядке – они либо визировали документ, либо давали устное согласие по телефону через Поскребышева, о чем тот делал пометку на проекте. После получения согласия большинства (5 человек) Поскребышев присваивал решению номер, состоящий из двух цифр, разделенных косой чертой: первая цифра – № протокола, вторая – № пункта решения этого протокола, и указывал дату, после чего решение считалось принятым. (Иногда текст решения Сталин правил собственноручно, что бывало довольно редко, обычно изменения по его указанию вносил Поскребышев, или тот, кто докладывал вождю проект решения.)

В данном проекте приказа самым интересным (кроме самого приказа, ибо он публикуется впервые) является первый пункт о Локтионове. Дело в том, что с конца ноября 1940 г. он был освобожден от должности замнаркома обороны и командующего ПрибОВО и переведен в распоряжение НКО. Какая работа была ему поручена и где он находился – неизвестно. Из Риги он уехал. Одни считают, что он взял отпуск, другие – что он лечился в госпитале, есть даже сообщения, что 14 июня 1941 г. он был арестован. Из проекта приказа видно, что едва ли это реально, ибо в любом из перечисленных случаев нарком обороны не предлагал бы его 18 июня 1941 г. на ключевую должность генерал-инспектора пехоты Красной Армии в первом, самом важном, пункте проекта приказа, поданного вождю и Политбюро на согласование.

А вот еще один приказ наркома обороны, оформленный как решение Политбюро от 30 ноября 1940 г., – как раз тот самый, никому не известный (по-моему, он публикуется впервые), которым Локтионов освобождался от должности командующего ПрибОВО. Только – простите! – как же он мог в этой самой должности участвовать в работе Совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. (в списке участников под № 152), больной или утративший доверие? Таких на это совещание не приглашали. Значит, он не лечился, не отдыхал и не «сидел», а находился «в распоряжении НКО» и занимался другими делами – скорее всего, готовил Великую транспортную операцию. И уже не был заместителем наркома обороны, а когда его освободили – не известно. Или наоборот – продолжал оставаться замнаркома, поскольку об этом ничего не сказано.

Но ведь не обнаружено другого приказа о его освобождении от этой должности.

О командующих войсками военных округов.

180

П Р И К А З

НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

По личному составу Армии

№ _____

29. ноября 1940 г.

г. МОСКВА.

1. Командующий войсками Прибалтийского Особого военного округа Генерал-полковник ^{его} ЛОКТИОНОВ Александр Дмитриевич освобождается по болезни, согласно его личной просьбе, от занимаемой должности и зачисляется в мое распоряжение с предоставлением длительного отпуска для лечения.

2. Командующий войсками Северо-Кавказского военного округа Генерал-лейтенант ^{его} КУЗНЕЦОВ Федор Исидорович освобождается от занимаемой должности и назначается ^{на} Командующим войсками Прибалтийского Особого военного округа.

3. Заместитель Командующего войсками Одесского военного округа Генерал-лейтенант ^{его} КОЗЛОВ Дмитрий Тимофеевич освобождается от занимаемой должности и назначается ^{на} Командующим войсками Северо-Кавказского военного округа.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ СССР
Маршал Советского Союза

(С. ТИМОШЕНКО)

Отпечатано 5 экз.
Подпись *И.И.И.*

Решение Политбюро П.23/102 от 30.11.40 г. «О командующих войсками военных округов»

Генерал-полковник А. Д. Локтионов

По-моему, это очень серьезная находка. Но есть еще одна. Дело в том, что в упомянутом «Списке участников Совещания...» указано воинское звание Локтионова – генерал-полковник авиации. Во-первых, судя по форме на впервые публикуемой в широкой печати фотографии, он был просто генерал-полковником, а во-вторых, до войны в РККА вообще не было генерал-полковников авиации (первым стал лишь 22.10.41 г. начальник ГУ ВВС Жигарев). Как же понимать эту несуразность? Ошибка составителей этого списка, который впервые был опубликован в 1993 г.? Звание Локтионова неправильно записали во время совещания в декабре 1940 г. из-за того, что до назначения командующим ПриОВО он, командарм 2 ранга, был начальником ВВС РККА – замнаркома обороны по авиации? Или он действительно в декабре 1940 г. получил звание генерал-полковника авиации? Но тогда как же называлась его должность? Может быть, он был в это время командующим всей советской авиацией, готовившейся к переброске к Ла-Маншу для участия в совместной операции против Британской империи?

Но вернемся в 18 июня 1941 г. Почему же Сталин, увидев имя Локтионова в проекте приказа наркома обороны, не только вычеркнул его, но и дал команду о его немедленном аресте, а потом и расстреле без суда и следствия?

Вариантов не так много:

1. Локтионов полностью провалил какое-то порученное ему важное дело.

Но ведь этот провал должен был как-то катастрофически проявиться.

Однако 18 июня никаких катастроф еще не было, они все произойдут через 4 дня. Поэтому такой вариант маловероятен.

2. Выяснилось, что Локтионов – противник совместных советско-германских военных действий против Британии и Великой транспортной операции. Например, он начал последовательно и постоянно выступать против них, посчитав, что у страны недостаточно для этого сил. Или где-то сгоряча выразил свое несогласие – либо в личной беседе с вождем, либо заочно, о чем вождю тут же донесли. Это не важно, реакция была бы одинаковой.

Против этого варианта свидетельствует тот факт, что нарком обороны Тимошенко почему-то понятия обо всем этом не имел, несмотря на то что у него были собственные «уши» – Разведуправление Генштаба и Третье Управление (особых отделов). Да к тому же армейские политорганы.

3. Выяснилось, что Локтионов – категорически против дружбы с фашистской Германией.

Это маловероятно, так как соответствующие органы «прощупали» бы его взгляды до его назначения, а не год спустя.

4. После нападения Германии на СССР могло быть принято решение о немедленном аресте тех, кто по указанию Сталина руководил работой по подготовке совместной советско-германской антибританской операции и Великой транспортной операции, а также участвовал в советско-германском военно-техническом сотрудничестве, бывая в командировках в Германии.

Это самый вероятный вариант. Скорее всего, малозначимые причины отстранения этих людей от предыдущей работы (Локтионова, Смушкевича – якобы по болезни, Штерна, Проскурова, Алексеева, Арженухина, Пумпура, Левина, Птухина и др. – в связи с переводом на новую работу, Рычагова – в связи с отправкой на учебу, наркома боеприпасов И. П. Сергеева – в связи с переводом на преподавательскую работу) должны были скрыть их секретную деятельность в течение последнего года, длительные командировки в Германию, а значит, и длительное отсутствие на всем известном месте работы. То есть именно то, что являлось истинной причиной расправы с ними. Большинство расстрелянных в начале войны генералов (30 человек) и других военачальников были арестованы после начала войны.

Это совпадает и с первой военной директивой контрразведывательного Управления НКО от 22 июня 1941 г., которая ставила главной задачей выявление не агентуры фашистской Германии, а «антисоветских элементов в Красной Армии».

Поэтому, на мой взгляд, Сталин и вычеркнул собственноручно Локтионова не только из этого приказа, но и из жизни – 19 июня 1941 г. он был арестован и 28 октября 1941 г. расстрелян.

Такое решение вождя по первому же пункту приказа наркома обороны – большая оплеуха Тимошенко. Из него видно, насколько нарком обороны был не в курсе планов вождя, и это за четыре дня до начала войны! Тут начинаешь понимать, почему утром 22 июня к Сталину все время обращается Жуков, а не Тимошенко.

6. Командиром 9-го Особого стрелкового корпуса - Генерал-лейтенанта БАТОВА Павла Ивановича, освободив его от должности Заместителя Командующего Войсками Закавказского военного округа.

7. Заместителем Командующего Войсками Закавказского военного округа - Генерал-лейтенанта ЛЬВОВА Владимира Николаевича, освободив его от должности Заместителя Командующего войсками Прибалтийского Особого военного округа.

8. Помощником Командующего Войсками по Военно-Учебным Заведениям Харьковского военного округа - Генерал-майора ЧЕСТОХВАЛОВА Сергея Михайловича, освободив его от должности командира 25 стрелкового корпуса.

9. Командиром ~~26-го стрелкового корпуса~~ - Генерал-майора ЗАХАРОВА Матвея Васильевича, освободив ~~его~~ от должности Начальника Штаба Одесского военного округа *записки в распоряжение НКО.*

10. Командиром 66 стрелкового корпуса - Генерал-майора СУДАКОВА Федора Павловича, освободив его от должности командира 9 стрелкового корпуса.

11. Освободить от занимаемой должности в связи с переводом на другую работу -

- Командира 66 стрелкового корпуса - Генерал-майора КОРОЧКИНА Павла Алексеевича.

12. ~~Командующий~~

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

С. ТИМОШЕНКО

12. Генерал-лейтенанта Курочкина Назначить командующим войсками Орловского военного округа, освободив его от должности командующего войсками Забайкальского военного округа.

13. Генерал-лейтенанта Релинзова *записки в распоряжение НКО.*

*Исходно
Чайникову*

134/55
от 19.06.41
отп. 3 экз.
Исп. Румянцев.
18.6.41. П.Е.

6 экз.
Исп. Румянцев

Вторая страница Решения Политбюро № 34/55 от 19.06.41

Следует отметить и то, что не все пункты этого приказа с учетом правки вождя были выполнены к 22 июня:

- Еременко ушел из 1-й ДВКА не командовать 16-й армией, а «в

распоряжение НКО»;

- Курочкин остался командующим ЗабВО;

- Захаров хотя и перешел в распоряжение НКО, но почему-то остался в ОдВО (9А?) и был одним из немногих советских военачальников, чьи войска 22 июня 1941 г. «избежали разгрома и организованно вступили в бой»^[101];

- Ремезов продолжал командовать Орловским ВО (20А?).

Вообще, есть сильное подозрение, что этим приказом производились последние назначения высшего комсостава советских армий и войсковых объединений, которые должны были участвовать в Великой транспортной операции и перебрасывались на запад и юго-запад из внутренних округов. Приказ был отпечатан 18 июня 1941 г. и, скорее всего, в этот же день был рассмотрен и подписан Сталиным. Решение Политбюро по нему было оформлено на следующий день и получило такое название: «Вопрос НКО. П. № 34/55 от 19 июня 1941 г.». Не исключено, что на самом деле Локтионов был арестован после начала войны и вычеркнут из этого проекта приказа задним числом. Но ведь он официально ничем не командовал – за что же его было арестовывать и расстреливать после начала войны? Основные аресты этого периода производились не «за что», а «для чего». Только для того, чтобы скрыть, чем он занимался до ее начала.

**Решение Политбюро № 34/76 от 20 июня 1941 г. «О
строительстве автомобильного завода... в районе
Камышина (пост. СНК и ЦК)»**

Размашистая сталинская резолюция полностью покрывает гораздо меньший текст самого письма.

В письме было написано:

«ЦК ВКП(б). Тов. Сталину И. В. По Вашему указанию посылаю проект постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) о строительстве автомобильного завода на 100 тыс. грузовых автомобилей с дизельмотором в гор. Кременчуге и четырех заводов смежной промышленности в районе Кременчуга. Прошу утвердить. Малышев».

А вот текст резолюции:

«Т. Вознесенскому. Идея правильная, только следовало бы построить завод подальше от границы, скажем, в Камышине (воды в Камышине много, лес по Волге будут доставлять в изобилии, сталь будут поставлять из Донбасса). Если остановится ^[102] на Камышине и в проекте будут проделаны соответствующие изменения, – я буду голосовать за завод. И. Сталин».

А далее я привожу решение Политбюро, оформленное как постановление Совнаркома и ЦК по данному вопросу за № 1660 от 20 июня 1941 г. Из него следует, что сталинская резолюция появилась между 14 и 19 июня 1941 г. На этом постановлении стоит единственная виза члена Политбюро – «За Калинин», а также есть пометка: «Принято на заседании Бюро СНК СССР 19 июня 1941 года» и подпись управделами Совнаркома Чадаева.

Проект. 107
Принято на заседании
Всесоюзного СНК СССР 19 июня
1941 года.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР
и ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(б)

О строительстве автомобильного завода на
100 тыс. грузовых тректорных автомобилей
с дизельным двигателем в г. Камышине и заводов
смежной промышленности в районе Камышина.

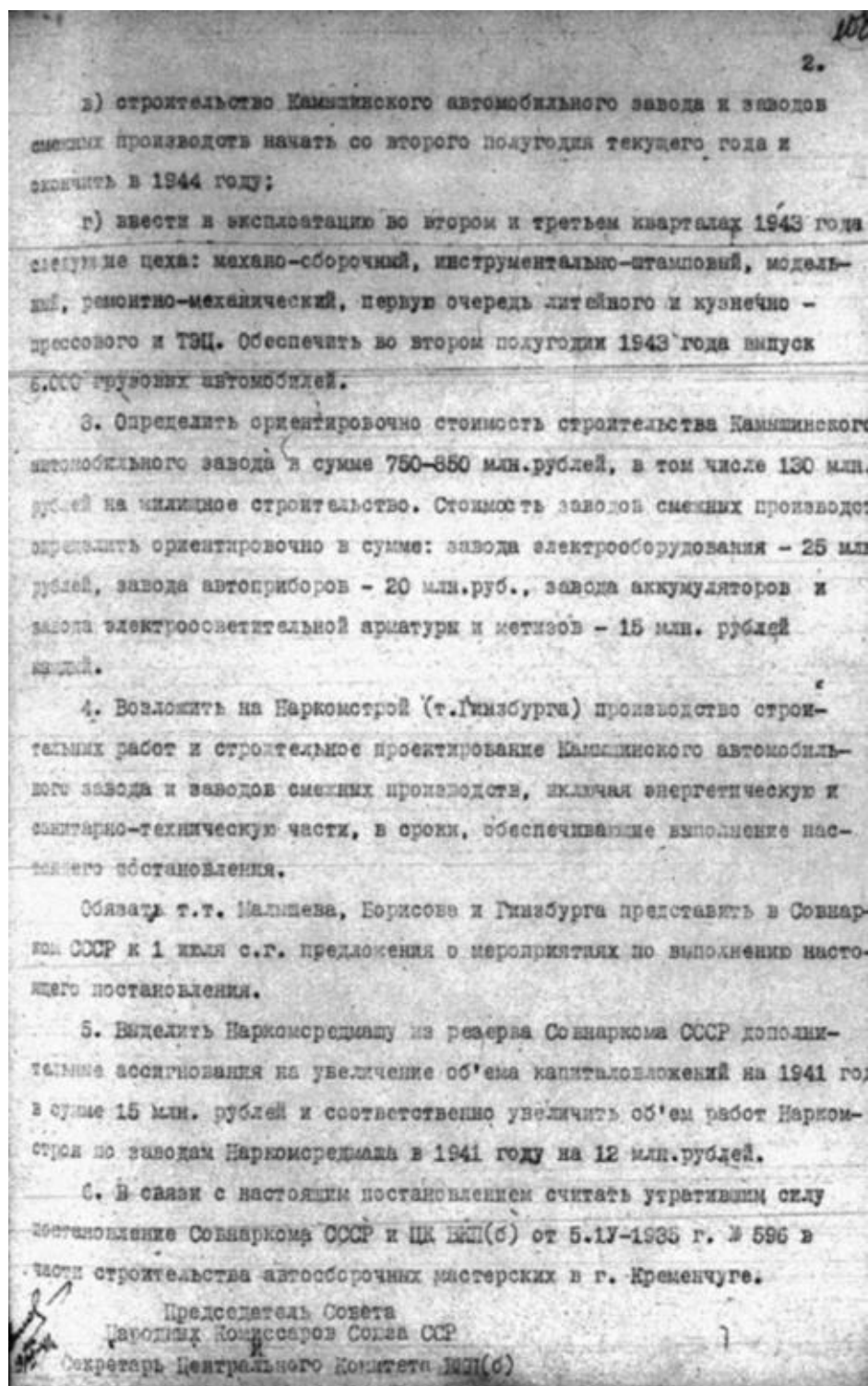
Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет
ВКП(б) ПОСТАНОВЛЯЮТ:

1. Поручить Наркомсредтягу (т. Малышев) и Наркомстрой (т. Гинзбургу) приступить к строительству в г. Камышине автомобильного завода мощностью в 100 тыс. грузовых тректорных автомобилей с дизельным двигателем и в ближайших к Камышину районах заводов смежных производств для обеспечения Камышинского автомобильного завода авто-электрооборудованием, автоприборами, аккумуляторами, электроосветительной арматурой и метизами.

2. Обязать Наркомсредтяг (тов. Малышев):

а) в месячный срок представить на утверждение Правительства тип тректорного грузового автомобиля с дизельным двигателем для производства на Камышинском заводе;

б) утвердить после заключения Госплана и Промбанка по Камышинскому автомобильному заводу проектное задание к 1 октября 1941 г., а технический проект и генеральную смету к 1 марта 1942 г. и по заводам смежных производств - проектные задания к 15 октября 1941 г., а технические проекты и генеральные сметы к 15 марта 1942 г.

Постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) «О строительстве автозавода в районе Камышина». Страницы 1 и 2

В повестке дня заседаний Политбюро оно зарегистрировано как Решение Политбюро «О строительстве автомобильного завода на 100 тыс.

грузовых трехтонных автомобилей с дизельмотором в г. Камышине и заводов смежной промышленности в районе Камышина (пост. СНК и ЦК)», п. № 34/76 от 20 июня 1941 г. Этот документ уникален. Во-первых, это единственный зафиксированный случай, когда Сталин перед самой войной вдруг сам открыто выразил опасение по поводу возможного удара врага со стороны западной границы. До того времени он лишь одергивал или успокаивал всех, кто подобные вопросы поднимал – в первую очередь Тимошенко и Жукова. Что изменило его позицию? Их тревожные доклады и донесения разведки и пограничников? Или собственная интуиция? Или отсутствие реакции Гитлера на реверанс в его сторону в виде «Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 г.»? Тогда почему тревога вождя не распространилась на другие решавшиеся в то время вопросы, гораздо более актуальные? Почему он не разрешил войскам занять предполье, не дал команду выдать в передовых частях боеприпасы и горючее? Более того, буквально на следующий день, 21 июня, вышли два последних предвоенных решения Политбюро: П. № 34/93 «О выделении из резервного фонда Совнаркома СССР средств на строительство артиллерийских заводов в г.г. Купянске и Лиски и строительство теплоцентралей на этих заводах» и П. № 34/94 «Об ускорении ввода в действие авиамоторного завода № 452 НКАП в Днепропетровске» (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)). А ведь Купянск и Днепропетровск – это та же Украина, они рядом с Кременчугом. Почему же опасение вождя о близости границы в это же время не распространилось на них?

Я перебрал возможные варианты объяснения этого его совершенно выпадающего из нормы тех дней решения по поводу строительства автозавода в Кременчуге. Единственное, что я смог предположить: решение о переносе строительства этого автозавода в другой город было принято и оформлено по какой-то конкретной хозяйственной причине – например, вдруг выявилась невозможность осуществления этого проекта на Украине, – а сталинская резолюция появилась после начала войны и должна была продемонстрировать не только его прозорливость, но и его отрицательное отношение к гитлеровской Германии, исключая даже намеки на возможность какого-либо его сотрудничества с Гитлером накануне войны.

В этом документе следует отметить еще три загадочных момента.

Во-первых, нарком Малышев пишет в сопроводительном письме: «По Вашему указанию...», из чего следует, что Сталин не только знал о намерении строить автозавод в Кременчуге, но даже дал команду наркому Малышеву прислать проект постановления об этом.

Во-вторых, получается, что за 1–3 дня были просчитаны и включены в новое решение все цифры по проектированию и строительству шести (!) заводов в Камышине (кроме автозавода еще пяти заводов-смежников: автоэлектрооборудования, автоприборов, аккумуляторного, электроосветительной арматуры и метизов). Такая оперативность вызывает удивление.

В-третьих, пунктом 6 принятого решения отменено решение по строительству завода в Кременчуге, принятое аж в 1935 г. и почему-то не выполненное до 20 июня 1941-го.

И последнее. Пространная резолюция Сталина на письме наркома среднего машиностроения Малышева не меньшая ему оплеуха, чем коррективы вождя на приказе наркома обороны Тимошенко. Почему-то и Малышев оказался не в курсе загадочных сталинских планов и соображений. Кстати, очень похоже, что вождь писал свои замечания на обоих этих документах в один день – 18 июня 1941 г. (Если только сентенцию по поводу недопустимости строительства автозавода на Украине он не позволил себе после начала Великой Отечественной, задним числом, чтобы отместить даже возможность подозрений по поводу сотрудничества а уж тем более координации действий с Германией).

Далее я привожу фотокопии подлинных важнейших Решений Политбюро за период с 18 июня по 3 июля 1941 г.

Важнейшие решения Политбюро за 18 июня – 3 июля 1941 г. (выборка) (РГАСПИ. Д. 1041. Протокол № 34)

Проект

h

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б)

О первом секретаре Новосибирского обкома ВКП(б).

1. Освободить т.ПУТОВКИНА Г.Н. от работы первого секретаря Новосибирского обкома ВКП(б), отозвав его в распоряжение ЦК ВКП(б).
2. Утвердить первым секретарем Новосибирского обкома ВКП(б) т.КУЛАГИНА М.В., бывшего второго секретаря Новосибирского обкома ВКП(б).

Визы 1941 г.

В. Сталин
А. М. Жданов
М. М. Каменев
Л. М. Берия

В. Шумилов

т. Ворошилов-32
т. Микоян-32

т. Андреев (информ.)
т. Афанасьев (Секретарь № 82)
т. Суляковичи
т. Каменев

734/53
от 18.6.41.

т. Кривошеин
т. Келлер

Дано 44
в архиве

П. 34/53 от 18.VI.41 г. «О первом секретаре Новосибирского обкома ВКП(б)». Это последнее предвоенное решение с визой Жданова и Сталина.

Ва 2/130
34 90
31.7.41 (19)

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
Лечебно-Санитарное Управление Кремля

Москва, ул. Коминтерна, д. 1
Телефон для справок и телеграфных сообщений 2-17-31

В/индекс и дата
М. Казанович-34
Д-р. Рафисов 106-34

Н/индекс и дата
6/У1.41.
Секретно. 140/с

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СНК СССР
Т. МИКОЯНУ А. И.

Заключение о состоянии здоровья т. ДУКЕЛЬСКОГО С.С.
консилиума в составе проф. Виноградова В.Н., проф. Гринштейн А.М.
и д-ра Ринкова Р.И.

Тов. ДУКЕЛЬСКИЙ С.С. страдает резко выраженной возбудимостью и
истощением нервной системы. Вместе с этим и в связи с этим у него
имеются приступы грудной жабы. Попытки восстановить трудоспособ-
ность в условиях больницы в течение 9-ти дней не дали заметного
результата, вследствие чего является существенно необходимым пре-
доставление ему отпуска на 1-1½ месяца для лечения в санатории
под Москвой.
Прошу Ваших указаний.

Начальник Лечсанупра Кремля *Бусалон* (Бусалон)

П.34/90 от 21.VI.41 г. «Об отпуске Дукельскому» (нарком морского флота. – А. О.). Это последнее предвоенное решение Политбюро с подписью Сталина. Похоже, что вождь поставил ее прямо на медицинском заключении, когда 19 июня Микоян провожал его в Сочи.

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О МОБИЛИЗАЦИИ ВОЕННООБЯЗАННЫХ ПО ЛЕНИНГРАДСКОМУ, ПРИБАЛТИЙСКОМУ ОСОБОМУ, ЗАПАДНОМУ ОСОБОМУ, КИЕВСКОМУ ОСОБОМУ, ОДЕССКОМУ, ХАРЬКОВСКОМУ, ОРЛОВСКОМУ, МОСКОВСКОМУ, АРХАНГЕЛЬСКОМУ, УРАЛЬСКОМУ, СИБИРСКОМУ, ПРИВОЛЖСКОМУ, СЕВЕРОКАВКАЗСКОМУ И ЗАКАВКАЗСКОМУ ВОЕННЫМ ОКРУГАМ.

На основании статьи 49 пункта "л" Конституции СССР Президиум Верховного Совета СССР объявляет мобилизацию на территории военных округов - Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого, Одесского, Харьковского, Орловского, Московского, Архангельского, Уральского, Сибирского, Приволжского, Северокавказского и Закавказского.

Мобилизации подлежат военнообязанные, родившиеся с 1906 по 1916 год включительно.

Первым днем мобилизации считать 23 июня 1941 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

М. КАЛИНИН.

СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

А. ГОРКИН.

22 июня 1941 года.

Москва, Кремль.

П.34/95 от 22.VI.41 г. «О мобилизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому особому, Западному особому, Киевскому особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северо-Кавказскому и Закавказскому военным округам». Ни единой визы и надпись

Поскребышева: «Указание т. Сталина – опубликовать. А. П. 22/VI».

134

9134/96.- Об объявлении в отдельных местностях СССР военного поло-
жения.

22.11.41г. Утвердить проект Указа Президиума Верховного Совета
СССР "Об объявлении в отдельных местностях СССР военного
положения" (см. "Правду" от 23.У1:41г., № 172).

(122)
П.34/96
от 22.VI.41
Зав. 34
М. Н. С.

У К А З
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР

22 июня 1941 года

ОБЪЯВЛЕНИИ В ОТДЕЛЬНЫХ МЕСТНОСТЯХ СССР ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ.

На основании статьи 49 п. "п" Конституции СССР объявить
инное положение в Архиагельской обл., Белорусской ССР, Во-
одской обл., Воронежской обл., Ивановской обл., Карело-
ской ССР, Калининской обл., Краснодарском крае, Крымской
Р, Курской обл., Литовской ССР, Латвийской ССР, Ленинград-
й обл., Молдавской ССР, Мурманской обл., Московской обл.,
овской обл., Ростовской обл., Рязанской обл., Смоленской
, Тульской обл., Украинской ССР, Эстонской ССР и Ярослав-
й обл.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР**

М. КАЛИНИН.

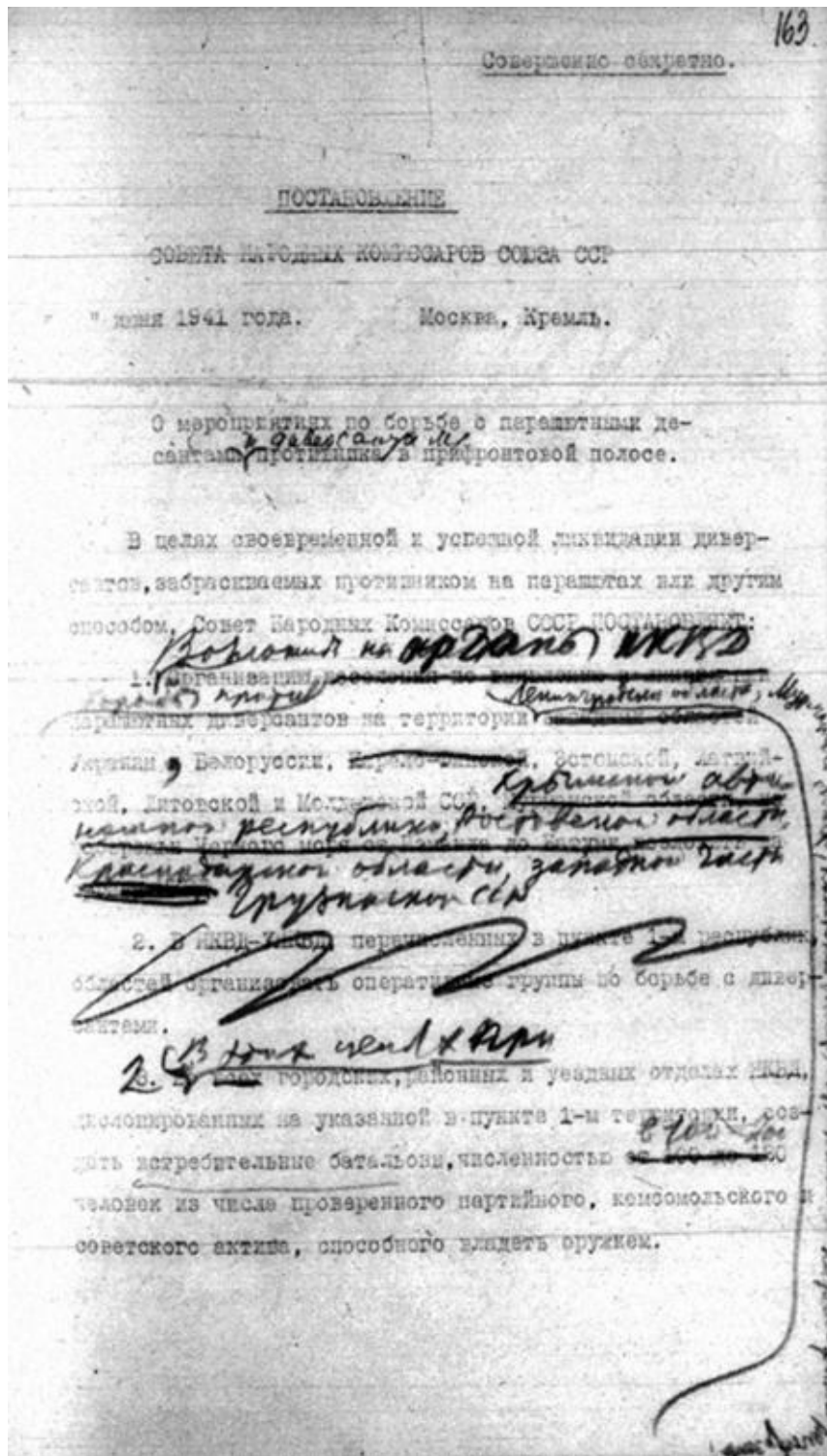
**СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР**

А. ГОРКИН.

схва, Кремль
июня 1941 года.

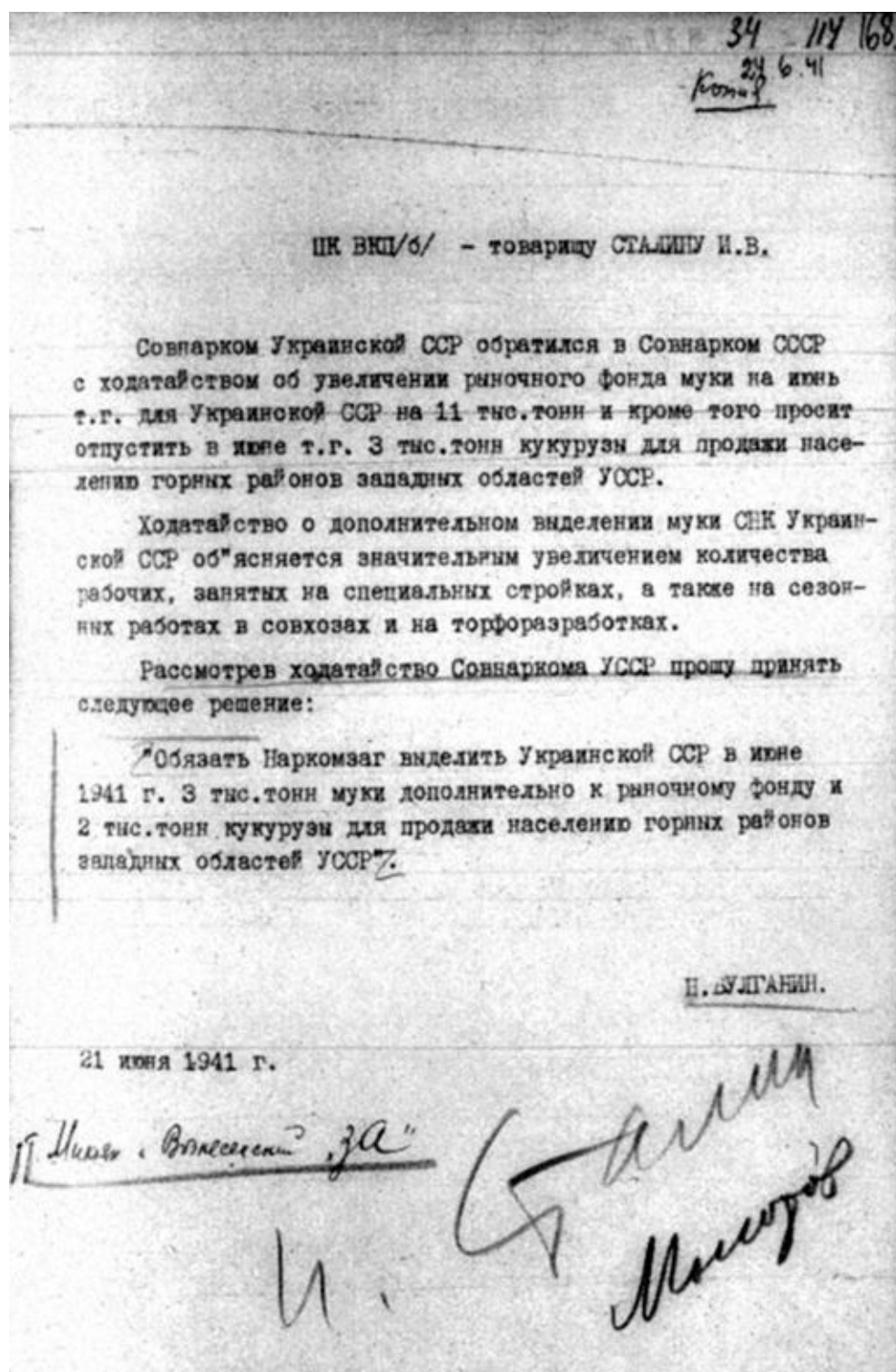
П.34/96 от 22.VI.41 г. «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения». А здесь еще удивительней – Решение Политбюро о начале военных действий не имеет ни одной визы, есть лишь ссылка на публикацию в газете «Правда» от 23 июня 1941 г. Даже не сказано, что началось – война или военный конфликт. И не указано, с кем. Это все не

случайно, все имеет смысл и не может быть объяснено иначе, как тем, что еще не было известно, с кем начнется война, когда окончится возникший конфликт.

П.34/112 от 24.VI.41 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными

десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» (правка Сталина)

П.34/114 от 24.VI.41 г. «О выделении муки и кукурузы для УССР», явно довоенное письмо, доставленное в Сочи 23.V

СТРОГО СЕКРЕТНО ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В 48 ЧАС. 189
Снятие копий воспрещается (Пост. ПБ от 5 мая 27 г. пр. № 100, п. 5)
кому послана Пост. П. Б. № 34 с. п. 126
от 26. VI. 41 г.

ШИФРОВКА

Из **СМОЛЕНСКА** отправлена 5-00 26.VI 1941 г. Поступила в ЦК ВКП
на расшифрование 26.VI 1941 г. ч. 9 м. 10 Вх. № 916/Ш

МОСКВА, ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ.

Обком ВКП(б) просит распространить на Смоленскую об-
ласть постановление СНК СССР от 24 июня 1941 года о мероприя-
тиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами против-
ника в прифронтовой полосе.

СЕКРЕТАРЬ ОБКОМА ВКП(б) **ПОПОВ.**

Расшифрована 26.VI 1941 г. ч. 9 м. 40 Напечатано 4 экз. **Поляков.**
Полный

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ИНСТРУКЦИИ:

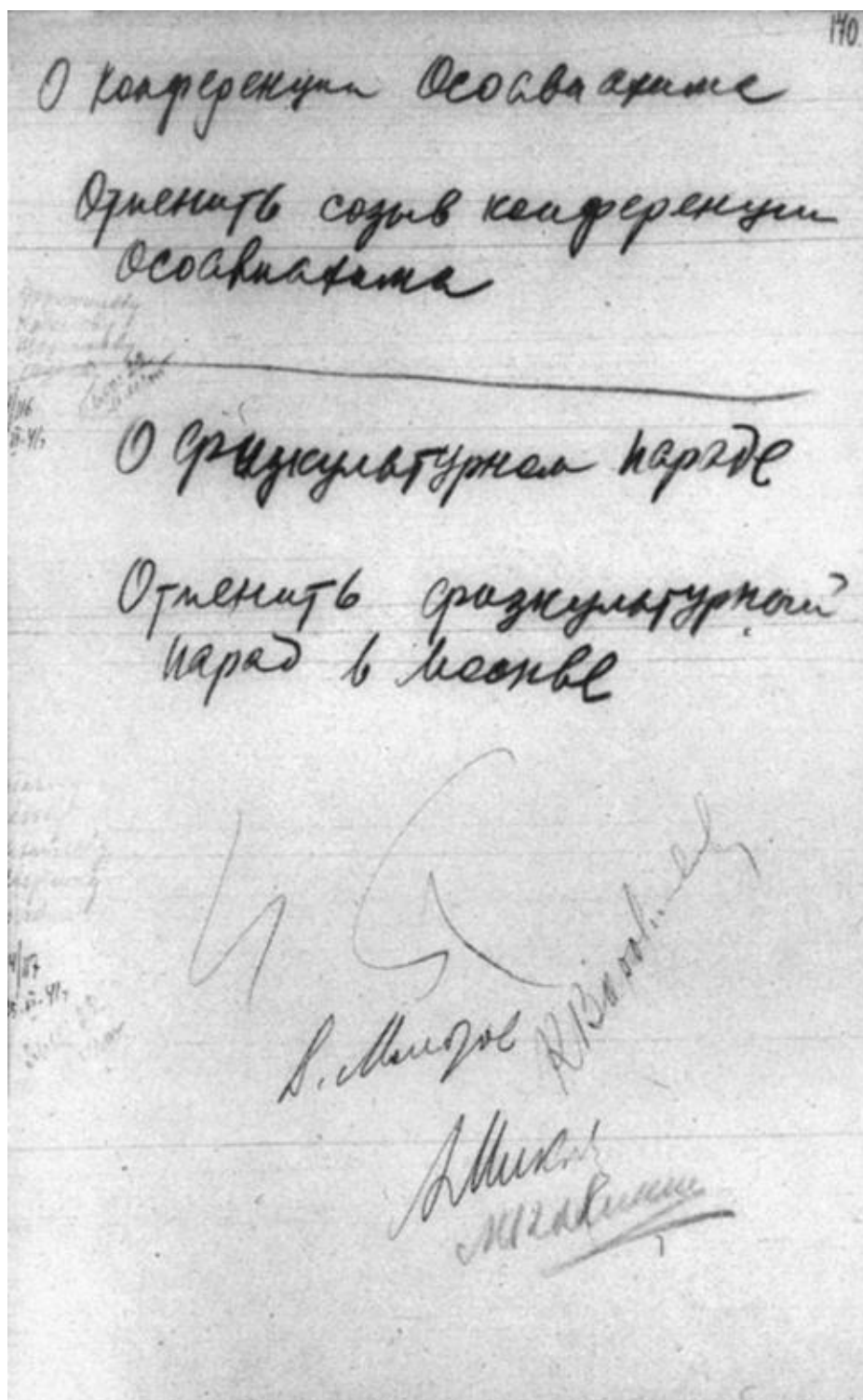
Шифрограммы должны храниться только в секретных хранилищах.
При указании на текст шифрограммы воспрещается указывать, что шифруется, так как шифр, также воспро-
щается указывать и номера шифровок.
Шифр на шифровке пишется также в шифровальном виде, текст передаточного шифра, который составляется по-

П.34/126 от 26.VI.41 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами»

Шифровки должны были вручаться лично адресату и то, что это решение Политбюро было оформлено по единственной записи Поскребышева «Т. Сталин за. Оформить», подтверждает, что вождя не было в Москве, а его согласие было получено по ВЧ-связи.

Четыре решения (№ 116, 117, 121 и 172) написаны одной рукой, на

листочках из одного блокнота, в один день, по вопросам одного руководителя – секретаря ЦК по пропаганде Щербакова. Из этого следует, что, скорее всего, вождь вызвал Щербакова в Сочи, он вылетел туда и вернулся в Москву тоже самолетом вечером 24 июня (согласно «Кремлевскому журналу» вместе со Ждановым и Супруном). Во время встречи со Сталиным Щербаков, пользуясь случаем, написал несколько решений и тут же получил подпись вождя. По приезде в Москву три из этих решений были оформлены «от 25 июня», а одно (о Стукалове) – «от 2 июля». Это подтверждает, что дата решения ПБ могла не соответствовать реальной дате его подписания Сталиным.

П.34/116 от 25.VI.41 г. «О конференции Осоавиахима»
П.34/117 от 25.VI.41 г. «О физкультурном параде»

34 181
181
тов. Старинный И.В.
Против парашютно-
десантных действий
не секретно созданию
дружественных отря-
дов не прекращаются
и при помощи
Москвы
Муртакиз
25/VI-41

П.34/121 от 25.VI.41 г. «О борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника»

30

Председателем Радиокомитета

Утверждаю тов. Полухаренко Р.А.

Председателем Радиокомитета

Утверждаю Г. Фрунзе заместителем Председателя Радиокомитета

за / М' Сталин

Александр

Всех
Шербаков
Александр
Фрунзе
Маленков
Тадеев

П.34/172
от 2.VII.41.

Отпечатано	8	экз.
Подпись	Маленков	

П.34/172 от 2.VII.41 г. «О председателе Радиокомитета»

Два рукописных листка – текст документа, написанный Маленковым красным карандашом, возможно, под диктовку Сталина, рукой которого вписаны простым карандашом лишь слова «всех граждан» и

«комсомольские», а также зачеркнуто слово «хозяйственные». На с. 476 – печатный текст документа. Ни на печатном тексте, ни на подлиннике нет ни единой подписи. Есть только помета Поскребышева о том, что Каганович, Микоян, Сталин, Молотов, Берия, Щербаков и Маленков – «за». Из расположения и отличия в написании этих фамилий (четыре последних дописаны) может следовать, что Сталин и Калинин находились в Сочи в отпуске, Каганович и Микоян успели приехать туда поездом, а Молотов, Берия, Щербаков и Маленков прилетели утром 29 июня 1941 г.

2. Сосредоточить всю
полную власть в государ-
стве в руках Государ-
ственного Комитета Обороны.

3. Обязать ^(всех граждан) все патристиче-
ские, ^{консомонные} ~~государственные~~
и военные органы безукло-
бно выполнять решения
и распоряжения Государ-
ственного Комитета
Обороны.

~~Председатель Президиума Верховного Совета~~
Председатель Президиума
Верховного Совета СССР М. И. Калинин. Секретарь
Москва, Кремль, 30 июня 1941 г. Секретарь ЦК ВКП(б)
У. В. Голубев

т. Кар. Мич. Слав (21)
Налин. Мич. Слав 20/4/41
Борис. Мич. Слав 20/4/41

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ.

Постановление Президиума Верховного Совета СССР, Централь-
ного Комитета ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР.

Ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях
быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения
отпора врагу, вероломно напавшему на нашу родину, Прези-
диум Верховного Совета СССР, Центральный Комитет ВКП(б)
и Совнарком СССР признали необходимым:

1. Создать Государственный Комитет Оборон в сос-
таве:

- т. Сталин И.В. (председатель)
- т. Молотов В.М. (заместитель председателя)
- т. Ворошилов К.Е.
- т. Маленков Г.М.
- т. Берия Л.П.

2. Сосредоточить всю полноту власти в государстве в
руках Государственного Комитета Оборон.

3. Обязать всех граждан и все партийные, советские,
комсомольские и военные органы беспрекословно выполнять
решения и распоряжения Государственного Комитета Оборон.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

М.И. КАЛИНИН.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВНАРКОМА
СОЮЗА ССР и
СЕКРЕТАРЬ ЦК ВКП(б)

И.В. СТАЛИН.

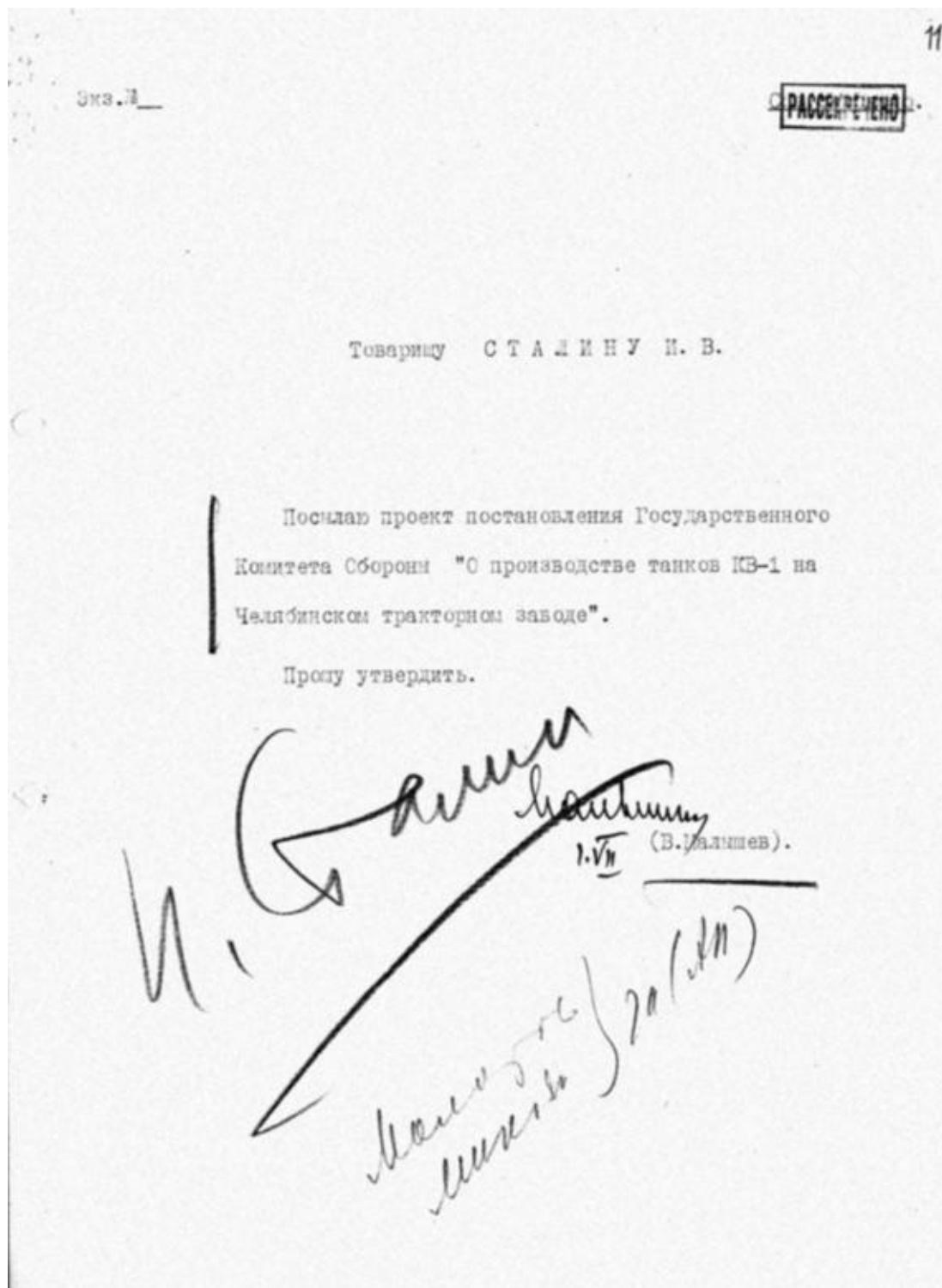
Москва, Кремль.
30 июня 1941г.

134/63

30.VI.41

П.34/163 от 30.VI.41 г. «Об образовании Государственного Комитета
Оборон»

Постановления Государственного Комитета Обороны (выборка) (РГАСПИ. Фонд 644)

Постановление ГКО № 2сс от 1.VII. 41 г. «О производстве танков KB-1 на Челябинском тракторном заводе» – ОП. Исходный документ – письмо наркома Малышева с просьбой утвердить Постановление, подписанное Сталиным. О том, что Молотов и Микоян «за», сообщает надпись Поскребышева, из чего следует, что, вероятно, Малышев тоже летал в Сочи с группой членов Политбюро и вернулся в Москву с согласованным с вождем постановлением 30 июня, а в момент его оформления в Москве Молотова и Микояна еще не было (они вернулись на день позже, по «Кремлевскому журналу», Молотов вошел в кабинет Сталина 1 июля в 16.40, а Микоян в 18.30).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

*1 июля 1941 г. А. Сталин*О производстве танков KB-1 на
Челябинском тракторном заводе.

Государственный Комитет Оборонн ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Установить следующий график выпуска танков KB-1 на Челябинском тракторном заводе: УИ - 25 шт., УШ - 40 шт., IX - 65 шт., X - 100 шт., XI - 150 шт., XII - 175 шт.

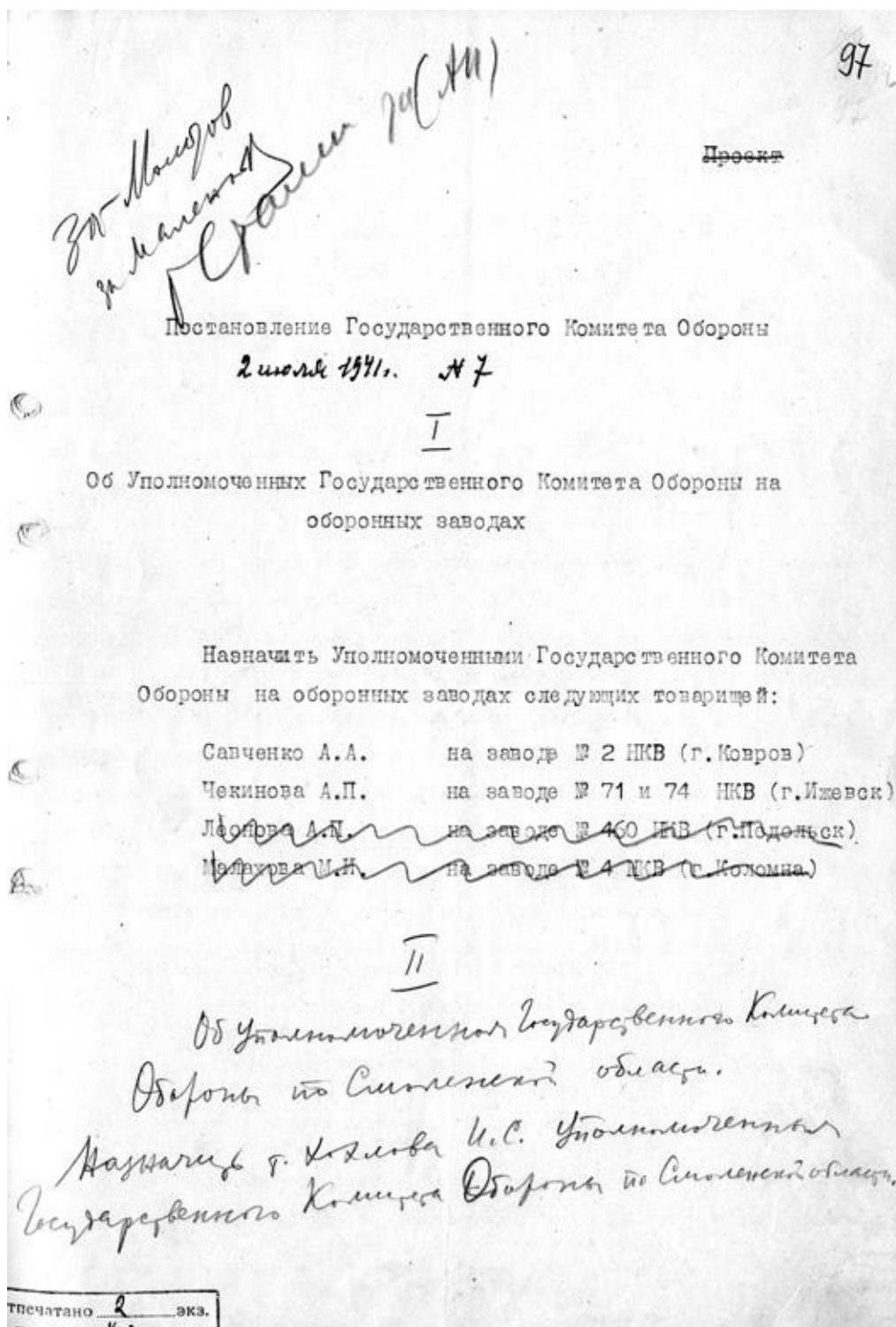
2. Установить следующий график изготовления корпусов танков KB-1 на Уралмашзаводе для ЧТЗ: УИ - 5 шт., УШ - 25 шт., IX - 75 шт., X - 125 шт., XI - 175 шт., XII - 200 шт.

3. Обязать Наркомсудпром - т.Носенко отгрузить Уралмашзаводу: до 5 июля с.г. с Ижорского завода 5 комплектов гнутых и термически обработанных бронедеталей без механической обработки и с Мариупольского завода до 15 июля с.г. - 25 комплектов и до 1.УШ - 25 комплектов термически обработанных бронелистов, без уменьшения подачи корпусов танков KB-1 Кировскому заводу и ЧТЗ и бронелистов заводу № 78, предусмотренных постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 25.У1-с.г. № 743-756сс.

4. Обязать Наркомчермет - т.Тевосяна подавать Уралмашзаводу термически обработанные бронелисты танка KB-1 в следующие сроки и количествах:

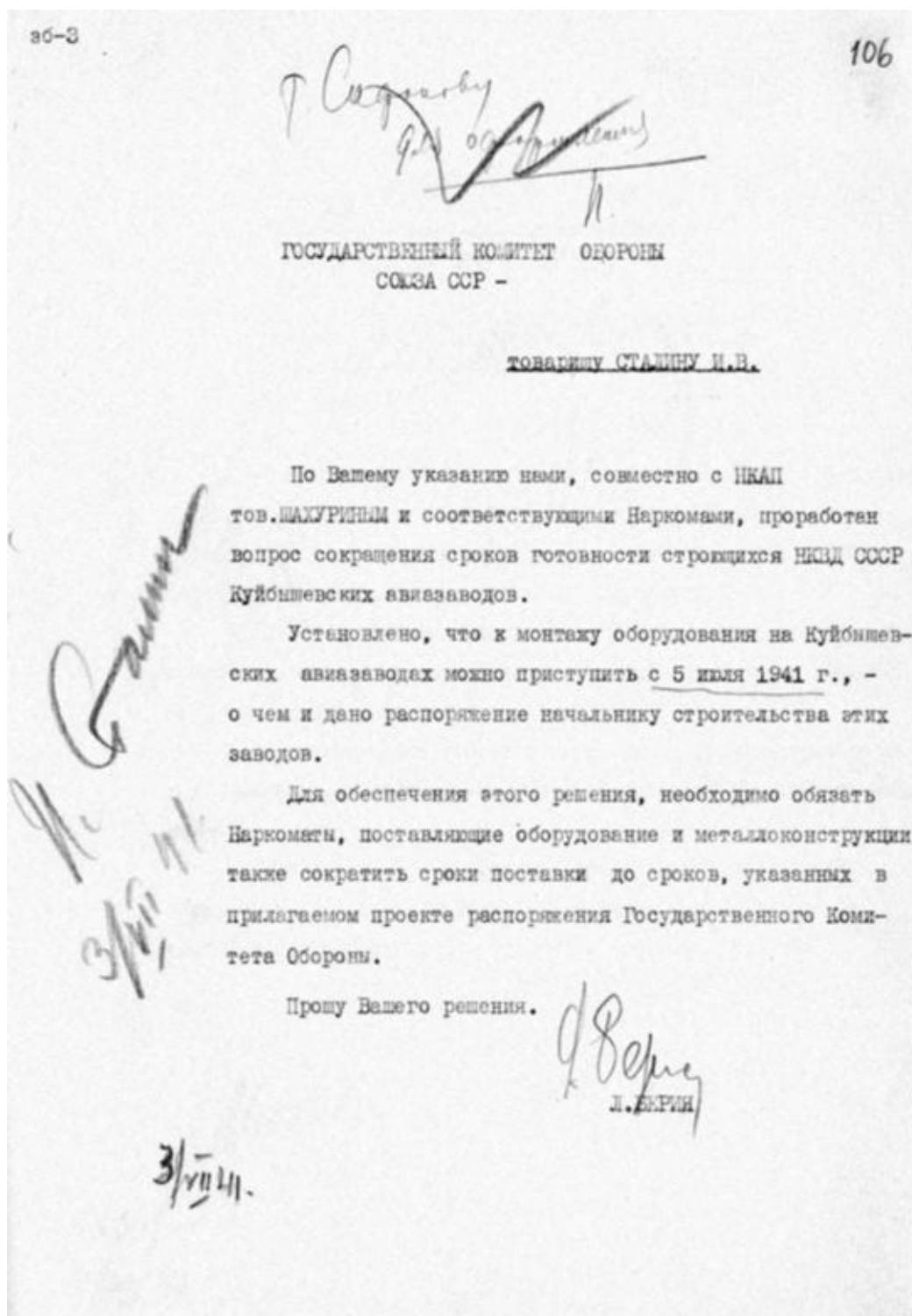
	УШ	IX	X	XI	XII
В комплектах	50	100	150	200	225

Первый лист зарегистрированного Постановления ГКО № 2. Постановление № 1сс «Об организации производства средних танков Т-34 на заводе «Красное Сормово» (ОП) было подписано Сталиным одновременно с Постановлением № 2сс. Они стали самыми первыми постановлениями ГКО.

Постановление ГКО № 7 от 2 июля 1941 г. «Об Уполномоченных ГКО на оборонных заводах», на котором вместо подписи Сталина – надпись Поскребышева «т. Сталин за», что свидетельствует о том, что возжд еще не доехал до Москвы. Однако при этом рукой Сталина добавлен раздел

II о назначении уполномоченного ГКО по Смоленской области. Значит, 2 июля Сталина в Москве еще не было.

Письмо Берии от 2 июля, на котором его рукой исправлена дата «2» на «3». Из этого следует, что, узнав 3 июля о приезде Сталина, Берия

пошел к нему на прием, взял у Поскребышева свое оставленное накануне письмо, исправил в нем дату и принес его вождю. Сталин не только подписал это письмо, но еще и проставил дату – «3 июля 1941». Вот это и есть дата его возвращения в Москву.

Что бомбила немецкая авиация на рассвете 22 июня 1941 года

Я уже несколько раз писал в своих книгах о загадках действий авиации в первый день войны [63. С. 189–200; 62. С. 219–235], о том, что до сего дня неизвестно точно, какие города первыми были подвергнуты немецкой бомбардировке утром 22 июня 1941 г., о том, что из четырех городов, названных Молотовым в его выступлении по радио 22 июня (Житомир, Киев, Севастополь, Каунас), в опубликованной недавно сводке Генштаба за этот день упомянут только Каунас. А как утверждает Черчилль (по сведениям от английского агента в германском посольстве), Молотов при встрече с послом Шуленбургом в этот день сказал последнему: «Ваши самолеты бомбили сегодня 10 беззащитных деревень».

Колоссальное количество уничтоженных в этот день советских самолетов (1 200 – по официально признанным советским данным, 1 800 – по мнению отдельных исследователей) до сих пор объясняют по-разному: и отсутствием их боеготовности (разукомплектованием в связи с проведением техобслуживания), и нехваткой пилотов (при этом летный состав отправляли в увольнения и отпуска), и отсутствием горючего в баках (кое-где бензобаки оказались заполненными водой!), и даже прямым запретом сбивать немецкие самолеты.

В числе причин разгрома советской авиации в первый день войны называют также превосходство немецких самолетов по тактико-техническим характеристикам, поскольку основную массу советской авиации якобы составляли самолеты устаревших типов. Однако в последние годы стало известно, что в приграничных округах уже находилось от 1 500 до 2 000 самолетов новых типов (Як-1, ЛаГГ-3, Ил-2, Пе-2, Су-2, но больше всего было высотных скоростных истребителей МиГ-3).

Сообщалось, что приграничные аэродромы ВВС располагались очень близко от границы – на расстоянии 8 – 30 км (кстати, это совпадает с введенной с 1939 г. 7,5-километровой зоной, в которой советским ВВС запрещалось задерживать немецкие самолеты-нарушители без предупреждения погранвойск).

Утверждалось, что первому удару подверглись 66 приграничных советских аэродромов. Впервые это число, как и число 1 200 уничтоженных на них самолетов, было названо в официальном издании

«История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Том 2» (М.: Воениздат, 1961. С. 16).

Именно слова Молотова «десять беззащитных деревень» навели меня на мысль, которую я собираюсь дальше развивать. А не были ли это аэродромы, которые чаще всего называются по расположенным вблизи деревням (как, например, Внуково, Шереметьево, Быково, Тушино и т. п.)? Вполне логично, что нападение на СССР немцы начали с удара по советским аэродромам, причем в первую очередь по тем, где базировались новейшие самолеты, способные успешно противостоять массовым налетам немецкой авиации. И мне удалось обнаружить документ, который дал возможность документально подтвердить это предположение. Таким документом оказалась «Оперативная сводка Генерального Штаба Красной Армии № 01 на 10 ч 00 мин 22 июня 1941 г.»^[103], подписанная начальником Генерального штаба Красной Армии генералом армии Жуковым (кстати, это первая сводка Генштаба в этой войне и единственная, подписанная лично Жуковым за пять первых дней войны, так как днем 22 июня он улетит в Киев и к вечеру приедет вместе с Хрущевым во фронтовое управление Юго-Западного фронта в Тарнополе^[104]).

Я пересчитал упомянутые в ней населенные пункты, в том числе и города, подвергнутые немецкой бомбежке, их оказалось ровно 33. Эта цифра вызвала у меня подозрение – ровно в два раза меньше, чем количество аэродромов, которые немецкая авиация бомбардировала 22 июня. Такая кратность навела на мысль о том, что Жуков, а может быть, и Тимошенко решили не подставлять сразу свои головы, сообщая, что немцы подвергли атаке все 66 аэродромов, на которых имелись новые самолеты, так как Сталин сразу бы понял, что в итоге все новые самолеты уничтожены.

Есть и другой вариант появления числа 66. Известный историк М. И. Мельтюхов в 3-м издании своей книги «Упущенный шанс Сталина» [53. С. 386] сообщает, что и по немецким данным «В 3 час 15 мин^[105] утра 22 июня 1941 года 637 бомбардировщиков и 231 истребитель германских ВВС (всего 868 самолетов, запомним эту цифру. – А. О.) нанесли массированный удар по 31 советскому аэродрому. Всего в этот день авиаударам подвергались 66 советских аэродромов, на которых находилось 70 % ВВС приграничных округов»^[106]. Если так и есть – немецкие данные почти точно подтверждают советские (простое совпадение здесь маловероятно). Поэтому я решил свести воедино новую информацию первой сводки Генштаба с данными двух самых серьезных источников о советской

авиации в первый день войны: «Группировка ВВС по состоянию на 22.06.41. Авиационные полки ВВС РККА на 22.06.41» (00000654.xls) и «Красная Армия в июне 1941 года» (статистический сборник) [37. С. 155–157].

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ № 01

На 10 ч 00 мин 22 июня 1941 г.

В 04.00 22 июня 1941 г. немцы без всякого повода совершили налет на наши аэродромы и города и перешли границу наземными войсками.

1. Северный фронт. Противник звеном самолетов-бомбардировщиков нарушил границу и вышел в район Ленинграда и Кронштадта. В воздушном бою нашими истребителями сбито 2 самолета.

До 17 самолетов противника пытались пройти в район Выборга, но, не дойдя, повернули обратно.

В районе Куолаярви взят в плен немецкий солдат моторизованного полка 9 пд. На остальных участках фронта спокойно.

2. Северо-Западный фронт. Противник в 04.00 открыл артогонь и одновременно начал бомбить аэродромы и города **Виндава, Либава, Ковно, Вильно и Шауляй**^[107]. В результате налета возникли пожары в Виндаве, Ковно и Вильно.

Потери: уничтожено на аэродроме Виндава 3 наших самолета, ранено 3 красноармейца и зажжен склад горючего; в 04.30 над районами Каунаса и Либавы шел воздушный бой, результаты выясняются. С 05.00 противник ведет систематические налеты группами по 8 – 20 самолетов на **Поневеж, Шавли, Ковно, Рига, Виндава**, результаты выясняются. Наземные войска противника перешли в наступление и наносят удары в двух направлениях: основной – из района Пиллкален, Сувалки, Гольдап силами трех-четырех пд и 200 танков в направлении Олита и обеспечивающий главную группировку удар – из района Тильзит на Таураге, Юрбаркас силами до трех-четырех пд с невыясненной группой танков.

В результате пограничных боев атака противника на Таураге отбита, но противнику удалось захватить Юрбаркас. Положение на направлении главной группировки противника уточняется. Противник, видимо, стремится действиями на **Олита, Вильно** выйти на тылы Западного фронта, обеспечивая свои действия ударом на Таураге, Шауляй.

3. Западный фронт. В 04.20 до 60 самолетов противника бомбардировали **Гродно и Брест**. Одновременно во всей полосе Западного фронта противник открыл артиллерийский огонь.

В 05.00 противник бомбардировал **Лида**, нарушив проводную связь

армии.

С 05.00 противник продолжал непрерывные налеты, нанося удары группами бомбардировщиков До-17 в сопровождении истребителей Ме-109 по городам **Кобрин**, Гродно, **Белосток**, Брест, **Пружаны**. Основными объектами атаки являются военные городки.

В воздушных боях в районе Пружаны сбиты 1 бомбардировщик и 2 истребителя противника. Наши потери – 9 самолетов.

Сопоткин и Новоселки горят. Наземными силами противник развивает удар из района Сувалки в направлении Голынка, Домброва и из района Соколув вдоль железной дороги на Волковыск. Наступающие силы противника уточняются. В результате боев противнику удалось овладеть Голынкой и выйти в район Домброва, отбросив части 56 сд в южном направлении.

В направлении Соколув, Волковыск идут напряженные бои в районе Черемха. Своими действиями на этих двух направлениях противник, очевидно, стремится охватить северо-западную группировку фронта.

Командующий 3-й армией вводом танковой дивизии стремится ликвидировать прорыв противника на Голынку.

4. Юго-Западный фронт. В 04.20 противник начал обстрел пулеметным огнем нашей границы. С 04.30 самолеты противника ведут бомбардировку городов **Любомль**, **Ковель**, **Луцк**, **Владимир-Волинский**, **Новоград-Волинский**, **Черновицы**, **Хотин** и аэродромов у Черновицы, **Галич**, **Бучач**, **Зубов**, **Адам**, **Куровице**, **Чунев**, **Скнилов**. В результате бомбежки в Скнилов был зажжен технический склад, но пожар ликвидирован; выведено из строя на аэродроме Куровице 14 самолетов и на аэродроме Адам 16 самолетов. Нашими истребителями сбито 2 самолета противника ^[108].

В 04.35 после артогня по районам Владимир-Волинский и Любомль наземные войска противника перешли границу, развивая удар в направлении Владимир-Волинский, Любомль и Крыстинополь.

В 05.20 в районе Черновицы у Карпешти противник также начал наступление.

В 06.00 в районе Радзехув выброшен парашютный десант противника неустановленной численности. В результате действия наземных войск противник занял, по непроверенным данным, Пархач и Высоцко в районе Радымно. До полка конницы противника с танками, действующими в направлении Рава-Русская, проникло к УР. В районе Черновицы противник потеснил наши пограничные заставы.

На румынском участке в воздушных боях над Кишинев и Бельцы сбито 2 самолета противника. Отдельным самолетам противника удалось прорваться на **Гросулово** и бомбить аэродромы **Бельцы**, **Болград** и **Болгарийка**. В результате бомбежки уничтожено 5 самолетов на аэродроме Гросулово.

Наземные войска противника на фронте Липканы, Рени пытались форсировать р. Прут, но были отбиты. По непроверенным данным, противник в районе Картала высадил десант через р. Дунай.

Командующие фронтами ввели в действие план прикрытия и

активными действиями подвижных войск стремятся уничтожить перешедшие границу части противника.

Противник, упредив наши войска в развертывании, вынудил части Красной Армии принять бой в процессе занятия исходного положения по плану прикрытия. Используя это преимущество, противнику удалось на отдельных направлениях достичь частного [\[109\]](#) успеха.

Начальник Генерального штаба Красной Армии

генерал армии ЖУКОВ

(ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1071. Д. 1. Л. 2-5. Подлинник)

Я выписал названия всех населенных пунктов, упомянутых в сводке ГШ № 01 в связи с бомбардировкой и найденную информацию о расположенных в них авиаполках.

Аэродромы в населенных пунктах, указанные в оперсводке ГШ № 01

№ п/п	Аэродром	Полк и его состав
1.	Виндава	40 сбп 6 сад ПрибОВО: 54 СБ
2.	Либава	148 иап 6 сад ПрибОВО: 69 И-153

3.	Ковно	15 иап 7 сад ПриБОВО: 62 МиГ-3, а также 62 И-16 и И-153
4.	Вильно (Олита)	83 иап 4 сад ПриБОВО: 101 И-153 и И-15 бис
5.	Шауляй	83 иап 6 сад ПриБОВО: 59 И-16 и И-153
6.	Поневеж	26 сбп 4 сад ПриБОВО: 54 СБ
7.	Шавли	10 иап 8 сад ПВО ПриБОВО: 23 МиГ-3, 36 И-16
8.	Рига	48 иап 10 бр. ПВО: 66 И-16, 1 И-153, 1 СБ
9.	Гродно (Скидель) (Желудок) (Россъ)	127 иап 11 сад ЗапОВО: 72 И-153 16 ббп 11 сад ЗапОВО: 37 Пе-2, 24 СБ 13 сбп 9 сад ЗапОВО: 8 Пе-2, 51 СБ и Ар-2
10.	Брест (Пружаны)	33 иап 10 сад ЗапОВО: 44 И-16
11.	Лида	157 иап 11 сад ЗапОВО: 53 И-153 190 шап 11 сад ЗапОВО: 32 И-153 122 иап 11 сад ЗапОВО: 75 И-153
12.	Кобрин (Пружаны)	74 шап 11 сад ЗапОВО: 62 И-153 и И-15 бис, 8 Ил-2
13.	Белосток	81 иап 9 сад ЗапОВО: 54 МиГ-3 и МиГ-1, 22 И-16 и И-153
14.	Пружаны	67 иап 10 сад ЗапОВО: 44 И-16
15.	Любомль	?
16.	Ковель (Любитов, Колки)	14 иап 14 сад: 26 И-16 26 И-153
17.	Луцк	143 иап 14 сад ЗапОВО: 71 И-16
18.	Владимир-Волынский	?
19.	Новоград-Волынский	+
20.	Черновицы	149 иап 55 сад ЗапОВО: 64 МиГ-3, 67 И-16 и И-153
21.	Хотин	+
22.	Галич	?
23.	Бучач	+
24.	Зубов	+
25.	Адам	?
26.	Куровице	205 иап 15 сад ЗапОВО: 49 И-16 и И-153
27.	Чунев (Львов)	23 иап 15 сад КОВО: 60 МиГ-3, 60 И-16 и И-153

28.	Скнилов	?
29.	Кишинев	4 иап 20 сад ОдВО: 50 МиГ-3
30.	Гросулово (Тирасполь)	49 сбап 20 сад ОдВО: 54 СБ, 5 Пе-2
31.	Бельцы	55 иап 20 сад ОдВО: 20 МиГ-3, 64 И-16
32.	Болград	67 иап 21 сад ОдВО: 64 И-16
33.	Болгарийка	67 иап 21 сад ОдВО: 64 И-16

В 16 населенных пунктах (со знаком «?» – нет сведений и знаком «+» – есть упоминания в различных воспоминаниях) по указанным источникам советских аэродромов не оказалось. На мой взгляд, это вовсе не означает, что их там и не было. Скорее всего, в данных о базировании конкретного авиаполка указан только его основной аэродром, а некоторые полки по решению своих командиров или командиров дивизий, корпусов, армий и даже округов (например, ОдВО) 20–21 июня были переведены на запасные полевые аэродромы. Из опубликованных в прессе, вышедших в виде книг, а также попавших в Интернет воспоминаний очевидцев мне стал известен еще целый ряд не указанных в первой сводке Генштаба советских приграничных аэродромов, которые на рассвете 22 июня 1941 г. подверглись атаке немецких самолетов: Зубов, Бучач, Хотин, Новоград-Волынский (отмечены знаком +), Митава, Кейданы, Заблудов, Долубово, Велицк, Колки, Киверцы, Млинов, Дубно, Станислав и др. Из этого следует, что первый удар немцы нанесли по гораздо большему числу советских аэродромов, чем указано в сводке ГШ № 01, вполне возможно, что их действительно было 66. (Хотя можно предположить, что попавшие под эти бомбардировки советские летчики, а также представители других родов войск называют первым все немецкие налеты, ставшие первыми для них в этот день.) А число 33, возможно, означает количество аэродромов, на которых базировались самолеты нового типа, атакованные в первый налет немецкой авиации.

В таблице «Авиационные полки ВВС РККА на 22.06.41», приведенной на сайте www.soldat.ru/files/f/00000654.xls, я нашел данные о количестве истребителей МиГ-3 на 22 июня 1941 г. в авиаполках ВВС КА.

Количество истребителей МиГ-3 на 22 июня 1941 г. в авиаполках ВВС КА [\[110\]](#)

Аэродром	Округ	Полк	Кол-во
Кишинев +	ОдВО	4 иап 20 сад	50 МиГ -3
Суумериоки	ЛВО	19 иап 5 сад	60 МиГ-3, (а также 68 И-16 и И-153).
Шавли +	ПриБОВО	10 иап 8 сад	23 МиГ-3, (а также 36 И-16)
Ковно +	ПриБОВО	15 иап 7 сад	62 МиГ-3, (а также 62 И-16 и И-153)
Львов(Чунев) +	КОВО	23 иап 15 сад	58 МиГ-3, (а также 29 И-16)
Ковно +	ПриБОВО	31 иап 7 сад	54 МиГ-3, (а также 32 И-16).
Белосток +	ОдВО	55 иап 20 сад	20 МиГ-3, (а также 64 И-16).
Ломжа +	ЗОВО	124 иап 9 сад	70 МиГ-3, (а также 29 И-16)
Бельск-Подляска +	ЗОВО	126 иап 9 сад	50 МиГ-3, (а также 23 И-16)
Заблудов +	ЗОВО	129 иап 9 сад	61 МиГ-3, (а также 57 И-153)
Кача-Тарутино +	ОдВО	183 иад 20 сад	57 МиГ-3, (а также 20 И-16).
Черновцы +	КОВО	149 иап 55 сад	64 МиГ-3, (а также 67 И-16)
Касимов	ЛВО	153 иап 55 сад	45 МиГ-3, (а также 66 И-153)
Гривочки	ЛВО	159 иап 5 сад	58 МиГ-3, (а также 15 И-153)

* Полу жирным выделены аэродромы, которые были подвергнуты бомбардировке немецкой авиации утром 22 июня согласно оперсводке № 01 Генштаба; те, о бомбежке которых стало известно из других источников, отмечены знаком +.

Сеща	ОрВО	170 иап 23 сад	8 МиГ-3, (а также 24 И-153).
------	------	----------------	---------------------------------

ИТОГО: 784 МиГ-3 (из них 342 не западных округов)
+ 15 МиГ-3 (в четырех иап по 1—5 МиГ-3)
ВСЕГО: 799 МиГ-3

ИТОГО: 784 МиГ-3 (из них 342 не западных округов)
+ 15 МиГ-3 (в четырех иап по 1—5 МиГ-3)
ВСЕГО: 799 МиГ-3

Оказалось, что все приграничные аэродромы, на которых имелись истребители МиГ-3, были атакованы немецкой авиацией на рассвете 22 июня 1941 г., при этом из 16 аэродромов не были подвергнуты бомбардировке лишь три аэродрома с МиГ-3, расположенные в ЛВО, и один в ОрВО.

Я подсчитал также количество других (кроме МиГ-3) самолетов новых типов в полках ВВС западных округов и результаты свел в таблицу (незначительное количество самолетов МиГ-1 включено в общее число самолетов МиГ-3).

***Количество новых самолетов (без МиГ-3) 22.6.41 в авиаполках ВВС
КА***

№ п/п	Аэродром	Полк	Кол-во
ЛаГГ-3 — 44 шт.			
1.	Кубинка	24 иап 24 иад ПВО МВО	41
2.	Горелово	46 иап 257 иап 39 иад ПВО ЛВО	3
Як-1 — 131 шт.			
1.	Луцк	91 иап 63 сад ЗапОВО	32
2.	Стригово	123 иап 10 сад ЗапОВО	20
3.	Псков	158 иап 39 сад ЛВО	20
4.	Самбор, Дрогобыч	20 иап 63 сад КОВО	59
Пе-2 — 265 шт. (по другим сведениям в I-II кв.1941г. заводы сдали 458 шт.)			
1.	Изяслав	48 сбп 17 сад КОВО	35
2.	Старая Русса	58 сбп 2 сад ЛВО	17
3.	Трембевль	86 сбп 16 сад КОВО	54
4.	Аккерман	5 бап 21сад ОдВО	25
5.	Желудок	16 ббп 11 сад ЗапОВО	37
Ил-2 — 77 шт.			
1.	Комарно	66 шап 15 сад КОВО	8
2.	Волчанск	4 ббп 49 сад ХВО	64
3.	Кейданы	61 шап 8 сад ПрибВО	5
Су-2 — 203 шт.			
1.	Смоленск-Балбасово	209 ббп 12 бад ЗапОВО	25
2.	Одесса	214 ббп 45 сад ОдВО	11
3.	Чертков	226 сбп 16 сад КОВО	43
4.	Ольшаница	227 сбп 16 сад КОВО	61
5.	Витебск	43 ббп 12 бад ЗапОВО	46т
6.	Дубляны	103 ббп 63 сад КОВО	17
Як-2 и Як-4 — 121 шт.			
1.	Бердичев	136 иап 19 бад КОВО	54
2.	Барановичи	314 орап ЗапОВО	28
3.	Проскуров	316 рап	39

Общее количество в западных приграничных округах, атакованных 22

июня 1941 г. (ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО), самолетов новых типов:
799 МиГ-3 + 44 ЛаГГ-3 + 131 Як-1 + 265 Пе-2 + 77 Ил-2 + 203 Су-2 + 121 Як-2, Як-4 = 1 640 шт.^[111]

Итого 1 640 самолетов новых типов, но еще были вполне современные бомбардировщики Ил-4 и ДБ-3ф (939 шт.)^[112] и СБ (1 336 шт.).

Есть сообщения о том, что в первый день было уничтожено 70 % советских самолетов новых типов. Если это так, то их число составит около 1 148 единиц, что очень близко к 1200 – количеству советских самолетов, уничтоженных в первый день войны (так может быть, это новых самолетов немцы уничтожили 1 200, а всего – 1 800?)

Подсчитывая количество МиГов в авиаполках Красной Армии 22 июня 1941 г., я заодно сосчитал, сколько было самолетов всех типов в авиаполках пяти западных приграничных округов. Оказалось, что 8 178 единиц^[113]. Из них не подвергалась немецким воздушным атакам авиация только одного округа – Ленинградского, в авиаполках которого в тот день был 1 721 самолет. Значит, на аэродромах четырех остальных приграничных западных округов было 6 457 самолетов. Немецкий источник указал, что на 66 советских аэродромах, подвергшихся нападению в этот день, находилось 70 % советской авиации приграничных округов. То есть 4 520 самолетов (скорее всего, остальные самолеты рассредоточили по запасным полевым аэродромам, либо они были дальнебомбардировочными и находились достаточно далеко от границы).

Если в первый день было уничтожено 1 200 советских самолетов, потери авиации приграничных округов составили 26,5 %, если же 1 800, то – 40 %. Это были неслыханные потери.

Анализ приведенных таблиц позволяет сделать следующие выводы:

1. Все приграничные аэродромы западных советских округов, на которых находились истребители и самолеты новых типов, утром 22 июня были атакованы немцами. Из указанных выше (с. 483) 868 самолетов^[114], участвовавших в первом налете (есть сведения, что и 21 июня ими было осуществлено ровно 868 самолетовылетов – шла подготовка к удару 22 июня), следует, что в среднем на каждый советский аэродром налетело 20 бомбардировщиков в сопровождении 7 истребителей. Если учесть, что по немецким сведениям 22 июня 1941 г. самолеты германской ВВС совершили 2 272 самолетовылета^[115], получается, что всего этими самолетами в среднем было совершено три налета.

2. Из новых самолетов в войсках вдоль западной границы оказалось больше всего МиГ-3, скорее всего из-за того, что в то время это был единственный высотный серийный истребитель, способный противостоять бомбардировщикам, состоящим на вооружении Англии^[116] (самолета с подобными возможностями по высотности у Германии не было). Распределились они так: ЗОВО – 235 самолетов, ЛВО – 173, ПриОВО – 139, КОВО – 122, ОдВО – 127 самолетов. Важная деталь – на охрану Москвы и Баку 22 июня 1941 г. не было выделено ни одного МиГ-3. Очевидно, Сталин понимал, что от Лондона до Москвы (2 485 км) с бомбовой нагрузкой (с учетом возврата) не долететь. Ни одного МиГ-3 также не было выделено и для ПВО нефтепромыслов Баку. Видимо, вождь счел, что с бомбардировщиками старых типов, летящими с английских авиабаз Ближнего Востока, прекрасно справятся И-16 и И-153 «Чайка».

3. Из этих таблиц вырисовывается замысел командования люфтваффе. Оно знало, сколько и каких самолетов выделил Советский Союз для совместной операции против Великобритании. Поскольку по договоренности со Сталиным немецкие самолеты пролетали над советской территорией в два последних предвоенных дня, осуществляя переброску своих самолетов к Ираку, и садились на приграничных советских аэродромах, то немцы точно знали, на каких аэродромах находятся МиГи и другие новые советские истребители, способные перехватить немецкие бомбардировщики. Поэтому и нанесли самый первый удар на рассвете 22 июня именно по ним^[117]. С другой стороны, весьма вероятно, что первоочередное уничтожение высотных перехватчиков МиГ-3 было одним из пунктов договоренности Черчилля с Гитлером (через Гесса) о совместном нападении на СССР.

4. Оказалось, что практически на всех аэродромах советских приграничных округов в состав авиаполков примерно в равном количестве входили и новые МиГ-3, и морально устаревшие самолеты И-16, а также бипланы И-153 (серийное производство которых было начато в 1939 г.). Почему полки, получая новую технику, не переходили полностью на новые машины, непонятно, ведь это серьезно осложняло авиаснабжение и техобслуживание самолетов, приводило к нехватке пилотов и т. д. Возможно, одна из причин – большой опыт пилотирования И-16 и И-153 и отсутствие такого опыта в пилотировании МиГ-3, который к тому же гораздо сложнее в управлении.

Но, по моим предположениям, была и другая причина. Я считаю, что это было связано с подготовкой совместного с Германией удара по Англии.

В 1940–1941 гг. Германия испытывала острую нехватку самолетов. Даже для войны против СССР к 22 июня 1941 г. немецкое командование выделило не более 3 600 машин (а по мнению В. А. Белоконя – 2 600) против 8 178 советских (последняя цифра получена мною в результате подсчета всех самолетов только западных округов). В тот период немецкая авиация регулярно бомбила Англию, но посты обнаружения целей английской противовоздушной обороны, оснащенные радиолокаторами, вовремя сообщали ВВС направление очередного налета противника и расстояние от его бомбардировщиков до охраняемых объектов. Это позволяло английскому командованию направлять свои самолеты точно навстречу приближающимся немецким бомбардировщикам и весьма эффективно им противостоять.

Я полагаю, что идея использования советских морально устаревших истребителей И-16 и И-153 могла состоять в том, чтобы в налете на острова в момент высадки десанта громадное количество участвующих в нем самолетов не позволило бы операторам английских РЛС отличить на своих экранах отражения от устаревших советских и от новейших немецких самолетов. А использование огромного количества таких советских истребителей на Востоке при проведении совместной операции против Британской империи было бы еще эффективнее.

Не исключено, что для обеспечения таких массированных налетов и появился секретный приказ наркома обороны С. К. Тимошенко № 0362 от 22 декабря 1940 г. «Об изменении порядка прохождения службы младшим и средним начальствующим составом ВВС Красной Армии». Этим приказом весь командный, штурманский и технический состав от авиационного звена (отряда) и ниже переводился в категорию младшего начальствующего состава, поэтому все должности в них должны были замещаться сержантами и старшинами. Из-за этого все авиационные школы и училища, выпускавшие ранее младших лейтенантов и младших воентехников, начали выпускать сержантов («сержантский период» составил полгода до начала войны и целый год во время нее).

5. 2 октября 1940 г. было принято Постановление СНК и ЦК № 1854-773сс «Об увеличении дальности истребителей и о постановке их производства на заводах». В его первом пункте было сказано: «Установить для всех внедряемых в серийное производство и проектируемых вновь одномоторных истребительных самолетов дальность 1 000 клм. на 0,9 максимальной скорости. Указанная дальность должна обеспечиваться емкостью баков, расположенных внутри самолета». (Следующий пункт постановления установил для двухмоторных истребителей дальность 2

000 км.) Такое решение могло быть принято для обеспечения переброски новых советских истребителей к берегам Ла-Манша – ведь расстояние от новой границы СССР (Литва – Латвия – Западная Белоруссия) до пролива 800–900 км (кстати, от старой границы оно составляло 1 100 – 1 200 км). Его главная цель – беспосадочная переброска новых истребителей с максимальной скоростью. (Следует отметить, что первоначальная дальность полета МиГ-3 в 700 км к 22 июня 1941 г. была доведена до 1 200 км.)

6. Существовало, по крайней мере, два варианта использования против Англии массы советских истребителей И-16 и И-153:

– во время операции «Морской лев» полет с прибрежных аэродромов или просто подходящих для взлета площадок по прямой к проливам, минимальное (до Лондона) углубление над территорией Англии, затем разворот и возвращение на исходный аэродром; цель полета – только отвлечение и максимальное забивание целями экранов английских радиолокационных станций; поскольку никаких боев пилоты этих самолетов вести не собирались, то и мастера воздушного боя не требовались;

– использование их в качестве самолетов-снарядов в беспилотном варианте (не надо забывать, что в Германии уже полным ходом шли работы по созданию самолетов-снарядов Фау-1, имевших сходную боевую задачу). Конечно же речь шла не о том, чтобы устанавливать на эти самолеты какие-либо системы наведения, можно было использовать лишь небольшое стартовое устройство, а на маршруте – обычный автопилот. Вместо пилота, пулеметов и боекомплекта могла бы загружаться взрывчатка (получалось около 300 кг). Одновременный запуск нескольких тысяч таких самолетов и их взрыв в конце полета не только полностью вывели бы из строя английскую радарную систему обнаружения, но и превратили бы такой массированный налет истребителей в гигантскую артподготовку, после которой можно было начинать высаживать морской и воздушный десант. (Следует напомнить, что в 1939–1940 гг. советская авиапромышленность произвела более 3 000 истребителей-бипланов И-153 и более 4 000 истребителей И-16.)

7. Реальность такого варианта подтверждает и то, что в СССР с середины 1930-х годов в Остехбюро (под руководством В. И. Бекаури), позже – НИИ-20, с участием завода № 379 шли работы по созданию системы радиоуправления самолетами – вначале бомбардировщиками ТБ-1, а затем ТБ-3 (см. Приложение 11). Такой самолет назывался в те годы телемеханическим и управлялся по радио с самолета сопровождения.

Вначале был разработан вариант подъема такого самолета пилотом, который после подъема и выведения самолета на курс, выпрыгивал из него с парашютом. Более совершенный вариант позволял осуществлять взлет без пилота, «маршрутный полет на цель и возвращение на аэродром под радиоуправлением» (так сказано в отчете о его успешных государственных испытаниях от 4.4.41 г. – см. Приложение 11). Это означает, что, как и положено самолету-снаряду в бою, он летит только в одну сторону. Известно, что кроме ТБ-3 были разработаны средства радиотелемеханического управления самолетами ДБ-3Ф и СБ. Так что нельзя исключить возможность попытки сделать беспилотными самолетами-снарядами и И-16 и И-153.

8. Нельзя не напомнить и то, что во время визита Молотова в Берлин и после его окончания мировая пресса называет одной из самых важных тем состоявшихся там переговоров строительство в СССР авиазаводов, работающих и на пользу Германии (см. с. 254). Значит, вопрос использования Германией в борьбе против Британской империи авиационной мощи СССР рассматривался очень серьезно. Поэтому в состав делегации Молотова и входили два замнаркома авиапромышленности и, как будет показано ниже, почти все высшее руководство советских ВВС.

В этой связи надо отметить, что в течение месяца, предшествовавшего поездке Молотова в Берлин, и месяца после окончания переговоров Сталин принял ряд важнейших решений по авиации. Главное из них – решение ПБ № 22/94 от 5.XI.40 г. «О ВВС Красной Армии», ключевым моментом которого было создание дальнебомбардировочной авиации и увеличение к концу 1941 г. фронтовой авиации (бомбардировщиков и истребителей) до 100 авиаполков при увеличении количества ее самолетов до 22 171 (на 6 750 самолетов больше, чем было). В указанный период был также принят ряд постановлений об организации производства боевых самолетов и авиамоторов в западных районах страны – на Украине, в Белоруссии, Эстонии, Латвии и Литве (решения ПБ №№ 21/99 от 8.X.40 г., 21/240 от 18.10.40 г. и 21/372 от 28.XI.40 г.).

9. С учетом предыдущих выводов совсем по другому выглядит приезд в СССР немецкой авиационной комиссии 2 – 17 апреля 1941 г. (см. с. 361–381). Вполне возможно, что комиссия проверяла, как идет работа по выпуску двух самолетов именно для операции «Морской лев»: высотного скоростного истребителя МиГ-3 и трехместного пикирующего дневного фронтового бомбардировщика Пе-2 без гермокабин и турбокомпрессора (он разрабатывался вначале именно в таком виде).

Кстати у обоих самолетов к тому времени дальность полета была увеличена до 1 200 км, значит, они могли из ПрибОВО долететь до Англии, нанести удар, перелететь Ла-Манш и приземлиться на одном из немецких аэродромов. Не очень внятно в исторической и мемуарной литературе объясняется причина превращения дневного высотного истребителя сопровождения в пикирующий бомбардировщик. Некоторые авторы считают, что после визита наших представителей в Германию и ознакомления с гитлеровской техникой было признано, что такой истребитель не очень нужен. Не стоит также забывать, что одновременно с бомбардировщиком Пе-2 для ПВО Москвы на той же основе в годы войны выпускался тяжелый истребитель Пе-3^[118]. Двухместный истребитель Пе-3 с первой советской самолетной РЛС «Гнейс -2» (главный конструктор В. В. Тихомиров) в 1942 г. стал первым советским ночным истребителем.

Весьма туманна также и цель, с которой разрабатывалась модификация «Мессершмитта» Вf-109А (в обиходе – «Феликс»), главной задачей которого считалось способствовать противостоять английскому истребителю «Спитфайер-V», но получилось так, что разработка его началась сразу после появления МиГ-3.

У меня есть возможность привести ряд важных цифр к теме «Первая бомбежка 22 июня 1941».

При работе с документами предвоенных решений Политбюро по авиации в РГАСПИ мною был обнаружен ряд рассекреченных документов с грифом «Особая папка», позволяющих понять стратегические планы Сталина.

**Из приложения к. п. 88 (ОП) Постановления СНК,
утвержденного Решением ПБ ЦК ВКП(б) № 30 от 8 апреля
1941 г. «О плане капристроительства НКО на 1941 года»:**

«...7. Утвердить следующее распределение средств на строительство бензоемкостей:

ЛВО – 8 079 т. р.

ПрибОВО – 25 121 т. р.

ЗапОВО – 8 048 т. р.

Киевский Особый военный округ – 12 991 т. р.

Одесский – 6 995 т. р.

Итого: – 150 000 т. р.

...12. Утвердить следующее распределение средств на строительство оперативных аэродромов по округам:

Ленинградский военный округ – 24 274 т. р.

Прибалтийский Особый военный округ – 23 800 т. р.

Западный Особый военный округ – 25 110 т. р.

Киевский Особый военный округ – 39 288 т. р.

Одесский военный округ – 10 637 т. р.

Итого: – 150 000 т. р.

Председатель СНК (Молотов)

Секретарь ЦК (Сталин)»

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Ед. хр. 33. Л. 158)

Обнаружен еще один важный документ – о распределении ГСМ между военными округами перед войной – приложение № 10 к Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) № ПЗЗ/197 от 6.6.41 г. «О видах государственных материальных резервов и плане накопления этих резервов на 1941 год» (ОП):

Дислокация размещения моб. резервов горючего и смазочных материалов для НКО на 1.1. 1942 г. в тн.

Наим. округов	Авиабензин	Автогорючее
ЛВО	35 630	51 180
ПрибОВО	38 700	58 778
ЗапОВО	90 000	120 792
КОВО	185 220	231 142
ОдВО	27 450	43 530
Всего	518 500	720 860

(РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Ед. хр. 34. Л. 135)

Из первого документа видно, что из семнадцати советских военных округов на пять западных приграничных округов была выделена для строительства бензоемкостей треть всех ассигнованных капвложений, то есть примерно соблюдена пропорция. На строительство новых аэродромов на эти пять округов выделена большая часть (82 %) средств. И это вполне понятно: в Европе идет война. Но вот между этими пятью округами выделенная сумма была распределена довольно неожиданно, что хорошо видно из таблицы, в которую сведены мною эти новые данные. Для наглядности я рассчитал процент для каждого из пяти западных приграничных округов от общей, выделенной на все пять, суммы и указал его в скобках. Кроме того, я указываю количество немецких дивизий,

выставленных против каждого из этих округов. 24 дивизии, находившиеся в резерве, в расчет не вошли.

Распределение авиаресурсов и средств между западными округами

Округ	Кол-во советских авиа-полков, шт. (%)	Средства на стр-во бензо-емкостей, млн руб. (%)	Средства на стр-во аэро-дромов, млн руб. (%)	Мобрезерв авиа-бензина на 1.1.42, тыс. т. (%)	Кол-во немецких дивизий, шт. (%)
ЛВО	18 (13,5)	8 (13)	24 (20)	36,63 (9,4)	9 (5,7)
ПрибОВО	13 (10)	25 (40)	24 (20)	38,7 (10,3)	29 (18,5)
ЗапОВО	21 (16,5)	8 (13)	25 (20)	90,0 (24,8)	51 (32,6)
КОВО+ ОдВО	85 (60)	21 (34)	50 (40)	212,67 (56,5)	57 (39)
ВСЕГО	157 (100)	62 (100)	123 (100)	377,0 (100)	146 (100)

Обращает на себя внимание тот факт, что хотя в ПрибОВО располагалось лишь 10 % авиаполков от числа всех, расположенных в западных округах, на строительство в этом округе оперативных аэродромов было выделено 20 % средств, а на строительство бензоемкостей в два раза больше – 40 %.

На мой взгляд, логично объяснить это максимальной близостью Прибалтики к Ла-Маншу, куда должны были перебрасываться советские авиаполки, намеченные для участия в Великой транспортной операции, а значит, и доставляться горючее. Кроме того, часть этого бензина должна была использоваться для заправки немецких самолетов, перебрасываемых из Восточной Пруссии через СССР на Ближний Восток во время совместной транспортной операции.

Распределение мобзапасов бензина по округам не только свидетельствует в пользу такого объяснения, но и позволяет предполагать, что основные усилия советской авиации в войне почему-то должны были

быть направлены на юг, так как мобрезерв авиабензина для южного направления в 5,8 раз превышал мобрезерв ПрибОВО, в 2,8 – мобрезерв ПрибОВО и ЛВО вместе взятых и в 1,28 раза суммарный мобрезерв всех остальных западных округов.

Распределение советских авиаполков (по 10 % на северо-западе и в ПрибОВО и 60 % на юге в КОВО и ОдВО) может объясняться тем, что по договоренности между Гитлером и Сталиным основную ударную силу при высадке десанта на Британские острова должны были составлять самолеты люфтваффе, а при ударе по английским базам и при дальнейших боевых действиях на Ближнем Востоке – самолеты советских ВВС.

Если предположить, что советские авиаполки должны были располагаться пропорционально немецким силам, сосредоточенным против них на северо-западе и на юге, то в ПрибОВО по вышеуказанной причине авиаполков было в два раза меньше, а в КОВО и ОдВО в полтора раза больше, чем требовалось.

Обнаруженные документы полностью отрицают гипотезу о том, что в июне 1941 г. Сталин готовил удар по Германии, и показывают полную бездоказательность как гитлеровско-риббентроповско-геббельсовских, так и резуно-суворовско-солонинских утверждений об этом.

Оказывается, совсем в другую сторону поглядывал Иосиф Виссарионович в то время!

Результаты первых бомбежек 22 июня 1941 г

22 июня 41-го Молотов прочел не ту речь, которую написал

Одной из самых больших загадок первого дня войны является выступление Молотова по радио. Во-первых, почему выступил не сам Сталин – вождь, руководитель партии и правительства? Во-вторых, почему выступление Молотова началось 22 июня 1941 г. лишь в 12.15, хотя немецкие самолеты стали наносить удары по приграничным аэродромам с 4.00^[119], Геббельс начал зачитывать по радио обращение фюрера к германскому народу в связи с началом войны против СССР в 6.30, а пресс-конференция Риббентропа началась в 7.30? В-третьих, почему в числе первых советских городов, подвергшихся авиабомбардировкам, в речи Молотова было названо лишь четыре города – Житомир, Киев, Севастополь и Каунас, хотя согласно самой первой оперативной сводке Генштаба Красной Армии № 01 на 10.00 22 июня 1941 г. (см. Приложение 21) бомбежке были подвергнуты аэродромы, расположенные в 33 городах и населенных пунктах. Из четырех же названных Молотовым городов в сводке ГШ № 01 был указан лишь один Каунас (Ковно); согласно сводкам ГШ за последующие дни Севастополь и Киев впервые бомбили 24 июня 1941 г., бомбежка немцами Житомира, несомненно, была, но почему-то в первых оперсводках ГШ не зафиксирована.

Есть несколько объяснений молчания Сталина в первый день войны:

1. Политбюро решило, что ему надо выступить, а он отказался. Так сказать, нарушил партийную дисциплину. В изложении А. И. Микояна это выглядит так: «Решили, что надо выступить по радио в связи с началом войны. Конечно, предложили, чтобы это сделал Сталин. Но Сталин сказал: “Пусть Молотов выступит”. Мы все возражали против этого: народ не поймет... Однако наши уговоры ни к чему не привели. Сталин говорил, что не может выступить сейчас, это сделает в другой раз. Так как Сталин упорно отказывался, то решили, пусть выступит Молотов... Конечно, это было ошибкой. Но Сталин был в таком подавленном состоянии, что в тот момент не знал, что сказать народу» [55. Глава 31].

На мой взгляд, обязывать Сталина что-либо сделать в то время никто не мог, об этом просто не могло быть и речи, а подавленное состояние наверняка было (еще бы, он же всем говорил, что еще два года войны не будет). Из этого родился следующий вариант причины его молчания.

2. Сталин был в шоке и уехал на одну из своих дач.

3. Сталину надо было понять, что происходит, так как, скорее всего, он еще надеялся свести все к конфликту наподобие Халхин-Гола. Об этом рассказывал Ф. Чуеву В. М. Молотов: «Он не хотел выступать первым, нужно, чтобы была более ясная картина... Он сказал, что подождет несколько дней и выступит, когда прояснится положение на фронтах» [102. С. 59]. Это очень похоже на правду, но звучит жутковато: «Он выступит, когда прояснится положение на фронтах!» А прояснится ли оно, если он не выступит?! Это все равно что объявить пассажирам налетевшего на айсберг «Титаника»: «Капитан объявит свое решение, когда разберется с ситуацией!» А вдруг до этого «Титаник» сгинет в пучине?

4. Сталин был болен (якобы нарыв в горле, и голос потерял), поэтому не мог выступить.

5. Сталина просто не было в Москве. Как утверждают некоторые зарубежные историки, в частности Р. Пейн и Р. Бракман, 19 июня 1941 г. он вместе со Ждановым уехал на поезде в Сочи в отпуск. Возможно, что этим же поездом с ними до Киева ехал и Хрущев (в своих «Воспоминаниях» он утверждает, что Сталин долго держал его при себе, а потом вдруг взял и отпустил, вот и он уехал из Москвы поездом вечером 20 июня).

Последнее объяснение кажется мне самым реальным, несмотря на то, что против него выставляют «неоспоримый» довод – мол, Сталин непрерывно (за исключением двух дней – 29 и 30 июня) продолжал вести прием в своем кабинете, что следует из записей его посетителей в «Кремлевском журнале» [92. С. 337–343] с 18 июня по 8 июля 1941 г. 8 июля вождь абсолютно точно был в Москве, так как принял в этот день в своем кабинете английского посла Криппса.

Но напомним интересный факт, который был обнаружен мною при тщательном изучении «Кремлевского журнала»: оказывается, в него с 1927 г. записывали всех, кто переступал порог сталинского кабинета, вне зависимости от того, находился ли там сам вождь. В отсутствие вождя первым в кабинет входил тот, кого он оставлял «на хозяйстве» вместо себя – обычно это был Молотов (доверил же он ему 22 июня 41-го обратиться вместо себя к народу и сообщить о начале войны, почему же не мог доверить свой кабинет в мирное время?). В первой половине 30-х годов, уезжая в отпуск на юг, Сталин оставлял за себя Молотова или Кагановича. Они вели прием в его кабинете, но в журнальных записях это никак не отражалось, по ним можно считать, что в это время и Сталин находился в своем кабинете. Позднее, в марте 1953 г. Сталин с инсультом лежит на Кунцевской даче, а по записям 2 марта его дважды посещает в кабинете

Политбюро (называвшееся до 5 марта 1953 г. Бюро Президиума ЦК) в полном составе. Сталин умер 5 марта, но ежедневно с 5 по 9 марта члены и кандидаты в члены Политбюро вновь «на приеме» в его кабинете. И запись в журнале в эти дни абсолютно не отличается от сделанной в то время, когда в кабинете находился его хозяин. Похоже, что записи посетителей велись специально для режима и охраны, поэтому ежедневно фиксировали, как это и положено, всех переступавших порог этого сверхважного и сверхсекретного объекта (мало ли что потом случится – не дай бог «прослушку» потом обнаружат или отраву, или мину). Скорее всего, записи дежурного секретаря в приемной ежедневно сдавались начальнику охраны вождя, потому и велись не в особом журнале или тетради, а на отдельных листках. И служить стопроцентным доказательством того, что во время пребывания посетителей в кабинете Сталина, там находился и он сам, они никак не могут.

Вопрос о том, где был Сталин с 19 июня по 3 июля 1941 г., подробно рассмотрен мною в книгах «Великая тайна Великой Отечественной [62. С. 149–167; 63. С. 205–209]. Здесь же я привожу обнаруженной в Архиве внешней политики документ, дающий возможность ответить на этот вопрос.

Этот документ был введен в научный оборот Г. Н. Песковой в Информационном бюллетене Историко-документального департамента МИД РФ, посвященном 55-летию Победы над фашистской Германией, в статье «Наше дело правое. Как готовилось выступление Молотова по радио 22 июня 1941» . Документ этот называется «Обращение к гражданам Советского Союза, написанное народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым в связи с нападением гитлеровской Германии на СССР (рукопись, черновой вариант, карандаш). 22.06.1941 г.» (АВП РФ. Ф. 7а. Оп. 1. П. 2. Д. 24. Л. 1–4).

Историю его создания Пескова описала так: «Сидя в кабинете Сталина, Молотов карандашом набросал первоначальный вариант обращения к народу... На нем имеются поправки, сделанные рукой Молотова...».

Ознакомившись в Архиве внешней политики РФ с подлинником «черновика речи Молотова», я воочию увидел внесенные в него рукой Молотова изменения. Вот они.

Рукописный текст речи Молотова на четырех страницах

~~Милостивые~~ Гражданин и гражданин
Славянского Союза!

Сегодня, в 4 часа утра, без объявления
каких-либо причин и Советскому Союзу,
без объявления войны, германские
войска напали на нашу ~~границу~~ ^{границу} ~~границу~~
аппанов, нашу границу в многих
местах ~~и подвернув~~ ^{и подвернув} бомбардировки со своих
самолетов ~~на наши города~~ ^{на наши города}
и ~~на наши города~~ ^{на наши города} - Истрин, Калв,
Евдокимов, Каунас и ~~и некоторые дру-~~
гие. Начаты вражеских самолетов
и артиллерийский огонь
с южной стороны ~~с южной~~ с южной
скай стороны и со стороны Фин-
ляндии.

Эта внезапная атака ^{на нашу страну} ~~на нашу страну~~
идея на наших ~~наших~~ ^{наших} договора о нека-
падения между СССР и Германией, ~~и~~
суд безпримиримых расхождений
интересов народов. Все это ~~это~~ ^{это}

За это ~~фактически~~ разбитое
нападение на Советский Союз учи-
вать во всем объеме ~~подлежит~~ по ~~фран-~~
ское правительство.

Уже после совершенного нападе-
ния германский посол в Москве Шу-
ленбург в 5 ч. 30 минут утра ~~сделал~~
заявление ^{мне, как} народному комиссару
французских дел, ~~называя~~ от имени
своего правительства, что ~~свое~~ герман-
ское правительство якобы ~~совершило~~
было вынуждено принять военные меры для
концентрации вооруженных сил ~~в~~
под у восточной германской границы.

Нотой на это ~~заявление~~ ~~мало~~
той же ~~массы~~ советского правительства
было заявлено, что до последней минуты
германское правительство не представило
никаких доказательств и ~~своему~~ прав-
ительству и что Германией совершено напа-

Желе на север, переходя в широты
вост. возмущен. Славянство Орога и у
Ям савант ~~французский~~ ~~порт~~ Премия эвидует
находящуюся с южной.

~~Почему~~ По поручению правительства
Свердловского совета я прислал Вайну,
что им в одном букете (или вайна
и наша авиация по ~~неоднократным~~ ^{содружеству} ~~различия~~
~~граждан~~ ^{сделанные сзади} и ~~показу~~ ^{сделанные сзади} ~~руководя~~
своего радио ~~что~~ ^(свердловский авиационный) ~~якобы~~ ^{авиационный}
~~сделанные сзади~~ ^{руководящие} ~~авиационные~~
^{сильно} ~~якобы~~ и провокации.

Теперь, когда нападение на Советский
Союз уже свершилось, ~~политическая~~ ^{судебная} ~~война~~
Гитлеровцами дан приказ кинуть вой-
ска - от ^{разбитые} ~~битые~~ ~~нападения~~ и изгнать гер-
манские войска с территории нашей
родины.

Правительство Советского Союза вы-
сказало непоколебимую уверенность в
том, что наша доблестная ~~красная~~
армия и флот, и ~~наши~~ сильные союзники
Советской авиации, с жером выполняя
долг перед родиной, перед советскими
народами, а также сужившийся
иши удар по врагу, ~~разгромить~~
~~и уничтожить~~ врага будем разбит.
Наше дело правое. Победа
будет за нами!

Страница 4

Во-первых, этот черновик сначала был написан Молотовым явно не от своего имени, а скорее от имени Сталина, так как Молотов упоминается в нем в третьем лице: «Шуленбург... сделал заявление народному комиссару иностранных дел Молотову», но потом сам же и исправляет «...заявление мне как народному комиссару», а слово «Молотову» зачеркивает.

Во-вторых, из текста было вычеркнуто упоминание о бомбардировках советских аэродромов.

В-третьих, черновик представляет собой вполне законченный текст, хотя в нем есть авторская правка, сделанная в процессе написания. Но есть и правка, которую Молотов, скорее всего, вносил по чьим-то замечаниям, зачитывая кому-то написанный им текст. В основном, она несущественная. Например, «напали на нашу родину» заменено на «напали на нашу страну»; «открыв бомбежку» – на «подвергнув бомбежке» и т. п. Но есть

одно место в тексте, позволяющее точно определить автора корректировки. Молотовский вариант заканчивался словами: «...нанесут сокрушительный удар по врагу, разгромят и уничтожат». Но потом слова «разгромят и уничтожат» Молотов зачеркнул и сделал вставку: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!». Вот это уже, несомненно, чеканный сталинский стиль.

Итак, вроде бы вся картина происшедшего утром 22 июня 1941 г. в сталинском кабинете ясна. Сначала (с 5.45) в кабинете был Молотов с Берией и руководство НКО – Тимошенко, Жуков и Мехлис.

Военные доложили о нападении и боевых действиях на границе, Берия – о сообщениях погранокругов и агентуры. Обсудили ситуацию, Молотов начал набрасывать текст выступления вождя. В 7 часов подошел оставшийся за Жданова Маленков, а также Вышинский (Молотов послал его вместо себя принять временного поверенного Великобритании Баггалей). За ними стали подтягиваться члены Политбюро – Ворошилов, Микоян, Каганович. Пообсуждали текст обращения, решили, что зачитать его должен Сталин. В 10.15–10.25 принесли оперативную сводку Генштаба № 01 (на 10.00), уточнили по ней текст. Молотов зачитал Сталину проект текста его выступления, Сталин слегка подредактировал, внес заключительный воодушевляющий на победу лозунг и неожиданно объявил главное: он выступать не будет, с обращением к народу по радио должен выступить Молотов. В кабинете в это время кроме Молотова находились «самые-самые» – Ворошилов, Микоян (все трое – члены Политбюро) и Берия с Маленковым (кандидаты). Все они, за исключением Микояна, войдут вскоре в состав Государственного комитета обороны, которому с 30 июня 1941 г. будет принадлежать вся полнота власти в стране. Они якобы пытались (по их воспоминаниям) убедить Сталина выступить, но он был непреклонен. В 12.05 (по записи в «Кремлевском журнале») Молотов выходит из кабинета вождя. Спускается к подъезду, доезжает до Центрального телеграфа, где находилась студия Радиокомитета, и в 12.15 зачитывает текст, который... очень сильно отличается от только что согласованного и исправленного вождем. Это невероятно, но факт – за десять минут дороги и пребывания в радиостудии Молотов внес в текст весьма существенные изменения!

22 июня 1941 года

1. м. Малютин в 5-45 м
в 12-05 м
2. м. Берия в 5-45 м
в 7-20 м
3. м. Тимошенко в 5-45 м
в 8-30 м
4. м. Малютин в 5-45 м
в 8-30 м
5. м. Жуков в 5-45 м
в 8-30 м
6. м. Васильев в 7-30 м
в 9-20 м
7. м. Микоян в 7-55 м
в 9-30 м
8. м. Колосов в 8-00 м
в 9-35 м
9. м. Ворошилов в 8-20 м
в 10-15 м
10. м. Ворошилов в 7-30 м
в 10-40 м
11. м. Жуков в 8-15 м
в 8-30 м
12. м. Ефимов в 8-40 м
в 10-40 м
13. м. Ворошилов в 8-40 м
в 10-40 м
14. м. Жуков в 9-40 м
в 10-20 м
15. м. Микоян в 9-50 м
в 11-30 м
16. м. Малютин в 12-25 м
в 16-45 м
17. м. Ворошилов в 8-40 м
в 12-05 м

прогулка.

прогулка. 50

18. м. Берия в 11-30 м
в 12-00 м
19. м. Малютин в 11-30 м
в 12-00 м
20. м. Ворошилов в 12-30 м
в 16-45 м
21. м. Микоян в 12-30 м
в 14-30 м
22. м. Ворошилов в 13-05 м
в 15-25 м
23. м. Ворошилов в 13-15 м
в 16-00 м
24. м. Тимошенко в 14-00 м
в 16-00 м
25. м. Жуков в 14-00 м
в 16-00 м
26. м. Ворошилов в 14-00 м
в 16-00 м
27. м. Жуков в 15-20 м
в 15-45 м
28. м. Жуков в 15-30 м
в 16-00 м
29. м. Берия в 16-25 м
в 16-45 м

последние в 16-45

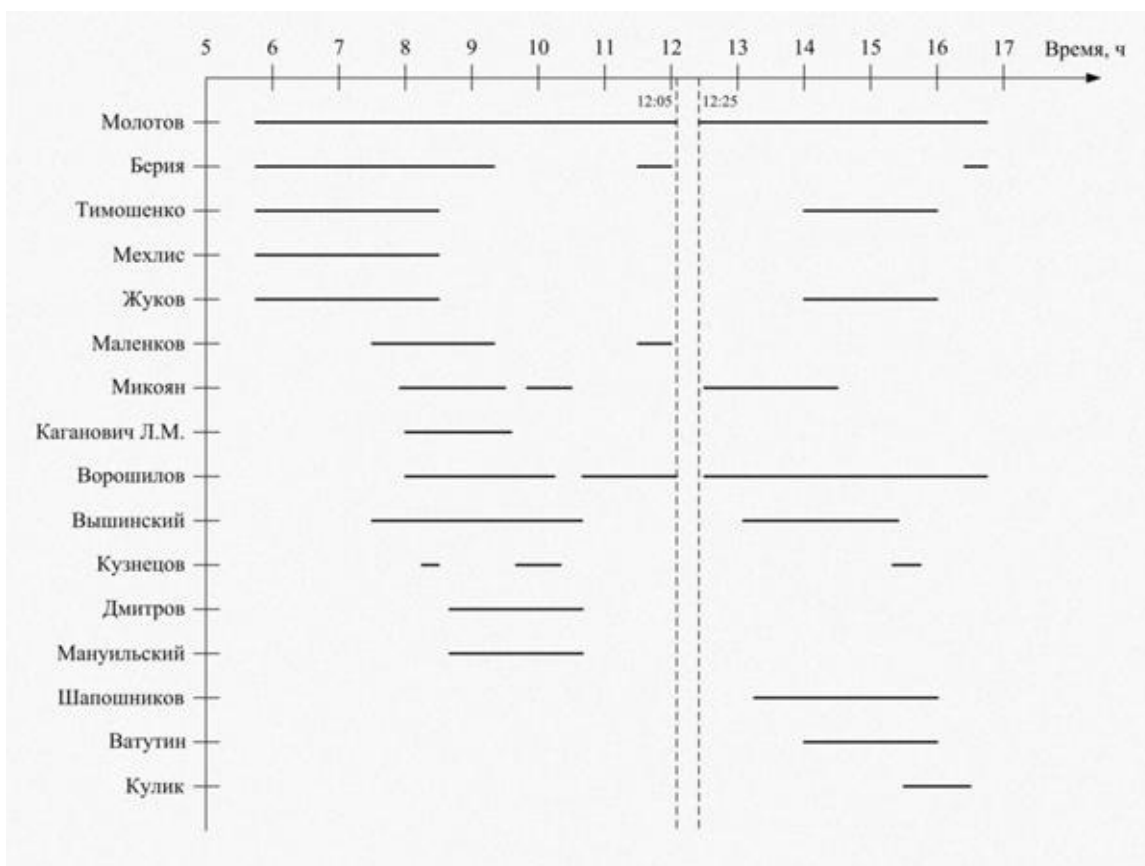
23 июня 1941 года

1. м. Малютин в 3-20 м
в 6-25 м
2. м. Ворошилов в 3-20 м
в 6-25 м
3. м. Берия в 3-25 м
в 6-25 м

прогулка.

Рукописные странички из «Кремлевского журнала» за 22 июня 1941 г.

Я составил временной график пребывания посетителей в кабинете Сталина 22 июня 1941 г. по записям в «Кремлевском журнале» за этот день.

Временной график посещений кабинета Сталина 22 июня 1941 г.

Из графика видно, что в период с 12.05 до 12.25 (время выхода Молотова из сталинского кабинета для поездки на радиостудию Центрального телеграфа, выступления по радио и возвращения обратно) в кабинете не оставалось ни одного посетителя, что возможно только в одном случае – если Сталина не было в кабинете, ибо вряд ли он стал слушать речь Молотова по радио один.

Пескова о различиях обнаруженного ею рукописного текста Молотова и произнесенного им по радио пишет так: «Текст был принят за основу и существенно дополнен. Так, в окончательном варианте обращения появилась фраза о том, что Молотов выступает по поручению советского правительства и его главы товарища Сталина. Во втором абзаце подробно говорилось о нарушении Германией заключенного с СССР договора о ненападении. Текст обращения был также значительно расширен за счет включения в него положения о развязывании войны правителями Германии, а не германским народом и о полном поражении вторгавшихся в Россию врагов, как это не раз бывало в отечественной истории. В заключительной части содержался призыв к советским людям сплотиться

для борьбы в тяжелый для страны момент, и в этой связи еще раз было упомянуто имя Сталина. Последние слова в обращении: “Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами”, которые стали главным лозунгом во время войны, принадлежат Молотову». Я категорически не согласен с последним утверждением уважаемой Г. Н. Песковой. Убежден, что это слова Сталина, продиктованные им Молотову.

Сравнив текст, который Молотов собственноручно написал карандашом, с текстом речи, произнесенной им по радио 22 июня 1941 г., я обнаружил еще ряд серьезных отличий, не отмеченных в работе Песковой.

В произнесенной по радио речи, текст которой был опубликован в газете «Правда» 24 июня 1941 г., добавлено, 1) что, по сообщению Шуленбурга, германское правительство выступило войной против СССР, и названо число погибших и раненых от первых бомбежек – 200 человек; 2) добавлен перечень стран и народов, ранее ставших жертвами фашистской агрессии; 3) добавлено сравнение Гитлера с Наполеоном, причем они оба названы «зазнавшимися» (то есть возомнившими, что смогут победить Англию без союза с Россией); 4) впервые проведена аналогия между войной 1812 г. и войной СССР с Германией, а также начавшаяся война впервые названа Отечественной; 5) имеется призыв ко всему советскому народу принять участие в разгроме врага, тогда как в наброске речи это возлагается лишь на армию, флот и авиацию; 6) имеется призыв к народу сплотиться вокруг большевистской партии и «вокруг нашего великого вождя товарища Сталина»; 7) в нем 606 слов, а в черновике 305.

Итак, четыре отличия текста, прозвучавшего по радио, от молотовского «черновика» указала в своей статье Пескова, еще семь – я указал выше, еще три – я обнаружил после ознакомления с подлинником молотовского автографа (см. с. 510).

Но ведь это же нереально – не мог Молотов за такое короткое время внести в текст столь серьезные изменения, а главное – он же не смел изменить ни единой буквы в тексте, утвержденном Сталиным! И тем не менее это было сделано.

Пескова считает, что текст был откорректирован в кабинете Сталина и Молотов зачитал по радио измененный там текст. Но если бы это было так, то в архиве хранился бы именно измененный текст, а не его первый вариант. И потом, в рукописном варианте Молотова совершенно очевидна корректировка Сталина – в первую очередь в смене лица, от имени которого будет зачитываться обращение, и во введении заключительных исторических слов «Наше дело правое...». Откуда же взялся рукописный документ с новым текстом, куда делся со старым, и, если он существует,

почему Пескова не смогла его опубликовать? Почему при острейшем дефиците времени в момент подготовки выступления Молотова его текст был написан заново, ведь большая часть молотовского текста в нем сохранена? Проще было бы вписать в молотовский вариант добавления (хотя опять-таки непонятно для чего, ведь все, что Сталин продиктовал, Молотов уже вписал своей рукой).

Объяснение может быть таким. Скорее всего, когда Молотов с участием трех членов и двух кандидатов в члены Политбюро писал обращение, самого Сталина в кабинете не было, поскольку он был в Сочи. Общение с ним велось по телефону ВЧ-связи, Молотов зачитал ему подготовленный текст и попросил от имени Политбюро немедленно вылететь в Москву, чтобы выступить с ним по Всесоюзному радио. Сталин, ссылаясь на опасность такого перелета в условиях начавшейся войны, отказался лететь (он до этого вообще ни разу в жизни не летал на самолете) и приказал Молотову как своему заместителю выступить по радио самому. При этом он продиктовал Молотову еще несколько изменений и дополнений. Молотов внес эти изменения в текст (в том числе и слова «Наше дело правое» и т. д.). Тем не менее, понимая, что Коба, как всегда, начнет потом искать виноватого и им, несомненно, станет Молотов, давший свое имя пакту с Германией и ездивший в Берлин, он, возможно, впервые в жизни взбунтовался и заявил, что, не имея подписанного вождем текста, выступать не будет. Сталину ничего не оставалось, как принять его неслыханное условие.

Как же можно было его выполнить?

Вариантов было только два:

1. Согласованный по телефону текст направили в Сочи спецтелеграммой, на которой вождь поставил свою подпись, заодно внес поправки и отправил Молотову назад самолетом. Это маловероятно, так как анализ посетителей кабинета вождя в этот день показывает, что разговор Молотова со Сталиным по ВЧ-связи не мог состояться ранее 9.00. Полчаса на подготовку и отправку телеграммы, затем 4,5–5,5 часов на полет, даже без учета времени поездки автомашины до аэродрома в Сочи и до Центрального телеграфа в Москве^[120]. Получается, что Молотов получил бы телеграмму с подписью Сталина лишь в 14.00–15.00. А он начал свое выступление в 12.15 и в 12.25 уже вернулся в кабинет Сталина.

2. Текст из Москвы в Сочи был передан по телеграфу, а обратно... фототелеграфом (ведь в руках у Молотова до его выступления по радио должен был оказаться текст, заверенный подписью Сталина). Оказалось, что фототелеграф действовал в СССР с 30-х годов, а «к концу 1940

Московский центральный телеграф имел уже 22 фототелеграфных линии» (БСЭ), которые связывали его с крупнейшими городами страны^[121]. Можно не сомневаться, что вторым из них был Сочи – практически единственное место, куда регулярно приезжал в отпуск Сталин. Тогда особый смысл приобретает и то, что Молотов 22 июня 1941 г. выступал из радиостудии, расположенной именно в здании Центрального телеграфа.

Значит, подписанный Сталиным текст был передан в Москву фототелеграфом и вождь при подписании его внес целый ряд дополнений. А Молотов зачитал обращение прямо с фототелеграммы, которая была вручена ему на Центральном телеграфе. В воспоминаниях заместителя заведующего военным отделом газеты «Правды» Л. Бронтмана приводится косвенно подтверждающий мое предположение о фототелеграмме рассказ корреспондента «Последних известий» Радиокомитета СССР Н. Стора о выступлении Молотова 22 июня в студии:

«Приехали чекисты и заняли все выходы и коридоры. За три минуты до назначенного срока (то есть в 12.12. – А. О.) приехал Молотов. Он сел за стол, раскрыл папку и начал читать приготовленную речь (то есть знакомиться с текстом, поскольку видел этот вариант впервые. – А. О.). За полминуты до срока он встал и прошел в студию к микрофону. Стор подошел и налил нарзана в стакан.

– Уберите все лишнее! – резко сказал Молотов.

Левитан объявил его выступление. Молотов говорил, очень волнуясь, нервно. Но записали все хорошо» [10. С. 267].

Чтобы это мое предположение о причине неожиданного появления у Молотова другого текста выступления подтвердилось или было отвергнуто, надо всего лишь найти факсимиле той записанной на бумаге речи, которая прозвучала по радио 22 июня 1941 г.

В настоящее время во всех публикациях этого документа ссылаются на обращение, напечатанное в газете «Правда» 24 июня 1941 г. Г. Н. Пескова при публикации этого текста дала более основательную ссылку: «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1944. Т. I. С. 111–113». Я открыл современное официальное издание «Документы внешней политики 1940 – 22 июня 1941» (Т. XXIII, Кн. 2(2), М.: Международные отношения, 1998) и обнаружил, что даже там в качестве документа-первоисточника указана газета «Правда» за 24 июня 1941 г. Давайте же наконец найдем настоящий архивный документ – первоисточник. Это позволит окончательно ответить на целый ряд вопросов, связанных с этим черным днем нашей истории, в том числе – был ли в этот день Сталин в Москве.

Надо признать, однако, что есть и второй вариант объяснения, как появился новый текст выступления Молотова. Возможность этого варианта допускает такой загадочный факт: его речь записывалась на магнитную пленку (о чем свидетельствует вышеприведенный рассказ Н. Стора), однако 22 июня 1941 г. голос Молотова ни разу больше не звучал по радио, а его речь девять раз зачитал диктор Левитан. Это могло быть только в одном случае – если, прослушав выступление Молотова по радио, Сталин по телефону или спецтелеграфу внес в текст новые изменения и дополнения, с учетом которых Левитан и зачитывал его (либо его передавали в записи). Именно этот текст выступления и был опубликован в газете «Правда» 24 июня 1941 г. Возможно, поэтому его напечатали в «Правде» не на следующий день после выступления Молотова, как это делалось обычно, то есть 23 июня, а только 24-го. Ведь текст выступления Сталина по радио 3 июля 1941 г. появился в «Правде» прямо в день трансляции. Поскольку 22 июня 1941 г. речь Молотова в записи не передавали, то можно предположить, что получившая в наше время широкую известность «Запись выступления В. М. Молотова. 22 июня 1941 года. Российский государственный архив фотодокументов. Архивный номер Н-253» была сделана позже. При этом он не повторил текст, произнесенный им по радио 22 июня, а зачитал его по публикации в «Правде» за 24 июня 1941 г. Не исключено, что в архивах Радиокомитета сохранилась также и запись Левитана, сделанная 22 июня 1941 г., а может быть, даже печатный текст с коррективами, по которому он читал.

Надо продолжать поиск в архивах!

Теперь об указанных в речи Молотова первых советских городах, подвергнутых бомбежке 22 июня 1941 г. Каунас – единственный из них, бомбардировку которого подтверждает оперативная сводка Генштаба Красной Армии № 01 за 22 июня 1941 г. (подписана в 10.00 начальником Генштаба генералом армии Жуковым), причем бомбили не сам Каунас, а аэродром Алексотас, находящийся в нескольких километрах от города. Я это знаю, потому что в это время жил с родителями в Каунасе в военном городке Понемуни совсем недалеко от этого аэродрома.

Бомбежка двух других упомянутых в речи Молотова городов согласно оперсводкам ГШ впервые произошла не 22-го, а 24 июня 1941 г.: Севастополь указан в утренней оперсводке ГШ № 05 за 24 июня 1941 г. («в течение ночи на 24.6 подвергался бомбежке Севастополь»); а Киев – в утренней оперсводке ГШ № 07 за 25 июня 1941 г. («Во второй половине 24.6 39 самолетов противника бомбардировали Киев...») [15. С. 24–29]. Бомбежка Житомира в оперсводках ГШ не упоминается, хотя, по

утверждению его жителей, на рассвете 22 июня в нем были слышны разрывы бомб на расположенных вблизи города аэродромах, а в 9.15 – 9.20 утра уже бомбили и сам город.

А самый первый налет немецкой авиации был осуществлен в 4.00 22 июня 1941 г. (в «Барбароссе» указано время пролета самолетами границы – 3.15, однако, согласно записи в «Дневнике Гальдера» 14 июня 1941 г., на последнем совещании у фюрера перед нападением на СССР оно было перенесено на 3.00, то есть на 4.00 по московскому времени).

Значит, самый первый удар немецкой авиации был в этот день нанесен не по городам (в «Барбароссе» прямо указано: «не следует во время операции совершать налеты на объекты военной промышленности»), а по приграничным аэродромам, на которых базировались советские истребители новых типов, и уничтожены были именно они. После этого, уже ничего не опасаясь, немецкие бомбардировщики могли большими группами без истребителей сопровождения осуществлять налеты на советские железнодорожные узлы, штабы, скопления боевой техники и т. п.

Интересно отметить, что по непонятной причине в оперсводке ГШ № 01 не упоминается самый первый налет самолетов противника 22 июня – в Севастополе, который произошел на час раньше всех остальных (в 3.00) и который описан в мемуарах маршала Жукова и адмирала флота Кузнецова (причем почему-то они называют эти самолеты «неизвестными»).

В «Ключах к разгадке» я высказал и обосновал свое предположение о том, что это были английские самолеты, поэтому они и не сбрасывали бомбы на боевые корабли Черноморского флота, а якобы кидали магнитные донные мины. Возможно, этой провокацией Черчилль имитировал обещанное им Гитлеру совместное нападение в тот день на СССР, чем и удалось подтолкнуть фюрера к нанесению удара 22 июня. Однако в Севастополе приближение этих самолетов в ночи зафиксировала первая советская корабельная радиолокационная станция «Редут-К», которая была с 15 июня 1941 г. принята на вооружение крейсера «Молотов». Причем по трассе полета можно было понять, что самолеты эти летят не из Румынии, а со стороны Турции, где не могло быть немецких самолетов, но зато были английские на авиабазах Мосул, Хаббания, Кипр. Поэтому Генштаб и не включил сведения об этом налете на Севастополь в первую сводку – не хватало еще и с Англией начать боевые действия в этот день! Поэтому утром в Наркомат иностранных дел к замнаркому Вышинскому был приглашен временный поверенный Англии в делах в СССР Баггaley, который заверил, что Англия будет воевать вместе с СССР против Германии. Успели срочно сообщить об этом Молотову, а он известил по ВЧ-

телефону Сталина, после чего севастопольский налет решили отнести на счет немцев, что Молотов и сделал, выступая в 12.15 по радио:

Речь произнесенная Молотовым по радио 22 июня 1941 г.

Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении, и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к Советскому Союзу по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне, как народному комиссару иностранных дел, заявление от имени своего правительства о том, что Германское правительство решило выступить с войной против Советского Союза в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты Германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству, что Германия совершила нападение на Советский Союз, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению Правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ – отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполнят долг перед родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу. Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина.

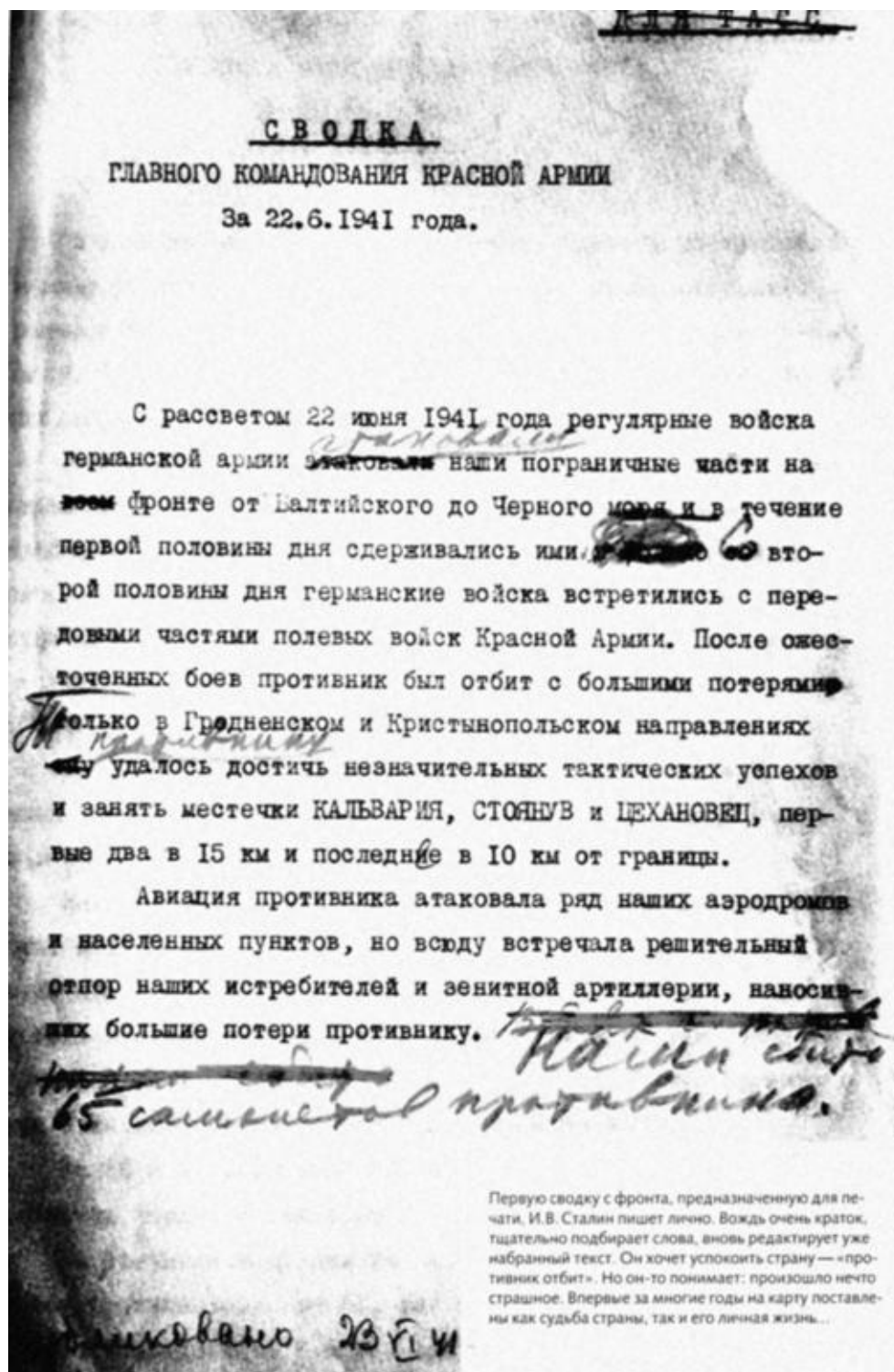
Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

(Текст из «Правды» за 24 июня 1941 г., уточненный по аудиозаписи речи Молотова)

Один архивный листок может сто книг перетянуть

Иногда один листок, найденный в архиве, переворачивает укоренившиеся представления и позволяет увидеть многое в совершенно новом свете. Такой листок был обнаружен мною и доставил мне немало волнений. Если быть точным, впервые я увидел его не в архиве, а в вышедшей в 2010 г. книге «Сталин. Июнь 1941 – май 1945» [79. С. 35], в предисловии к которой говорилось, что это «попытка рассказать о деятельности Сталина в годы войны через архивные документы».

Напечатанный на пишущей машинке текст «Сводки Главного Командования Красной Армии за 22 июня 1941 года» с пометкой «Для ТАСС» имеет несколько исправлений от руки, сделанных жирным красным карандашом сталинским почерком. Прочитав его, я отправился в РГАСПИ и нашел эту сводку в газете «Правда» за 23 июня 1941 г., напечатанную с учетом всех изменений, внесенных вождем. Это было как гром среди ясного дня – ведь до сего времени не обнаружено ни одного документа, написанного, правленного или хотя бы подписанного рукой Сталина 21–22 июня 1941 г., с полным доказательством того, что это было сделано не до или после указанных дней.

Хотя личная подпись-виза вождя ранее была обнаружена на некоторых документах, вышедших в те дни, но это все были заранее готовившиеся материалы, которые он мог подписать и за несколько дней до того, как документ был окончательно оформлен и получил номер и дату. Ведь до сих

пор считалось и считается, что в первые дни после нападения гитлеровских войск Сталин находился в шоке или глубокой депрессии, удалился от дел, никого не принимал. Указываются разные сроки такого его состояния – от двух дней, когда отсутствовал прием в его кабинете (29 и 30 июня) до одиннадцати, по прошествии которых он выступил по радио 3 июля. Были слухи, что он болел (жестокая ангина), что его нет в Москве, что он уединился на «ближней» даче в Волынском. Некоторые зарубежные историки считают, что он 19–20 июня уехал в отпуск в Сочи вместе со Ждановым. Его молчание по радио с 22 июня по 3 июля 1941 г., а также катастрофические поражения Красной Армии в этот период такое мнение подтверждают.

Открытые в период перестройки архивные документы, показали, что Сталин не принял участие в составлении важнейших документов начала войны (во всяком случае, не оставил никаких следов своей руки): в загадочном «секретном» решении Политбюро от 21 июня 1941 г., в Директивах наркома обороны о начале боевых действий 22 июня 1941 г. № 1 (0 час.30 мин.), № 2 (7 час.15 мин.) и № 3 (21 час.15 мин.)^[122]; в тексте выступления Молотова по радио 22 июня (12.15), а также на трех Указах Президиума Верховного Совета от 22 июня 1941 г. о начале войны: «О мобилизации военнообязанных...», «Об объявлении в отдельных областях СССР военного положения» и «О военном положении» (см. с. 466–467).

И вдруг – в тот же день, 22 июня, он скрупулезно правит сводку о положении на фронте! Неужели в тот момент она была для него самым важным документом?

Я внимательно рассмотрел все его правки на этом документе. Первая же меня поразила: Сталин вычеркнул слово «атаковали» и заменил его все тем же... «атаковали». Остальные правки были не более серьезными: «на всем фронте» он сократил до «на фронте», «и только со второй половины дня» убавил до «со второй половины дня», а также заменил одну запятую на точку, начав следующее предложение с большой буквы. Зато в конце он дописал целую фразу: «В боях с противником сбито...», затем зачеркнул ее и написал гораздо более сильную: «Нами сбито 65 самолетов противника» (количество уничтоженных в этот день наших самолетов – 1 200 – он указывать не стал, возможно, еще и не знал об этом). Вот и все. И на это вождь не пожалел сил и времени в первый день войны после вероломного нападения врага^[123].

Все это дважды невероятно: во-первых, из-за абсолютной малозначимости сталинской правки, свидетельствующей, пожалуй, только

о том, что ему в тот момент нечем было заняться, а во-вторых, из-за отсутствия следов его руки на самых главных и важных документах первого дня войны, о которых было сказано выше. Для меня лично это был еще один удар. Ведь после долгих размышлений в двух своих книгах [62. С. 149–167; 63. С. 205–209] я пришел к выводу, что, скорее всего, с 20 июня по 3 июля 1941 г. Сталина не было в Москве, так как он уехал в отпуск в Сочи вместе со Ждановым. Листок с текстом военной сводки и его правкой 22 июня разрушал все мои построения на этот счет.

Подсказку для решения этой загадки дала другая моя архивная находка – рукописный подлинник речи Молотова (АВП РФ), на который меня навела статья Г. Н. Песковой «Наше дело правое». Пескова первой заметила отличия рукописного молотовского текста от речи, прозвучавшей по радио. Выше я объяснил причину обнаруженных различий тем, что Молотов мог согласиться на выступление вместо вождя, лишь заполучив от того согласованный с ним по телефону и заверенный его подписью текст речи. И Молотов получил требуемое из Сочи по фототелеграфу (см. с. 516).

Тогда все объясняется. Если Сталин 19 июня 1941 г. уехал в Сочи, то в первой половине дня 21 июня он уже был на месте, и все беседы и обсуждения в последний мирный день и в первый день войны члены Политбюро вели с ним из его кремлевского кабинета по ВЧ-телефону, главным образом через Молотова. А все его замечания и формулировки вносились в тексты решений этих дней, но только не его рукой. Поэтому же он не мог 21–22 июня подписывать и править своей рукой самые важные и срочные решения, связанные с началом войны.

Текст же сводки Главного командования, возможно уже предварительно обсужденный с ним по телефону, ответственный руководитель ТАСС Я. Хавинсон с пометкой «ДЛЯ ТАСС» послал телеграфом ему в Сочи. Сталин откорректировал текст красным карандашом, и фототелеграммой ее направили в ТАСС или прямо в редакцию газеты «Правда». Поэтому если в архиве ТАСС или газеты «Правда» будет обнаружена эта фототелеграмма, то на ней вся сталинская правка будет черная. Оставалось только найти архив, в котором находится подлинник документа со сталинской правкой. Если это будет АП РФ или РГАСПИ, куда передана часть Президентского архива, то все эти мои рассуждения правильны. Я пытался узнать архивный номер подлинника «Сводки» у издателей книги, но безуспешно.

Помог мне очередной сборник «Вестника Архива Президента Российской Федерации» [18. С. 31], в котором был опубликован текст этого документа с указанием его архивного номера – АП РФ, Ф. 50. Д. 450. Л. 1.

Значит, документ этот остался в личном архиве Сталина, откуда и перекочевал в Президентский. Значит, 22–23 июня 1941 г. его никуда не увезли, а отправили снятую с него фототелеграмму. Либо еще проще – послали обычную телеграмму с учетом сталинской правки.

Вот теперь надо думать, почему Сталин мог 22 июня 1941 г. внести не очень принципиальную правку в эту не слишком важную сводку, но не оставил следов своей руки на самых важных документах начала войны, если работа над ними шла в его кабинете, а он от дел якобы не отходил, работу не прекращал и в отпуск в Сочи не уезжал? И почему он молчал с 22 июня по 3 июля? Пока нет других объяснений, кроме одного – он уехал 19 июня в отпуск и поэтому весь первый день войны участвовал в решении важнейших вопросов по телефону. Перед выступлением по радио Молотов по телефону же потребовал от него подпись под текстом обращения, Сталину ничего не оставалось, как сделать это, воспользовавшись фототелеграфом.

Но, подписывая фототелеграмму, он не удержался и внес еще несколько исправлений, поэтому рукописный текст выступления Молотова (автограф) и отличается от произнесенного им по радио и опубликованного 24 июня в «Правде» (благодаря чему мне удалось все это выяснить). Таким образом был отработан канал срочного общения с вождем, позволяющий получить немедленно документ за его подписью и с его правкой. Возможно, так было и со Сводкой. Но, учитывая, что фототелеграф – незащищенный канал связи, наиболее секретные документы (кроме документов «Особой папки») вождю доставляли самолетом в Сочи фельдъегеря или высокопоставленные визитеры. В этом случае официальное оформление документов задерживалось на сутки (самолет с фельдъегерями возвращался с подписанными документами в день их подписания или на следующее утро).

Поэтому в другие (кроме 22 июня) дни подпись, а порой и правка, и комментарии Сталина есть на целом ряде документов периода 19 июня – 2 июля 1941 г. Но за 22 июня обнаружен пока лишь один такой документ – упомянутая «Сводка Главного Командования».

Неравный обмен. Обмен посольств в 41-м

Почему дата обмена посольств стала тайной?

В своей книге «Великая тайна... Ключи к разгадке» [62. С. 368–372] я уже писал о том, что до настоящего времени обмен посольств СССР и Германии остается загадкой – его обстоятельства, место, а главное, дата не названы до сих пор.

На мой взгляд, причин для скрытия подробностей этого обмена было три. Первая – нежелание руководства обеих сторон в дни смертельной схватки на полях сражений оповещать об этом свои народы, поскольку так или иначе это был вполне цивилизованный контакт со смертельным врагом, который, притом что ежедневно гибли тысячи солдат и офицеров, мог вызвать совершенно нежелательную реакцию.

Вторая – очевидная уступка со стороны Германии, почему-то нарушившей общепринятую в таких случаях мировую практику обмена при начале войны с равным количеством дипломатов и граждан противоборствующих стран. Причина этой уступки неясна и сегодня.

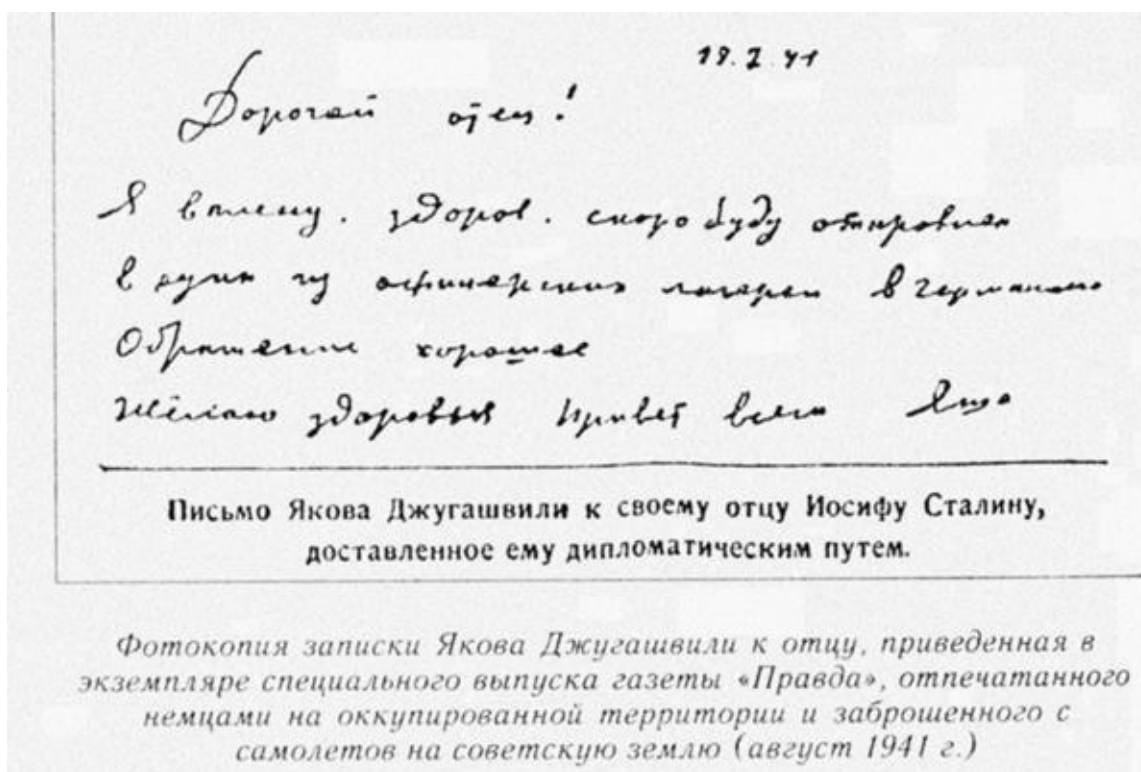
И наконец, третья – предполагаемая мною дата обмена совпала с датой написания Яковом Джугашвили письма своему отцу из плена, а также с датой назначения Сталина наркомом обороны.

Мне не удалось найти ни одного упоминания о точной дате обмене посольств не только в работах отечественных и зарубежных историков, но и в мемуарах его участников и в публикациях советской и российской прессы.

В газете «Правда» за 20 июля 1941 г. мне удалось обнаружить сообщение, состоящее лишь из одной строчки: «Бывший посол СССР в Германии Деканозов вернулся в Москву 19 июля 1941 года». Из него, безусловно, следует, что так оно и было, иначе газета за 20 июля никогда не дала бы такой информации. Кстати, этот день тоже был субботой, и тогда подтверждаются слова Бережкова о том, что его на следующий день после прилета в Москву, несмотря на то что это было воскресенье, вызвали на работу в НКВД. А описанная им сильная бомбежка после его возвращения тоже была, но через пару дней. Возможно ли это? [\[124\]](#) Вполне, если Деканозова довели на автомашине до Стамбула, где на аэродроме его ждал советский самолет, на котором он летел из Стамбула в Москву, не пересекая Черное море, а облетая его над территорией Турции. Однако при этом получается, что и русские, и немцы, писавшие впоследствии об обмене посольств, или искажали, или скрывали его дату. Почему же?

Когда Яков Джугашвили оказался в плену (по неопубликованным архивным документам РГАСПИ)

Возможно, дата возвращения Деканозова столь тщательно скрывалась из-за того, что 19 июля 1941 года кроме указанного обмена произошло еще одно важное событие: Яков Джугашвили – сын предсовнаркома и генерального секретаря ЦК ВКП(б) Сталина, находившийся в немецком плену, именно в этот день написал записку своему отцу. После перестройки в нескольких источниках появилась ее фотокопия с припиской, что это «письмо» было доставлено Сталину «дипломатическим путем». В подписи к этой фотокопии часто сообщалось, что она была приведена в специальном выпуске газеты «Правда», отпечатанном немцами на оккупированной территории и заброшенном с самолетов на советскую землю в августе 1941 г.

«19.7.41. Дорогой отец! Я в плену, здоров, скоро буду отправлен в один из офицерских лагерей в Германию. Обращение хорошее. Желаю здоровья. Привет всем. Яша»

Действительно, такие листовки летом 1941 г. сотнями тысяч сбрасывались на советские войска и в наш тыл. В книгах и исторических исследованиях говорится, что первая листовка с сообщением о пленении Якова Джугашвили была найдена в расположении советских войск возле Никополя 7 августа 1941 г. Однако в фондах РГАСПИ мне удалось обнаружить сообщение о том, что листовки разбрасывались и раньше, причем даже в Подмосковье. Так, жительница Бронниц домашняя хозяйка А. В. Шибанова «ходила в лес 2 августа за грибами и на кусту прицеплену нашла висящую листовку от своего родного врага». Она утверждает в своем заявлении, которое она вместе с листовкой отвезла в Москву и передала в Особый сектор ЦК партии, что «по Бронницкому району нашли таких листовок полные пачки в полях, лесах, в колхозных деревнях» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1554. Л. 11–12).

6го Августа 1941

ПОСТУПИЛО 9 АВГ 1941

91

Слов	ПЛАТА	Народный Комиссариат	Служ. отметка
Посл. и подоп.	руб. к.		
Итого		Сл. го ч. м.	

Отметки особого вида

Куда 2. Бронницкий 2-й р. Шибанова А.В.

Кому Ходила в лес 2 августа за грибами

Текст и на кусту прицеплену нашла висящую листовку от своего родного врага. Здасть в отделе милиции своего города. Я же решила написать, что пове- рие нашего города Бронниц! у меня в голове стойит подозрение. Я решила написать вам привезь нарочно в Москву и здасть. Листовку через почт. отдел

Однако в Москве уже знали об этом, ведь 19 июля 1941 г. (в день возвращения в Москву Деканозова) ответственный руководитель ТАСС Хавинсон направил секретарю ЦК Маленкову сообщение агентства Гавас-ОФИ о пленении сына Сталина. Из этого следует, что первое документально зафиксированное сообщение ТАСС руководству страны о

пленении Якова Джугашвили появилось в тот же самый день, когда он написал записку отцу, а Деканозов доставил ее в Москву, а не 7 августа, когда Жданов передал Сталину немецкую листовку о пленении сына, как считалось до сих пор. Истинная дата первого сообщения о пленении явно скрывалась.

Значит, не в августе, а в июле, именно в тот самый день, когда Яков написал записку отцу, французское агентство Гавас (находившееся на оккупированной немцами территории) впервые сообщило о его пленении. Весьма знаменательно, что почему-то первой это сделала не немецкая пресса. Из этого следует, что 19 июля 1941 г. немцы развернули пропагандистскую кампанию по поводу пленения сына советского вождя, однако начали ее якобы с утечки информации об этом через Францию.

20. VII.

Секретно 74

СССР
ТЕЛЕГРАФНОЕ АГЕНТСТВО
Союза Советских
Социалистических Республик

ТАСС

Секретный отдел.
19 июля 1941 г.

№ 785с

Москва, Тверской бульвар, 10
Телефон №

Тов. МАЛЕНКОВУ Г.М.

Направляю Вам для сведения
материал: "Сообщение агентства
Гавас-ОФИ о сыне Сталина".

Ответственный руководитель
ТАСС (Я. Хавинсон)

отп. 2 экз.
1 - адресату
1 - в дело
зб.

Первое секретное сообщение ТАСС руководству страны о пленении сына Сталина (РГАСПИ. ф. 558. оп. 11. д. 1554. л. 74). Дата «20.VII.», проставленная секретарем Сталина Поскребышевым, скорее всего, указывает, когда с этим документом был ознакомлен его шеф.

СООБЩЕНИЕ АГЕНТСТВА ГАВАС-ООН О СЫНЕ СТАЛИНА

ДС.пр.Н. 6170, 19 июля (ТАСС). Агентство Гавас-ООН
 передает из Будапешта:

"Сын Сталина, лейтенант пехотных войск, взят немцами
 в плен".

Первое сообщение в мировой печати о пленении Я. Джугашвили. Ошибочно указаны его звание и род войск, не указаны имя и фамилия (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1554. Л. 75)

Вполне возможно, что причиной этому могло быть наличие в условиях обмена советской колонии в Германии на немецкие посольство и консульства в СССР пункта о непубликации факта попадания в плен сына Сталина. Серьезный намек на это дает и неправильно указанное в сообщении Гавас его воинское звание, а также род войск (хотя 18 июля уже состоялся его допрос, на котором он ответил на 150 вопросов, причем сообщил все данные о своей службе в Красной Армии, ставшие впоследствии советской и российской официальной версией)^[125] и отсутствие имени и настоящей фамилии сына советского вождя. Если учесть приписку в немецких листовках о передаче письма Якова Джугашвили отцу «дипломатическим путем», а также сообщение в «Правде» о прибытии Деканозова в Москву в тот же день, то вполне можно предположить, что именно с последним и было передано это письмо.

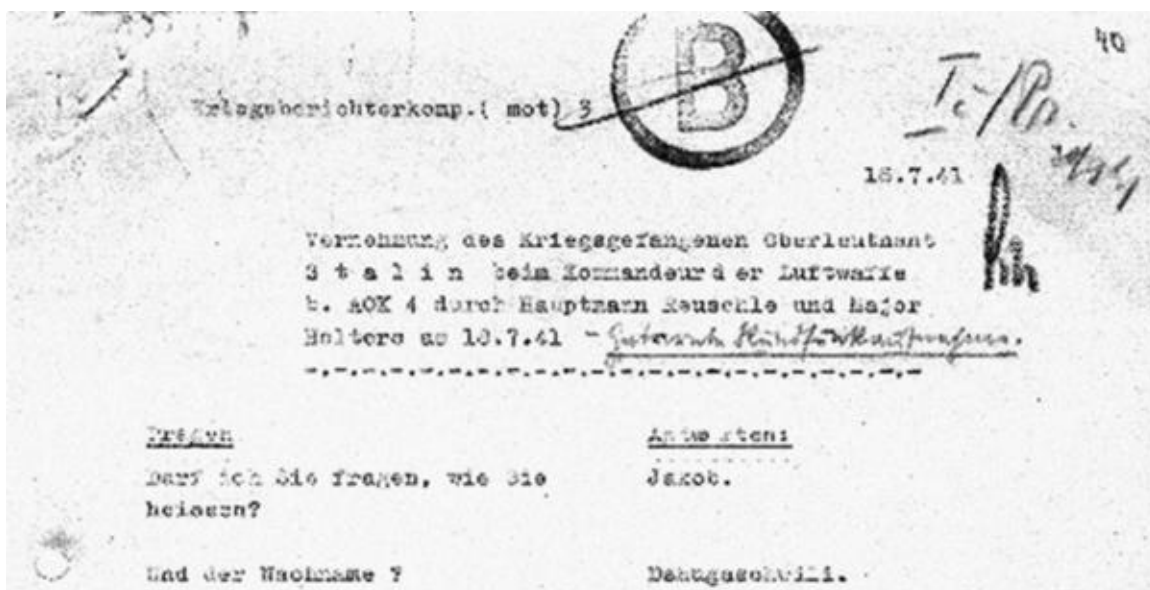
Значит, скорее всего, именно поэтому дата обмена и была засекречена, поскольку она, во-первых, подтверждает факт написания этого письма Яковом (ведь некоторые историки и исследователи до сего дня утверждают, что записка Якова отцу – фальшивка, правда, не очень понятно, чья и

зачем), а во-вторых, эта дата выявляет путь и время ее доставки адресату.

Подлинность записки Якова Джугашвили подтверждает и то, что первое сообщение берлинского радио о пленении сына Сталина было передано в 12.30 по московскому времени 22 июля 1941 г., через два дня после получения Сталиным весточки от сына и через семь часов после окончания первой бомбежки Москвы, которая велась всю ночь на 22 июля. Очевидно, что оба эти события могли произойти только после обмена – ведь сообщение о пленении Якова могло прервать переговоры об обмене даже через посредников, а бомбардировку Москвы немцы могли начать лишь тогда, когда она уже не ставила под угрозу жизнь сотрудников немецкого посольства (то есть когда обмен состоялся).

Мне кажется, что причиной семи-восьмидневной задержки обмена была необходимость решить до момента его осуществления вопрос о судьбе старшего сына Сталина. По моему предположению, изложенному в книге «Великая тайна Великой Отечественной. Ключи к разгадке», Яков Джугашвили не сдался в плен и не был захвачен в бессознательном состоянии 16 июля, а был интернирован утром 22 июня 1941 г. в поезде, в котором пересек советско-германскую границу 20–21 июня, либо направляясь в служебную командировку, либо в составе советских войск, перебрасываемых согласно договоренности Сталина и Гитлера к Ла-Маншу. Не исключено, что он находился там под чужим именем, поэтому, разыскивая его, советская сторона потребовала передать ей, помимо дипломатов, всех советских граждан, командированных в Германию. И она добилась этого (за исключением экипажей задержанных в Германии советских судов, о которых И. Бунич написал, что они специально были посланы в Германию, так как Гитлеру очень не хватало тоннажа для операции «Морской лев»^[126]). Однако не исключено, что именно эта настойчивость и насторожила немецкие спецслужбы, дав возможность опознать старшего сына советского вождя.

По неизвестной причине на большинстве первых снимков, сделанных в плену, Яков Джугашвили окружен офицерами и унтер-офицерами люфтваффе. А его первый допрос почему-то проводился 18 июля 1941 г. в штабе авиации 4-й Армии, хотя в первом сообщении берлинского радио о его пленении сообщалось, что он был «солдатами захвачен в плен у Сеймо^[127] к востоку от Витебска...» Причина, возможно, заключалась в том, что Якова надо было срочно доставить самолетом в Свиленград в день обмена – для предъявления его бывшему советскому послу в Берлине и замнаркома иностранных дел СССР Деканозову.

Фрагмент первой страницы протокола допроса Я. Джугашвили от 18 июля 1941 г., из которого следует, что он проводился у командующего авиацией 4-й армии капитаном Ройшле и майором Холтерсом. Этот фрагмент неоднократно публиковался. Вот его дословный перевод (он был приложен к тексту):

«3 мотострелковая рота военных корреспондентов. 18.7.41

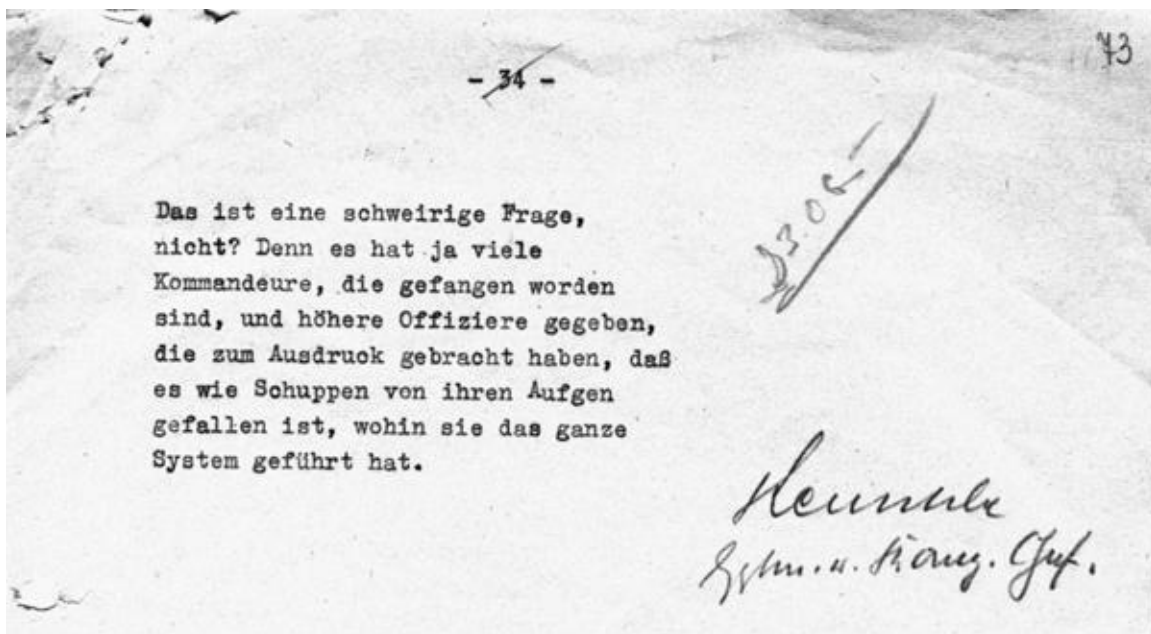
Допрос военнопленного старшего лейтенанта Сталина у командующего авиацией 4-й армии. Допросили капитан Реушле и майор Гольтерс 18.7.41 г. – Передано кодом по радио.

– Разрешите узнать Ваше имя? – Яков.

– А фамилия? – Джугашвили...»

(РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1554. Л. 40)

Последнюю же страницу этого 33-страничного отчета не публиковали ни разу. Вот она:

А вот последняя страница перевода, прилагавшегося к немецкому тексту протокола:

«Не правда ли, трудный вопрос? Многие командиры, которые были взяты в плен, в том числе и высшие офицеры, говорили, что у них как бы завеса упала с глаз и они теперь видят, куда вела их вся система.

Капитан Реушле.

Верно: Френкина».

(РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1554. Л. 73)

Конечно, у таких признаний было мало шансов быть опубликованными в СССР. Мне, однако, кажется, что главной причиной был не сам текст, а сделанная над подписью капитана Ройшле наискосок красным карандашом и им же подчеркнутая пометка: «23.06.». Полагаю, что пометка эта указывает истинную дату допроса Якова Джугашвили – 23 июня 1941 г. И сделана она была отнюдь не в момент подписания протокола, а значительно позже, возможно когда Яков уже погиб, для точной датировки этого допроса как реального события, а не легенды, которой оно прикрывалось (сработала немецкая педантичность!).

А летом 1941 г. немцы готовились к тому, чтобы развернуть вокруг пленения Якова Джугашвили крупнейшую пропагандистскую кампанию, и понимали, что советские спецслужбы и пропаганда сделают все, чтобы доказать, что все заявления и публикации фашистов о пленении сына

советского вождя – фальшивка. Потому наверняка и снимали его на киноплёнку^[128] и записывали его допросы на магнитофон. Можно даже предположить, что Якова привезли к поезду, в котором везли советских дипломатов, и показали Деканозову. Не потому ли составы стояли больше недели на границе, что советская сторона требовала подвезти недостающих советских представителей, имея в виду в первую очередь Якова Джугашвили, возможно под чужой фамилией? Перед этой встречей немцы могли сообщить Якову о выявлении его истинного имени и решении исключить его из обмена и предложили тут же написать записку отцу и передать из рук в руки Деканозову. Причем все это могло быть заснято несколькими кинокамерами и одну из плёнок в непроявленном виде в запечатанной коробке могли вручить Деканозову для передачи Сталину.

Если все так и было, то можно предположить, почему на большинстве фото, сделанных летом 1941 г., Яков окружен немцами в форме люфтваффе, а не танкистами. Здесь возможны два варианта. Первый – если немецкие спецслужбы с самого начала знали, что красивый грузин-инженер – это старший сын Сталина (либо узнали об этом 22 июня, прочитав адрес его неотправленной открытки при задержании). Как могли при этом выглядеть их действия, мною подробно описано в книге «Ключи к разгадке» [62. С. 327–407]. Второй – если до 16 июля никто в Германии понятия не имел о том, что грузинский инженер в военной (а скорее в гражданской) форме – сын советского вождя. К поезду с советским посольством и другими советскими гражданами, стоящему у Свиленграда, доставляли все новых людей, пока наконец где-то в Германии среди задержанных советских людей не опознали Якова.

Его приказали срочно доставить к поезду в Болгарии, для чего сначала перебросили самолетом на захваченную немцами территорию СССР и выбрали (возможно, даже согласовали с советскими «компетентными органами») легенду его попадания в плен, так как обе стороны были заинтересованы в сокрытии правды о реальном участии Якова в совместной транспортной операции. Какое-то время ушло на его экипировку и согласование вопросов с высшим руководством рейха. В это время он находился на аэродромах, поэтому на фото всегда окружен немцами в летной форме, и это косвенно подтверждает, что не танкисты генерала Шмидта, как писали об этом немецкие газеты, взяли Якова в плен.

Есть еще одно важнейшее событие начала Великой Отечественной войны, произошедшее в роковой день 19 июля 1941 г., – в тот день Сталин был назначен (а фактически сам себя назначил) наркомом обороны. Причинно-следственные связи этих событий весьма сложны, но понятны.

Интересно установить их последовательность: Сталин решил взять всю полноту власти на себя, получив записку Якова и осознав, что оказался «на крючке» у Гитлера, или Гитлер, узнав о таком его решении, нанес ответный удар – объявил, что сын советского вождя и наркома обороны сдался в плен, значит, сопротивление бессмысленно?[\[129\]](#)

На первых фото пребывания Якова Джугашвили в плену он почему-то все время окружен офицерами и унтер-офицерами в форме люфтваффе.

22 июля 1941 г. Хавинсон на бланке ТАСС пишет Сталину письмо

№ 788с: «Направляю для сведения материал “Фашистский бред” и клеветническое сообщение Германского информационного бюро» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1554. Л. 77). К нему приложены два документа. Первый – сообщения из Берлина от 21 июля с комментариями по поводу назначения Сталина наркомом обороны (Там же). Второй – сообщение Германского информационного бюро от 22 июля, где впервые названа артиллерийская часть, в которой якобы служил Яков Сталин (14-й гаубичный полк 14-й танковой дивизии), и назван другой населенный пункт, возле которого он был взят в плен – Лиозно. Именно так будут потом излагать пленение сына Сталина советские, а затем и российские историки. В том же письме указывается, что первый допрос Якова состоялся в штабе генерала Шмидта (Там же. Л. 79).

25 июля Хавинсон посылает Сталину для ознакомления отклики на сообщения о пленении Якова под заголовком «Гнусные измышления Германского информационного бюро». Среди них стоит отметить такие: «Сталин окончательно разоблачен собственным сыном». «Дело Якова Сталина превращается в дело Иосифа Сталина». «Советы утверждают, что они якобы захватили в плен генерала Шмидта» (Там же. Л. 80–82).

Как договаривались об обмене посольств в Москве (по не публиковавшимся ранее в широкой печати документам АВП РФ)

Вопрос об обмене сотрудников советского и германского посольств возник 22 июня 1941 г. в начавшейся в 5.30 утра беседе Молотова с послом Шуленбургом, который вручил ему ноту германского правительства о «принятии военных контрмер», а фактически – о начале войны против СССР. Шуленбурга сопровождал его советник и переводчик Хильгер, с советской стороны присутствовал сотрудник НКВД Гостев, сделавший запись этой беседы. Вот ее полный текст в части, касающейся выезда посольств:

«Шуленбург говорит, что он ничего не может добавить к имеющимся у него инструкциям. Он, Шуленбург, не имеет инструкций по поводу техники эвакуации сотрудников посольства и представителей различных германских фирм и учреждений. Посол просит разрешить эвакуировать германских граждан из СССР через Иран. Выезд через западную границу невозможен, так как Румыния и Финляндия совместно с Германией тоже должны выступить. Шуленбург просит к проведению эвакуации германских граждан отнестись возможно лояльнее и заверяет, что сотрудники советского посольства и советских учреждений в Германии встретят со стороны германского правительства самое лояльное отношение по части эвакуации, и просит сообщить, какое лицо будет выделено по осуществлению техники этого дела.

Тов. Молотов заявляет Шуленбургу, что поскольку к сотрудникам советского посольства и советских учреждений в Германии будет проявлено лояльное отношение, на что т. Молотов надеется, то и в части германских граждан будет проявлено такое же отношение. Для осуществления эвакуации т. Молотов обещает выделить соответствующее лицо» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 1. Д. 5. Л. 12–14).

В тот же день Шуленбург пишет письмо на имя наркома иностранных дел Молотова, которое почему-то рассматривает замнаркома Вышинский (то ли выполняя поручение Молотова, то ли исполняя в тот день обязанности наркома иностранных дел, если Молотов исполнял

обязанности Председателя Совнаркома). В этом письме впервые ставится вопрос о выезде из СССР германских дипломатов, представителей и граждан. Ни о каком обмене даже не упоминается. Шуленбург просит разрешения на выезд всех сотрудников посольства и германских консульств в Ленинграде, Таллине, Риге, Батуми и Владивостоке, а также представителей германской прессы и фирм, включая обслуживающий персонал и членов семей и всех германских граждан, оказавшихся на территории СССР. Он предлагает выезд через Баку в Иран и просит предоставить для этого «специальный поезд, состоящий из 6-ти спальных мягких вагонов и 2-х багажных вагонов» (АВП РФ. Ф. 82. Оп. 25. Пор. № 35. П. 89. Л. 3–4).

DER DEUTSCHE BOTSCHAFTER

ГЕРМАНСКИЙ ПОСОЛ

MOSKAU, DEN 22 июня 1941.

Господин Народный Комиссар!

Ввиду создавшегося положения я имею честь по поручению своего Правительства обратиться к Вам с просьбой сделать распоряжение, чтобы были приняты все необходимые меры для обеспечения отъезда персонала Германского Посольства, Германских Генеральных Консульств, представителей германской прессы и германских фирм, германских граждан, находящихся в СССР по поручению германских органов, членов семейств всех вышеуказанных лиц и германского обслуживающего персонала согласно прилагаемого списка.

Кроме того, я прошу Вас поименованным в прилагаемом списке лицам, находящимся в Ленинграде, Таллине и Риге, предоставить возможность немедленно соединиться с персоналом Германского Посольства в Москве.

Членам Германского Генерального Консульства в Батуми я прошу разрешить немедленный выезд через Баку в Иран.

Членам Германского Генерального Консульства во Владивостоке я прошу разрешить немедленный выезд в Японию.

С лицами, перечисленными поименно в приложении, я намереваюсь выехать через Баку в Иран. Я прошу Вас для этой

Народному Комиссару Иностранных Дел СССР

Г-ну В.М. Молотову

Москва

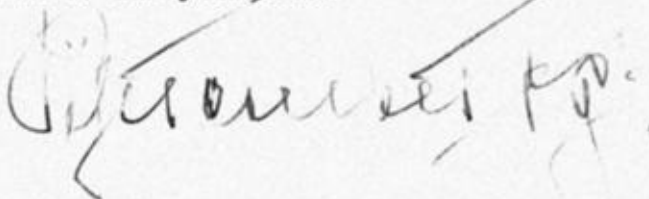
этой цели предоставить специальный поезд, состоящий из 6-ти спальных мягких вагонов и 2-х багажных вагонов.

Архив Посольства и частный багаж от'езжающих сконцентрирован в здании Посольства по ул.Станиславского дом № 10 для проведения таможенных формальностей.

Далее я прошу Вас сделать необходимое распоряжение для обеспечения перевозки архивов, багажа и от'езжающих лиц из здания Посольства на вокзал.

Я был бы Вам признателен за обозначение сотрудника Народного Комиссариата Иностранных Дел, с которым Посольству следует вести переговоры об урегулировании практического осуществления вышеупомянутых мероприятий.

Примите, Господин Народный Комиссар, уверение в совершеннейшем к Вам уважении.

Письмо посла Германии в Москве графа фон Шуленбурга наркому иностранных дел В. М. Молотову от 22 июня 1941 г.

Пока неизвестно, в какой форме и как был дан ответ Шуленбургу на это его письмо, однако на следующий день, 23 июня, заведующий Центрально-Европейским отделом НКВД Павлов встретился с Шуленбургом и его советником Вальтером в здании германского посольства (скорее всего, уже взятом под охрану НКВД). Его провели в кабинет теперь уже бывшего посла, где тот, кратко выразив свои сожаления по поводу начавшихся событий, предоставил слово Вальтеру, который неделю назад был в командировке в Берлине. В своем официальном дневнике Павлов пишет об этом так:

«В Берлине в беседе с одним чиновником протокольного отдела министерства иностранных дел он, Вальтер, получил заверение, что если что-нибудь случится, то к персоналу советского посольства и торгпредства будет проявлено самое благожелательное отношение. Персонал посольства и торгпредства будет размещен в специально отведенном хорошем отеле Берлина. Будут приняты меры к обеспечению выезда в СССР всего состава торгпредства и посольства в количестве 325 человек. Будет разрешено также выехать соответствующему количеству советских приемщиков, которых насчитывается в настоящее время 700 человек. Я спросил Вальтера, что значит “соответствующее”? Он ответил, что вообще в международной практике не принято, в случае состояния войны между двумя странами, передавать другой стороне всех ее граждан. Обычно эвакуация ограничивается рамками посольства и консульств. В этот момент в разговор вмешался Шуленбург и заявил, что в данном случае речь идет о приемщиках – советских гражданах, которые были командированы в Германию и которых нельзя считать частными лицами. Он, Шуленбург, будет ходатайствовать о выезде из Германии всех находящихся там приемщиков. Я заметил, что приемщики – это те же сотрудники торгпредства и, следовательно, они также подлежат эвакуации. Вальтер начал говорить, что это небольшой вопрос. Он уверен, что все приемщики, вероятно, будут выпущены (почему-то выезду приемщиков уделено особое внимание, о выезде экипажей советских судов, например, даже не упоминается).

Германское посольство в свою очередь просит о том, чтобы было разрешено выехать в Германию 70 германским гражданам, представителям германских фирм, находящимся в Ленинграде; 30 германским гражданам, транзитным пассажирам, которые были задержаны вчера на Ярославском вокзале; 32 германским гражданам, которые находятся в пути в транссибирском экспрессе, и еще некоторым германским гражданам. Шуленбург подтвердил еще раз, что он будет ходатайствовать, чтобы в обмен на 150–160 указанных Вальтером германских граждан были выпущены все 700 человек советских приемщиков. Далее Шуленбург спросил, куда предположено выпроводить германское посольство, и сказал, что “советское посольство и торгпредство будут, очевидно, доставлены на турецкую границу”. Шуленбург заявил, что важно согласовать время прибытия на границу советского и германского посольства.

Я ответил, что я не знаю порядка выезда посольств. Шуленбург спросил, имеем ли мы связь с нашим посольством в Берлине. Я ответил

отрицательно. Шуленбург сказал, что, как мне известно, они здесь в Москве тоже не имеют связи с Берлином. Затем Вальтер заявил, что сейчас печатаются списки тех лиц, о выезде которых ходатайствует посольство. Эти списки он передаст через охрану в НКВД... Вальтер подчеркнул, что в списках указаны только те лица, которые по германскому праву считаются германскими гражданами... Шуленбург просил назначить представителей НКВД и НКВД, которые могли бы сопровождать персонал германского посольства в пути следования. Желательно было бы, чтобы эти люди имели достаточно высокий ранг. В этом случае для сопровождения Советского посольства и торгпредства в пути будут также назначены соответствующие чины от министерства иностранных дел и гестапо...

Я ответил, что все эти пожелания посольства будут рассмотрены благожелательно и с должным вниманием. В свою очередь мы надеемся на подобное же отношение со стороны германского правительства к нашей колонии в Германии.

Вальтер и Шуленбург поблагодарили меня и заверили, что в Берлине будет обеспечено самое благожелательное отношение к нашей колонии. Далее Шуленбург сказал, что, по указанию Берлина, он должен был передать защиту германских интересов в СССР болгарскому посланнику, но тот не является, возможно, потому, что Болгария порвала отношения с СССР, о чем он, Шуленбург, не знает^[130]. Поэтому Шуленбург принял решение передать заботу о зданиях посольства, а также различные другие поручения иранскому посольству в Москве. Для этой цели Шуленбург просил разрешить иранскому послу в Москве посетить германское посольство.

Я ответил Шуленбургу, что эту просьбу я доложу тов. Вышинскому.

В заключение беседы Шуленбург просил передать самые добрые пожелания тов. Молотову В. М., заявил, что он не повинен в событиях настоящего времени. Прощаясь, Шуленбург прослезился.

Следует отметить, что все сотрудники германского посольства, с которыми я виделся в момент посещения посольства, в том числе Шуленбург и Вальтер, производили впечатление подавленных и испуганных людей.

При беседе присутствовал сотрудник НКГБ т. Космаков» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 13. Д. 148. Л. 121–125).

А вот еще один архивный документ – отчет заведующего Центрально-Европейским отделом Павлова заместителю наркома Лозовскому о выполнении намеченного плана вывоза германских посольства, консульств,

представительств и всех немецких граждан из Москвы.

«Тов. Лозовскому С. А.

Справка об эвакуации персонала быв. германского посольства в Москве.

1) Сотрудники германского посольства были интернированы 23 июня во второй половине дня и были заранее об этом предупреждены.

2) 24 июня германская колония в Москве была отправлена из Москвы в окрестности Костромы. Персонал посольства и прочие германские граждане были размещены в доме отдыха Костромского Льнокомбината, одном из лучших домов отдыха в г. Костроме. Им было предоставлено 3 двухэтажных дома, кухня с обслуживающим персоналом, питание по нормам дома отдыха. Дом отдыха был обнесен досчатым забором с парой ниток колючей проволоки наверху, и были приняты соответствующие меры к охране персонала быв. германского посольства. Во время пребывания немцев в г. Костроме для медобслуживания был прикреплен врач – заведующий поликлиникой НКВД в г. Костроме. Врач производил ежедневный обход и, кроме того, его можно было вызвать, в случае необходимости, в любое время.

3) 28 июля^[131] немцам сообщили о том, что они будут доставлены в Ленинанкан. Перевозка немцев из Костромы в г. Ленинанкан осуществлялась в поезде, состоявшем из одного международного, одного мягкого и 3 жестких чистых хороших вагонов. Были предоставлены постельные принадлежности. В пути от Костромы до Москвы немцев кормили за государственный счет, а от Москвы до Ленинанкана они приобретали продукты за свой счет. Продукты как по ассортименту, так и по количеству предоставлялись в полном соответствии с заявками Шуленбурга, Хильгера и Вальтера. Распределение полученных от обслуживающего персонала по этим заявкам продуктов производили Шуленбург, Вальтер и Хильгер. Кроме того, утром, в обед и вечером из вагона-буфета по вагонам подавались холодные закуски, также в неограниченном количестве.

4) Всекие прогулки на стоянках были невозможны, так как

поезд стоял на станциях только 3–4 минуты.

5) В Ленинакане для немцев был организован горячий обед. Жалоб на обед не было, наоборот, были получены лишь похвальные отзывы.

6) Шуленбург ежедневно получал советские газеты.

7) В Ленинакане в распоряжение немцев были предоставлены 3 врача-специалиста, которые производили ежедневный обход эшелона.

8) Следует отметить, что немцам была предоставлена возможность взять с собой личный багаж в неограниченном количестве. Кроме 300 чемоданов личного багажа, были погружены в 2 пульмановских вагона и прочие вещи, в количестве 470 мест, принадлежавшие сотрудникам быв. германского посольства. Таким образом, весь персонал посольства прибыл в Германию со всеми принадлежавшими ему вещами.

9) В пути следования от Ленинакана до Москвы^[132] Шуленбург и остальные немецкие дипломаты никаких претензий не заявляли. В Ленинакане Шуленбург, Типпельскирх и Кестринг выразили благодарность за проявленное к ним отношение.

исх. № 75-ЦЕ

27/VII-41 г.

(Павлов)»

(АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 13. Д. 148. Л. 121–125).

Описание этих же событий с точки зрения немецкой стороны (дневник германского посольства с 22 июня по 24 июля) приведено (с купюрами) в ранее упоминавшейся книге Кегеля («чудом сохранился!»). Вот отрывки из этого дневника:

«[22 июня] 5.25 утра. Граф фон дер Шуленбург вместе с Хильгером отправляется в Кремль, чтобы исполнить последнее поручение... Тем временем советник фон Вальтер разбудил болгарского посланника и попросил его приехать в посольство... 6.10 утра. Возвратился посол. Молотов принял переданное ему сообщение. О начале военных действий ему, конечно, было известно... Тем временем приехал болгарский посланник. Его подробно знакомят с поручением выполнять обязанности

представителя интересов Германии... Телефон все еще работает. Выходы из посольства еще не перекрыты, можно беспрепятственно передвигаться по городу... 13 часов. Вальтер поехал на вокзал, чтобы встретить прибывающих с сибирским экспрессом германских граждан. К сожалению, уже поздно, перрон оцеплен, 30 человек арестовано. 19 часов... в канцелярии посольства собралось не менее 118 человек. Никому не разрешается выходить из посольства...

23 июня, 0.30. Неожиданно раздается звонок. Дежурный работник НКВД требует список всех, кто находится в здании посольства... 20.45. Секретариат посольства заканчивает работу; все пишут списки, которые наконец передаются властям...

24 июня... 19.00. Прибыл майор из Народного комиссариата внутренних дел ^[133] и сообщает послу, что в 20.00 к посольству подойдут автомашины за людьми. Имеется в виду отвезти их в Кострому на Волге и разместить в доме отдыха... 20.00. Начинается погрузка багажа. Каждый берет с собой самые необходимые вещи... В больших легковых автомобилях Народного комиссариата внутренних дел сотрудники посольства под сильной охраной едут через весь город к Ярославскому вокзалу... 21 час. На Ярославском вокзале, откуда отправляются поезда на Восток, нас ожидает небольшой специальный состав с неудобными зелеными пассажирскими вагонами... Для посла и сопровождающих его лиц приготовлен мягкий вагон, однако без белья и иных удобств. Остальные размещаются на голых деревянных лавках... Очевидно, считают, что нам не нужно не только белье, но и еда и питье. Поезд затемнен, т. е. свет не горит.

25 июня, 11.00. Прибыли в Ярославль. Из слов начальника поезда, майора ГПУ, следует, что дальше мы пока не поедem, поскольку должны пропустить несколько эшелонов с важными грузами. 20.00. Мы все еще стоим в открытом поле недалеко от Ярославля. Наконец-то наша охрана сообразовала накормить нас. Раздают хлеб и колбасу, разносят в ведрах чай...

26 июня, 3.00. Неожиданно поезд трогается... неторопливо, примерно еще три часа катится по русской равнине. 6.00. Остановка у временной платформы. Станция, судя по всему, находится лишь в стадии строительства. Вдали виднеются два больших деревянных дома и красная кирпичная водонапорная башня. Все это похоже на дом отдыха. У железнодорожного

полотна стоят легковые автомобили и автобусы. Легковые автомобили предусмотрены для посла, посланника фон Типпельскирха, советника Хильгера и его жены. Багаж кладут в грузовики... Недолго идем пешком, затем первый, потом второй деревянный забор с колючей проволокой.

28 июня. Перед завтраком кое-кто выходит на зарядку. Во время завтрака узнаем приятную новость: открывается магазин, в котором можно купить мыло, сигареты, спички и т. д. ... 22.45. Слышен шум моторов, открываются ворота, и из автомашин выходят приехавшие из Ленинграда...

29 июня. Посол обращается к коменданту с просьбой сообщить через свое руководство болгарскому посланнику в Москве о прибытии немецких сотрудников из Ленинграда и потребовать ускорения перевода в лагерь сотрудников консульств в Риге и Таллине...

1 июля, 9.00. Майор объявляет, что в 10 часов мы трогаемся в путь... первая цель нашего путешествия – опять Москва, где посла посетит посланник Болгарии...

2 июля. Прибыли в Москву, на Курский вокзал. 6.00. Прибыл болгарский посланник Стаменов... Его сопровождает заведующий отделом Наркомата иностранных дел Васюков (зав. отделом прибалтийских стран. – А. О.), который поедет с нами дальше... Болгарин сообщает, что мы едем в Ленинанкан, где 5 июля в 18.00 должен состояться обмен... 9.00. Поезд трогается в южном направлении. Мы начинаем понемногу устраиваться, готовясь к долгому путешествию... В одной из бесед майор сообщает, что в Москве к поезду прицепили еще два вагона с немцами. Об этом ни Стаменов, ни Васюков не обмолвились ни словом. Переход в эти вагоны строжайше запрещен. По обе стороны наших вагонов стоят вооруженные работники ГПУ; кроме того, еще один работник находится в коридоре... В прицепленных вагонах оказались транзитники и технический персонал посольства, который нам пришлось оставить в Москве.

3 июля, 3.00. Прибыли в Харьков. Полное затемнение. Во время стоянки у вокзала у всех открытых дверей – часовые с примкнутыми штыками. Под гимнастерками заметны кобуры с револьверами... Поезд в полной темноте отправляется дальше. 6.30. Рассвело... Проходя по вагонам, Вальтер заметил, что к поезду прицеплен вагон-ресторан, в котором находится около 40

сопровождавших нас сотрудников ГПУ... 16.00. Поезд прибыл к Азовскому морю...

10 июля, 10.00. Ленинанкан...» [39. Гл. «Старый дневник»].

Здесь необходимо прервать цитирование посольского дневника и привести еще один документ, обнаруженный мной в АВП РФ. Эту телеграмму представителю НКВД СССР в эшелоне германского посольства Васюкову послал в Ленинанкан генеральный секретарь НКВД СССР Соболев. А фактически это телеграмма бывшему послу Германии Шуленбургу от болгарского посланника Стаменова, представляющего в Москве интересы Германии:

«Телеграмма. Ленинанкан Уполномоченному НКВД Васюкову. Передайте Шуленбургу: "...Правительство Германии представило поименные списки, в которых фигурируют 134 германских подданных... сейчас идет проверка этих списков. Некоторые из германских подданных не фигурируют в списках Правительства Союза СССР.

Правительство Союза СССР утверждает, что по спискам, получаемым от посла Деканозова, советской группе не хватает 99 человек, т. е. в нее не включены 99 человек из находящихся в Германии советских граждан. Согласно последнему предложению Правительства СССР германская группа будет эвакуирована через Ленинанкан, германское консульство во Владивостоке в составе четырех человек через станцию Пограничная на советско-манчжурской границе и другие два транзитных пассажира через Артык на советско-иранской границе. Так как турецкое правительство указало, что не может транспортировать свыше трехсот человек в день, то правительство Союза ССР сделало предложение начать эвакуацию сегодня или завтра одиннадцатого июля с тем, чтобы германская и советская группы, прибывшие уже на границу, были эвакуированы в течение трех дней в порядке эвакуации примерно одной трети состава каждой группы.

Ответ на это предложение мною еще не получен. Болгарский посланник Стаменов»^[134].

Отправитель: Народный Комиссариат Иностранных Дел.
10 июля 1941 г. п/п (Соболев)»

(АВП РФ. Ф. 82. Оп. 25. П. 35. Д. 89. Л. 76–77).

А теперь продолжим прерванный текст посольского дневника:

«...10 июля, 10.00. Ленинакан. Васюков сообщает нам, что в советском посольстве в Берлине недосчитывают 99 человек (это он прочитал вышеприведенную телеграмму, в которой указано, что пока немцы не согласятся передать еще 99 советских граждан, среди которых, возможно, должен быть и Яков Джугашвили, никакого обмена не будет. – А. О.). Васюков чрезвычайно раздражен. Надежды на скорый выезд из Советского Союза убывают... 11.00. К стоящему на соседнем пути поезду подходит группа людей. Среди них есть незнакомые нам иностранцы. Ведение переговоров об обмене поручено турку Шемзадину, который в 1936 году был секретарем посольства Турции в Москве. Посла приглашают в вагон-ресторан на переговоры. Возвратившись, он сообщает, что должен написать декларацию – заявление о своей готовности выехать за границу – и передать список всех лиц, которые будут его сопровождать. 12.30. Декларация и список готовы. Забрав его, турок уезжает. 13.00. Советский майор предлагает всем, кто имеет дипломатические паспорта, дающие право на выезд без проверки, забрать свои вещи из багажного вагона. Это уже первые серьезные признаки подготовки к отъезду...

12 июля, 23.00. Ламле, который предъявляет на таможне последний багаж, сообщают, что досмотр заканчивается, поскольку для этого больше нет времени. Багаж пропускают без контроля. Неужели мы завтра тронемся в путь? ...

13 июля, 9.55. Поезд медленно трогается от вокзала в Ленинакане. Наконец-то! 10.20. Мы прибыли на границу. Стоим и ждем. 12.30. Посла приглашают в вагон-ресторан, где сидят Васюков и сотрудники НКВД. Васюков и турок подготовили протокол о передаче людей. Посол еще раз проходит по вагонам, чтобы проверить, все ли на месте. Протокол подписывается (значит, где-то он есть и его надо искать. – А. О.), затем поезд движется. Через несколько минут Васюков и сотрудники НКВД сходят с поезда. Они идут вдоль вагонов. Мы медленно едем мимо них... (В этом месте в книге Кегеля сделан перерыв до 24 июля. О дате пересечения границы и дате обмена – ни слова.

Абсолютно ничего не сказано о том, что происходило в течение 11 дней. – А. О.)

24 июля. Около 7 часов утра. Мы проехали Линц. Ровно месяц тому назад мы выехали из Москвы. Наступил последний день нашего путешествия... Около 20 часов длинный специальный поезд прибывает к платформе Ангальтского вокзала Берлина...» [39. Гл. «Старый дневник»].

Как вывозили советское посольство, торгпредство и другие представительства СССР из Германии и оккупированных ею стран

Выше уже говорилось о том, что долгие годы об обмене советского посольства в Берлине на немецкое посольство в Москве даже не упоминалось и первым человеком, рассказавшем об этом обмене в трех своих книгах, был В. Бережков. Он довольно подробно изложил все обстоятельства обмена, но не назвал точную дату. Документы же об обмене посольств в отечественной печати не публиковались никогда, возможно, тот, что я привожу ниже (с сокращениями), будет первым.

«Гнусные издевательства немецких властей при эвакуации советской колонии из Германии»

Эвакуация из Германии сотрудников Советской Колонии, вернувшихся к настоящему времени в Москву, сопровождалась неслыханными издевательствами германских властей и агентов Гестапо над советскими гражданами. Вопреки всяким нормам международного права, гестаповцы с первого же дня вероломного нападения Германии на СССР установили наглое, разбойничье отношение к служащим Посольства, Торгпредства, Консульств и других советских органов. Утром 22 июня на основе точно разработанного плана и по прямому указанию германского правительства агенты Гестапо устроили погромы советских учреждений и квартир отдельных наших сотрудников в Берлине, Праге, Кенигсберге и других городах.

Здание Советского Посольства в Берлине рано утром 22 июня было оцеплено отрядом германской полиции. Всякая связь Посольства с внешним миром была прервана, телефоны были выключены. Несколько дней сотрудники Посольства не имели возможности закупать продукты для питания. Лишь после настойчивых требований Советского Посла тов. В. Г. Деканозова германские власти разрешили закупить продукты в одном из берлинских магазинов. В это же утро многие дипломатические

сотрудники Посольства были задержаны и арестованы. Так, например, из сотрудников Посольства были задержаны атташе Фомин, Лавров, помощник военно-морского атташе Смирнов, сотрудники аппарата военного атташе Журвицкий, Баранов, Байбиков и шофер Паранин. Были задержаны и арестованы ряд сотрудников торгпредства, имевшие дипломатические паспорта... Сотрудники торгпредства в Берлине были арестованы утром 22 июня и отвезены в тюрьмы Берлина, а затем в концентрационные лагеря... Советских людей посадили на голодный паек... После завтрака всех заставляли работать по распоряжению начальника лагеря: мыть полы, чистить уборные, носить песок... Сотрудник аппарата военного атташе Баранов, корреспондент ТАСС в Берлине т. Филиппов, сотрудник торгпредства т. Логачев, руководитель отделения “Интуриста” в Берлине т. Шаханов, сотрудники советского консульства в Праге т. Плющев и Анисимов и другие, арестованные и посаженные в тюрьму, подвергались многочисленным пыткам, избиениям и издевательствам. Им устраивали допросы. Под угрозой всевозможных пыток заставляли дать различные показания и когда это не удавалось, с ними жестоко расправлялись... [избивали, заковывали в кандалы].

2 июля Советская Колония была отправлена из Берлина через Чехословакию, Югославию и Болгарию в Турцию... В составе в каждом купе было размещено по 8 – 10 человек. Даже сидеть в пути имели возможность немногие... питали непотребным суррогатом... большинство продуктов [из посольства – 15 ящиков продуктов и 2 ящика вина] было разграблено, и советские граждане их так и не видели. И даже больше того: разграбив советские продукты, гестаповцы потом не гнушались продавать советские папиросы в 10–15 раз дороже. Во время пути охрана поездов установила также полицейский режим. Поезда в ряде мест останавливались на день-два, а иногда и больше, однако лишь в последние дни германская охрана разрешила два раза в день по 15 минут выходить из вагонов. Во время остановок поезда (в г. Ниш, Софии и др.) составы загонялись в тупики в стремлении изолировать сов. граждан от населения, которое как в Чехословакии, Югославии, так и в Болгарии всячески стремилось выразить советским людям свои симпатии. Во время остановки в г. Ниш в связи с тем, что в купе,

где находилось 8 – 10 человек, было совершенно невозможно спать, немецкая охрана решила устроить ночлег в городской тюрьме, где сотрудники Торгпредства были размещены на ночь в грязном здании, в комнатах с трехэтажными нарами. На нарах были постланы тюфяки из соломы, в которых кишели клопы. Простыней и подушек не дали. Грязных солдатских одеял выдали на 700 человек 115 штук. С 9 часов вечера до 7 часов утра никому не разрешалось выходить во двор,

В пути продолжались многочисленные провокации, гестаповцы стремились распространить ложные слухи. Но настроение советских людей оставалось по-прежнему бодрым, несмотря на лишения. Лишь на болгаро-турецкой границе члены Советской Колонии в Германии вздохнули, наконец, свободно, так как, миновав пограничную зону, они больше не видели отвратительных рож гитлеровских бандитов – агентов Гестапо, мародеров и палачей из так называемой “III-ей империи”, именуемой себя “страной культуры”.

Материал составлен на основании записок тт. Зорина, Михина, Фомина, Филиппова, Шестерикова, Кобашвили, Колосовой, рассказов тт. Логачева, Букина, Коптелова, Баранова и других.

Зав. Центрально-Европейским отделом НКВД
(В. Павлов)
Бывший пресс-атташе Советского посольства в Берлине
(И. Лавров)»

(АВП РФ. Ф. 82. Оп. 25. Пор. № 34. П. 89. Л. 1–7).

Дата составления этого документа не указана. Судя по подписям, он был отпечатан и подписан в Москве после возвращения всех советских граждан в августе 1941 г., хотя перечисленные выше записки могли быть написаны гораздо раньше, и даже до совершения обмена. Стоит отметить, что советская колония из Берлина, а также из оккупированных Германией стран вывозилась двумя поездами, условия жизни в которых заметно отличались, так как в одном ехали сотрудники посольства СССР в Берлине, а в другом – все остальные интернированные советские граждане. Вот как описывает это Бережков: «Условия в поезде интернированных были очень

тяжелыми. Люди терпели неудобства, прежде всего из-за страшной скученности. Один мог прилечь только тогда, когда остальные, располагавшиеся на этой же скамейке, стояли. Питание было крайне скудное. Из-за отсутствия теплой одежды многие стужались: временами – особенно при переезде через Альпы – в вагонах было очень холодно... Дипломаты и сотрудники посольства эвакуировались в нормальных условиях. Им был предоставлен специальный поезд из спальных вагонов с мягкими двухместными купе. Наш маршрут шел через Прагу, Вену, Белград, Софию...» [8. С. 84–85].

В каждой из этих столиц в поезд с интернированными советскими людьми подсаживались советские граждане из персонала консульств и других советских представительств, а также командированные в эти страны советские приемщики выполненных заказов. А вот как Бережков описывает условия обмена: «Согласно договоренности, обмен осуществлялся в следующем порядке: советская колония должна была перейти из Болгарии в Турцию, а немецкая – из Советского Закавказья также на турецкую территорию. Это должно было произойти одновременно и под наблюдением посредников. Но когда мы проехали Югославию и были уже на болгарской территории... получили из Берлина указание производить обмен не на болгаро-турецкой, а на югославско-болгарской границе... Болгария не является оккупированной страной, она находится в союзе с Германией. Поэтому, переезжая в Болгарию, советская колония покидает контролируемую рейхом территорию. Поскольку, однако, поезд с германскими представителями, эвакуирующимися из Москвы, еще не прибыл на советско-турецкую границу, оба состава с советскими гражданами не будут следовать дальше. Их возвращают назад, в югославский город Ниш, где они будут находиться в ожидании дальнейших указаний...» [Там же. С. 85].

Даты, по которым можно составить представление о передвижении советской колонии, опять-таки «от Бережкова», ибо других нет: «Выезд советской колонии из Берлина... был назначен на 2 июля... В Нише наш состав загнали на запасной путь... Вскоре мы узнали, что в Ниш прибыл и второй состав с советскими гражданами... За пять дней пути люди еще больше похудели... Простояв в Нише несколько дней, мы, наконец, снова двинулись в путь... к болгарскому пограничному городу Свиленграду. Здесь мы простояли еще два дня... подошел второй состав... уточнили списки, после чего пересекли турецкую границу» [Там же. С. 84–89].

Единственное, за что здесь можно зацепиться при вычислении даты пересечения турецкой границы, так это за слова «уточнили списки»,

поскольку из официального документа (телеграммы Стаменова Шуленбургу, переданной 10 июля через Васюкова в Ленинакан) известно, что эвакуацию советских граждан на турецкую территорию было предложено начать 11 июля и закончить 13 июля. Но советские представители, подписав акт передачи, сошли с поезда с немецким посольством лишь 13 июля, а послы могли пересекать турецкую границу, скорей всего, последними, с последней – третьей партией выезжающих, то есть 16 июля. Но к этому моменту стало известно, что при уточнении списков на границе Деканозов обнаружил нехватку 99 советских граждан, об этом упоминается и в телеграмме Стаменова. Может быть, среди них был и Яков Джугашвили? Или им мог быть единственный упомянутый среди списка интернированных советских граждан-приемщиков грузин: «приемщик, командированный по линии НКВТ» – Какабидзе Георгий Серапионович? Может быть, его вычислили или кто-то выдал? Ведь в истории этого обмена есть еще одно темное пятно – среди интернированных советских граждан оказалось трое неизвестных. Вот что пишет Бережков: «Их никто не знал, но все трое уверяли, что они советские граждане, работали в Германии и теперь возвращаются на родину вместе со всеми. Представитель Вильгельмштрассе тоже уверял, что эти трое прибыли в командировку в Голландию и всегда числились советскими гражданами... При переезде через болгаро-турецкую границу все трое заявили, что они отказываются вернуться в Советский Союз». Возможно, это была провокация немецких спецслужб, или этих людей просто выкрали из поезда, а объявили, что они попросили политического убежища. Тогда имеющиеся договоренности об обмене нарушались бы не Германией, а конкретными людьми, а с этим якобы ничего нельзя было поделать. Якова могли вытащить из советской колонии в последний момент. Ведь о том, кто он был на самом деле, мог знать лишь один человек – Деканозов, владевший грузинским языком и лично с ним знакомый.

Почему-то Бережков чересчур подробно описывает в своей последней книге (1998), как он ехал из Свиленграда до Москвы вместе с бывшим руководством посольства в Берлине – послом Деканозовым, советником посла Семеновым, военным атташе генералом Тупиковым, заместителем резидента НКГБ Коротковым и своей женой Галиной: на автомашине до Стамбула, катером через Босфор, поездом до Анкары, сутки в Анкаре, самолетом до Ленинакана (может быть, это было условие обмена, после чего Шуленбург вылетел в Берлин?), оттуда самолетом в Тбилиси (с ночевкой) и, наконец, рейсом Тбилиси – Москва (с двумя посадками – в Ростове и Куйбышеве). Несмотря на все это, Деканозов на самом деле

прибыл в Москву 19 июля 1941 г., о чем сообщила газета «Правда» 20 июля 1941 г. Это возможно лишь в следующих случаях:

- если обмен и передача Деканозову письма Сталину от сына произошли 19 июля в 6–7 утра, до Стамбула Деканозова доставили на небольшом самолете за 1,5–2 часа, а на стамбульском аэродроме его ждал специальный «Дуглас», который пролетел над Турцией до Анкары, затем, сделав посадки в Тбилиси, Ростове и Куйбышеве, – над СССР и приземлился в конце того же дня в Москве;

- если обмен и передача Деканозову письма произошли в первой половине дня 19 июля. Автомашина доставила его до Стамбула, откуда он связался с Москвой по телефону из советского консульства с Берией или Поскребышевым, передал, что Яков жив, и зачитал текст его письма. Если Яков работал на военном заводе или в закрытом ведомстве, от которого и был командирован в Германию, Деканозов сказал также, что нужно срочно передать точные данные для легендирования его службы в Красной Армии (и уже на следующий день в штаб 20-й Армии из штаба Западного фронта пошло указание: «20 июля 1941 г. Передайте немедленно Командарму 20 Курочкину: Жуков приказал немедленно выяснить и донести в штаб фронта – где находится командир батареи 14-ого гаубичного полка 14-ой танковой дивизии старший лейтенант Джугашвили Яков Иосифович. Маландин» (Сухотин Я. Л. Яков Джугашвили. Сын Сталина // Мужество. 1991. № 5. С. 80). Одновременно Деканозов просил в завтрашних газетах напечатать, что он вернулся в Москву 19 июля. Таковым могло быть условие договоренности по легендированию попадания Якова в плен. После этого он мог добираться до Москвы в течение нескольких дней, как это и описал Бережков;

- если обмен и передача Деканозову письма произошли в любой день после 13 июля, а потом он добирался до Москвы так, как это описано у Бережкова, и прибыл в нее 19 июля. В этом случае публикация в газете «Правда» сообщения о прибытии в Москву Деканозова могла быть условным знаком немцам о передаче Сталину письма от сына. Они же в ответ на это изменили дату на фотокопии этого письма и стали его широко публиковать, подчеркивая, что оно было доставлено дипломатическим путем...

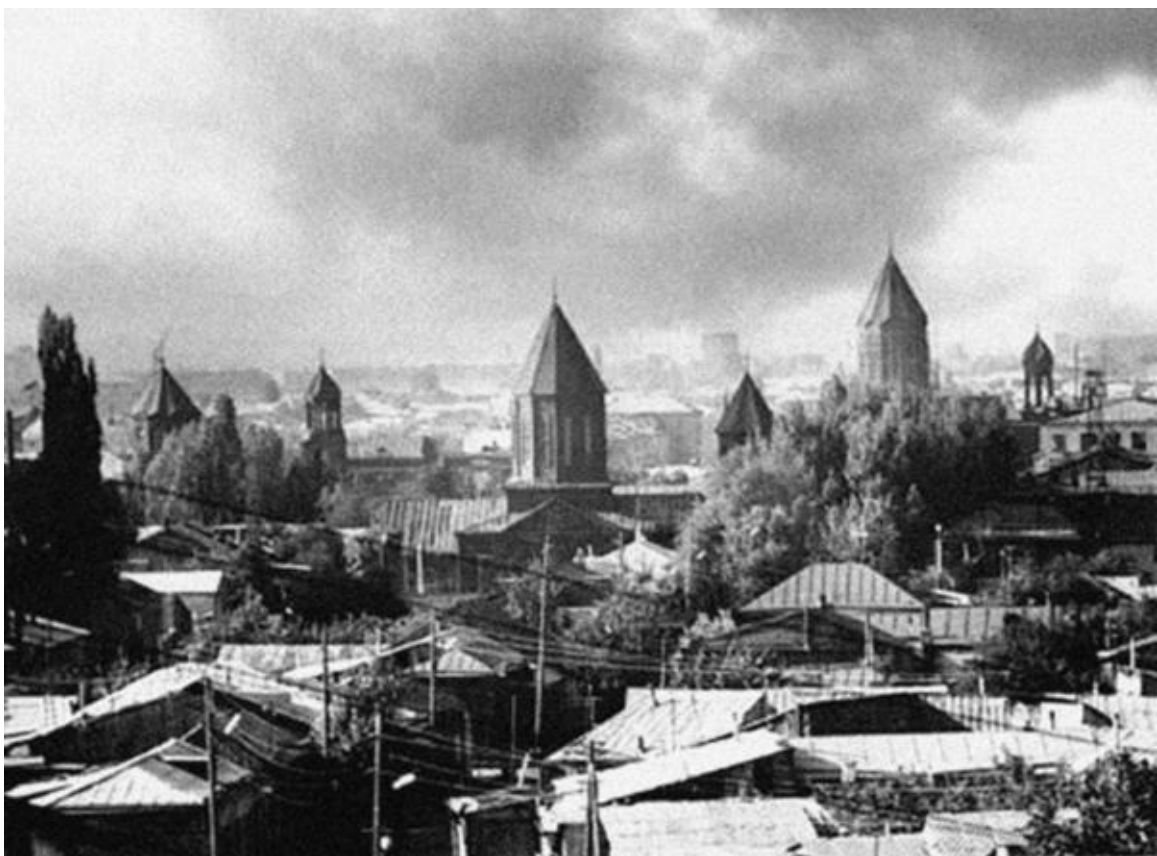
Как бы там ни было, хотя Якова Джугашвили отбить не удалось, но все-таки обмен немецкого посольства на советскую колонию в Германии и оккупированных ею странах состоялся, и в соотношении не 1:1, как требовали немцы, а 8:1, как потребовала советская сторона!

Свиленград

Эдирне

Ленинакан (ныне Гюмри)

Калейдоскоп предвоенного театра абсурда

– 3

Свидетельства, собранные историком М. Д. Рабиновичем

Когда первая книга моей трилогии была уже в типографии, в издательстве «Время» меня познакомили с известными историками братьями Роем и Жоресом Медведевыми. Узнав от руководства издательства о моей гипотезе начала Великой Отечественной войны, они попросили изложить ее суть.

Когда я закончил, первая реакция последовала от Жореса Александровича:

– Никогда англичане не поверят в английскую бомбежку Севастополя!

– Не не поверят, а не признают, – начал было я, но меня перебил Рой Александрович:

– Вот вы сказали, что снаряды и патроны 22-го июня были только у пограничников, они героически сражались в тот день и все погибли...

– Да, а разве не так?

– Так и не так. Пограничником в тот день был дан приказ: на огонь не отвечать.

– И что же, они все его выполнили?

– Не выполнили процентов пятнадцать, но погибли и те и другие.

– И тому есть документальное свидетельство?

– Естественно. В этот день творилось невообразимое. Мне однажды ребята из аппарата ЦК (Рой Александрович в годы перестройки был членом ЦК. – А. О.) показали сильнейший документальный материал по первому дню войны. Когда готовились к празднованию 20-летия Победы, кто-то очень умный из ГлавПУРа отдал приказ, чтобы каждый участник войны, который еще служит в армии, написал отчет за 22 июня 1941 года – где был, что и как – и прислал им.

– И прислали?

– Конечно.

– И много?

– Я читал штук триста.

– И что же там?

– Белиберда, бред сумасшедшего...

Я вспомнил поразивший меня случай из книги «Я это видел» [63. С. 321], который процитировал и в своей, и спросил:

– Что-нибудь типа: «Ночью 22-го июня нас разбудил политрук и с

наганом в руке приказал срывать и сжигать портреты вождей?»

– Вот-вот, почти дословно. Так что, когда эту ахинею увидели в ЦК, они приказали все засекретить и убрать куда подальше.

– Но вы-то успели до этого кое-что для себя скопировать?

– Само собой.

– Рой Александрович, – взмолился я, – пожалуйста, поделитесь, для меня это самый бесценный материал!

– Хорошо, я посмотрю.

После этого мы несколько раз пересекались с Роем Александровичем, и я всегда скромно напоминал о его обещании. Во время одного из наших телефонных разговоров он сказал, что ошибся, что у него оказался не тот материал, о котором он мне рассказывал, но этот материал существует и в ближайшее время будет у него на руках. Когда я потерял уже всяческую надежду, из издательства сообщили, что к ним привезли пакет от Медведева для меня. Я сразу же поблагодарил Роя Александровича за царский подарок. «Не стоит благодарности, – ответил он, – у меня до него руки не доходят, а вам это будет кстати. Правда, главпуровский материал я не нашел, но этот вам тоже будет интересен. Публикуйте его, как сочтете нужным». К этому моменту он уже прочитал мою книгу и сказал, что читать ему было интересно. Я расценил его слова и передачу мне ценного материала как самую высокую оценку – вряд ли он стал бы делать это для человека, занимающегося чепухой или проводящего какую-то неприемлимую для него линию.

Для начала я должен немного рассказать об авторе предоставленного мне источника М. Д. Рабиновиче и его работе. О себе в тексте он сообщил лишь то, что он профессиональный архивист, с 1942-го до конца войны воевал на фронтах Великой Отечественной, а после войны преподавал историю в учебных заведениях, где училось много фронтовиков. Он оказался настолько скромным, что даже не указал свое имя и отчество полностью, лишь инициалы и ученую степень – кандидат исторических наук. Набрав эти скудные данные в Google, я нашел единственную книгу автора с таким именем – «Полки петровской армии 1698–1725: Краткий справочник» (М.: Сов. Россия, 1977. Тр. Государственного ордена Ленина Исторического музея). Полный текст этой книги я тоже нашел в Интернете. Увидев, что в ней собраны и проклассифицированы все 637(!) петровских полков и кратко даны все необходимые сведения о каждом из них, я окончательно убедился, что ее автор конечно же настоящий архивист, а значит, и есть тот самый историк, который собрал воспоминания ветеранов войны о ее первом дне.

Я позвонил в Исторический музей, где мне любезно сообщили данные о Моисее Давидовиче Рабиновиче, который работал там с 1967 по 1978 год. Он родился в 1914 г. в Одессе в интеллигентной семье (отец – бухгалтер, мать – врач). В 1937 г. окончил Историко-архивный институт, в 1940 г. – аспирантуру при нем, после чего был направлен в г. Фрунзе начальником Архивного управления НКВД Киргизии. Воевал с 1942 по 1945 г. на Калининском, 2-м, 3-м и 4-м Украинских фронтах, был трижды ранен, войну закончил старшим лейтенантом, награжден орденом Отечественной войны II степени и тремя медалями. После демобилизации преподавал историю в военных училищах, заочном пединституте, в вечерних и даже обычных средних школах, затем до ухода на пенсию работал в Историческом музее. (Через два года после ухода на пенсию в 1980 г. Моисей Давидович Рабинович умер – об этом мне позже сообщил его сын Игорь Моисеевич Иртеньев, известный российский поэт.)

Для того чтобы собирать в течение долгих лет материалы о первом дне войны, нужно было иметь мужество. В годы войны и после ее окончания это было не только рискованно для члена партии, к тому же архивиста и преподавателя истории, проработавшего несколько лет в Архиве Киргизского НКВД, но и опасно для жизни. Но сделанное им показывает, что он был настоящим гражданином и патриотом, понимавшим, что «Порт-Артуры и Пирл-Харборы повторяются» и истинную картину событий необходимо восстановить для того, чтобы 22 июня 1941 г. никогда не повторилось в нашей стране. Как профессиональный историк он учел метод Дельбрюка и Куля, впервые использованный в книге «Катастрофа 8 августа 1918 г.» для выяснения обстоятельств начала Первой мировой войны, и нашел свой способ постижения истины, поскольку понимал, что сталинские трактовки событий и существовавший тогда режим не дадут даже приблизиться к ней. Свою методику он подробно описывает в предисловии, поэтому не буду останавливаться на этом. Скажу лишь о том, как некоторые приведенные им воспоминания участников событий первого дня войны и предшествовавших ему недель подтвердили мою гипотезу.

Одно из них свидетельствует о том, что самые первые бомбардировки 22 июня 1941 г. вели не немецкие, а неизвестные самолеты, причем весьма странным образом – не топя наши корабли, а якобы минировав выходы из военно-морских баз. Так, оказывается, действовали и самолеты, совершившие в этот день на рассвете налет на Кронштадт (для меня это первое сообщение о столь необычной бомбежке Кронштадта).

Обнаружен еще один факт появления странных плакатов, с которыми через всю Москву ехали 19 июня 1941 г. на грузовике на вокзал призванные

запасники: «Войны не хотим, но в бой готовы». Как-то это не стыкуется с «тайным призывом резервистов», о котором обычно пишут историки, и что означает подобная демонстрация?

А про обучение плаванию в частях Прибалтийского округа за несколько дней до начала войны разве где-нибудь когда-нибудь писали? А подробности ареста генерала Павлова из уст непосредственных его участников сообщали? Очень интересен никогда ранее не упоминавшийся факт передачи по радио приказа о начале войны в ночь с 21 на 22 июня 1941 г. за подписью Ворошилова (он ведь был председателем предвоенного Комитета обороны).

Важны воспоминания заведующего 1-м Европейским Отделом НКВД Кузнецова о результатах поездки Молотова в Берлин. Оказывается, сотрудниками наркомата она оценивалась в то время как крайне удачная и даже позволяла считать, что благодаря ее результатам «теперь немцы нам отдадут все, что угодно, вплоть до Индии».

Таких моментов в материале М. Д. Рабиновича очень много, и каждый читатель найдет в нем для себя немало интересного. Общее ощущение от прочитанного – ну, очень готовились, но совсем не к той войне, которая началась.

Конечно же в некоторых приведенных ниже воспоминаниях участников войны есть и неточности, и даже недостоверности, в основном связанные с мифами первых дней войны, которыми люди пытались тогда объяснить происходившие невероятные события. Я старался как можно реже и лаконичней такие места отмечать и по мере возможности объяснять в примечаниях.

В отличие от большинства историков, считающих, что их работа должна проходить только в архивах, и в основном с печатными материалами, да еще хорошо бы, чтоб заверенными печатью, М. Д. Рабинович работал и с живыми свидетелями страстно интересующих его событий, в результате чего появился бесценный документ. Наверное, именно о таком я мечтал, собирая по крохам материал для раздела «Калейдоскоп предвоенного театра абсурда» для трех своих книг. Поэтому вначале, следуя стилю, выбранному для первых двух книг, я собирался вставить материалы М. Д. Рабиновича отдельными фрагментами в таком же разделе третьей, завершающей трилогию книге. Но потом понял, что их надо привести целиком – не только как собрание фактов, но и как достойный глубокого уважения и подражания пример работы настоящего историка-патриота, подвижника «живой истории», который не по заданию, а по велению души ищет истину. Я позволил себе опустить пересказ

Рабиновича неопубликованного во время его работы над этим материалом доклада Хрущева на XX съезде партии, а также фрагмент воспоминаний В. А. Новобранца (они тогда ходили в списках). Последний я цитирую в Приложении 3 из изданной наконец-то книги В. А. Новобранца «Я предупреждал Сталина о войне. Записки военного разведчика», вышедшей в 2009 г.

С любезного разрешения сына М. Д. Рабиновича Игоря Иртеньева я публикую предоставленные мне материалы полностью (кроме упомянутых выше изъятий), в редакции оригинала, иногда в квадратных скобках расшифровываю сокращения и кое-что поясняю в примечаниях. Мною исправлены лишь опечатки и кое-где внесены изменения в пунктуацию.

М. Д. Рабинович Что произошло в июне 1941 года (беседы с участниками событий и их родственниками)

Вместо предисловия

Начало войны застало меня в Киргизии, где я руководил тамошним архивным управлением. Сразу же мне пришлось по заданию Фрунзенского Горкома партии включиться в большую пропагандистскую работу среди местного и эвакуированного населения, личного состава военных училищ и формировавшихся воинских частей. Моих слушателей, да и самого меня, волновал вопрос о причинах нашей неудачи летом 1941 года. Официальная версия о внезапности нападения и плане активной обороны находилась в явном противоречии с тем, что мне рассказывали пережившие ужасы войны люди, оказавшиеся в Киргизии, и внушала мало доверия. Оказавшись с осени 1942 г. в армии, я постоянно пытался уяснить для себя, что же произошло 22 июня 1941 г. и в чем причины катастрофы. К сожалению, круг информации людей, с которыми я соприкасался, был ограничен. Тем более что сталинская формулировка относительно закономерности неподготовленности к войне «миролюбивых наций» исключала самую возможность докопаться в то время до сути дела.

В 1955–1958 гг. я предпринял сбор материалов по интересующему вопросу, исходя из мысли, что Порт-Артуры и Пирл– Харборы повторяются. Поскольку в то время допуск к архивным материалам подольского архива НКО был для меня исключен, я решил предпринять «негласное расследование» посредством бесед с участниками начального периода войны. В качестве образца я избрал метод Дельбрюка и Куля,

примененный в книге «Катастрофа 8 августа 1918 г.», где исследователи устанавливали, что конкретно произошло на всем фронте атаки союзников во время пресловутого «черного дня» Германской армии.

Моим намерениям благоприятствовало то, что я в то время работал в местах, где было значительное количество участников начального периода войны: 1-м Московском Артиллерийском подготовительном училище (далее – МАПУ), филиале 97 школы рабочей молодежи при УКГБ и УМВД по Московской области, заочном отделении Рязанского пед. Института (далее ОЗО РПИ), ЦГВИА СССР [Центральный государственный военно-исторический архив СССР] и т. д.

В дальнейшем круг бесед был расширен, в эти годы я буквально не пропускал ни одного случая выяснить среди сослуживцев, своих слушателей, родных и знакомых все, что им было известно по интересующему меня вопросу. Результаты этих бесед записывались в тот же день, и если предоставлялась возможность, то уточнялись и детализировались при последующих встречах.

После XX съезда КПСС люди стали держаться менее скованно и рассказывали многое из того, о чем предпочитали молчать раньше.

Сбор материалов велся до 1959 г. и в дальнейшем был почти прекращен после выхода в свет работ А. М. Некрича (А. Некрич. 1941. 22 июня. М.: Наука, 1965. – А. О.) и П. А. Жилина (П. А. Жилин. Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз. М.: Мысль, 1965. – А. О.), основанных на обширной советской и зарубежной мемуарной литературе и архивных материалах, продолжение данной работы бесполезно. Вместе с тем собранные материалы, при всей их фрагментарности, представляют известный интерес, т. к. позволяют установить ряд неизвестных до сих пор данных и в совокупности расширяют наши представления о июньской катастрофе 1941 г. Разумеется, они не представляют самостоятельной ценности и могут рассматриваться лишь как подспорье к научной и мемуарной литературе.

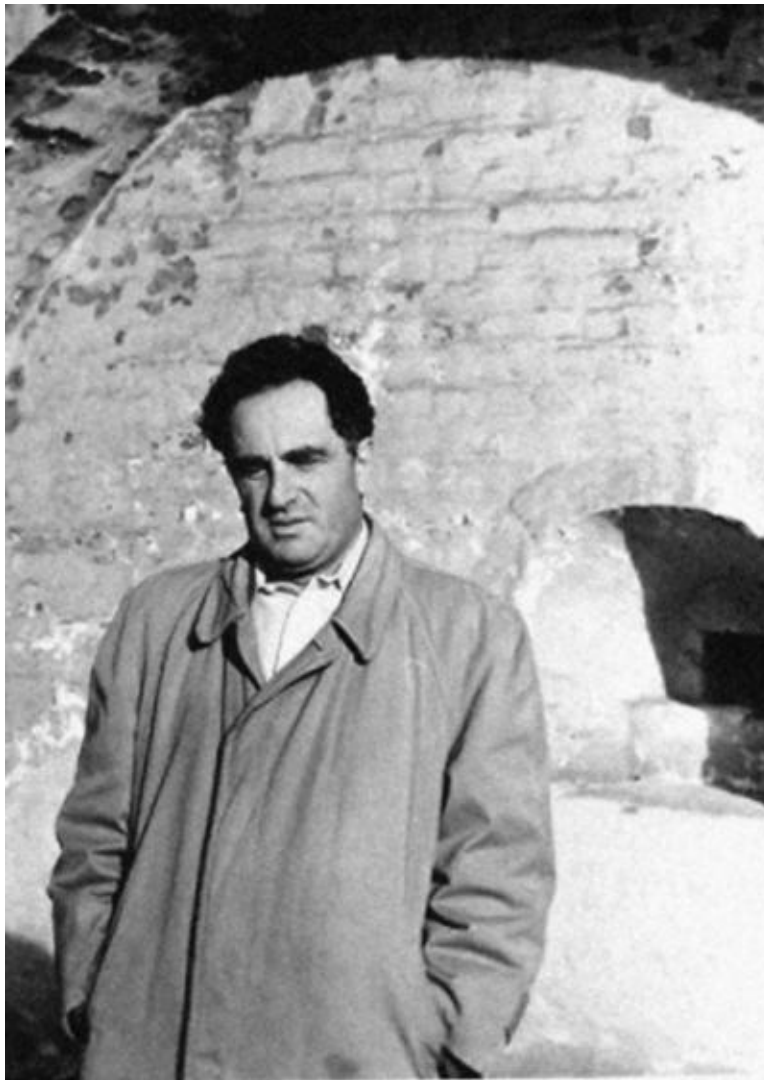
Записи бесед систематизированы по географическому признаку: Север и Карелия; Район Ленинграда; Прибалтика; Белоруссия и Запад; Украина, Молдавия, Крым, Кавказ; Москва, Подмосковье, Центральные районы; Сибирь, Д.-Восток и Средняя Азия. Кроме того, в самостоятельный раздел выделены данные о действиях пограничников и органов НКВД в приграничных районах. В тех случаях, когда в беседе содержатся данные о нескольких географических районах, она помещается в том разделе, о котором сообщается больше всего сведений.

Как правило, приводятся свидетельства участников по их личным

воспоминаниям. В отдельных случаях записывались данные о событиях, ставших известными рассказчику из «вторых рук»: от сослуживцев, родных, знакомых, из писем. В тех случаях, когда разные лица дают различные версии событий, делаются соответствующие оговорки и перекрестные ссылки. В записях бесед обязательно указываются следующие сведения: время записи, фамилия, имя и отчество рассказчика, занимаемая должность и место службы в момент рассказа и те же данные 1941 г.

Текст бесед перепечатан в таком виде, в каком они были первоначально записаны.

Кандидат исторических наук М. Д. Рабинович.
Апрель 1967 г.

Историк Моисей Давидович Рабинович

I. Север и Карелия

А) Север

июль 1955

Аколупин Василий Андреевич

(студент РПИ ОЗО)

К началу войны служил командиром отделения связи в 95-м сп 14-й сд 14 армии в районе Мотовского залива. Штадив^[135] был в Мурманске. К 22 июня 1941 г. были в 8 км от границы. Дивизия была кадровая, прибыла под Мурманск после Финской войны. Личному составу было известно, что против них расположены немецкие егеря. За неделю до начала войны немецкие самолеты стали систематически нарушать госграницу и пролетать над расположением полка. Наша авиация и ПВО не оказывала им никакого противодействия.

О начале войны узнали вечером 22 июня 1941 г. от политрука роты, который сказал: «Зарядите винтовки. Началась война с Германией». Ночью дивизия была переброшена к госгранице и заняла оборону. Оборонительный рубеж пришлось создавать заново, силами войск.

Фомин Иван Петрович

(студент РПИ ОЗО)

Служил командиром радиостанции 112-го об (отдельного батальона) связи 14-й сд. В дивизии были полки: 9-й сп (район Титовки), 135-й сп (в районе Кильденстрой) и еще один, кажется, в р-не Кандалакши. До начала июня 112-й об держал связь, обслуживая в основном наземные войска в пределах дивизии, которая была разбросана на очень большом протяжении, она фактически одна прикрывала Мурманское направление. С 5 по 20 июня батальон связи участвовал в авиационных учениях и переключился на связь с ВВС. Были вооружены, но без патронов. Утверждает, что за два дня до начала войны части дивизии неоднократно подвергались налетам и бомбежкам немецкой авиации. Так, 20 июня 1941 г. их батальон был обстрелян немецким истребителем. Они предполагали, что еще продолжаются воздушные учения и лишь тогда, когда самолет стал удаляться, разглядели кресты на плоскостях и фюзеляже.

20 июня немецкий бомбардировщик разбомбил пустые конюшни в расположении 95-го сп. 21 июня немецкая авиация бомбила мост в районе Титовки. Никакого противодействия немецкой авиации не оказывалось.

(В. А. Аколупин отрицает бомбежку расположения 95 сп 20.VI.41 г. и остальные факты ему не известны).

Узнали о войне из сообщения радио, которое было услышано дежурной рацией (Рбс-бас). Было роздано по 75 боевых патронов и утром выступили в распоряжение 95 с.п., а затем к границе. В пути были случаи стрельбы в тылу. Были задержаны переодетые в советскую форму немецкие диверсанты.

июль 1955 г.

Дудкин Константин Александрович

(учитель средней школы Гаврилово-Ямского р-на Ярославской обл.)

Накануне войны служил в 208-м сп 122-й сд в 40 км западнее Кандалакши в 70 км от ж. границы^[136]. Дивизия была дислоцирована после Финской войны. За неделю до начала войны полк вместе с остальными частями 122 сд выступил на маневры в район финской границы. Были розданы боевые патроны, боекомплект на каждое орудие. 208 ап (76 мм орудия) был на конной тяге и передвигался к границе своим ходом. В пути проводились учения с боевыми стрельбами. Тем временем стрелковые части сооружали КЗОТ^[137] в районе, прилегающем к границе. 22 июня 1941 г. 208 ап был в 17–15 км от госграницы. Боевые действия развернулись примерно через неделю.

февраль-март 1955

Новиков Олег Сергеевич

(капитан милиции, сотрудник УМВД Моск. обл.)

Служил в 389-м гап 122-сд (в р-не Кандалакши) командиром учебного взвода. Примерно за месяц до начала войны среди личного состава стали известны слова И. В. Сталина о том, что Гитлер зарвался и его надо приостановить прежде, чем он нападет на СССР^[138]. 16 июня 1941 г., когда О. С. Новиков был дежурным по полку, было получено известие, что через границу перелетел самолет неуставленной национальности, который сбросил листовки. Одна из листовок была подобрана специально посланными людьми и доставлена в штаб полка. О. С. Новиков ее лично читал и хорошо помнит, что в ней прямо говорилось, что военные действия начнутся 22 июня 1941 г.

В ту же ночь (ночь следует понимать условно, т. к. круглые сутки светило солнце) полк в числе других войск 122 сд был [поднят] по тревоге в полной боевой готовности к границе. Там стали рыть траншеи и сооружать КЗОТы, т. к. граница была совершенно не укреплена.

Утверждает, что на их участке военные действия начались до 22 июня

(числа 20–21 июня)^[139].

ноябрь 1955

Данилин Иван Семенович

(лейтенант, сотрудник УКГБ Моск. обл.)

С 1939 г. служил дальномерщиком береговой артиллерии Северного флота в Полярном и прилегающих районах (в 30 км от границы).

До 18 июня 1941 г. в Полярном проводилась обычная боевая подготовка. Кроме сборов запасных флотских и артиллерийских специальностей, никаких особых приготовлений к войне не отмечалось. О фактах появления в районе Полярное немецких надводных судов и подлодок Данилин не знает. 15 июня 1941 г. было полное увольнение всего личного состава базы (кроме наряда) в город.

Первые немецкие разведывательные самолеты (Ю-87, Ю-88) появились над Полярным 18 июня 1941 г. в 19 часов. Со второй половины дня 20 и 21 июня 1941 г. немецкие самолеты производили одиночные и небольшие групповые полеты с обстрелом и бомбометанием: военных кораблей в порту, аэродромов, батарей, складов. Немцы стремились прощупать расположение огневых точек, систему огня, систему барражирования.

22 июня 1941 г. Полярное было атаковано крупными силами немецкой авиации, подвергшей жестокой бомбардировке флот и важнейшие объекты базы на берегу^[140].

октябрь 1955

Никитин Георгий Александрович

(гл[авный] инженер отдела М^[141]. рыбной промышленности)

В конце 1940 г. работал главным инженером Треста Мурманрыба. Утверждает, что в Мурманске совершенно не чувствовалась близость войны. Порт был постоянно наполнен иностранными судами. Правда, англичане блокировали норвежское побережье, занятое немцами, и не пускали их суда к нам. В мае 1941 г., спасаясь от английского нападения, в Мурманск прибыл немецкий «карманный линкор» и два крупных океанских судна (одно из них теперь называется «Россия»). Немецкие моряки наводняли улицы Мурманска. В конце мая эти суда ушли в Норвегию. Город снабжался хорошо, в начале лета была отличная путина. Начало войны было ошеломляющей неожиданностью. Незадолго до начала войны была закончена железнодорожная ветка, соединяющая Мурманск с

Архангельской железной дорогой.

сентябрь 1955 г.

Филиппов Борис Васильевич, ст. лейтенант запаса
(ст[арший] научный сотрудник ЦГВИА)

Летом 1941 г. был направлен после окончания Историко-архивного института научным сотрудником архивного отдела УНКВД по Архангельской обл.

Утверждает, что в конце 1940–1941 гг. в Архангельске чувствовалось скорое наступление войны:

- В город просачивались слухи о концентрации немецких войск к нашим границам, о пограничных инцидентах;
- Через Архангельск отправлялись на Запад войска;
- Очень мало было в порту немецких и финских пароходов, особенно в навигацию 1941 г.(?)
- С начала 1941 г. резко ухудшилось продовольственное положение в связи с накоплением гос. запасов. О начале войны узнал из сообщений по радио, все присутствующие в столовой НКВД (сообщение передавалось во время завтрака) сидели как огорошенные.

Б) Карелия

апрель-март 1958

Панкрашкин Александр Михайлович, подполковник
(сотрудник УМВД по Моск[овской] обл[асти])

Перед войной служил в 33 погранкомендатуре на Карельском перешейке.

Погранвойска были все время в полной готовности, была задержана демобилизация служивших с 1938 г. Устав соблюдался строжайшим образом, карали за малейшую самовольную отлучку. За две недели до начала военных действий наряды, несшие охрану госграницы, видели офицеров в немецкой форме, производивших явно рекогносцировку.

Вдоль границы было сконцентрировано очень большое количество наших войск – яблоку было упасть некуда. Вскоре после начала боев они отошли, выпустив все снаряды, пограничникам пришлось отбиваться стрелковым оружием.

июль 1955

Чуфистов Николай Александрович
(студент РПИ ОЗО)

Служил в 577-м гап (ЛВО), который был учебным полком по подготовке комсостава запаса и располагался в Новгороде.

Весной 1941 г. 577 гап выехал в лагеря в район ст. Струги Красные. Полк включился в интенсивную боевую подготовку, изучался опыт Финской войны, проводились тактические занятия, боевые стрельбы, отрабатывалось взаимодействие артиллерии с пехотой и танками, проводились учения по прорыву долговременной обороны.

22 июня 1941 г. полк по боевой тревоге был направлен на Карельский перешеек (в р-н Кексгольма, а через несколько дней под Сортавалу). Полк воевал как полк РГК (152 мм гаубицы).

август 1955 г.

Понасицкий Прокопий Прохорович

(Начальник радиоузла пос. Красные Ткачи Ярославской области).

Перед войной был старшим техником связи в г. Энсо (6 км от финской границы в Выборгском направлении).

В ночь на 21 июня 1941 г. во время радиопереклички получили приказ немедленно эвакуировать семейства работников связи и свою семью. За несколько дней до войны над погранрайоном систематически летала финская авиация.

22 июня 1941 г. получили приказ демонтировать одну секцию АТС, а остальные подготовить ко взрыву. Военные действия начались 24 июня 1941 г.

Отходили с армейскими частями, поступив в их распоряжение.

II. Район Ленинграда

июль 1955

Львов Сергей Александрович – сержант запаса

(студент РПИ ОЗО)

Служил под Ленинградом во 2-м истребительском к-се^[142] (И-16, И-153).

Накануне 22 июня офицеры-летчики были уволены в город и прибыли в части только днем, после сообщения по радио. В первый день войны аэродромы не бомбили. С личным составом стали усиленно изучать силуэты и опознавательные знаки вражеских самолетов.

август 1955

Коновалов А. Ф.

(преп. англ. языка средней школы Кубин-Озерского р-на Вологодской

обл.)

Служил мл. авиаспециалистом в 19-м истребительном полку 3-й иад в р-не Горелое под Ленинградом. (И-16).

Утверждает, что летчики говорили, что уже за месяц до начала войны немцы летали над нашей территорией в зоне 19 истребительного полка. В полку были дежурные звенья. Но о возможности войны разговора не было. 22 июня 1941 г. аэродром бомбили.

июль 1956

Веденкин Николай Никитич
(студент ОЗО РПИ)

Осенью 1940 г. после окончания педучилища и непродолжительной работы учителем семилетней Путненской школы Рязанской области был взят на военную службу и направлен в учебный отряд КБФ в Кронштадт в школу младших специалистов связи. До февраля 1941 г. в Кронштадте было состояние глубокого мира: свободное увольнение, к курсантам не было прикреплено личное оружие.

В феврале-марте 1941 г. (после событий в Греции), внезапно была объявлена боевая готовность № 1, было роздано оружие и даже в учебные корпуса ходили с винтовками, увольнения прекратились. На политзанятиях прямо говорили, что немцы ведут усиленную переброску войск и техники в Финляндию, в Турку (Або), что наши наблюдатели видели на германских транспортах танки. Всю весну проводились учения по отражению и высадке десанта вплоть до Ораниенбаума и Красной горки и действиям по льду Финского залива. С мая 1941 г. внезапно все притихло, возобновились увольнения в город, оружие было сдано в роты. 22 июня 1941 г. в 3 ч. 30 мин. 3 немецких самолета совершили налет на Кронштадт и сбросили бомбы у причала^[143].

июнь 1955

Жемеркин Семен Никифорович – майор
(офицер 1-го МАПУ)

Перед войной был курсантом артучилища ЛАУ. Училище было в лагерях под Лугой. За несколько дней перед войной курсанты были по тревоге в качестве пехоты направлены в погранрайон.

июль 1955

Иоффе Леонид Адольфович – майор
(студент РПИ ОЗО)

Перед войной был курсантом артучилища ЛАУ (ЛВО). За две недели до начала войны из курсантов ЛАУ, пехотного училища, железнодорожного училища и полка НКВД была сформирована курсантская бригада (сводная). Бригада проводила учения около 10 дней – 12 дней в районе Луги – Нарвы и по эстонской границе: создавали укрепления, проводили марши. Вернулись к своим частям 20 июня в Ленинград. С начала войны вновь была восстановлена курсантская бригада или, как называли ее курсанты, «юнкерская» бригада и направлена на фронт пехотной частью.

июль 1955

Окорочков Василий Михайлович – ст. лейтенант запаса
(студент РПИ ОЗО)

К началу войны был курсантом Ленинградского автомобильного училища (ЛВО). Училище находилось в Красносельских лагерях. За 1–2 дня до начала войны для личного состава проводили доклад о международном положении. Доклад читал интендант 1 ранга или полковой комиссар из ПУР КА. На вопрос, как он расценивает прочность советско-германского договора о дружбе и ненападении, он ответил: «Это дружба двух жуликов, кто кого обманет, мы на нее не надеемся и готовимся»^[144].

Днем 22 июня 1941 г. училище было выведено в лес, наши истребители барражировали, прикрывая с воздуха эту передислокацию.

июнь 1956

Мавродин Владимир Васильевич – доктор исторических наук
(профессор ЛГУ)

В 1941 г. исполнял обязанности декана истфака ЛГУ. В апреле 1941 г. имел беседу с одним из своих аспирантов, который был демобилизован из вооруженных сил по ранению, полученному уже после Финской войны в районе Аландских островов. Факт ранения подтверждался соответствующими официальными медицинскими документами. 8–9 июня узнал от зам. секретаря партбюро истфака о том, что по лондонскому радио передавалось заявление Черчилля о том, что в ближайшие дни Германия нападет на СССР. Весной и в начале лета в Ленинграде создавались огромные запасы продовольствия: консервы, концентраты, мука, крупа, сахар, которые размещались в деревянных хранилищах, подожженных немцами в начале блокады.

май 1956

Кобылер Михаил Яковлевич

(пенсионер)

В 1941 г. был аспирантом Историко-архивного института. Весной 1941 г. был в командировке в Ленинграде и работал в тамошних архивах над кандидатской диссертацией. По его словам в Ленинграде было довольно тревожно. Упорно циркулировали слухи о концентрации немецких войск на советско-финской границе, называлась даже цифра – 12 дивизий. Особенно стало тревожно после опубликования опровержений ТАСС, после чего М. Я. Кобылер твердо уверился в том, что войны с Германией не избежать в самое ближайшее время.

III. Прибалтика

см. также материалы IV раздела.

июнь 1955

Митяев – полковник интендантской службы
(офицер 1-го МАПУ)

Перед войной служил в звании интенданта 3 ранга нач. планового отдела тыла 11-й армии в р-не Гродно. Весной и летом на территории Прибалтийского ВО работало 240 военно-строительных батальонов, соорудивших УРы.^[145] Части Прибалтийского ВО за несколько дней до начала войны стали сосредотачиваться в полной боевой готовности на маневры близ госграницы, техника получила заправку горючим, войскам раздали боевые патроны.

19 июня 1941 г. генерал Кузнецов переехал в специально оборудованный КП^[146].

22 июня 1941 г. с утра немецкая авиация стала производить налеты и бомбардировать этот КП, а также район дислокации штаба и штаба тыла 11-й армии.

июнь 1955

Разинцев Иван Акимович – генерал-майор артиллерии
(начальник 1-го МАПУ)

Накануне войны был начартом 12 мехкорпуса, дислоцированного в Литве близ р. Неман в р-не Мариамполь (ПриБОВО), одной из дивизий командовал Черняховский. С начала мая 1941 г. совместно с комкором, наштаркомом^[147] и другими руководителями-офицерами вел детальную рекогносцировку берегов Немана, удобных для сосредоточения войск, подступов, переправ и т. д.^[148] Были детально привязаны все цели,

поставлены все вехи, многие из которых были кем-то выдернуты, намечены районы сосредоточения. За неделю до начала войны части 12 мехкорпуса в полной боевой готовности стали подтягиваться к госгранице, танкистам и артиллеристам были выданы боекомплекты снарядов, мотострелкам боевые патроны.

В 4 утра 22 июня 1941 г. германская авиация произвела налет на полевой аэродром и подожгла ангары и самолеты. Командир 12 мехкорпуса на вопросы подчиненных о том, началась ли война, ответил: «Это учебная тревога, так и сообщите войскам, нечего тревожить зря».

В 12 ч. дня танковые части корпуса на марше были атакованы 70 самолетами противника.

Никаких мер ПВО и маскировки движения не предпринималось^[149]. Люди не были обучены действиям при внезапном налете с воздуха, прятались под машины, не рассредоточивались. Части корпуса понесли потери.

Местное население относилось враждебно: устраивало засады, наводило вражескую авиацию, выводило из строя связь. Особицы по пути следования обнаружили в хуторах оружие и рации. Виновные расстреливались.

В начале мая 1941 г. был в Москве на совещании руководящих работников артиллерийских и мотомеханизированных частей, на этом совещании, в частности, были руководители мехкорпуса, расположенного в Молдавии.

И. А. Разинцев высказывал сомнение в виновности генерала армии Павлова^[150] и полагал, что любой бы на его месте действовал бы не лучше. Павлов и генералы, привлеченные вместе с ним к ответственности, были козлами отпущения.

июль 1956 г.

Куликов Юрий Владимирович – кандидат исторических наук
(ассистент Историко-архивного института)

Перед войной служил в сабельном эскадроне 5-й Кубанской казачьей кавалерийской дивизии. 5-я кд вместе с 6-й кд стояла близ границы с Восточной Пруссией. 5-я кавдивизия была оснащена современной боевой техникой, имела легкие танки, бронемашины. В частях велась интенсивная боевая подготовка. С весны стали поступать сведения о подтягивании немецких войск к нашим границам, но в р-не 5 кавдивизии внешне было спокойно. В марте 1941 г. 5-я и 6-я кавдивизии были внезапно

передислоцированы в тыл, в р-н Осиповичи, где их расформировали, т. к. кавалерия не будет играть существенной роли в будущей войне. На базе 5 кавдивизии стали формировать стрелковую дивизию, а личный состав обучать пехотной тактике.

Вечером 22 июня 1941 г. расположение 6-й и 5-й кавдивизий бомбила немецкая авиация.

сентябрь 1955

Дворянкин Николай Михайлович – ст. сержант запаса
(мастер 1-го Гос. часового завода в г. Москве)

Был призван в армию в 1940 г. и служил в г. Вентспилсе (Виндава) Латвийской ССР в 186-м сп. После окончания полковой школы служил в роте 82-мм минометов, а перед войной в батарее 45-мм орудий ПТО.

В конце 1940 г. 186 сп был влит в ранее существовавший бывшей латышской армии корпус из расчета – одна наша рота на латышский батальон. Амальгама осуществлялась по принципу: командир – латышский офицер или унтер-офицер, комиссар или заместитель – наши. Кроме того, в латышские подразделения вливались наши бойцы из расчета один человек на отделение (обычно пулеметчики или специалисты).

Сперва вооружение было латышское, затем стало поступать наше, но к началу войны 186-й сп был вооружен учебными винтовками и с ними вступил в бой.

В 1941 г. с весны усилились разговоры о войне с немцами. Большинство офицеров-латышей было заменено нашими. 186-м сп стал командовать советский командир (он и раньше был комиссаром этого полка). Особенно тщательно стали отрабатывать форсирование водных преград и десантные операции. Весь личный состав в обязательном порядке обучали плаванию. 186 сп наряду с боевой подготовкой был привлечен к строительству морских укреплений в районе Вентспилса: долговременные береговые батареи больших калибров и дзоты вдоль побережья Балтики.

22 июня 1941 г. 186 сп нападению не подвергался. В связи с высадкой воздушного и морского десантов и прорывом немцев в районе Лиепайи и Риги начал отход через леса на восток, ведя бои с айсаргами^[151] и немецкими десантниками, и подвергался налетам немецкой авиации. Местное население по пути следования выносило на дорогу молоко и продовольствие (вероятно, потому, что большинство солдат были латышами). Через две недели командир – комиссар полка был убит, полк распался и люди стали мелкими группами пробиваться к своим. Н. М.

Дворянкин через 2 1/2 месяца после начала войны вышел из окружения в районе Красного Холма (Калининской обл.)

июль 1956

Янин Леонтий Павлович
(студент РПИ ОЗО)

Был призван в 1940 г. и направлен для прохождения службы в 358-й ПАП 126-й сд, которая дислоцировалась в районе Вентспилса (Виндава), Латвийская ССР.

358-й ПАП пополнялся почти исключительно рязанцами. Т. Янин был назначен политруком 1-й учебной батареи, укомплектованной лицами со средним и высшим образованием, выпускавшей средних командиров запаса. В районе Вентспилса 126-я сд принимала участие в сооружении береговых батарей.

Из личного состава выделялись коммунисты и комсомольцы для переформированных латвийских частей.

С весны 1941 г. стало чувствоваться приближение войны. Это прежде всего сказалось на характере занятий с политсоставом, если с ним изучали историю партии, то с апреля 1941 г. тематика изменилась и приобрела сугубо военно-прикладной характер: организация и тактика германской армии, немецкие танки и способы борьбы с ними, немецкая авиация, ее силуэты, звучание моторов, уставы германской армии и т. д. В мае 1941 г. 1-я батарея была передислоцирована из Вентспилса в р-н Шауляй (в 2–3 км от госграницы) для строительства укреплений в погранполосе, личному составу было роздано оружие, патроны, каски; к 76-мм пушкам был взят неполный боевой комплект. 1-й батарее было приказано сооружать пушечные ДЗОТы (котлованы для них глубиной 10 м). К работе не были подготовлены: тупые пилы, топоры, лопаты, работали вручную целый день.

Л. П. Янин ходил за почтой для батареи на погранзаставы. Пограничники говорили ему, что участились попытки перехода госграницы, что идет непрерывная концентрация немецких войск к нашей границе, по ночам слышен шум моторов и лязг танков. 22 июня 1941 г. утро началось как обычно, после завтрака пошли купаться. Внезапно появился немецкий самолет (около 8-ми часов утра), затем последовал приказ выйти к границе и сменить пограничников, но это не было выполнено, т. к. пограничники стали отходить под напором немецких танков. Днем было приказано отходить на Шауляй, вскоре боеприпасы кончились и 76-мм пушки пришлось бросить. 1-я батарея 358-й пап 126 сд так и не соединилась со своими частями. В июне удалось наконец пробиться в

район Острова к главным силам РККА. Отход был неорганизованным. Когда вышли к своим, ожидали, что сошлют на Колыму, вместо этого получили благодарность Ставки за вывод из окружения личного состава.

август 1955

Смирнов Алексей Николаевич

(преп[одаватель] математики 97 ШРМ г. Москвы)

Перед войной служил в 89-м сп 23-й сд (г. Даугавпилс (Двинск)) Латвийской ССР, замполитрука противотанковой батареи (8-я армия).

Весной 1941 г. в составе двух усиленных строительных батальонов 89-й сп был направлен для строительства 9-й линии укрепления на границе Литовской ССР. В районе Алитус (Олиты). Это был второй случай посылки частей 23-й сд в Литву на строительство УР, и два батальона 89-го сп должны были сменить подразделения, которое ранее были посланы для строительных работ из состава 23-й сд. На третьей линии сооружались в основном ДЗОТы. Всего на работы было послано от 1/2 до 2/3 23-й сд, из расчета от каждого полка 2/3 состава, кроме того, УР сооружало много стройбатов. Части 23-й сд в период пребывания в Даугавпилсе находились в полной боевой готовности и нередко привлекались к борьбе с шайками «айсзаргов».

На одном из закрытых совещаний комполитсостава командир предупреждал об опасности войны с Германией.

В районе Алитус была очень напряженная обстановка, поступали сведения о концентрации немецких войск, были случаи ареста шпионов. Сам Смирнов знает факт разоблачения «старика-нищего», который просил какое-либо красноармейское обмундирование. Дернули за бороду, и она отлетела (была прикреплена резинками). Работали на сооружении УР с 5 утра до 8 ч. вечера ежедневно. Строительство очень форсировалось. Широко заключались соцдоговора.

В ночь на 18 июня 1941 г. бывшие в районе Алитус части 89-го сп и другие полки 23 сд по тревоге выступили в полной боевой готовности к госгранице. В боевом приказе указывалось, что ожидается прорыв через границу германского танкового корпуса. Прибыв в район госграницы, части 89-го сп расположились у самой госграницы – были видны пограничные вышки – и стали сооружать окопы полного профиля и противотанковые заграждения (заблачивать местность, запрудив одну из речушек). На границе каких-либо продвижений немецких войск не наблюдалось. У немцев был какой-то праздник. Было слышно пение, пляски.

Между 3 и 4 утра 22 июня 1941 г. были внезапно обстреляны немецкой

артиллерией. Первый снаряд разорвался в районе прежнего расположения батареи, следующий ее накрыл. На рассвете вступили в бой с немецкими танками и массами пехоты, но под давлением превосходящих сил противника начали отход к Алитусу, лошади были убиты, 45-мм пушки пришлось бросить, местное население стреляло из автоматов в спину. К концу дня 22 июня 1941 г. часть 89-го с.п. утратила связь между собой и была рассеяна (А. Н. Смирнов был ранен). Затем в районе Каунас части 23 сд соединились и в начале июля вели упорные бои.

Утверждает, что личный состав стройбатов был безоружным.

август 1956

Сергеенко Анатолий Алексеевич – капитан запаса
(Член Харьковского Облсуда)

Весной 1941 г. служил в 25-м отдельном саперном батальоне в Литве. Весной 25-й осб был передвинут в погранрайон (6 км от границы с Германией) и на его базе был развернут ряд строительных батальонов, ротами в которых командовали офицеры, а взводами – сержанты 25 осб, рядовые были призваны из запаса, оружия не было (по две винтовки на роту). Сооружались ДОТы, работа проводилась круглосуточно, но без всякой механизации, вручную. Камни для бетона дробили обыкновенными небольшими молотками, эффективность была невелика. Хотя каких-либо официальных данных о близкой войне не было и на немецкой границе на участке 25 осб внешне все было спокойно, обстановка была очень напряженная, и солдаты не сомневались, что вот-вот война начнется. Что произошло 22 июня, А. А. Сергеенко не знает, т. к. в конце мая он был направлен в Ленинград в ИКУКС (инженерные курсы усовершенствования комсостава) на 6-месячные курсы младших лейтенантов, а затем на Карельский перешеек (в лагерь ИКУКС). В Ленинграде все было спокойно. В первые дни войны ИКУКС был эвакуирован в Сибирь.

апрель 1956

Вержбицкий В. Г. – полковник
(доцент ВПА им. Ленина)

Брат тов. Вержбицкого был командиром танкового батальона, оснащенного новейшей матчастью, еще не введенной в серийное производство, расположенного в районе Алитус (он погиб под Сталинградом). По словам тов. Вержбицкого батальон его брата проводил учения и вернулся с них поздно вечером 21 июня. Комбат остался ночевать в санитарном танке. В 4 часа 22 июня он проснулся от стука по броне танка

и решил, что кто-то его вызывает, открыл люк и увидел самолеты со свастикой, летящие на уровне телеграфного столба и поливающие расположение части пулеметным огнем. Четыре часа он пытался связаться с вышестоящими штабами и установить, что происходит и что надо делать, т. к. матчасть была экспериментальной и он не мог ею рисковать. Все его попытки были безуспешны.

В 8 ч. утра в Алитус прорвались передовые немецкие танки и мотопехота и пришлось ввязаться с ними в бой. К вечеру 22 июня все танки были потеряны и пришлось прорываться из окружения.

февраль 1956

Васильев Алексей Иванович – лейтенант
(сотрудник КГБ по Моск[овской] обл[асти])

Служил командиром взвода погранохраны на острове Эзель со времени занятия Прибалтики нашими войсками.

К моменту прибытия на остров Эзель наших пограничников эстонские войска были оттуда выведены. Немедленно наши войска и моряки, при участии пограничников, стали сооружать береговые укрепления батареи, укрытия, ДОТы, ДЗОТы, полевые укрепления и т. д. На учениях отрабатывалось взаимодействие пограничников с регулярной армией. Население Эзеля относилось к нашей армии по-разному. Довольно многочисленное население русских деревень – дружелюбно; эстонские рыбаки и крестьяне – нейтрально; но не враждебно; эстонские кулаки и белогвардейцы враждебно, но каких-либо случаев проявления вражды т. Васильев не помнит. В декабре 1940 г. был отозван с острова Эстель и, что там произошло 22 июня 1941 г., не знает.

август 1955

Носкова Галина Викторовна
(инспектор МОСПС)

Муж Г. В. Носковой учился на последнем курсе Текстильного института, летом 1940 г. был взят по приказу НКО на военную службу, служил в морской пехоте на острове Даго^[152]. Погиб в октябре 1941 г. при эвакуации острова Даго. Она получила два письма от мужа, одно через ППС^[153], другое передал летчик, бывший на острове.

Муж писал, что он должен выехать 20^[154] июня 1941 г. с острова Даго, но отправку отнесли, т. к. в этот день бомбили немецкие самолеты.

июль 1956

Конякин Иван Григорьевич
(студент ОЗО РПИ)

После советско-финской войны служил в 56-й сд, которая дислоцировалась в районе Тарту – Псков.

Весной и летом 1941 г. не помнит каких-либо приготовлений к войне, но считает себя недостаточно информированным, т. к. находился в Пскове для связи с авиачастями.

О начале войны узнал 22 июня 1941 г. из сообщения радио, основные части 56-й сд были двинуты на запад, и он не имеет о них никаких сведений (вся дивизия, кроме одного полка, была уничтожена в Прибалтике).

июнь 1955

Соколов Александр Павлович – майор
(офицер 1-го МАПУ)

Перед войной служил в маскировочно-саперном батальоне МВО (замполитрукком, комсоргом роты). За 3–4 месяца до войны в инструктивных докладах и беседах с личным составом подчеркивалась напряженность международной обстановки и опасность войны. С начала апреля 1941 г. по 10 июня 1941 г. – две роты б-на были направлены в погран. полосу (близ новой госграницы на северо-западе для маскировки и камуфлирования вновь построенных бетонных дотов). Доты были закончены постройкой, но еще не вооружены. Рота, где находился А. П. Соколов, вела маскировочно-камуфляжные работы в р-не Великих Лук, где располагались огромные интендантские склады (фронтового или армейского значения).

ноябрь 1955

Левин Аркадий Захарович – майор
(зам. по тылу командира артбригады)

Был призван в РККА Замоскворецким РВК г. Москвы 19 июня 1941 г. и в тот же день в числе других командиров запаса (средних и младших) и красноармейцев запаса был направлен в Ригу на 45 [-дневные] учебные сборы и для укрепления Рижского гарнизона. Вместе с А. З. Левиным было призвано большое количество инженеров, научных работников, учителей, даже начальник технического отдела Наркомтяжпрома (был начальником вагона в эшелоне, направленном в Ригу, в котором ехал А. З. Левин). Автомашины, на которых везли, демонстративно следовали по всей Москве

с лозунгами «Войны не хотим, но в бой готовы», «Чужой земли не хотим, но своей не отдадим ни клочка» и т. д. через Каменный мост, ул. Горького, площадь Белорусского вокзала и далее на Виндавский (Рижский) вокзал. Здесь людям выдавали 3-дневный запас продовольствия и, не обмундировав и не вооружая их, погрузили в эшелон. Эшелон призванных москвичей, направляющийся в Ригу, был ночью с 21 на 22 июня 1941 г. задержан в Великих Луках, т. к. идущий впереди воинский эшелон из Ленинграда разбомбила немецкая авиация. Был отдан приказ направить его через Невель в Вильнюс, но в районе ст. Молодечно днем 22 июня подвергся бомбардировке и был срочно направлен в Полоцк. В Молодечно навстречу шли сплошным потоком эшелоны с вывозимой из Прибалтики (Вильнюса) буржуазией. Держали себя нахально, бросали красноармейцам шоколад.

В Полоцке казармы были построены вредительски (в воздухе ясно читалось «в плане» слово «казармы»)^[155], после бомбежки панически отошли в Великие Луки, затем в Осташков – Торопец. Здесь на базе эшелона москвичей был сформирован 115-й Торопецкий запасной полк, который принимал наших окруженцев выходивших из Прибалтики.

В числе вышедших окруженцев был начальник ГАБТУ РККА генерал Галицкий (было два Галицких – общевойсковой командир и военный инженер), который вышел из окружения с двумя спутниками (адъютантом и еще командиром). Так ли – надо проверить, полковник Деев утверждает, что Галицкий вывел из окружения свою дивизию^[156]. Адъютант генерала Галицкого говорил, что 22 июня 1941 г. многие танковые части были без горючего и не могли вступить в бой.

IV. Белоруссия и Запад

июль 1955

Поляков Иван Алексеевич
(студент РПИ ОЗО)

Служил в 14-м тп 7-й тд, сержант, механик-водитель в районе Белостока (ЗапОВО).

16 июня вернулись с танкодрома, где отрабатывали вождение и стрельбы. Если водитель и стрелок не выполняли упражнения, их снимали с учений и не заставляли отрабатывать то, что у них не получалось. Основная часть боевых машин находилась на консервации. Что произошло 22 июня 1941 г., не знает, т. к. уехал в командировку и больше в свою часть

не попал. От товарищей слышал, что полк вступил в бой с учебными танками, т. к. боевые не успели расконсервировать.

Июнь 1955

Конов Михаил Дмитриевич – капитан
(сотрудник УКГБ по М[осковской] о[бласти])

Перед войной служил в 48 (84?) артбригаде (БВО) в районе Кобрина, старшим сержантом в гаубичном полку. До мая граница в районе Кобрина охранялась строго, но была возможность для военнослужащих уезжать за границу для всякого рода покупок. С начала мая граница была наглухо закрыта. После чего пошли разговоры о возможности войны с Германией.

Суббота 21 июня была объявлена днем техосмотра оружия, гаубицы были разобраны. С 18 часов началось увольнение в город офицерского и сержантского состава на ночь до утра и следующего вечера.

Утром 22 июня 1941 г. расположение артбригады было обстреляно из-за границы массированным огнем немцев. Часть гаубиц удалось собрать, и они открыли ответный огонь по немцам. К вечеру 22 был отдан приказ отходить к Бресту, но пути отхода оказались отрезаны. Бросив матчасть, люди стали прорываться из немецкого окружения и отходить на Минск.

сентябрь 1955

Нестеров Федор Федорович
(пенсионер НКВД)

В начале войны был ст. оперуполномоченный контрразведки 32-й армии. От своего друга Комарова (погиб в 1942 г. на Воронежском фронте) слышал, что тот, будучи начальником контрразведки мехкорпуса, расположенного в Западной Белоруссии, за сутки до немецкого наступления 22 июня 1941 через свою агентуру знал день и час нападения немцев. Однако местное командование не приняло никаких мер. Комаров донес об этих данных по своей линии в Москву, но никакого ответа не получил.

ноябрь 1955

Пивоварова Раиса Денисовна
(завуч Университета марксизма в г. Электросталь)

Накануне войны находилась с мужем в Волковыске, муж служил командиром в Сталинской дивизии Родимцева. С весны 1941 г. в р-н Волковыска стали прибывать новые части. Что произошло там в начале войны, не знает, т. к. ее мужа за 2 месяца до 22 июня 1941 назначили

инструктором в НОА Монголии, и они уехали на место новой работы мужа. Полагает, что почти вся Сталинская дивизия погибла в первые дни войны. Ей, кроме Родимцева, известны только трое сослуживцев мужа, которые уцелели.

декабрь 1955

Забавская Анна Власьевна – бывшая партизанка-разведчица
(учительница биологии 97-й ШРМ г. Москвы)

Брат А. В. Забавской Михаил Власьевич Забавский окончил два института (Минский госуниверситет и Технологический институт) и жил в г. Минске, ему было присвоено звание техника-лейтенанта запаса. 31 марта 1941 г. он был призван на 3-хмесячные сборы в г. Слуцк. Затем от него пришло письмо, что их часть переведена в Белосток и что он 30 июня 1941 года вернется, в дальнейшем он пропал без вести. (В начале войны, когда он был на сборах, домой прибыла из РВК повестка о призыве его в РККА).

Забавская А. В. приехала в Минск из Москвы утром 22 июня 1941 г. О начале войны узнала в пути, их поезд не бомбили. Она утверждает, что 22 июня 1941 г. над Минском летали немецкие разведывательные самолеты, а бомбардировали город 23 июня 1941 г.

июль 1955

Степанушкин Алексей Васильевич
(студент ОЗО РПИ)

С 1940 г. служил помкомвзвода в 30-м автополку (ЗапОВО), который располагался в районе Ново-Борисово.

Полторы тысячи грузовых автомашин полка (ЗИС-3, ЗИС-5) систематически возили военные грузы в районы новой госграницы, где сооружался новый укрепрайон. От военных инженеров слышал, что там сооружались гигантские ансамбли по 4 бетонных ДОТ, связанных между собой системой огня с метровыми стенами. Доты были закончены, но неполностью были вооружены.

С весны 1941 г. перевозки в район новой границы стали особенно интенсивны, вооружение и войска до пунктов выгрузки везли железнодорожным транспортом, а из пунктов выгрузки они шли в районы сосредоточения своим ходом. 30-й автополк перебрасывал военные материалы до Лиды и из Лиды в погранрайоны.

22 июня полк по тревоге был переброшен в Лиду. Рейсами в западном направлении везли воинские грузы, а обратными рейсами эвакуировали население погран. районов. Все время дороги бомбила немецкая авиация.

июль 1956

Успенский Василий Иванович
(студент ОЗО РПИ)

Брат В. И. Успенского – Михаил Иванович Успенский служил в Новоборисове в моточастях.

Весной 1941 г. писал о предполагаемой демобилизации. 18 июня (судя по штемпелю на письме) писал, что не сегодня завтра начнется война. Это письмо пришло к родным 22 июня 1941 г. Был взят в плен, потом вернулся.

Другой брат – Алексей Иванович служил в Овруте^[157] младшим командиром сверхсрочной службы в артиллерийской части, которая готовила командиров. Весной 1941 г., досрочно отпустив курсантов, часть передислоцировалась в Черновицы. 21 июня был в увольнении, был вызван в часть по тревоге. Погиб при прорыве из Черновиц.

июнь 1955

Докарев Леонид Емельянович – майор
(офицер I МАПУ)

Перед войной служил в ОИПТД 121-й сд, расположенной под Бобруйском (БВП).

За несколько дней перед войной стрелковые части в полной боевой готовности выступили к границе для учений. ИПТД был погружен в эшелоны и направлен к Минску. 22 июня 1941 г. в районе Минска эшелоны были бомбардированы вражеской авиацией. ОИПТД так и не соединился с остальными частями 121-й сд.

декабрь 1955

Рабинович М. Д.

(в 1941 г. был начальником Архивного отдела НКВД Киргизской ССР)

Летом или осенью 1941 г. парторганизация НКВД Киргизской ССР рассматривала персональное дело одного бывшего сотрудника. Суть дела была в следующем:

Весной 1941 г. он (я не помню его фамилию) был призван в г. Фрунзе и направлен на учебные сборы по переподготовке начсостава запаса. Теперь мне вполне понятно, как это произошло, т. к. он состоял на спецучете, а у лиц, состоявших на спецучете, были отобраны военные билеты, и они были забронированы и поступали в распоряжение военкоматов лишь в случае их разбронирования. Очевидно, он был разбронированным или был призван на сборы не по линии РККА, а по линии войск НКВД. Его направили в

стройбатальоны, сооружавшие УР в Западной Белоруссии в районе 13-й армии. По его словам, в стройбатах были главным образом «указники», т. е. лица, осужденные к принудительным работам за нарушение указов: хищение соц. собственности, самовольный уход с работы в колхозах, на транспорте в промышленности и т. п., которые были направлены на военно-строительные работы. Личный состав стройбатов был безоружным. В первые дни войны он оказался в окружении, долго пробирался по тылам, уничтожил все свои документы, сумел перейти нашу линию фронта и затем «для установления личности», как он говорил, сумел оказаться во Фрунзе. Производил впечатление совершенно деморализованного человека; рассказывал о панике и неразберихе, которая была в р-не 13 армии в первые дни войны. Парторганизация исключила его из партии за дезертирство и ходатайствовала о направлении на фронт.

июль 1955

Жеребцов Валерий Витальевич

(завуч 1-й костромской средней школы)

Перед войной служил в 43-й авиадивизии (160-й истребительный авиаполк И-16 в Орше, 161 истреб. авиаполк И-153 (Могилев) плюс еще 2 истребительных полка) младшим авиаспециалистом. Перед войной в связи с «особыми маневрами» проводилась интенсивная боевая подготовка, но затем поступил приказ об отмене «особых маневров».

За несколько недель до войны в 43-й авиадивизии были организованы учебные сборы младших авиаспециалистов запаса, приписанных к дивизии. С весны были выделены дежурные звенья, находящиеся в полной боевой готовности. Оружие (личное) было сперва роздано летному составу, затем после ЧП отобрано. Летный состав был «пестрый», ряд летчиков имел после окончания училища всего по 5 часов полета, были и опытные летчики, участники Финской войны и Халхин-Гола. Никаких специальных мер подготовки к военным действиям не было до 21 июня 1941 г. Самолеты были открыто сосредоточены на аэродромах, без каких либо мер маскировки.

Вечером 21 июня 1941 г. внезапно последовал приказ рассредоточить самолеты и замаскировать их. Офицерам было роздано оружие. Утром 22 июня 1941 г. (на рассвете) по боевой тревоге 160-й истребительный авиаполк был переброшен в полном составе в Барановичи и вступил в бой, к вечеру в Барановичи на ТБ-3 были переброшены «техники».

июнь 1955

Анастасьев Евгений Архипович – подполковник
(офицер 1 МАПУ)

Его товарищ летчик рассказывал ему, что утром 22 июня 1941 г. он барражировал в зоне госграницы в Западной Белоруссии, встретил над нашей территорией немецкого разведчика и был им обстрелян. Ответным огнем разведчик был сбит. После приземления наш летчик был арестован Особым отделом и должен был быть отдан под суд за нарушение приказа: не трогать немецкие самолеты и не отвечать на их огонь. Но развернувшиеся военные действия не дали осуществиться этому распоряжению.

июль 1955

Панков Василий Захарович
(студент РПИ ОЗО)

Перед войной служил в 624-м сп 127-й сд (Арзамас), штадив был в Горьком. 1 мая в составе группы 120 младших командиров был направлен для службы в ВДВ в Пуховичи, но не подошел по состоянию здоровья и был откомандирован в 133-ю стрелковую бригаду. 22 июня 1941 г. 133 стр. бригада из района Пуховичи была спешно двинута в Брест, но пробиться туда не смогла и стала отходить вместе с другими частями на Восток, через несколько дней был ранен.

В. З. Панков лежал в госпитале с ранеными, которые успели эвакуироваться из Бреста и района Бреста. От других раненых он узнал, что в Бресте личный состав ничего не знал о приготовлениях врага. Вечером 21 июня командиры, младшие командиры и бойцы были отпущены в город. Внезапное нападение врага вызвало неразбериху и замешательство. Накануне войны в Бресте был задержан в подвале немецкий шпион с рацией.

От раненого моториста части, расположенной вблизи Бреста, он узнал следующее: моторист прибыл в час ночи 22 июня 1941 г. из городского увольнения «выпивши» и лег спать. К 3 часам ночи была объявлена боевая тревога. В воздух поднялось только дежурное звено, а остальные не могли подняться в воздух, т. к. не было разрешения на взлет, а получить разрешение на взлет было невозможно, ввиду того, что были перерезаны линии связи^[158]. Затем на аэродром был совершен массированный налет немецкой авиации, которая разбомбила стоящие на нем самолеты.

июль 1955

Клеймеков – капитан запаса
(студент РПИ ОЗО)

За несколько дней до начала войны окончил Минское танковое училище. Получил лейтенантское обмундирование, вещи, ожидал назначения в часть и находился в лагере училища в Красном Урочище. Последнее время перед выпуском в училище усиленно проводились учения на тему: «Танки в наступлении», которые отрабатывались совместно с прибывшими в эти же лагеря незадолго до войны многочисленными танковыми и стрелковыми частями. В ходе учений училище развертывалось в линейную часть и действовало в качестве танкового соединения.

В 4 часа утра 22 июня 1941 г. проснулся от вражеской бомбежки и вместе с другими спасался от нее в водоеме. Бомбежка продолжалась 3–4 часа, основная масса немецких самолетов бомбила город ^[159], а несколько эскадрилий волнами бомбили военные лагеря в районе Красного Урочища, были потери в живой силе и технике.

Днем 22 июня 1941 г. добрался до Минска и вместе с училищем, которое было превращено в линейное соединение, через 2 дня отправился на фронт. 25 июня 1941 г. на Пуховическом аэродроме участвовал в аресте Павлова (командующий ЗапОВО). Павлова взяли с самолета, на котором он якобы должен был перелететь к немцам ^[160]. Павлова посадили в танк и передали соответствующим властям. Арестом руководил маршал С. М. Буденный.

июль 1956

Прокофьев Вадим Александрович
(преп[одаватель] ОЗО РПИ)

22 июня 1941 г. при бомбардировке г. Смоленска немцы летали шестерками. Налеты производились, главным образом, на окраины, военный городок, ж. д. станции. В первые часы противник разбомбил и поджег огромные воинские склады.

18 июня экспресс Москва – Негорелое опоздал в Смоленск на 6 часов из-за воинских эшелонов, непрерывно идущих на Запад.

V. Украина, Бессарабия, Крым, Кавказ и Закавказье

а) Украина

июль 1955

Коноводов Иван Васильевич
(студент РПИ ОЗО)

К началу войны служил командиром орудия в 368-м гап 137-й сд (КОВО), расположенном в районе гор. Кременец (Западная Украина). 368-й гап вместе с остальными частями 137-й сд располагался в лесу в 7 км от границы в лагере.

Каких-либо оборонительных работ накануне войны части дивизии не производили, о приготовлениях противника к нападению личному составу не было известно. Однако дивизия находилась в боевой готовности. Боекомплект был роздан поорудийно, но к личному оружию рядовым и сержантам патроны не были выданы.

О войне узнали во второй половине дня 22 июня 1941 г. В 15–16 часов 22 июня части дивизии по тревоге были двинуты к госгранице, но занять оборону в погранрайоне не успели, т. к. противник к этому времени уже преодолел погранполосу. Части 137-й сд на марше подвергались массированным налетам немецкой авиации, в результате которых были рассеяны и понесли потери. Затем довольно неорганизованно части 137-й сд начали отход в направлении на Львов (а в дальнейшем на Кировоград).

июнь 1955

Изотов Анатолий Алексеевич – майор
(офицер 1 МАПУ)

Перед войной служил в 375-м пап в Житомире (КОВО) РГК.

За несколько дней до начала войны полк стал переформировываться. Два дивизиона были переброшены к границе и сохранили прежний номер полка. Один дивизион, оставшийся в Жмеринке, был доукомплектован и развернут в 555-й пап РГК.

22 июня 1941 г. немцы разбомбили крупные склады боеприпасов близ Житомира. В полку был порядок.

июль 1956

Дашков Сергей Андреевич
(студент ОЗО РПИ)

Перед войной (с 1939 г.) служил сержантом в 66-м запасном кавполку, который постепенно передислоцировался к границам, Павлоград (1939), Прилуки (Проскуров?), Каменец-Подольск (с февраля-марта 1941 г.) в 32 км от границы. 66-й кавзапполк занимался обучением лошадей, с личным составом проводилась пехотная боевая подготовка.

Весной 1941 г. полк был переформирован в мотополк, лошадей сдали, но автомашины и мотострелковую матчасть так и не получили. За месяц до начала войны стали сооружать за Каменец-Подольском полевой оборонительный рубеж: окопы полного профиля, пулеметные площадки, арtpозиции и т. п. Чувствовалось приближение войны. Было прекращено увольнение. За 3 дня до начала войны бойцам были розданы боевые патроны, гранаты, запасное белье и обмундирование. Вечером 21 июня 1941 г. полк был выведен из Каменец-Подольска по направлению к границе и занял заранее подготовленную линию обороны. Утром 22 июня 1941 г. над расположением полка пролетел самолет. С. А. Дашков определил его как румынский и громко об этом сказал товарищам, его прервал командир и запретил заниматься паническими разговорами: затем полк был подтянут к Каменец-Подольску и днем по тревоге двинут на границу сменить пограничников, а затем был переброшен в Станислав. Под Житомиром остатки 66-го мотополка были влиты в состав 240-й сд.

август 1955

Пушков Николай Николаевич

(преп[одаватель] математики Ярославской средней школы)

Служил накануне войны в 427-м горнострелковом полку 176-й сд в г. Самбор курсантом роты одногодичников^[161]. С весны 1941 г. гсп был в лагерях в районе местечка Рзлuch^[162]. В последние недели перед войной обстановка была крайне беспокойная, все время границу нарушали и летали над расположением частей самолеты с немецкими опознавательными знаками. В апреле-мае границу переходили немецкие и венгерские банды, на ликвидацию которых привлекались воинские части.

18 июня 1941 г. по боевой тревоге 427 гсп выступил к границе: бойцам были розданы боевые патроны, медальоны, каски, и было сказано, что немецкие войска перешли границу. Затем тревога была отменена и вооружение было сдано на склады.

22 июня полк находился в районе пограничного УРа. Весь день летали немецкие самолеты, но военные действия не проводилось. После прорывов немцев в районе Перемышля и Черновиц полк начал отход на Восток.

июль 1956

Белов Семен Степанович

(студент ОЗО РПИ)

Был мобилизован в 1940 г. и служил в 5-й легкой танковой бригаде

Катукова в Проскурове, участвовавшей в освобождении Бессарабии, после чего отдельный разведбат 5-й легкой танковой бригады (БТ-7) был влит в состав 10-й танковой дивизии Героя Советского Союза Огурцова (19-й и 20-й танковые полки – КВ и Т-34), которая дислоцировалась в Золочеве (Зап. Украина) в 60 км от госграницы, ближе к ней. Никаких видимых приготовлений к военным действиям не производилось: оружие не было роздано, проводилось увольнение личного состава, готовилась дивизионная спартакиада.

Утром 22 июня по тревоге 10-я тд передислоцировалась под наблюдением румынской авиации в Перемышль.

июль 1956

Памфилов Владимир Аркадьевич
(студент ОЗО РПИ)

От своего дяди, который служил во Львове начальником боепитания танковой дивизии, слышал, что их дивизия не имела положенного боезапаса к 22 июня 1941 г, а наличная часть боекомплекта не была роздана частям.

август 1955

Волков Павел Иванович – капитан запаса
(преп[одаватель] математики 2-й Ярославской средней школы)

Перед войной был курсантом Бакинского пехотного училища. В апреле досрочно (учился 1 год 8 месяцев вместо 2-х лет) был выпущен и назначен командиром взвода (в звании лейтенанта) в 28 стрелковую бригаду в Кировабад (Азербайджанской ССР), о войне узнал 22 июня 1941 г. из сообщения радио.

В училище получил 2 или 3 письма от брата, который служил в погранвойсках в 150 км за Львовым в Любачеве. Брат писал, что непременно будет война с Германией, что каждую ночь в погранполосе на стороне противника рев моторов, лязганье танков, налеты банд, переброска шпионов. (Цензура пропустила это письмо.)

Об очень напряженной обстановке в погранрайоне в Западной Украине рассказывал и прибывший в отпуск командированный туда на работу учитель средней школы.

сентябрь 1955

Федосов Николай Алексеевич
(сотрудник УКГБ по Московской области)

В мае 1941 г. прибыл в составе пополнения в (?) мотострелковую дивизию в районе румынской границы у Черновиц.

Местное население относилось враждебно, были случаи убийства бойцов. Дивизия была небоеспособна, под предлогом замены матчасти артиллерии новой, старая была изъята из полков, а новая к 22 июня 1941 г. еще не прибыла. Дивизия вступила в бой без артиллерии. В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. вражеская авиация разбомбила находившийся по соседству аэродром, успело взлететь всего 2 самолета. Начальник аэродрома и его зам обвинялись в шпионаже в пользу врага.

Под ударами врага мотострелковая дивизия отошла в леса и стала пробиваться на восток, примерно через неделю ее части были рассеяны и группами стали выходить на Советскую Украину. Федосов примкнул к 88-му полку связи.

январь 1956

Шевченко Федор Павлович

(к. и. н., зав. отделом стран народной демократии Института истории АН СССР)

В конце 1940 г. был послан в Черновицы, директором Исторического архива Черновицкой области.

С весны 1941 г. в Черновицах среди местного населения усилились разговоры о приближении войны, о концентрации немецких и румынских войск, многие в городе слушали английское радио, а Би-би-си в целом ряде передач настойчиво твердило о том, что война Германии с СССР вот-вот начнется.

Сотрудники архива прямо говорили об этом, но Ф. П. Шевченко в соответствии с официальной установкой решительно опровергал подобные разговоры. Кроме того, в город проникали известия о строительстве укреплений в погран. полосе (Черновицы в 22 км от госграницы). Однако в УНКВД царил официальный оптимизм, не было никаких мобпланов, не велось никаких приготовлений к эвакуации архивов. Очевидно, для подъема духа по городу маршировали воинские части с оркестрами.

За несколько недель до начала войны Ф. П. Шевченко был в отпуске в Киеве и вернулся в Черновицы в ночь на 22 июня 1941 г. Ему бросилось в глаза, что город затемнен, на улицах ходили военные патрули (чего раньше не был).

С утра 22 июня 1941 г. над Черновицами появились вражеские самолеты.

Ф. П. Шевченко возглавлял Украинскую комиссию по истории

Великой Отечественной войны. Собранные комиссией материалы и воспоминания свидетельствуют о том, что буржуазно-националистическое подполье в Зап. Украине и Сев. Буковине работало по широкому плану шпионско-диверсионной деятельности.

В ночь на 22 июня и в течение этого дня (и все последующее время) в пограничной и прифронтовой полосе, на дорогах устраивали засады, нападения на перемещающиеся и отступающие части, стрельба на улицах, выводилась из строя связь, производилась сигнализация вражеской авиации и т. п.

июнь 1955

Балаганин Донат Григорьевич – майор
(офицер 1 МАПУ)

Перед войной служил помкомвзвода в 33 особой дивизии Сибирского военного округа (Сталинск).

5 мая дивизия вместе с рядом других частей СибВО выехала для особых маневров на запад.

Во взводы, имевшие по 20 человек, было выдано по 32 винтовки с патронами, бойцам были розданы медальоны. Части должны были доукомплектоваться по прибытию на место. Эшелоны дивизии передислоцировались чрезвычайно быстро, почти без остановок, а на остановках бойцы даже не успевали купить пачку папирос. 12–13 мая части дивизии прибыли в Киев, а затем в Нежин (КОВО).

По приезду в Нежин выяснилось, что туда переброшены войска ряда других частей СибВО, артиллерия, ВДВ, а так же ряд руководящих работников СибВО^[163].

июль 1955

Захаровский Адриан Модестович – старшина запаса
(преп[одаватель] математики средней школы станции Вожич Вологодской обл.)

Перед войной служил в 167-й артбригаде, которая после Финской войны была передислоцирована в Челябинск 13 апреля 1941 г. За несколько дней до Первомайских праздников 167-я артбригада была переброшена в район Фастово (1-е мая встречали в пути) в полной боевой готовности. Было роздано оружие, патроны, медальоны, НЗ и продукты сухим пайком. 22 июня 1941 г. артбригаду не бомбили. Вступила в бой в районе Сум.

июль 1955

Рыжков Денис Петрович – капитан запаса
(студент РПИ ОЗО)

Служил в 498-м гап 134-й сд (район Полтавы ХВО), младшим политруком. Весной дивизия выехала в лагерь в районе Миргорода в Вирейские лагеря.

С начала мая мимо лагеря стали сперва редко (2–3 в сутки), а затем все чаще и чаще проходить воинские эшелоны с живой силой и техникой. Бойцы говорили: «разобьют немцев за 2 недели, а нам делать будет нечего». Дивизия была приведена в полную боевую готовность. На каждое орудие был получен полный боекомплект. Были розданы боевые патроны, медальоны. Были прекращены длительные отпуска и продолжительные отлучки. Усиленно охранялась и патрулировалась территория и границы лагсбора, погрузочная площадка на железнодорожной станции.

Систематически проводилась боевая подготовка: изучение нового оружия: гранаты, автоматы, недавно полученные 152-мм пушки-гаубицы. Ночные учения, маневры с боевыми стрельбами, тщательно отрабатывался прорыв укрепленной линии, преодоление предполья, прорыв долговременной обороны.

Числа 9 – 10 июня 1941 г. на закрытом собрании комполитсостава (по особому списку) с докладом о международном положении выступил приезжий генерал-майор. В центре доклада были наши взаимоотношения с Германией. Пограничные инциденты, преднамеренные перелеты наших границ и полеты над нашей территорией с разведывательной целью. Концентрация войск «на отдых» к нашим границам. Мы тоже подтягиваем войска, «чтобы охранять их покой». Немецкие дивизии подтянуты к нашим границам. Необходимо укреплять боевую и политическую подготовку и быть готовыми ко всему.

22 июня 1941 года около 2-х часов ночи боевая тревога. Приказ развернуться на учебном поле, установить проволочную связь, но рацию не разворачивать. В 7 часов утра собрание комполитсостава всего корпуса проводил член военного совета ХВО, который сообщил о начале военных действий.

Боевой приказ: отправка в первую очередь корпусного артполка, затем 428-го гап. Люди были немедленно переобмундированы в новое обмундирование. Погрузка проведена организованно, несмотря на то, что 4,5-тонные 152 мм пушки-гаубицы приходилось грузить на платформы прямо с земли. Полк выехал с опозданием всего на 1,5 часа против боевого расписания и ночью с 22 на 23 июня был в пути. Т. Рыжков должен был выехать на учебную сессию ВПА (2-й курс) еще 15 мая, но вместе с 8

другими командирами и политработниками задержался, на 22 были выписаны проездные документы, но так в академию и не попал. Началась война.

июль 1955

Мигунов – майор запаса
(Рязанский трест совхозов)

Накануне войны служил в звании старшего лейтенанта командиром роты разведбата 142-й сд, расположенной в районе Белгорода. Весной части дивизии выехали в лагерь. Учеба была чрезвычайно интенсивной. Широко изучался опыт финской кампании. Основной упор делался на отработку наступательных действий, ночной бой.

Части 142-й сд были подготовлены к развертыванию по штатам военного времени. Основная масса приписного офицерского и сержантского состава проходила учебные сборы в частях дивизии. Все было готово к приемке приписного красноармейского состава.

1/3 техники была на ходу, 2/3 на консервации, но в полной исправности. Танки, бронемашины, артиллерия имели при себе положенный боекомплект и были полностью обеспечены ГСМ.

Утром 22 июня 1941 г. в дивизии проводился физкультурный праздник, который был прерван по радио сообщением о начале войны. После этого дивизия была приведена в полную боеготовность. Офицеры в соответствии с мобпланом выехали за приписным рядовым составом. Проходившие учебные сборы офицеры и сержанты запаса были задержаны в дивизии, а затем влились в ее состав.

Через 3 дня дивизия выехала на фронт в Белоруссию. Налетам вражеской авиации до прибытия на фронт не подвергалась.

январь 1956

Погарцев Василий Иванович, капитан милиции
(сотрудник Первомайского РОМ г. Москвы)

С 1939 г. был курсантом пехотного училища в Коростени. Когда весной 1941 г. началась концентрация наших войск на Украине, училище из Коростени было переведено в Киев, где уже было пехотное училище. Город был переполнен прибывающими с востока войсками, под казармы занимали даже гаражи.

Весной 1941 г. последовало распоряжение об эвакуации из Киева ряда училищ в восточные районы страны. (К этому времени их было в Киеве 12.) Помещения училищ передавались прибывающим воинским частям.

Химическое училище было эвакуировано в Вольск, где была необходима мат. база и спец. полигоны, куда и прибыли примерно за месяц до начала войны. В пути все время встречались вереницы эшелонов, везущие на запад войска и вооружение.

Хотя официально никто курсантам не говорил о войне, но у них была твердая уверенность, что она вот-вот начнется.

август 1955

Кузнецов Иван Павлович – капитан запаса (преп[одаватель] физики Нерехтской средней школы Костромской области).

До войны служил командиром батареи 2 Киевского артиллерийского училища.

За несколько недель до начала войны училище было в Ржищевских лагерях (в 30 км от Киева). Это были очень большие лагеря, в них кроме 2 КАУ были еще 4 училища (в т. ч. танковое и связи). Проводилась интенсивная боевая подготовка. Сооружались в натуральную величину ДОТы, и по ним проводились боевые стрельбы. Были отменены увольнения и выходные дни. Примерно за месяц до начала войны комиссар сказал на закрытом комсомольском собрании: «Будет удивительно, если через месяц не загорится порох».

Рано утром 22 июня 1941 г. немецкая авиация бомбила лагерь, училище в пешем строю ушло в Киев. Утверждает, что среди офицеров были разговоры о том, что к 22 июня 1941 г. в КОВО на границах в Западной Украине было 1 400 танков, у которых был слит бензин, «чтоб не ржавели», и их пришлось бросить неиспользованными.

1955

Архангельский Виталий Александрович – старший лейтенант запаса (учитель 130 школы г. Москвы)

Учился в Педагогическом институте. Утверждает, что среди учащейся молодежи была твердая уверенность в близкой войне с Германией, особенно она усилилась после окончания финской войны. Эта уверенность особенно увеличилась, потому что все время проводились большие наборы комсомольцев и молодежи в Военно-Морской флот, авиацию, подводный флот, ВДВ и т. д.

Сам Архангельский без отрыва от института обучался в аэроклубе. За несколько месяцев до начала войны, в соответствии с приказом НКО, был взят из института в армию и по комсомольскому набору был направлен в авиацию в Черниговское авиаучилище.

В училище тоже были уверены в скорой войне. У него сохранилось несколько писем того времени к родным, в которых он об этом писал (цензура эти письма пропускала).

июнь 1958

Тропихин Анатолий Васильевич – капитан
(сотрудник УКГБ по Москве)

В начале июня 1941 г. был откомандирован из аппарата НКВД г. Москвы в формирующийся с конца мая – начала июня на базе штаба МВО штаб Южного фронта^[164] в г. Черновцы ст. оперуполномоченным Особого отдела Южного фронта. Прибыл 24 июня. От товарищей по работе знает, что по всем каналам закордонной информации с начала июня 1941 г. в штаб Южного фронта поступали непрерывные сведения о концентрации немецких войск на участках фронта, но руководство считало их недостоверными.

22 июня в первые часы войны немцы бомбили штаб Южного фронта и особый отдел.

И так все время, во всех пунктах его дислокации.

июнь 1955

Кутузов Алексей Николаевич – подполковник
(офицер 1 МАПУ)

Перед войной был и.о. командира разведдивизиона в 169-й сд (район Жмеринка, ОдВО). Примерно за неделю до начала войны дивизия выступила из района дислокации на маневры, части были в полной боевой готовности. Они заняли оборону на левом берегу Днестра, в том же р-не, откуда в 1940 г. дивизия начала поход в Бессарабию. Были заблаговременно отрыты окопы, оборудованы позиции, КП, НП. Пристреляны все ориентиры. 22 июня 1941 г. дивизия не подвергалась налетам немецкой авиации и каким либо военным действиям.

июнь 1955

Гусев Николай Григорьевич – майор
(офицер 1 МАПУ)

Перед войной был курсантом Одесского артиллерийского училища.

На утро 22 июня 1941 г. предполагалась прогулка курсантов к морю, но она не состоялась. О войне было объявлено в училище по радио днем 22 июня.

Утверждает, что 22 июня 1941 г. Одесса не подвергалась бомбежке с

воздуха.

лето 1966 г.

Донн Лев Климович

(инженер Запорожского Сельэлектро)

Перед войной служил инженером на Киевском судостроительном заводе.

В мае со стапеля строящегося корабля была ясно видна железнодорожная линия на запад, по которой сплошным потоком с интервалом 1–2 минуты шли воинские эшелоны – с людьми и техникой.

В районе Киева расширилась сеть аэродромов, которые строили заключенные.

С утра 22 июня 1941 г. наблюдал, как немецкие самолеты бомбили крупнейший Киевский аэродром^[165].

Л. К. Донн служил во время войны на флоте, от товарищей слышал, что в первые часы имела место неразбериха, ряд судов погиб при бомбежках и на минах, выставленных немцами в районе наших баз и коммуникаций.

август 1955

Гительмахер Давид Моисеевич – полковник

(ст[арший] военпред в Комсомольске на Амуре)

До войны служил старшим военпредом при Николаевских (на Украине) судостроительных заводах.

В предвоенные годы осуществлялась большая судостроительная программа: сооружались в Николаеве линкоры, большими сериями строились эсминцы и более мелкие суда. Были очень высокие темпы строительства военных судов, и оно осуществлялось в крупных масштабах в рамках существующей судостроительной программы. Хотя, как он это позднее узнал в Москве, в центральных военно-морских управлениях шли неофициальные разговоры о близкой войне с Германией, в Николаеве пакт о дружбе и ненападении с Германией оценивался как прочный и существовало твердое мнение, что война будет нескоро. Никаких видимых приготовлений к войне не наблюдалось.

22 июня 1941 г. г. Николаев не подвергался нападению. Николаевский морзавод был эвакуирован в Астрахань (в августе 1941 г.).

б) Молдавия

июль 1956

Микеров Иван Игнатьевич

(студент ОЗО РПИ)

С весны 1940 г. служил в 388 отд. дивизионе ПВО, который располагался в районе ст. Рени в 6 км от берега Черного моря (76 мм, ДШК, строгенные пулеметы^[166]).

Дивизион дислоцировался в районе немецких колоний. Вскоре после освобождения Бессарабии по соглашению с Германским правительством немцы стали поголовно (за небольшим исключением) репатриироваться в Германию. К осени 1940 г. эта репатриация была в основном закончена и в радиусе 60 км от расположения дивизиона не осталось гражданского населения. Положение было тревожным, особенно с весны 1941 г. Во время командировок по Бессарабии многократно слышал от местного населения разговоры о концентрации немецких и румынских войск к границам. Пограничники, органы разведки и НКВД задерживали очень много диверсантов и шпионов, которые любыми средствами пытались проникнуть на нашу территорию, в том числе с моря. Дивизион был в полной боевой готовности.

С весны 1941 г. в Бессарабии происходила концентрация нашей артиллерии и боевой техники.

Утром 22 июня 1941 г. была объявлена боевая тревога, дивизион, находившийся в лагере, развернулся и начал обстрел немецких бомбардировщиков, летавших через его расположение в направлении Одессы, затем дивизион был переброшен к Днестру, и на него была возложена ПВО моста через Днестр.

июль 1955

Ульянов Василий Семенович – лейтенант запаса

(студент РПИ ОЗО)

Служил командиром пульвзвода 47-го мотополка 47 т. д. (Од. ВО) в р-не Измаила.

Полк из района Шово (80 км от госграницы) в мае был передвинут к Измаилу и расположен в 8 км от пограничного УРа.

За месяц до начала войны в части зачитывалось красноармейцам и командирам письмо, полученное местным жителем от его соседа, бежавшего в 1940 г. в Румынию: «Иван, скоро я вернусь, спрячь и береги мое имущество». Вокруг этого письма с личным составом проводились беседы о бдительности и об опасности войны.

За месяц до начала войны наблюдатели стали фиксировать [силь]ную

концентрацию и передвижения румынских войск в погран. р-не, были замечены и немецкие части. Население относилось враждебно, в связи с убийством наших военнослужащих, солдаты не увольнялись, в одиночку ходить не разрешалось, комсоставу выдали пистолеты и боевые патроны.

В 4 часа утра 22 июня 1941 г. часть дивизии была обстреляна из-за границы мощным артогнем. Артогонь велся по хорошо разведанным целям и умело корректировался. Были у нас потери в людях и боевой технике. К 12 часам полк занял оборону в погран. полосе, сменив пограничников, где были заранее подготовленные окопы и траншеи полного профиля. Неорганизованности и паники не было. Полк держал оборону вплоть до приказа об отходе.

апрель 1956

Шрира Шая

(ст. преподаватель географии Тираспольского пединститута)

Перед войной служил преподавателем школы взрослых в г. Аккермане.

В апреле 1941 г. в Аккерман стали возвращаться бессарабцы бойцы интернациональных бригад в Испании, которые находились во французских и немецких концлагерях и после воссоединения Бессарабии как советские граждане были переданы нам немецкими властями.

Они ехали через Германию и оккупированные гитлеровцами районы Европы и лично видели и слышали, что гитлеровские войска стягиваются к нашим границам. Они прямо говорили тов. Шрира: «Что вы здесь сидите, вся Европа видит, что Гитлер вот-вот нападет на СССР и тогда евреям будет конец».

В пятницу 20 июня 1941 г. артиллерийский полк, расположенный в Аккермане, был по тревоге направлен на границу. Офицеров этого полка вызвали с киносеанса в городском кинотеатре, подали им лошадей, и они поскакали галопом догонять передислоцирующийся полк, который был уже на марше.

Утверждает, что подобная срочная передислокация к границе была произведена в целом ряде наших частей, расположенных в Бессарабии, но не повсеместно.

в) Крым

июнь 1955

Зорин Василий Иванович – ст. лейтенант запаса

(директор ШРМ № 6 г. Ярославля)

Служил в 498 гап в Крыму (Симферополь), в Крымской стрелковой дивизии. Накануне войны стояли в лагерях в районе Алушты. Полк занимался интенсивной боевой подготовкой. 21 июня 1941 г. значительная часть личного состава была уволена на ночь, многие поехали в Симферополь.

Утром 22 июня 1941 г. после бомбежки Севастополя в 495 гап была сыграна боевая тревога, но почти никого не было налицо. До августа 1941 г. полк был в Симферополе, затем был переброшен для обороны Перекопа.

г) Кавказ и Закавказье

сентябрь 1955

Богданов Глеб Васильевич – капитан
(зам. нач[альника] ЦГВИА)

В июне 1940 г. был призван на службу в морской погранотряд в Анапу. Вся боевая и политическая работа с рядовым составом строилась исходя из предпосылок прочности союза СССР и Германии и опасности войны со стороны Турции. Утверждает, что по Черноморскому флоту до войны морских бригад не создавалось.

Война с Германией явилась для него полной неожиданностью.

июль 1956

Диденко Юрий Дмитриевич
(студент ОЗО РПИ)

В конце 1940 г. после окончания Касимовского аэроклуба был направлен в Батайскую авиационную школу (самолеты И-16).

Утверждает, что командиры и политсостав все время (с весны 1941 г.) подчеркивали курсантам напряженность международной обстановки, опасность войны с Германией и необходимость успешной боевой подготовки и бдительности.

О начале войны узнали из сообщения московского радио. От летчиков, которые прибывали в Батайск после начала войны, слышал, что на Украине в погранполосе в авиачастях 21 июня 1941 г. под предлогом техосмотра с самолетов были сняты и разобраны моторы и слито горючее.

июль 1955

Попов Федор Петрович
(студент РПИ ОЗО)

Накануне войны служил в 728-м сп 158-й сд в районе Моздока в качестве учителя полковой школы (в полку было много бойцов кавказцев, из которых были созданы 12 групп, изучавших русский язык). После выезда в лагерь в полку проводилась интенсивная боевая подготовка. Комиссар полка говорил: «Чаще ходи на стрельбы, скоро это потребуется». В одном из разговоров комиссар полка сказал, что немцы подтянули к нашим границам 107 дивизий^[167].

С мая в стрелковые и артиллерийские полки дивизии стали в большом количестве прибывать «приписняки», как командиры (что бывало и раньше), так и рядовые (чего обычно не бывало).

22 июня 1941 г. после сообщения Московского радио в полку состоялся митинг, через несколько дней дивизия была переброшена под Житомир.

июнь 1956

Горчаков Владислав Яковлевич

(студент РПИ ОЗО)

В мае 1941 г. был зачислен в 101-й отдельный автотранспортный батальон (оатб) приданный 101-й танковой дивизии (Пятигорск).

101 тд была реформирована из кавалерийской дивизии в мае 1941 г. В батальоне, в котором служил В. Я. Горчаков, почти совершенно не было шоферов, в их роте, в которой числилось свыше 200 «шоферов» фактически был только один настоящий шофер.

К началу войны 101 оатб был в лагерях в районе горы Машук, о начале войны узнали утром 22 июня 1941 г. от комсорга. К 6 июля 1941 г. 101 тд была переброшена в Брянск.

август 1955

Иванов Александр Васильевич – лейтенант запаса

(преп[одаватель] Галической средней школы Костромской области)

Перед войной служил в 3-м прожекторном полку в Баку командиром расчета.

Полк был рассредоточен по охраняемым объектам, проводилась учеба с участием ВВС, имели место аварии наших самолетов, ослепленных прожекторами.

22 июня 1941 г. полк развернулся по боевой тревоге, каких либо налетов вражеской авиации не было. Осенью 1941 г. полк был переброшен под Туапсе.

июль 1955

Аверьянов Николай Иванович

(преподаватель литературы 623-й школы г. Москвы)

Служил в зенитном полку в Тбилиси командиром орудия.

Накануне войны была получена новая техника (ДШК)^[168]. В полку, который находился в лагерях, проводилась боевая подготовка, с учетом опыта Финской войны, но изучение силуэтов немецких самолетов было поставлено слабо (путали со своими). От товарищей слышал, что за месяц до войны полки РГК, переброшенные в СКВО и ЗакВО после Финской войны, стали передислоцироваться на Запад (в Бессарабию).

22 июня 1941 г. о войне узнали из сообщения московского радио, полк был возвращен в Тбилиси, и 1-я рота ДШК немедленно заняла оборону ЗаГЭС.

август 1955

Пахальчук Василий Васильевич – капитан

(сотрудник УКГБ по Московской области)

С 1939 г. служил командиром взвода и политруком разведбата 17-й горно-кавалерийской дивизии в Ленинакане. Советско-турецкая граница была очень беспокойной. Поступили сведения о концентрации турецких войск в погран. районах. Особенно тревожная обстановка сложилась в период советско-финской войны, когда нападение Турции ожидалось с часа на час. После советско-финской войны наше командование перебросило к границам Турции два корпуса и там стало спокойнее.

22 июня 1941 г. прошло спокойно, к тому времени 17-я гкд была в полной боевой готовности. В конце июня через ее расположение были переправлены по 2 эшелона с персоналом германского посольства в Москве и советского посольства в Берлине^[169].

25 августа была введена в Иран, дошла до Тегерана и затем была расквартирована в летней резиденции шаха на берегу Каспийского моря.

В октябре 1941 г. 17-я гкд была переброшена под Москву, вела бои в районе Бородино (в 1942 г. 17 гкд была расформирована^[170]).

август 1956

Якунин – старший лейтенант запаса

(начальник Управления сберкасс г. Харькова)

После Финской войны служил в 24-й кавдивизии, которая была передислоцирована с Финляндского ТВД в Ленинакан. После переброски

наших войск на турецкую границу там было сравнительно спокойно. После начала Отечественной войны 24-я кд была введена в Иран, заняла Тавриз и ряд пунктов в Сев. Иране. В октябре 1941 г. была переформирована в две дивизии, одна была доукомплектована и оставлена в Иране, другая под номером «24-я кавдивизия» была переброшена под Москву.

VI. Действия пограничников и органов НКВД в приграничных районах

(см. также I раздел «б», IV и V разделы)

Литвак Борис Григорьевич
(канд[идат] ист[орических] наук, отв. секретарь журнала «Исторический Архив»)

Б. Г. Литвак имел возможность ознакомиться со сданными после ликвидации МВД СССР архивными материалами Главного управления пограничных войск НКВД СССР за 1941 г.:

1. В начале 1941 г. было принято постановление СНК СССР об охране госграниц в весенне-летний период 1941 г.

Постановление СНК определяло задачи погранвойск весной и летом 1941 г.: меры в отношении различных категорий задержанных нарушителей госграниц. В случае необходимости разрешалось объявлять на границе положение «готовности № 1», т. е. переход на военное положение, причем низшей инстанцией, которой было предоставлено это право, был начальник погранкомендатуры. Приняв первый удар, начальник должен был отойти в глубь территории – играть роль контрразведки и заград. войск.

2. К 17 июня 1941 г. Главное управление Пограничных войск НКВД СССР располагало целым рядом неопровержимых данных о шпионско-диверсионных мероприятиях Германии ярко выраженного предвоенного характера:

а) массовая заброска на нашу территорию шпионов и диверсантов, в ряде случаев в виде воздушных десантов, которые на допросах показывали, что имели задания, выходявшие за «обычные» пределы: вывод из строя важнейших ж. д. станций в тылу наших развертывающихся войск: Дарница, Коростель и т. д.; заброска ряда агентов в районах сосредоточения и развертывания РККА с целью «законсервироваться» и ждать сигнала для начала шпионско-диверсионной деятельности.

б) массовые переброски, особенно на ю.-з. и западных границах, на территории СССР буржуазно-националистических банд (ОУН, прибалтийских фашистов).

в) систематические нарушения наших границ на всем пространстве от Баренцева до Черного моря.

3. Из многочисленных каналов закордонной информации получалось множество данных о военных приготовлениях Германии:

а) от переходивших границу польских беженцев был получен ряд данных об усиленной концентрации немецких войск в Польше;

б) о разговорах немецких военнослужащих о том, что война произойдет в ближайшие дни. Особенно интенсивным поток такой информации стал с 10/VI-1941 г.;

в) от агентуры в Финляндии поступали донесения о прибытии в порты Ботнического залива немецких транспортов с войсками и боевой техникой;

г) на нашу сторону переходили немецкие перебежчики, подтверждающие, что Германия в ближайшее время на нас нападет.

4. Из многих погранорганов поступали непрерывно данные об интенсивном шуме моторов автомашин и танков на немецкой стороне в ночное время, появлении на границе немецких армейских частей, артиллерийских позиций и расположенных на них расчехленных орудиях, направленных в нашу сторону.

5. Главное управление погранвойск НКВД СССР систематически информировало Наркома Внутренних Дел, а он в свою очередь сообщал Правительству об указанных выше данных.

6. В ночь на 22 июня 1941 г. на юго-западной границе ряд погранзастав был сосредоточен в р-н погранкомендатур (в р-не Перемышля, Самбора, Раввы-Русской) и по инициативе местных погран. органов было объявлено «положение № 1».

август 1955

Глезер Исаак Самарович – подполковник в отставке

(преп[одаватель] 1 МАПУ)

Перед войной (с 1935 г.) служил ст. преподавателем погран. училища НКВД (в Лосиноостровский) под Москвой.

О войне с Германией неофициальные разговоры были задолго до войны. Уже с 1940 г. было известно о производящихся перебросках наших войск к западным границам, которые начались за 1/2 года до начала войны. В 1941 г. НКВД издал приказ о задачах и действиях пограничных войск в случае возникновения войны, которым надлежало, приняв первый удар, затем отойти в глубь территории и выполнять роль контрразведки, заград. войск, передав оборону погран. районов армейским частям.

В ночь с 22 на 23 июня 1941 г. [\[171\]](#) работники факультета связи

пограншколы НКВД перехватили передававшийся незашифрованный секретный приказ НКО СССР о начале войны с Германией. Утверждает, что этот приказ был подписан Ворошиловым.

От своего бывшего ученика офицера погранвойск на границе с Румынией (в р-не Могилева) слышал, что примерно за 20 дней до начала войны по всем каналам информации из-за кордона стали поступать в погранрайоны данные об усиленной концентрации румынских войск к нашим границам.

июнь 1956

Орел Михаил

(сотрудник УКГБ по Моск[овской] обл[асти])

С мая 1941 г. служил оперуполномоченным УГБ Волынской обл. в Луцке и Владимире-Волынском. Работал по связи с закордонной агентурой и по борьбе с украинскими буржуазными националистами. Обстановка в Волынской области была очень напряженной. Из-за рубежа систематически перебрасывались крупные банды хорошо вооруженных украинских националистов (по 200–300 чел.). От закордонной агентуры тов. Орел четыре раза лично получал сообщения о концентрации немецких войск к границам Волынской области, о том, что немцы нападут на СССР 7, 10, 14 и в двадцатых числах июня 1941 г.

Утром 22 июня Владимир-Волынский (Луцк?)^[172] был обстрелян из-за рубежа артогнем и подвергся налетам немецкой авиации. Немцы подожгли здания Обкома, Облвоенкомата, Облуправления ГБ и милиции. Немецкими диверсантами в советской форме (бригвоенюрист, техник-интендант и т. д.) был убит секретарь Владимиро-Волынского Обкома КП(б)У.

Чистка населения не была в Волынской области проведена.

ноябрь 1955

Дубровин Константин Васильевич

(пом. нач[альника] ЦГВИА)

В марте 1941 г. работал сотрудником НКВД СССР и был направлен в спец. командировку в Каунас Литовской ССР. Целью командировки было выявление, изучение и изоляция к.-р.^[173] политнеблагоприятных элементов.

Первоначально составлялись картотеки и списки: членов правительства Литвы, руководящих чиновников, членов фашистских организаций, буржуев, кулаков, офицеров, полицейских и других к.-р.

и антисоветских элементов. Одновременно с этим подтягивались части НКВД, которые должны были осуществить спецоперации, сосредоточивался подвижной состав, уточнялся план проведения спецопераций. Аналогичная работа проводилась и в других прибалтийских республиках.

К началу июня все подготовительные мероприятия были закончены. В ночь на 10 июня операция была осуществлена в ряде районов Литвы и Прибалтики, и вплоть до 22 июня 1941 г. осуществлялись «дочистки» и отправка во внутренние районы страны задержанных выселяемых лиц.

Местное население было хорошо осведомлено о готовящемся нападении немцев. Выселяемые в надежде на приход немцев просили отсрочку на 2–3 дня под различными предложениями.

Последними были изъяты и отправлены на Восток местные работники НКВД, суда и прокуратуры, их вывезли 22–23 июня 1941 г. и отправили в спецлагеря, т. к. были опасения, что среди них были «двойники», ряд из них был ликвидирован на месте.

Несмотря на тщательные подготовительные мероприятия, операции были не вполне эффективными: значительная часть немецко-фашистской агентуры не была выявлена, не удалось полностью выявить спрятанное оружие, рации, нарушить связи между к.-р. элементами и их связи с немцами.

Во всяком случае, когда с утра 22 июня 1941 г. Каунас стали бомбить, «5 колонна» начала осуществлять диверсионно-террористическую деятельность в больших масштабах. Причем значительная часть населения относилась к нам враждебно.

К. В. Дубровин уехал из Каунаса с последним эшеленом сначала в Минск, затем в Гомель.

Существовавшие в Прибалтике армии (Литовская, Латвийская, Эстонская) после установления Советской власти были расформированы. Значительная часть солдат и младших командиров распущена по домам, офицерство изъято.

Некоторая часть военнослужащих после проверки и фильтрации была влита в РККА.

март 1956

Финогенов Сергей Павлович – подполковник
(сотрудник УКГБ по Моск[овской] области)

15 апреля 1941 г. в составе целого эшелона (товарных вагонов) в числе других работников центрального аппарата НКВД СССР был направлен в

Каунас для проведения спецмероприятий по линии НКВД в Литовской ССР.

Эшелон ехал из Москвы до Каунаса очень медленно – 4 суток. Операция мыслилась как одновременное изъятие всех политнеблагонадежных элементов на территории Прибалтики, но проводилась она неорганизованно. Из-за опоздания спецэшелона в пути на территории Литовской ССР эта операция началась на сутки позднее, чем в Латвии и Эстонии. Предупрежденные оттуда о начавшейся чистке, многие из предназначенных для изъятия успели скрыться.

Т. Финогенов полагает, что скрылось до 80 % подобного контингента. Так же неорганизованно было проведено отозвание оперативных групп. 17 июня 1941 г. из Москвы было направлено соответствующее распоряжение, но до ряда опергрупп оно не было доведено, и война застала их врасплох.

Местное население было хорошо осведомлено о готовящейся войне и ожидало ее начало к 17 июня 1941 г.

октябрь 1955

Подгорный Иван Петрович – капитан
(сотрудник УКГБ по Моск[овской] области)

Перед войной служил в Москве в Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения (ОМСДОН) НКВД СССР в качестве красноармейца. В апреле 1941 г. ОМСДОН была в полной боевой готовности переброшена в Прибалтику (р-н Вильнюс – Шауляй), ехали, не зная задачи, «как в темный лес».

По приезду на место было объявлено, что на ОМСДОН возлагается выполнение «особых мероприятий»: изъятие к.-р. элементов, фашистов, кулаков, разоружение населения.

Местное население открыто говорило о близости войны, о концентрации немецких войск на наших границах: «Что вы делаете?» «Все ваши меры – это подготовка к войне с Германией», «Скоро сюда придет Гитлер – вам всем несдобровать» – заявляли жители в разговорах с нашими военными.

Утверждает, что в последние дни перед войной в войсках шли бесконечные сборы и служебные совещания начсостава от командира роты и выше, утром 22 июня 1941 г. первый удар приняли части, которые почти не имели комсостава.

Утром 22 июня 1941 г. находился в Шауляе, под бомбежкой с воздуха, части ОМСДОН беспорядочно по железной дороге эвакуировались в Минск «на перекладных», т. е. бросая поврежденные составы. 25 июня

1941 г. успели прибыть в Минск, а оттуда были направлены в Гомель (тоже по ж. д.), где выгрузились в лесу.

При отходе из Прибалтики части ОМСДОН подвергались обстрелу со стороны местного населения.

март 1956

Автократов Владимир Николаевич
(ст[арший] научный сотрудник ЦГВИА)

От своих знакомых латышей и работников, командированных в Прибалтику весной 1941 г. для проведения там чистки (спецмероприятий), знает, что она проводилась следующим образом:

А) Было дано указание об изоляции латышской буржуазной интеллигенции, к которой облыжно были отнесены по формальным признакам (образование) врачи, адвокаты, инженеры, лица с высшим образованием и даже молодежь, только что окончившая средние школы. Они были погружены в вагоны и направлены в спецлагеря. (Подполковник Финогенов, который был во время этой операции, утверждает, что таких указаний не давалось.)

Б) Были изъяты работники полиции, в том числе и рядовой состав, их некоторое время держали под следствием, затем расстреляли, что вызвало нежелательный резонанс среди населения.

март 1956

Колядин Анатолий Степанович – майор
(нач. отд[ела] ЦГВИА)

Перед войной служил в полку НКВД в Куйбышеве. Некоторые части войск НКВД, расположенных в Поволжье, были весной 1941 г. отправлены в Прибалтику для проведения особых мероприятий.

Полк, в котором служил А. С. Колядин, оставался в Куйбышеве.

ноябрь 1955

Конасовский Семен Никифорович – подполковник
(сотрудник УКГБ по Моск[овской] обл.)

Перед войной был комиссаром 226-го полка НКВД в Минске (части соединения были в погран. районах – Брест-1 баталион, Прибалтика, Зап. Белоруссия).

В начале июня 1941 г. 226 полк был укомплектован уроженцами Белоруссии (личный состав увеличился почти вдвое) и направлен для проведения особых мероприятий по выселению и конвоированию

политнеблагонадежных и антисоветских элементов из Зап. Белоруссии (Барановичская, Брестская, Витебская области, Полесье) и Прибалтики (Литва, Латвия) в Казахстан. До 22 июня 1941 г. осуществлял эти мероприятия в соответствии с планом ГВК совместно с частями особого назначения, органами НКВД СССР и БССР и Прибалтийских республик.

С 22 июня 1941 г. был под бомбежками, затем занял и 3 дня до подхода армейских частей держал оборону на р. Березине, потом нес контрольно-заградительную службу в тылу, затем был отправлен для переформирования в Москву^[174].

В период отхода из Зап. Белоруссии до Березины [полк] потерял до 800 ч. дезертиров из уроженцев эвакуированных районов^[175].

июнь 1955

Гуленков – капитан

(сотрудник УКГБ по Моск[овской] обл.)

Перед войной был политруком [в] дивизии НКВД БВО, служил в районе Минска. Был политруком лагсбора войск НКВД.

Примерно за две недели до начала войны на территории БВО были созданы из сотрудников НКВД и войск НКВД опергруппы, которые производили выявление и изоляцию полит. неблагонадежных элементов: эмигрировавших из Польши и Германии, кулаков, раскулаченных и т. п., которые эвакуировались или должны были быть эвакуированы в восточные районы страны.

22 июня 1941 г. был вызван в Минск и использовался для поддержания рев. порядка в городе, который бомбила вражеская авиация.

февраль 1956

Максаков – капитан милиции

(зам. нач. райотдела Ухтомского р-на Моск. обл.)

Перед войной работал оперуполномоченным 2 отделения (м-ки, с.) СПО^[176] НКВД СССР.

С начала 1941 г. в центральном аппарате НКВД СССР среди работников, учитывая просачивающиеся сведения развед. характера, данные командировок и личных наблюдений, складывалось мнение о скором начале войны. Упорно называли весну, затем май 1941 г., когда прошел май, то стали говорить об августе, так что 22 июня 1941 г. было в известном смысле неожиданным (как дата, а не по существу).

В начале июля 1941 г. во 2-й дом НКВД были привезены: генерал-

полковник Павлов, б. ком. войск БВО^[177] и др. арестованные генералы. Тов. Максаков лично конвоировал Павлова. Говорит, что на них было оказано максимальное давление («мотали»), такое, что Павлов за 12 дней совершенно поседел.

Вел следствие К. Е. Ворошилов, которого Максаков неоднократно лично видел и водил к нему обвиняемых на допрос.

Насколько он помнит, Павлову и др. инкриминировались:

а) измена Родине, связь с немецкой агентурой и действия по ее указаниям,

б) преднамеренное вредительство: были разобраны и находились без горючего все (?) танки и самолеты БВО, ЗапОВО, КОВО,

в) сбор совещания руководящих работников 3-х пограничных округов в Смоленске за три дня до начала войны под видом межокружного совещания, на которое ожидался, но не приехал маршал С. К. Тимошенко,

г) стремление опорочить маршала Тимошенко, приписывая ему распоряжение о разборе танков и самолетов и созыве межокружного совещания, причем в ходе следствия была установлена невиновность С. К. Тимошенко.

После окончания одного из последних допросов Павлов сказал конвоировавшему его Максакову: «Наверное, чекист, я скоро погибну, передай родным, что я ни в чем не виновен»^[178].

Июнь

Рабинович М. Д.

В 1941 г. был начальником архивного отдела НКВД Киргизской ССР.

В период 1935–1940 г.г. почти полностью и многократно (при Ежове, Берии, Меркулове, Абакумове) менялся личный состав органов ГУГБ НКВД и его местных органов.

У нас в Киргизии в аппарате двух министерств (НКВД и НКГБ) едва ли было полтора десятка опытных, хорошо знающих дело чекистов, соответственно, такая же картина была в областях и районах. На руководящую и, что особенно плохо, оперативную работу пришли люди хотя и политически, в своей основной массе, благонадежные, но в профессионально-чекистском плане малоквалифицированные. Многие из них прямо со школьной скамьи, минуя низовую, практическую, оперативную работу, пересели в кабинеты Наркомов, зам. или пом. наркомов (Черепанов, Плясунов, Исабеков), начальников отделов (Левушкин – он, кажется, одно время был замнаркома ГБ Киргизской ССР),

отделений.

Еще больше дезорганизовался аппарат органов НКВД – НКГБ в связи с осуществлением весной 1941 г. разделения НКВД на два Наркомата НКВД и НКГБ. Хотя формально по директивам все обстояло просто, в НКГБ уходил аппарат ГУГБ и, казалось бы, размежевание должно было произойти безбоязненно, на деле имела место большая дезорганизация работы. Начался дележ «портфелей», переводимый в другое ведомство начальник стремился взять с собой наиболее работоспособных подчиненных, вновь началась неразбериха, неуверенность.

Этот процесс не закончился к началу войны, и к 22 июня 1941 г. аппарат нашей разведки и к[онтр]-р[азведки] был не вполне работоспособен. Я сужу не только на основе опыта Киргизии, но и из бесед со многими работниками НКВД и НКГБ, которые в начале войны эвакуировались в Киргизию из погран. р-нов Украины, Ленинграда, Крыма, Ростова-на-Дону.

Может быть, в этом кроется одна из причин катастрофы 22 июня 1941 г.

VII. Москва, Подмосковье, Центр

март 1956

Кузнецов Иван Васильевич

(доцент, зав. кафедрой истории СССР Мос[ковского] заочного пединститута)

В конце 1939 г. был назначен начальником I-го Европейского отдела НКВД (Франция). Когда И. В. Кузнецов пришел на работу в НКВД, то там царила безудержно оптимистическая германофильская обстановка. И. В. Кузнецов относился откровенно скептически к советско-германскому договору 1939 г. и очень удивлялся, как его взяли с такими взглядами на руководящую работу в НКВД. После поездки В. М. Молотова в Берлин в 1940 г. и его переговоров с Гитлером и Риббентропом, которые расценивались как в высшей степени удачные, среди работников НКВД сложилось твердое мнение, что теперь немцы нам отдадут все что угодно, вплоть до Индии, этого мнения придерживались зам. нач. I-го отдела и другие подчиненные И. В. Кузнецова, а также ряд руководящих работников НКВД. По линии I-го отдела И. В. Кузнецов никаких данных о подготовке Германии к войне с СССР не получал.

октябрь 1956

Суворов Григорий Иванович
(директор 130 школы г. Москвы)

Перед войной был слушателем высшей дипломатической школы (ВДШ).

Имел доступ к иностранной прессе.

Утверждает, что с апреля 1941 г., особенно после нашего «альянса» с Югославией и последовавшего за ним нападения Германии на Югославию, пресса зап. стран, особенно англо-американская, была полна материалов о концентрации немецких и наших войск, о неизбежности в ближайшее время советско-германской войны. Вопрос был только в сроках, но и те трактовали как самое ближайшее время.

Утверждает, что английский посол С. Криппс дважды делал представления Советскому правительству о концентрации германских войск на наших границах и о подготовке немецкого нападения на СССР. Он имел по этому поводу беседу с И. В. Сталиным.

Однако в наших кругах эти демарши расценивались как английская провокация войны и делались заверения о том, что как мы, так и немцы относимся лояльно к своим взаимным обязательствам.

март 1956

Ребров Павел Георгиевич – полковник (бывш[ий] нач. политдела I МАПУ)

Перед войной работал в аппарате Коминтерна. Коминтерн был почти совершенно оторван от КПГ, находящегося^[179] в подполье. Тон задавали немецкие политэмигранты в СССР, не знавшие истинное положение в Германии. Недооценивалась степень фашизации Германии, популярность гитлеровского режима в стране, слабость и распыленность коммунистического движения, действительное влияние фашистской идеологии и пропаганды на рабочий класс и крестьянство Германии. Возможность нападения Германии на СССР считалась маловероятной, т. к. официально было принято в качестве аксиомы заявление Вильгельма Пика: «Немецкий народ не будет воевать против СССР».

П. Г. Реброву не известны какие-либо сигналы по линии Коминтерна о подготовке Гитлером войны против СССР.

1965

[В. Д. Рабинович приводит отрывки из рукописи книги полковника В. А. Новобранца, бывшего начальника информационного отдела Главного разведывательного управления (ГРУ РККА) с апреля 1940 г. по начало

июня 1941 г. (см. Приложение 2)]

[Далее В. Д. Рабинович приводит записанные на слух отрывки из доклада на XX съезде КПСС 25 января 1956 г. «О культе личности и его вредных последствиях», объясняющие катастрофу 22 июня 1941 г. См. с. 646–665.]

декабрь 1955

Седов Михаил Герасимович
(доцент МГУ)

В 1930 году был секретарем МГК ВЛКСМ по пропаганде, в 1940 г. зам. зав. отделом пропаганды ЦК ВЛКСМ, накануне войны доцентом МГУ. Утверждает, что в период его работы в МГК и ЦК ВЛКСМ в пропагандистской работе проводилась линия о возможности войны, в общем плане: необходимость бдительности и овладения военными знаниями. В 1942–1943 гг. М. Г. Седов работал в комиссии по истории Отечественной войны и проводил запись бесед с рядом руководящих военных деятелей периода Великой Отечественной войны: адмиралом Октябрьским, генералом Еременко^[180], Рокоссовским, Петровым^[181]. Он утверждает, что ни один из руководящих военных деятелей, с которыми он беседовал, не имел ясного представления в предвоенный период о возможности нападения Германии, масштабах и темпах будущей войны.

август 1955

Чемалин Николай Алексеевич
(б. секретарь Барнаульского ГК КПСС,
преп[одаватель] истории 97 ШРМ г. Москвы)

Летом 1939 г. по мобилизации ЦК ВКП(б) был с поста директора школы направлен в числе 5 000 коммунистов на работу в оборонную промышленность.

Пятитысячники должны были: иметь партстаж не менее 5 лет, законченное высшее образование, возраст не старше 40 лет, безупречные анкетные данные, подтвержденные спецпроверкой. Чемалин был направлен на Подольский машиностроительный завод НК Оборонной промышленности. До войны работал на нем начальником учебного комбината, редактором заводской многотиражки, начальником цеха. В декабре 1939 г. был на совещании при ЦК ВКП(б), на которое были приглашены редактора заводских газет. С докладом о международном положении выступил М. И. Калинин. М. И. Калинин ответил сперва на

письменные вопросы, а затем на устные. Поскольку большинство слушателей интересовалось советско-германским пактом, финской войной, началом европейской войны, Халхин-Голом, М. И. Калинин уделил этим вопросам основное внимание. Советско-германский пакт он расценил как явление временное и непрочное, подчеркнул наше миролюбие и готовность к переговорам и заострил внимание на необходимости бдительности и боеготовности в условиях быстро меняющейся, сложной и противоречивой международной обстановки. Он предостерегал от излишне оптимистического и доверчивого отношения. К вопросам советско-германских взаимоотношений. М. И. Калинин указал на то, что сложившаяся международная обстановка неблагоприятна для нас в силу нашей изолированности. Что, если мы будем вынуждены вести войну одни без союзников против Германии и Японии, нам могут «намять бока», но все равно мы в конечном счете победим.

Все пятитысячники, не имевшие высшего технического образования, должны были его получить в Промакадемии им. Л. М. Кагановича, по индивидуальному плану в зависимости от подготовки и условий работы. Профессорско-преподавательский состав вел индивидуальные занятия и консультации со слушателями Промакадемии.

Чемалин утверждает, что в предвоенное время моб. планы промышленности исходили из предпосылки ведения войны на два фронта и предусматривали возможность перебазирования в зависимости от обстановки предприятий с запада на восток и наоборот. Важнейшее значение придавалось созданию филиалов крупнейших оборонных предприятий. Эти филиалы (фактически заводы-дублеры) должны были в случае необходимости заменить выбывший объект или обеспечить одновременный выпуск соответствующей оборонной продукции для нужд Запада и Востока. В частности, Подольский машиностроительный завод имел завод-дублер в Барнауле, где все решительно было готово для того, чтобы в случае нужды принять с Запада эвакуированное оборудование, а также развернуть самостоятельное производство для нужд Востока и Запада, аналогичное Подольскому заводу.

Чемалин был приписан в качестве батальонного комиссара в войсковую часть в Скопине, которая была подготовлена к отправке на Дальний Восток (комсостав был уже подобран) и [должен был] принять все меры к приему рядового состава.

22 июня 1941 г. узнал о начале войны в 7 ч. утра.

Подольский завод эвакуировался в Барнаул поточными «цепочками»: не цехами и отделами, т. к. в этом случае вывод из строя какого-либо

одного звена на длительное время парализовал бы весь завод, а поточными цепочками, каждая из которых самостоятельно могла производить соответствующую оборонную продукцию, и вывод ее из строя только уменьшал производство продукции, не угрожая заводу в целом. В Барнауле «цепочки» входили в строй через день после выгрузки, т. к. еще до войны все было готово к их приему, вплоть до электропроводки, которая была заранее подведена^[182].

ноябрь 1955

Деев Николай Петрович – полковник в отставке
(консультант ЦГВИА)

Перед войной работал в центральном аппарате НКО СССР. Война на нас не свалилась, как снег на голову. В предвоенные месяцы был ряд данных об усиленной концентрации германских войск на с. г. (советско-германской. – А. О.) границе, но они высшим военным и политическим руководством не расценивались как подготовка Германии к нападению на СССР. В частности, в мае-июне резко активизировались разведывательные полеты немецкой авиации над нашей территорией, особенно в Прибалтике в зоне строительства наших пограничных УРов буквально висели целыми днями немецкие самолеты, причем нашим ВВС запрещалось отгонять их силой. Моб. план предусматривал еще в мирное время скрытую подготовку в военных округах фронтовых управлений, которые развертывались с начала войны.

ЛВО скрытно формировал штаб Северного (Карельского) фронта,
ПрибОВО – штаб С-З фронта, команд. ген. Кузнецов,
ЗапОВО – штаб Зап. фронта, команд. фронта ген. Павлов,
КОВО – штаб Ю-З. фронта, команд. фронта ген. Кирпонос,
МВО – штаб Южного фронта, команд. фронта генерал А. Тюленев,
которые были командующими соответствующих военных округов.

сентябрь 1955

Прохоров Павел Андреевич – полковник
(доцент ВПА им. Ленина)

Был мобилизован после окончания Историко-архивного института в РККА в 1938 г. В звании батальонного комиссара служил инспектором ГлавПУР РККА, а незадолго до войны стал адъютантом ВПА им. В. И. Ленина. Утверждает, что с апреля 1941 г. чувствовалась неизбежность войны с Германией.

На партийных собраниях в ГлавПУРе и ВПА прямо говорилось о

предстоящей войне с высокоманевренным, опытным, хорошо вооруженным противником. Поскольку к этому времени был только что заключен договор о нейтралитете с Японией, было ясно, что предстоит война с Германией, хотя открыто об этом не говорилось. Перед политорганами ставилась задача разъяснения характера и классовой сущности предстоящей войны, [оказывать] помощь командованию в боевой подготовке, борьбе за дисциплину, организованность, порядок, укрепление единоначалия. От своего товарища, полковника Смирнова, который в 1941 г. окончил ВПА и был на майском приеме академиков РККА, П. А. Прохоров узнал содержание речи И. В. Сталина, которую Смирнов лично слышал. Основное содержание речи И. В. Сталина сводилось к следующему: война неизбежна. Она будет суровой, напряженной и потребует больших жертв. Победим ли мы в этой войне? Да, победим, как бы тяжело нам ни пришлось.

Суворов Григорий Иванович – перед войной сотрудник НКВД
(директор 130 школы)

На приеме академиков РККА 5 мая 1941 г. произошел следующий эпизод. Один из присутствующих генералов предложил тост за мир. Сталин перебил его. «Плох тот генерал, который предлагает тост за мир, дело генералов воевать, война будет, и будет неизбежно, Гитлер зарвался, он завоевал ряд старых и жизнеспособных стран Европы, надо приостановить его успехи»^[183].

Новиков Олег Сергеевич
(сотрудник УМВД Моск[овской] обл.)

В 1941 г. служил командиром взвода 589-го гап в р-не Кандалакши. Вспоминает, что среди личного состава было известно о речи И. В. Сталина 5 мая 1941 г. и, в частности, та ее часть, где говорилось о том, что Гитлер зарвался и пора его приостановить, пока он не обрушился на СССР.

август 1955

Удилин Александр Федорович – полковник запаса
(офицер I МАПУ)

В мае 1941 г. закончил военную академию им. Фрунзе. Незадолго до окончания слушал доклад о международном положении для слушателей академии. Характеризуя взаимоотношения с Германией, докладчик всячески превозносил нашу боеготовность. Боеспособность немецкой армии расценивалась как дутая (легкие победы над слабыми

противниками), переоценивалась революционность германского народа. Удар на фронте, революция в тылу! В аналогичных тонах выдерживались доклады и в др. местах (в частности, на ЗИСе).

Получил назначение ПНО-5 в дивизию (14 сд.), стоявшую в Коврове, прибыл утром 21.V, когда на Запад уходил 3-й эшелон (части дивизии стали грузиться еще до 22 июня 1941 г.). Дивизия должна была передислоцироваться в Дорогобуж.

сентябрь 1955

Шляпников Николай Павлович – полковник
(Начальник ЦГВИА)

Был заместителем начальника и секретарем партбюро ЦГВИА НКВД СССР. Никакими данными о надвигающейся войне до 14 июня 1941 г. не располагал. 14 июня 1941 г. присутствовал на докладе о международном положении для партийного актива Бауманского района г. Москвы. Был поражен манерой и содержанием доклада. Докладчик, не называя вещи своими именами и не приводя конкретных фактов, дал понять неизбежность и близость войны с Германией. Н. П. Шляпников вынес такую твердую уверенность в этом, что на следующее утро взял отпуск, опасаясь, что не удастся им воспользоваться, и поехал не на юг (в Крым или на Кавказ), как это делал обычно, а в д/о в Кратово под Москвой. Через неделю началась война.

апрель 1956

Головников Вячеслав Константинович – капитан
(ст[арший] научн[ый] сотрудник ЦГВИА)

За неделю до начала войны слушал в ЦПКиО им. Горького доклад о международном положении, который делал известный дипломат Трояновский. В докладе Трояновский тщательно обошел все острые углы наших взаимоотношений с Германией. Однако аудитория была встревожена неясными слухами об осложнениях в отношениях СССР с Германией и докладчику было задано несколько вопросов такого рода. В частности, особенно волновала ряд слушателей поездка Гесса в Англию и ее возможное влияние на ход II-й Мировой войны и наши отношения с немцами.

Т. Головников считает, что намеки на возможность войны были незначительные и она разразилась совершенно внезапно.

апрель 1956

Вержбицкий Василий Гаврилович – полковник
(доцент ВПА им. Ленина)

Перед войной работал заведующим отделом Гос. Исторического музея. До 1940 г. был три года аспирантом ИФЛИ. Неоднократно бывал в предвоенное время на докладах о международном положении, но каких-либо ясных заявлений о близости войны с Германией не припоминает. Хотя в общем виде всячески варьировался тезис о нашей силе, двойном ударе на удар поджигателей войны^[184] и прочие хвастливые сентенции. Лишь с начала мая стали просачиваться сведения о речи И. В. Сталина перед выпускниками военных академий РККА, но сведения эти были очень глухие, отрывчатые и не давали реальной перспективы непосредственной близости войны.

октябрь 1955

Шауров Николай Иванович – полковник в отставке
(консультант ЦГВИА)

Перед войной работал преподавателем тактики воздушного боя В. А. (Военной Академии. – А. О.) им. Жуковского.

Перед войной тщательно изучалась техника и тактика немецкой авиации, т. к. после начала II-й мировой войны они расценивались очень высоко.

Н. И. Шауров имел возможность лично облетать и испытать в различных условиях все основные типы боевых немецких самолетов, которые были закуплены в Германии после заключения пакта 1939 г.

Немцы тогда довольно широко раскрыли перед нами двери своих авиазаводов и конструкторских бюро. Немецкий «Мессершмитт-109» значительно превосходил наши И-16, И-138, «ЛаГГ» и «МиГ» должны были ликвидировать это преимущество, т. к. они строились с учетом передовых достижений мирового авиастроения, в т. ч. немецкого.

К сожалению, в 1941 г. процесс перевооружения нашей авиации новой матчастью был только начат и серийное производство только-только стало налаживаться (война и эвакуация значительно затруднили этот процесс, в этом, по мнению Н. И. Шаурова, одна из причин господства немцев в воздухе в 1941–1942 гг.).

Серьезные просчеты были допущены в дислокации ВВС: авиачасти, перевооруженные новой техникой, были расположены в Западном и Прибалтийском Особых военных округах и в первые часы войны были разгромлены, и значительная часть их техники была захвачена на аэродромах врагом. Таким образом мы остались без новой матчасти, ее

серийное производство не было налажено, его пришлось свернуть в связи с эвакуацией (в угрожаемых и оккупированных врагом районах). Поэтому враг превосходил наши ВВС как количественно, так и качественно. Н. И. Шауров утверждает, что задолго до войны немцы систематически вели аэрофотосъемку, с больших высот, наших городов, аэродромов, ж. д., автострад. Эта работа проводилась не только на трассах полета гражданской авиации и в погран. полосе, но и в весьма отдаленных от границы районах (Киев, Нежин). Для этих целей использовались самолеты Ю-86, весьма солидно оборудованные соответствующей аппаратурой. Один из них в начале 1941 г. наша авиация посадила на наш аэродром, и немцы были пойманы с поличным.

ноябрь 1955

Тупицын Петр Васильевич – майор
(зам. нач. ЦГВИА)

С 1940 по 1946 г. служил в Управлении МПВО^[185] НКВД СССР. Управление МПВО НКВД СССР было создано осенью 1940 г. в целях руководства МПВО и координации действий в этой области различных ведомств. Начальником МПВО страны был Нарком внутренних дел СССР, а на местах – начальники соответствующих управлений НКВД. ПВО страны разделялось на активную – подчиненную РККА – зенитная артиллерия, авиация, служба ВНОС, прожекторные и звукоулавливающие средства, камуфляжи и т. д.; и пассивную – укрытия населения и государственных ценностей, борьба с ущербом, нанесенным вражеской авиацией (восстановительные части), тушение пожаров (пожарная охрана), охрана порядка (органы милиции) – эти функции, а также регулирование движения осуществлялись непосредственно по линии НКВД; кроме того, с Управлением МПВО координировали свои действия и в части МПВО находились под его руководством организации Осоавиахима (комплексы ПВХО, ГСО^[186] – и их пропаганда среди населения), скорая помощь, администрация объектов МПВО – предприятий, учреждений, жилых домов – действующие на советской линии.

По мнению П. В. Тупицына, к началу войны МПВО страны фактически существовало только на бумаге:

а) Не было твердых штатов и четких бюджетных ассигнований, и основные затраты на МПВО перекладывались на бюджеты учреждений и предприятий, средства от которых поступали нерегулярно и не повсеместно.

б) Моб. планы существовали только на бумаге, команды объектов, в основном, только в списках, взаимодействие различных звеньев МПВО не было опробовано на практике, особенно в звене: учреждение, предприятие, жилой дом.

в) Неудовлетворительно обстояло дело с подготовкой бомбоубежищ для населения. Они обычно создавались в малоприспособленных подвалах, со слабыми креплениями, главным образом деревянными. Поэтому в Москве некоторые из них во время бомбежек превратились в братские могилы. Конструируя бомбоубежища, не принимали в расчет тактико-технические данные немецких бомб: их вес, разрушительная сила и т. д.

г) Система подготовки населения к МПВО страдала рядом недостатков: комплекс ПВХО был построен на основе устаревших данных, главный крен в нем был сделан на ГСО и противохимическую защиту, совершенно не отрабатывались вопросы светомаскировки, тушения бомб, бдительность, готовность к отражению коварных уловок, борьба со шпионами и ракетчиками, паникерами, изучение (неразборчиво. – А. О.). В Москве полноценное МПВО было создано лишь после налета 22 июля 1941 г.

март 1956

Шепотковский Яков Семенович

главврач 40 больницы г. Москвы

(Ростокино)

Перед войной работал начальником Курортного управления Наркомздрава СССР.

С осени 1939 г. в Курортном управлении составлялись мобпланы использования местных учреждений этой системы в случае войны для лечения раненых. До февраля 1941 г. было составлено 3 мобплана. Четвертый мобплан был составлен в феврале 1941 г., когда развернулась более интенсивная подготовка к войне.

Однако этот мобплан был составлен без твердого представления о масштабах и продолжительности военных действий, всего в системе лечебных учреждений Курортного управления Наркомздрава СССР предполагалось развернуть 24 тысячи коек.

Целый ряд довольно неясных данных о надвигающейся войне и приготовлениях Германии, поступивших в период марта – июня 1941 г., привел к тому, что 21 июня 1941 г. на совещании в Наркомздраве было дано указание пересоставить моб. план Курортного управления, но к началу войны это, конечно, сделано не было.

Насколько нереальны были предвоенные наметки, видно из того, что когда 23 июня 1941 г. стал в спешном порядке фактически заново составляться план развертывания госпиталей (на базе лечебных учреждений Курортного управления), то было задание немедленно развернуть 100 тысяч коек (вместо 24 тысяч по мобплану февраля 1941 г.).

О начале войны Я. С. Шепотковский узнал из сообщения по радио.

февраль 1956

Кунтиков Иван Никитич – кандидат исторических наук
(нач. отдела ЦГВИА)

В 1938–1941 гг. работал начальником секретного отдела ЦГИАМ НКВД СССР. В этот период неоднократно составлялись моб. планы архива, предусматривавшие в случае войны эвакуацию наиболее ценных и секретных материалов за пределы Москвы, в районы недалеко от нее расположенные, в частности во Владимир.

Когда началась война, все расчеты оказались нереальными, архивы были эвакуированы в Саратов, в значительно меньшем объеме, чем предполагалось.

июль 1956

Васильев Василий Максимович
(студент ОЗО РПИ)

С весны 1940 г. служил в I Московской пролетарской мотострелковой дивизии (в 12 танковом полку Б-Т-И^[187]), затем в 22 саперном батальоне. До 26 июня 1940 г. I МПСД стояла в Москве и была парадной дивизией. 26 июня 1940 г. была направлена для освобождения Прибалтики в полной боевой готовности (розданы боекомплекты, патроны, медальоны), действовала по маршруту Двинск, Поневежье^[188] и др. В октябре 1940 г. была возвращена в Москву и 7 ноября 1940 г. участвовала в параде на Красной площади. С весны 1941 г. личный состав систематически информировали о концентрации немецких войск в Финляндии, в докладах и беседах политсостав (в частности, майор Воронцов, б. зам. Наркома (Воронин?) предупреждал об осложнении международной обстановки и опасности войны с Германией.

Была призвана и задержана после окончания сборов часть приписных командиров, которые должны были быть отпущены в начале июня. О начале войны узнали из сообщения Московского радио.

июль 1955

Гурейко Николай Григорьевич

(асс[истент] кафедры политэкономии в Ярославском Пединституте)

До войны служил в 146-й сд (?) в Сталиногорске (близ Тулы, командиром дивизии был Крейзер) лейтенантом, командиром роты.

В начале мая дивизия выехала в лагеря и стала заниматься интенсивной боевой подготовкой. Осваивалось вновь вводимое минометное вооружение (82-мм и 50-мм минометы), изучался опыт Финской войны. Примерно за месяц до начала войны в дивизию интенсивно стал прибывать приписной состав рядовой, сержантский и досрочно выпущенные офицеры из училищ СибВО и других округов.

22 июня 1941 г. было назначено официальное открытие лагерей. О начале войны узнали из сообщения Московского радио. Через несколько дней часть дивизии уехала (доукомплектовавшись) на фронт как 147-я сд, а оставшаяся развернулась в новую (т. е. полки дивизии «раздвоились»).

июнь 1955

Андреев Александр Андреевич – ст. лейтенант

(сотр[удник] УКГБ по Мос[ковской] обл.)

Перед войной служил под Москвой сержантом-летчиком истребительной авиадивизии Московской зоны ПВО. Дивизия имела на вооружении истребители типов И-16 и И-153, в связи с предполагаемым перевооружением новой матчастью (ЛаГГи, МиГи) был отдан приказ подготовить старую матчасть к сдаче. Были разобраны все моторы, и 21 июня 1941 г. был объявлен техосмотр сдаваемой матчасти. Когда утром 22 июня 1941 г. было объявлено о начале войны, ни один самолет не был в состоянии взлететь.

ноябрь 1955

Жарков Александр Ильич – ст. лейтенант запаса

(инспектор РОНО Советского р-на г. Москвы)

Был мобилизован в 1940 г. по окончании института.

Перед войной служил в частях 52 зенитной арт. дивизии Московской зоны ПВО в Реутово, красноармейцем, затем политработником. Весной 1941 г. части 52 зен. дивизии стали посменно выезжать в лагеря в р-н Ногинска. Подразделения Жаркова должны были быть в лагере до 1 июля 1941 г. Проводилась интенсивная боевая подготовка, но, как показал первый налет немецкой авиации на Москву – 22 июля 1941 г., не вполне эффективная: слабая связь, малоквалифицированное управление огнем,

недостаточная корректировка и дисциплина огня, невысокая меткость.

Приближение войны бойцами 52 зен. дивизии совершенно не ощущалось.

Утром 22 июня 1941 г. полк был поднят по тревоге, погружен на машины и выехал из-под Ногинска в Реутово, о том, что началась война, личный состав не знал. Бойцы были уверены, что их за неделю до срока отзывают из лагерей и везут на отдых. Поэтому они радовались и пели веселые песни. С удивлением они смотрели на грустные лица встречных, которые приветливо махали им руками и бросали цветы. Только приехав в Реутов, они узнали о сообщении Московского радио о том, что началась война.

Дядя А. И. Жаркова, живший в Саратове, за несколько дней до начала войны был призван из запаса в армию. Их часть срочно была погружена в эшелоны и отправлена на особые маневры на Запад. О начале войны они узнали в пути.

июль 1955

Фролов Иван Дмитриевич – сержант запаса
(студент РПИ ОЗО)

Служил в 95 авиаполку (Пе-2?) в р-не Калинина, был младшим авиаспециалистом. Дежурил на аэродроме. 22.V-1941 г. в 12 ч. вместе с другими узнал о войне из сообщения московского радио. Аэродром ударам вражеской авиации не подвергался.

ноябрь 1955

Гительмахер Борис Моисеевич – капитан запаса
(декан Геофака Ивановского пединститута)

В конце 1939 г. был призван на военную службу с должности директора средней школы в Иванове и назначен преподавателем военной географии Ивановского военно-политического училища. Осенью 1940 г. проходил при ГлавПУРе РККА специальный семинар преподавателей военной географии, который продолжался около 2-х месяцев. Семинаром руководили ответственные работники ГлавПУРа РККА. Преподаватели были ответственные работники Генштаба и Академии Генштаба.

В центре семинара стояло детальное изучение важнейших операционных направлений: западного, юго-западного, северо-западного (финляндского) – с учетом войны 1939–1940 гг. (до этой войны финляндский ТВД считался неактуальным, сданная о нем в Воениздат книга была законсервирована с такой резолюцией: «Не актуальный театр –

печатать в 1942 г.». Лишь когда началась война, по распоряжению А. А. Жданова книга была срочно издана), Придунайского, Ближневосточного (читал Сухомлин), Дальневосточного (читал Сапожников) и др. Изучение строилось исходя из предпосылки военных действий на территории возможного противника. В Ивановском ВПУ подготовка к войне не чувствовалась и о ее скорой возможности официальных разговоров не было. (Б. М. Гительмахер тогда был беспартийным и не знает, о чем говорилось на закрытых партсобраниях.) Поступающие в училище разведбюллетени сообщали об усиленном строительстве немецких оборонительных сооружений в Восточной Пруссии и в Польше, передвижение войск противника расценивалось как обычное.

Весной 1941 г. Ивановское училище выехало в лагеря в Горьковском ВО, в одних лагерях с ними были артиллерийские и пехотные военные училища. При Ивановском ВПУ проводились большие сборы политсостава Горьковского ВО запаса, 1 500 человек – первая очередь, предполагались и другие очереди.

22 июня 1941 г. Б. М. Гительмахер не был в части, т. к. получил отпуск и находился в Иванове. Днем 22 июня 1941 г. выехал поездом Ленинград – Горький к месту службы. В поезде уже ехали на Восток несколько семей, эвакуированных из Прибалтики и Ленинграда (возможно, эвакуация их проводилась еще до начала в. д.).

Б. М. Гительмахер рассказывает, что за несколько недель до начала войны из Владимира в Прибалтику был отправлен лагсбор артиллеристов, командиров запаса, и в их числе его друг. В первые дни войны этот лагсбор был уничтожен противником.

март 1956

Щетинкин П. П. – инвалид Отечественной войны

(Университет марксизма-ленинизма в г. Электросталь Моск[овской] обл.)

В мае 1941 г. добровольно вступил в РККА и был направлен в качестве курсанта в Московское военно-инженерное училище, которое тогда дислоцировалось в районе ст. Быково. Прибывшие в училище курсанты были на казарменном положении, увольнения не разрешались. Училище выехало в лагерь, где проводилась интенсивная боевая подготовка.

О начале войны узнал из сообщения Московского радио утром 22 июня 1941 г.

П. П. Щетинкин утверждает, что незадолго до начала войны курсанты старшего курса были досрочно выпущены из училища и в звании младших лейтенантов направлены в войска.

июль 1956

Москвитин Сергей Андреевич
(студент ОЗО РПИ)

В 1940 г. был принят в Орловское пехотное училище, незадолго до этого сформированное. В связи с Финской войной курсанты (все были со средним, незаконченным высшим и высшим образованием) занимались по программе военного времени и в марте дошли по тактике до батальона. После финской войны обучение было начато сызнова с одиночного бойца, к началу Отечественной войны дошло до роты. Подготовка была очень интенсивной по 2-х годичной программе, вместо 3 лет, в начале июня 1941 г. те из курсантов, которые были переведены в Орел после 8-месячного обучения в Тамбовском пехотном училище, и бывшие военнослужащие были досрочно выпущены и направлены в часть. Остальных выпустили в июле 1941 г. после стажировки.

С. А. Москвитин о начале войны узнал, стоя в карауле в ночь на 22 июня, от карнача ^[189] (по секрету, как непроверенную новость), официально о ней курсанты узнали через 2 дня на митинге в лагере.

Кузьмин Василий Иванович
(студент ОЗО РПИ)

Подтверждает то, что говорит С. А. Москвитин, т. к. он обучался в Орловском пехотном училище, кроме сообщения о начале войны, т. к. утверждает, что о нападении Германии узнал из сообщения московского радио.

апрель 1956

Савицкий Алексей Александрович
(слушатель ВПА им. В. И. Ленина)

В 1941 г. досрочно закончил 4-ю артиллерийскую спецшколу г. Москвы. Обычно 10-е классы оканчивали 20 июня, после чего им полагался месячный отпуск плюс время на проезд от Москвы до места отдыха и оттуда к месту дальнейшего прохождения службы. По словам А. А. Савицкого, в 1941 г. «пахло войной». Поэтому их выпуск был выпущен из спецшколы 10 июня (вместо 20) и сразу т. Савицкий получил предписание прибыть во 2-е Ленинградское артиллерийское училище, и 13 июня был отправлен в курсантские лагеря под Лугу, где его и застала война.

Терновский Алексей Алексеевич
(преп[одаватель] географии 97 ШРМ г. Москвы)

Ряд лет был старшим преподавателем географии 4-й Московской артиллерийской спецшколы.

Утверждает, что в 4-й спецшколе не было никаких признаков, которые в какой-то степени могли свидетельствовать о подготовке к войне.

Ни о каких досрочных выпусках летом 1941 г. не припоминает и утверждает, что 10-е классы держали экзамены до 20 июня 1941 г., а младшие классы выехали в лагеря в 7 км от Москвы. (В начале войны эти лагеря бомбили, и несколько воспитанников было ранено.)

Семенов А. М.
(сотрудник УКГБ по Моск. обл.)

С 1935 г. по декабрь 1940 г. служил на Тихоокеанском флоте сперва срочную службу, затем политруком при инженерных спец. частях. После заключения советско-германского договора с Западом на Дальний Восток были переброшены подкрепления.

Пакт 1939 г. расценивался как длительный и взаимовыгодный. В декабре 1940 г. (с опозданием на 3–4 месяца) А. М. Семенов был демобилизован.

В апреле 1941 г. устроился в качестве техника на радиозавод им. Н. С. Хрущева и был избран в профорганизацию цеха.

В мае 1941 г. НКМор. флота^[190] был (делал доклад. – А. О.) на закрытом собрании партийно-профсоюзного актива Калининского района г. Москвы.

Докладчик, предупредив, что сказанное им не должно быть предано огласке, заявил: Германия стягивает к нашей границе войска (количество дивизий А. М. Семенов не помнит), «война с Германией неизбежна». (Так и было сказано!)

Никаких изменений в ритме работы завода, каких-либо прямых указаний на введение предвоенного моб. плана А. М. Семенов не знает.

май 1956

Бровкин Борис – лейтенант
(сотрудник УКГБ по Моск. обл.)

С лета 1941 г. работал слесарем на авиазаводе № 30 (б. № 1 им. Авиахим – Дукс) в Москве. На заводе велась работа по внедрению в серийное производство самолетов-истребителей типа «Лагг»^[191], и с осени

1941 г. они были запущены массовым порядком.

март 1956

Саватеев

(сотрудник УКГБ по М. обл.)

Перед войной работал модельщиком на авиазаводе в Долгопрудном и без отрыва от производства обучался в Московском аэроклубе им. Ляпидевского.

В 1939 г. авиазавод, носивший опытно-экспериментальный характер, перешел от производства истребителей «И-16» к работе над опытными образцами самолета П. О. Сухого «Су-2», легкого одномоторного бомбардировщика.

В аэроклубе им. Ляпидевского, где т. Саватеев обучался с весны 1941 г., открыто говорилось о необходимости тщательно готовиться к серьезным боевым испытаниям (в смысле близкой войны с Германией).

Преподаватель штурманского дела прямо говорил учлетам, что немцы увеличили количество своих дивизий перед нашими границами с 80 до... (т. Саватеев не помнит точно цифры) и поэтому надо особенно интенсивно и тщательно овладевать летным делом.

октябрь 1955

Винокуров Николай Николаевич

(нач. отд. ЦГВИА)

Перед войной его брат, Анатолий Николаевич Винокуров, работал шофером на Мелькомбинате им. А. И. Микояна. В марте 1941 г. был вызван в Бауманский РВК, прокомиссован, затем у него отобрали все документы и отпустили «до особого распоряжения».

21 июня А. Н. Винокуров был задержан на работе, а 22-го рано утром выехал в Одессу в танковую бригаду. 28 июня под Оршей был под бомбежкой немецкой авиации.

июль 1955

Ножкин Сергей Иванович

(студент ОЗО РПИ)

Перед войной работал в Рязанском Обкоме ВКП(б) и Рязанском Облоно, много лет вел пропагандистскую работу. Указывает на то, что лекторский состав Рязанского Обкома был совершенно дезориентирован в вопросах наших взаимоотношений с Германией. До февраля 1941 г. немцы трактовались как добрые союзники и не говорилось ни о каких

разногласиях с ними и каких бы то ни было их приготовлениях против нас.

С февраля по май 1941 г. лекции строились, вообще обходя этот сюжет.

С мая 1941 г. стали очень глухо и неопределенно говорить о необходимости повышения бдительности, но ничего конкретного не было известно, отсюда полная неожиданность 22 июня 1941 г.

июль 1955

Касатков Федор Григорьевич – капитан запаса

(студент ОЗО РПИ)

В 1938–1942 гг. работал военкомом Старожиловского р-на Рязанской области.

В районе проводились частичные мобилизации запасных в период событий на Халхин-Голе, 7 сентября 1939 г. – накануне освобождения Западной Белоруссии и Западной Украины. После окончания советско-финской войны райвоенкомат производил демобилизацию запасных и возвращение в колхозы, учреждения и предприятия мобилизованного автотранспорта и конского состава. Накануне Великой Отечественной войны никаких специальных мероприятий по призыву запасных не проводилось.

Правда, все время были указания на необходимость упорядочения учета, приведения учетных данных в соответствие с действительным положением, производились освидетельствования военнообязанных, работа над мобпланом, комплектование команд по учетным данным и фактически.

На инструктивных докладах в Рязанском облвоенкомате всячески подчеркивалась прочность советско-германского договора, его надежность, это дезориентировало и создавало впечатление, что обстановка более спокойная, чем в 1939–1940 гг., не чувствовалось предвоенной ситуации, и работа носила обычный, деловой характер.

22 июня 1941 г. военкомат приступил к мобилизации военнообязанных в соответствии с моб. планом.

июль 1956

Орлов Михаил Иванович – майор запаса

(студент РПИ ОЗО, преп. истории в ШРМ в г. Михайлове Рязанск. обл.)

Перед войной служил преподавателем в школе в селе Пушкири Михайловского р-на Рязанской области.

С марта 1941 г. в Михайловском районе стали циркулировать слухи и

разговоры о том, что немцы подтягивают к нашим границам с Германией войска. С весны 1941 г. начался, правда в небольших размерах, призыв в армию военнослужащих запаса в Михайловском районе Рязанской области.

июль 1956

Соколов А. И.

(студент ОЗО РПИ)

Учился и жил в Спасском районе Рязанской области. Указывает на то, что с осени 1940 г. в Спасске и Спасском районе Рязанской области стали призывать в РККА из запаса, сперва строителей, плотников, всякого рода специалистов, затем учителей.

Данные т. Соколова полностью подтверждает учитель т. СУББОТИН В. (студент ОЗО РПИ), проживавший в то время в Спасском районе Рязанской области.

июль 1956

Топильский Вячеслав Григорьевич

(студент ОЗО РПИ)

С весны 1941 г. в Рязани и Рязанской области стал успешно проводиться призыв запасных командиров на 45-дневные сборы в Прибалтику, сержантский состав и рядовых запаса спецчастей: артиллеристы, саперы, связисты, минометчики стали призываться для прохождения учебных сборов и направляться в Западные районы для строительства оборонительных сооружений. Сам В. Г. Топильский был таким образом взят в армию 18 июня 1941 г. О начале войны узнал из сообщения московского радио.

июнь 1956

Скляр Илья Маркович

(преп[одаватель] Фрунзенского Пединститута Киргизской ССР)

В мае 1941 г. систематически слушал передачи Би-би-си. Почти в каждой передаче на русском языке Би-би-си сообщала о концентрации немецких войск на советско-германской границе, называла номера дивизий и районы, куда они прибывали.

В июне 1941 г. находился в Истре и постоянно видел воинские эшелоны, идущие на Запад.

декабрь 1955

Жизневский Федор Васильевич – капитан запаса

(директор Библиотеки АН Казахской ССР)

Перед войной был в г. Горьком директором библиотечного техникума. Предвоенная обстановка почувствовалась в мае 1941 г., когда начался массовый призыв запасных, в том числе студентов техникума.

О переводе частей из Горького на Запад не знает. Докладов, в которых говорилось о наступлении войны, не слышал.

апрель 1956

Попов Александр Иосифович

(доктор географических наук, профессор МГУ)

С 1935 г. работал в Институте мерзлотоведения АН СССР и выезжал в географические экспедиции в район нижнего течения Енисея. Подготовка к экспедиции 1941 г. (апрель-май) проходила в Москве, настроение было тревожное, ходили слухи о концентрации немецких и наших войск, майское^[192] опровержение ТАСС расценивалось как косвенное подтверждение этих слухов.

Из Москвы А. И. Попов выехал в конце мая 1941 г., все время пути навстречу по Уральской и Сибирской ж. д. шли вереницы воинских эшелонов с живой силой и техникой, направлявшиеся на Запад^[193].

сентябрь 1955

Павленко Николай Иванович – ст. лейтенант запаса

(ст[арший] научный сотрудник Ин-та истории АН СССР)

Служил командиром кабельно-шестовой роты 16 Отдельного полка связи в Чите.

Ранней весной 1941 г. полк включился в интенсивную боевую подготовку. Капитально ремонтировались линии связи. После поездки Сигимицу^[194] в Москву и заключения советско-японского пакта о нейтралитете 13 апреля 1941 г. началась интенсивная переброска на Запад войск, расположенных к западу от Читы. Это было особенно заметно в связи с тем, что рота Н. И. Павленко работала возле трассы великого Сибирского пути, по которой шли воинские эшелоны в западном направлении.

декабрь 1955

Шнейдер Александр Иеремеевич – лейтенант запаса

(ст[арший] научный сотрудник ЦГВИА)

В 1939 г. по окончании ЛГУ был мобилизован в РККА и направлен красноармейцем в часть связи Дальнего Востока. Перед войной служил в 169 (189?) сп. 252(?) стр. бригады в Благовещенске УР^[195] телефонистом.

169 сп (189?) был переведен в 1938 г. из БВО на Дальний Восток. (В составе УР ДОТы, ДЗОТы, укрепления полевого типа.) До весны 1941 г. сколько-нибудь серьезных симптомов надвигающейся войны на западе не ощущалось, возможно, что был мало осведомлен (хотя связисты обычно все знают о своей части), вероятнее же всего, 169 сп (189?) был в составе УР на самой границе и поэтому такого рода части не подлежали ослаблению. В полку велась интенсивная боевая подготовка и штабные учения. А. И. Шнейдер припоминает, что все-таки, хотя и в очень скрытом виде, часть кадров перебрасывалась на Запад: офицерский состав (в основном, заместители по строевой [части] командиров рот, батальонов, полков). Кроме того, в полку были красноармейцы срочной службы «мартовского» (вместо сентябрьского) набора 1938–1939 гг. Они подлежали демобилизации весной 1941 г., но были задержаны в армии и затем отправлены на запад (либо в последние дни до войны, либо в ее первые дни).

Более значительные переброски с Дальнего Востока были, как полагает А. И. Шнейдер, за счет Забайкальского ВО, часть которых во главе с командующим ЗабВО И. С. Коневым перебрасывалась на Запад в первую очередь.

22 июня 1941 г. полк по тревоге занял позиции в УРе, ожидалось нападение японцев. Позднее, ввиду того что Япония не выступила, а положение осложнилось, началось значительное ослабление Дальневосточных войск.

июль 1955

Фофанов Михаил Михайлович
(студент ОЗО РПИ)

С октября 1940 г. служил во Владивостоке в береговой обороне на полуострове Эгершельд в 9 (?) стройбате.

Укрепление Эгершельда проводилось до 22 июня (и после заключения пакта с Японией), после чего стройбат был расформирован, а часть людей влита в формируемые морские бригады и отправлена на Запад. Нападение Германии – полная неожиданность.

Радзиковский Владимир Антонович – старшина милиции
(учитель ШРМ г. Москвы)

С 1938 года служил на Тихоокеанском флоте (ТФ), во Владивостоке в соединении эсминцев.

С 1938 по весну 1941 г. на ТФ была очень напряженная обстановка, все

время были нарушения наших территориальных вод японскими «кавасаки» и военными кораблями. Нередко дело доходило до открытия огня нашими береговыми батареями, патрульными судами и самолетами.

Личный состав все время был в полной боеготовности и уверенности близкой войны с Японией. С апреля 1941 г. на Тихоокеанском флоте стали формироваться бригады морской пехоты.

В апреле – июне 1941 г. в бригадах шла интенсивная боевая подготовка по пехотному образцу.

Назначение бригад было неизвестно, и личный состав был уверен, что их готовят для нужд на Дальнем Востоке. В бригады подбирали, в основном, личный состав с надводных судов – эсминцев, морских охотников, сторожевиков, т. к. спецподразделения укомплектовывались соответствующими флотскими специалистами: артиллеристами, связистами, пулеметчиками, зенитчиками и т. д.

Война с Германией явилась полной неожиданностью.

Осенью 1941 г. морская бригада, в которой служил Радзиковский, была за 8 дней переброшена из Владивостока под Москву (ехали стремительно, было всего несколько остановок – Хабаровск для питания горячей пищей, в Новосибирске санобработка и т. д.).

Участвовали в боях за Москву совместно со 2-й гв. стрелковой дивизией^[196].

Рабинович М. Д.

Мария Ивановна Панфилова (жена И. В. Панфилова^[197]) рассказывала мне в 1942 г. о той чистке, которая была в армии в 1937–1938 гг.

По ее словам, И. В. Панфилов был единственным (или чуть ли не единственным) руководящим работником штаба САВО, уцелевшим на месте. Был момент, когда и она была единственным работником Политуправления САВО, т. к. остальные были арестованы или сняты с работы.

«Уходя на работу, мы прощались с мужем и детьми, т. к. не было уверенности, что вечером встретимся вновь».

март 1956

Якунин Александр Федорович
(доцент ВПШ)

В предвоенное время работал в Алма-Ате преподавателем Университета марксизма при ЦК КП(б) Казахстана.

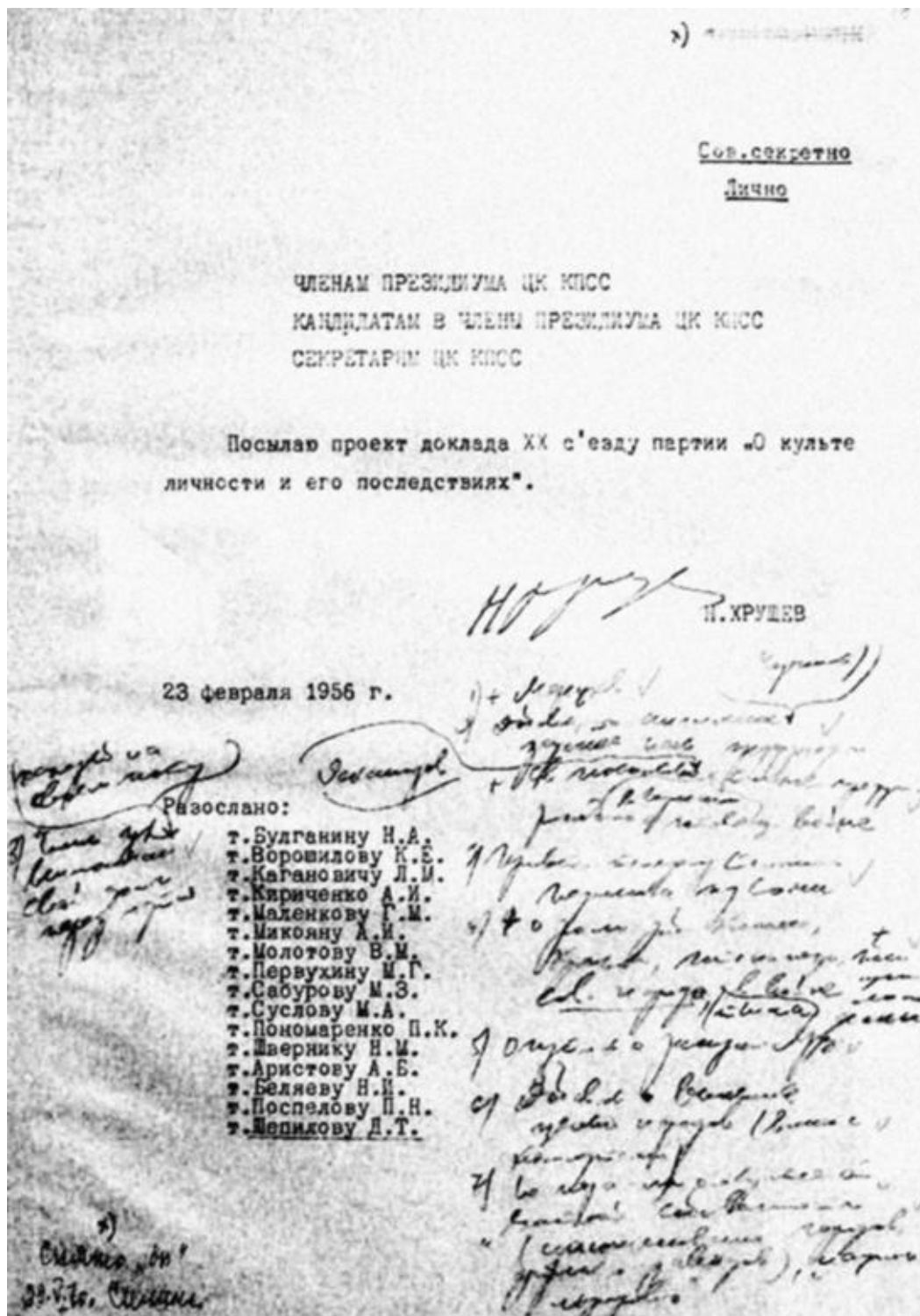
В начале 1941 был мобилизован в армию.

Сначала служил в Казалинске комиссаром продпункта, где наблюдал все усиливающиеся крупные перевозки войск САВО на Запад^[198]. Весной был переведен в Ташкент в Сталинские лагеря. В Сталинских лагерях в очень большом масштабе проводились сборы по переподготовке комсостава запаса: пехотинцев, артиллеристов, связистов, военно-инженерных специалистов и т. д. и политсостава. А. Ф. Якунин работал в политотделе инженерного лагсбора. Очень интенсивно проводилась боевая подготовка с учетом опыта финской войны. Среди руководящих военно-политических работников Сталинских лагерей говорили, что вся эта работа проводится в связи с усиленной подготовкой к войне.

Ряд руководящих работников САВО, в т. ч. генерал И. Е. Петров, был перед войной отозван из Средней Азии и переведен на Запад. Подготовку войск САВО проверял зам. наркома обороны Щаденко. Под его руководством осуществлялась переброска войск на Запад.

Замечания к докладу Хрущева на XX съезде КПСС

В Интернете среди архивных материалов РГАСПИ, представленных в Выставочном зале Федеральных архивов на выставке «XX съезд КПСС. Преодоление...» (3 марта – 9 апреля 2006 г.), я обнаружил интересный документ – сопроводительное письмо от 23 февраля 1956 г., с которым членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС, а также секретарям ЦК КПСС (всего 16 чел.) был разослан проект доклада первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева XX съезду партии «О культе личности и его последствиях». Я привожу этот документ под названием «документ № 1».

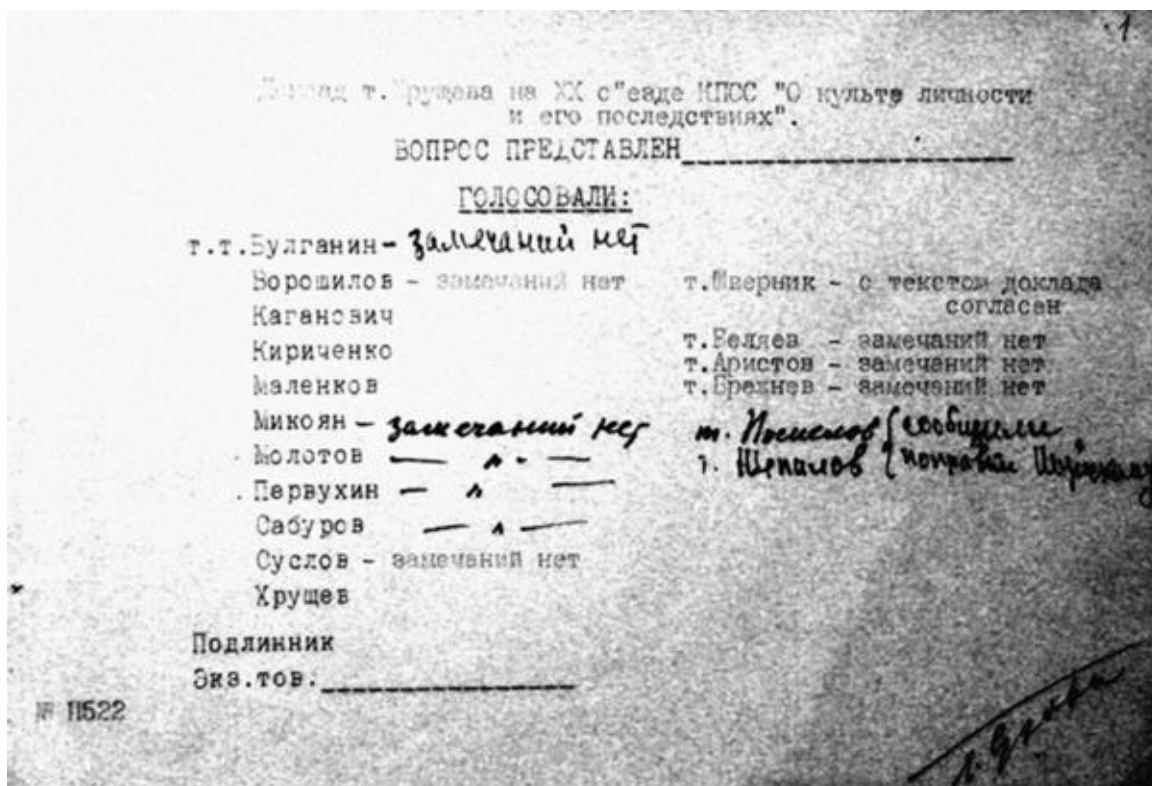
Документ № 1

Очевидно, ранее было принято решение о том, что по прочтении текста проекта доклада каждый даст свои предложения о внесении в него поправок и дополнений. На данном экземпляре письма имеются

предложения лишь одного из шестнадцати его адресатов по внесению в текст доклада восьми поправок (семь написанных от руки пунктов справа от печатного текста и восьмой – слева):

- 1) + Мерецков^[199]
- 2) Добавь, что англичане (Черчилль) заранее нас предупреждали + Сов[етское] Посольство (Деканозов) в Германии также предупреждало о готовящ[ейся] войне.
- 3) Приведи телеграмму Сталина и Жданова из Сочи
- 4) + О роли раб[очего] класса, Крым, Ленинград + члены партии, молодежи, сов[етского] народа, тыла в войне
- 5) Опустить о разм...? [нрзб.]
- 6) Добавить о выселении целых народов (вместе с коммунистами)
- 7) Не пора ли избавляться от «частной собственности» (наименования городов, фабрик и заводов), «национализировать».
- 8) Члены ЦК находились [?] на своем посту, выполнили свой долг перед партией.

Возле каждого пункта поставлена красным карандашом галочка, вероятно, означающая, что Хрущев был ознакомлен с этой поправкой. Просмотрев же текст доклада Хрущева, зачитанного им с трибуны съезда, я обнаружил, что практически все поправки были внесены в него и прозвучали на съезде (ничего нельзя сказать только о неразборчиво написанном п. 5). Не прозвучала лишь часть п. 2 о том, что советское посольство предупреждало Сталина о готовящейся войне^[200]. Совершенно очевидно, что это было сделано из-за упоминания в той поправке фамилии советского посла Деканозова, расстрелянного в 1953 г. вместе с Берией. Не побояться сделать в то время подобное предложение Хрущеву для восстановления исторической справедливости было весьма мужественным поступком.

Документ № 2

Я стал искать автора этих поправок. Из обнаруженного мной на той же выставке документа № 2 стало известно, что свои замечания по докладу дали лишь два человека из списка: кандидат в члены Политбюро и секретарь ЦК Д. Т. Шепилов и секретарь ЦК П. Н. Пospelов (у остальных – «замечаний нет»). Учитывая, что на списке рассылки в документе № 1 подчеркнута фамилия лишь одного адресата – Шепилова, я предположил, что этот экземпляр был отослан ему, а значит, и предложения по поправкам написаны им. Однако слова в тексте поправок, свидетельствующие об обращении на ты («добавь», «приведи»), по отношению к первому секретарю ЦК могли позволить себе лишь люди, находившиеся с ним в товарищеских отношениях, члены сталинского Политбюро – Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, Маленков и Булганин. А содержание поправок говорит о том, что перечисленные лица предложить их не могли, поскольку ставили вопросы, которые касались их самих (например, об использовании их фамилий в названиях «городов, фабрик и заводов»). Обратив внимание на пометку в документе № 2: «поправки сообщили Шуйскому», то есть первому помощнику Хрущева Г. Т. Шуйскому, я понял, что автор поправок мог обращаться на ты именно к последнему, будучи его коллегой по многолетней работе в аппарате ЦК. Окончательно же решить,

кем написаны поправки в документе № 1, помог документ № 3, на котором среди подписей членов и кандидатов Президиума и секретарей ЦК я обнаружил подпись «Д. Шепилов» (справа от слова «областях») и убедился, что поправки на документе № 1 написаны той же самой рукой. И тогда стала понятна главная направленность поправок Шепилова. Скорее всего, он предлагал ознакомить делегатов съезда со странностями и вредоносностью поведения и политики Сталина перед началом и в годы Великой Отечественной войны (из восьми пунктов лишь один п. 7 был не о войне, а в п. 5 текст неразборчивый). Ведь Шепилов – единственный из состава Президиума ЦК, кто воевал с начала до конца войны в Действующей армии и прошел весь ее тяжелый путь, начав рядовым, а закончив генерал-майором – начальником Политотдела 4-й Гвардейской армии. Скорее именно поэтому главная тема его поправок к докладу Хрущева – проявления культа личности в период войны.

Совершенно очевидно, что, вспоминая не отдельное событие, а длительный период, человек выстраивает все самое важное, сохранившееся в памяти, в единый временной ряд. Это видно и в поправках Шепилова.

Вот наиболее вероятная цепочка его воспоминаний и ход его мыслей: предвоенная обстановка (предупреждения со всех сторон о готовящемся ударе Гитлера) – телеграмма Сталина и Жданова из Сочи – роль народа в войне – преследование целых народностей – передача заслуг в «частную собственность» вождей, и в первую очередь Сталина – несмотря на все это, члены ЦК выполнили свой долг в годы войны. Из этого следует, что по своему временному расположению в этой цепочке загадочная телеграмма Сталина и Жданова из Сочи должна тоже относиться к войне. Ведь достоверно известно, что Жданов в 1941 г. выехал в отпуск в Сочи 19 июня и вернулся в Москву 24 июня (из «Кремлевского журнала» видно, что в этот день в 20.25 он вошел в кабинет Сталина следом за летчиком Супруном, который в день начала войны тоже находился в Сочи, и, скорее всего, вместе с ним Жданов прилетел в Москву). Об отъезде Жданова упоминал Молотов в беседах с Ф. Чуевым о начале войны: «Кто-то мне недавно говорил, упрекая: “Жданов-то где был?” Он в Сочи был, когда началась война. Ну, конечно, можно было не ездить в Сочи в тридцать девятом году или в сороковом году, да и дальше в сорок первом, а, в конце концов, больному человеку, что с ним сделаешь, как-то надо дать передышку. Упрекают: “О чем они думали? О войне? Нет, они в Сочи сидели!” Оптимисты, мол, какие, члены Политбюро»[102. С. 45].

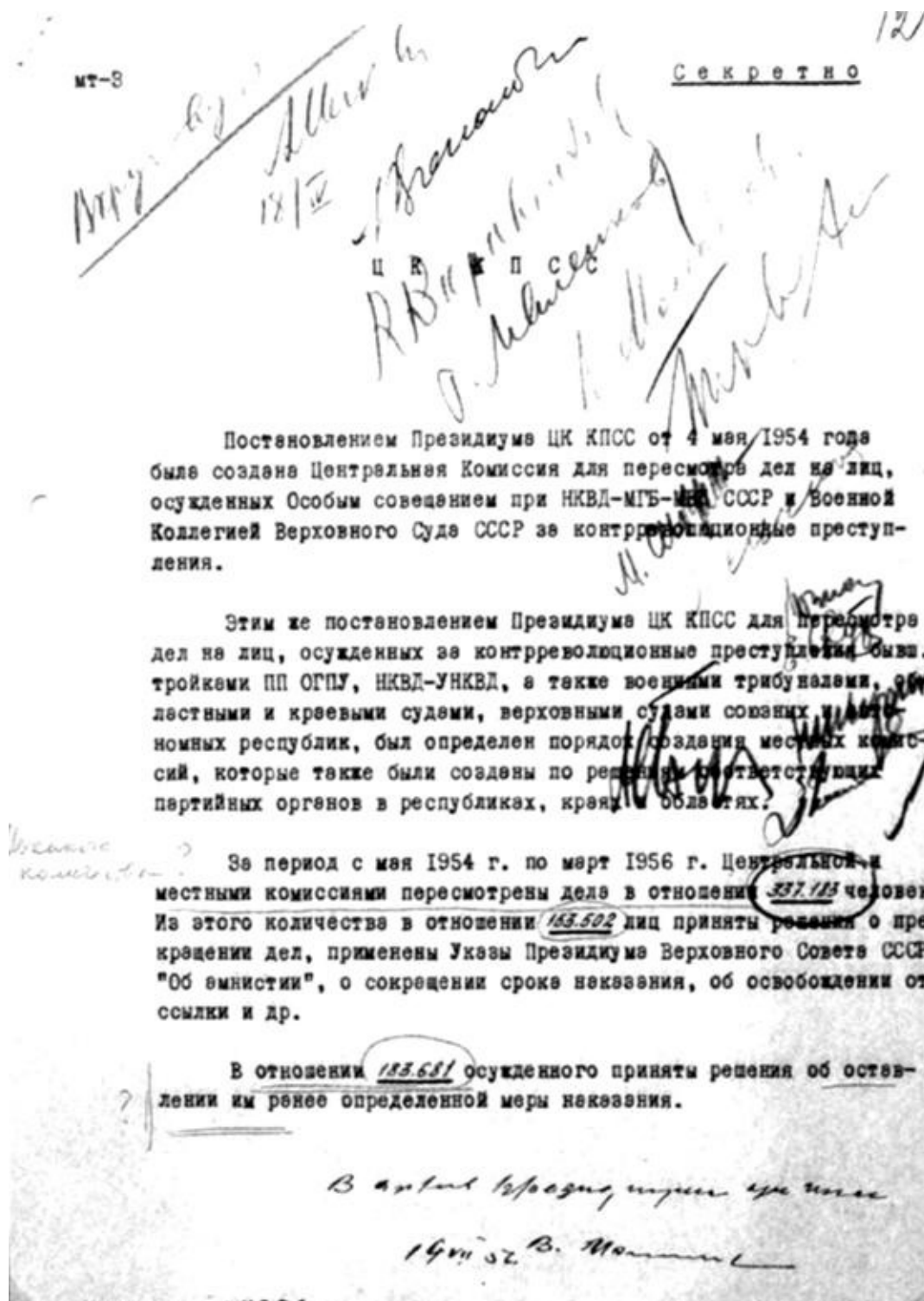
Микоян в своих мемуарах «Так было» пишет: «Кстати, за 2–3 дня до начала войны Жданов уехал в Сочи на отдых. Он был наивен и верил

каждому слову Сталина, который разрешил ему ехать. Я лично был тогда крайне этому удивлен, потому что не верил сталинским расчетам» [55. Глава «Канун войны» (<http://militera.lib.ru/memo/russian/mikoyan/04.html>)].

В двух своих предыдущих книгах о начале войны я уже высказал предположение о том, что 22 июня 1941 г. Сталина в Кремле и вообще в Москве не было, так как он выехал вместе со Ждановым 19 июня 1941 г. в отпуск в Сочи и вернулся лишь 3 июля (этим, на мой взгляд, и объясняется целый ряд загадок 22 июня – невыступление Сталина по радио в тот день, задержка выступления Молотова до 12.15, отсутствие руки Сталина на самых важных документах, связанных с объявлением войны). Поэтому я думаю, что автор поправок, предлагая в пункте 3 «привести телеграмму Сталина и Жданова из Сочи», скорее всего, имел в виду какую-то неизвестную телеграмму из Сочи за подписью Сталина и Жданова, которую они отправили в Москву членам Политбюро накануне или в первые дни войны, потому что она стала бы документом, явно подтверждающим отсутствие Сталина в Москве 22 июня 1941 г. Однако Хрущев в своем докладе привел совсем другую телеграмму Сталина и Жданова из Сочи, полностью относящуюся к теме доклада, очень важную, даже знаковую, но... не имеющую никакого отношения к войне. Вот эта телеграмма от 26 сентября 1936 г.: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года». Полагаю, что Никита Сергеевич схитрил и, следуя только что провозглашенному им принципу коллективности руководства, учел поправку № 3 и привел телеграмму Сталина и Жданова из Сочи, очень важную и нужную для доклада, но совсем не ту, которую, судя по всему, имел в виду Шепилов.

И сделал он это отнюдь не для того, чтобы прикрыть Сталина, а скорее для того, чтобы прикрыть себя. Ведь если бы он рассказал о телеграмме Сталина и Жданова из Сочи 1941 г., то сначала ему пришлось бы рассказать, что 19 июня они выехали туда из Москвы, но он сам, скорее всего, выехал в одном с ними поезде и вышел в Киеве^[201]. Причастность Хрущева к отъезду Сталина из Москвы накануне войны и вообще к загадкам первых военных дней (кроме отъезда из Москвы еще и его приезд с Жуковым в Тарнополь 22 июня, а также самоубийство во время разговора с ним наедине члена Военного Совета КОВО корпусного комиссара Вашугина), на мой взгляд, ярко проявилась и в том, что, придя в 1953 г. к власти, он почему-то не восстановил отмененный Сталиным 23 декабря

1947 г. праздничный День Победы 9 мая, не говоря уж о Параде Победы.

Документ № 3

Арестованный Берия написал 1 июля 1953 г. письмо в ЦК, в котором

он обращался к членам узкого круга руководства партии и страны. В частности, в его обращении к Молотову есть такие строки: «Вячеслав Михайлович! ...Вы прекрасно помните, когда в начале войны было очень плохо и после нашего разговора с т-щем Сталиным на его ближней даче Вы вопрос поставили ребром у Вас в кабинете в Совмине, что надо спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей родины, я Вас тогда целиком поддержал и предложил Вам немедленно вызвать на совещание т-ща Маленкова Г. М., а спустя небольшой промежуток времени пришли и другие члены Политбюро, находившиеся в Москве (значит, не один Жданов, а несколько членов Политбюро отсутствовали в ней после начала войны! – А. О.). После этого совещания мы все поехали к т-щу Сталину (которого тоже не было в Москве, раз к нему поехали! – А. О.) и убедили его [о] немедленной организации Комитета Обороны страны со всеми правами» [50. С. 76].

Напомню, что, судя по документу № 2, поправки к проекту доклада Хрущева на XX съезде дали лишь два человека – Шепилов (он к тому же был еще тогда и министром иностранных дел СССР) и Пospelов. Поскольку из списка рассылки видно, что эти замечания написаны рукой Шепилова (сравните почерк на документе 1 и нижнюю подпись в столбце подписей на документе № 3), то авторство этих поправок очевидно.

Дмитрий Трофимович Шепилов

Замена в докладе Хрущева неизвестной телеграммы Сталина и Жданова из Сочи в Москву 1941 г. телеграммой 1936 г. позволяет установить истинную причину крутого поворота в судьбе и блестящей

нестандартной карьере молодого профессора, который с началом войны стал рядовым красноармейцем, за четыре года войны дослужился до генерала, а после войны – до партийного лидера, члена-корреспондента АН СССР и дипломата-министра. Речь идет о Дмитрие Трофимовиче Шепилове. Его стремление правдиво восстановить события последних предвоенных дней и первых дней войны грозило вскрыть кое-какие неприятные детали деятельности Н. С. Хрущева в тот период. Человека, требующего точно указать, кто и как встретил начало войны, обвинили в том, что он в 1957 г. примкнул к антипартийной группировке Молотова, Маленкова, Кагановича, выступавших против борьбы с культом личности. И даже придумали оскорбительную для него формулировку «и примкнувший к ним Шепилов». Дмитрий Трофимович потерял почти все свои звания и должности и, как пишут его друзья, даже квартиру. Говорят, что после всего случившегося он иногда при знакомстве представлялся как человек с самой длинной в СССР фамилией – Ипримкнувшийкнимшепилов!

Одновременно была пущена утка, объясняющая причину его опалы. Якобы он рассказывал, что однажды напомнил Хрущеву о том, что проходящие через него документы становятся историческими и будут храниться вечно в архивах. А в его резолюции – первого лица партии и государства «Ознакомиться» якобы было сделано пять ошибок: «Азнакомица». Еще говорят, что на июньском пленуме Шепилов будто бы сказал: «Неграмотный человек не может руководить государством!»

В Википедии статья о Д. Т. Шепилове заканчивается так: «участвовал в подготовке доклада Хрущева “О культе личности и его последствиях”, однако подготовленный вариант доклада был существенно изменен». Теперь мы знаем немного больше о том, что именно кроется за словами «существенно изменен». Осталось только найти телеграмму Сталина и Жданова из Сочи, отправленную в июне 1941 г.

Но наш бронепоезд...

Житель Житомира Анатолий Сергеевич Тропаренко рассказывает, что, когда его ребенком вывозили на поезде в эвакуацию в первые дни войны, он видел на какой-то железнодорожной станции советский разбомбленный немецкими самолетами бронепоезд, на борту которого метровыми буквами было написано белой краской: «Вперед на Запад, сыны Отечества!» Довольно-таки странная надпись для первых дней войны, да и некогда тогда было этим заниматься. Во всяком случае, о подобных лозунгах, да еще в районах боевых действий, больше никаких сообщений я не встречал. Скорее всего, эта надпись была сделана еще до начала войны. Но какая тому могла быть причина? Участие бронепоездов в переброске войск к Ла-Маншу (для охраны эшелонов с небоеспособными на время транспортировки советскими войсками)? И вообще, что известно о подготовке советских бронепоездов к войне?».

16 мая 1940 г. начальник автобронетанкового управления Красной Армии, в состав которого входили и бронепоезда (сокращенно называемые «бепо»), командарм 2-го ранга Д. Павлов направил на имя Маршала Советского Союза Кулика, в то время заместителя народного комиссара обороны, письмо следующего содержания:

«Докладываю о бронепоездах Красной Армии.

При существующей насыщенности Красной Армии танками, авиацией и артиллерией – в отношении бронепоездов считаю необходимым проведение следующих мероприятий.

1. Определить тактическое применение существующих бронепоездов в общей системе вооруженных сил Красной Армии, изложив параграф 390 полевого устава (проект 1939 года) в следующей редакции:

“Бронепоезда обладают мощным артиллерийским и пулеметным вооружением, броневой защитой, постоянной боевой готовностью и быстротой передвижения. Они являются в общевойсковом бою действенным средством поражения живой силы, технических и огневых сил противника в районе железной дороги. Только зависимость бронепоездов от железной дороги ограничивает их применение в общевойсковом бою.

Задачи, возлагаемые на бронепоезда, являются:

а) в содействии пехоте и коннице в бою (особенно в обороне) путем

поражения войск противника;

б) в захвате совместно с десантом узлов и пунктов (станций, мостов) важных в оперативном отношении и держание их до подхода своих войск;

в) в охране важных станций, железнодорожных сооружений, перегонов и побережья;

г) в сопровождении наиболее важных воинских эшелонов”.

2. Поручить Генеральному Штабу Красной Армии пересмотреть организацию боевых подразделений бронепоездов и определить количество потребных в военное время бронепоездов и их дислокацию.

3. На вооружении оставить существующий тип легкой бронеплощадки с имеющимися на ней орудийными системами. Замену 76-мм пушек обр. 1902 года на пушки обр. 1902/30 года не производить.

4. Тяжелые бронеплощадки, вооруженные 107-мм пушками обр. 1910 года снять с вооружения как устаревшие по матчасти артиллерии и бронировке и не оправдывающие своего назначения с точки зрения тактического применения.

5. Бронеплощадки на тележках “Фокс-Арбель” в количестве 14 штук немедленно снять с вооружения как устаревшие по оборудованию и небезопасные по эксплуатации по ходовым частям.

6. В качестве тяговой единицы бронепоездов оставить существующий бронепаровоз Ов. Других тяговых единиц (бронетепловоз и пр.) не создавать.

7. Боевых единиц нового образца с новым вооружением и броней большей пулестойкости (мотоброневагоны, бронедрезины и пр.) не создавать.

8. Железнодорожные мины (ЖДТ-3) – снаряды на железнодорожных тележках – как не оправдывающие своего назначения в современных условиях боя снять с вооружения.

9. Подготовить все бронепоезда к переводу на колею западноевропейских железных дорог согласно приложенного плана.

10. Содержание (эксплуатация и депоовский ремонт) и руководство боевой подготовкой бронепоездов передать в ведение УВОСО (Управление военных сообщений. – А. О.) Генерального Штаба Красной Армии.

На АБТУ РККА возложить материальное снабжение и заводской ремонт.

По данным вопросам прошу Ваших указаний.

Приложение.

1. Объяснительная записка по бронепоездам на 6 листах.

2. План работ по подготовке бронепоездов к переводу на железнодорожную колею Западно-Европейских дорог.

Объяснительная записка по бронепоездам.

Общее количество бронепоездов в Красной Армии следующее:

Легких – по штату 33, имеется 28;

Тяжелых – по штату 14, имеется 13;

Батальонов тяжелых бронедрезин – по штату 1, имеется 1...» .

О том, что на Украине был даже не один бронепоезд, а целый дивизион, стало известно из другого интернетовского материала «Состояние бронепоездных частей РККА на 22.06.41 г.» .

Оказывается, на Украине находился 1-й дивизион бепо под командой майора Г. А. Макаева, Киев (КОВО). В него входило 3 бронепоезда: № 15 и № 17 – легкие бепо, № 31 – тяжелый бепо.

Скорее всего, именно в него входил разбомбленный бронепоезд с загадочной надписью, который видел в июне 1941 г. А. С. Тропаренко. Одно удивляет: почему немцы, обнаружив бронепоезд с такой надписью, не подняли шум в прессе, не напечатали нигде его фотографии в качестве подтверждения коварных замыслов русских напасть на Германию?

Легкий бепо № 17 1-го дивизиона бронепоездов, на котором уже хозяйничают немцы. Может, тот самый?

Рассказ профессора истории В. И. Дашичева

Этими воспоминаниями Вячеслав Иванович Дашичев поделился со мной при обсуждении моей гипотезы о начале войны. Я не могу сказать, как он ее оценил, но с тем, что до сих пор ситуация 22 июня 1941 г. неясна, он согласился и даже подтвердил это своим рассказом. Я обратился к нему с просьбой записать его для публикации в заключительной книге моей трилогии, и он любезно это сделал, за что я ему очень благодарен.

«Мой отец Иван Федорович Дашичев – участник Первой мировой войны, герой Гражданской войны, трижды награжденный в то время орденом Боевого Красного Знамени – тогда в их числе было всего лишь тридцать человек. С лета 1940 г. в звании комбрига командовал 35-м стрелковым корпусом, штаб которого располагался в Кишиневе. Корпус входил в состав Одесского военного округа под командованием генерала Никандра Евлампиевича Чибисова.

В начале июня 1941 г. отец пошел в очередной отпуск, и вся наша семья поехала из Одессы в Сочи морем на теплоходе «Грузия». В Сочи нас разместили в военной санатории им. Триандафилова. Отдохнули прекрасно. Назад плыли тем же теплоходом. Проплывая в ночь с 19 на 20 июня мимо крымского побережья в районе Севастополя, мы обратили внимание, что берег был погружен в темноту, не было видно ни единого огня. Кроме того, в открытом море навстречу нам попалась группа наших военных кораблей тоже в полном затемнении. Отца это очень встревожило.

20 июня мы прибыли домой. Отец сразу позвонил в штаб корпуса. После разговора лицо его приняло очень озабоченный вид. Он сказал, что срочно должен выехать на службу. Из штаба он позвонил домой и сообщил, что заночует на работе. И на следующий день он не ночевал дома. К нам приехал его адъютант и просил срочно собрать для отца в чемодан все необходимые на первый случай личные вещи. А нас он ошарашил словами: «Вы тоже упакуйте все нужные фамильные вещи в большой сундук для отправки их багажом в Москву и сами готовьтесь для отъезда из Кишинева завтра или послезавтра».

В ночь с 21 на 22 июня отец снова не вернулся из штаба домой. Рано утром около 5 часов мы проснулись от грохота взрывов. Я выбежал на улицу и увидел в небе довольно низко летящие самолеты, на крыльях которых виднелись немецкие черные кресты. Они сбросили свой

смертоносный груз на Кишинев. В тот же день адъютант отца отвез нас на вокзал и отправил в Москву. Отца мы так и не увидели после нашего возвращения из отпуска 20 июня 1941 г. вплоть до 1953 г. А причиной тому было следующее.

В первые дни и недели войны 35-й стрелковый корпус достойно сражался с врагом, и отец оказался в числе советских военачальников, которым генеральское звание было присвоено первым после начала войны – 24 июля 1941 г. С сентября 1941 г. он принял командование 9-м стрелковым корпусом, оборонявшим в составе Крымского и Кавказского фронтов Крым и принимавшим участие в Керченско-Феодосийской десантной операции. Из боевой характеристики отца: “Проявил себя подготовленным, опытным командиром, в совершенстве владеющим навыком командования частями в бою. Выдержан, тверд, политически развит хорошо. С массой командиров и бойцов связан, авторитетом пользуется” (Великая Отечественная. Командармы: Военный биографический словарь. М., 2006. С. 66). 16 января 1942 г. принял командование 44-й армией после тяжелого ранения ее командующего генерала Алексея Николаевича Первушина. Армия вела тяжелые отступательные бои. В июле 1942 г. получил новое назначение – заместителем командующего Калининским фронтом Ивана Степановича Конева. К месту назначения ехал вместе с одним полковником. В разговоре с ним весьма критически отозвался о военном руководстве Сталина в начальный период войны, о его трагических промахх и ошибках, приведших к тяжелым поражениям Красной Армии. Этот разговор оказался для отца роковым. Он был брошен в тюрьму и просидел в ней без суда и следствия десять лет.

Комкор Иван Федорович Дашичев

Только после смерти Сталина в марте 1953 г. он был полностью реабилитирован решением Особого совещания при МВД СССР от 31 июля 1953 г. за отсутствием состава преступления и восстановлен в рядах Советской армии. А сколько пользы он мог бы еще принести Родине в годы суровых испытаний Великой Отечественной войны, если бы не этот шизофреничный арест. В начале 1942 г. в Красной Армии прокатилась по указанию Сталина новая волна арестов генералов в поисках «козлов отпущений» за поражения 1941 г. Ее жертвой стал и отец. Такая же участь постигла, например, и его друга – генерала Теплинского, бывшего начальником оперативного управления штаба ВВС. Ему инкриминировался заговор с «целью взрыва Кремля». Под пытками, как он рассказал, ему ничего не оставалось, как признать, что он «вынашивал такие планы».

Отец после возвращения на волю остался таким же преданным идеям социализма, каким он был и до ареста. Он сказал мне, что во время революции прапорщиком царской армии перешел по идейным соображениям на сторону Красной Армии и нисколько не изменил своих социалистических убеждений, несмотря на действия Сталина, дискредитировавшие в сильной степени социалистический строй.

Я, естественно, был заинтересован узнать от него, что же произошло в те достопамятные дни 20–22 июня, когда мы вернулись из отпуска в Кишинев и он оба дня не вернулся из штаба домой. Он рассказал, что и в штабе корпуса, и в штабе Одесского военного округа имелись абсолютно надежные сведения войсковой разведки, что группировка немецко-румынских войск в Румынии приведена в полную боевую готовность для начала войны против Советского Союза. Что нападение может состояться 21 или 22 июня, и поэтому все было сделано, чтобы отразить его. На этот счет он получил указания от командующего Одесским военным округом генерала Чибисова. Приведение войск корпуса в полную боевую готовность позволило им успешно отразить наступление противника и удерживать границу. Лишь прорыв немецких войск севернее, в Украине, заставил войсковую группировку Одесского военного округа планомерно, без потерь в живой силе отступить в глубь советской территории.

Таковы вкратце интересные данные, почерпнутые мной из рассказов отца, о ситуации непосредственно в канун Великой Отечественной войны и о ее начале в полосе Одесского военного округа.

Доктор исторических наук, профессор, полковник в отставке, участник Великой Отечественной войны Вячеслав Иванович Дашичев.

4 июня 2011 г.».

Из рассказа В. И. Дашичева (в июне 1941 г. ему было уже 16 лет) можно сделать несколько выводов:

встреченный его семьей в открытом море Черноморский флот возвращался с запада, значит, учения происходили в западной части Черного моря;

флот вернулся в Севастополь, скорее всего, 20 июня;

на время учений в Севастополе вводилось затемнение, которое можно было наблюдать со стороны открытого моря, в том числе с любого самолета или любой подлодки возможного противника.

Отца В. И. Дашичева это очень встревожило, так как он был крупным военачальником и понимал, что учения всего флота с затемнением главной базы советского флота может быть воспринято вероятным противником как подготовка удара по Румынии или Турции и стать серьезным поводом к конфликту – той самой «провокацией», которой Сталин опасался тогда больше всего. Отправка семьи командира из западного приграничного района в Москву в то время рассматривалась как повод к созданию паники, и командир корпуса мог себе это позволить только с разрешения вышестоящего командования. И отнюдь не в связи с возможностью начала войны, а скорее всего, в связи с предстоящим его отъездом. Но куда он собирался срочно уехать со своим корпусом?

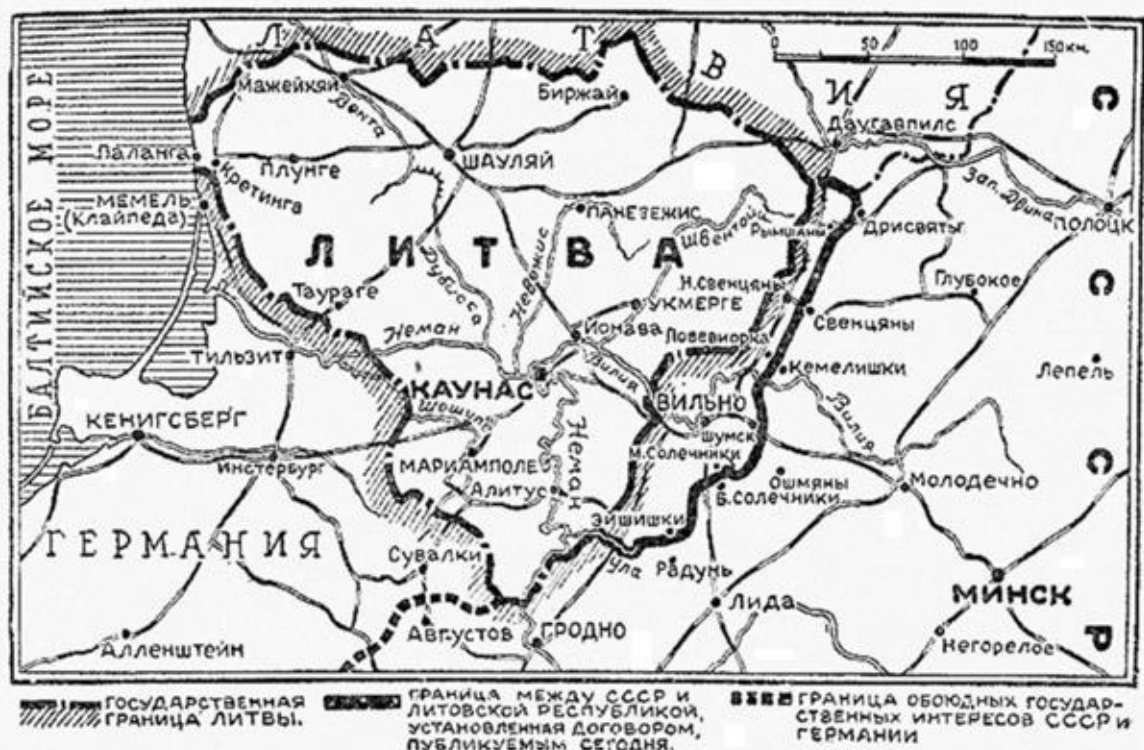
Что касается бомбардировки Кишинева утром 22 июня, то, скорее всего, бомбили аэродромы рядом с Кишиневом, так как результатов этих авиаударов Вячеслав Иванович в городе не видел.

Вызывает вопрос и большой интерес должность, которую занимал 22 июня 1941 г. генерал-лейтенант Чибисов. В большинстве источников, включая самые солидные (*Калашников К. А. и др. «Красная Армия в июне 1941 года»* [37. С. 100] и *«Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940–1941 гг.: Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий: Документы и материалы»*. М.; СПб.: Летний сад, 2005. С. 90. С. 213–214), указывается, что командующим ОдВО с июля 1940 по 21 июня 1941 г. был Черевиченко, который 22 июня 1941 г. стал командующим 9-й армии; а Чибисов был заместителем командующего ОдВО, а с 22 июня – командующим Приморской армии. Однако в целом ряде источников говорится, что с января 1941 г. по 22 июня 1941 г. (в некоторых – с марта по май) Чибисов был командующим ОдВО. Объяснить такое странное «двоевластие» в ОдВО можно, предположив, что на время откомандирования куда-то

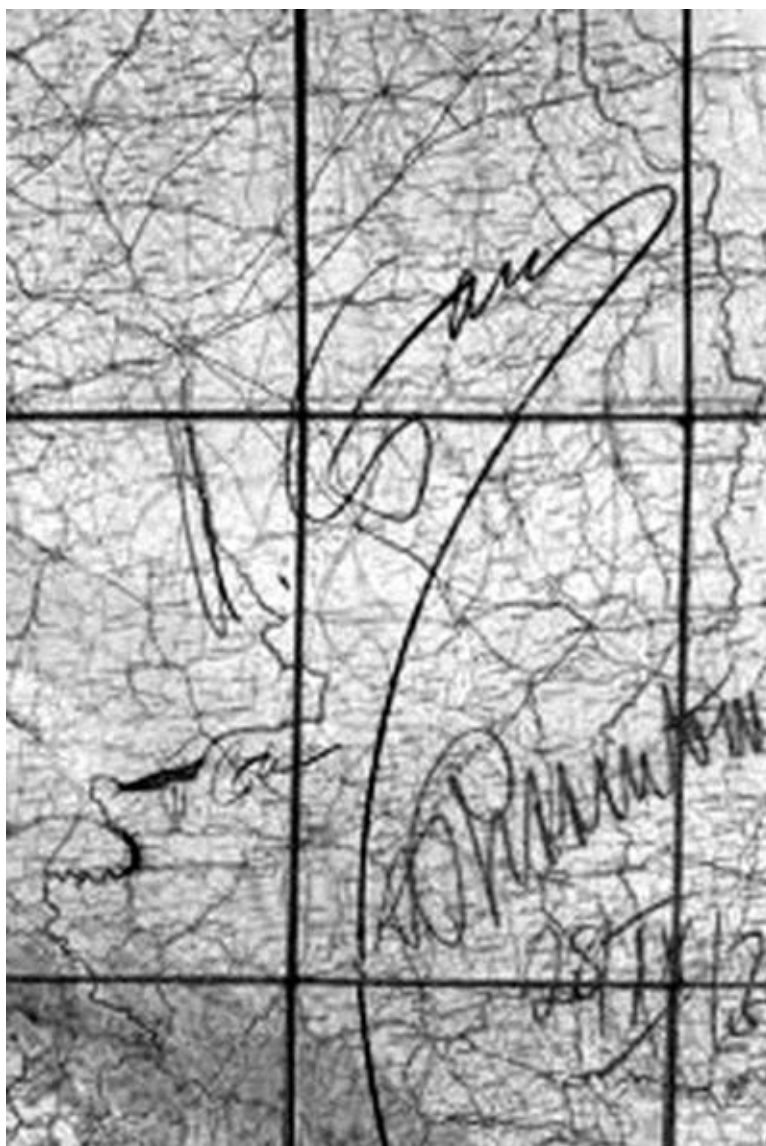
Черевиченко обязанности командующего округом исполнял Чибисов. Это «куда-то», скорее всего, означает – на подготовку Великой транспортной операции, причем в южном направлении. Думаю, что и предстоящий отъезд комбрига Дашичева, о котором ему было объявлено 20 июня 1941 г., был связан с этой же операцией, так же как и рассказ его сына о 22 июня 41 г., выводящий на тему «К чему же готовились?». Полагаю, что в первую очередь именно эта тема, затронутая генералом Дашичевым в беседе с попутчиком в 1942 г., стала причиной его немедленного и внесудебного ареста и заключения. Полагаю также, что именно особая подготовка к южной части этой операции стала причиной повышенной готовности наших войск в первый день войны на участке ОдВО и Черноморского флота. Однако не исключено, что принятое их командованием решение о приведении войск и флота в полную боевую готовность вопреки командам из Москвы стало причиной нелюбви и даже недоверия Сталина и его ближайшего окружения к военачальникам-«южанам» – Черевиченко, Чибисову, Дашичеву, Колобязкову, Мичугину и другим, а также к наркому ВМФ Кузнецову и ряду его заместителей.

«Известный “кусочек” Литвы» (загадка Сувалок)

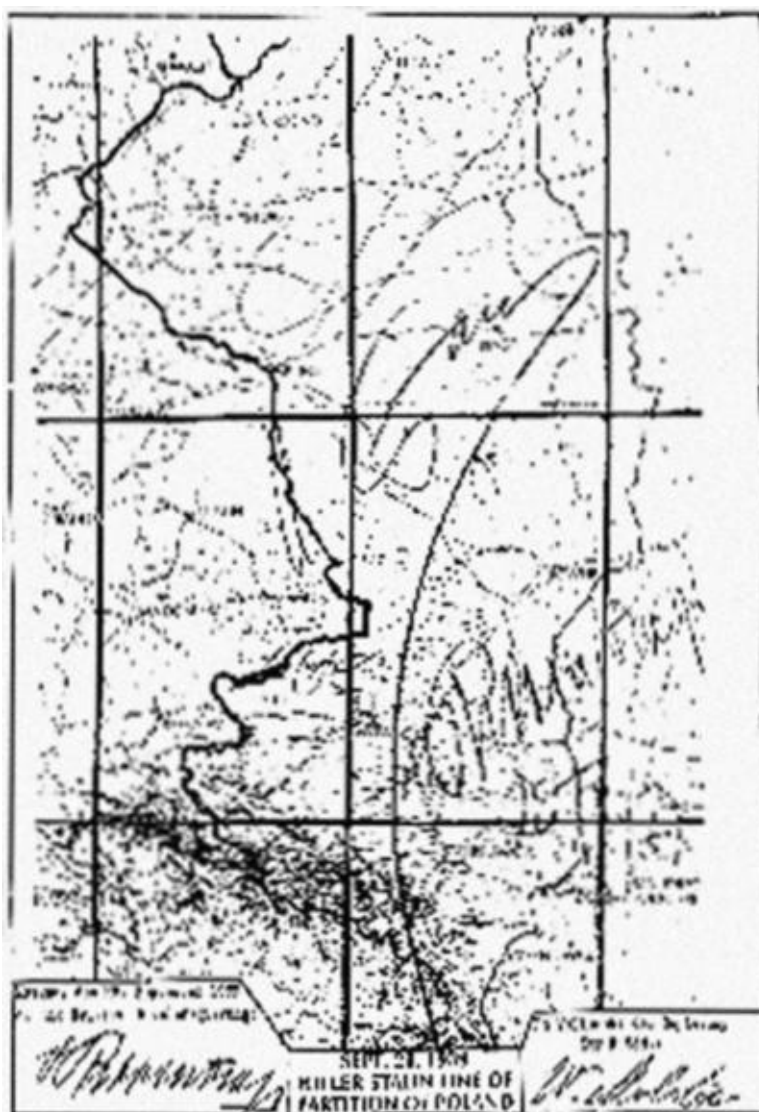
В своей книге «Великая тайна... Новая гипотеза...» я уже писал о том, что наконец выяснил, за что Советский Союз 10 января 1941 г. обязался заплатить 7,5 млн долларов золотом – за передачу Германией Сувалкской области, называемой также Сувалкским выступом или Сувалкским треугольником [63. С. 59–60]. В секретном протоколе, подписанном в этот день, было указано: «Правительство Германской империи отказывается от своих притязаний на полосу литовской территории, упомянутой в Секретном дополнительном протоколе от 28 сентября 1939 года и обозначенной на карте, приложенной к этому Протоколу». Чтобы все было наглядно, привожу отрывок из текста Протокола от 28 сентября 1939 г.: «настоящая германо-советская граница... должна быть исправлена таким образом, чтобы литовская территория, расположенная к юго-западу от линии, обозначенной на приложенной карте, отошла к Германии». Одновременно привожу прилагавшуюся к Договору от 28 сентября 1939 г. карту. К настоящему времени она опубликована в трех вариантах:

Вариант 1. Вырезка из газеты «Известия» за 29 сентября 1939 г. (эта карта была напечатана во многих советских газетах).

Вариант 2. Фрагмент подлинной цветной карты (на который Сувалкский выступ не попал), приложенной к договору

Вариант 3. Черно-белая копия немецкого экземпляра подлинной карты (Сувалкский выступ в левом верхнем углу)

Из этих карт следует, что в секретном протоколе речь идет не о чем ином, как о Сувалкском выступе, поскольку именно он находится на юго-западе от германо-литовской границы. Поэтому на карте, приложенной к подписанному 10 октября 1939 г. «Договору о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой» и опубликованному в советских газетах, с согласия Литвы Сувалкский уезд указан уже в составе Германии (причем без всяких оговорок и пунктирных линий, отделяющих его от Германии). Из этого следует, что уже через 12 дней после подписания 28 сентября Договора о дружбе и границе и секретного протокола к нему Сувалкский

выступ должен был отойти к Германии, хотя прежде никогда не входил в ее состав (до 1917 г. это был Сувалкский уезд России, а с 1920 г. Сувалкский уезд Литвы). Формальным поводом для передачи его Германии послужило проживание на его территории лиц немецкой национальности, хотя их там было лишь 7,3 %.

Почему Сталин уступил в 1939 г. Гитлеру Сувалкский выступ, который глубоко вдавался в советскую территорию и тем самым представлял собой серьезную военную угрозу для нашей страны? Возможно, вождь считал, что это создаст большие возможности для активного товарообмена двух стран. И вдвойне непонятно, почему позднее Сталин обратился с просьбой продать Советскому Союзу этот кусок литовской земли (8,2 тыс. кв. км) и в 1941 г. заплатил за него на 300 тыс. золотых долларов больше, чем США заплатили России за Аляску (2,1 млн кв. км) в 1867 г.

Можно рассчитать, сколько в обоих случаях стоил 1 кв. км территории:

Аляска – 7,2 тыс. долл.: 2,1 млн кв. км = 3,428 долл. за кв. км.

Сувалки – 7,5 тыс. долл.: 8,2 тыс. кв. км = 914 долл. за кв. км.

Разница в 266,6 раз!

Даже с учетом снижения в два раза покупательной способности доллара за минувшие 84 года получается, что Сталин платил Гитлеру за каждый квадратный километр приобретаемой территории в 133 раза дороже! Почему же?

Я предполагаю, что такую огромную сумму он заплатил лишь из-за Августовского канала, по которому из Немана можно попасть в Вислу. Часть канала длиной 22 км проходит через Сувалкский выступ (при общей длине канала 103 км), при этом проходящим по каналу судам и баржам приходилось дважды пересекать госграницу СССР – Германия.

Интересно выяснить, когда немцы заняли переданный им Сувалкский выступ и когда советское руководство начало просить об уступке его СССР. По утверждению Мельтюхова, «23 сентября части 27-й танковой бригады заняли Сувалки» [54. С. 306] и уже «6.10.39 г. части 16 ск передали немецким войскам г. Сувалки». В сводке Разведуправления РККА от 20 июля 1940 г. сообщается, что в Сувалках по состоянию на 15 июня 1940 г. находился только штаб 10-й пехотной дивизии вермахта, а в ночь с 29 на 30 июня туда прибыли два полка мотопехоты [1. Док № 68]. В спецсообщении начальника разведотдела ЗапОВО начальнику РУ ГШ генерал-лейтенанту Голикову от 19 сентября 1940 г. сказано, что 2 сентября в Сувалки прибыли 3 немецких эшелона с пехотой и артиллерией [1. Док. № 118], после чего вплоть до 22 июня 1941 г. то и дело появляются разведсообщения, из которых следует, что в Сувалкском уезде находятся и прибывают туда новые немецкие воинские части. С одной стороны, это понятно – ведь он был передан Германии по Договору от 28 сентября 1939 г., но ведь он до 3 августа 1940 г. входил в состав суверенной Литвы. Получается, что окончательно его принадлежность должна была быть определена после решения вопроса о судьбе всей Литвы, что и произошло.

Молотов 13 июля 1940 г. пишет полпреду Шкварцеву в Берлин «12 июля... Шуленбург информировал меня, что Германия намерена репатриировать немцев из Литвы... однако не намерено эвакуировать немцев из той области Литвы, о которой сделана оговорка в протоколе от 28 сентября 1939 года, и напоминает нам о своем праве предъявить требование на нее и определить время ее занятия Германией» [25. Док. № 264].

Это надо понимать так, что до 13 июля 1940 г. Сувалкский выступ

входил в состав Литвы и германских войск там не было. Советские же войска вновь вошли туда либо в конце 1939 г., когда в Литве на основании договора было размещено несколько советских воинских частей, либо, что вероятнее, в середине июня 1940 г. при вступлении советских войск в Литву. Впервые после подписания договора и секретного протокола от 28 сентября 1939 г. этот вопрос вновь был поднят Молотовым во время беседы с послом Германии Шуленбургом после вступления в Литву советских войск – 13 июля 1940 г. [25. Док. № 264]: «тов. Сталин и тов. Молотов просят германское правительство пересмотреть этот вопрос, то есть просят германское правительство обсудить, не может ли оно отказаться от этого небольшого куска территории Литвы». Тем более что после грандиозной победы во Франции территориальная проблема перестала быть для Германии столь острой, как в 1939 г.

Далее Молотов вновь поднимает этот вопрос во время бесед с Шуленбургом 17 и 29 июля 1940 г. [25. Док. № 270, 288], но Шуленбург сообщает, что Берлин решение пока не принял.

8 августа 1940 г. в письме Шкварцеву Молотов пишет, что 7 августа «Шуленбург сообщил, что Германское правительство готово тщательно обсудить вопрос о части территории Литвы, по поводу которой сделана известная оговорка в специальном протоколе от 28 сентября 1939 года. Германское правительство считает, что отказ от этой территории является для него большой жертвой, и ставит вопрос, какую компенсацию советское правительство может предложить за нее» [25. Док. № 312]. 12 августа 1940 г. во время очередной беседы с Шуленбургом впервые поднимается вопрос о размере компенсации за «кусочек Литвы»: «Тов. Молотов вручил Шуленбургу памятную записку (приложение) по вопросу о компенсации за ту часть территории Литвы, о котором сделана оговорка в специальном протоколе от 28 сентября 1940 г.» [25. Док. № 264]. В п. 3 Приложения к этой записке, переданного тогда же, в частности, говорилось: «Советское правительство согласно дать Германии материальную компенсацию за уступаемый ею Советскому Союзу “кусочек” Литвы. Советское правительство могло бы уплатить в течение двух лет 3 млн. 860 тыс. золотых долларов, то есть половинную часть той суммы, которая была в свое время уплачена Соединенными Штатами царскому правительству России за полуостров Аляска. Советское правительство могло бы произвести уплату этой суммы золотом или товарами – по усмотрению Германского правительства» (то есть похоже, что советское руководство учло падение курса доллара за 84 года и уменьшило сумму, полученную Россией за продажу Аляски, в два раза).

3 сентября 1940 г. публикуется «Сообщение ТАСС» о том, что 31 августа 1940 г. в Берлине был подписан договор между СССР и Германией о пограничных правовых отношениях на государственной границе, установленной советско-германским договором о дружбе и границе. 19 декабря 1940 г. Гитлер принимает в Берлине нового советского посла Деканозова и через два дня после этого во время очередной беседы с Шуленбургом Молотов заявляет: «По вопросу об известном кусочке Литвы было получено принципиальное согласие германского правительства. Вопрос стоял лишь о том, что характер предложенной компенсации не был удовлетворительным для Германии. Этот пункт можно будет обсудить в будущем. ... Поскольку в основном вопрос о пограничных взаимоотношениях решен, литовско-германская граница представляет собой как бы дыру» [25. Док. № 602]. Молотов предложил заключить одновременно четыре соглашения, последним из которых должно быть соглашение о границе.

Следующий этап – переговоры Молотова с послом Шуленбургом и главой германской экономической делегации Шнурре, которые проходили в Москве с 6 по 9 января 1941 г. [25. Док. № 632–634, 637, 638]. По вопросу о «кусочке» литовской территории обсуждалась сумма компенсации, сроки и способы ее выплаты. В результате был подписан следующий документ:

СЕКРЕТНЫЙ ПРОТОКОЛ

По уполномочию Правительства Союза ССР Председатель СНК СССР В. М. Молотов, с одной стороны, и по уполномочию Правительства Германии Германский Посол граф фон дер Шуленбург, с другой стороны, согласились о нижеследующем:

1. Правительство Германии отказывается от своих притязаний на часть территории Литвы, указанную в Секретном Дополнительном Протоколе от 28 сентября 1939 года и обозначенную на приложенной к этому Протоколу карте.

2. Правительство Союза ССР соглашается компенсировать Правительству Германии за территорию, указанную в пункте 1 настоящего Протокола, уплатой Германии суммы 7 500 000 золотых долларов, равной 31 миллиону 500 тысяч германских марок.

Выплата суммы в 31,5 миллионов германских марок будет произведена нижеследующим образом: одна восьмая, а именно: 3 937 501 германских марок, поставками цветных металлов в течение трех месяцев со дня подписания настоящего Протокола, а остальные семь восьмых, а именно 27 562 500 германских марок, золотом, путем вычета из германских платежей золота, которые германская сторона

имеет произвести до 11 февраля 1941 года на основании обмена писем, состоявшегося между Народным Комиссаром Внешней Торговли Союза ССР А. И. Микояном и Председателем Германской Экономической Делегации г. Шнурре в связи с подписанием «Соглашения от 10 января 1941 года о взаимных товарных поставках на второй договорный период по Хозяйственному Соглашению от 11 февраля 1940 года между Союзом ССР и Германией».

3. Настоящий Протокол составлен в двух оригиналах на русском и двух оригиналах на немецком языках и вступает в силу немедленно по его подписании.

Москва, 10 января 1941 года.

По уполномочию За Правительство Германии

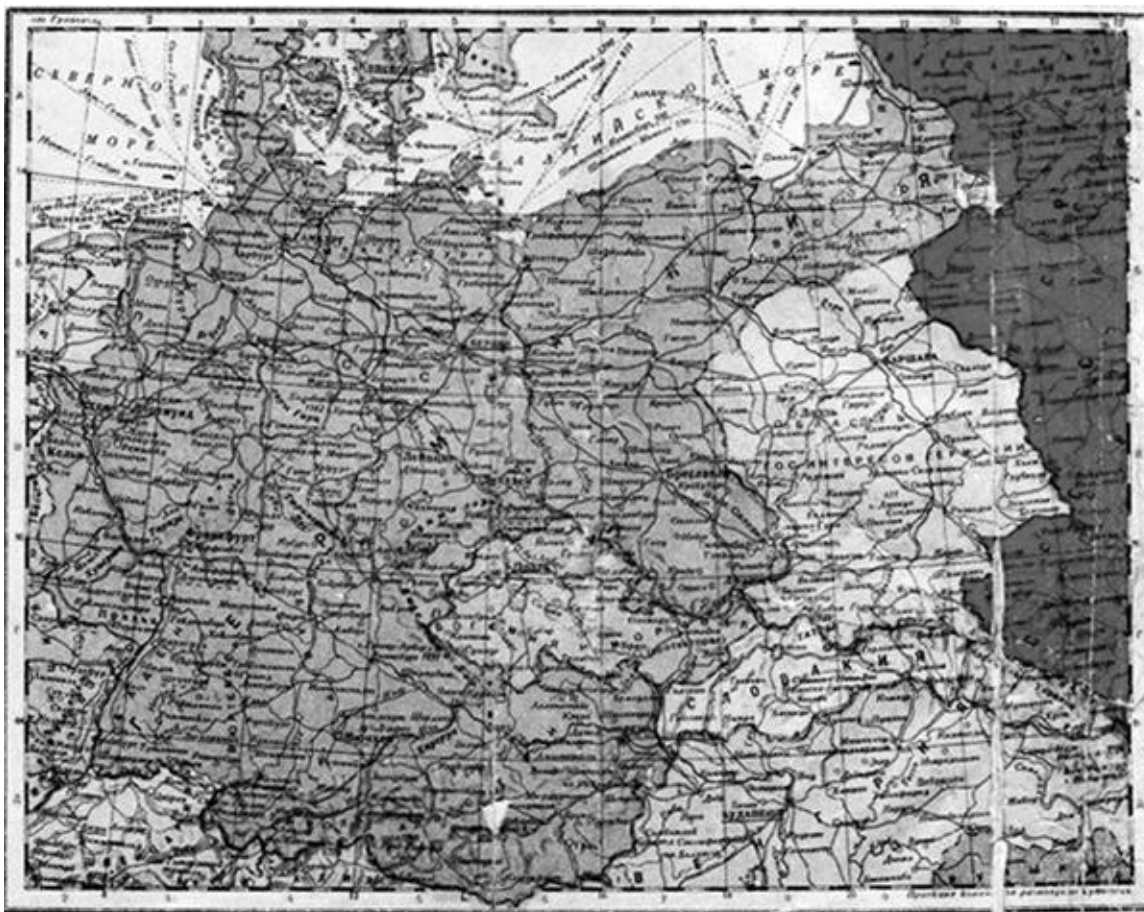
Правительства Союза ССР Шуленбург

В. Молотов

(АВП РФ. Оп. 3. П. 1. Д. 4. Л. 31. Машинопись, заверенная копия)

Из этого протокола следует, что, начиная с 11 января 1941 г., Сувалкский выступ входит в состав СССР, что предполагает внесение соответствующих изменений во все географические карты мира.

Однако этого не произошло, и на всех картах, изданных в 1941 г., он изображен в составе... Германии! Хотя и обозначен как «область гос. интересов Германии».

Карта Центральной Европы, изданная в 1941 г.

Я решил, что карты могли быть подписаны в печать до подписания договора о границе от реки Игорка до Балтийского моря и секретного протокола от 10 января 1941 г., и начал искать карту, подписанную в печать после 10 января 1941 г. Мне повезло – мой знакомый журналист и поэт Лев Цесаркин обнаружил в своей домашней библиотеке карманный «Атлас мира», изданный в 1941 г. Этот атлас был сдан в производство 17 ноября 1939 г., подписан в печать 10 апреля 1940 г., но страницы 25 и 26 (БССР и УССР) – 18 января 1941 г., через восемь месяцев после этого и через восемь дней после подписания договора о границе.

Сдано в производство 17-XI-39 года
Подписано к печати 10-IV-40 года
Главлит № 296
Формат бумаги 10 x 17
Тираж 100.000
Издание 1-ое
Стр. 25, 26 подписаны к печати 18-1-41 г. В.530.
Заказ 39-167

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ГЕОДЕЗИИ и КАРТОГРАФИИ
при СНК СССР

КАРМАННЫЙ

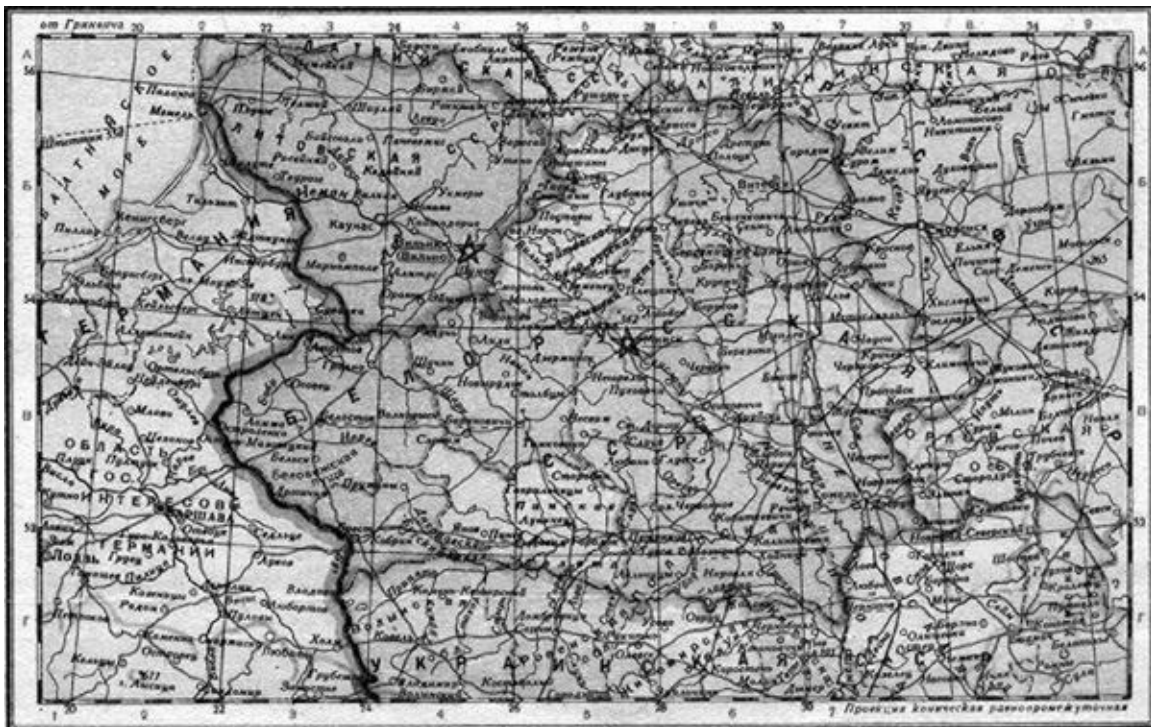
АТЛАС МИРА

ЛЕНИНГРАД
1940

Тем не менее и в этом атласе на картах Белорусской ССР и Литовской ССР Сувалкский выступ показан как принадлежащий Германии. Причем на с. 15 (БССР), подписанной в печать 10 апреля, его площадь оказалась даже

чуть-чуть меньше, чем на с. 25 (Литовская ССР) – там на носу «головы зверя», на которую похож Сувалкский выступ, появился острый выступ, похожий на рог носорога. Объяснить это можно тем, что протокол о продаже Германией Сувалкского выступа СССР был секретным, а значит, и не должен был изображаться на карте в составе СССР. Показательно, что и канал после 10 января перестали обозначать на карте – его нет в этом атласе и на карте Литовской ССР.

Есть еще одно очень серьезное подтверждение тому, что Сувалкский выступ фактически продолжал оставаться немецким до самого начала войны – ведь 22 июня 1941 г. именно с него был нанесен один из самых сильных ударов по Советскому Союзу, который вместе с ударом немцев через Брест привел к окружению советских войск в районе Белостока.

Карта Белорусской ССР из «Атласа мира» (с. 15. Подписана к печати 10-IV-40 г.)

Карта Литовской ССР из «Атласа мира» (с. 25, подписана в печать 18-I-41)

Тогда спрашивается, за что же Сталин заплатил Гитлеру 7,5 млн долларов золотом (частично рассчитавшись необходимыми для германской военной промышленности цветными металлами)? Получается – только за территорию канала с его береговой зоной. Если предположить, что береговая зона, необходимая для обслуживания канала, составляла по километру с каждой стороны (для Панамского канала ширина такой зоны 10 км с каждой стороны), то получится, что стоимость каждого квадратного километра купленного Сталиным «кусочка» [8200 кв. км: (2 км x 22 км)] еще в 186 раз больше. То есть за каждый квадратный километр сувалкской земли Сталин заплатил в (266,6 x 186) приблизительно в 50 000 раз больше, чем Америка за Аляску.

Вот уж действительно за ценой не постоял! Но и цель у него была грандиозная – с помощью Гитлера перебросить советские войска по Августовскому каналу, а затем по рекам и каналам Польши и Германии к проливам Ла-Манш и Па-де-Кале. А вот там еще вопрос, с кем и куда бы Сталин оттуда ударил. Исходя из названия документа, подписанного одновременно с секретным протоколом от 10 января 1941 г., – «Договор о границе от реки Игорка до Балтийского моря», я принялся искать реку Игорку (которую никогда не показывали на картах, и более того, в большом количестве отечественных публикаций о предвоенном периоде ее ошибочно называют Игаркой). И обнаружил я ее лишь в белорусском

путеводителе «Августовский канал» (Минск: Беларусь, 2006).

Это небольшая река, впадающая в реку Черная Ганьча – основу белорусской части Августовского канала^[202], – недалеко от ее устья при впадении в Неман. А ведь договор и секретный протокол от 10 января 1941 г. должны были зафиксировать изменение советско-германской границы именно в связи с продажей Германией СССР «известного кусочка» Литвы. Поскольку же немцы продолжали находиться в Сувалкском уезде вплоть до 22 июня 1941-го, можно с большой долей вероятности предположить, что Советский Союз приобрел 10 января 1941 г. у Германии не весь Сувалкский выступ, а лишь его юго-восточный кусочек, находящийся южнее канала.

Карта белорусской части канала, напечатанная в путеводителе «Августовский канал» (2006 г.)

В белорусском путеводителе был напечатан фрагмент советской предвоенной карты, о чем свидетельствуют вертикальная надпись слева: «Область государственных интересов Германии» и обозначенная государственная граница. Эта граница начинается от устья реки Игорка (в правом углу карты), идет вдоль нее вверх, вновь появляется у населенного пункта Ржондовы, далее – по изгибу реки Черная Ганьча, затем четырьмя прямолинейными отрезками выходит к населенному пункту Кужинец, поворачивает вправо, вновь идет по реке Черная Ганьча и уходит вниз от населенного пункта Волкушки по реке Волкушанка. По обозначению госграницы на этой карте видно, что после населенного пункта Кужинец Августовский канал держит путь на северо-запад уже по немецкой территории. Значит, 22 км канала, проходящие по территории Сувалкского

выступа, с прилегающей с каждого берега зоной СССР еще не переданы, то есть это карта 1940 г. А граница по реке Игорка та же самая, что была между Польшей и Литвой до 1938 г. Я вырезал кусочек этой территории из карты Польши и привожу для сравнения рядом фрагменты трех карт: слева – карты Польши 1938 г., справа – карты Белорусской ССР от 10-IV-40 года и внизу – карта Третьего рейха на 22.6.41 г. (хотя на карте надпись «Stand vom 1.10.1941», что, скорее всего, означает – карта должна была действовать до этого срока, а потом ее ожидали серьезные изменения. Поражает отсутствие на немецкой карте даже намека на существование Августовского канала – видимо, он сливается с линией границы. Из этого можно сделать вывод, что Германия уступила СССР лишь часть территории Сувалкского выступа, расположенную южнее канала, но оставила за собой один его берег, как это было на многих пограничных реках.

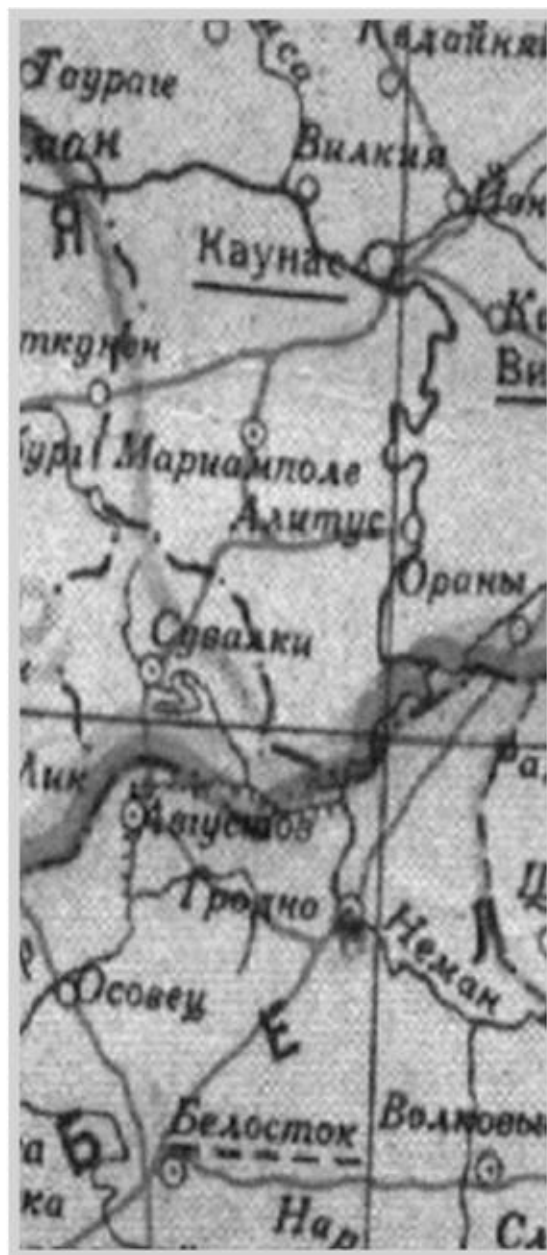
Поэтому форсирование канала 22 июня 1941 г. не представляло бы для немцев трудности (так как ширина его 12 м, а ширина шлюзов даже 6 м), если бы не построенные вдоль него к началу войны мощные оборонительные сооружения. В упомянутом белорусском путеводителе «Августовский канал» об этом сказано так:

«Вдоль государственной границы и Августовского канала предприняты широкомасштабная реконструкция и фортификационное строительство Гродненского укрепрайона под контролем генерала Д. Карбышева. На участке протяженностью 80 км сооружено 57 дотов и около 100 пушечных капониров и колпаков.

Вооруженных из них было всего 42, но полное оснащение ни одного из дотов не было завершено. 22 июня 1941 года фашистская Германия напала на СССР. Мужественно сражались с врагами воины частей 3-й Армии и пограничники 86-го Августовского пограничного отряда. Фашисты рассчитывали на быстрый успех, но ни одна застава не сдалась без боя. Проявив стойкость и героизм, пограничники сражались до последнего патрона и почти все погибли. 22 июня насмерть стояла 3-я пограничная застава под командованием лейтенанта В. Усова. Более 10 часов пограничники отбивали атаки намного превосходящих сил противника, идущих вдоль Августовского канала. Их драматическую судьбу повторили и воины 2-й заставы под командованием младшего лейтенанта К. Васильева.

Вместе с пограничниками на Августовском канале на запад и на север от Сопоткино 2–3 суток вели бои воины 213-го стрелкового полка и другие подразделения 56-й стрелковой дивизии и подразделения 68-го

Гродненского укрепленного района. Используя недостроенные доты, вели огонь по врагу воины 9-го пулеметного батальона. Гарнизоны некоторых дотов сражались до 26–27 июня во вражеском окружении. В деревне Святск Гурских жители организовали отряд самообороны численностью 40 человек и вместе с воинами отбивали вражеские атаки».

Вверху: слева – польская карта 1938 г., справа – советская карта, подписанная в печать 10.IV-40 г. Внизу: немецкая карта по состоянию на 22.VI-41 г.

«Без вести пропавший» генерал

Мне попался в Интернете крайне интересный документ, из которого следует, что после начала войны в течение целого года о судьбе генерал-лейтенанта Д. М. Карбышева не было никаких сведений, в том числе о том, что он попал в плен к немцам.

Это сейчас каждому в нашей стране известно имя генерала Карбышева, принявшего мученическую смерть в фашистском концлагере 18 февраля 1945 г., но сохранившего верность Родине и присяге. Дмитрий Михайлович Карбышев, генерал-лейтенант инженерных войск, профессор Академии Генштаба, выдающийся ученый и военный инженер, посмертно ставший Героем Советского Союза, судя по некоторым сообщениям, был главным конструктором укрепрайонов линий Сталина и Молотова. А по моему мнению, именно он предложил использовать для переброски советских войск к Ла-Маншу и Северному морю Августовский канал, обеспечивающий проход барж с техникой и личным составом из бассейна реки Неман в бассейн реки Висла, и в июне 1941 г. руководил приемкой работ по подготовке этого водного пути из СССР в Германию (см. [63. Фотоприложение. С. 65–66], а также с. 663–676 настоящей книги). Поэтому вполне возможно, что 20 июня 1941 г. Карбышев отправился с караваном барж с войсками и техникой на борту, чтобы лично проверить предложенный им водный путь до Дортмунда. Но это всего лишь мое предположение, а вот общепринятая точка зрения.

«В начале июня 1941 года Д. М. Карбышев был командирован в Западный Особый военный округ. Великая Отечественная война застала его в штабе 3-й армии в Гродно. Через 2 дня он перебрался в штаб 10-й армии. 27 июня штаб армии оказался в окружении. В августе 1941 года при попытке выйти из окружения генерал Карбышев был тяжело контужен в бою в районе Днепра, у деревни Добрейка Могилёвской области Белоруссии. В бессознательном состоянии был захвачен в плен». Так написано в Википедии в статье «Карбышев Дмитрий Михайлович» о его пленении. Примерно то же самое написано в огромном количестве книг, газетных и журнальных публикаций и прозвучало во множестве теле- и радиопередач о Герое Советского Союза Д. М. Карбышеве. «Эта версия событий была подробно изложена доцентом, кандидатом военных наук Евгением Григорьевичем Решиным в документальной повести “Генерал

Карбышев» [72]. По данным Е. Г. Решина, генерал Карбышев и начальник инженерного отдела 10-й армии полковник П. Ф. Сухаревич, пытаясь выйти из окружения, пробирались к Могилеву. По дороге они встретились с выходившим из окружения саперным батальоном, который двигался на восток. Карбышев и Сухаревич присоединились к этому батальону. В начале августа они вышли к Днепру севернее Могилева» .

★
Народный Комиссариат
Оборонной Силы СССР

**ШТАБ
ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК
КРАСНОЙ АРМИИ**

Офис: Кадров

№ 759612с

г. Москва,
Красная площадь, 2-й дом НКО.
Телефон: _____

ВХ. № 14743с
Центральный штаб
Главного управления
2-7 1942

СЕКРЕТНО.
Экз. № 1...

30

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
СОПРОВОЖДЕНИЯ И УСИЛЕНИЯ ВОЙСК КРАСНОЙ
АРМИИ**

На усть
Бат. 5 бат. 9. 40.
3.7

По об'явлению командующего 43 Армией Генерал-Лейтенанта ГОЛУБЕВА, бывший преподаватель старший кафедры тактики военных соединений Высшей Военной Академии имени К.Е. Ворошилова Генерал-Лейтенант Ежовской КАРЫШЕВ Дмитрий Михайлович в середине июля месяца 1941 года одержим в гражданское платье за неделю до выхода отряда ГОЛУБЕВА из окружения, ушел из отряда в направлении на Смоленск.

О дальнейшей судьбе КАРЫШЕВА, ГОЛУБЕВУ ничего не известно.

Прошу оформить приказом НКО КАРЫШЕВА, пропавшим без вести.

и Мовчан
кач. чин. Мовчан
Карышев

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ЕЖОВСКОЙ
КРАСНОЙ АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-МАJOR ЕЖОВСКОЙ
/НАЗАРОВ/

ВОЕННЫЙ КОМИССАР ШТАБА ЕЖОВСКОЙ
КРАСНОЙ АРМИИ
СТАРШИЙ БАТАЛЬОННЫЙ КОМИССАР
/КОМАНД./

На усть
Бат. 5 бат. 9. 40.
3.7

В. № 02927
7. 20. 42

Войсковая команда
а направлена при
указе от 26.2.42.
6 бат. 38 К. 40.
26.2.42

Письмо из штаба инженерных войск Красной Армии № 759612с об исчезновении Д. М. Карышева (ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 652. Л. 30.<http://vif2ne.ru/nvk/forum/arhprint/1476951>)

Однако в опубликованном в Интернете официальном документе

Штаба инженерных войск Красной Армии – письме № 759612с об исчезновении генерал-лейтенанта инженерных войск Карбышева – сообщается совсем иное: «В середине июля, одетый в гражданское платье, за неделю до выхода отряда Голубева из окружения ушел из отряда в направлении на Смоленск. О дальнейшей судьбе Карбышева Голубеву ничего не известно».

Из текста письма, подписанного руководством штаба 30 июня 1942 г., следует, что непосредственное командование Карбышева, которое обязано было собрать сведения о нем из всех источников, не указывает, когда, при каких обстоятельствах и с какой целью выдающийся ученый и преподаватель Академии Генштаба оказался на границе и как он очутился в отряде Голубева^[203]. Штаб также не знает, где, начиная с середины июля 1941 г., Карбышев находился. (Откуда же тогда взялся «август», когда он якобы попал в плен?) Почему он (кстати, как и Яков Джугашвили) попал в плен в гражданской одежде, что на него абсолютно не похоже^[204]? С кем он ушел из отряда Голубева? Если с полковником Сухаревичем, почему это имя не упоминает Голубев? Если с кем-то другим, почему Голубев не называет его? Если один, то как могли отпустить пожилого человека одного, к тому же далеко не рядового и притом носителя важнейшей секретной информации? Получил ли он разрешение Голубева на уход? Почему целый год вопрос об исчезновении Карбышева не поднимался? Почему этот вопрос возник в июне 1942 г.? На каком основании было решено, что он пропал без вести? Если этот факт был зафиксирован лишь 30 июня 1942 г., почему в «Личном деле» Карбышева еще в 1941 г. была сделана официальная отметка: «Пропал без вести» (о чем пишет ряд авторов)?

О расставании Карбышева с «отрядом» Голубева в книге Решина рассказывается не совсем так, как в приведенном выше официальном документе. Решин изложил воспоминания полковника пограничных войск Г. К. Здорного, который отступал с большой группой (500 пограничников) 86-го Августовского погранотряда, командиром которого он был. Встретившись с «отрядом» Голубева, Здорный предложил ему как старшему по чину принять командование, но тот «категорически отказался» [72. Глава «Война»]. «Примерно между 5 и 10 июля 1941 года в одном из хуторов, неподалеку от местечка Узда, генерал Голубев неожиданно встретил генерала Карбышева и полковника Сухаревича. Я познакомился с Карбышевым и Сухаревичем – они тоже пошли с нами... Примерно через неделю после встречи с генералом (16 или 17 июля)

Карбышев в моем присутствии заявил Голубеву, что не согласен с маршрутом. По его мнению, необходимо двигаться не к Гомелю, а на Могилев. Все наши доводы о преимуществе выбранного маршрута его не убедили. Вместе с полковником Сухаревичем они самостоятельно повернули на Слуцк и далее на Могилев. Перед тем, как расстаться, я предложил Карбышеву для прикрытия и связи с нашей группой взять несколько человек, но он решительно отказался» [Там же].

Но вернемся к опубликованному в Интернете документу и методично рассмотрим все резолюции и пометки на нем.

Он адресован заместителю начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии. В июне 1941 г. эту должность занимал генерал-майор Г. Я. Беляков. Поэтому первой, скорее всего, стоит его резолюция: «т. Шов... (неразборчиво) Как у нас числится Карбышев? 1.7.42 г.».

Ответ т. Шов... дал через два дня: «по 1 и 5. 3.7. Подпись». Это означает, что Карбышев числится по двум категориям потерь – по 1-й и 5-й. Не очень понятно – если он проходит по категории «пропал без вести», то какая тут может быть другая категория? Оказывается, может быть, если, например, он не в плен попал, а оказался на территории врага, выполняя задание советского командования (находясь там в служебной командировке, с разведзаданием, в рейде и т. п.). Представить другую причину, по которой исчезновение Карбышева могло числиться одновременно по двум категориям, я просто не могу.

В тот же день после доклада Белякову появляется следующая резолюция: «На учет. Дать 5 отд. на приказ. 3.7.». Поскольку никаких указаний о том, как следует числить Карбышева, в этой резолюции не дано, понятно, что Беляков согласен с предложением, изложенным в письме, – оформить его пропавшим без вести.

Есть еще две пометки: «Материал в приказ включен. 7.7.42» и «Снята копия и направлена при № 175099 от 26.2.43 6 отд. ГУК НКО». Из последней следует, что через восемь месяцев вопрос о судьбе Карбышева почему-то еще раз рассматривался Главным управлением кадров Наркомата обороны.

Есть еще одна версия обстоятельств пленения Д. М. Карбышева. Ее предложила своим читателям питерская газета «Невское время» (04.03.2000). Из нее следует, что Карбышев был первым пленным советским генералом в первый день войны! На мой взгляд, это гораздо вероятнее, чем его пленение в августе, учитывая, что в последние дни перед войной генерал посещал населенные пункты, расположенные у

самой границы – Алитус (60 км), Осовец (35 км), Замбров (24 км), Августово (10 км), Гродно (25 км), Ломжа (20 км). На столь малом расстоянии от границы шанс быть захваченным немцами именно в первые дни войны был гораздо выше, чем в августе. Тот факт, что практически не нашлось свидетелей действий генерала в начале войны, скорее всего, говорит о том, что пленение произошло в первые же дни вблизи границы и большинство из людей, видевших его, тоже оказались в плену и погибли в концлагерях.

О том, что в годы войны советское командование не только решило зачислить генерала Карбышева в списки без вести пропавших, но и по какой-то причине старалось предать его имя забвению, свидетельствует факт, о котором мне рассказал автор многих исторических публикаций о Великой Отечественной войне и авиации Валентин Белоконь.

Его отец Анатолий Прокофьевич Белоконь, военинженер 2-го ранга (майор), окончил в 1938 г. Военно-инженерную академию им. Куйбышева. Он считал себя учеником Карбышева, хотя Карбышев не был преподавателем этой академии, но учились в ней по его учебникам, запоминали основы фортификации и саперного дела по его прибауткам, о которых мгновенно узнавали командиры-саперы по всей стране. Кроме того, Карбышев был руководителем дипломного проекта слушателя Белокона и председателем экзаменационной комиссии, и его подпись стояла в дипломе. Войну А. П. Белоконь встретил командиром саперного батальона в Молодечно, отступал с боями, строил укрепления под Москвой, затем ДЗОТы на подступах к Грозному, после чего был переведен на должность доцента в Военно-инженерную академию им. Куйбышева, где преподавал минное дело. Эвакуированная в ноябре 1941 г. академия разместилась в поселке Ала-Арча под г. Фрунзе. В 1942 г. всем выпускникам академии, работавшим в ней, было предложено сдать дипломы, подписанные Карбышевым, и получить аналогичные с подписью другого председателя комиссии. Однако А. П. Белоконь свой диплом не сдал, сославшись на то, что получил приказ о переводе в академию, находясь на строительстве укреплений под Грозным, а его диплом остался в Москве. Так ли это было или он слухавил, не желая расставаться с дорогим для него документом, сейчас сказать трудно. Но когда Карбышев стал легендарным героем, А. П. Белоконь очень гордился своим дипломом и часто его показывал.

Непонятно, почему до настоящего времени не опубликовано ни одного документа о пребывании Карбышева в плену, начиная с учетной карточки военнопленного, которая составлялась даже на каждого рядового. Я

полагаю, что причина может быть только одна – сохранялась в тайне дата его пленения, потому что, скорее всего, генерал оказался в плену не в августе, а в июне 1941 г., так как пересек границу 20–21 июня 1941-го по Августовскому каналу вместе с караваном советских барж. О гибели Карбышева стало известно через год после окончания войны. 13 февраля 1946 г. майор канадской армии Седдон де Сент-Клер, находившийся на излечении в госпитале под Лондоном, пригласил к себе представителя Советской миссии по делам репатриации в Англии, чтобы сообщить «важные подробности». Об этом пишет В. А. Миркикин, автор диссертации «Военная и научная деятельность Дмитрия Михайловича Карбышева» (2004). «Мне осталось жить недолго, – сказал, по версии Миркикина, майор советскому офицеру, – поэтому меня беспокоит мысль о том, чтобы вместе со мной не ушли в могилу известные мне факты героической гибели советского генерала, благородная память о котором должна жить в сердцах людей. Я говорю о генерал-лейтенанте Карбышеве, вместе с которым мне пришлось побывать в немецких лагерях».

Этот факт подтвердил бывший военнопленный советский подполковник Сорокин. Он попал в концлагерь Маутхаузен три дня спустя после расправы с Карбышевым, о которой ему рассказали соллагерники.

На основании этих двух заявлений и свидетельств находившихся вместе с Карбышевым в разных немецких концлагерях генералов Бикжанова, Потапова, Корнилова, Носкова, Музыченко, Борисова, Павлова, Михайлова о его достойном поведении и патриотической работе в плену 29 июня 1946 г. была составлена «Справка о поведении и гибели в плену генерал-лейтенанта инженерных войск Карбышева Дмитрия Михайловича», подписанная заместителем уполномоченного Совета Министров Союза ССР по репатриации генерал-лейтенантом Голубевым (тем самым, на основании сообщения которого в 1942 г. Карбышев был объявлен пропавшим без вести). . Содержание этой справки доложили Сталину, и 16 августа 1946 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении генерал-лейтенанту Карбышеву Д. М. звания Героя Советского Союза.

Не могу, однако, не отметить, что решение Политбюро об этом присвоении в РГАСПИ я не нашел. В Каталоге повесток дня Политбюро за 1940–1952 гг. Карбышев упомянут лишь однажды [69. С. 111] – в решении П. 21/361 от 26.X.40 г. «О награждении генерал-лейтенанта инженерных войск Карбышева Д. М.». Он был награжден тогда орденом Красного Знамени, скорее всего в связи с 60-летием. Отсутствие решения Политбюро о присвоении Карбышеву звания Героя свидетельствует об особом порядке

этого присвоения. Возможно – в противопоставление казни военачальников-предателей: генерал-лейтенанта Власова и одиннадцати его соратников (шести генералов, четырех полковников и одного подполковника) по возглавляемой им Русской освободительной армии. Их казнили 1 августа 1946 г. по приговору закрытого суда от 31 июля. Похоже, не будь этой казни, имя генерала-героя Карбышева еще много лет оставалось бы в неизвестности.

Полагаю, что все странности вокруг Карбышева были следствием того, что всячески скрывался как характер его работы в июне 1941 г., так и обстоятельства его попадания в плен, связанные с подготовкой Великой транспортной операции.

Капитан Карбышев (1914 г.)

Генерал-лейтенант Карбышев (после ноября 1940 г.)

Вместо послесловия

Авторитарная форма правления на протяжении всей истории нашей страны всегда приводила к тому, что информация, спускаемая «сверху», а зачастую ее полное отсутствие неизбежно порождали в народе слухи и сплетни, а на них строились различного рода версии и гипотезы.

То же происходило и с рассказами простых людей – очевидцев невероятных событий – о войне. Например, кто-то вспоминает, что за три дня до начала войны артполк, стоящий в 30 км от границы в ПрибОВО, проверяет генерал из округа и вдруг отдает приказ: снять с орудий прицелы-панорамы и отправить за 300 км в окружную артмастерскую для юстировки. Или такой случай: за полтора часа до начала войны в летнем лагере «политрука разбудил дежурный с наганом в руке и приказал снять портреты вождей и сжечь...» Или такой: в первый налет немецкой авиации 22 июня 1941 г. на советском аэродроме не взлетел ни один истребитель. Стали разбираться, в чем дело, оказалось, что в бензобаках вместо бензина вода!^[205] Что это – мифы или факты? Отличить одно от другого крайне трудно.

Тем более что новая российская история, называвшаяся в 1917–1991 гг. историей СССР, имела одну особенность: поскольку в 1917-м была установлена диктатура пролетариата, то созданное на ее основе государство монополизировало не только заводы и фабрики, внешнюю торговлю и т. п., но и средства массовой информации. Поэтому события в них всегда подавались в трактовке, наиболее выгодной не столько для самого пролетариата, сколько для руководящей им партии, а еще точнее – для ее вождя. Скудность и однобокость трактовок событий заставляли додумывать то, что оставалось тайной. И тогда рождались слухи и сплетни^[206].

И в нашей стране они всегда оказывались очень важным источником информации о реальных событиях. Печально признавать, что со временем подтвердились почти все яростно отрицавшиеся советской пропагандой «версии и сплетни»: о «немецком золоте» большевиков; о расстрелах в 1920 г. в Крыму зарегистрировавшихся белых офицеров, которым Советская власть гарантировала прощение; о том, что якобы стрелявшая в Ленина эсерка Каплан была полуслепой; о том, что жена Сталина Надежда Аллилуева умерла не от аппендицита, а от пулевого ранения; о том, что Кирова застрелил не зиновьевец, а якобы ревнивец; а жизнь Серго

Орджоникидзе оборвал не сердечный приступ, а выстрел... Этот список можно продолжать до бесконечности. Значительное место в нем занимают события Второй мировой войны, и особенно Великой Отечественной. И все меркнет перед масштабами пережитой в ней трагедии нашего народа и цифрами потерь человеческих жизней.

О степени напряженности на информационно-пропагандистских полях сражений этой войны может, наверное, свидетельствовать такой факт. 10 мая 1945 г., сразу после Дня Победы, умер главный пропагандист и идеолог страны периода Великой Отечественной А. С. Щербаков (в 44 года), который одновременно был секретарем ЦК ВКП(б) по пропаганде (с 4 мая 1941 г.), начальником Совинформбюро (с 24 июня 1941-го), замнаркома обороны и начальником Политуправления Красной Армии (с июня 1942 г.). При этом он был еще первым секретарем Московского городского и Московского областного комитетов партии (с декабря 1938 г.). Человек просто надорвался от неимоверного напряжения. Ведь совершенно очевидно, что без колоссальной работы в этом направлении, в том числе без подачи фактов и событий в определенном ракурсе, порою даже без создания мифов, победить в той жесточайшей войне было невозможно. Поэтому в годы войны ее историю писали пропагандисты, а не ученые, и это было правильно, другого просто быть не могло.

Но, к сожалению, и после окончания войны воссоздание ее истории не пошло по принципу «теперь об этом можно рассказать», а продолжилось в русле пропаганды военного периода. И главной задачей ученых пропагандистов стало сохранение сложившихся канонов и сокрытие истинных причин и виновников катастрофы, произошедшей 22 июня 1941 г., и многих других трагических эпизодов войны. А основной способ для достижения этой цели был один – акцентировать внимание на удачных операциях и победах второй половины войны. И это понятно – у власти находился тот же вождь и его ближайшее окружение, были живы и руководители Красной Армии, допустившие трагедию 1941 г. Были также живы и продолжали свою работу многие пропагандисты, писатели и журналисты, создавшие ряд мифов о Великой Отечественной, в том числе те, кто сильно занижал людские потери в войне и даже обосновывал неизбежность громадных потерь 41-го. Этому весьма способствовала и начавшаяся вскоре после 1945 г. «холодная война», грозившая в любой момент превратиться в «горячую» и готовая использовать для этого любой повод.

Но появился и другой фактор серьезного воздействия на воссоздание истории Великой Отечественной войны. Развенчание новым лидером

страны Н. С. Хрущевым на XX съезде партии в 1956 г. культа личности Сталина открыло возможность для публикаций, содержащих негативную информацию о роли вождя в войне и странном его поведении в самые первые ее дни. Было опубликовано большое количество ранее скрывавшихся фактов, дающих представление о деталях и обстоятельствах начала войны, а также предвоенных лет, начиная с неожиданно вспыхнувшей 23 августа 1939 г. дружбы с фашистской Германией. Именно «дружбы», ведь после первого договора СССР и Германии о ненападении был подписан второй, который так и назывался – «О дружбе и границе». Но, естественно, в угоду новому лидеру одновременно были смягчены ошибки Хрущева в годы войны и всячески возвышена его роль в Сталинградской битве и освобождении Украины.

Следующий этап в «воссоздании» истории войны начался после смещения Хрущева в октябре 1964 г. Брежневым и последовавшим за этим развенчанием «субъективизма» и «волюнтаризма». Теперь историки Великой Отечественной сосредоточили свое внимание на тех ее сражениях, в которых принимал участие новый лидер партии и страны, – Новороссийск, Малая Земля. Ярким примером этому служит вставленный в воспоминания маршала Жукова «эпизод» о том, как он заехал посоветоваться с полковником Брежневым, но, к сожалению, его не застал. Или анекдот тех лет, когда ветерану задают вопрос: «Что вы делали в годы войны – сражались на Малой Земле или отсиживались в окопах Сталинграда?»

Кардинальные перемены, начавшиеся в нашей стране с приходом к власти М. С. Горбачева, способствовали опубликованию огромного нового исторического материала о Великой Отечественной, и особенно о ее подготовке и начальном периоде. Пожилые ветераны торопились успеть рассказать и о своей военной судьбе, и о трагических и героических судьбах своих боевых товарищей. Стали переиздаваться без сокращений и исправлений мемуары советских военачальников и государственных деятелей, в книжных магазинах появились немецкие мемуары и книги о войне. В сочетании с отсутствием цензуры и открытием архивов это привело к обнародованию колоссального количества ранее неизвестных фактов, деталей, подробностей о начале войны и предвоенном периоде. Мы впервые увидели своими глазами множество советских и зарубежных документов того времени.

Военно-исторические журналы стали пользоваться большим спросом и резко увеличили свои тиражи. Обилие печатных изданий, их конкуренция, сделавшие сенсационность чуть ли не главным требованием

к публикуемым материалам, даже при определенных издержках, способствовали увеличению массива новой, порой невероятной информации о войне, не укладывающейся в рамки исторической науки. Появился целый ряд интереснейших исторических работ по отдельным темам.

Однако главные устои в объяснении причин катастрофы 22 июня и начального периода войны оставались незыблемыми – вероломно и неожиданно, нарушив договоры, без объявления войны, имея полное превосходство в численности и боевой технике, Германия напала на СССР. Плюс сталинская формулировка о государствах агрессивных, которые всегда поэтому готовы к войне, и миролюбивых, всегда неготовых.

А ведь после обрушившегося на наше общество цунами новой информации о начале войны стало очевидно, что почти все, что в течение многих лет считалось каноном, не соответствует истине и причины катастрофы 22 июня совсем в другом. Отечественная историческая наука должна была принять этот вызов времени и честно объяснить, почему Красная Армия – самая большая и самая мощная в мире, непрерывно наращивавшая свою мощь более 20 лет – была почти полностью разгромлена в считанные дни армией страны, которой 16 лет вообще было запрещено иметь вооруженные силы^[207] и которая существовала после своего воссоздания в 1935 г. в виде вермахта всего лишь 6 лет. Страны, с которой в течение 13 лет (с 1922 по 1933 и с 1939 по 1941 г.) Советский Союз осуществлял самое тесное тайное военно-техническое сотрудничество, способствовал развитию ее оборонной промышленности, обеспечивал сырьем и продуктами питания, то есть вскармливал ее армию во всех смыслах. В результате чего ей удалось уже через 4 года после воссоздания начать Вторую мировую войну, в кратчайшие сроки захватить всю Западную Европу и установить блокаду Англии. Но нельзя забывать, что это же сотрудничество позволило совершить поистине скачок и советской оборонной промышленности, поскольку во время него одновременно «ковались и германский и советский мечи».

В том, что гитлеровский блицкриг против СССР удался, нет никаких сомнений – только в 1941 г. в немецком плену оказалось 3,8 миллиона советских бойцов и командиров. Непонятно, как 4 846 немецких самолетов (а по другим данным 3 500 и даже 2 600) уничтожили в короткое время большую часть 10 743 (а по другим данным – до 28 000) советских, а 4 171 немецкий танк сокрушил армаду из 15 687 (по другим сведениям – 24 000) советских танков, из которых 1 800 были тяжелыми (КВ) и средними (Т-34), подобных которым у немцев не было ни одного. И хотя все мы

знаем, что блицкриг не закончился для немцев блицзигом^[208], необходимо все-таки ответить на вопрос: почему мы понесли такие потери в первые дни и месяцы войны?

Никакого внятного ответа наша историческая наука на эти вопросы пока не дала.

Позиция современной исторической науки ярко выражена профессором, доктором исторических наук Александром Даниловым в материале Светланы Кирилловой в газете «Первое сентября» (№ 32, 2004 г.): поскольку главное об этой войне до сих пор засекречено (причем безосновательно) или уничтожено, оно недоступно для исследователей (так что они не по своей вине ничего нового сказать не могут). Поэтому ждать открытий о войне не приходится, и вряд ли мы в ближайшие полвека узнаем всю правду о ней. Правда эта взрывоопасна, поэтому англичане в нарушение своих законов продлили срок секретности документов о пребывании Гесса в Англии.

По-моему, именно из-за подобной позиции отечественной исторической науки на нашу страну сыплются обвинения, в том числе далеко не всегда справедливые, связанные с началом Второй мировой и Великой Отечественной войны. Мне кажется, пора потребовать от англичан сказать правду о миссии Гесса, которая, возможно, совершенно по-новому объяснит нападение Германии на СССР.

Привожу отрывок из статьи С. Кирилловой:

«Александр Данилов: “Великую Отечественную нельзя изучать как серию военных операций”

Как за последнее десятилетие менялось описание событий Второй мировой войны в школьных учебниках, изданных в России и европейских странах? Действительно ли остались белые пятна в истории Великой Отечественной войны? Почему в России до сих пор закрыты архивы со многими документами, относящимися к войне? И могут ли секретные документы, к которым до сих пор не допускают российских, а тем более зарубежных историков, пролить новый свет на события времен 1939–1945 годов? Обо всем этом рассказывает профессор Александр Данилов, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории в Московском государственном

педагогическом университете, автор учебников новейшей истории России и множества научных статей на эту тему, опубликованных в США, Германии, Италии, Японии.

...

– Какие секреты может сегодня хранить карта военных действий более чем полувековой давности?

– Думаю, что никакие. Но по закону об архивной службе фондообразователь может сам продлить срок засекречивания документов, которые касаются, например, обороны страны. Поэтому, скажем, бумаги Государственного комитета обороны (кроме небольшой части, которая и так была известна) закрыты до сих пор. Другая группа архивных документов времен войны, которые недоступны исследователям, – документы оперативного характера. Часть из них была уничтожена во время войны или сразу после войны, но часть до сих пор находится в руках у военных. Это дает им возможность попридержать кое-какую информацию.

– Но какой в этом смысл?

– Считается, что в засекреченных документах содержатся важные оборонные данные – например, о мобилизационных возможностях предприятий, существующих и действующих до сих пор. Хотя в основном эти документы содержат информацию, которая не может быть секретной.

– Но возможно ли другое – что документы, которые так старательно засекречиваются российскими военными, могут содержать ключ к какой-то тайне времен Великой Отечественной?

– Никаких судьбоносных открытий я бы от этих документов ждать не стал. Но их рассекречивание могло бы прояснить ту или иную важную деталь. Например, историки смогли бы узнать, действительно ли разрабатывался превентивный удар, который Советский Союз – как утверждали публицисты 90-х годов – планировал нанести по Германии.

– Можно ли предположить, что в архивах хранятся явные и несомненные подтверждения факта: на самом деле Советский Союз готовился напасть на Германию...

– Пока я могу сказать лишь одно: это возможно.

– Были ли за последнее десятилетие совершены какие-либо “неудобные” открытия в зарубежных архивах, касающиеся

Великой Отечественной войны?

– Пожалуй, не было. Хотя в зарубежных архивах действительно хранятся документы, которые могли бы внести серьезные коррективы в частные вопросы времен Второй мировой войны. Они и по сей день политически взрывоопасны. Например, это бумаги из английских архивов, связанные с перелетом Гесса в Англию. Они закрыты до сих пор, хотя по британскому законодательству давно должны быть рассекречены. Но тогда встанет вопрос: как политическое руководство Англии вело себя накануне войны?

– Из этого понятно, что в ближайшие полвека мы вряд ли получим объективное изложение Второй мировой войны. И это касается не только российских и британских, но и европейских школьных учебников...

– Я тоже так думаю. В 1985 году меня поразила фраза, сказанная участником войны, видным советским военачальником, главнокомандующим сухопутными войсками СССР генералом армии И. Г. Павловским. В устах другого человека, не фронтовика, она звучала бы кощунственно. Павловский заметил, что правду, без политических примесей, о Великой Отечественной войне можно будет сказать лишь тогда, когда никого из ее участников уже не будет в живых...» .

По поводу упомянутого Даниловым горького сетования генерала армии Павловского, что всю правду о Великой Отечественной можно будет сказать лишь тогда, когда ее участников уже не будет в живых, хочу отметить, что, на мой взгляд, это был отнюдь не призыв запретить до этого печального момента докапываться до истины. Это – крик души всех фронтовиков, считающих, что по всяким идеологическим причинам им эту правду узнать при жизни не позволяют! Но ведь уже нет государства, в котором по политическим мотивам этого было сделать нельзя, а многие участники войны еще, к счастью, живы (дай им Бог здоровья!). Так давайте же расскажем всю правду, раз политико-идеологических причин для ее сокрытия сегодня нет. И архивы полны интереснейших и доступных документов о предвоенном периоде и войне, в чем лично мне удалось убедиться, работая над этой книгой. Хотя, разумеется, рассекречивание следует активно продолжать, но надо использовать и уже доступные документы для новых открытий и ликвидации белых пятен, чтобы

перекрыть кислород многочисленным старым и новым фальсификациям о войне.

Самой известной из них является «ледокольная» версия начала войны, изложенная в книге под названием «Ледокол» (впервые в России была издана в 1992 г.). Причиной катастрофы 22 июня 1941 г. он назвал то, что Сталин готовил удар советских войск по немецким, а Гитлер, узнав об этом, опередил его и ударил по советским войскам в 4.00 22 июня 1941 г. Хотя реальность суворовской версии вызывает у меня большие сомнения (более того, есть целый ряд серьезных фактов, опровергающих ее), надо признать, что причина нападения Германии на СССР и фактор внезапности в ней объяснялись гораздо реалистичней, чем в официальной. Вызывал интерес и сам факт «вычисления» В. Суворовым причины такого страшного поражения советских войск в начале войны. Но таков был мой взгляд на версию Суворова до тех пор, пока в книге А. П. Судоплатова (сына генерала П. А. Судоплатова) «Тайная жизнь генерала Судоплатова» впервые не был опубликован полный текст ноты-меморандума МИД Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 года^[209]. Стало понятно, что Суворов озвучил в «Ледоколе» в качестве своей версии причин немецкого нападения, изложенную в этом документе. Видимо, оказавшись за рубежом, он обнаружил этот давно опубликованный там документ и немедленно взял его на вооружение. На свет появилась «ледокольная» версия причины катастрофы 22 июня, вызвавшая огромный интерес у людей, никогда не читавших ноту-меморандум. К тому же именно Суворов, изучив мемуары советских военачальников, действительно первым вскрыл факт тайной переброски в мае – июне 1941 г. советских армий к границе, о котором у нас в официальной истории никогда не сообщалось. Поэтому многие решили, что таким образом он раскрыл и Великую тайну катастрофы 22 июня. Но в трактовке факта тайной переброски советских войск и заключается главная несостоятельность версии Резуна-Суворова: якобы Гитлер узнал об этом и опередил Сталина. Хотя всем известно, что никакой внезапности не было и Гитлер с лета 1940 г. непрерывно наращивал количество своих дивизий у советской границы, о чем Сталину со всех сторон (особенно в последние предвоенные дни) непрерывно сообщали. Но странным образом это не встречало никакого противодействия со стороны советского руководства. И объяснить это можно только тем, что переброски войск с обеих сторон велись по взаимной договоренности фюрера с советским вождем. Причем с жестким взаимным контролем сроков и количества соединений, размещаемых близ границы (потому-то и самолеты постоянно летали с

обеих сторон безнаказанно – наблюдали за перегруппировками войск). Поэтому Сталин игнорировал многочисленные сообщения о переброске к границе все новых немецких частей. На самом же деле, на мой взгляд, и Сталин, и Гитлер очень внимательно следили за передвижениями войск по ту сторону своей границы, отмечали их на картах и радовались, что все идет по задуманному и известному только им двоим плану. Этот план, первым этапом которого, по моему мнению, должна была стать Великая транспортная операция, скорее всего, был окончательно принят 12–14 ноября в Берлине, возможно даже во время тайной встречи Гитлера и Сталина. Разрушил же этот план Черчилль, подтолкнув новоявленных союзников к смертельной схватке. Выкрав или заманив Гесса, он надеялся посеять недоверие между советским вождем и фюрером и для этого, через Гесса, предложил Гитлеру нанести 22 июня 1941 г. совместный удар по готовящейся к транспортировке и потому временно утратившей боеготовность Красной Армии.

Да, это всего лишь гипотеза, еще одна версия, но мы только что говорили о том, что в России история всегда **вынуждена** быть версионной и почти все ее важнейшие события имеют версии. Поэтому мы не ошибемся, если скажем, что и официальная история начала Великой Отечественной войны – тоже версия, причем крайне неубедительная. Поэтому не надо пугаться невероятности предложенной мной гипотезы, ибо как сказал английский ученый и мыслитель Томас Гексли: «Истина рождается как ересь, а умирает как предрассудок». Ведь не сомневался же каждый человек в Средние века, что Земля плоская и лежит на трех слонах, слоны стоят на трех китах, киты же лежат на черепахе, которая плавает по Окияну, а тех, кто в этом сомневался, отправляли на костер. Но однажды кто-то, провожая корабль в дальний путь, заметил, что, подходя к горизонту, корабль как бы «тонет», прежде чем скроется из виду, и высказал робкое предположение о том, что земля... круглая. Это гипотеза позволила понять, откуда берутся фазы Луны, и пошло-поехало...

Чтобы установить истину, надо подвергать версию или гипотезу постоянным проверкам, и чем меньше белых пятен благодаря этим проверкам остается, чем больше непонятностей и несуразностей гипотеза объясняет, тем ближе она к истине. Проверьте же и мою.

Закончилась Вторая мировая война. Уцелевшие солдаты и угнанные в фашистскую неволю люди из разных стран вернулись на родину. Прошла Потсдамская конференция, решившая, как должен быть устроен послевоенный мир. Нацистские преступники, развязавшие войну,

осуждены Международным военным трибуналом в Нюрнберге и казнены.

Казалось бы, сказано последнее слово об этой войне.

Но нет – последнее слово всегда за историками. А они молчали и выжидали...

А в это время не историк, а дилетант в этой области науки по имени Уинстон Черчилль пишет книгу «Вторая мировая война» (The Second World War), которую он начинал как свои мемуары. И поскольку Черчилль был в первую очередь великим политиком, то и это его шеститомное деяние, совершенное за шесть лет (1948–1954), оказалось не менее великим, чем все сделанное им за шесть лет Второй мировой войны (1939–1945).

В годы войны он спас свою страну и свою империю, не только организовав стойкое сопротивление жестокому агрессору, но и проводя хитроумную и циничную тайную политику, целью которой было перевести стрелки на пути полчищ Гитлера, направив их на СССР.

А шестью томами своей книги он как бы запечатал в бочонок правду об этой войне и ее Великой тайне и пустил в плавание по волнам времени. Никто другой в мире (кроме Сталина) не смог бы рассказать столько об этой войне и не стремился бы столько скрыть. Черчилль в своей книге первым успел подробно показать всю войну, причем так, как он хотел ее показать. Он и признается в этом: «История будет снисходительной ко мне... Потому что я сам напишу ее». И написал. С тех пор такой эта война и стала считаться во всем мире, а книга Черчилля – непреложной истиной о ней. Поэтому даже советские и российские историки ссылались на нее. Правда, начинали свои ссылки со слов «даже Черчилль» (далее – «был вынужден признать» или что-нибудь в этом роде).

В декабре 1953 г. У. Черчилль получил за свою книгу Нобелевскую премию в области... литературы. В том году было два номинанта – Черчилль и Хемингуэй, любимый писатель военного поколения двух мировых войн. Нобелевский комитет выбрал Черчилля (Хемингуэй стал лауреатом в следующем году), и никогда еще его решение не было столь справедливым, и никто до него так не «раскусил» книгу великого англичанина – ведь ему была присуждена премия за **художественную** литературу! Ибо в ней он **высокохудожественно** изложил свою версию истории Мировой войны и рассказал о том, как он спас от фашистского нашествия свою страну, но, естественно, умолчал о том, как обрек нашу страну на жесточайшую войну, начавшуюся катастрофой 22 июня 1941 г. Оказалось, что в последний предвоенный год Сталин не зря все время повторял: «Черчилль хочет столкнуть нас с Гитлером» – и больше всего боялся провокации. Похоже, что она все-таки последовала – 22 июня

1941 г. за час-два до немецкого удара «неизвестные самолеты» произвели странные налеты на советские военно-морские базы Севастополь, Очаков, Таллин и Кронштадт, от которых почему-то не пострадал ни один корабль. Потом объяснили, что они сбрасывали не бомбы, а мины (причем донные и магнитные, которых не видно и не слышно), якобы минировав выходы из гаваней и бухт, чтобы запереть стоявшие в них корабли. Никакого ущерба советскому флоту эти бомбежки не нанесли и, наоборот, даже как бы предупредили его и привели в боевую готовность. По сей день эти странные бомбардировки никто не объяснил. Я беседовал с несколькими очевидцами, некоторые сказали, что вначале эту бомбежку приняли за учения, а один добавил, что 22 июня по Севастополю ходил слух, что эти самолеты были турецкими. На мой же взгляд, они были английскими и прилетели с одной из английских авиабаз на Ближнем Востоке – Мосула, Хаббании или с острова Кипр. Скорее всего, Черчилль договорился через Гесса с Гитлером о совместном ударе по СССР и имитировал его 22 июня 1941 г. в 2.00 – 3.00. Поэтому Германия неожиданно оказалась воюющей на два фронта: Гитлер «развел и кинул» в этот день Сталина, а Черчилль «развел и кинул» Гитлера.

Так что катастрофа 22 июня 1941 г., вполне возможно, началась с провокации, придуманной Черчиллем. Но благодаря ей события развернулись так, что наша страна вопреки намерениям Сталина даже временно не смогла оказаться на стороне фашистской Германии во Второй Мировой войне (хотя бы в качестве военной хитрости, чтобы перебросить свои войска на Запад) и СССР вступил в войну с фашистской Германией и внес решающий вклад в ее разгром.

Старательно направляя гитлеровский удар на Восток, Черчилль сократил тем самым людские потери Англии в этой войне в 3,18 раза по сравнению с Первой мировой (286 тыс. чел. против 911 тыс. чел.), а потери СССР увеличил в 9,78 раз по сравнению с потерями царской России (26,6 млн чел. против 2,72 млн чел.), то есть соотношение потерь изменилось в 31 раз в пользу Англии.

Книга Черчилля «Вторая Мировая война» скрыла причины этой поистине гуманитарной катастрофы нашей страны. Иначе ее назвать и нельзя. Ведь если разделить наши признанные на сегодня потери (26,6 млн чел.) на 1 418 дней войны, окажется, что на каждый день войны приходилось 18 750 погибших граждан СССР. Это больше, чем погибло жителей Японии во время катастрофического цунами 2011 г. (15 тыс. чел.). То есть над нашей страной каждый день проносилось такое цунами в течение почти четырех лет войны! Мой друг, ветеран войны, военный

хирург Виктор Васильевич Черкашин привел еще одно жуткое сравнение для оценки наших потерь. Для того чтобы похоронить человека нужно полметра, двоих – метр. Если же похоронить рядом всех наших граждан, погибших в этой войне, могила протянется от Москвы до Владивостока (9 100 км) и еще в обратную сторону от Владивостока до Иркутска (4 000 км).

Главной же причиной таких невероятных потерь стала катастрофа 22 июня 1941 г., и если на одну чашу весов положить наши потери и ущерб лишь от первого дня войны, а на вторую – от всех остальных 1 417 дней, то еще неизвестно, какая перетянет. Поэтому по сей день причина катастрофы 22 июня 1941 г. остается самой великой тайной Великой Отечественной войны. В трех своих книгах об этой тайне я попытался ее разгадать. Насколько мне это удалось – судить вам, уважаемые читатели. Скажу лишь одно: разгадка столь, я бы сказал, многослойной тайны – дело непростое, так как правду скрывали все три главные силы Второй мировой – и СССР, и Англия, и Германия. Многие историки и люди, интересующиеся историей, считают, что мою гипотезу может подтвердить только обнаружение некого документа о заключении военного соглашения между СССР и Германией о совместных боевых действиях против Британской империи и проведении для этого Великой транспортной операции, и требуют такой документ предъявить. Разумеется, он мог бы подтвердить мою правоту. Но следует учесть, что если существовали документы, которые Сталину после начала этой войны нужно было срочно уничтожить, то первым и самым главным из них был именно этот. Думаю, что тем же был озабочен и Гитлер. А в Великобритании, где уничтожать документы не принято, они просто засекречены, как, например, документы о пребывании Гесса, до 2017 г. (с превышением предусмотренного законом срока о секретности документов уже на 25 лет!)^[210].

Но ведь масса других документов и свидетельств прямо и косвенно подтверждает существование такой договоренности. Часть из них приведена в двух первых книгах моей трилогии, а новые, в основном найденные мною в архивах, представлены в третьей книге, которую вы, уважаемый читатель, держите в руках. Кроме того, я привожу свидетельства людей, переживших войну на фронте и в тылу. Возможно, еще и этим отличаются мои книги от научных трудов профессиональных историков. На мой взгляд, это и есть «живая» история в отличие от «неживой» (помню, в 4-м классе я учился по учебнику, на обложке которого было написано: «Неживая природа»). Примером «живой» истории являются документы, фотографии и кинокадры тех лет (историки их почему-то документами не считают и в свои научные труды не включают,

разве изредка в книги – как иллюстрации), а также рассказы участников, их неправомерные воспоминания. Я считаю, что самым сильным «живым» документом истории войны является дневник 12-летней ленинградки Тани Савичевой, написанный на девяти листках отрывного календаря (с краткой записью на каждом – кто из членов ее семьи умер в этот день), и ее ровесницы из Амстердама Анны Франк. Конечно, можно сказать, что и это свидетельства косвенные, но ведь при любом судебном разбирательстве именно на основании таких свидетельств принимается решение. Глупо ведь во время слушания какого-нибудь дела об убийстве требовать в суде вместо косвенных улик в виде окурков и отпечатков пальцев подлинный документ *о намерении* типа: «Я, Петров И. И., настоящим удостоверяю, что собираюсь такого-то числа такого-то года ограбить и убить гр-на Сидорова П. П.». Такого документа никогда не будет. А *признательного* документа (пресловутой «царицы доказательств») получить от «подозреваемого» мы уже не сможем. Поэтому думаю, что если бы даже удалось найти и опубликовать фотоснимок Гитлера рядом со Сталиным, сделанный в Москве или в Берлине, то и он не стал бы абсолютным доказательством существования военного соглашения между ними. Но насколько увеличивалась бы вероятность того, что таковое имелось!

Мой друг и соавтор по фильму «Тайна 22 июня» кинорежиссер Сергей Головецкий сказал мне: «Вы вместо одного документа, который требуют в подтверждение правильности вашей версии начала войны, предъявили целую систему ее периферийных подтверждений». Это глубокая мысль, совпадающая с моим пониманием «живой истории»: скрытая лидером страны историческая правда может быть выявлена с помощью большого количества носителей информации о ее отдельных фрагментах. По аналогии с вопросом «кто победил в войне – вождь или народ?» ставим вопрос «кто скажет больше правды о войне – вождь или народ?». Я уверен, что народ.

Образно же работу по воссозданию правды о начале войны можно представить так. Исследователь, желающий восстановить истинную картину первого дня войны, собирает ее в полной темноте, как мозаику – из тысяч огромного количества фактов, документов, воспоминаний, фотографий, писем, газет и т. п. Если у него есть версия, она помогает ему, указывая, как луч маленького фонарика, узлы стыковки отдельных фрагментов. И каждый исследователь мечтает, чтобы полностью воссозданная им картина предстала наконец перед всеми в ярко освещенном зале. Но для этого требуются многие годы кропотливого труда.

Тем более что у истории начала войны обнаружился жесткий канон,

заложенный еще с первых ее дней не историками, а пропагандистами. Причем если в годы войны он был необходим и работал на Победу, то после ее окончания он стал работать против своей страны, так как не позволял историкам да и всем ее гражданам разобраться в происшедшей трагедии 1941 г. Кроме того, он выставлял нас в невыгодном свете перед всем миром: сокрытие правды о войне расценивалось как подтверждение того, что есть, что скрывать.

Поэтому я решил ориентироваться не на канон, а на его «феномены», то есть на различные эпизоды и факты, вызывающие недоумение, – несуразности, несовпадения, противоречия, «белые пятна» и т. п. Для этого пришлось проработать всю каноническую и появившуюся в годы перестройки неканоническую информацию о начале войны, собрать все «феномены», проанализировать их и придумать (именно так!) гипотезу истинного развития событий, которая объясняла бы причину катастрофы в начале войны и все выявленные «феномены». Это я и сделал в первой книге своей трилогии «Новая гипотеза начала Отечественной войны».

Затем мне пришлось еще раз проработать тот же материал о начале войны в свете моей гипотезы с учетом интереснейшей дополнительной информации, полученной мною от читателей первой книги и, главное, от участников войны. Это позволило обнаружить еще целый ряд «феноменов». После этого я внес в свою гипотезу коррективы, с тем чтобы она объяснила и прежние, и новые «феномены», в результате чего появилась вторая книга – «Ключи к разгадке».

И наконец, в завершающей, третьей книге, которую вы, уважаемый читатель, держите в руках, я собрал все подтверждающие мою гипотезу факты, документы, свидетельства, фото и т. д.

Все книги трилогии дались мне очень нелегко. Полагаю, что немногим легче они будут и для восприятия читателями. Ведь тайна начала войны, которую я пытался в них раскрыть, не арифметика и даже не алгебра, а высшая математика, поскольку создана такими тремя корифеями тайной дипломатии, как Гитлер, Черчилль и Сталин.

Однако предъявить результаты своих поисков, на мой взгляд содержащих разгадку Великой тайны Великой Отечественной, а на чей-то взгляд – лишь приближающих к ней, необходимо для того, чтобы катастрофы, подобные случившейся 22 июня 1941 года, никогда больше не повторялись на нашей земле!

Приложения

Приложение 1. Англо-польский договор о взаимопомощи и секретный протокол, 25 августа 1939 г

Лондон, 25 августа

Статья I.

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон будет вовлечена в военные действия против европейской державы вследствие агрессии последней против этой Договаривающейся Стороны, другая договаривающаяся Сторона немедленно окажет Договаривающейся Стороне, ведущей военные действия, поддержку и помощь всеми силами.

Статья II.

Условия статьи I касаются также любой акции со стороны европейской державы, представляющей явную угрозу, прямую или косвенную, независимости одной из Договаривающихся Сторон, и имеющей такой характер, что упомянутая Сторона будет считать необходимым оказать ей сопротивление своими вооруженными силами.

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется в состоянии войны с европейской державой в результате акции этой державы, которая поставит под угрозу независимость или нейтралитет другого европейского государства, и тем самым представит явную угрозу безопасности этой Договаривающейся Стороны, положения статьи I будут применимы к этому случаю, однако, без ущерба прав упомянутого другого европейского государства...

...

Статья VIII.

(1) Настоящее Соглашение будет действовать в течение пяти лет.

(2) Если Соглашение не будет денонсировано за шесть месяцев до окончания этого срока, оно будет оставаться в силе и в дальнейшем; с этого времени каждая из Договаривающихся Сторон будет иметь право денонсировать его в любое время, сообщив о своем намерении за 6 месяцев предварительно.

(3) Настоящее соглашение вступает в силу сразу после подписания.

Галифакс Рачиньский

Протокол

Польское правительство и правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии договорились о следующем

истолковании Соглашения о взаимопомощи, подписанного сегодня, как единственно достоверном и обязательном:

1. (а) Под выражением «европейская держава», употребляемом в Соглашении, следует понимать Германию.

(b) В случае действий, упоминаемых в статьях I и II Соглашения, со стороны другой европейской державы, а не Германии, Договаривающиеся Стороны проведут консультации друг с другом относительно принятия совместных мер ...

Галифакс Рачиньский

(Documents on International Affairs 1939–1946. Vol. I. March-September 1939. L, 1951. P. 461).

А. О.: Этот договор, заключенный министрами иностранных дел Англии и Польши через два дня после подписания Договора о ненападении между СССР и Германией, впервые в нашей стране был опубликован в статье «Завтра может быть поздно», помещенной в специальном выпуске «Вестника МГИМО – Университета» (М., 2009. С. 387–388). Прочитав его, понимаешь, несмотря на наличие купюр, почему прежде этот документ не публиковался у нас в открытой печати. Оказывается, к нему имелся секретный протокол, который разъясняет, что под европейской державой-агрессором следует понимать Германию, при нападении которой на одну из сторон, другая оказывает ей военную помощь. Однако же в случае аналогичных «действий... со стороны другой европейской державы, а не Германии... стороны проведут консультации». В результате «проведенных консультаций» (Черчилля с его собственным кабинетом министров!) после 17 сентября 1939 г., когда Красная Армия пересекла границу Польши и заняла Западную Белоруссию и Западную Украину, Англия не объявила войну СССР, потому что, если бы это произошло, СССР и Германия сразу же оказались военными союзниками. А если бы Англия и Франция не объявили 3 сентября войну фашистской Германии, не началась бы общеевропейская, а затем и Вторая мировая война, и значит, СССР и Германия не сошлись бы в смертельной схватке, чего так долго добивался Черчилль.

Приложение 2. Он предупреждал Сталина о войне

Есть среди героев Великой Отечественной войны один особенный, который совершил подвиг, равного которому (по крайней мере, пока) нет.

Он единственный посмел возразить Сталину, причем не по какому-нибудь мелкому, второстепенному вопросу, а по самому главному – сверхстратегическому. Причем возразить при большом количестве свидетелей и в письменном (а точнее – даже в печатном) виде, и при этом остался жив. Я уверен, что среди расстрелянных в 1941 г. генералов и государственных деятелей были и другие такие, за что, возможно, и поплатились.

Василий Андреевич Новобранец окончил два военных училища и две лучшие советские академии – им. Фрунзе и Генштаба. Против мнения вождя он посмел выступить, находясь в скромном звании подполковника, но занимая ответственный пост (генеральский) – начальника Информационного отдела Разведывательного управления Генштаба РККА (РУ ГШ, ныне ГРУ). Информационный отдел собирал все виды информации, полученной от легальной и нелегальной резидентур РУ ГШ, а также от других внешних разведок (НКВД, НКВМФ), Коминтерна и прочих источников, обрабатывал, анализировал ее и выдавал в виде сводок высшему руководству РККА и страны. Пожалуй, никакое другое ведомство СССР не имело тогда столь обширной и разносторонней информации. Именно она позволила Новобранцу сделать свой вывод об истинной цели сосредоточения в 1940–1941 гг. немецких дивизий у советской границы и, нарушив все правила и с риском для собственной жизни, довести это мнение, в корне противоречащее генеральной линии вождя, в виде «Сводки Генштаба № 8» до высшего руководства страны и армии, в том числе командования западных округов, армий, корпусов и даже дивизий. Немногие командиры, получившие эту сводку и посмеявшие действовать с ее учетом вопреки приказам высшего руководства страны и наркомата обороны, 22 июня 1941 г. сумели дать достойный отпор врагу и понести минимальные потери. В их числе начштаба ОдВО генерал М. В. Захаров, командир 17 ск ОдВО генерал И. В. Галанин, командир 33 сд ПриОВО генерал К. А. Железников и командир 5 сд ПриОВО полковник Ф. П. Озеров.

Правдивые и подробные воспоминания В. А. Новобранца, наибольшую известность из которых получил его рассказ о работе

Генштаба перед войной, начиная с 60-х годов ходили в списках и только в 1990 г. были опубликованы в журнале «Знамя» № 6. Они вызывали и вызывают сегодня такую ярость, что некоторые оппоненты обвиняли и обвиняют его в мании величия (дескать, не был он никогда начальником Информотдела РУ), в искажении фактов (не мог он в нарушение всех норм и правил подписать и разослать сводку Генштаба), в непрофессионализме (поддался на хитрости вражеской разведки и докладывал начальству завышенные количества немецких дивизий), а некоторые утверждают, что эти воспоминания – мистификация и подполковник Новобранец в РУ никогда не числился и даже вообще не существовал. Свою неприязнь к нему «антиновобранцы» объясняют якобы тем, что завышение им количества немецких дивизий у границ СССР вызвало у вождя «эффект привыкания» и он перестал вообще реагировать на их существование, что и привело к трагедии 22 июня 1941 г. А как тогда понять «Сообщение ТАСС от 13 июня 1941 г.»? Что, его дали из-за того, что немецких дивизий РУ указывало больше, чем их было на самом деле? Ведь оказалось, что к началу войны у немцев было именно столько дивизий, сколько указывал Новобранец – 170! Правильность этой цифры подтверждает еще один человек, который уж точно должен был быть полностью в курсе дела: «Война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмотилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления». Это сказал Сталин 3 июля 1941 г. в своей речи по радио.

В. А. Новобранец начал войну с первого дня в качестве начальника Разведотдела 6-й армии Юго-Западного фронта. После ее разгрома в Уманском котле в начале августа 1941 г. он стал командиром созданного им партизанского отряда. С февраля 1942 г., оказавшись в плену, Новобранец был участником подпольных организаций во многих фашистских концлагерях для советских офицеров в Германии и Норвегии. Свидетели, видевшие, как он сражался под Подвысоким, сообщили, что Василий Андреевич погиб в бою и его жене и трем дочкам всю войну платили пенсию. В мае 1945 г., за несколько дней до подписания капитуляции, чтобы предотвратить уничтожение узников концлагеря возле Бергена, Новобранец организует разоружение лагерной охраны и создает из узников советский офицерский полк, который сам и возглавил. Затем с помощью участников норвежского Сопротивления организует разоружение охраны

всех лагерей советских военнопленных Норвегии и становится командующим всех созданных в них полков. В итоге под его командой оказалось около 100 тыс. бывших советских военнопленных, многие из которых были вооружены. Это не позволило союзникам оставить этих людей на Западе, и они вернули их на родину.

На мой взгляд, причин злобы к Новобранцу две: желание вывести из-под огня критики истинного виновника трагедии 22 июня 1941 г. – Сталина и зависть к человеку, осмелившемуся даже в те жестокие времена не только иметь, но и отстаивать собственное мнение.

Сын В. А. Новобранца Александр Васильевич Новобранец вынужден был опубликовать в газете «Красная Звезда» (24 июня, 1 и 8 июля 2009 г.) свой ответ «антиновобранцам» в статье «Сын отвечает за отца», где дал достойную отповедь его хулителям.

Надо признать, что люди, пытавшиеся рассказать о легендарном Новобранце, всегда оказывались в трудном положении. С одной стороны, на них влияло все негативное, о чем говорили его хулители, с другой стороны, как ни странно, – восторги в его адрес, расточаемые некоторыми людьми, «усиливавшими» факты его биографии в разных, но своих целях. Новобранец оказался у них командующим целой армией, сражавшейся с немецко-фашистскими войсками в Норвегии, хотя на самом деле в плену он боролся, лишь участвуя в подпольной работе, а армия бывших военнопленных, которой он командовал с начала мая 1945 г., в боевых действиях не участвовала. Другие писали, что Новобранец, вернувшись на Родину, почти десять лет провел в сталинско-бериевских лагерях, на самом же деле он был на перепроверке всего три месяца, и не на Колыме, а в Суслонгере, недалеко от Казани, а домой в Москву вернулся в октябре 1945 г.

Когда после его возвращения семье прекратили выплачивать пенсию за погибшего отца, он, как побывавший в немецком плену, не мог устроиться на работу, и семья оказалась без средств к существованию. Потеряв надежду найти работу, Василий Андреевич написал отчаянное письмо Сталину. Поразительно то, что вскоре его восстановили в армии и послали снова учиться в Академию им. Фрунзе на курсы усовершенствования командиров дивизий. Закончив их, он полностью перешел на преподавательскую работу (читал курс тактики) – вначале в Академии им. Куйбышева, а затем до отправки в запас в 1954 г. – на высших офицерских курсах «Выстрел». В 1950 г. В. А. Новобранец получил звание полковника. За шесть лет послевоенной службы был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени и орденом

Отечественной войны. Медаль «За боевые заслуги» была получена им еще до Великой Отечественной войны за участие в боях на Халхин-Голе в 1939 г. Для советского офицера, прошедшего более трех лет в фашистских лагерях, это неслыханные награды. Чем это объяснить? Письмо дошло до Сталина, и тот вспомнил об отважном подполковнике, который, рискуя жизнью, предупредил страну и его лично о возможном нападении Германии и воздал ему должное? Или за Новобранца попросили его друзья по учебе в академиях – ставшие маршалами Баграмян и Рыбалко? Нельзя не отметить и то, что после смерти Сталина Новобранца немедленно отправили в запас по достижении им пенсионного 50-летнего возраста. Это косвенно подтверждает, что к решению вопроса о его восстановлении в армии мог приложить руку и лично Сталин, что позволило ретивым кадровикам после смерти вождя счесть Новобранца «сталинистом».

О том, что про Новобранца Сталину докладывал Берия, первым написал Овидий Горчаков (Накануне, или трагедия Кассандры // Неделя. 1988, № 42–44; Горизонт. 1988. № 6–7), процитировав следующие слова Берии: «21 июня 1941 года... Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня “дезой” о якобы готовящемся нападении на СССР. Он сообщил, что это “нападение” начнется завтра... То же радировал и генерал-майор В. И. Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев, ссылаясь на свою берлинскую агентуру. Начальник разведуправления... генерал-лейтенант Ф. И. Голиков жалуется на Деканозова и на своего подполковника Новобранца, который тоже врет, будто Гитлер сосредоточил 170 дивизий против нас на западной границе... Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет!»

К сожалению, это сообщение не подтверждено архивным документом, поэтому некоторые считают его сфальсифицированным в годы борьбы с культом личности. Мне кажется, что этот документ подлинный, так как я обнаружил и привел в своих книгах письма В. Г. Деканозова своему наркому и председателю Совнаркома Молотову от 3 апреля [63. С. 285–291] и от 4 июня [62. С. 571–578] 1941 г., в которых изложено множество фактов, свидетельствующих о подготовке Германии к войне с СССР с однозначным выводом об этом автора писем. Далее, в Приложении 13 данной книги, я привожу сообщение В. И. Тупикова Голикову от 25/26 апреля 1941 г., где он пишет, что послал уже несколько десятков предупреждений о готовящейся Германией войне с СССР. То есть все, о

чем говорится в докладной записке Берии Сталину (о сообщениях Деканозова, Тупикова и Новобранца), подтверждено.

Я публикую отрывок из воспоминаний В. А. Новобранца с любезного разрешения его сына – Александра Васильевича Новобранца.

Для меня, как для автора новой гипотезы начала войны, эти воспоминания дали целый ряд серьезных ее подтверждений, на которые я указываю в примечаниях к тексту Василия Андреевича.

Отрывок из книги В. А. Новобранца «Я предупреждал Сталина о войне. Записки военного разведчика» [59]

...Перехожу к описанию событий, начинавшихся на наших западных границах. Нас интересовал вопрос, куда будет перебрасываться немецкая армия из Франции. Если Гитлер примет решение нанести удар по Англии, форсировать Ла-Манш, то немецкая армия не уйдет из Франции, а будет группироваться во Фландрии. Если же начнется переброска в Восточную Германию и Польшу, то нам следует быть начеку.

Осенью 1940 года наша разведка зафиксировала тщательно скрытые перевозки немецких войск в Чехословакию, Польшу и Восточную Пруссию. Военнослужащие были переодеты в гражданскую одежду, а военные грузы маскировались под сельскохозяйственные. Уже один факт этой маскировки говорил о многом. Однако высказывать какие-либо подозрения и опасения было рискованно, так как начал действовать заключенный с Германией в августе 1939 года пакт о ненападении и договор о дружбе. Для его подписания Риббентроп прилетел в Москву, и ему была выстлана ковровая дорожка от самолета до аэровокзала. Что и как говорили дипломаты, нам неизвестно, но совершенно очевидно, что Гитлеру удалось убедить Сталина и Молотова в своих «честных» намерениях по отношению к Советскому Союзу. «Штатные докладчики» и все газетные обозреватели на все лады расхваливали пакт и «гениальную мудрость» Сталина.

Как расценивало наше правительство заключение пакта о ненападении и договора о дружбе с Германией, видно из доклада Молотова на заседании Верховного Совета» СССР... Доклад этот настолько любопытный документ, что я приведу его полностью^[211]. ...

Майор Василий Андреевич Новобранец в период учебы в Академии Генштаба (1937–1939 гг.

За этой плотной завесой дружеских славословий Молотова нарастали тревожные события на наших западных границах: немецкие войска, сосредоточенные ранее во Франции, начали постепенно перебрасываться в Польшу и подтягиваться к нашим границам. Вот что об этом говорил немецкий генерал фон Бутлер: «Уже в июле 1940 года на Восток был переброшен штаб группы армий фельдмаршала фон Бока, а также штабы 4, 12 и 18-й армий. Тогда же сюда было переведено около 30 немецких дивизий. Так были сделаны первые шаги к стратегическому разворачиванию сил, которое заняло довольно продолжительный период времени» (Мировая война 1939–1945 гг.). Эти переброски были точно установлены нашей разведкой.

Чтобы дезинформировать наше правительство, Гитлер выступил с заявлением, что немецкая армия перебрасывается в Восточную Германию и Польшу с целью улучшения условий расквартирования и отдыха после войны во Франции. Но сосредоточие войск в непосредственной близости от наших границ в густонаселенных местах только ухудшало условия расквартирования.

Наша агентура все время докладывала о нарастании численности войск у наших границ. Открытых перевозок как будто нет. Едут только «гражданские» туристы, а количество дивизий растет и растет. Они вылезают из земли, как грибы. Мы заметили также, что много «туристов» едет из Германии в Финляндию. Туда едут, а обратно не возвращаются. Послали туда, под видом железнодорожного кондуктора, нашего офицера-разведчика. После нескольких рейсов – «кондуктор» доложил, что это не

туристы, а немецкие солдаты и офицеры сосредотачиваются в северной части Финляндии. Было установлено, что там уже сосредоточено около 35 тысяч человек.

Это было примерно в декабре 1940 года. Мы фиксировали эти данные, брали на учет каждую дивизию. Делали это очень доброкачественно... Все накопленные сведения мы включали в разведывательные сводки.

Система информации в нашем отделе была такова. Регулярно раз в месяц выпускались разведсводки, которые составлялись и переписывались начальником информотдела, а утверждались начальником Разведупра. Разведсводки рассылались правительству, всем членам Политбюро, в Генеральный штаб, центральным военным учреждениям, штабам военных округов и войскам до штаба корпуса включительно^[212].

Кроме сводок, мы выпускали различные справочники, описания, наставления. В последнее время по моей инициативе начали составлять доклады о военно-экономическом потенциале страны и о возможном масштабе развертывания армий. Эти документы, как уже упоминалось выше, назывались «мобилизационными записками».

Был у нас еще один вид информации под грифом «Совершенно секретно». Это «спецсообщения». В них включали особо важные данные и за подписью начальника Разведупра направляли по особому списку, установленному самим Сталиным. Список был таков: Сталин, Молотов, Маленков, Берия, Ворошилов, Тимошенко, Мерецков и Жуков... [С. 76–79].

По телефону часто наводили справки начальник Академии Генштаба комдив Мордвинов и начальник Оперативного управления Генштаба генерал Ватутин.

В результате анализа всех данных разведки для меня стало очевидным, что Германия готовится факел войны перебросить с Запада на Восток, напасть на СССР. Поэтому стал сам спешно готовить «мобзаписку» по Германии. Данных для «записки» у меня было вполне достаточно. О положении дел на наших границах я регулярно докладывал генералу Голикову.^[213] Он внимательно меня выслушивал, но первое время своего мнения не высказывал. Я объяснял это тем, что он в разведке человек новый и не успел еще во всем разобраться. ...

Очень запомнилось еще очень интересное письмо из-за рубежа. Оно определило наши отношения с Голиковым. Он дал мне его на очередном докладе и приказал доложить свое мнение.

Я внимательно изучил это интересное письмо. Оно было написано мелким убористым почерком на 6–8 листах ученической тетради.

С первых же строк письма мне стало ясно, что автор его – весьма грамотный в политическом и военном отношении человек, хорошо разбирается в сложных международных событиях. Автор писал о неизбежном нападении Германии на СССР...

На следующий день генерал Голиков спросил меня, что я думаю о письме и его авторе. Я ответил, что полностью разделяю мнение автора и что все его соображения подтверждаются нашими данными. Я посоветовал отправить это письмо правительству в «спецсообщении».

Голиков посмотрел на меня с явным недовольством:

– Да вы что? Вы понимаете, что вы говорите? Ведь он же хочет столкнуть нас лбами с Германией. Скорей всего, немцы будут наносить удар по Англии, форсировать Ла-Манш. Если сделать так, как пишет этот «друг», то мы своими военными приготовлениями можем спровоцировать немцев против нас. Так думает и наш «хозяин».

Мне стало ясно, что письмо побывало у Сталина, что Голиков выражает его точку зрения. Я ничего не возразил. Но внутренне я попал в полосу мучительного душевного разлада. Фактические данные противоречили умонастроениям моего непосредственного начальства и всего правительства. Я был на стороне фактов, но пока не мог найти формы защиты своей позиции.

Закончив «мобзаписку» по Германии, я понес ее Голикову. В «записке» мы определяли масштабы развертывания немецкой армии в двух вариантах: для молниеносной войны (блицкрига) и для длительной. Для молниеносной войны мы определяли количество дивизий около 220, для длительной – 230. И приложили карту-схему, на которой были показаны существующие группировки немецких войск на наших границах и возможные варианты направления их действий...

Много позже, уже после войны, мне стало известно, что эта мобзаписка пролежала у него без движения до самого начала войны, хотя другие «мобзаписки» быстро утверждались и немедленно отсылались в Генштаб. После этого между мною, вернее, между Информотделом, и генералом Голиковым установились весьма странные отношения. На каждом докладе генерал «срезал» у меня по несколько дивизий, снимая их с учета, как пешки с шахматной доски. Никакие мои возражения на него не действовали... [С. 80–83].

– Товарищ генерал, – заявил я ему, – я не согласен с вашей практикой «срезать» количество дивизий, которые мы указываем. Уже подошло время выпускать очередную сводку по Германии, а я не могу ее выпустить в искаженном виде. Голиков молча извлек из сейфа лист александрийской

бумаги, развернул на столе и сказал:

– Вот действительное положение на наших границах. Здесь показано 35–40 дивизий, а у вас сто десять.

Я посмотрел на схему. Там действительно синим карандашом были показаны немецкие дивизии вдоль наших границ.

– Что это за документ? Откуда?

– Это дал нам югославский атташе полковник Путник. Эти же данные подтвердил и наш агент из немецкого посольства в Москве. Этим же данным верит и наш «хозяин», – пояснил Голиков и уже тоном приказа сказал: – Поэтому не будем спорить, выпускайте сводку по этим данным.

Я ответил, что без проверки по этим данным выпускать сводку не могу, и попросил схему в отдел для анализа.

При изучении схемы Путника прежде всего бросалось в глаза резко сниженное количество дивизий, причем они были разбросаны вдоль нашей границы равномерно и бессистемно. В их расположении не было замысла никакой идеи. Нумерация дивизий совпадала с теми нашими данными, которые имелись уже в нашей старой сводке. Для всех нас стало ясно, что перед нами обыкновенная немецкая «деза». Стало ясно и другое – что наши сводки попадают в немецкую разведку... Причем очень характерно, что дезинформационный материал попадал к нам не из наших источников, а «сверху»^[214].

Наметились и каналы проникновения дезинформации. Сначала она попадала к «соседям», в агентурную сеть НКВД или в контрразведку. Потом, конечно, с помощью Берии дезинформация докладывалась Сталину^[215]. И уже от Сталина – в Разведуправление Генштаба и по другим каналам.

Надо отдать должное немецкой разведке – ее дезинформация сумела ловко обмануть наше правительство, скрыть от него военные приготовления против нас.

Мы, работники Разведупра, главную борьбу против дезинформации сосредоточили вокруг количества вражеских дивизий, развернутых на наших границах. Мы показывали их истинное количество, а немецкая разведка всячески пыталась скрыть или уменьшить их количество, и, кроме того, нас уверяли, что Германия будет наносить удар по Англии.

И в этой борьбе немецкая разведка нас победила. Советское правительство и наше военное руководство верили вражеской дезинформации, а не собственной разведке.

Сам начальник Разведупра не верил данным собственной разведки и

систематически «срезал» количество немецких дивизий, с каждой неделей все больше и больше, подгоняя наши разведданные под сообщение Путника. В конечном итоге эта дезинформация Путника была внедрена в Генштабе и правительстве и так осталась до сего времени неразоблаченной^[216].

В воспоминаниях бывшего начальника Генерального штаба маршала Жукова сказано: «...на 4 апреля 1941 года, по данным Генштаба, против СССР находилось 72–73 дивизии» [28. С. 226]. Вот это и есть данные Путника. Советская военная разведка еще в декабре 1940 года докладывала в разведсводке № 8, что против СССР сосредоточено 110 дивизий, из них 11 танковых. Как же получилось, что по состоянию на апрель 1941 года их было 73?! Уменьшилось на 38 дивизий?! Это уже работа начальника Разведуправления генерала Голикова. Он просто «снял» 38 дивизий с учета и подсунул Генштабу «дезу» Путника... В схеме же, приведенной маршалом Жуковым, я узнаю схему Путника...

Изучив схему Путника и сняв с нее копию, я вернул ее генералу Голикову. Доложил твердо и по форме вполне официально, что схема Путника – дезинформация.

Голиков пытался убедить меня, что в ней все весьма правдоподобно и логично. Главные силы Германии, по мнению Голикова, находятся во Франции и готовятся нанести решающий удар по Англии. Доказательство тому – усиленная бомбардировка Лондона и подготовка к форсированию Ла-Манша. Сам Голиков придерживался этого мнения и дал мне понять, что и Сталин так думает.

Мы, работники Разведупра, в эту версию никогда не верили и предполагали, что возня немцев около Ла-Манша – особая форма дезинформации. Теперь уже стало известно, что эта дезинформация была капитально разработана как операция против Англии и носила название «Морской лев», а позднее «Хайфин»^[217]. Были даже посланы разведывательные группы в сторону Британских островов, которые погибли.

Отдав в жертву этой дезинформации десяток своих солдат, Гитлер все же всучил ее Сталину и его «любимым ученикам».

До сего времени бывший тогда военно-морской министр^[218] адмирал Кузнецов верит, что операция «Морской лев» была действительной, а не дезинформационной. Об этом он пишет в своих мемуарах и подтверждает, что в это верили Жданов и Молотов (см. журнал «Октябрь» № 11). Вся трагедия в том и заключается, что все партийные, советские и военные

руководители верили в то, что Гитлер будет наносить удар по Англии, а не по СССР. Все наше руководство находилось в плену немецкой дезинформации. А что собой представляет операция «Морской лев», красноречиво рассказывает в своих воспоминаниях немецкий генерал Циммерман:

«В начале июня в Ставку Главного Командования немецкими войсками Запада прибыл порученец начальника Генерального штаба сухопутных войск и сообщил собравшимся офицерам, что все сделанные подготовительные работы являются просто мероприятием, необходимым для введения противника в заблуждение, и что теперь их можно прекратить... Все эти приготовления проводились только в целях маскировки готовящейся Восточной кампании, которая в ту пору являлась для Верховного Главнокомандующего уже решенным делом»^[219] (Мировая война 1939–1945 гг., с. 56).

Эту дезинформацию путем несложных расчетов мы разоблачили. Дело в том, что у немцев не хватало десантных перевозочных средств, и фактически операция не могла быть осуществлена^[220]. После Дюнкерка в Англию возвратилась трехсоттысячная армия. На ее базе англичане сформировали около 40 дивизий, из них 5 танковых, и была построена мощная береговая оборона. Для преодоления сопротивления английской армии нужно было перебросить не менее 60 немецких дивизий, из них 8 – 10 танковых. Для этого требовалось много десантных средств. Я уже не помню чисел, полученных при наших расчетах, но, по подсчетам самих немцев, для переброски в первом эшелоне 30 дивизий требовалось 145 пароходов, 1 800 барж, 400 буксиров, 900 катеров, 100 парусных судов, не считая флота для прикрытия и поддержки операции. Таких судов у немцев не было^[221]. Поэтому Гитлер никогда и не помышлял о вторжении на Британские острова. У него были другие планы – склонить Англию к миру, отсюда и миссия Гесса, и напасть на Советский Союз. Эту дезинформацию мог также легко разоблачить военно-морской министр^[222] с его штабом и доказать Сталину ее неосуществимость. К сожалению, этого не было сделано. Все верили в нападение Гитлера на Англию и проявили беспечность в отношении своих границ [С. 84–89].

...

Подходило время выпускать сводку по Германии, а у нас еще продолжались долгие и мучительные дискуссии о том, сколько же немецких дивизий на наших границах и куда Гитлер нацеливает удар – на Англию или на СССР?

Однажды полковник Гусев после очередного доклада Голикову врывается ко мне в кабинет красный от ярости. Размахивая бумагами и картой, матерно ругаясь, кричит:

– Опять срезал!

– Сколько?

– Пятнадцать дивизий!

Я понял, что настал критический момент. Дальше медлить и терпеть было нельзя. Необходимо принимать какое-то твердое решение. А какое? В угоду начальству дать сведения Путника? Нет! Это будет предательством Родины! От одной мысли о таком выходе из «пикового положения» меня бросало в жар и холод. А если дать достоверные сведения – значит пойти на острый конфликт с начальством и официальным курсом, т. е., в конечном счете, пойти против мнения Сталина. Значит, пойти на риск «исчезнуть при неизвестных обстоятельствах», как это произошло с генералом Проскуровым^[223].

К счастью, победили те думы и чувства, которые получили свое начало в моем пастушеском кнуте, в моем комсомольском прошлом. Гнездилась также надежда, что Сталин ничего не знает об истинном положении, что его обманывают. И я наметил свой обходный путь.

Приказал полковнику Гусеву заготовить материал для сводки по нашим данным. Гусев взялся с радостью за составление сводки. Через день она уже была готова. Это была сводка № 8 за декабрь 1940 года. Несомненно, она хранится в архиве. Историки могут ее прочитать, А если ее в архиве нет, изъяли, то это уже будет явное предательство. Повторяю: Разведывательная сводка № 8, официальный документ, изданный Разведупром.

Общее резюме в сводке было такое (цитирую по памяти, так как сам составлял):

«За последнее время отмечаются массовые переброски немецких войск к нашим границам. Эти переброски тщательно скрываются. По состоянию на декабрь 1940 года на наших границах сосредоточено около ста десяти дивизий, из них одиннадцать танковых, группировки войск...»

В схеме мы показали все немецкие войска до дивизии и отдельной части включительно. В выводах я писал: «Это огромное количество войск сосредоточено не для улучшения условий расквартирования, как об этом заявил Гитлер, а для войны против СССР. Поэтому наши войска должны быть бдительны и готовы к отражению военного нападения Германии».

Подпись была такой: ВРИО начальника Информационного отдела Разведывательного управления Генштаба подполковник Новобранец.

Сводка готова. Теперь надо обдумать, как ее довести до Сталина и войск. Голиков легко может мне помешать. Во время этих раздумий вдруг открывается дверь и ко мне входит генерал-майор Рыбалко. Он работал в нашей системе и часто заходил ко мне. Мы были с ним товарищами по выпуску из Академии им. Фрунзе. Хорошие отношения между нами сохранились. Каждый раз при встрече мы делились сокровенными думами. Рыбалко был старым коммунистом, комиссаром времен Гражданской войны. Он успешно окончил Академию им. Фрунзе, обладал большим политическим и военным кругозором. Был он человеком прямым, смелым, честным и объективным.

В Академии им. Фрунзе он был старостой нашего курса и пользовался среди нас большим авторитетом. Поэтому я с радостью поделился с Рыбалко горечью своих раздумий. Показал ему нашу сводку и схему. Показал и копию схемы югославского полковника Путника.

– Ну, что, по-твоему, мне делать? – спросил я старого друга.

– Д-да, – говорит он, внимательно изучив схему, – положение твое, как говорили в старину, хуже губернаторского. Советовать тебе сделать подлость и поместить в сводку данные Путника не могу. А за правдивую информацию, имей в виду, могут голову снести. Сталин тебе не поверит и заставит Берия тебя «проверить»... Чтобы не стать подлецом, советую дать правдивую сводку и попытаться направить ее в войска помимо начальства. Пусть хоть армия и народ знают, что их ожидает. Если уж умирать, так за правое дело!

Этот разговор с Рыбалко окончательно убедил меня, что над страной нависла грозная опасность. Уже без колебаний я принял решение довести сводку до войск.

Но как сделать, чтобы мне не помешали?

У нас была такая практика: все информационные документы, в том числе и сводки, составлялись и подписывались начальником Информотдела. Но перед рассылкой их в войска сигнальный экземпляр докладывался начальнику Разведупра. Только после его утверждения весь тираж рассылался по адресам. Разведсводки рассылались в части до корпуса (иногда дивизии) включительно, во все штабы округов, в Генштаб, Академиям, в Центральные военные управления Наркомата обороны. Правительству по особому списку: Сталину, Молотову. Ворошилову, Маленкову, Тимошенко, Берия, Мерецкову, Жукову.

Я решил отправить сводку без ведома начальника Разведупра, т. е. нелегально. Случай беспрецедентный, но иного выхода не было. Я вызвал начальника типографии полковника Серебрякова, вручил ему сводку и

приказал срочно отпечатать, а сигнальный экземпляр доставить мне для доклада генералу Голикову. Полковник Серебряков просмотрел материал, понял всю его серьезность и, организовав круглосуточную работу в типографии, через два дня доложил, что сводка готова.

– Передай, – говорю ему, – в экспедицию для рассылки.

– А как же сигнальный экземпляр? Будем докладывать Голикову перед рассылкой? – спрашивает он.

– Да, конечно. Принеси сигнал мне, я сам доложу, а тираж отсылай в экспедицию.

Серебряков принес сигнал и сообщил, что весь тираж сдан в экспедицию. Я положил сигнальный экземпляр в сейф, позвонил начальнику экспедиции и попросил возможно быстрее направить сводку в войска. Для Москвы рекомендовал отправить в последнюю очередь. Здесь, говорю, всегда успеют ее получить.

Через три-четыре дня из округов поступили сообщения, что сводка ими получена.

Вот только теперь мне и предстояло выдержать «бой» с генералом Голиковым и пережить немало скверных минут. Решил: при всех обстоятельствах буду сохранять спокойствие и достоинство члена партии и офицера.

Взяв сигнальный экземпляр, пошел на доклад к Голикову. Молча зашел в кабинет, молча положил перед генералом сводку. Голиков стал ее листать, посмотрел схему.

Я стою молча и внимательно изучаю его лицо. Сначала увидел на нем удивление, потом недоумение и, наконец... грозу! И вот из грозовой тучи ударила молния:

– Вы что-о? Вы хотите спровоцировать нас на войну с Германией?^[224] Да вы... да я ваа... и что мне с вами делать, упрямый вы хохол?

Генерал выскочил из-за стола, пробежался по кабинету.

– Не-ет! – пищал генеральский визгливый голос. – Я не утверждаю эту сводку! Запрещаю ее рассылать в войска! Приказываю уничтожить весь тираж!

Спокойным ровным голосом говорю:

– Товарищ генерал, это невозможно сделать. Сводка уже в войсках.

Голиков оцепенел. Я думал, что из багрового лица брызнет кровь. С минуту он не мог говорить. И вот опять взорвался:

– Ка-ак? Вы... вы отправили сводку без моего разрешения?

– Да, товарищ генерал, отправил. Я считаю это дело очень серьезным, всякое промедление в данном случае – преступление.

Генерал задышался. Трудно, с хрипом выдавил:

– Да как вы смели? Да вы с ума сошли... я вас...

И дальше прорвалось такое, чего бумага уже не терпит. Не вытерпел и я. Послушал генеральский визг, наспигованный матерщиной, и все так же спокойно заявил:

– Товарищ генерал, вы на меня не кричите, я вам не холуй. Я начальник Информационного отдела. Я подписываю сводку и отвечаю за нее головой. Положение на западной границе весьма серьезное, и молчать об этом нельзя. А так как наши взгляды на положение дел разошлись, прошу вас устроить мне личный доклад начальнику Генштаба. Если же вы мне это не устроите, буду искать другие пути.

На раскаленного генерала будто водой плеснуло. Мигом остыл. Сел за стол, удивленно посмотрел на меня и стал вдруг сверх меры корректен:

– Хорошо, товарищ подполковник, я устрою вам личный доклад начальнику Генерального штаба! – В тоне голоса слышалась скрытая угроза. – Можете идти. Вы свободны.

Пошел я в свой отдел и стал спешно готовиться к докладу. Доклад написал очень обстоятельный и убедительный. Кроме того, заготовил спецсообщение Сталину, Молотову, Маленкову, Ворошилову, Тимошенко и Берия, в котором изложил основную суть сводки и доклада с общим выводом, о реально нависшей угрозе со стороны Германии и приложил сводку № 8... [С. 89–94].

Через несколько дней (примерно в конце декабря) часа в два ночи (был такой дикий обычай работать по ночам!) раздался звонок телефона. Поднимаю трубку. Голос Голикова:

– Вас ожидает для доклада начальник Генерального штаба...

Забрал уже готовый материал и бегом в Генеральный штаб... На большом столе я разложил карту и весь свой материал. Докладываю. Меня внимательно слушают, не прерывают. Закончил доклад часа в три ночи.

Мерецков и Василевский «ползали» по моей карте, внимательно изучая группировки немецких войск. Прикидывали, в каком направлении могут быть введены главные силы фашистов. В конце доклада Мерецков спрашивает меня:

– Когда, по вашему мнению, можно ожидать перехода немцев в наступление?

– Немцы, – отвечаю, – боятся наших весенних дорог, распутицы. **Как только подсохнут дороги, в конце мая – начале июня можно ждать удара**^[225].

– Да, пожалуй, вы правы.

Мерецков и Василевский начали накоротке обмениваться между собой мыслями, прикидывать необходимое время для развертывания армии и приведения страны в боевую готовность. Хотя они говорили между собой тихо, но мое ухо уловило: Василевский называл срок шесть месяцев. Я понял, что уже не хватало времени для перевода страны и армии на военное положение.

– Да, времени у нас в обрез, – сказал Мерецков. – Надо немедленно будить Тимошенко, принимать решения и докладывать Сталину.

– Товарищ генерал! – обрадованный удачным исходом доклада, воскликнул я. – Если вы думаете изложить ему этот доклад, то он у него будет через два часа. Я направил ему такой же доклад фельдъегерской связью. В шесть часов утра он его получит, а два часа погоды не сделают и ничего не изменят.

– Ах так! Вы уже направили ему доклад?

– Да, конечно. И не только ему. Доклад и сводки посланы Сталину, Ворошилову, Маленкову, Берия и другим, – начал перечислять.

– Значит, к утру все будут знать о положении дел на границе?

– Конечно.

– Очень хорошо! Спасибо! – Мерецков пожал мне руку. – Вы свободны. Идите отдыхайте.

Из Генштаба я не шел, а летел на крыльях. Вот хорошо, думаю, не все такие твердолобые, как Голиков, есть в Генштабе светлые головы... [С. 96–99].

Через несколько дней после моего доклада сняли с должности начальника Генштаба Мерецкова^[226]. Теперь уже стало известно, за что был снят Мерецков. На совещании Главного военного совета совместно с членами Политбюро он заявил, что война с Германией неизбежна, что нужно переводить на военное положение армию и страну. Нужно укрепление границ. Его посчитали «паникером войны» и отстранили от должности начальника Генерального штаба, назначив вместо него генерала Жукова. Не знаю, каким чудом уцелел Василевский, ведь он придерживался таких же взглядов, как и Мерецков и многие другие. Это просто счастье, что Василевского не арестовали! Неизвестно, как сложился бы ход войны, если бы не было Василевского. В этот период он сильно заболел, что, возможно, и спасло его от расправы^[227].

Новый начальник Генштаба повел совершенно отчетливую и твердую линию «мирного сосуществования» с фашистами и дружбы с ними в духе доклада Молотова. Он начал борьбу с «провокаторами» и «паникерами

войны». Эта борьба коснулась и моего отдела.

Приложение 3. Немецкие мемуары о московских поездках

Август 1939 г.

Й. фон Риббентроп (министр иностранных дел Германии, обергруппенфюрер СС):

«...23 августа во второй половине дня, между 4 и 5 часами, мы в самолете фюрера прибыли в московский аэропорт, над которым рядом с флагом Советского Союза развевался флаг рейха. Мы были встречены нашим послом графом фон дер Шуленбургом и русским послом (в действительности первым заместителем наркома иностранных дел СССР. – *Перев.*) Потемкиным. Обойдя строй почетного караула советских военно-воздушных сил... мы в сопровождении русского полковника направились в здание бывшего австрийского посольства, в котором я жил в течение всего пребывания в Москве.

Сначала у меня состоялась в германском посольстве беседа с нашим послом графом Шуленбургом. Туда мне сообщили, что сегодня в 6 часов меня ожидают в Кремле... Незадолго до назначенного срока за нами заехал широкоплечий русский полковник (как я слышал, это был начальник личной охраны Сталина), и вскоре мы уже въезжали в Кремль...

Когда мы поднялись, один из сотрудников ввел нас в продолговатый кабинет, в конце которого нас, стоя, ожидал Сталин, рядом с ним стоял Молотов... После краткого официального приветствия мы вчетвером – Сталин, Молотов, граф Шуленбург и я – уселись за стол. Кроме нас присутствовал наш переводчик – советник посольства Хильгер, прекрасный знаток русской жизни, и молодой светловолосый русский переводчик Павлов, который явно пользовался особым доверием Сталина...

Теперь больше никаких трудностей не имелось, и пакт о ненападении, а также Секретный дополнительный протокол к нему были парафированы и уже около полуночи подписаны.

Затем в том же самом помещении (это был служебный кабинет Молотова) был сервирован небольшой ужин на четыре персоны. В самом начале его произошло неожиданное событие: Сталин встал и произнес короткий тост, в котором сказал об Адольфе Гитлере как о человеке,

которого он всегда чрезвычайно почитал. В подчеркнуто дружеских словах Сталин выразил надежду, что подписанные сейчас договоры кладут начало новой фазе германо-советские отношений. Молотов тоже встал и тоже высказался подобным образом. Я ответил нашим русским хозяевам в таких же дружеских выражениях...

Я спросил Сталина, может ли сопровождавший меня личный фотограф фюрера сделать несколько снимков. Сталин согласился, и это был первый случай, когда он разрешил фотографировать в Кремле иностранцу...

24 августа я вместе с нашей делегацией вылетел в Германию. Предусматривалось, что я прямо из Москвы должен лететь в Берхтесгаден, чтобы доложить фюреру в его резиденции Бергхоф... Неожиданно наш самолет радиogramмой повернули на Берлин, куда Гитлер вылетел в тот же день. Из соображений безопасности нам пришлось сделать большой крюк над Балтийским морем...» [75. С. 186–192].

Пауль Шмидт (личный переводчик и стенографист Гитлера, посланник):

«Я получил указание лететь в Москву с Риббентропом, чтобы присутствовать при его встрече со Сталиным. В этом случае я ехал не в качестве переводчика, так как я не говорил по-русски. В мои функции входило составление отчета о ходе переговоров и запись любых соглашений, какие могут быть достигнуты... 22 августа я самолетом отправился в Москву вместе с Риббентропом и большой делегацией. Мы провели ночь в Кенигсберге... На следующий день мы отбыли в Москву... После четырех часов полета мы достигли Москвы... Перед нами стоял Потемкин... Он возглавлял делегацию официальных лиц, прибывших встретить нас. С ним были итальянский посол Россо (Ни Россо, ни сам П. Шмидт ни на одной из фотографий делегации Риббентропа в Москве не обнаружены. – А. О.), с которым я познакомился в Женеве, и немецкий посол фон Шуленбург... Торопливо перекусив, Риббентроп немедленно отправился на встречу с Молотовым в Кремль. Я должен был бы поехать вместе с ним, но мой багаж, в котором находился полагавшийся по такому случаю даже в Москве темный костюм, задержался по пути с аэродрома... (Это очень смахивает на забытый в ноябре 1940 г. парадный фрак посла Шуленбурга, из-за которого спецпоезд с делегацией Молотова останавливался в Вязьме. Далее Шмидт утверждает, что он весь день гулял по Москве с женой работника немецкого посольства, «которая отлично говорила по-русски». Думаю, просто у Шмидта в тот день было другое

задание – он либо находился рядом с фюрером, если тот инкогнито тоже находился в Москве, либо вместе с личным врачом фюрера Карлом Брандтом сопровождал Еву Браун, которая впервые выехала за границу в составе эскорта фюрера в Вену, Прагу и Рим всего годом раньше^[228], и вполне возможно уговорила Гитлера взять ее с собой и в Москву. – А. О.) Когда я вернулся вечером в посольство, Риббентроп вернулся из Кремля... (Это не совпадение, в переговорах был перерыв с 7 до 10 часов вечера, во время которого немецкая делегация ужинала в посольстве. – А. О.) Сразу же после быстро проглоченного ужина Риббентроп помчался обратно в Кремль с Шуленбургом и доктором Гаусом, начальником юридического отдела. К моему сожалению, я не поехал с ними. Хильгер, переводчик с русского, тоже должен был составлять отчеты о переговорах. “Я не хочу, чтобы новое лицо вдруг появилось среди тех, кто уже принимает участие в переговорах”, – объяснил Риббентроп... (В последние годы опубликовано несколько фото, на которых Хильгер присутствует при подписании договора, а происходило это, скорее всего, во время второй части переговоров – около полуночи. Либо по непонятной причине Шмидт говорит неправду об отсутствии Хильгера во второй части переговоров в Кремле, либо договор был подписан до 7 часов вечера, а после 10 часов обсуждался и подписывался секретный протокол. – А. О.)

Мы отбыли в Берлин в час дня 24 августа, проведя в Москве лишь двадцать четыре часа... (Значит прибыли туда в шесть-семь часов дня с учетом посадки в Кенигсберге. – А. О.) Наша делегация была такой многочисленной, что для этой поездки потребовалось два самолета “кондор”. Один должен был доставить Риббентропа прямо к Гитлеру в Берхтесгаден, тогда как второй летел в Берлин. Так как я был единственным “туристом” – не выполнявшим на тот момент никаких обязанностей и все же присутствовавшим, – я получил место во втором самолете, взлетавшем через час после первого... (Далее Шмидт описывает невероятную историю о том, что второй самолет почему-то взлетел сразу же за первым, поэтому он опоздал на него и еле улетел на третьем – «запасном» Ю-52, об отлете которого в Берлин ему подсказали в «Бюро воздушных сообщений». – А. О.) Я приземлился в Берлине через полчаса после Риббентропа. Ему пришлось сменить маршрут на Берлин, потому что сам Гитлер направлялся туда» (довольно двусмысленная фраза – то ли Гитлер сам должен был прилететь в Берлин из Берхтесгадена, то ли он должен был прилететь туда на одном из самолетов немецкой делегации, возвращающейся из Москвы. – А. О.) [104. С. 181–192].

Густав Хильгер – советник германского посольства в Москве, переводчик на переговорах высших лиц Германии и СССР:

«...Молотов все еще колебался и требовал “более точного” заявления со стороны германского правительства. Сталин, с другой стороны, сразу же уловил, что ему предлагается. Менее чем через полчаса после того, как Молотов отослал нас, нас вновь пригласили в Кремль, где нарком иностранных дел сказал нам, что тем временем он проконсультировался со своим “правительством” (Сталиным) и его попросили вручить проект пакта о ненападении и передать нам, что советское правительство готово принять фон Риббентропа в Москве через неделю после подписания торгового соглашения, то есть примерно 27 августа.

И все равно события в Москве развивались не столь быстро, как этого хотелось бы Гитлеру, который планировал приступить к операциям против Польши в начале сентября и хотел, чтобы до этого русская ситуация была урегулирована. Поэтому Гитлер приказал графу Шуленбургу передать личную телеграмму от него Сталину, в которой настаивал, чтобы Сталин принял фон Риббентропа не позднее 23 августа. Далее в гитлеровской телеграмме говорилось, что с подписанием в предыдущий день (19 августа) коммерческого соглашения открывается путь для заключения пакта о ненападении, а проблема дополнительного протокола, которого хотело бы советское правительство, может быть разрешена в кратчайший период, если ответственный германский государственный деятель сможет приехать в Москву.

Упоминание о секретном протоколе самим Гитлером и заявление последнего о том, что “напряженность между Германией и Польшей стала нетерпимой и кризис может разразиться в любой день”, убедили Сталина, что для него настало время действовать. Таким образом, он дал Гитлеру знать о своей согласии на приезд фон Риббентропа в Москву 23 августа.

Потом я узнал от Гевеля, что Гитлер получил сообщение о приглашении фон Риббентропа в Москву с ликующей радостью и что он воскликнул, барабанив обеими ладонями по стене: “Теперь весь мир у меня в кармане!” И мы в посольстве тоже были охвачены огромным возбуждением.

Фон Риббентроп прилетел на самолете примерно в полдень 22 августа^[229]. Первая дискуссия в Кремле началась в три тридцать пополудни, она длилась три часа и продолжалась вечером. Далеко за полночь переговоры увенчались подписанием пакта о ненападении и секретного протокола, и на обоих документах стояла дата 23 августа.

Германский министр иностранных дел покинул советскую столицу через двадцать четыре часа после прибытия.

Впервые Сталин лично вел переговоры на международные темы с представителем зарубежного правительства. До тех пор он избегал контактов с иностранцами в принципе... Когда бы иностранные дипломаты ни запросили предоставить им возможность войти с ним в контакт, Наркоминдел отказывал под предлогом, что Сталин чисто партийный деятель и не занимается иностранными делами. Сугубо юридически этот статус прекратил существовать только в мае 1941 года, когда Сталин принял на себя обязанности председателя Совета народных комиссаров.

Когда фон Риббентроп в сопровождении фон Шуленбурга и меня впервые прибыл в Кремль 23 августа, он был убежден, что вначале будет иметь дело с одним Молотовым, а присутствия Сталина можно ожидать на более поздней стадии переговоров. Поэтому в тот момент, когда мы вошли в комнату, Риббентроп был очень удивлен, когда увидел, что рядом с Молотовым стоит Сталин. Этот ход был рассчитан на то, чтобы вывести германского министра иностранных дел из равновесия; а еще он означал намек на то, что договор может быть заключен либо сейчас, либо никогда.

Поведение Сталина было простым и без претензий, точно таким же, как и часть его тактики ведения переговоров, похожей на отеческую доброжелательность, с помощью которой он знал, как победить своих оппонентов и ослабить их бдительность. Но было интересно наблюдать и быстроту, с какой веселое дружелюбие сталинского отношения к фон Риббентропу или шутливая и любезная манера, с которой он обращался с одним из своих младших помощников, превращались в ледяную холодность, когда он выкрикивал короткие распоряжения или задавал некоторые имеющие отношение к делу вопросы.

Я собственными глазами увидел покорность начальника Генштаба Красной армии генерала (с 1940 года – маршала. – *Ред.*) Бориса Шапошникова, когда Сталин разговаривал с ним. Помню услужливую и послушную манеру, с которой наркомы вроде Тевосяна вставали со своих мест, как школьники, когда Сталин задавал им вопрос. На всех совещаниях, на которых я видел Сталина, Молотов был единственным подчиненным, разговаривавшим со своим начальником как товарищ с товарищем. И все же отчетливо ощущалось, как почтительно глядел он на Сталина, как был счастлив иметь привилегию служить ему. На последующих заседаниях Сталин часто просил Молотова председательствовать в ходе дискуссий. Возможно, это делалось потому, что Сталин официально еще не занимал никакого правительственного поста. Но очевидно, что одним из правил

игры было то, что Молотов отказывался брать на себя функции председателя, и тогда Сталин единолично выступал за советское руководство. Однажды, когда Сталин попробовал заставить Молотова вести переговоры, последний возразил: “Нет, Иосиф, говорить будешь ты; я уверен, что ты это сделаешь лучше, чем я”. Тогда Сталин вкратце изложил советскую точку зрения в своей лаконичной и четкой манере, а Молотов повернулся к германской делегации с улыбкой удовлетворения, говоря: “Разве я не говорил, что он сделает это лучше, чем я?”

Поведение любого другого члена политбюро, казалось, отражает особые личные отношения со Сталиным. Тон бесед советского вождя с Ворошиловым был сердечным, как между друзьями; с Берией и с Микояном он был дружелюбен, а с Кагановичем – сух и несколько сдержан. Никогда не слышал, чтобы Сталин что-то говорил Маленкову; но на общественных мероприятиях, которые я посещал, как, например, сессии Верховного Совета Советского Союза, он обычно сидел рядом с Маленковым и энергично с ним беседовал, демонстрируя особо близкие отношения между ними.

На встречах Сталин часто удивлял нас объемом своих знаний по техническим вопросам, которые обсуждались, и уверенностью, с которой он принимал решения. Даже в вопросах стиля, когда проблема требовала отыскания точных формулировок для дипломатического документа или официального коммюнике, он действовал уверенно и проявлял огромную трезвость ума и такт. Помню, как я вручил ему проект совместного коммюнике, объясняющего советское вступление в Польшу, который я перевел на русский. Сталин быстро просмотрел его, затем взял карандаш и попросил разрешения посла внести в текст несколько изменений. Он сделал это буквально за несколько минут, ни разу не посоветовавшись с сидевшим рядом с ним Молотовым; потом вручил мне переделанный текст, попросив меня перевести его на немецкий для посла. Я прошептал графу Шуленбургу: “Он значительно его улучшил”. И действительно, сталинский текст был намного более “дипломатичным” объяснением этого акта, который мы намеревались довести до сведения общества. “Древние римляне, – произнес Сталин, обернувшись ко мне, – не вступали в бой обнаженными, а прикрывались щитами. Сегодня корректно сформулированное политическое коммюнике играет роль таких щитов”. Первоначальный проект был передан нам из Берлина; посему, даже если посол и разделял мое мнение о переделанном тексте, он был обязан получить согласие Берлина на сохранение этих исправлений. Разрешение было получено тотчас же. Потом мне рассказали, что оба текста были

представлены Гитлеру для сравнения и он немедленно выбрал тот, что был составлен Сталиным, произнеся: “Конечно, этот! Разве вы не видите, что он много лучше? Кстати, а кто его написал?”

Таким же образом на меня произвели впечатление знания Сталина в области техники, когда, например, он вел заседание германских и российских экспертов, посвященное обсуждению спецификаций артиллерийских орудий для орудийных башен крейсера, который Германия должна была поставить Советскому Союзу (тяжелый крейсер «Лютцов» был куплен в сентябре 1940 года недостроенным. Однако, имея мощные 203-миллиметровые орудия главного калибра, переименованный в «Петропавловск», крейсер нанес немалые потери немцам в ходе обороны Ленинграда в 1941–1944 годах. В 1944 году переименован в «Таллин». Исключен из состава ВМФ в 1958 году. – *Ред.*), или когда германская торговая делегация обсуждала со Сталиным объем и характер поставок, которые надлежало выполнить обеим странам. Без четкого сталинского разрешения невозможно было получить никакого советского согласия на продажу некоторых стратегических сырьевых материалов; но как только это разрешение было дано, оно было равносильно приказу, который в точности выполнялся.

Переговоры 23 августа оказались легкими. Фон Риббентроп новых предложений не привез, но повторялся в тех идеях, которые уже давно обсуждались на предварительных переговорах между Молотовым и Шуленбургом и также содержались в гитлеровской телеграмме Сталину. Фон Риббентроп не отказал себе в бесчисленных объяснениях в дружбе, на которые Сталин ответил сухой, конкретной и краткой благодарностью, формулировка договора не составила трудов, поскольку Гитлер принял советский проект в принципе. Окончательный вариант содержал два важных добавления. Статья 3, в которой две стороны соглашались постоянно консультироваться и информировать друг друга обо всех дипломатических шагах, которые намереваются предпринять в вопросах, представляющих интерес для другой стороны, и статья 4, предусматривающая, что ни одна из сторон не может принимать участия в каком-либо блоке, прямо или косвенно направленном против другой страны-участницы. Срок действия договора был изменен с первоначально предложенных пяти лет до десяти; и статья 7 утверждала, что договор вступает в силу после подписания, а не после ратификации, как предлагалось вначале.

Москва придавала величайшее значение секретному протоколу, который должен был прилагаться к этому договору. Согласно протоколу,

демаркационная линия между сферами влияния Германии и Советского Союза в Прибалтике проходила вдоль северной границы Литвы, а в Польше она должна была пролегать по рекам Нарев, Висла и Сан^[230]. Кроме того, секретный протокол содержал германское признание советских претензий на Бессарабию.

После того как окончательный текст советско-германского пакта о ненападении и протокола к нему был согласован, фон Риббентроп представил черновик совместного коммюнике, которое обоим правительствам надлежало опубликовать на следующий день. В тексте в цветистых и напыщенных выражениях воздавалась хвала воссозданной германо-советской дружбе. Сталин прочел это и снисходительно улыбнулся. “Не кажется ли вам, – произнес он, обернувшись к министру иностранных дел, – что мы должны уделить чуть больше внимания общественному мнению в наших странах? Многие годы мы выливали ушаты помоев друг другу на голову, а наши ребята-пропагандисты при этом лезли из кожи; и вот теперь мы вдруг стремимся заставить наши народы поверить, что все прошлое забыто и прощено? Дела так быстро не делаются. Общественное мнение в нашей стране и, может быть, в Германии тоже надо постепенно подготовить к переменам в наших отношениях, которые принесет с собой этот договор, и надо его приучить к ним”. С этими словами он предложил более умеренную формулировку коммюнике, которая была с готовностью принята. Помимо этой маленькой лекции о дипломатических тонкостях, Сталин был очень вежлив на протяжении всех дискуссий, а его первоначальная сдержанность постепенно перешла в некоторое веселое дружелюбие, которое было для него весьма типично. В конце переговоров было подано шампанское, и Сталин даже предложил тост за здоровье Гитлера.

После заключения договора от 23 августа и, особенно, договора от 23 сентября^[231] Сталин устроил для германских переговорщиков щедрые праздничные приемы. По этим случаям он озвучил некоторые мнения, которые могли быть созвучны злобе дня, но которые все-таки позволяют сделать некоторые выводы в отношении его образа мыслей. Так, например, тон, в котором Сталин говорил о Гитлере, и манера, в которой он провозгласил тост в его честь, приводят к заключению, что на него явно произвели впечатление определенные черты характера и действия Гитлера; но я не мог избавиться от ощущения, что это были как раз те черты и действия, которые самым решительным образом отвергались немцами, противостоявшими нацистскому режиму. Восхищение, кстати, похоже,

было взаимным с той разницей, что Гитлер до последнего момента оставался поклонником Сталина, в то время как отношение Сталина к Гитлеру после нападения последнего на Советский Союз, как говорят, поначалу превратилось в жгучую ненависть, а потом в презрение.

Сталин и не старался спрятать свою нелюбовь и недоверие к Англии. В его глазах Британия прошла свой зенит и утратила способность делать великие политические решения. Однако он с нескрываемым уважением говорил о Соединенных Штатах и их экономических достижениях...» [95. С. 364–370].

Генрих Гофман – личный фотограф фюрера:

«...Вдруг зазвонил телефон. Трубку снял Шауб и доложил Гитлеру, что на проводе Риббентроп. Быстрым движением Гитлер выхватил трубку у своего адъютанта.

– Превосходно! Поздравляю вас! Да, приезжайте немедленно!..

– Друзья, – воскликнул он, – Сталин согласился! Мы летим в Москву заключать с ним пакт!.. (Конечно, весьма вероятно, что это «мы» – обычное самоназвание немецкой стороны, но в сочетании с невероятными темпами неожиданного заключения пакта Риббентропа – Молотова, с личным самолетом Гитлера, наличием в составе делегации Риббентропа семи человек из свиты фюрера, отсутствием Шмидта на переговорах с Молотовым и неожиданным приземлением Гитлера в Берлине это вполне может означать участие Гитлера в переговорах в Москве 23–24 августа 1939 г. – А. О.).

На следующий день мы уже были в воздухе – и мир ничего об этом не знал! Мы приземлились в Кенигсберге, там же и заночевали. Так случилось, что в тот самый вечер в гостинице открывался бар “Немецкий дом”. Такую возможность нельзя было упустить, и мы провели веселенькую ночь.

Прямо из бара я отправился в аэропорт, где уже урчали моторы нашего самолета. Через несколько минут мы вылетели – на этот раз в Москву... Я пять часов проспал как младенец! (Почему-то самолет, в котором летел Гофман, находился в полете на час больше, чем тот, в котором летел П. Шмидт. Возможно, он летел в Москву прямо из Берлина вместе с фюрером, а бурную ночь в кенигсбергском баре Гофман присочинил для сокрытия этого факта. – А. О.)

После встречи в аэропорту наш посол граф фон Шуленбург пригласил нас поселиться в немецком посольстве, где в честь нашего прибытия устраивался торжественный вечер...

Авторитетное мнение Кёстринга (военного атташе Германии, генерал-майора. – А. О.) оказалось для нас весьма познавательно и пролило новый свет на Сталина и его политику.

– Ходят слухи, что Сталин при смерти – будто бы он так болен, что его держат для мебели, и прочее.

– Ничего подобного! – сказал он нам. – Этот человек в хорошей форме и отличается невероятной работоспособностью... Нет другого человека, – подчеркнул он, – который был бы столь же искренне дружелюбен и готов помогать мне и графу Шуленбургу, как Сталин. Он много раз повторял нам – и я вполне уверен в серьезности его слов, – что питает глубочайшее уважение к фюреру, его политике и немецкому народу и что, невзирая на принципиальные различия между национал-социализмом и коммунизмом, не видит причин, почему эти две системы не могут уживаться бок о бок в мире и к взаимной выгоде...

На следующий день посольство отдало в наше распоряжение машину, и мы поехали осматривать город...

Мы уже пробыли два дня в Москве (может быть, Гофман прилетел в Москву на день раньше. – А. О.), а я все ждал разрешения ГПУ, чтобы попасть в Кремль. Наконец около девяти часов вечера 28 августа^[232] я его получил. Но разрешение на посещение Кремля – это совершенно не то же самое, что и разрешение сфотографировать Сталина. В этом мне пришлось положиться на умение графа фон дер Шуленбурга, который вместе с Риббентропом вел переговоры со Сталиным и Молотовым. Тем не менее мы с фотографом Риббентропа Лауксом, вооруженные пропусками, отправились в посольской машине в Кремль...

Перед дверью в кабинет Молотова сидел офицер в белом кителе, вооруженный гигантским пистолетом. Он скучающе развалился в кресле, вытянув перед собой ноги и засунув руки в карманы брюк. Появилась горничная в форме, похожей на больничную, с накрытым салфеткой подносом и пронесла его в кабинет Молотова. Когда она открыла дверь, я заметил накуренную комнату. Это была просторная комната с коричневой мебелью, и, перед тем как закрылась дверь, я заметил, что у молотовского стола стоит сам Сталин.

– Смотрите, Сталин! – довольно громко и взволнованно сказал я Лауксу.

Вялого офицера как будто током ударило. По-видимому, он понятия не имел, что Сталин у Молотова (наверно, он вошел через другую дверь), и он поспешно вскочил на ноги и вытянулся по стойке “смирно”... Фактическое подписание пакта отложили, чтобы дать нам возможность сделать

несколько фотографий, и мы не упустили этой возможности... (Вышеизложенное допускает, что Сталин, находясь в тот день в своем кабинете, сначала мог вести переговоры с Гитлером, а потом неожиданно появился в кабинете Молотова для фотографирования момента подписания договора. – А. О.) Используя специальные чувствительные фотопластины и отказавшись от вспышек, мы с Лауксом быстро принялись за работу. В кабинете находился и фотограф русской стороны – предполагаю, личный фотограф Сталина (М. Калашников, сделанное им фото подписания договора было опубликовано в «Правде». – А. О.). Его фотоаппарат напоминал “лейку”, но явно был низкопробной подделкой под оригинал. Поскольку в данных условиях освещенности он не мог сделать своим аппаратом фотографий без вспышки, мы имели перед ним значительное преимущество...

Подписав исторический пакт, Сталин (это уже явная «туфта» Гофмана, поскольку Сталин договор не подписывал и не визировал. – А. О.) дружеским жестом пригласил меня подойти к своему концу стола, где Молотов уже наполнял бокалы из первой бутылки шампанского. В то же время официальные участники церемонии собрались с другой стороны, и я оказался в центре (нельзя не отметить, что на фото этого исторического момента Сталин почему-то чокается не с участниками переговоров и церемонии подписания договора Риббентропом, Гауссом, Шуленбургом или Хильгером, которых даже нет в кадре, а с фотографом Гофманом или гауляйтером Кохом; причина, возможно, в нежелании показывать остальных участников этого события. – А. О.). Сталин... поднял бокал и сказал на ломаном немецком:

– Хочу приветствовать... Генриха Гофмана... величайшего фотографа Германии... да здравствует... да здравствует Генрих Гофман! (Нет ни единого подтверждения этого факта, как и того, что Сталин когда-либо произносил что-то по-немецки. А вот о том, что свой первый тост Сталин поднял за Адольфа Гитлера, написал и руководитель немецкой делегации Риббентроп. – А. О.)...

Мы сели на аэродроме Темпельхоф, и Риббентроп тут же поспешил в рейхсканцелярию, чтобы сделать доклад Гитлеру, а я поспешил к себе в фотолабораторию, чтобы лично проявить фотографии, представлявшие историческую важность. Через час с целым набором отличных снимков я был у Гитлера, который ждал меня. Коротко поздоровавшись со мной, что ясно свидетельствовало о его нетерпении, он задал мне первый вопрос:

– Ну, какое же общее впечатление произвел на вас Сталин?

– Честно говоря, глубокое и очень приятное. Несмотря на

приземистую фигуру, это прирожденный вождь...

– А что насчет его здоровья? Говорят, он очень болен, и потому у него целая армия двойников. Или вы думаете, что человек, которого вы видели, это как раз одна из таинственных теней Сталина? – шутливо спросил Гитлер.

– Судя по тому, что он дымил как паровоз, пил как сапожник, а в конце выглядел как огурчик, должен сказать, что это вполне вероятно, – ответил я, смеясь...

Гитлер взял подборку фотографий, рассмотрел каждую по очереди, испытующе задавая вопросы по существу каждой из них.

– Как жалко! – печально сказал он наконец, качая головой. – Ни одна не годится!.. На всех фотографиях Сталин с папиросой...

– Но Сталин с папиросой – это как раз очень типично, – возразил я.

Но Гитлер ни за что не соглашался. Немецкий народ, упирался он, будет оскорблен... От такой фотографии веет легкомыслием! Прежде чем передать снимки в печать, попробуйте заретушировать папиросы...

Папиросы как следует заретушировали, и во всех газетах Сталин был безупречен, словно никогда не брал в руки табака!» [24. С. 97 – 110].

Ганс Баур – личный пилот Гитлера, обергруппенфюрер СС:

«Я уже привык к различным сюрпризам, но, когда вызвали в Оберзальцберг и Гитлер мне сказал: “Баур, полетишь вместе с Риббентропом в Москву на несколько дней”, – я был крайне удивлен... Согласно плану, мне предстояло доставить в русскую столицу тридцать пять пассажиров. Каждый из самолетов “Кондор” производства заводов “Фокке-Вульф”, которые готовились для этого перелета, мог взять на борт двенадцать пассажиров.

Во второй половине дня 21 августа 1939 года я вылетел на аэродром в Райхенхалль – Айнринг. (Этот аэродром обслуживал Берхтесгаден, где находилась дача-ставка фюрера Бергхоф. – А. О.) Риббентроп и его ближайшие сотрудники в это время находились в принадлежавшем ему имении в Фушле (в Австрии неподалеку от Берхтесгадена. – А. О.). Вскоре после моего прибытия на аэродром он также прибыл туда вместе со своими помощниками в сопровождении двух грузовиков, забитых чемоданами и прочим багажом. Мы разместили все, но самолеты оказались перегруженными, что создавало дополнительные трудности при взлете с такого маленького аэродрома. Мы провели ночь в Кенигсберге, с тем чтобы продолжить полет на следующее утро. (Как ни странно, по Бауру тоже

получается, что они летели 22 августа. – А. О.)

Мы прибыли в аэропорт заранее, чтобы подготовиться. Русские в деталях разработали для нас маршрут следования, и, к нашему удивлению, это не был самый короткий путь до Москвы. Мы обогнули Польшу и направились на Москву через Дюнебург и Великие Луки. Поднявшись в воздух из аэропорта в Восточной Пруссии в положенное время, мы оказались над московским аэропортом спустя четыре часа пятнадцать минут. Пока мы кружили над аэродромом, я смотрел вниз и думал: “Что за беда! Что там происходит?” Я видел десятки советских флагов и германских со свастиками, развевавшихся по ветру, внушительный почетный караул и оркестр со сверкающими на солнце медными инструментами.

После остановки в парковочной зоне министр Риббентроп первым вышел из самолета. Его тепло приветствовал Молотов, советский министр иностранных дел. (Известно, что Риббентропа встречал первый замнаркома Потемкин. Так что или Баур запямятовал, или завышает ранг встречи, или Молотов действительно встречал, но в другом месте, самолет, в котором прилетел... Гитлер. – А. О.) Оркестр торжественно исполнил национальные гимны обеих стран, и Риббентроп обошел строй почетного караула с поднятой в приветственном салюте рукой. (Нет ни одного фото или кинокадра встречи Риббентропа 23 августа с почетным караулом. Так что, скорее всего, Баур описывает встречу самолета, в котором прилетел Гитлер. – А. О.) Затем все важные персоны погрузились в поджидавшие их автомобили. Риббентроп остановился в резиденции германского посла фон Шуленбурга, а его свита была размещена по различным гостиницам...

Между собой мы условились, что только Лир, пилот второго самолета, и я можем отправиться в город и остановиться у полковника Кёстринга, военного атташе... Члены экипажа – в отеле “Националь”, хорошо известном заведении для иностранных туристов.

Нас тепло приняли... Естественно, мы захотели совершить экскурсию по Москве. Когда мы покидали отель на машине с советскими правительственными номерами... гид из посольства увидела фотокамеры и воскликнула: “Ради бога, герр Баур, ничего не фотографируйте!”... Поколесив взад и вперед по городу, мы возвратились в германское посольство, где оставались вплоть до полуночи. Около 12.30 ночи Генриха Гоффманна, личного фотографа Гитлера, вызвали в Кремль. Он должен был запечатлеть на пленку заключительные сцены переговоров между Сталиным и Риббентропом.

Ранним утром мы направились в аэропорт, чтобы подготовить самолет

к вылету и выполнить испытательный полет. (Непонятно, почему здесь «самолет» в единственном числе, если их было три, и что такое «испытательный полет»? – А. О.)

Вскоре наши самолеты получили разрешение на вылет, а затем в сопровождении Молотова (??? – А. О.), советского министра иностранных дел, на аэродром прибыл Риббентроп, и они сердечно распрощались. Через некоторое время после вылета мы установили радиосвязь с Берлином. Мы получили инструкции лететь не в Оберзальцберг, где в то время находился Гитлер, а прямо в Берлин, где он к нам присоединится. (Из этого следует, что Гитлер на своем самолете вместе с самолетом Риббентропа полетят куда-то дальше, но куда? Или Гитлер с Риббентропом переседут в автомобили и торжественно поедут по улицам Берлина? – А. О.) Мы сделали короткую промежуточную посадку в Кенигсберге, а затем поспешили в Берлин. (Зачем надо было делать лишнюю посадку, тем более, что это всегда дополнительный риск? Скорее всего, для того, чтобы Гитлер, если он летел в одном из самолетов из Москвы, смог пересесть в другой самолет, прилетевший в Кенигсберг из Оберзальцберга, и приземлиться в Берлине в нем отдельно от Риббентропа. – А. О.) Гитлер принял Риббентропа безотлагательно» [4. С. 204–211].

Вильгельм Кейтель – генерал-фельдмаршал, начальник штаба Верховного командования вермахта (ОКВ):

«Тем сильнее было впечатление от той речи, с которой Гитлер 22 августа 1939 г. обратился к созданным в Бергхоф (в Оберзальцберге) генералам, когда войска Восточного фронта уже изготовились к нападению на Польшу...

24 августа [19]39 г. Гитлер прибыл в Берлин – 26-го должно было начаться наступление на Польшу... 24 августа (а не 25-го, как указывал Риббентроп. – А. О.) я около полудня впервые был вызван к фюреру в Имперскую канцелярию» [41. С. 229]. (Прибытие Гитлера в Берлин в один день с возвращением из Москвы трех самолетов делегации Риббентропа – весьма подозрительное совпадение, не исключающее и того, что Гитлер тоже тайно побывал в Москве. Еще более подозрительно то, что Риббентроп почему-то пытался сдвинуть на один день дату прилета Гитлера в Берлин. Вряд ли является простым совпадением и вызов Кейтеля к Гитлеру в тот же день. В своей первой книге «Новая гипотеза начала войны» я уже приводил фотографию неизвестного немца с усами, очень похожего на Кейтеля, беседующего со Сталиным и Молотовым в компании с Риббентропом и Шуленбургом. Так что не исключено, что Кейтель тоже

прилетал тогда в Москву инкогнито. – А. О.)

Эрнст фон Вайцзеккер – статс-секретарь МИД, бригадефюрер СС:

«Британский премьер-министр, который не смог, как в предыдущем году, полететь в Германию в качестве “ангела мира”, послал 22 августа Гитлеру письмо... Хендерсон должен был передать Гитлеру письмо Чемберлена. Вначале Гитлер не захотел принять английского посла, но после ночной телефонной беседы со мной изменил свое решение... Он хотел знать, может ли принять посла, если министр иностранных дел отсутствует. Конечно, я ответил утвердительно.

Договорившись о том, что я приеду к Гитлеру на следующее утро с Хендерсоном, я отправился спать... Всем известно, как протекали беседы в Бергхофе, одна состоялась утром, а другая в полдень 23 августа 1939 года... На следующее утро, 24 августа, я общался с Гитлером наедине. Он успокоился и почти был готов прислушаться к моим словам...

Высказанное мной в Бергхофе несогласие с взглядами Гитлера не вызвало никакой реакции с его стороны. Похоже, что он колебался, временами мне казалось, что я убедил его. Но когда 24 августа, после нашего возвращения на самолете в Берлин, стало ясно, что британский парламент не оказал Гитлеру того уважения, на которое тот рассчитывал, он испытал явное разочарование.

Вечером того же дня Гитлер в присутствии Геринга и меня заставил только что вернувшегося Риббентропа описать, как выглядела ситуация в Москве. Риббентроп заявил, что в Москве он “чувствовал себя почти в компании старых партийных товарищей”. Гитлер выслушал его и остальную часть сообщения с интересом, но без какого-либо энтузиазма. Его интересовало только заключение договора вместе с секретным протоколом, который гарантировал ему, что русские не станут вмешиваться, если он начнет кампанию против Польши. Сказанное мной подтверждает, что в то время Гитлер уже задумывался о 22 июня 1941 года.

Подписав Московский договор, Гитлер перешел Рубикон. Он не отличался ни благоразумием, ни логичностью рассуждений. Некоторые полагали, что он следовал рекомендациям астрологов или даже своего личного фотографа Гофмана или некоторых подчиненных из своего штаба. Возможно, поэтому он постоянно менял свое мнение...

Вечером 25 августа Гитлер отозвал приказ о наступлении, который уже был напечатан, опасаясь, что Англия в конце концов вступит в войну, а итальянцы этого не сделают. 31 августа он снова безучастно реагировал на

все варианты, приказал начать наступление на Польшу, хотя и знал, что ничего не изменилось. Иначе говоря, Италия останется в стороне, а Англия, как она твердо обещала, поможет Польше. 3 сентября, когда англичане и французы объявили Германии войну, Гитлер был удивлен и даже чувствовал себя не в своей тарелке» [14. С. 216–219].

Андор Генке. Визит Риббентропа в Москву. Сентябрь 1939.

(Отрывок из допроса Андора Генке от 1946 г., касающийся отношений Германии и СССР). Источник: <http://allin777.livejournal.com/95578.html>

«...Второй визит в Москву, опять на двух самолетах, мы совершили утром 27 сентября 1939 года. В составе делегации были: помощник секретаря Гаусс, заместитель начальника службы протокола, консультант дипломатической миссии Фон Халем, зам. министра и консультант дипломатической миссии Кордт, также (как представитель департамента печати) консультант дипломатической миссии Штаудахер^[233], секретарь дипломатической миссии барон Штеенграхт (позднее госсекретарь) и я. Фотографы, эксперты и т. д. опять составляли часть свиты, также как гауляйтер Данцига Форстер, который не имел никаких функций в составе делегации. В полет команду Риббентропа провожали новый посол в Германии Шкварцев с заместителем^[234]. Краткую остановку в середине дня мы сделали в Кенигсберге, где нас настигла новость о сдаче Варшавы.

Мы приземлились в Москве в 5 часов дня. Нас опять встречал Потёмкин, заместитель народного комиссара иностранных дел, но уже в окружении большого количества официальных лиц и офицеров Красной Армии. Здания аэропорта были украшены советскими и германскими флагами, а Риббентроп осмотрел почетный караул, составленный из советских летчиков. В целом эта встреча носила гораздо более представительный характер, чем во время нашего первого визита, и указывала на восстановление русско-германской политической дружбы. Так же, как и в августе, Риббентроп остановился в бывшей австрийской дипмиссии.

Первая встреча министров иностранных дел прошла в 9 часов вечера в Кремле. Во встрече принимали участие министр иностранных дел Фон Риббентроп, помощник секретаря Гаусс, секретарь дипломатической миссии Хильгер. В приемной Молотова Риббентроп встретил министра иностранных дел Эстонии Сельтерса, который только что вышел с совещания, на котором получил требования русских о предоставлении

территории под военные базы, в соответствии с русско-германскими августовскими договоренностями.

Первые обсуждения между Риббентропом, Сталиным и Молотовым, насколько я помню, касались обмена мнениями по поводу международной ситуации, базового проекта будущего договора о дружбе и пограничных соглашениях. Они заняли около 2-х часов. Не было обнаружено принципиальных разногласий, также как и неожиданных требований от русских – поэтому Риббентроп согласился принять предложения русских по новому разграничению сфер интересов.

Чуть позже полудня 28 сентября переговоры продолжились, на сей раз с присутствием военных экспертов, включая начальника Генштаба Красной Армии Шапошникова^[235]. Новая граница была согласована в следующем виде: бывшая польско-литовская граница севернее Сувалки – Августово (русским) – далее восточно-прусская граница по реке Писса, южнее через Остроленку (Германия) – Малкиния, далее река Буг, немного восточнее Холма, через Томашув (Германия), Пшемьсль (русским), Санок (Германия) к устью реки Сан на бывшей польско-венгерской границе.

В переговорах, которые вел Сталин, активнее была Россия, и Риббентроп делал определенно больше уступок, чем другая сторона. Но было бы неправильно сказать, что Россия доминировала. Пограничная линия была нанесена толстым красным карандашом на карте масштаба 1: 1 000 000 и была подписана Сталиным и Риббентропом.

Как было договорено, на следующих переговорах граница будет зафиксирована на карте масштаба 1: 300 000 и будет зафиксирована на земле совместной русско-германской комиссией.

Кроме соглашения о границе и Договора о дружбе, обсуждались торговые соглашения. Другим пунктом обсуждений стало то, что в случае встраивания Литвы в советскую систему небольшой регион около восточно-прусской границы, название которого я сейчас затрудняюсь точно назвать, должен был отойти Германии. Наконец, по инициативе Сталина, как мне кажется, была подготовлена совместная декларация, предупреждающая Англию и Францию о лежащей на них ответственности за продолжение войны. Помню, что Риббентроп просил на это согласие Гитлера – телефонный звонок был сделан из ведомства Молотова в Германию, связь была установлена за несколько минут. Риббентроп уведомил Гитлера, что говорит из зала для конференций, в присутствии Сталина, и просит дать согласие на совместную декларацию. В свою очередь, Гитлер попросил передать Сталину наилучшие пожелания.

Материальная часть переговоров была практически закончена во

время вечерней сессии 28 сентября. Осталось лишь подготовить тексты соглашений для подписания.

Поздним вечером Молотов устроил большой банкет в честь Риббентропа, куда были приглашены не только дипломаты, но и некоторые другие члены делегации. Со стороны русских участвовал Сталин в сопровождении влиятельных руководителей, таких как Каганович, Микоян и маршал Ворошилов, в компании чиновников комиссариата иностранных дел. Очень быстро установилась восхитительно гостеприимная и сердечная атмосфера – это было одним из самых запоминающихся событий за все 23 года моей дипломатической службы. Естественно, поднимались многочисленные тосты за глав государств, за народы обоих государств, за русско-германскую дружбу, за германскую армию, за Красную армию и за всё русское и германское. Сталин зашел так далеко, что подходил к каждому гостю с тостом и желал здоровья. В моей памяти остались несколько эпизодов, в целом незначительных, которые показывали особую атмосферу этого банкета, также как и подарок Сталина для гостей. Когда поднимался тост за победы Германской Армии, Сталин подошел к немецкому военному атташе генералу Кестрингу и, пожимая ему руку, сказал: “Генерал, мы часто доставляли вам неприятности в прошлом. Пожалуйста, забудьте об этом!..” Сталин имел в виду тот факт, что Кестринг подпадал под подозрение в подготовке свержения советской системы и упоминался на публичных процессах Радека и других большевиков. Снятие с Кестринга этих сфабрикованных обвинений быстро разрядило атмосферу. На самом деле, будучи военным атташе при советском правительстве, Кестринг всегда был к ним лоялен. Молотов много раз поднимал тосты за Сталина, как за великого советского лидера. Сталин парировал эти здравицы, что он не против того, чтобы Молотов пил, но Сталин не должен быть для этого предлогом.

Сталин представил главу комиссариата внутренних дел и главу ГПУ Риббентропу словами: “Это – наш Гиммлер!”...

(Андор Генке, начал дипломатическую службу в 1922 году, большую часть провел в России. Был советником немецкого посольства в Москве, консулом в Киеве. Был членом германо-советской комиссии по разграничению территории Польши. Являлся членом германо-французской комиссии по перемирию. Весной 1943 года работал в германском посольстве в Мадриде. Далее работал шефом политического департамента в МИД Германии. Умер в 1984 году.)».

Ганс Баур – личный пилот Гитлера:

«...Гитлер меняет свои представления о Сталине

В течение ближайших дней и недель я часто присутствовал за обсуждением итогов переговоров в Москве, проходящим обычно во время приема пищи. Каждый раз присутствовали новые гости, с которыми эта актуальная тема вновь и вновь обсуждалась. Гитлер был весьма доволен достигнутыми в Москве результатами и часто высказывал свое удовлетворение по этому поводу. Многие гости обращали внимание на то, что мнение Гитлера о Сталине изменилось непостижимым образом. Гитлер находил, что их судьбы со Сталиным во многом сходны. Сталин, подобно Гитлеру, вышел из самых низших слоев общества, и никто лучше Гитлера не понимал, какого труда стоит пройти путь от никому не известного человека до руководителя государства...

Один из гостей сказал: “Но, мой фюрер, вы не можете сравнивать себя со Сталиным. Он грабитель банков”. Гитлер резко возразил: “Если Сталин и грабил банки, то они не оседали в его кармане, а шли на пользу его партии или движения. Это не одно и то же с простым налетом!”

Даже крупные издательства, и среди прочих издательство Эгера, получили приказ прекратить печатать все антикоммунистические материалы. Я знал, что владельцы этого издательства не могли понять причину такого запрета, было и много других, которые только разводили в изумлении руками.

“Немецкий фотограф – улыбки!”

28 сентября 1939 года я отправился в Москву во второй раз. Мы снова полетели на двух “Кондорах”. На этот раз все остановились в отеле “Националь”. В честь Риббентропа, который восседал в личной ложе Сталина, во всем блеске и красоте состоялся показ балета “Лебединое озеро”. Как всегда в таких случаях, русские старались показать все самое лучшее, что у них было. Этот вечер всем нам глубоко врезался в память...

В тот вечер Риббентроп покинул театр еще до завершения представления, чтобы встретиться со Сталиными и провести с ним заключительный раунд переговоров. Хоффманна снова вызвали к ним, чтобы сделать фотографии. Мы провели всю ночь в отеле. После того как я отправился отдыхать в свою комнату, я вспомнил, что мне кое-что надо обсудить со своим бортинженером Цинтлем... На следующее утро мы позавтракали в отеле и отправились в аэропорт. Молотов сопровождал

Риббентропа до аэропорта, как и в предыдущий раз.

Точно так же, как и после первого полета в Москву, и на этот раз состоялись многочисленные и подробные обсуждения всех деталей договора с русскими. Среди прочего Гитлер отметил, что мы были бы гораздо больше ограничены в ресурсах, если бы не заключили столь выгодные для нас торговое соглашение и пакт о ненападении. В завершение он выразил надежду, что заключение этого пакта произведет должное впечатление и на Британию.

Риббентропу и Хоффманну пришлось также рассказать о своих личных впечатлениях, оставшихся после встреч в Москве. Сперва германскому министру иностранных дел показалось, что Сталин после каждого тоста наполняет свой бокал простой водой. В конце концов он убедился, что туда каждый раз на самом деле наливалась водка. Это не первый и не последний случай, когда мы могли убедиться в том, что русские, вне зависимости от их положения, хорошо переносят действие своего любимого алкогольного напитка. По словам Риббентропа, Хоффманн единственный из немцев оказался в состоянии выпивать вместе с ним после каждого тоста (он привык к приему больших доз алкоголя). Сталин несколько раз обращался к нему со словами: “Немецкий фотограф, сделай хорошие снимки для своего фюрера. Улыбки!” Хотя Хоффманн был пьян, он справился со своей задачей достаточно хорошо. В то время у нас у всех сложилось впечатление, что Гитлер весьма доволен тем договором, который подписал Риббентроп...» [4. С. 215–216]. (Стоит отметить, что по непонятной причине сам Гофман в своих мемуарах даже не упоминает о второй поездке с Риббентропом в Москву, так может быть, он в ней и не участвовал? А просто в памяти Баура произошло смещение и часть рассказанного ему Гофманом об августовской поездке он перенес на сентябрь. – А. О.)

Густав Хильгер:

«Два дня спустя (после встречи германских и советских войск в Польше, то есть 25 сентября 1939 г. – А. О.) Сталин пригласил посла, чтобы предложить ему пересмотренное разграничение сфер влияния, по которому СССР получал бы контроль над Литвой, в то время как контролируемая Германией зона расширялась до старой линии Керзона, исключая, таким образом, остатки Польши, которая могла еще как-то сохраниться. Фон Риббентроп передал по телеграфу свое согласие и объявил, что сам прилетит в Москву для ведения переговоров.

В 17.00 27 сентября он прибыл в советскую столицу во второй раз. Его приветствовал ряд высокопоставленных чиновников и командиров Красной армии, а также почетный караул. Первые дискуссии со Сталиным и Молотовым состоялись поздно вечером того же дня; переговоры были продолжены на следующий день после полудня и завершились в ранние часы 29-го подписанием договора о границе и дружбе, на котором стояла официальная дата 28 сентября 1939 года. Основной смысл договора состоял в том, что два правительства соглашались на раздел сфер влияния, как это предлагал Сталин. Были достигнуты некоторые дополнительные соглашения, касающиеся начала торговых переговоров, советских поставок нефти и переселения немцев из Прибалтики. Говоря о войне на Западе, фон Риббентроп выказал огромный оптимизм и несколько раз повторил, что Германия не нуждается ни в какой военной помощи со стороны Советского Союза, хотя и ожидает, что СССР поддержит рейх в плане поставок некоторых важных сырьевых материалов.

В конце второй половины дня 28 сентября Молотов дал банкет в честь фон Риббентропа. На нем присутствовали Сталин и многие советские высокопоставленные деятели, такие как Микоян, Каганович и Ворошилов. Сталин был в весьма веселом настроении, и фон Риббентроп потом делился с друзьями, что чувствовал себя в Кремле так же легко, как и среди своих старых нацистских друзей. Сталин оживил вечеринку, подталкивая Молотова на произнесение тостов, втягивая соседей в беседу и настойчиво требуя, чтобы пили все. Сам он, однако, в тот вечер почти ничего не пил. (Хорошо известно, что в прежние годы он очень любил вечеринки и пил весьма изрядно, но потом по совету докторов стал очень осторожен с алкогольными напитками.) Я сидел напротив него по диагонали. Берия, сидевший рядом со мной, пытался заставить меня пить больше, чем я желал сам. Скоро Сталин заметил, что мы о чем-то спорим с Берией, и спросил через стол: “О чем спор?” Когда я ему объяснил, он ответил: “Ну, если вы не желаете пить, никто не может вас заставить делать это”. – “И даже сам начальник НКВД?” – пошутил я. На это последовал ответ: “Здесь, за этим столом, даже начальник НКВД имеет не больше прав, чем кто-либо другой”» [95. С. 380–381].

Приложение 4. Из доклада В. М. Молотова о внешней политике правительства на внеочередной пятой сессии Верховного Совета СССР

31 октября 1939 года

Товарищи депутаты! За последние два месяца в международной обстановке произошли важные изменения. Это относится, прежде всего, к положению в Европе, но также и к странам, находящимся далеко за пределами Европы. В связи с этим надо указать на три основных обстоятельства, имеющих решающее значение.

Во-первых, надо указать на изменения, происшедшие в отношениях между Советским Союзом и Германией. Со времени заключения 23 августа советско-германского договора о ненападении был положен конец ненормальным отношениям, существовавшим в течение ряда лет между Советским Союзом и Германией. На смену вражды, всячески подогревавшейся со стороны некоторых европейских держав, пришло сближение и установление дружественных отношений между СССР и Германией. Дальнейшее улучшение этих новых, хороших отношений нашло свое выражение в германо-советском договоре о дружбе и границе между СССР и Германией, подписанном 28 сентября в Москве. Происшедший крутой поворот в отношениях между Советским Союзом и Германией, между двумя самыми крупными государствами Европы, не мог не сказаться на всем международном положении. При этом события целиком подтвердили ту оценку политического значения советско-германского сближения, которая была дана на прошлой Сессии Верховного Совета.

Во-вторых, надо указать на такой факт, как военный разгром Польши и распад Польского государства. Правящие круги Польши немало кичились «прочностью» своего государства и «мощью» своей армии. Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем – Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения польских национальностей. «Традиционная политика» беспринципного лавирования и игры между Германией и СССР оказалась несостоятельной и полностью обанкротилась.

В-третьих, следует признать, что вспыхнувшая в Европе большая война внесла коренные изменения во всю международную обстановку. Эта война началась между Германией и Польшей и превратилась в войну между Германией – с одной стороны, Англией и Францией – с другой стороны. Война между Германией и Польшей закончилась быстро, ввиду

полного банкротства польских руководителей. Польше, как известно, не помогли ни английские, ни французские гарантии. До сих пор, собственно, так и неизвестно, что это были за «гарантии». (*Общий смех.*) Начавшаяся между Германией и англо-французским блоком война находится лишь в своей первой стадии и по-настоящему еще не развернулась. Тем не менее, понятно, что такая война должна была внести коренные изменения в положение Европы, да и не только Европы.

В связи с этими важными изменениями международной обстановки некоторые старые формулы, которыми мы пользовались еще недавно, – и к которым многие так привыкли – явно устарели и теперь неприменимы. Надо отдать себе в этом отчет, чтобы избежать грубых ошибок в оценке сложившегося нового политического положения в Европе.

Известно, например, что за последние несколько месяцев такие понятия, как «агрессия», «агрессор», получили новое конкретное содержание, приобрели новый смысл. Нетрудно догадаться, что теперь мы не можем пользоваться этими понятиями в том же смысле, как, скажем, 3–4 месяца тому назад. Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира. Роли, как видите, меняются.

Попытки английского и французского правительств оправдать эту свою новую позицию данными Польше обязательствами, разумеется, явно несостоятельны. О восстановлении старой Польши, как каждому понятно, не может быть и речи. Поэтому бессмысленным является продолжение теперешней войны под флагом восстановления прежнего Польского государства. Понимая это, правительства Англии и Франции, однако, не хотят прекращения войны и восстановления мира, а ищут нового оправдания для продолжения войны против Германии.

В последнее время правящие круги Англии и Франции пытаются изобразить себя в качестве борцов за демократические права народов против гитлеризма, причем английское правительство объявило, что будто бы для него целью войны против Германии является, не больше и не меньше, как «уничтожение гитлеризма». Получается так, что английские, а вместе с ними и французские, сторонники войны объявили против Германии что-то вроде «идеологической войны», напоминающей старые религиозные войны. Действительно, в свое время религиозные войны против еретиков и иноверцев были в моде. Они, как известно, привели к тягчайшим для народных масс последствиям, к хозяйственному разорению и к культурному одичанию народов. Ничего другого эти войны и не могли дать. Но эти войны были во времена средневековья. Не к этим ли временам средневековья, к временам религиозных войн, суеверий и культурного одичания тянут нас снова господствующие классы Англии и Франции? Во всяком случае, под «идеологическим» флагом теперь затеяна война еще большего масштаба и еще больших опасностей для народов Европы и всего мира. Но такого

рода война не имеет для себя никакого оправдания. Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это – дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемая фальшивым флагом борьбы за «демократию». В самом деле, никак нельзя назвать борьбой за демократию такие действия, как закрытие коммунистической партии во Франции, аресты коммунистических депутатов французского парламента или урезывание политических свобод в Англии, неослабевающий национальный гнет в Индии и т. п.

Не ясно ли, что цель теперешней войны в Европе не в том, о чем говорят в официальных выступлениях для широкого круга слушателей во Франции и Англии, то есть не в борьбе за демократию, а в чем-то другом, о чем не говорят эти господа открыто.

Действительная причина англо-французской войны против Германии не в том, что Англия и Франция поклялись будто бы восстановить прежнюю Польшу, и, конечно, не в том, что они решили будто бы взять на себя задачу борьбы за демократию. У правящих кругов Англии и Франции есть, разумеется, другие более действительные мотивы для войны против Германии. Эти мотивы относятся не к области какой-либо идеологии, а к сфере их сугубо материальных интересов, как могущественных колониальных держав.

Британская империя, население которой достигает 47 миллионов, владеет колониями с населением в 480 миллионов человек. Колониальная империя Франции, население которой не превышает 42 миллионов, охватывает 70 миллионов жителей во французских колониях. Владение этими колониями, дающее возможность эксплуатировать сотни миллионов людей, является основой мирового господства Англии и Франции. Страх перед германскими притязаниями на эти колониальные владения – вот в чем подоплека теперешней войны Англии и Франции против Германии, которая серьезно усилилась за последнее время в результате развала Версальского договора. Опасения за потерю мирового господства диктуют правящим кругам Англии и Франции политику разжигания войны против Германии.

Таким образом, империалистический характер этой войны очевиден для каждого, кто хочет видеть действительное положение дел, кто не закрывает глаз на факты.

Из всего этого видно, кому нужна эта война, ведущаяся из-за мирового господства. Конечно, не рабочему классу. Такая война не сулит рабочему классу ничего, кроме кровавых жертв и бедствий.

После этого, судите сами: изменилось или не изменилось за последний период содержание таких понятий, как «агрессия», «агрессор»? Нетрудно видеть, что употребление этих слов в старом смысле, – то есть, как это было до последнего решительного поворота в политических отношениях между Советским Союзом и Германией и до

начала большой империалистической войны в Европе, – может порождать только путаницу в головах и неизбежно будет толкать к ошибочным выводам. Чтобы этого не случилось, мы не должны допускать некритического отношения к тем старым понятиям, которые неприменимы в новой международной обстановке.

Так сложилась международная обстановка в последний период. Перейдем к изменениям, происшедшим во внешнем положении самого Советского Союза. Изменения здесь произошли не маленькие, но если говорить о главном, то нельзя не признать следующего: благодаря последовательному проведению своей мирной внешней политики, нам удалось значительно усилить свои позиции и международный вес Советского Союза. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Наши отношения с Германией, как я уже сказал, улучшились коренным образом. Здесь дело развивалось по линии укрепления дружественных отношений, развития практического сотрудничества и политической поддержки Германии в ее стремлениях к миру. Заключенный между Советским Союзом и Германией договор о ненападении обязывал нас к нейтралитету в случае участия Германии в войне. Мы последовательно проводили эту линию, чему отнюдь не противоречит вступление наших войск на территорию бывшей Польши, начавшееся 17 сентября. Достаточно напомнить, что тогда же, 17 сентября, Советское Правительство разослало всем государствам, с которыми оно имеет дипломатические отношения, специальную ноту с заявлением о том, что СССР и впредь будет проводить политику нейтралитета в отношениях с ними. Как известно, наши войска вступили на территорию Польши только после того, как Польское государство распалось и фактически перестало существовать. Оставаться нейтральными к таким фактам мы, разумеется, не могли, так как в результате этих событий перед нами встали острые вопросы безопасности нашего государства. К тому же Советское Правительство не могло не считаться с исключительным положением, создавшимся для братского населения Западной Украины и Западной Белоруссии, которое в развалившейся Польше оказалось брошенным на произвол судьбы.

Последующие события полностью подтвердили, что новые советско-германские отношения построены на прочной базе взаимных интересов. После вступления частей Красной Армии на территорию бывшего Польского государства возникли серьезные вопросы разграничения государственных интересов СССР и Германии. Эти вопросы были быстро урегулированы по взаимному согласию. Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией, заключенный в конце сентября, закрепил наши отношения с Германским государством.

Отношения Германии с другими западноевропейскими буржуазными государствами за последние два десятилетия определялись, прежде всего, стремлением Германии разбить путы Версальского договора, творцами которого были Англия и Франция при активном участии Соединенных Штатов Америки. Это, в конечном счете, и привело к теперешней войне в Европе.

Отношения Советского Союза с Германией строились на другой основе, не имеющей ничего общего с интересами увековечения послевоенной Версальской системы. Мы всегда были того мнения, что сильная Германия является необходимым условием прочного мира в Европе. Было бы смешно думать, что Германию можно «просто вывести из строя» и скинуть со счетов. Державы, лелеющие эту глупую и опасную мечту, не учитывают печального опыта Версаля, не отдают себе отчета в возросшей мощи Германии и не понимают того, что попытка повторить Версаль при нынешней международной обстановке, в корне отличающейся от обстановки 1914 года, – может кончиться для них крахом.

Мы неуклонно стремились к улучшению отношений с Германией и всемерно приветствовали такого рода стремления в самой Германии. Теперь наши отношения с Германским государством построены на базе дружественных отношений, на готовности поддерживать стремления Германии к миру и, вместе с тем, на желании всемерно содействовать развитию советско-германских хозяйственных отношений ко взаимной выгоде обоих государств. Надо специально отметить, что происшедшие в советско-германских отношениях изменения в политической области создали благоприятные предпосылки для развития советско-германских хозяйственных отношений. Последние хозяйственные переговоры Германской делегации в Москве и происходящие в данный момент переговоры Советской хозяйственной делегации в Германии готовят широкую базу для развития товарооборота между Советским Союзом и Германией. («Правда». 1 ноября 1939 г.)

Приложение 5. Совещание при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии 17 апреля 1940 г

Выступление Проскурова

(Источник:

Текст впервые был опубликован в книге: Зимняя война 1939–1940. Книга вторая: И. В. Сталин и финская кампания.

Заседание шестое 17 апреля 1940 г., утреннее.

Кулик (председательствующий). Слово имеет тов. Проскуров.

Проскуров (начальник Главного разведывательного управления ^[236] Генерального штаба). Докладываю некоторые выводы по опыту и состоянию работы разведывательной службы Красной Армии. Разведке в выступлениях многих командиров доставалось как будто больше всего.

Сталин. Нет, еще будет.

Проскуров. Я бы был очень рад, чтобы разведку, начиная с сегодняшнего дня, как следует потрясли, обсудили. Всякими вопросами занимались, а разведкой мало.

Что мы знали о белофиннах? Мы считаем, что для общих расчетов сил подавления противника разведка имела необходимые отправные данные. Разведка эти данные доложила Генштабу. Это не заслуга теперешнего состава Разведывательного управления, так как основные данные относятся к 1937–1938 гг. Мы знали к 1 октября 1939 г., что Финляндия создала на Карельском перешейке три оборонительных рубежа и две отсечных позиции. Первый оборонительный рубеж, предназначенный для частей прикрытия, располагался непосредственно около границы и упирался флангами в Ладожское озеро и Финский залив, имея в длину [более 100]. Его укрепления состояли главным образом из сооружений полевого типа: окопы стрелковые, пулеметные, артиллерийские. Были и противотанковые сооружения. Имелось также небольшое количество железобетонных, каменных и деревоземляных точек, общая численность которых доходила до 50. Это так называемое предполье. Второй оборонительный рубеж, который был известен разведке на 1 октября ...

Мехлис. Какого года на 1 октября?

Проскуров. На 1 октября 1939 г. Второй оборонительный рубеж начинался от Финского залива и проходил через Ремнети, Сумма, Мьялкел и другим пунктам и далее по северному берегу Сувантоярви. Общая система обороны строилась на создании 13 узловых

сопротивлений, так называемых центров сопротивлений по использованию рек и озер.

Третий оборонительный рубеж был представлен узлом сопротивления в районе Выборга, в котором имелось до 10 артиллерийских железобетонных точек. К 1 октября 1939 г. было установлено наличие в укрепленных районах до 210 железобетонных и артиллерийских точек. Всего было 210 точек. Эти точки нанесены на схемы, был альбом, который, как говорил сам тов. Мерецков, все время лежал у него на столе.

Мерецков. Но ни одна не соответствовала.

Проскуров. Ничего подобного. Донесения командиров частей и разведки показывали, что большинство этих точек находится там, где указаны на схеме.

Мерецков. Это ложь. В районе Суммы 12 точек, Корна – 12.

Проскуров. Ничего подобного.

Мехлис. Когда этот материал был передан Генштабу?

Проскуров. До 1 октября 1939 г. К этому же времени было известно, что финны развертывают большие строительные работы.

...

Такими данными мы располагали.

Данные о пистолете Суоми были впервые в сборнике Разведупра, изданном в 1936 г. Подробные данные были даны в справочниках 1939 г. с фотографиями.

Голос. В книжках.

Проскуров. А у нас, это не в качестве оправдания, автоматическое оружие игнорировали.

Наконец, тов. Шапошников докладывал, что было 16 дивизий, у нас нет таких данных. Было 12 пехотных дивизий, 6 отдельных пехотных полков, до 30 батальонов, около 5 пехотных бригад.

Сталин. В общем, 18 дивизий.

Проскуров. Если свести в дивизии – до 18 дивизий.

Сталин. Сколько давала разведка отдельных дивизий?

Проскуров. До 10 дивизий и до 30 отдельных батальонов. Что на самом деле и получилось. Но общий контингент военно-обученных, тов. Шапошников, должен кое-что показывать, это нельзя отбрасывать.

Голос. Говорят, что пулемет Суоми испытывался у нас в 1936 г. Верно это или нет?

Голос. У тов. Шестакова, есть у нас такой, данные эти можно получить. Он говорит, что эти пулеметы испытывал в 1936 г.

Сталин. Это ничего не значит. Он может быть известен. 100-зарядный американский пулемет был известен, у чекистов был, но считали, что это полицейское оружие, что в армии это оружие никакого значения не имеет. Оказалось наоборот, что для армии пулемет – в высшей степени необходимое явление, а разведка представляла его исключительно с политической стороны, что для войны он не годится. Так было дело?

Проскуров. О тактике противника были некоторые материалы.

...

В архиве есть много неразработанных ценных материалов. Сейчас разрабатываем, но там целый подвал, колоссальное количество литературы, над которой должна работать целая бригада в количестве 15 человек в течение пары лет.

Голос. Эта литература за это время устареет.

Сталин. Брошюра о том, как будут воевать финны. Не насмешка ли это над всеми и над Красной Армией, что брошюра лежит год с лишним, 5 лет, другие говорят, и ее печатают только спустя две недели после войны, чтобы ею могли пользоваться в Красной Армии с запозданием.

Проскуров. Здесь умысла нет.

Сталин. Мы не разведка.

Проскуров. Я вам докладываю, что в разведке в архиве сейчас имеется много материалов, которые мы обрабатываем. Материалов у нас очень много, и мы их в ближайшее время выпустим. Только как получается? То, что у нас имеется из материалов из-за границы, не делается достоянием широких масс. Если у нас идет война, мы должны сделать так, чтобы было известно все то же самое, что делается за границей в военном мире.

Голос. Все засекречено.

Голос. Причем нужно прямо сказать, что за границей можно купить в витрине, то у нас это будет секретом для Красной Армии.

Сталин. Это манера людей, которые не хотят, чтобы наша Красная Армия знала многое. Вот почему, видимо, у нас все секретное.

Кулик. Мы должны добиться такого положения, чтобы то, что сегодня появляется в печати за границей, было на следующий день известно нашей Красной Армии.

Сталин. Нужно создать группу при Генеральном штабе, чтобы она пользовалась всеми материалами, чтобы она имела возможность посылать своих людей за границу, которые бы присылали материалы открыто, никаких секретов нет.

Кулик. У нас сейчас все засекречено.

Сталин. Я не знаю, у вас вся власть была в руках, вы являетесь заместителем наркома, почему вы ничего не предприняли?

Кулик. Я этот вопрос ставил перед наркомом.

Сталин. Вы являетесь заместителем наркома и могли обратиться к наркому и сказать о создавшемся положении.

Кулик. У нас нужно будет ввести новую систему.

Голос. Иностранные военные журналы являются секретными для нашей Красной Армии.

Проскуров. Потому что в этих журналах есть всякая клевета о Красной Армии.

...

Сталин. Интересные подборки нужно делать.

Проскуров. В зарубежном вестнике помещаются всякие иностранные статьи.

Сталин. У вас душа не разведчика, а душа очень наивного

человека в хорошем смысле слова. Разведчик должен быть весь пропитан ядом, желчью, никому не должен верить. Если бы вы были разведчиком, вы бы увидели, что эти господа на Западе друг друга критикуют: у тебя тут плохо с оружием, у тебя тут плохо, вы бы видели, как они друг друга разоблачают, тайны друг у друга раскрывают, вам бы схватиться за эту сторону, выборки сделать и довести до сведения командования, но душа у вас слишком честная.

Проскуров. Не читают разведывательных материалов. Вот я доложу, сводка по востоку и западу выпускается секретно, потому что тут дислокация частей, политико-моральное состояние.

Сталин. Это легально для всех издается?

Проскуров. Нет, секретно.

Сталин. Почему?

Проскуров. Потому что тут дислокация германских частей.

Сталин. Можно назвать сообщение несуществующей газеты, несуществующего государства, что-либо в этом роде, или по иностранным данным и т. д., и пустите это в ход. Надо уметь это делать. Фирму можно снять, а существо оставить и преподать людям открыто, ведь есть у нас журналы, газеты.

...
Разведка начинается с того, что официозную литературу, оперативную литературу надо взять из других государств, военных кругов и дать. Это очень верная разведка. Разведка не только в том состоит, чтобы тайного агента держать, который замаскирован где-либо во Франции или в Англии, не только в этом состоит. Разведка состоит в работе с вырезками и с перепечаткой. Это очень серьезная работа. Смотрите, вот сейчас идет война, они будут друг друга критиковать и разоблачать, все тайны будут выносить на улицу, потому что они ненавидят друг друга. Как раз время уцепиться за это и сделать достоянием наших людей. Эта работа непосредственно разведки, самая серьезная. А вы это не считаете.

...
Сталин (показывает книжку). Здесь напечатана дислокация германских войск?

Проскуров. Так точно.

Сталин. Этого нельзя вообще печатать [\[237\]](#).

Проскуров. Нельзя и секретно?

Сталин. Нужно широко распространять какой тираж?

Проскуров. 3 тыс. никто не может купить, все под номером, секретно.

Сталин. Нельзя такие вещи излагать, вообще печатать нельзя, печатать нужно о военных знаниях, технике, тактике, стратегии, составе дивизии, батальона, чтобы люди имели представление о дивизии, чтобы люди имели понятие о частях, артиллерии, технике, какие новые части есть.

Проскуров. Есть.

Сталин. Это нужно для Генштаба и высшего командного состава.

Проскуров. Для западных округов тоже необходимо.

...

Вот Артиллерийское управление, начальники отделов не читают разведывательных сводок по иностранной технике. Эти сводки после ознакомления с ними начальников информационных отделов Управление направляет в секретную библиотеку. В секретной библиотеке эти книги лежат без всякого движения. Такие книги, как «Артиллерия германской армии», «Французская армия» и другие, читало всего четыре человека.

Мерецков. Там стоит гриф секретно, домой я не могу взять книгу, а на работе не могу читать, работой нужно заниматься, а поэтому эти книги лежат без всякого движения, никто их не читает. Я не имею права взять книгу домой, положить к себе в портфель, так как она считается секретной. Командир полка совсем не возьмет эту книгу.

Сталин. Кто это так придумал?

Проскуров. Был приказ народного комиссара обороны № 015.

Сталин. Вы же сами ему так предложили, он сам не мог так придумать.

Голос. Это же приказ о секретной литературе, а зачем литературу секретно издавать?

Мерецков. Тогда разрешайте брать эти книги для чтения, но только с оговоркой – не терять или что-либо другое сделать с тем, чтобы книги не лежали в библиотеке.

Голос. Книги должны быть в штабе.

Проскуров. Чем же объяснить, тов. Воронов, что из 50 переведенных статей в Артиллерийском управлении прочитано только 7 статей двумя лицами? Эти статьи без всяких грифов, несекретные.

Голос. Где это проверяли?

Проскуров. У нас.

Сталин. Нужно заинтересовать людей.

Проскуров. И еще десятки примеров можно привести.

Сталин. Нужно уметь преподнести.

Проскуров. Эти сводки преподносятся в хорошем виде.

Сталин. Человек посмотрит и отбросит эту книгу, введение какое-либо сделали бы что ли. Нужно посмотреть.

Проскуров. Есть, слушаю.

Сталин. Люди завалены работой, эту макулатуру не хотят читать, они ее отбрасывают, в этом № 2 ничего не говорится.

Проскуров. Может быть, по этой причине штаб 1-ой Краснознаменной армии эту сводку в течение трех месяцев держал у себя, не рассылал по частям, считая, что эти сводки Разведупр должен рассылать непосредственно в части, т. е. Разведупр должен знать дислокацию частей. Я считаю, что это дикость. Это дело разведали наши чекисты и донесли, что действительно спорили, кому посылать эти сводки. Вывод ясен, что разведывательную литературу у нас не изучают толком. Я хочу доложить, что разведка на фронте, в частности разведывательные органы Ленинградского военного округа, до начала событий были приведены в боевую готовность. Но здесь

встал вопрос – кому руководить войсковой разведкой. Здесь ругали, что агентура не дала данных. Отсюда вывод, что нужно было напирать на войсковую разведку. У меня есть сотни писем с Дальнего Востока и с Запада, с Урала и из других округов, где пишут одно и то же, что совпадает с оценкой наших разведывательных органов, разведкой еще в мирное время никто не занимается, то же получилось и на войне.

С первых же дней боевой деятельности было установлено, что кадры войсковых разведчиков готовились очень плохо, без учета театра. Этим никто не занимался, несмотря на то, что в июне месяце на заседании Главного военного совета, где и вы участвовали, тов. Сталин, когда пересматривали структуру Генерального штаба, было принято решение: «Вопросы организации войсковой разведки передать в ведение оперативного управления в Генеральном штабе РККА, в штабах округов, армий и армейских группах. Переход на новую организацию штабов провести к 1 августа».

Сейчас разведка не имеет хозяина. Войсковой разведкой никто не занимается. Тысячи писем говорят о том, что разведчики, включая начальников двух отделов корпусов и дивизий, занимаются чем угодно, но не разведкой, ОРБ не готовятся как разведчасти.

Сталин. Что такое ОРБ?

Проскуров. Отдельный разведывательный батальон, имеющийся по штатам в каждой дивизии. Во время военных действий эти батальоны были такими же батальонами, как и прочие. Они ставились на фланги, затыкали ими дыры и т. д. Разведывательные роты в полках, как правило, не использовались.

И самое тяжелое положение, которое мы имеем, это то, что нет подготовленных кадров разведчиков. Я прошу, чтобы вопрос об организации разведки и подготовки разведчиков был рассмотрен Главным военным советом. Генеральный штаб должен иметь аппарат, который бы отвечал за подготовку разведчиков всех родов войск. На практике же получается разрыв. В мирное время разведчиками никто не занимается. В военное время разведкой вынуждено заниматься 5-е Управление, не имеющее аппарата для руководства войсковой разведкой и полномочий на это.

Во время финских событий разведотдел Ленинградского округа забрала себе 7-я армия, остальные армии остались без кадров разведчиков и набирали кого попало. Подготовленных имелось один-два человека. В силу этого разведку армии не могли развернуть в течение одного-двух месяцев. Агентурные отделения состояли из оперативных пунктов (из трех-четырех человек). Конечно, они не могли удовлетворить армию.

Сталин. Что вы предлагаете, как улучшить это?

Проскуров. Я предлагаю принять один из вариантов: или сосредоточить всю разведывательную работу в одних руках, как это делается в иностранных армиях, там имеются так называемые 2-й департамент или 2-е бюро в составе Генерального штаба. У нас создано 5-е управление, которое должно сосредоточить всю разведку.

В нем необходимо создать аппарат, который будет отвечать и руководить войсковой разведкой. Или оставить за 5-м управлением только агентурную разведку.

В Генеральном штабе должен быть такой порядок, чтобы был аппарат, который будет руководить и заниматься разведкой и в мирное, и в военное время. Ведь как ни странно, разведывательные сводки подписывал я, тогда как разведывательные органы по существу не подчинены 5-му Управлению Красной Армии.

...

Мы за все время выбросили довольно круглую цифру агентов, и надо отметить, что из них большинство погибло.

Сталин. У вас есть один агент в Англии, как его фамилия, Черний, кто он такой?

Проскуров. Он уже здесь, это не агент, а военно-воздушный атташе, комбриг Черний.

Сталин. Он писал, что через несколько дней будет большой налет авиации на нефтепромыслы Баку. Через несколько дней он писал, сообщит подробности. Прошло шесть дней, прошли две-три недели, а дополнений никаких нет.

Проскуров. Он приехал и ничего не мог доложить.

Сталин. И этот Черний, человек, которому вы верите, сообщил, что 12 тыс. цветных войск вводится в Румынию. Я говорю, что это не может быть. Вы спорите, что он честный человек. Я говорю, что честный человек, но дурак. (Смех.)

Проскуров. Товарищ Сталин, вам известно, в каком мы находимся положении?

Сталин. Вот вы его посылаете, пускай он скажет, что, по некоторым данным, будет налет на Баку, а у вас просто сообщается, будет налет, по достоверным источникам, подробности будут сообщены через несколько дней. Вы его спросили, верно ли, он ответил – верно, а потом оказалось, что никакого ввода войск не было, а таких источников будет много. Я боюсь, что если ваши агенты будут так и дальше работать, то из их работы ничего не выйдет.

...

Мерецков. Если посылаешь командира с посылкой за границу, командир боится идти в такую разведку.

Сталин. Не надо связываться с сетью, а одиночкой действовать, как турист.

Мерецков. Командиры боятся идти в такую разведку, ибо они говорят, что потом запишут, что они были за границей. Трусят командиры.

Проскуров. Командиры говорят так, что если в личном деле будет записано, что был за границей, то это останется на всю жизнь. Вызываешь иногда замечательных людей, хороших, и они говорят – что угодно делайте, только чтобы в личном деле не было записано, что был за границей.

Сталин. Есть же у нас несколько тысяч человек, которые были за

границей. Ничего в этом нет. Это заслуга.

...

Проскуров. Конечно, глупо. Надо сказать, что наши разведчики были заражены тем же, чем и многие большие командиры, считали, что там будут с букетами цветов встречать, а вышло не то.

Поэтому я прошу разрешить коренной вопрос относительно хозяина разведки. Хозяин разведки в Красной Армии должен быть, и командиры всех степеней должны будут заниматься разведкой по существу. Иначе мы будем и дальше сталкиваться с таким же делом, как и теперь. Тысячи товарищей с мест пишут, что войсковые разведчики занимаются всем, чем угодно, он и ординарец, он и временно замещает командира, уходящего в отпуск, из оперативного и прочих отделов.

Кроме того, нам нужно, тов. Сталин, убедительно прошу, создать в мирное время под различными шифрами такие учебные роты, учебные подразделения, которые были бы готовы вести разведку в военное время.

Сталин. В мирное время сажайте людей, заранее надо сажать людей.

Проскуров. Меня очень много ругали за то, что я организовал диверсионно-партизанские группы и отряды. Было большое сопротивление. Тов. Шапошников дал указание штабам, чтобы никаких таких отрядов не организовывать. А некоторые организовали и получили колоссальную пользу.

Шапошников. Нет такого указания.

Проскуров. Это так точно. Есть такое указание, свидетелями являются Смородинов и Тимошенко. Нужно создать такие отряды обязательно, а то в военное время активным путем добывались средств разведки. Не надо этого бояться.

Сталин. Надо, чтобы они язык населения знали. Что вы русских бросите в тыл, ничего они не знают – языка не знают, нравы не знают. Разведчики язык должны знать. Сколько людей вы послали в Финляндию теперь в мирное время? Не посылали и не думаете посылать.

Проскуров. Разведчиков посылаем.

Сталин. ...Представьте нам список, кого куда посылаете. Мы хотим знать. Если вы говорите, что получены сведения из источника, то это на нас действия не производит, мы смеемся над этим. Давайте нам список в Главный военный совет.

Проскуров. Я рад, что этим вопросом вы интересуетесь, потому что после этого дело пойдет лучше. (Проскуров даже позволил себе похвалить Сталина, а до этого все больше спорил и критиковал руководство НКВ. – А. О.)

...

Сталин. ...шифром по телеграфу все нельзя передать, нужно вызвать человека сюда, пусть он схематически расскажет, мы его будем допрашивать, он наивный человек. По телеграфу все нельзя передать.

Проскуров. Полковник Скорняков по приказу народного комиссара обороны немедленно выехал сюда и все донесет.

Сталин. По телеграфу нельзя все сказать, нельзя сказать все шифром. Вы люди из разведки, должны знать, как это делается, я не разведчик. Вот об этом нужно было бы сказать...

А. О.: Эта стенограмма – уникальный материал, который позволяет как бы услышать высказывания советских высших военачальников из их собственных уст. Обсуждение недостатков, выявленных во время финской кампании в организации, вооружении и управлении Красной Армии, показывает, что почти все эти недостатки являлись следствием жесткой командно-диктаторской сталинской системы:

- режим сверхсекретности, распространявшийся даже на полученные военной разведкой материалы, главной целью имел не получение информации о состоянии армий зарубежных стран, а недопущение получения каких либо сведений о зарубежной оценке Красной Армии и СССР;

- атмосфера страха, царившая вследствие массовых репрессий 1937 г., привела к тому, что советские командиры считали крайне опасным для себя факт пребывания за границей с любой целью – дипломатической, разведывательной, образовательной и т. п. и всячески уклонялись от этого;

- в результате разведка не имела хозяина, варилась в собственном соку, ее кадры неправильно и нерационально использовались, и, как правило, служебная карьера заметных разведчиков заканчивалось расстрелом.

Сталин выразил недоверие информации военно-воздушного атташе в Англии комбрига Черний о намечавшемся налете английской авиации на нефтепромыслы Баку, который не состоялся в указанное время. Причинами же нарушения плана удара по нефтепромыслам Баку, Майкопа и Грозного был мир, заключенный СССР с Финляндией, и высадка немецких войск в Дании (9 – 12 апреля) и Норвегии (9 – 14 апреля), после чего французскому и английскому руководству стало уже не до Среднего Востока. А после захвата немцами Парижа в июне 1940 г. англо-французский план этого удара оказался у Гитлера, и он наверняка ознакомил с ним Сталина. То есть достоверность информации комбрига Черний была подтверждена, тем не менее 7.06.41 г. он (в это время начальник курсов при Военной академии штурманского и командного состава) был арестован и 31.1.43 г. умер в тюрьме.

Кроме того, эта стенограмма показала крупным планом одного из истинных героев нашей страны тех давних времен – Героя Советского Союза 33-летнего заместителя наркома обороны и начальника Разведуправления Генштаба комдива Ивана Иосифовича Проскурова. Он

абсолютно откровенен, искренен и чист настолько, что позволяет себе без всяких расчетов говорить правду и называть вещи своими именами, иногда с большим риском для себя (например, он прямо говорит Сталину о том, что в Финляндии рассчитывали на легкую победу, а вышло все не так). При этом он называет конкретных действующих лиц – наркома обороны (Ворошилова, который по какой-то причине не присутствовал на этом седьмом заседании), своего непосредственного начальника – начальника Генштаба Шапошникова, замнаркома обороны Мерецкова, начальника артиллерии РККА Воронова и т. п. Эти качества Проскурова прекрасно понял Сталин, сказав ему: «У вас душа не разведчика, а душа очень наивного человека в хорошем смысле слова. Разведчик должен быть весь пропитан ядом, желчью, никому не должен верить». Сам же вождь, не будучи разведчиком, но переполненный ядом, желчью и недоверием, ровно через год снимет Проскурова с ответственной работы, после этого через два месяца его арестуют и 28 октября 1941 г. расстреляют в Барбыше под Куйбышевым во внесудебном порядке по личному указанию Берии.

Приложение 6. Прием Муссолини полпреда СССР 24 июля 1940 г

Из дневника полпреда СССР в Королевстве Италия Н. В. Горелкина

24 июля 1940 г.

Сегодня в 12.30 был принят Бенито Муссолини. Он встретил меня у дверей своего огромного кабинета. Во время беседы Муссолини был любезен и по окончании аудиенции проводил меня до дверей кабинета.

В самом начале беседы Муссолини сказал, что он надеется, что мое пребывание в Риме будет способствовать развитию итало-советских отношений.

Я ответил, что очень рад, пользуясь первой встречей и знакомством с ним, выразить свое удовлетворение по поводу моего назначения в страну многовековой традиционной культуры, которая является предметом глубокого изучения в Советском Союзе.

Затем добавил, что 20 июня глава Советского правительства В. М. Молотов в ответ на заявление г-на Россо сказал, что Советское правительство изъявляет готовность на обмен мнениями по всем вопросам, интересующим обе страны. Советский Союз отнюдь не является защитником существовавшего до последнего времени англо-французского господства в Европе. Господствующему положению этих стран приходит конец. Соответственно усиливаются на международной арене голоса СССР, Италии и Германии.

Муссолини отметил, что Италия была первой страной, установившей дипломатические отношения с Советским Союзом, и что эти отношения развивались в сторону тесного сотрудничества, нашедшего свое выражение в пакте дружбы и ненападения, заключенного между СССР и Италией в 1933 г. За последние годы отношения Италии с СССР ухудшились в связи с испанскими событиями (при этом Муссолини добавил, что мы должны всегда говорить правду). Но в настоящий момент нет никаких препятствий к тому, чтобы отношения между странами были дружественными и продолжали успешно развиваться.

Муссолини подчеркнул, что Итальянское правительство рассматривает существующие отношения как длительные и долженствующие развиваться по пути их дальнейшей нормализации и улучшения.

Касаясь вопроса о Бессарабии, Муссолини сказал, что он вполне понимает Советское правительство, когда оно потребовало возвращения того, что СССР должно принадлежать по праву.

Затем он заявил, что столь же благожелательное отношение Италии существует и в вопросе о Прибалтике, повторив, что к Советскому Союзу возвращается то, что ему принадлежало раньше, и что Итальянское правительство считает это вполне справедливым. В связи с этим Муссолини добавил, что он заявил министрам [посланникам]

Прибалтийских стран о незаинтересованности Итальянского правительства в вопросе Прибалтики.

Муссолини подчеркнул, что в настоящий момент у трех стран: СССР, Италии и Германии, несмотря на различие внутренних режимов, имеется одна общая задача – это борьба против плутократии, против эксплуататоров и поджигателей войны на Западе.

В конце аудиенции он еще раз выразил уверенность в том, что мое назначение будет способствовать развитию отношений между Советским Союзом и Италией. Со стороны Италии, заявил Муссолини, будет сделано все возможное для дальнейшего укрепления и улучшения отношений между обеими странами.

Поблагодарив Муссолини за беседу, я сказал, что все сказанное им доведу до ведения моего правительства.

Горелкин.

(АВП РФ. Ф. 06. Оп. 02. П. 20. Д. 226. Л.24–26. Машинопись, заверенная копия)

Приложение 7. Беседа Молотова с Гессом 13 ноября 1940 г

Сов. секретно

Особая папка

Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народного Комиссара иностранных дел тов. Молотова В. М. с заместителем Гитлера Гессом в Берлине 13 ноября 1940 года

Тов. Молотов спрашивает об учреждении, в котором он находится.

Гесс отвечает, что это связующий штаб, осуществляющий связь партии с государством.

Тов. Молотов говорит, что это в высшей степени интересное место в идейном и организационном отношении и было бы интересно в общих чертах узнать о его задачах. Ему известно, как построены взаимоотношения между партией и государством в СССР. Германия и СССР представляют собой молодые государства, и было бы интересно узнать, как решается этот вопрос в Германии.

Гесс отвечает, что центр партии находится в Мюнхене. Когда, говорит он, национал-социалисты пришли к власти, возникла необходимость контролировать работу министерств, в которых не было еще национал-социалистов. Из Мюнхена исходил национал-социалистический импульс. Затем встала задача замены всех чиновников национал-социалистами. Указом Гитлера был создан для этой цели связующий штаб, на который была возложена задача проверить всех чиновников, начиная с самых высших и кончая самым низшим чином – правительственным советником. Без согласия связующего штаба ни один чиновник не мог оставаться в своей должности. Кроме этого, партия была привлечена для разработки новых законов. Фюрер был перегружен и поэтому включил партию в дело издания законов. На связующий штаб пала задача наблюдать за подготовкой законов.

Все эти задачи центр партии в Мюнхене не мог выполнить, так как для этого был необходим контакт с министерствами.

Если употреблять коммерческий язык, говорит Гесс, то связующий штаб можно сравнить с филиалом Мюнхена.

Тов. Молотов интересуется, существует ли в партии центральный комитет, как в СССР.

Гесс отвечает, что эту роль выполняет съезд гауляйтеров и рейхсляйтеров.

Тов. Молотов спрашивает, существует ли в национал-социалистической партии центральный аппарат.

Гесс отвечает, что такой аппарат существует и находится в Мюнхене. Он возглавляет этот аппарат и выполняет две функции:

является членом правительства и начальником центрального аппарата партии.

Гесс спрашивает, как разрешается вопрос о связи партии с государством в СССР, существует ли в СССР связующий штаб.

Тов. Молотов говорит, что в СССР существует другая система взаимоотношений между государством и партией. В СССР не существует связующего штаба. Большинство руководителей и партии, и государства являются одними и теми же лицами. Но есть секретари ЦК и секретари областных организаций, которые занимаются чисто партийными делами. Они выполняют функции связующего штаба, подбирают и расставляют людей, которые у нас также проверяются. Мы имеем внутреннюю структуру партии, говорит тов. Молотов. Структура партии и государства у нас дана в двух документах: в Уставе и Конституции. Конституция определяет взаимоотношения между партией и государством.

Тов. Молотов говорит, что ему неизвестны подобные документы в отношении Германии. Его интересует, как этот вопрос разрешается в таком высокоорганизованном государстве, как Германия, так как он сам был до 1930 года, до назначения Председателем Совета Народных Комиссаров, Секретарем Центрального Комитета партии и 10 лет, так сказать, варился в этом соку.

Гесс отвечает, что взаимоотношения между партией и государством не изложены в специальных документах. Все еще находится в стадии текущего развития.

Тов. Молотов говорит, что это понятно.

Гесс говорит, что партия постепенно внедрялась в государство, так как в Германии, в высокоорганизованном государстве, нельзя было сразу заменить всех чиновников национал-социалистами. Национал-социалисты были в государственных учреждениях, но они были еще не опытны и должны были учиться. На местах, в отдельных провинциях, партия была представлена гауляйтерами, которые, ознакомившись и приобретя опыт государственной работы, были назначены затем государственными наместниками этих провинций.

Тов. Молотов заявляет, что в СССР и Германии много аналогичного, так как обе партии и оба государства нового типа. Поэтому он так интересовался этим вопросом.

Записал

В. Павлов

(АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 93–95. Подлинник) [18. С. 302–303]

А. О.: В этой беседе подчеркивается сходство СССР и Германии. На взгляд собеседников, обе страны являются молодыми государствами нового типа, молоды и их партии. У них «много аналогичного», по оценке Молотова. Подчеркнуто различие в отношениях между партией и государством в этих странах. В Германии партия, придя к власти, не

разрушала имевшийся государственный аппарат, а начала постепенно в него внедряться, принимая в партию тех госчиновников, которые разделяли ее идеи, и заменять на членов своей партии тех, кто этого не сделал (при этом перенимая от них искусство управления государством). В СССР же 100 % дореволюционных госчиновников были заменены членами пришедшей к власти партии.

Поэтому штаба партии, подобного мюнхенскому, в СССР нет, зато есть Центральный Комитет, членами которого являются руководители государственных наркоматов и ведомств. Нечто подобное имеется и в Германии, яркий пример этого являет сам Гесс – он заместитель фюрера по партии и руководитель партийного штаба, одновременно рейхсминистр без портфеля.

Приложение 8. Согласие на вступление СССР в пакт трех и превращение его в пакт четырех

Беседа Наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом

25 ноября 1940 г.

Особая папка

После ухода Шнурре т. Молотов перешел к вопросам, связанным с последней беседой с Риббентропом, происходившей в бомбоубежище. Тов. Молотов передал текст соглашения 4-х держав, продиктованный Риббентропом.

Хильгер, прочтя этот текст, сказал, что по смыслу он полностью соответствует тому, что говорил министр, но по формулировке несколько отличается.

Молотов отметил, что он передаст этот текст, поскольку в дальнейшем ходе беседы он будет на него ссылаться. Далее т. Молотов сказал, что то, что он сейчас будет говорить, еще не окончательно сформулировано и он передаст это своими словами, которые он просит Хильгера записать и передать в Берлин.

Тов. Молотов сообщает условия, на которых Советский Союз согласен принять в основном проект пакта 4-х держав, а также говорит о тех выводах, которые исходят из этого сообщения.

В заключение т. Молотов говорит, что германской стороной был предложен один открытый текст и 2 секретных протокола. Советская сторона готова принять за основу предложенный текст и предлагает составить 5 секретных протоколов [\[238\]](#).

Шуленбург говорит, что он немедленно передаст в Берлин предложения советской стороны. Он полагает, что в вопросе о Турции могут встретиться некоторые трудности. Молотов указывает, что советская сторона сформулировала свои предложения: т. Деканозов, который завтра направляется в Берлин, будет иметь с собой все необходимые указания, а также содержание предложений советской стороны. В случае необходимости он сможет дать нужные объяснения. Т. Молотов спрашивает, все ли ясно г. Шуленбургу и не нужно ли каких разъяснений.

Шуленбург отвечает, что все ясно.

На этом беседа закончилась.

Беседу записал Богданов

В общей сложности беседа продолжалась 3 часа.

Приложение

СССР согласен принять в основном проект пакта четырех держав об их политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи, изложенный г. Риббентропом в его беседе с В. М. Молотовым в Берлине 13 ноября 1940 года и состоящий из 4 пунктов, при следующих условиях:

1. Если германские войска будут теперь же выведены из Финляндии, представляющей сферу влияния СССР, согласно советско-германского соглашения 1939;

2. Если в ближайшие месяцы будет обеспечена безопасность СССР в Проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР, и организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды;

3. Если центром тяжести аспирации СССР будет признан район к югу от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу;

4. Если Япония откажется от своих концессионных прав по углю и нефти на Северном Сахалине на условиях справедливой компенсации.

Сообразно с изложенным должен быть изменен проект протокола к Договору 4-х держав, представленный г. Риббентропом о разграничении сфер влияния, в духе определения центра тяжести аспирации СССР на юге от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу.

Точно так же должен быть изменен изложенный г. Риббентропом проект протокола – Соглашения между Германией, Италией и СССР и Турцией в духе обеспечения военной и военно-морской базы СССР у Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды с гарантией 3-х держав независимости и территории Турции в случае, если Турция согласится присоединиться к четырем державам.

В этом протоколе должно быть предусмотрено, что в случае отказа Турции присоединиться к четырем державам Германия, Италия и СССР договариваются выработать и провести в жизнь необходимые военные и дипломатические меры, о чем должно быть заключено специальное соглашение.

Равным образом должны быть приняты: третий секретный протокол между СССР и Германией о Финляндии; четвертый секретный протокол между СССР и Японией об отказе Японии от угольной и нефтяной концессий на Северном Сахалине; пятый секретный протокол между СССР, Германией и Италией с признанием того, что Болгария, ввиду ее географического положения, находится в сфере безопасности черноморских границ СССР, в связи с чем считается политически необходимым заключение пакта о взаимопомощи между СССР и Болгарией, что ни в какой мере не должно затрагивать ни внутреннего режима

Болгарии, ни ее суверенитета и независимости.

Из записи беседы В. М. Молотова с Риббентропом в Берлине 13 ноября 1940 г

Правительства государств – участников тройственного пакта, руководствуясь желанием установить новый порядок, содействующий благосостоянию народов, в интересующих их сферах с целью создания базиса для их сотрудничества пришли к соглашению о нижеследующем:

1. Согласно пакту трех держав Германия, Япония и Италия пришли к соглашению, что нужно воспрепятствовать расширению войны в мировой конфликт и что необходимо совместно работать для установления мира. Они объявили о своем желании привлечь к сотрудничеству с ними другие народы в других частях мира, поскольку эти народы согласны дать своим стремлениям то же направление. СССР заявляет о своей солидарности с этими целеустремлениями и решил со своей стороны политически сотрудничать с участниками пакта трех.

2. Германия, Италия, СССР, Япония обязуются уважать сферы взаимных интересов. Постольку, поскольку сферы этих интересов соприкасаются, они будут в дружественном духе договариваться по всем возникающим из этого факта вопросам.

3. Договаривающиеся стороны не будут поддерживать группировок, направленных против одной из них. Они обязуются поддерживать друг друга экономически и будут стремиться расширить свои экономические соглашения.

4. Это соглашение можно было бы заключить на продолжительный срок, скажем, на 10 лет.

К этому соглашению можно было бы добавить дополнительное секретное соглашение в какой-либо форме. В этом дополнительном соглашении можно было бы со ссылкой на открытое соглашение зафиксировать центры тяжести территориальных aspirations договаривающихся четырех сторон. Что касается Германии, то, кроме ревизий, которые должны быть проведены в Европе при заключении мира, центр тяжести ее aspirations лежит в Средней Африке. Что касается Италии, то, помимо европейских ревизий, ее aspirations будут распространяться на Северо-Восточную и Северную Африку. Центр тяжести aspirations Японии надо выяснить дипломатическим путем в переговорах с ней. Риббентроп предполагает, что aspirations Японии можно было бы направить по линии южнее Маньчжоу-Го и Японских островов. Что касается СССР, то этот вопрос можно было бы выяснить. Он предполагает, что центр тяжести aspirations СССР лежит в направлении на юг, т. е. – к Индийскому океану. Можно было бы это соглашение дополнить пунктом, в силу которого эти державы будут уважать обоюдные притязания.

Можно было бы подумать о втором дополнительном протоколе, в котором было бы зафиксировано следующее: Германия, Италия и СССР согласились во взглядах, что в их интересах привлечь Турцию к сотрудничеству с ними. Они обязуются вести в этом отношении одну и ту же политику. Германия, Италия и СССР будут действовать в том направлении, чтобы статут Монтре был бы заменен другим статутом. По этому новому статуту Советскому Союзу должны быть предоставлены права прохода ее военного флота через Проливы, в то время как другие державы, за исключением черноморских, Италии и Германии, должны отказаться от своих прав на пропуск своих военных судов через Проливы. При этом само собой разумеется, что Проливы остаются открытыми для всех торговых судов.

(АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 675. Л. 108–116. Машинопись, подлинник. Имеется помета: «Передано г. Шуленбургу мною 25 ноября 1940 г. В. Молотов». [1. С. 415–418])

А. О.:

1. Два вышеуказанных документа расположены в приведенном выше источнике (а скорее всего, и подшиты в архивном деле) с нарушением хронологической последовательности: второй документ от 13 ноября, а первый – от 25 ноября. Скорей всего, потому, что если бы они были приведены наоборот, была бы видна «положительная» динамика в решении этого вопроса, а так вопрос слегка затуманивается.

2. Не очень внятно объяснено появление у Молотова текста немецкого варианта соглашения о присоединении СССР к пакту трех – якобы его продиктовал Риббентроп 13 ноября 1940 г. в бомбоубежище. Это не очень похоже на истину – некоторые исследователи (например, Г. Городецкий), указывают, что Риббентроп там передал новые предложения, а это означает скорее, что они были переданы в виде текста, а не устного заявления.

3. Молотов тоже не передает Шуленбургу официальный письменный текст советского варианта пакта (да еще бы подписанный!), а лишь зачитывает его, с тем чтобы переводчик Хильгер записал. И следующим утром Шуленбург очень близко к молотовскому тексту, но своими словами все это довел до сведения Риббентропа шифровкой (см. [63. С. 496–497]). В ней же Шуленбург сообщил, что в этой беседе принимал участие Деканозов.

4. В тот же день (26 ноября) в Берлин выезжает назначенный решением Политбюро от 23 ноября 1940 г. полпредом вместо Шкварцева заместитель наркома иностранных дел Деканозов. Тут возможны два варианта: если Риббентропом (а фактически, Гитлером) советские дополнения были приняты, о чем Шуленбург немедленно сообщил бы

Молотову, то Деканозов уже мог везти с собой пакт, подписанный Молотовым. Если же оставался ряд мелких вопросов, то для этого и послали замнаркома, который должен был их разрешить, подготовив почву для последующего торжественного подписания (19 декабря 1940 г., принимая нового советского полпреда Деканозова в своем кабинете, Гитлер скажет ему, что «переговоры, которые происходили здесь с В. М. Молотовым, теперь, вероятно, будут продолжены в служебном порядке». И еще он скажет, что «думает теперь построить во дворце Бельвю более солидное бомбоубежище, так как имеющееся там недостаточно надежно для пребывания в этом дворце больших государственных деятелей. Я понял это как намек на то, что такие лица ожидаются в недалеком будущем в Берлине» (из дневника полпреда Деканозова).

Из всего этого можно предположить, что пакт в равной степени вероятности мог быть как подписан и вступить в действие, так и остаться не подписанным до 22 июня 1941 г.

Беседа полпреда СССР в Германии В. Г. Деканозова с рейхсканцлером Германии А. Гитлером

19 декабря 1940 г.

О предстоящем приеме у Гитлера и процедуре вручения верительных грамот из МИДа сообщили письмом накануне за подписью зам. шефа протокола Халем и по телефону.

В день приема в 12 часов 45 минут в Полпредство заехал с тремя машинами чиновник протокольного отдела Штрак, который затем следовал со мной в одном автомобиле. Остальные товарищи (советники Полпредства тт. Кобулов и Семенов, 1 секретарь т. Павлов, пом. военного атташе, капитан 2 ранга т. Воронцов) следовали на двух других машинах. Во дворе Имперской канцелярии был выстроен почетный караул, встретивший мой приезд барабанным боем. В канцелярии меня встретили начальник канцелярии Гитлера министр Мейсснер и заместитель шефа протокола Халем.

В кабинет Гитлера, в котором в первый раз происходила беседа т. В. М. Молотова с Гитлером, вошли я, т. Павлов, Мейсснер, Халем и переводчик с немецкой стороны Вермюлен. В кабинете присутствовал, кроме Гитлера, также министр иностранных дел Риббентроп. Я вручил Гитлеру верительные грамоты, сказав при этом: «Господин Рейхсканцлер, я имею честь вручить вам свои верительные грамоты, которыми Президиум Верховного Совета Союза ССР аккредитует меня при вас в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла Союза ССР». Приняв верительные грамоты и поздоровавшись со мной, Гитлер

предложил сесть.

Спросил, прибыл ли я с семьей. Я ответил, что скоро ожидаю ее приезда. Далее Гитлер сказал, что теперь время чрезвычайно напряженное, он очень занят и потому не имел возможности принять меня раньше. Он сказал также, что в этих условиях вручение верительных грамот иногда затягивается на 2–3 месяца. Я ответил, что мне это понятно, что особых трудностей я не испытывал, добавил, что я нахожусь в распоряжении Рейхсканцлера. Гитлер сказал далее, что переговоры, которые происходили здесь с В. М. Молотовым, теперь, вероятно, будут продолжены в служебном порядке. Я сказал, как это угодно будет Рейхсканцлеру, я всегда готов к переговорам. Гитлер заявил, что он думает, что эти переговоры должны продолжаться нормальным путем, от времени до времени, когда это нужно будет, он будет вмешиваться.

Я подтвердил, что такая договоренность между Молотовым и Риббентропом была в последнюю их беседу, что я нахожусь в курсе как тех переговоров, которые велись, так и того ответа, который был дан т. Молотовым от имени Советского правительства на предложения, переданные в Берлине господином Риббентропом, что я мог бы дать необходимые разъяснения по вопросам, изложенным в этом ответе, если бы в этом представилась надобность, а также по другим вопросам, которые могли быть у господина Риббентропа или у Германского правительства. Гитлер заметил, что было бы очень хорошо, чтобы я присутствовал тогда при переговорах.

Затем он спросил, происхожу ли я из той местности, где родился Сталин, знаком ли я со Сталиным издавна по совместной революционной работе. Я ответил, что родители мои происходят из той же местности Грузии, где родился Сталин, сам я родился в Баку, совместную революционную работу в Грузии со Сталиным не вел, сказал, что мне 42 года, а т. Сталину около 61 года.

Гитлер сказал, что я самый молодой посол в Берлине. В былые времена раньше 65 лет никто не становился послом, теперь все изменилось. Я заметил, что в Германии теперь также происходит выдвижение молодых кадров на разные отрасли государственной работы. Гитлер подтвердил это и сказал, что раньше было обычно так, что нельзя было стать послом или генералом, не достигнув примерно 65 лет, а теперь они находят, что генералы в 65 лет уже слишком стары.

Затем Гитлер поинтересовался, имеется ли в Полпредстве бомбоубежище. Я ответил, что имеется плохое, по существу это простой подвал. Гитлер сказал, что может предоставить в мое распоряжение своего крупнейшего специалиста по этим вопросам министра Тодта – строителя автострад в Германии. Я поблагодарил Гитлера. Вмешавшись в беседу, Риббентроп сказал, что я все дальнейшие детали этого дела могу обсудить с ним. Я сказал, что перед отъездом из Москвы получил указание В. М. Молотова в случае необходимости заняться этим делом, т. е. постройкой бомбоубежища. Я спросил Гитлера, советует ли он мне строить бомбоубежище. Гитлер

ответил, что нельзя успокаиваться. Зенитная артиллерия в Берлине представит сильную защиту от налетов, но все же 1–2 самолета смогут прорваться. Он добавил, что думает теперь построить во дворце Бельвю более солидное бомбоубежище, так как имеющееся там недостаточно надежно для пребывания в этом дворце больших государственных деятелей. Я понял это как намек на то, что такие лица ожидаются в недалеком будущем в Берлине.

Говоря о Тодте, Гитлер пришел в возбуждение как от качеств этого специалиста, так и плодов его работы. Он щелкнул пальцами и при этом сказал, что Тодт построил на заводе 22 000 бункеров и ни один из них не был поврежден, хотя они и находились под обстрелом.

Разговор зашел об автострадах. Гитлер сказал, что до войны они ежегодно строили 1 000 километров автострад, война этому помешала. Обратившись затем к Риббентропу, он спросил его, говорил ли тот со мной по политическим вопросам. Риббентроп ответил Гитлеру, что посол Деканозов спрашивал его, что известно Германскому правительству о намечающемся соглашении между Швецией и Финляндией по вопросу о слиянии внешнеполитической деятельности этих стран и что он, Риббентроп, ответил мне, что им об этом ничего неизвестно, Гитлер это выслушал молча и только кивнул головой. Далее Риббентроп сказал, обращаясь ко мне, что он примет меня для беседы на будущей неделе.

На этом беседа окончилась. Затем в комнату, где происходила беседа, впустили приехавших со мной сотрудников Полпредства, и я представил их Гитлеру.

После этого я, попрощавшись с Гитлером и Риббентропом, выехал обратно в Полпредство.

Прием продолжался 35 минут.

В. Деканозов

(АВП РФ. Ф. 082. Оп. 23. П. 95. Д. 6. Л. 268–272. Машинопись, заверенная копия. Указана рассылка [1. С. 455–457])

Приложение 9. Операцию «Морской лев» не отменяли

Источник: <http://www.newsru.com/world/22apr2005/gitler.html>

Неизвестные факты: в 1941 году Гитлер тайно планировал уехать в Великобританию

Время публикации: 22 апреля 2005 г. 07.05

На британском аукционе Mullock Madeley выставлен лот с секретными документами вермахта, которые опровергают принятое мнение о том, что Гитлер в 1940 году отказался от планов вторжения в Великобританию.

Эти документы в 1945 году нашел один из британских военнослужащих на одном из брошенных нацистами постов в Бельгии и привез их домой в качестве сувенира с войны. Его семья, которая живет на южном побережье Великобритании, на протяжении 60 лет хранила эти выцветшие от времени бумаги, но недавно решила их продать. Пакет содержит 13 подробных крупномасштабных карт, включая стратегические объекты страны. К ним прилагаются шесть брошюр с обзорной информацией о Великобритании. Среди документов карты местности, на которых железнодорожные станции, электростанции и мосты помечены в качестве целей для люфтваффе. На каждой карте указаны водные пути, главные дороги, электроустановки и электростанции с разделением на зоны вторжения. Некоторые из них снабжены фотографиями целей для бомбардировок в юго-восточной Англии и Лондоне, в частности, это завод двигателей Ford в Дагенхэме.

Однако самый большой интерес экспертов вызвал тот факт, что на картах помечено место в британском захолустье, куда, по их мнению, Гитлер собирался перенести свою ставку на время вторжения.

Как пишет The Telegraph, им должен был стать ничем не примечательный тихий городок Бриджнорс на юго-востоке графства Шропшир. В секретных документах отмечается, что для фюрера в городе есть все, что нужно. Вплоть до норманнского замка, для которого скрупулезные немцы составили описание: покосился, поскольку пострадал в ходе сражений во время гражданской войны.

Как рассказал аукционный эксперт Ричард Вествуд-Брукс, он рот раскрыл от удивления, когда увидел документы. Некоторые из них датированы 1941 годом, что ставит под сомнение данные, будто Гитлер отказался от всех планов вторжения в страну после воздушной «битвы за Англию». По словам эксперта, «эти планы вторжения, без сомнения, являются одними из самых важных документов времен Второй мировой войны, которые выставляются на аукцион за последние годы. Карты определенно подлинные».

По словам Вествуд-Брукса, документы не извлекались на свет более 30 лет.

Принято считать, что Гитлер планировал вторжение в Великобританию в 1940 году, но отказался от замыслов после того, как королевские ВВС разгромили люфтваффе в небе над графством Кент. Однако тот факт, что некоторые документы датированы 1941 годом, то есть год спустя после «битвы за Англию», ясно показывает, что Гитлер продолжал вынашивать планы завоевания туманного Альбиона.

Приложение 10. Варианты боевых действий Германской армии против СССР

Докладная записка начальника РУ ГШ КА генерал-лейтенанта Голикова

б/н 20 марта 1941 г.

Большинство агентурных данных, касающихся возможностей войны с СССР весной 1941 года, исходит от англо-американских источников, задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление ухудшить отношения между СССР и Германией. Вместе с тем, исходя из природы возникновения и развития фашизма, а также его задач – осуществление заветных планов Гитлера, так полно и «красочно» изложенных в его книге «Моя борьба», краткое изложение всех имеющихся агентурных данных за период июль 1940 – март 1941 года заслуживают в некоторой своей части серьезного внимания.

За последнее время английские, американские и другие источники говорят о готовящемся якобы нападении Германии на Советский Союз. Из всех высказываний, полученных нами в разное время, заслуживают внимания следующие:

1. Геринг якобы согласен заключить мир с Англией и выступить против СССР.

2. Японский ВАТ^[239] передает, что якобы Гитлер заявил, что после быстрой победы на западе он начинает наступление против СССР.

3. В Берлине говорят о каком-то крупном разногласии между Германией и СССР. В связи с этим в германском посольстве говорят, что после Англии и Франции наступит очередь за СССР.

4. Турецкая газета «Сон Поста» сообщает, что германский командующий войсками в Австрии, обращаясь к войсковым частям, заявил, что главным врагом Германии являются русские и что на германских солдат может быть возложена задача еще большего расширения границ Германии.

5. Американский посол в Румынии в своей телеграмме в Вашингтон сообщает, что Джигуржу имел беседу с Герингом, в которой последний сказал, что если Германия не будет иметь успеха в войне с Англией, то она вынуждена будет перейти к осуществлению своих старых планов по захвату Украины и Кавказа.

6. Германский ВАТ высказал, что после окончания войны с Англией немцы помогут Финляндии получить обратно потерянную территорию.

7. Гитлер намерен весной 1941 года разрешить вопрос на Востоке.

8. В беседе с югославским ВАТ в Москве последний говорил, что

Финляндия – это зона интересов СССР. Недавно советник германского посольства в Москве Гильгер прямо сказал, что финны храбро дрались зимой и они их русским не отдадут. За последнее время немцы подстрекают немцев^[240] против русских. Финны уже поговаривают о том, что «граница с СССР еще не окончательная, посмотрим, что будет после заключения мира в Европе».

9. Югославский ВАТ считает, что среди немцев имеются два течения: первое – СССР в настоящее время слаб в военном и внутреннем отношениях, и настаивают на том, чтобы использовать удобный момент и вместе с Японией покончить с СССР и освободиться от пропаганды и от «дамоклова меча», висящего все время над Германией; второе – СССР не слаб, русские солдаты сильны в обороне, что доказано историей. Рисковать нельзя. Лучше поддерживать с СССР хорошие отношения.

10. Английские и французские журналисты утверждают, что в Германии происходит какая-то расстановка сил. В Стокгольме велись переговоры между Германией и Англией, представителем от Англии был Ллойд Джордж, но что эти переговоры ни к чему не привели. Греческий журналист сообщил, что в Мадриде в июле 1940 года имели место переговоры между Германией и Англией и что Германия недовольна СССР, так как последний предъявляет какие-то новые требования.

11. Данные Германией и Италией гарантии о границе Румынии направлены исключительно против СССР. Эти гарантии дополнены военным соглашением между Германией и Румынией. Этими гарантиями проникновению СССР на Балканы будет положен конец.

12. Министр иностранных дел Румынии Струдза старался убедить Гантера^[241] внести предложение Рузвельту о мире между Германией и СССР. Гитлер хочет мира, так как его терпение к СССР почти истощилось и что СССР полностью будет подготовлен к войне только в 1942 году. Он же сказал, что неофициально мирные переговоры ведутся в Стокгольме, Мадриде и Ирландии.

13. Среди немецких офицеров ходят слухи о том, что в феврале 1941 года в своем выступлении в «Спортпаласе» на выпуске офицеров Гитлер сказал, что у Германии имеются три возможности использования своей армии в 228 дивизий: для штурма на Англию; наступление в Африку через Италию, и против СССР.

14. Столкновение между Германией и СССР следует ожидать в мае 1941 года. Источником подчеркивается, что это мнение высказывается как в военных кругах, так и в кругах министерства иностранных дел. Никто не реагирует одобрительно на эти планы. Считают, что распространение войны на СССР только приблизит конец национал-социалистического режима. Это мнение высказывает и племянник Браухича, который занимает видный пост в министерстве иностранных дел.

15. Шведский ВАТ в подтверждение сведений о подготовке наступления против СССР весной 1941 года подчеркнул, что сведения

получены от военного лица и основаны на сугубо секретном приказе Гитлера, который известен ограниченному кругу ответственных лиц.

Руководитель восточного отдела министерства иностранных дел Шлиппе сказал, что посещение Молотовым Берлина можно сравнить с посещением Бека. Единомыслия достигнуто не было ни в вопросе о Финляндии, ни о Болгарии.

Подготовка наступления против СССР началась значительно ранее визита Молотова, но одно время оно было приостановлено, так как немцы просчитались в своих сроках победы над Англией. Весной немцы рассчитывают поставить Англию на колени, развязав тем самым себе руки на Востоке.

16. Для борьбы с Англией достаточно тех сил, которые сосредоточены на канале, а остальные силы свободны для борьбы против СССР. Выступление необходимо для того, чтобы создать ясность на Востоке и ликвидировать постоянную опасность того, что СССР может выступить на стороне Англии, а также захватом Украины обеспечить Европу продуктами питания.

Из наиболее вероятных вариантов действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимания следующие:

1. Вариант № 1 по данным анонимного письма, полученного нашим полпредом в Берлине от 15 декабря 1940 года (приложение № 1):

«...основное направление удара: а) от Люблина по Припяти до Киева; б) из Румынии между Яссы и Буковиной в направлении Тетерев, и в) из Восточной Пруссии на Мемель, Виллинг, р[ека] Березина и далее вдоль Днепра на Киев»;

2. Вариант № 2 по данным КОВО от декабря 1940 года (приложение № 2):

«...Три главных направления удара: а) из Восточной Пруссии в направлении Литвы, Латвии и Эстонии. Этот удар имеет те преимущества, что Литва, Латвия и Эстония сразу же становятся союзниками Германии. Кроме того, Финляндия сразу же присоединяется к Германии, чтобы отнять забранную территорию; б) через Галицию и Волынь. Эта группа войск будет иметь поддержку украинцев и в[ойск] из Румынии, которая будет стремиться захватить отобранную у нее территорию.

Группа войск 2-го и 3-го направлений окружает войска противника в Мало-Польше. На остальном участке наносятся вспомогательные удары на фронтальном направлении с целью очищения всей остальной территории.

На Востоке СССР будет связан с Японией, что является для Германии плюсом, так как противник должен создать сразу два фронта, а поэтому концентрация его сил против Германии невозможна».

3. Вариант № 3 по данным нашего агентурного донесения на февраль 1941 года (приложение № 3):

«... Для наступления на СССР создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бок наносит удар в направлении Петрограда, 2-я группа под командованием генерал-

фельдмаршала Рунштудт – в направлении Москвы, и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееб – в направлении Киева.

Начало наступления на СССР ориентировочно 20 мая».

Кроме этих документов, по данным других источников, известно, что план наступления против СССР будет заключаться в следующем:

а) после победы над Англией Германия, наступая против СССР, предполагает наносить удар с двух флангов: охватом со стороны севера (имеется в виду Финляндия) и со стороны Балканского полуострова;

б) коммерческий директор германской фирмы «Тренча майне Лимитед» [заявил, что] нападение на СССР произойдет через Румынию. Для этого Германия строит шоссе из Протектората через Словакию в Венгрию с целью переброски войск к советской границе. Венгрия и Румыния разрешили Германии пользоваться всеми путями сообщения для переброски войск, а также разрешили ей строить новые аэродромы, базы для мотомехчастей и склады для амуниции. Венгрия разрешила Германии пользоваться частью своих аэродромов. Все румынские войска и военно-технические сооружения находятся в распоряжении германского командования;

в) югославский в[оенный] ат[таше] Смилович (?) заявляет, что, разрешая балканский вопрос, трудно представить, куда немцы направят свое острие, но он лично убежден, что все это предшествует нападению на СССР. Сам факт выхода немцев в Дарданеллы является прямым актом против СССР. Вообще, Гитлер никогда не изменял своей программе, изложенной в книге «Моя борьба», и эта программа является основной целью войны. Дружбой Гитлер пользуется как средством, дающим ему возможность решить задачу переустройства Европы;

г) по сообщению нашего ВАТ от 14 марта, в Румынии упорно распространяются слухи о том, что Германия изменила свой стратегический план войны. В разговоре с нашим источником немецкий майор заявил: «Мы полностью изменяем наш план. Мы направляемся на Восток, на СССР. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть. Тогда мы будем непобедимыми и можем продолжать войну с Англией и Америкой». Полковник Ришану, бывший товарищ министра в Румынии, в личной беседе с нашим источником сказал, что главный штаб румынской армии вместе с немцами занят сейчас разработкой плана войны с СССР, начала которого следует ожидать через три месяца.

Немцы опасаются выступления СССР в тот момент, когда они пойдут в Турцию. Желая предупредить опасность со стороны СССР, немцы хотят проявить инициативу и первыми нанести удар, захватить наиболее важные экономические районы СССР, и прежде всего Украину.

д) по сообщению нашего ВАТ из Берлина, по данным вполне авторитетного источника, начало военных действий ПРОТИВ СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года.

1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным

сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки.

Начальник Разведывательного управления Генерального штаба
Красной Армии

генерал-лейтенант (Голиков)

*(ЦА МО РФ. Оп. 14750. Д. 1. Л. 12–21. Рукопись, заверенная копия.
Имеются пометы и исправления. Приложена карта-схема возможных
вариантов нападения Германии на СССР [1. № 327])*

Приложение 11. Создание радиоуправляемых самолетов

Начальный этап

Источник: Уголок неба – авиационная энциклопедия (www.airwar.ru/enc/bww1/tb1.html)

...Остехбюро занималось не только минами и торпедами. Там разрабатывали и различные радиоуправляемые устройства. Проект под шифром «Дедал» предусматривал пилотирование ТБ-1 с помощью радиосигналов. В перспективе он должен был стать беспилотным бомбардировщиком, своего рода летающей управляемой бомбой.

В 1933 г. работы достигли стадии, когда машина с этой аппаратурой уже могла летать. Опытным образцом послужил ТБ-1 № 750. На нем установили автопилот АВП-2, сопряженный с приборами управления по радио. Сначала опробовали только автопилот. Затем перешли на управление по радио (но опять с присутствием на борту летчика). После попробовали атаковать условную цель – перекресток шоссе и железной дороги в Химках.

Впоследствии на ТБ-1 опробовали много различных автопилотов и несколько усовершенствованных систем радиоуправления. В июле 1935 г. заместитель наркома обороны М. Н. Тухачевский утвердил задание на комплекс, получивший позже обозначение ТМС-36. Он состоял из двух «телемеханических» (радиоуправляемых) ТБ-1 и самолета наведения ТБ-3. «Летающие бомбы», загруженные взрывчаткой или ОВ, поднимались в воздух пилотами, выбрасывавшимися затем на парашютах. Дальше к цели их вели операторы с борта ТБ-3, шедшего сзади в отдалении 10–20 км.

Задача была решена, опытные самолеты построены и испытаны, но на вооружение ТМС-36 не приняли. Надежность системы по-прежнему оставалась недостаточной. Лишь в конце 1930-х гг. удалось предъявить более-менее пригодную к боевому применению «летающую бомбу». В мае 1939 г. Военному совету ВВС продемонстрировали полеты ТБ-1 № 712, управляемого по радио от взлета до посадки. Экипажа на самолете не было. В акте комиссия записала: «Проведенные испытания доказали, что впервые в СССР... разрешена проблема создания телемеханического самолета...». Полученный опыт помог при проектировании других, более современных, радиоуправляемых машин...

2. Испытания телемеханического самолета с радиотелемеханической линией

Источник: сайт «Авиапромышленность СССР в 1941 году

4 апреля 1941 г. Зам. наркома обороны генерал-лейтенант авиации Рычагов утвердил Акт N 41180 утверждения результатов гос. испытаний опытного телемеханического самолета ТБ-3 4АМ-34-РН с радиотелемеханической линией, шифр «Беркут-1», разработанного по решению КО от 26 января 1940 г. за N 42сс заводом N 379 и НИИ-20 НКЭП

Цель испытаний

1. Определить соответствия разработанного телемеханического самолета заданным тактико-техническим требованиям.
2. Определение пилотажно-технических данных телесамолета.
3. Определение дальности действия и помехоустойчивости, в реальных условиях, радиотелемеханической линии управления.
4. Определение надежности и безотказности работы телемеханической аппаратуры самолетной автоматики и радиотелемеханической линии управления и оценка их эксплуатационных качеств.

Управление телесамолетом во время испытаний

Телесамолет ТБ-3 в начале испытаний управлялся от специального кнопочного пульта летчика, установленного на самолете. При нажатии одной из кнопок пульта летчика телесамолет автоматически выполнял заданную эволюцию.

После установления надежности работы аппаратуры автоматического пилотирования самолетом, при управлении от кнопочного пульта летчика, проводилось управление телесамолетом по радио со специального наземного командного пункта.

Оператор, находящийся на земле у пульта управления, передавал команду «взлет», по которой телесамолет производил автоматический взлет без всякого вмешательства летчика. На высоте 200–250 м самолет автоматически переходил в режим горизонтального полета и выполнял автоматически, без вмешательства летчика, все команды, подававшиеся по радио (виражи, выход на курс «НОРД», подъем, планирование, переход с одной скорости на другую и плоские довороты).

За время гос. испытаний телемеханический самолет совершил, без вмешательства летчика:

- два автоматических взлета по радио;
- восемь автоматических взлетов при управлении от кнопочного пульта на самолете;
- маршрутный полет на цель и возвращение на аэродром под радиоуправлением;
- высотный маршрутный полет до высоты 5 572 м и три маршрутных

полета при управлении от кнопочного пульта.

Всего на испытаниях передано по радио и выполнено телесамолетом 86 эволюций; от кнопочного пульта летчика подано и выполнено телесамолетом 250 эволюций.

Налет самолета под радиоуправлением 2 часа 50 мин.; под автоматическим управлением, от кнопочного пульта летчика – 12 часов 52 мин.

Заключение

1. Телемеханический самолет ТБ-3 завода N 379 с радиотелемеханической линией НИИ-20 НКЭП успешно прошел гос. испытания.

2. Разработанный телемеханический самолет ТБ-3 с радиотелемеханической линией управления по своим данным превосходит все ранее построенные в СССР телемеханические самолеты (ТМС ТБ-1 1935 г., ТМС ТБ-1 1939 г., ТМС У-2 1939 г.) [3281,120-141].

3. Телеуправление и другие эксперименты

Источник: <http://lib.rus.ec/b/217237/read>

Авиация и время 2007 № 03

ПАНОРАМА

В середине 1930-х гг. в Особом конструкторском бюро (Осконбюро) наркомата вооружений РККА (впоследствии опытный завод № 379) провели значительные работы по обеспечению радиоуправления самолетами. Для натурных экспериментов в начале 1938 г. ВВС предоставили три ТБ-1 (№ 692, № 712, № 772). На машине № 692 установили управляющую аппаратуру. ТБ-1 № 712 оборудовали как «телемеханический самолет», способный по командам с земли или другого самолета осуществлять взлет, посадку и различные эволюции в воздухе. ТБ-1 № 772 был оборудован системами управления, позволявшими использовать его в качестве радиоуправляемой бомбы. Штатную систему управления на самолетах сохранили, что позволяло пилотировать эти машины обычным образом.

С 23 ноября по 3 декабря 1938 г. на аэродроме в Кречевицах (20–30 км южнее Новгорода, где базировалась 2-я ТБАБ, прошли заводские испытания телемеханического самолета. В ходе их ТБ-1 № 712 выполнил 7 взлетов и 17 посадок по радиокомандам с земли и 5 посадок по командам с воздушного пункта ТБ-1 № 692. В целом эксперименты расценивались как удачные.

Проведение дальнейших испытаний по причине высочайшей секретности, а в случае неудачи ТБ-1 мог улететь в Финляндию,

решили перенести на аэродром Гумрак под Сталинградом. Туда все три ТБ-1 перелетели в мае 1939 г. 24 мая в Гумрак прибыла принимающая комиссия, которую возглавляли комбриг Бессонов и флаг-штурман ВВС Стерлигов.

На следующий день начались испытания. ТБ-1 № 712 поначалу выполнил телеуправляемый полет после набора высоты 600 м. Управление с земли осуществлялось на удалении до 25 км, а с ТБ-1 № 692 – на удалении 5 км. 28 мая самолет № 772 выполнил полет как летающая бомба. 29 мая ТБ-1 № 712 впервые совершил полностью беспилотный полет. По командам с земли прошли взлет, полет по кругу и благополучная посадка. В дальнейшем опыты продолжались с использованием самолетов СБ, ДБ-3 и ТБ-3.

Завод № 379 Ленинград

В Советском Союзе тоже велись работы по беспилотной технике. В 1935–1938 годах на заводе № 23 в Ленинграде разрабатывался проект телеуправляемого планера-торпедоносца ПСН (планер специального назначения). К цели два таких планера должен был доставлять самолет-носитель ТБ-3.

ПСН представлял собой небольшую летающую лодку, вооруженную одной торпедой или бомбой. Наведение собирались осуществлять инфракрасной системой или по телевидению. Практически построенные образцы ПСН оснащались несложным автопилотом. В конце 1939 г. изготовили новый планер того же назначения, ПСН-2 (его проектировал Н. В. Никитин). Он уже являлся деревянным монопланом на двух поплавках. И ПСН, и ПСН-2 проходили испытания, но доведены не были. Все эти работы закрыли в мае 1940 г., а занимавшееся ими ОКБ-21 расформировали.

Прорывные 40-е

В октябре 1933 г. в СССР на автопилотируемом самолете ТБ-3 совершили перелеты Москва – Клин – Москва и Москва – Одоев – Москва – Загорск – Москва. Общий курс выдерживался удовлетворительно, но скорость сильно колебалась, а несколько раз пилоту пришлось браться за штурвал.

На следующем этапе самолетом уже пытались управлять по радио (с присутствием на борту летчика). 13 октября 1933 г. автопилот отказал вообще, самолет самопроизвольно перешел в пикирование – и ситуацию спас только «настоящий» пилот. После ремонта автопилота испытатели попробовали атаковать условную цель – перекресток шоссе и железной дороги в Химках.

СССР смог за шесть лет с нуля создать полноценный ДПЛА, практически ликвидировав свое отставание в этой области. Насколько можно судить по документам, в 1940-м намечалось произвести 8

телемеханических самолетов – две «летающих торпеды», три самолета управления и три «полноценных» беспилотника с полным циклом взлет – полет – посадка. В начале 1941 г. телемеханический самолет ТБ-3 «Бомба» (очевидно, одна из летающих торпед) конструкции Р. Г. Чачикяна успешно прошел государственные испытания, два других его беспилотника – ТБ-3 и СБ – находились на заводских испытаниях на аэродроме Летно-исследовательского института (ЛИИ) в Раменском. Заводские испытания телемеханического самолета СБ инженера Неопалимого и УТ-2 инженера Никольского проводились в Ленинграде.

Государственные испытания этих машин были намечены на июль-август того же года. В дальнейшем предполагался выпуск серии телемеханических самолетов-мишеней и телемеханических бомбардировщиков – возможно, даже многоразовых. Потом началась война. Работы по изготовлению шести беспилотников на ленинградском заводе № 379 были остановлены, а аппаратура эвакуирована в Казань. Два отработанных образца ТБ-3 были переданы для использования в боевых действиях.

Источник:
<http://paavelpavel.livejournal.com>

ОСТЕХБЮРО

Перед началом Великой Отечественной войны институт принимал участие в создании телесамолетов ТБ-3, ДБ-3 и СБ, самолета-мишени УТ-1. НИИ-20 разрабатывал для самолетов телемеханические

радиолинии. Управление по радио полетом самолетов и бомбометанием с них производилось с самолета, а управление взлетом и посадкой самолетов – с аэродромных пунктов управления. Управление УТ-1 могло производиться с земли и с самолета. Работы эти велись под руководством С. Н. Гарнова при участии А. С. Андреева, Б. Н. Берсонова, К. П. Голубева, А. П. Земнорея, И. Т. Зубкова, Н. Т. Исаенко, И. И. Кирильцева, А. Ф. Махотина, М. А. Менделевича, Д. С. Романова, И. В. Филиппова, А. А. Фина.

4. Филиал завода № 379 после начала войны

Источник: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/_go/anonymous/main/

Докладная записка директора филиала завода № 379 В. Т. Быстрова в Татарский обком ВКП(б) о работе филиала.

1 апреля 1942 г.

Завод № 379 НКАП, организованный на базе бывшего особого конструкторского бюро, до 1941 года являлся опытным заводом Наркомата авиапромышленности, выполняя крупные опытные работы по авиационной автоматике (телемеханические самолеты, планирующие торпеды, автоматика дистанционного управления оружия на самолете, автоматизация авиационных прицелов).

Загрузка филиала завода № 379, эвакуированного в г. Казань из г. Ленинграда, в настоящее время состоит:

I. По авиационным работам

1. Подготовка и проведение боевого использования телесамолетов (2 самолета ТБ-3, 1 самолет СБ). Вся автоматика этих телесамолетов проектировалась и изготовлялась на заводе № 379, самолеты прошли государственные испытания, и в настоящий момент завод совместно с ВВС Красной Армии проводит их боевое применение.

2. Изготовление 4-х образцов автоматических прицелов для самолета 103 по заказу главного конструктора тов. Туполева. Прицелы были изготовлены на заводе № 379, прошли лабораторные испытания с хорошими результатами. При транспортировке в г. Омск для летных испытаний были уничтожены вражеской авиацией.

3. Изготовление 10-ти образцов систем автоматического управления хвостовым пулеметом на самолете Пе-2 из герметической кабины. Заказ главного конструктора тов. Петлякова. Установка была закончена, прошла полигонные испытания. Погибла при транспортировке в г. Казань.

4. Проектирование и изготовление дистанционного управления спаренным оружием из герметической кабины самолета 102 по заказу завода № 156.

5. Проектирование и изготовление посадочного альтиметра малых высот по заказу оборонной секции Академии Наук СССР.

6. Проектирование и изготовление аппаратуры для двух телесамолетов, летающих торпед по заказу Наркомата Военно-Морского Флота.

II. Загрузка завода по серийной продукции

1. Изготовление принимающих приборов ПУАЗО-3 (приборы для зенитной артиллерии). Указанные приборы завод начал изготавливать в 1941 г. и поставляет их заводам Наркомсудпрома, которые являются генеральными поставщиками всей системы ПУАЗО. Продукция изготавливается по чертежам завода № 205 Наркомсудпрома.

Завод, как по составу своих кадров, так и по опыту работ, является заводом авиационным, имеет сильное конструкторское бюро, летно-испытательную группу и опытные кадры механиков-специалистов по авиационной автоматике.

В случае передачи завода в систему НКСП вышеуказанные авиационные работы будут прекращены, кадры распылены, и многолетний опыт работ по телесамолетам будет потерян, что приведет к прекращению работ в этой области.

Директор филиала завода № 379 Быстров

*(ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 469. Л. 37, 38.
Подлинник)*

А. О: Есть сведения о боевом применении советских радиоуправляемых самолетов осенью 1941 года. При попытке уничтожить мост в районе Вязьмы управляющий самолет был обстрелян и из-за повреждения антенны не смог вывести на цель управляемый самолет (в результате неуправляемого полета он где-то упал и взорвался). При аналогичной атаке моста в районе Калинина (Тверь) все прошло успешно и мост был поражен.

Приложение 12. Записка Военного совета КОВО начальнику Генштаба Красной Армии генералу армии Г. К. Жукову

№ А1-00209

[не позднее 12 апреля 1941 г.]

Совершенно секретно

Особой важности

Экз. № 1

Постройка подземного командного пункта в г. Тарнополь не закончена. Тарнополь – небольшой город, без каких-либо естественных укрытий с воздуха и является поэтому весьма удобным объектом для авианападения. Кроме того, близость расположения этого пункта от наиболее угрожаемых участков госграницы (Сокаль – Тарнополь 140 км и Черновицы – Тарнополь 170 км) при относительно небольшом успехе противника, в период ведения нами операции прикрытия, может создать невыгодные условия для непрерывного управления войсками.

Исходя из этих соображений, Военный совет округа просит разрешения впредь до готовности подземного командного пункта в г. Тарнополь на период прикрытия расположить командный пункт Командующего войсками в г. Новоград-Волынский.

В военном городке этого города имеется железобетонный командный пункт армейского типа, который позволяет разместить в нем Военный совет, оперативный отдел и основную часть узла связи. Для размещения остальной части управления округа с успехом можно использовать казармы военного городка. Имеющийся парк и рассосредоточенное расположение казарм городка позволяют тут же вблизи от помещений отрыть необходимое количество щелей для укрытия личного состава в периоды воздушного нападения.

На случай интенсивных авианападений имеется возможность создать запасной командный пункт в Гульск (12 км ю[го]-з[ападнее] Новоград-Волынского), где для этой цели можно использовать две подземные мины Новоград-Волынского УР. В последних можно разместить Военный совет, оперативную группу штаба округа с начальниками родов войск, штаб ВВС в сокращенном составе и полностью узел связи.

Военный совет считает, что наличие благоприятных условий размещения командного пункта в Новоград-Волынском и более глубокое его расположение от угрожаемых участков госграницы при имеющихся хороших путях сообщения с армиями вполне обеспечат бесперебойное

управление войсками при любом колебании линии фронта.

Командующий войсками КОВО
генерал-полковник Кирпонос

Член Военного совета КОВО
корпусный комиссар Вашугин

Начальник штаба КОВО
генерал-лейтенант Пуркаев

(ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 261. Л. 24–25. Машинопись на бланке: «НКО СССР. Командующий войсками Киевского Особого Военного Округа». Имеются пометы Г. К. Жукова: «т. Ватутину. Заготовить шифротелеграмму следующего содержания: Основной к/п иметь в районе Тарнополь. Запасной не возражаю Новоград-Волынский. Подготовьтесь к переходу на ком. пункт. 12.04.41 г.» и Н. Ф. Ватутина: «Лично т. Анисову. Исполнено. Указания даны. 16.06. 41 г.». Документ отпечатан полковником Баграмян)

А. О: Тот факт, что полевое управление КОВО – ЮЗФ было выведено 18–21 июня 1941 г. в Тарнополь (Тернополь), где ничего не было готово для его размещения, хотя имелся абсолютно готовый вариант в Новоград-Волынском, свидетельствует о том, что в Тарнополе оно и не должно было долго находиться. Просто там после проведения последних мероприятий по подготовке Великой транспортной операции должна была начинаться «перешитая» на европейскую железнодорожная колея, и следовательно, там предстояла погрузка в эшелоны, следующие за границу для участия в этой операции. Этот документ еще раз подчеркивает мудрость Кирпоноса, Вашугина и Пуркаева и последовательность и правильность их действий в предвоенные месяцы по подготовке округа к возможному удару со стороны Германии.

Приложение 13. Информация Разведуправления Генштаба Красной Армии о Германской армии. 25/26 апреля 1941 г

Записка советского военного атташе в Германии начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии генерал- лейтенанту Голикову

25/26 апреля 1941 г.

За 3,5 месяца моего пребывания здесь я послал Вам до полутора сотен телеграмм и несколько десятков письменных донесений, различных областей различной достоверности и различной ценности. Но все они являются крупинками ответа на основной вопрос:

Стоит ли, не в качестве общей перспективы, а конкретной задачи, в планах германской политики и стратегии война с нами; каковы сроки начала возможного столкновения; как будет выглядеть германская сторона при этом?

Я привел количество посланных донесений. Вы не заподозрите, что я плодovitость на донесения отождествляю с чем-то положительным в работе. Но изучение всего, что за 3,5 месяца оказалось допустимым, привело меня к определенному выводу, который и докладываю Вам.

Если окажется, что с изложением этих моих выводов я ломлюсь в открытую дверь – меня это никак не обескуражит.

Если я в них ошибаюсь и Вы меня поправите – я буду очень благодарен.

Советско-японский пакт о нейтралитете, на мой взгляд, явился своего рода проявителем курса германской политики в адрес Советского Союза.

Приезду Мацуока предшествовали:

а) Распространение среди всех слоев населения и иностранных политиков и разведчиков утверждений, что война между СССР и Германией неизбежна.

б) Действительное сосредоточение войск на востоке; действительная инженерная подготовка восточного театра; действительная эвакуация немецкого населения из восточных районов.

в) Открыто подчеркнутое игнорирование наших интересов в своей балканской политике.

г) Толкование визита Мацуока в Москву только как транзитной неизбежности, а его визита тт. Молотову и Сталину как визита признательности за представленный ему вагон или поезд от

Владивостока до германской границы.

Приезд Мацуока сопровождался:

а) Продолжением той же пропаганды неизбежности столкновений Германии с СССР, и в этот период пропаганда достигала размеров ажиотажа.

б) Пропагандой, что содержанием переговоров с Мацуока является установление контакта между Германией и Японией в одновременном выступлении этих стран против Советского Союза.

в) Продолжением сосредоточения войск на востоке и демонстративной популяризацией этих мер.

Второе пребывание Мацуока в Москве, до того как появился пакт, не освещалось никак, кроме минимально необходимых хроникерских сообщений.

Появление пакта, видимо, ошеломило германские круги, так как надо было изобретать новую трактовку европейским миссиям Мацуока.

Надо отдать справедливость – новая трактовка была сформулирована очень быстро:

а) Берлинские и римские встречи Мацуока вооружили его столь широкими политическими перспективами, что Московский пакт является лишь первой ласточкой грядущих побед держав «оси».

б) Блестящая победа Мацуока в Москве. (Над кем победа и за что шла борьба?)

в) Советско-японский пакт продиктован Москве Берлином. Этот пакт знаменует собой новый этап отношений между Германией и СССР и характеризуется капитуляцией последнего.

Среди корреспондентов, штатских и военных дипломатов, среди всех кругов своего населения с немецкой энергией начинается пропаганда версии, будто угроза столкновения отдалена тем, что СССР капитулировал и теперь вряд ли попытается проводить свою политику там, где уже присутствует политика Германии.

8.4. я в ресторане встретился с известным Вам «Хозяином». Он мне сказал, что очень рад, что сейчас германо-советская атмосфера неизмеримо лучше, чем в период последней нашей встречи. (А последняя встреча была в период, когда слухи о войне с нами текли со всех сторон широким потоком. Он тогда говорил, что он всем этим удивлен, поражен, не хочет этому верить, не знает, что все это значит, и т. д. в этом духе).

Теперь, заявил он, угроза столкновения снята.

На мою реплику – разве она была реальной? – он ответил утвердительно и продолжал, что заключением пакта с Японией СССР вновь стабилизировал свои отношения с Германией.

Я сказал, что мне непонятно все, что он говорил, т. к. я считал и считаю, что отношения между СССР и Германией определены договорами между ними самими непосредственно и пакт с третьей стороной не может играть роль барометра.

Ответ он начал с заявления, что авторство всего, что он сейчас скажет, принадлежит не его домыслам, а человеку, который фактически

почти единолично решает судьбы Германии. (Я понял, что речь идет о Геринге.)

Прямо на высказанную мною мысль он не ответил, но изложил буквально программную тираду.

1. Взаимоотношения СССР и Германии мыслимы лишь как хозяйственный контакт. Контакта политического быть не может из-за контрастности социальных систем.

2. Германия в ведущейся войне борется за жизненно необходимое ей пространство. У СССР этого пространства с избытком в пределах его границ, и, следовательно, вмешательство СССР в зоны интересов Германии может объясняться не жизненными интересами, а агрессивной противогерманской политикой, как политикой одной системы против другой системы.

Попытка СССР противопоставить жизненным интересам Германии свою политику в недавнем прошлом привела к обострению, которое сейчас рассеялось благодаря пакту. (Почему благодаря пакту, он и здесь не сказал.)

3. Сейчас перед Германией стоит задача добить Англию на внеевропейских театрах.

Для этого Германии нужна Турция. При сегодняшней ситуации на Балканах о позиции Турции не может быть двух мнений: она пойдет на все, что ей продиктует Германия, т. к. Англия утратила все остатки своего авторитета, а СССР не будет вмешиваться.

4. В хозяйственных взаимоотношениях СССР должен учитывать интересы Германии и обеспечивать эквивалентность обмена так же, как это учитывает Германия.

Германии нужен хлеб в таком количестве, которое обеспечивает ей победоносное ведение войны.

Далее он применил аллегорию следующего порядка: «Крысы, когда они голодны, прогрызают стальную броню, чтобы проложить дорогу к хлебу». Немцы же уже дошли до того, что их химики работают над тем, чтобы содержимое канализационных котлованов вновь сделать пригодным для обедов и ужинов.

Такова суть высказываний «Хозяйственника», заявившего, что это не его домыслы, а лица, государственную власть преимушего.

Что означает все вышеприведенное?

По-моему, оно означает, что немцы в программе своей политики каких-то не весьма отдаленных сроков имели выступление против нас. Япония по этой программе должна была выступить одновременно с Германией.

Московский пакт опрокинул генеральную суть этой программы (второй фронт).

Немцы, чтобы провал их этой политики не стал всеобщим очевидным, толкуют пакт как победу Берлина и чуть ли не поражение Москвы.

Избежать огласки этого провала Германия должна была прежде всего по мотивам внутривнутриполитического порядка.

Ведь неизбежность войны в самые близкие сроки вдальблизалась

всерьез широким слоям населения, и вдруг отсрочка. Этим именно и объясняются молниеносность, с какой берлинская версия Московского пакта охватила широкие слои населения, и антисоветская сущность самой версии.

Итак, если признать, что нападение действительно готовилось в близкие, конкретные сроки, то пакт, разрушив важнейший участок этих приготовлений, действительно отсрочил столкновение. Он отсрочил столкновение просто потому, что поставил перед необходимостью перерасчета сил и создания возможной другой коалиции.

Однако и после пакта германская трактовка взаимоотношений Германии с СССР осталась ярко выраженной антисоветской. СССР в ней фигурирует чем-то в виде доминиона.

В силу этого вопрос столкновения – вопрос сроков, и сроков не столь отдаленных, так как, будучи столь зависимой от нормальных отношений с нами, Германия едва ли сочла бы возможным на долгий период планировать устойчивость германо-советских отношений на антисоветской основе.

Это данные общеполитического порядка.

Данные состояния вооруженных сил также говорят о том, что Германия проедается, но держит армию такой численности, которую, кроме нашего театра, негде применить.

Сейчас под ружьем вместе с апрельской мобилизацией резервистов и призывом новобранцев больше 9 миллионов человек.

Против англо-французов Германия выступила с семью миллионами человек.

Группировка германской армии с осени 1940 года (не считая первой партии войск после разгрома англо-французов) неизменно смещается на восток. Сейчас на востоке – Восточная Пруссия, Польша, Румыния – до 118–120 дивизий.

Против англо-французов Германия выступала, имея на западном фронте 150–160 дивизий.

Сосредоточение на восток продолжается.

Качественное состояние вооруженных сил по признакам – политикоморальным, обученности и оснащенности – сейчас пребывает в зените, и рассчитывать, что оно продержится на этом уровне долгое время, у руководителей рейха нет оснований, т. к. уже теперь чувствуется, что малейшие осложнения, намекающие на возможную затяжку войны, вызывает острую нервозность среди широких слоев населения.

В своей внешней политике Германия не только игнорирует интересы СССР там, где интересы обеих стран якобы сталкиваются естественным ходом событий (Балканы). Она изыскивает свои интересы и устремляет их прямо, ярко, антисоветски, больше того – открыто военно-антисоветски и там, где эти интересы, кроме военно-антисоветских, отсутствуют (Финляндия).

Потоки военных транспортов из Германии в Финляндию идут непрерывно, а в последнее время получают сведения о

транспортировке войсковых частей.

Наконец, состояние наших вооруженных сил.

Немцы, несомненно, в курсе слабых сторон подготовленности Красной Армии в период по 1939 год включительно.

Но они также несомненно в курсе и того, какими темпами идет перестройка в армии и какая именно. А эти данные весьма весомые для выбора сроков ведения с нами войны.

Вывод:

Я оговорил вначале, что рассуждения в этом докладе я веду на основе различных конкретных данных, в разное время и в разных документах, доложенных Вам.

Все эти данные приводят меня к убеждению, что:

1. В германских планах сейчас ведущейся войны СССР фигурирует как очередной противник.

2. Сроки начала столкновения – возможно, более короткие и, безусловно, в пределах текущего года.

Другое дело, что эти планы и сроки могут натолкнуться на нечто подобное поездке Мацуока «в Москву через Берлин и Рим», как ее здесь в дипломатических кругах называют. Но это уже не по доброй воле немцев, а вопреки ей.

3. Очередные, ближайшие мероприятия немцев мне представляются такими:

а) Оседлание Турции пактом трех или каким-либо ему аналогичным.

б) Присоединение к пакту трех Швеции, а следовательно, и Финляндии, так как последняя давно готова к нему присоединиться.

в) Усиление перебросок войск на наш театр.

г) Планируют ли немцы широкие операции на Ближнем Востоке и в Африке, с применением такого количества войск, которое ослабило бы их европейскую группировку, сказать трудно, хотя официально прокламируются такие цели, как Суэц, Моссул, разгром англичан в Абиссинии.

Военный атташе СССР в Германии

генерал-майор В. Тупиков

Приложение

Группировка германской армии на 25.4.41 г.

Германская армия имеет в настоящее время 5 основных группировок:

1. Западная группировка.

2. Восточная группировка у границ СССР.

3. Балканская группировка.

4. Африканская группировка.

5. Резерв внутри страны.

Кроме того, с апреля месяца начата подготовка новой партии

резервистов. Количество дивизий точно неизвестно. Есть сведения 40 дивизий, но они подлежат проверке.

270–280 германск. дивизий распределяются по этим группировкам следующим образом:

1. Западная группировка

Включает в себя 75 дивизий, т. е. 27 % общего числа дивизий германской армии, из них: 8 в Норвегии, 2 в Дании и 65 дивизий в Голландии, Бельгии и Франции.

По имеющимся у нас данным, в последнее время начались переброски германских войск из Норвегии в Финляндию, т. е. западная группировка уменьшается.

2. Восточная группировка

Включает в себя до 95 дивизий, т. е. 35 % общего числа дивизий германской армии, из них: 1–2 дивизии в Финляндии, 20–25 в Восточной Пруссии, 12–16 Люблинская армия, 20 Южно-Польская (Тарнов), 20 в Вартегау и 12 дивизий в Молдау.

По имеющимся данным, в последнее время начались переброски германских войск из Норвегии в Финляндию, т. е. восточная группировка увеличивается.

3. Балканская группировка

Включает в себя до 50 дивизий, т. е. 18 % всей армии, ведущих боевые операции на Балканах, из них: 32 пехотных, 6 танковых, до 6 моторизованных и 4 горных дивизий.

4. Африканская группировка

В Африку немцами переброшено морем больше 20 эшелонов своих войск, что составляет 8 – 10 дивизий, преимущественно танковых и моторизованных.

5. Внутри страны

Внутри страны расположено до 45 дивизий, т. е. 16 % всей армии. В этой группировке заслуживает внимания Штеттинская группа, включающая в себя до 5 дивизий, по некоторым данным предназначенная к переброске в Восточную Пруссию, а часть из нее в Финляндию.

Изменения в группировке, происшедшие в течение полугода выглядят так:

№	Наименование группировки	Количество дивизий		
		на 15.11.40 г.	на 15.1.41 г.	на 25.4.41 г.
1.	Западная группировка	90 див.	90 див.	75 див.
2.	Восточная группировка	70 див.	80 див.	95 див.
3.	Балканская группировка	—	—	50 див.
4.	Итало-африканская группировка	—	—	8—10 див.
5.	Внутри страны	65 див.	75 див.	45 див.
	Всего	225 див.	245 див.	275 див.

Выводы

Как видно из этой таблицы, восточная группировка германской армии у наших границ систематически росла и растет. В настоящее время имеются сведения, что восточная группировка еще больше увеличивается за счет следующих перебросок:

а) В Восточную Румынию производится переброска частей германских дивизий, принимавших участие в боях против Югославии, с Румынского театра военных действий.

б) Производится переброска германских войск в Вост. Румынию и Южную Польшу, принимавших участие в боях против Югославии на бывшем Австро-венгерском фронте.

в) В Финляндию производится переброска из Норвегии и из внутри Германии, не только отдельных групп солдат, но и целых воинских частей.

Таким образом, есть основания установить, что восточная группировка германской армии продолжает возрастать и вместе с войсками в Румынии уже сейчас составляет до 40 % всех дивизий германской армии – 118–120 дивизий.

(ЦА МО РФ. Оп. 7277. Д. 1. Л. 140–152. Помета: «Т. Кузнецову. В очередном письме т. Тупикову нужно будет ответить и в связи с этим письмом. Голиков. 3.6.41 г.». Оригинал. Автограф [1. Док. 412])

Спецсообщение Разведуправления Генштаба Красной Армии о распределении Вооруженных сил Германии по театрам и фронтам военных действий по состоянию на 25.04.41 г

№ 660448СС

26 апреля 1941 г.

Массовые переброски немецких войск из глубинных районов Германии и оккупированных стран Западной Европы продолжают непрерывно.

Основные потоки перебросок следуют в двух направлениях:

- к нашей западной границе и
- на Балканы.

В результате учета и сопоставления поступивших данных общее распределение вооруженных сил Германии по границам и фронтам на 25.4 представляется в следующем виде:

1. В приграничной зоне с СССР:

Общее количество германских войск на нашей западной границе с Германией и Румынией (включая Молдавию) – 95 – 100 дивизий (без кав. частей),

из них:

а) на Восточно-Прусском направлении (против ПрибОВО) 21–22 дивизии, из них: 17–18 пехотных дивизий, 3 моторизованных, одна танковая дивизия и семь кав. полков.

б) На Варшавском направлении (против ЗапОВО) – 28 дивизий, из них: 23 пехотных, 1 моторизованная и 4 танковых дивизии. Кроме этого, одна мотокавдивизия.

в) В Люблинско-Краковском районе (против КОВО) 29–32 дивизии, из них: 22–25 пехотных, 3 моторизованных, 4 танковых дивизии и три кав. полка.

г) В районе Данциг, Познань, Торн – 6 пех. дивизий, один кав. полк.

д) На Ужгородском направлении (против КОВО) – общее количество немецких войск в районе Прикарпатской Украины составляет три дивизии предположительно в районе Ужгород, Мукачев, из них две пехотных и одна горнострелковая.

е) На Молдавском направлении (против ОдВО) – 8–9 дивизий, из них: 7–8 пехотных и горнострелковая.

2. В составе действующих армий в Югославии. Греции и Египте:

Общее количество германских войск – 55–58 дивизий, из них:

а) действовавших из Австрии на загребском направлении – 14 дивизий, из них: 13 пехотных и одна танковая;

б) действовавших из Венгрии на белградском направлении – 6 дивизий, из них: 3 пехотных и 3 моторизованных;

в) действовавших из Румынии – 3–4 дивизии, из них: 2–3 пехотных

и одна танковая;

г) действовавших из Болгарии – против Югославии и Греции – 25–27 дивизий, из них: 9 – 11 пехотных, 6 горнострелковых, 5 моторизованных и 5 танковых дивизий;

д) в Египте – 7 дивизий африканской армии, из них: 3 пехотных, 3 танковых и одна моторизованная.

3. В составе фронтовых резервов насчитывается 30 дивизий, из них:

а) в Австрии – 7 дивизий;

б) в Венгрии – 4 дивизии;

в) в Румынии – 6 дивизий;

г) в Болгарии – 12 пехотных и 1 танковая дивизия, из которых 8 дивизий уже сосредоточены на болгаро-турецкой границе.

За счет резервов, подвозимых в Болгарию, и освобождения немецких частей в Югославии создается армия против Турции.

4. В оккупированных странах Западной Европы – 72 дивизии, из них:

а) в Норвегии и Дании – 10 дивизий, из них: 6 пехотных и 4 горнострелковых (в Норвегии);

б) северо-западное побережье Франции – 44 дивизии, из них: 42 пехотных, одна танковая и одна моторизованная. Кроме этого, три мотокавдивизии;

в) на границе с Испанией – 9 дивизий, из них: 5 пехотных, три горнострелковых и одна танковая;

г) внутри оккупированной части Франции – 9 дивизий, из них: 8 пехотных и одна моторизованная.

5. В Италии – 9 пехотных дивизий.

6. В Финляндии – около одной дивизии.

7. Резервы главного командования – в центре страны составляют около 12 дивизий, из них: 10 пехотных и 2 моторизованных.

Кроме того, в германской армии имеется в составе ВВС подготовленных 8 – 10 парашютно-десантных дивизий (точная дислокация их не выяснена).

Таким образом, общая численность германской армии на 25.04.41 г. составляет 286–296 дивизий, из них:

пехотных 199–207

горнострелковых 15

моторизованных 20

танковых 22
мотокавалерийских 4, и 19 кав. полков
парашютно-десантных 8 – 10
дивизий «СС» – 18 (из них до 10 моторизованных).

По имеющимся данным, с 1 апреля немецкое командование приступило к формированию до 40 дивизий, что требует дополнительной проверки.

Начальник Разведывательного управления
Генштаба Красной Армии
генерал-лейтенант Голиков

(ЦА МО РФ. Оп. 7237. Д. 2. Л. 92–96. Машинопись на специальном бланке. Заверенная копия. Указана рассылка: Сталину, Молотову, Ворошилову, Тимошенко, Берия, Жукову, Кузнецову, Жданову [1. Док. 413]

А. О: В основном, сохранив данные Тупикова, начальник РУ Голиков занижает общее количество немецких дивизий, сосредоточенных на границе с СССР на 20 дивизий (95 – 100 вместо 118–120, указанных Тупиковым). Это подтверждает, что у Голикова есть тенденция к «срезанию» количества немецких дивизий, о которой подробно пишет В. А. Новобранец (см. Приложение 2). Голиков также опускает факт постоянного наращивания количества германских дивизий у советской границы и позиционирование в германских военных кругах СССР как противника, на что обращает внимание Тупиков. Наиболее вероятная причина такого поведения Голикова заключается в том, что Сталин не мог никому (включая Берия) сообщать о своих договоренностях с Гитлером, а потому использовал советскую разведку (Берия, Меркулова, Фитина и Голикова) для формирования нужного ему представления о причинах сосредоточения и количестве немецких войск на советской границе.

* * *

Источник: http://grachev62.narod.ru/stalin/t18/t18_057.htm

Тупиков В. И. (1901–1941) в 1933 году окончил Военную академию. С 1939 года начальник штаба Харьковского военного округа. С 1940 – генерал-майор. В 1940–1941 годах – военный атташе в Германии. Один из разведчиков, предупреждавший о возможном нападении Германии на СССР в 1941 году.

Будучи с другими советскими дипломатами и официальными представителями 22 июня 1941 интернирован германскими властями, Тупиков выехал в Турцию, откуда вскоре добрался до СССР и в июле занял должность начальника штаба Юго-Западного фронта. По воспоминаниям И. С. Глебова, генерал-полковника в отставке, бывшего осенью 1941 года в непосредственном подчинении у Тупикова, последний был одним из сторонников спешного отступления фронта и сдачи Киева с целью сохранения войск и избегания их попадания в уже назревавший «котел». Настаивая на своем мнении, Тупиков подготовил рапорт на имя Сталина, где излагалась тяжелейшая обстановка, в которой оказался Юго-Западный фронт, возможные действия немцев в ближайшие один-два дня. Делался вывод, что если войска не будут отведены на левый берег Днепра, то катастрофа ЮЗФ неизбежна, никто и ничто не может ее предотвратить.

В конце документа Тупиков просил Сталина разрешить фронту оставить Киев и сегодня же, то есть 14 сентября, начать отвод войск за Днепр, на его левый берег. Завтра, утверждал Тупиков, будет поздно.

Как вспоминает Глебов, «примерно через пару часов к аппарату “Бодо” Сталин вызвал М. П. Кирпоноса, М. А. Бурмистенко и В. И. Тупикова. Присутствовал и я, Глебов И. С.

У аппарата Сталин. Согласен ли товарищ Кирпонос с содержанием телеграммы Тупикова, его выводами и предложением? Отвечайте.

Бурмистенко. У аппарата член Военного совета, здравствуйте, товарищ Сталин. Командующий и я не согласны с паническими настроениями Тупикова. Мы не разделяем его необъективной оценки обстановки и готовы удерживать Киев любой ценой.

Сталин. Я требую ответа у Кирпоноса, командующего. Кто командует фронтом – Кирпонос или Бурмистенко? Почему за командующего отвечает член Военного совета, он что – больше всех знает? У Кирпоноса разве нет своего мнения? Что у вас случилось после нашего с вами разговора 8 августа? Отвечайте.

Кирпонос. Фронтом команду я, товарищ Сталин. С оценкой обстановки и предложениями Тупикова не согласен. Разделяю мнение Бурмистенко. Примем все меры, чтобы Киев удержать. Соображения на этот счет сегодня направляю в Генштаб. Верьте нам, товарищ Сталин. Я вам докладывал и повторяю вновь: все, что имеется в нашем распоряжении, будет использовано для обороны Киева. Вашу задачу выполним – Киев врагу не сдадим.

(В это время Тупиков побледнел, но сдержал себя.)

Сталин. Почему Тупиков паникует? Попросите его к аппарату. Вы, товарищ Тупиков, по-прежнему настаиваете на своих выводах или изменили свое мнение? Отвечайте честно, без паники.

Тупиков. Товарищ Сталин, я по-прежнему настаиваю на своем

мнении. Войска фронта на грани катастрофы. Отвод войск на левый берег Днепра требуется начать сегодня, 14 сентября. Завтра будет поздно. План отвода войск и дальнейших действий разработан и направлен в Генштаб. Прошу вас, товарищ Сталин, разрешить отвод войск сегодня. У меня все.

Сталин. Ждите ответа...» (Обозреватель. 2001. № 4).

21 сентября 1941 года оставшийся старшим по должности генерал-майор Тупиков повел в ночную атаку на прорыв из окружения колонну в составе сотен офицеров штаба фронта, во время которой погиб.

В. И. Тупиков похоронен в столице Украины Киеве в парке Вечной Славы у могилы Неизвестного солдата.

* * *

Источник: ru.wikipedia.org/wiki/Тупиков,_Василий_Иванович

Из-за неподготовленности обороны Киева а также непонимания Генеральным Штабом и лично И. В. Сталиным стратегического положения на Юго-Западном фронте армии фронта были окружены и в плен попало большое количество советских солдат и офицеров. Гудериан в своих мемуарах об этих днях писал следующее:

«16 сентября мы перевели наш передовой командный пункт в Ромны. Окружение русских войск успешно продолжалось. Мы соединились с танковой группой Клейста. С того времени, как были начаты бои за Киев, 1-я танковая группа захватила 43 000 пленных, 6-я армия – 63 000. Общее количество пленных, захваченных в районе Киева, превысило 290 000 человек».

20 сентября 1941 при выходе из окружения в рукопашном бою командующий фронтом М. П. Кирпонос и начальник штаба фронта В. И. Тупиков погибли от разорвавшегося минометного снаряда, а потерявшие сознание и раненые офицеры (в том числе и генерал-майор М. И. Потапов) попали в плен.

После войны останки генерал-майора В. И. Тупикова были найдены и похоронены в Киеве около Памятника Вечной Славы.

Приложение 14. Приказ наркома обороны о пролете Ю-52

Приказ народного комиссара обороны СССР

№ 116

О факте беспрепятственного пропуска через границу самолета Ю-52
15 мая 1941 г.

№ 0035 10 июня 1941 г.

15 мая 1941 г. германский внерейсовый самолет Ю-52 совершенно беспрепятственно был пропущен через государственную границу и совершил перелет по советской территории через Белосток, Минск, Смоленск в Москву. Никаких мер к прекращению его полета со стороны органов ПВО принято не было.

Посты ВНОС 4-й отд. бригады ПВО Западного особого военного округа, вследствие плохой организации службы ВНОС, обнаружили нарушивший границу самолет лишь тогда, когда он углубился на советскую территорию на 29 км, но, не зная силуэтов германских самолетов, приняли его за рейсовый самолет ДС-3 и никого о появлении внерейсового Ю-52 не оповестили.

Белостокский аэропорт, имея телеграмму о вылете самолета Ю-52, также не поставил в известность командиров 4-й бригады ПВО и 9-й смешанной авиадивизии, так как связь с ними с 9 мая была порвана военными. Командование 9-й смешанной авиадивизии никаких мер к немедленному восстановлению связи не приняло, а вместо этого сутяжничало с Белостокским аэропортом о том, кому надлежит восстановить нарушенную связь.

В результате командир западной зоны ПВО генерал-майор артиллерии Сазонов и начальник штаба 4-й отд. бригады ПВО майор Автономов никаких данных о полете Ю-52 до извещения из Москвы не имели.

В свою очередь вследствие плохой организации службы в штабе 1-го корпуса ПВО г. Москвы командир 1-го корпуса ПВО генерал-майор артиллерии Тихонов и зам. начальника Главного управления ПВО генерал-майор артиллерии Осипов до 17 мая ничего не знали о самовольном перелете границы самолетом Ю-52, хотя дежурный 1-го корпуса ПВО 15 мая получил извещение от диспетчера Гражданского воздушного флота, что внерейсовый самолет пролетел Белосток.

Никаких мер к прекращению полета внерейсового самолета Ю-52 не было принято и по линии Главного управления ВВС КА. Более того, начальник штаба ВВС КА генерал-майор авиации Володин и заместитель начальника 1-го отдела штаба ВВС генерал-майор авиации Грендаль,

зная о том, что самолет Ю-52 самовольно перелетел границу, не только не приняли мер к задержанию его, но и содействовали его полету в Москву разрешением посадки на Московском аэродроме и дачей указания службе ПВО обеспечить перелет.

Все эти факты говорят о неблагоприятном состоянии службы ПВО Западного особого военного округа, о плохой ее организации, слабой подготовленности личного состава ВНОС ПВО, потере бдительности в 4-й отд. бригаде ПВО и отсутствии должной требовательности со стороны командующих военными округами и высшего начсостава ПВО и ВВС к четкости несения службы ПВО.

Приказываю:

1. Военному совету Западного особого военного округа тщательно расследовать факт самовольного пролета самолета Ю-52 через территорию округа, выявить всех виновных лиц и наложить на них взыскания своею властью. Немедленно восстановить телефонную связь Белостокского аэропорта с 9-й смешанной авиадивизией и штабом 4-й бригады ПВО и в пятидневный срок проверить состояние связи аэропортов со штабами ПВО. Исполнение донести к 20.6.41 г.

2. Военным советам округов (ДВФ) назначить авторитетные комиссии, которые обязать к 1.7.41 г. обследовать всю систему ПВО на территории округов, обратив особое внимание на ее боеготовность, состояние службы наблюдения, оповещения, связи и подготовку постов ВНОС.

Все недочеты, вскрытые комиссиями, устранить на месте в процессе их работы.

Результаты обследования и о принятых мерах донести мне к 5.7.41 г.

3. Начальнику Главного управления ПВО до 1.7.41 г. обследовать состояние ПВО в Западном особом и Московском военных округах и результаты обследования доложить мне лично.

Его же распоряжением обеспечить к 1.7.41 г. все посты ВНОС силуэтами самолетов и организовать поверку знаний постами ВНОС силуэтов и умения определять по ним принадлежность самолетов.

4. За плохую организацию службы ВНОС, отсутствие должного воинского порядка в частях ПВО и слабую подготовку личного состава постов ВНОС командующему Западной зоной ПВО генерал-майору артиллерии Сазонову, начальнику штаба 4-й бригады ПВО майору Автономову объявить выговор.

5. За самовольное разрешение пролета и посадки Ю-52 на московском аэродроме без проверки прав на полет в Москву начальнику штаба ВВС генерал-майору авиации Володину и заместителю начальника 1-го отдела штаба ВВС генерал-майору авиации Грендалю объявить замечание.

6. Командиру 1-го корпуса ПВО генерал-майору артиллерии Тихонову и заместителю начальника Главного управления ПВО генерал-майору артиллерии Осипову обратить особое внимание на слабую

организацию системы наблюдения и оповещения.

Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза
С. Тимошенко

Начальник Генерального штаба
Красной Армии генерал армии
Г. Жуков

(РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 179–182. Подлинник [Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). – М.: ТЕРРА, 1994. С. 277–278]

А. О: Из текста этого приказа следует, что:

1) Белостокский аэропорт имел телеграмму с разрешением на пролет этого Ю-52, посланную кем-то из Москвы (или из Берлина);

2) однако из-за нарушенной телефонной связи с аэропортом командование 4-й бригады ПВО, 9-й сад и Западной зоны ПВО не было оповещено об этом Белостокским аэропортом и до извещения из Москвы ничего о полете не знало, хотя диспетчер ГВФ сообщил о пролете Белостока внерегистровым самолетом;

3) никто не принял мер к прекращению полета Ю-52 (естественно, поскольку сообщили, что он летит в Москву);

4) руководство ВВС даже содействовало его посадке в Москве (раз оно дало разрешение на пролет, то, естественно, должно было дать его и на посадку);

5) выяснилось, что посты ВНОС не знают силуэтов немецких самолетов.

Приказом предусмотрено:

– расследовать, обследовать, выявить, наказать своей властью;

– восстановить нарушенную телефонную связь;

– объявить выговор, замечания, обратить внимание;

– за самовольное разрешение полета и посадки Ю-52 без проверки прав на полет в Москву руководству штаба ВВС (Володину и Грендалю) объявить замечание (т. е. их наказали не столько за самовольное разрешение полета, сколько за непроверку ими прав на полет в Москву).

Из всего этого следует, что полет был разрешен высшим руководством, поэтому все наказания и порицания в этом приказе – не за факт пролета Ю-52 и непринятие мер по его прекращению, а за то, что в нарушение порядка о нем не были оповещены все, кому положено об этом знать и для кого разрешение на этот полет было тайной. Я объясняю это тем, что этот

полет был совмещен с доставкой в СССР одного из последних самолетов Ю-52, закупленных у Германии. И именно этим самолетом в Москву было доставлено письмо Гитлера Сталину, датированное 14 мая 1941 г., о чем косвенно свидетельствуют слова фюрера из этого послания: «Прошу извинить меня за тот способ, который я выбрал для скорейшей доставки этого письма Вам».

Приложение 15. Заявка НКО в НКАП на десантные планеры на 1941–1942 гг

Записка начальника Генштаба Красной Армии генерала армии Жукова наркому авиационной промышленности [СССР]

№ 567240сс

16 июня 1941 г.

Для обеспечения воздушно-десантных частей НКО необходимо в [19]41–42 годах следующее количество планеров:

На 1941 год:

1. Пятиместных сухопутных планеров – 500 шт.
 2. Одиннадцатиместных сухопутных планеров – 1 000 шт.
 3. Одиннадцатиместных гидропланеров – 200 шт.
 4. Двадцатиместных сухопутных планеров – 300 шт.
- Всего на 1941 г. 2 000 шт.

На 1942 год:

1. Пятиместных сухопутных планеров – 1 000 шт.
 2. Одиннадцатиместных сухопутных планеров – 3 000 шт.
 3. Одиннадцатиместных гидропланеров – 500 шт.
 4. Двадцатиместных сухопутных планеров – 1 000 шт.
- Всего на 1942 г. 5 500 шт.

Начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Жуков (РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 652. Л. 74. Машинопись, подлинник, автограф. Имеются пометы [1. Док. № 558])

А. О.: Из представленного документа видно, что за шесть дней до начала войны начальник Генштаба Жуков подписал заявку в НКАП на изготовление для советских ВДВ в 1941 г. 2 000 планеров, способных поднять 21 700 десантников, а в 1942 г. еще 5 500 планеров – на 63 500 десантников. Надо учесть, что для массовой переброски десантных войск могли также использоваться бомбардировщики ТБ-3 (до 50 человек) и СБ (8 человек). Если учесть, что в 1941 г. количество ТБ-3 составляло 500 шт., а СБ – 1 000 шт., то при проведении массовой выброски десанта в составе

всех имевшихся в РККА сил – пяти десантных корпусов (по 10 000 чел. в каждом) и двух бригад (по 5 000 чел. в каждой) с использованием максимального количества самолетов и планеров общая численность десанта (50 х 500) на ТБ-3 + (8 х 1 000) на СБ + 21 700 (на планерах) могла составить 44 700 чел. (А в 1942 г. – 96 500 чел.) То есть готовилась операция, при осуществлении которой в 1941 г. одновременно могли быть задействованы почти все ВДВ страны, численность которых тогда составляла 60 000 человек (10 000 х 5 + 5 000 х 2). Это вполне могло быть участием в операции «Морской лев».

Для сравнения приведем данные немецких десантных войск, высадившихся 20 мая 1941 г. на остров Крит и захвативших его после одиннадцати дней боев с англичанами. Общая численность немецких войск составляла 22 750 человек. 750 человек должны были быть доставлены планерами, 10 000 выброшены с парашютом, 5 000 высажены с транспортных самолетов и 7 000 – с морских судов.

Приложение 16. Письмо Гитлера к Муссолини от 21 июня 1941 г

Источник: <http://lib.rin.ru/doc/i/47383p1.html>

Дуче!

Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда месяцы тревожных размышлений и постоянного нервного выжидания завершаются принятием мною самого трудного за всю мою жизнь решения. Я верю – после последнего обзора ситуационной карты России и после оценки других, многочисленных сведений – что я не могу взять на себя ответственность за более продолжительное выжидание, и, прежде всего, я полагаю, что нет никакого другого пути устранить эту опасность дальнейшего выжидания – которое обязательно привело бы к катастрофе в этом или, самое позднее, в следующем году.

Обстановка: Англия эту войну проиграла. Подобно утопающему, она хватается за любую соломинку. Тем не менее некоторые из ее надежд не лишены определенных оснований.

Англия до настоящего времени всегда вела войны с помощью континента. Разгром Франции – фактически стертой с карты Западной Европы – заставил английских поджигателей войны обратить свои взгляды туда, откуда они пытались начать войну: к Советской России.

Обе страны – Советская Россия и Англия – в равной степени заинтересованы в Европе, разрушенной до руин, обессиленной длительной войной. За этими двумя странами стоит Северо-Американский Союз, подстрекающий их и настороженно выжидающий.

Начиная с ликвидации Польши, заметна последовательная тенденция, что Советская Россия умно и осторожно, но, тем не менее, твердо возвращается к старому большевистскому стремлению к расширению Советского государства. Затягивания войны, необходимого для осуществления этих целей, предполагается достичь путем сковывания немецких сил на Востоке – в частности, авиации – и германское командование не может более ручаться за проведение крупномасштабного наступления на Западе. Я сообщал Вам недавно, насколько точно эксперимент с Критом продемонстрировал, как необходим каждый самолет, который можно использовать, в гораздо большем проекте против Англии. Вполне может так случиться, что в этом решающем сражении мы победили бы благодаря преимуществу в несколько эскадрилий. Я бы не колебался ни секунды, чтобы взять на себя такую ответственность, если бы – помимо всех других условий – обладал уверенностью, что не буду в этот момент внезапно атакован с Востока, или даже, что не будет угрозы нападения. Концентрация русских сил – я приказал генералу Йодлю переслать Вашему атташе, генералу Марасу, самую последнюю карту – огромна. В самом деле, все наличные силы русских находятся у нашей границы. Кроме того, с

наступлением теплой погоды активизировалась деятельность на многочисленных заставах. Если обстоятельства заставят меня развернуть немецкие военно-воздушные силы против Англии, то существует опасность, что Россия в таком случае прибегнет к стратегии шантажа на Юге и Севере, и я буду вынужден молча уступить из-за ее превосходства в воздухе. Тогда бы я не смог без адекватной поддержки военно-воздушных сил напасть на русские укрепления с дивизиями, размещенными на Востоке. Если я не пожелал бы подвергнуть себя этой опасности, возможно, весь 1941 год не принес бы никаких изменений общей ситуации. Напротив. Англия еще меньше будет готова к заключению мира, ибо тогда появится возможность связать свои надежды с русским партнером. Эти надежды, само собой разумеется, будут усиливаться по мере наращивания готовности русских вооруженных сил. А за всем этим стоят массированные поставки военных материалов из Америки, которые они надеются получить в 1942 году.

Кроме того, Дуче, нет уверенности, что у нас было бы это время, поскольку с такой гигантской концентрацией сил с обеих сторон – я также вынужден размещать все больше и больше танков на восточной границе и привлечь внимание Финляндии и Румынии к опасности – стрельба может начаться спонтанно, в любой момент. Мое отступление, однако, повлекло бы за собой серьезную потерю престижа для нас. Это было бы особенно неприятно в свете возможного негативного влияния на Японию. Поэтому после долгих и мучительных раздумий я наконец принял решение разрубить узел, пока он не затянулся. Я верю, Дуче, что этим я, возможно, сослужу наилучшую службу нашему общему ведению войны в этом году. Мои взгляды в настоящее время заключаются в следующем:

1) Франции, как всегда, доверять нельзя. Нет абсолютной гарантии, что Северная Африка внезапно не дезертирует. Я предполагаю, что британцы целью своего последнего наступления ставили освобождение Тобрука. Я не верю, что они смогут в ближайшем времени повторить попытку.

2) Северная Африка, насколько это касается ваших колоний, Дуче, до осени, вероятно, будет вне опасности.

3) Испания проявляет нерешительность и, боюсь, примет чью-либо сторону только тогда, когда станет очевиден исход войны.

4) Обеспечить продолжительное сопротивление французов в Сирии проблематично, что с нашей помощью, что без нее.

5) Нападение на Египет до осени исключается. Я полагаю, что необходимо, тем не менее, оценивая ситуацию в целом, подумать над возможным использованием оперативной единицы в самом Триполи, которую можно, при необходимости, направить против Запада. Конечно, Дуче, в отношении этих идей должна соблюдаться самая строгая секретность, иначе мы не сможем ожидать, что Франция продлит разрешение использовать ее порты для транспортировки оружия и боеприпасов.

6) Вступит или не вступит Америка в войну – безразлично, поскольку она уже поддерживает нашего противника всеми силами, какие в состоянии мобилизовать.

7) Обстановка в самой Англии плохая; снабжение продовольствием и сырьем все более затрудняется. Настроение продолжать войну сохраняется главным образом лишь в мечтах. Эти мечты основаны на двух предпосылках: Россия и Америка. У нас нет никаких шансов устранить Америку, но в нашей власти устранить Россию. Устранение России явится одновременно огромным облегчением для Японии в Восточной Азии, что создаст куда более серьезную угрозу американской деятельности посредством японского вмешательства.

Учитывая эти обстоятельства, я решил положить конец лицемерным действиям Кремля. Я рассчитываю, вернее, я убежден, что Финляндия, как и Румыния, примет участие в войне, которая, в конечном счете, избавит будущее Европы от величайшей опасности. Генерал Марас проинформировал нас, что Вы, Дуче, также желаете предоставить по крайней мере один корпус. Если у Вас есть такое намерение – которое я принимаю с полным благодарности сердцем – то времени для его исполнения будет еще достаточно, поскольку на этом огромном театре военных действий войска все равно не могут быть сосредоточены одновременно на всех позициях. Вы, Дуче, однако, сможете оказать решающую помощь, усиливая наши силы в Северной Африке, а также, если возможно, если перенести взгляд из Триполи на Запад, создав группу войск, которая, пусть бы и небольшая вначале, могла бы вторгнуться во Францию в случае нарушения ею соглашения; и, наконец, ведя воздушную и, насколько это возможно, усиливая подводную войну в Средиземноморье.

Что касается безопасности территорий на Западе, от Норвегии до Франции включительно, мы достаточно сильны там – войска молниеносно отразят любую опасность.

Что касается воздушной войны против Англии, то мы пока будем находиться в обороне – но это не означает, что мы неспособны контратаковать; напротив, мы, если необходимо, начнем безжалостную бомбардировку британской территории. Наши истребители в защите будут также адекватны требованиям. Истребительная защита состоит из лучших эскадрилий, которые мы имеем.

Что касается войны на Востоке, Дуче, то она наверняка будет трудной, но я ни на минуту не сомневаюсь в огромном успехе. Я прежде всего надеюсь, что мы сможем получить общую базу продовольственного снабжения на Украине, которая обеспечит нас дополнительными поставками, которые нам могут понадобиться в будущем.

Я могу, тем не менее, сейчас сказать, что немецкий урожай этого года обещает быть очень хорошим. Вероятно, что Россия попытается уничтожить румынские нефтяные месторождения. Мы организовали оборону, которая – я так думаю – предотвратит худшее. Кроме того, это долг наших армий – устранить эту угрозу настолько быстро,

насколько это возможно.

И если я медлил до настоящего момента, Дуче, с отправкой этой информации, то это потому, что окончательное решение не будет принято до семи часов вечера сегодня^[242]. Поэтому я искренне прошу Вас воздержаться, прежде всего, от любых сношений с Вашим послом в Москве, так как не имеется никакой гарантии того, что наши закодированные сообщения не могут быть расшифрованы. Я также буду ждать до последнего момента, чтобы информировать собственного посла о принятых решениях.

Материал, который я собираюсь предавать огласке постепенно, настолько исчерпывающ, что у мира будет немало возможностей удивиться нашему долготерпению, за исключением той части мира, которая принципиально противостоит нам и для которой наши аргументы бесполезны.

Что бы теперь ни случилось, Дуче, наше положение от этого шага не ухудшится; оно может только улучшиться. Если бы я даже вынужден был к концу этого года оставить в России 60 или 70 дивизий, то все же это будет только часть тех сил, которые я должен сейчас постоянно держать на восточной границе. Пусть Англия попытается не сделать выводов из грозных фактов, перед которыми она окажется. Тогда мы сможем, обезопасив свой тыл, с удвоенной силой обрушиться на противника. Я обещаю Вам, Дуче, – все, что зависит от Германии, будет сделано.

Любые пожелания, предложения, и помощь, о которых Вы, Дуче, желаете сообщить мне, направляйте мне лично, либо согласовывайте непосредственно с нашим военным командованием.

В заключение позвольте мне, Дуче, высказать еще одну вещь. С тех пор как я принял это трудное решение, я вновь чувствую себя морально свободным. Партнерство с Советским Союзом, несмотря на искренность наших желаний прийти к окончательному примирению, оказалось для меня тем не менее нестерпимым, ибо так или иначе оно неприемлемо для меня из-за моего происхождения, моих концепций и моих прошлых обязательств. И теперь я счастлив, избавившись от этих душевных мук.

С сердечным товарищеским приветом
Ваш Адольф Гитлер

(Nazi-Soviet relations, 1939–1941: Documents from the Archives of the German Foreign Office. U.S. Department of State Issue // Edited by R. J. Sontag J. S. Beddie, Washington, 1948, pp. 349–353)

А. О.:

1. Дата нападения на Россию так и не названа (более того, Гитлер указывает: «Стрельба может начаться спонтанно в любой момент»). Вполне возможно, что так и случилось 22 июня 1941 г., причем все началось с налетов «неизвестных самолетов» на советские порты и базы ВМС.

2. Фюрер вынужден был объяснить дуче причину своей непоследовательности в отношении войны на два фронта, скрывая достигнутую договоренность с Черчиллем о совместном ударе по СССР 22 июня. Возможно, потом он собирался объяснить это тем, что Англия по своей инициативе приняла решение участвовать в войне против СССР (тем более что он пишет: «Разгром Франции... заставил английских поджигателей войны обратить свои взгляды туда, откуда они пытались начать войну: к Советской России»).

3. Из текста письма следует, что решение напасть на СССР – «самое трудное за всю его жизнь» – не реализация давнего плана Гитлера, считавшегося главным со времен написания им «Майн кампф», а новое решение, потребовавшее нескольких месяцев напряженного размышления и принятое «после долгих и мучительных раздумий».

4. Гитлер называет предвоенные отношения СССР и Германии «партнерством».

5. Далее Гитлер признается, что партнерство с СССР было для него «нестерпимым», в том числе и из-за его «прошлых обязательств». Очевидно, он имеет в виду обязательства, под которые ему после его прихода к власти давались инвестиции на милитаризацию Германии.

Приложение 17. Начало войны в описании главного подрывника-диверсанта страны И. Старинова

Отрывок из «Записок диверсанта» Илья Старинова [88. С. 163–167]

Глава 1. Июнь 1941 года

Учения на Западной границе

В двадцатых числах июня 1941 года Генеральный штаб Красной Армии намечал провести учения войск Особого Западного военного округа. От Главного военно-инженерного управления РККА на учения командировали двух человек: заместителя начальника управления военно-инженерной подготовки подполковника З. И. Колесникова и меня, занимавшего в ту пору должность начальника отдела заграждений и минирования.

Теплым, душным вечером 19 июня мы выехали из Москвы, чтобы представиться в Минске командованию, а затем продолжать путь в Брест, в штаб будущих учений ...

Одержимых минной техникой инженеров в Красной Армии имелось немало. Сам я тоже был сторонником минновзрывных заграждений.

Я не раз ходил с испанскими, немецкими, французскими, английскими, югославскими, польскими, американскими бойцами в тыл врага, мы вместе выполнили не одно ответственное и рискованное задание, широко применяя самые различные мины. Наши противопоездные мины стали грозой железнодорожных коммуникаций испанских фашистов. Саперам врага, пытавшимся обезвреживать мины, мы преподносили сюрприз за сюрпризом. Враг не мог обеспечить безопасность своих дорог даже тогда, когда бросил на охрану стокилометрового участка пути целый полк пехоты!

Как же было мне не пропагандировать мины?.. Вспомнив Испанию, я вспомнил, конечно же, и советских добровольцев, сражавшихся там с фашизмом. В Минске, куда мы ехали, предстояла встреча с двумя «испанцами»: с командующим округом генералом армии Д. Г. Павловым и начальником артиллерии округа генерал-майором Н. А. Кличем. Как-то они нынче, на высоких постах?

Помнят ли?

За несколько часов до войны

Разбудил проводник:

– Подъезжаем, товарищи командиры!

Стояло раннее солнечное утро. На привокзальной площади одиноко чернела штабная «эмка». Встречавший нас старший лейтенант сообщил, что начальник инженерного управления округа генерал Васильев просит прибыть в штаб.

– И что ему не спится? – удивился Колесников.

Генерал Васильев, гладко выбритый, подтянутый, являл собою образец отменного здоровья и отличного настроения. Сообщил, что на полигоне к предстоящим учениям все готово, предложил пройти к начальнику штаба округа.

– Неужели из-за учений все начальство уже в штабе? – спросил я.

– У начальства всегда есть причины недосыпать! – отшутился Васильев.

Начальник штаба округа В. Е. Климовских, в отличие от генерала Васильева, выглядел хмурым, замкнутым. Поздоровался кивком, но от телефонной трубки не оторвался. Минуту-другую спустя извинился, сказал, что крайне занят:

– Встретимся на полигоне!

Командующий округом Павлов тоже говорил по телефону. Раздраженно требовал от собеседника проявлять побольше выдержки. Показали командующему программу испытаний. Он посмотрел ее, недовольно заметил, что инженеры опять взялись за свое: слишком много внимания уделяют устройству противотанковых заграждений и слишком мало – способам преодоления их.

В это время вошел Климовских:

– Товарищ генерал армии, важное дело...

Павлов взглянул на нас:

– Подумайте над программой. До свидания. До встречи на учениях.

Пока мы не закрыли за собою дверь, генерал Климовских не проронил ни слова.

Озадаченный и встревоженный увиденным и услышанным, я решил повидать генерала Клича, командующего артиллерией округа. Может, он что-нибудь разъяснит?

– Вольф! – воскликнул Клич, вспомнив мой испанский псевдоним. – На учения? Рад тебе, рад! Только боюсь, сейчас не до учений.

Он сообщил, что гитлеровцы непрерывно подтягивают к границе войска, подвозят артиллерию и танки, совершают разведывательные полеты над нашей территорией, а многие командиры в отпусках, большая часть автомашин и тракторы-тягачи артполков забраны на строительство укрепленных районов.

– Случись что – орудия без тяги! – возмущался Клич. – Павлов каждый день докладывает в Москву о серьезности положения, а нам отвечают, чтобы не разводили панику и что Сталину все известно.

– Но ведь немецкие войска отведены на восточные границы Германии для отдыха? – осторожно заметил я. – Во всяком случае, в сообщении ТАСС от 14-го числа так и говорится.

– Я не сотрудник ТАСС, а солдат! – отрезал Клич. – И привык держать порох сухим. Особенно имея дело с фашистской сволочью! Кому это я должен верить? Гитлеру? Ты что, Вольф?

Продолжить беседу не удалось: Клича срочно вызвали к Павлову.

День прошел в подготовке к учениям: уточняли и изменяли пункты программы испытаний в соответствии с пожеланиями командующего округом. В конце дня я попытался еще раз увидеть Клича, но безуспешно.

– Поезжайте отдыхать! – сказал генерал Васильев. – Утро вечера мудренее. Случись что-нибудь серьезное, учения давно бы отменили, а все, как видите, идет по плану.

В словах начальника инженерного управления был резон. Мы отправились в гостиницу, выпалили и ранним утром 21 июня, в субботу, выехали поездом в Кобрин, где располагался штаб 4-й армии, прикрывавшей брестское направление; необходимо было повидать начальника штаба инженерных войск армии полковника А. И. Прошлякова, обсудить с ним изменение программы учений.

Добрались до Кобрина к вечеру. Прошляков подтвердил, что фашисты подтягивают к Западному Бугу военную технику, соорудили множество наблюдательных вышек, на открытых местах установили маскировочные щиты.

– Нас предупредили, что германская военщина может пойти на провокации и что поддаваться на провокации нельзя, – спокойно сказал Прошляков.

– Ничего. Слабонервных в штабе армии нет.

Начальник инженерного управления устроил нас на ночлег в собственном служебном кабинете. Условились, что поутру вместе поедем в Брест. Прошляков ушел, а мы с Колесниковым отправились бродить перед сном по живописному субботнему городку. Около двадцати двух часов возвратились в штаб. Дежурный доложил: звонили из округа, учения отменены, нам следует возвратиться в Минск. Невольно вспомнились доводы генерала Васильева...

– Неужто немецкие генералы решатся на провокацию? – сидя на краю штабного дивана и стягивая сапоги, спросил Колесников. – Как ты думаешь?

– Спи спокойно, Захар Иосифович! Утром все узнаем! – ответил я.

22 июня. Кобрин

Мы проснулись внезапно. То ли взрывные работы, то ли бомба с самолета сорвалась... Разрывы, следуя один за другим, слились в чудовищный грохот. По штабным коридорам бежали люди, слышалась команда покинуть помещение. На ходу застегиваясь, выскочили на улицу и мы с Колесниковым. Эскадрилья фашистских бомбардировщиков шла прямо на штаб. Мы – через площадь, через канаву, в какой-то сад. Бросились на землю вовремя. Видели, как окуталось дымом и

пылью здание штаба армии. А бомбардировщики все прибывали. Взрывы рвали и рвали землю, повеяло гарью, в небо поднимался дым... Враг бомбил беззащитный городок около часа.

Выяснив у оставшегося в живых дежурного, что штаб 4-й армии немедленно передислоцируется в Буховичи, мы с Колесниковым решили все же ехать в Брест: там, в Бресте, представители Наркомата обороны и Генерального штаба, у кого еще, как не у них, можно узнать, что происходит?

Сели в первую попутную машину. По обочинам шоссе, ведущему к Кобрину, волокли чемоданы и корзины со скарбом женщины, покинувшие военный городок.

Навстречу бежали командиры, спешившие к месту службы. Кобрин горел. На площади возле телеграфного столба с репродуктором толпились люди. Остановились и мы. Знакомые позывные Москвы высветляли лица. Люди жадно смотрели на черную тарелку репродуктора. Началась передача последних известий. Мы ловили каждое слово. Слушали о трудовых успехах страны, о зреющем урожае, о досрочном выполнении планов, о торжествах в Марийской АССР: вот сейчас, сейчас...

– Германское информационное агентство сообщает... – начал диктор.

Нигде, никогда позже я не слышал такой тишины, как в тот миг на кобринской площади.

Но диктор говорил о потоплении английских судов. О бомбардировке немецкой авиацией шотландских городов, о войне в Сирии – еще о чем-то, только не о вражеском нападении на нашу страну.

Выпуск последних сообщений закончился сообщением о погоде. Люди стояли, не сходили с места и мы: может, будет специальное сообщение или заявление правительства?

Но начался, как обычно, урок утренней гимнастики. Тогда люди стали расходиться, кое-кто побежал. Наш шофер захлопнул дверцу. Через Кобрин уже катили в восточном направлении грузовики с женщинами и детьми, успевшими, может быть, осиротеть. А над пожарами, над дымом разносился бодрый энергичный голос:

– Раскиньте руки в сторону, присядьте! Встаньте! Присядьте!..

Много лет прошло, а я как сейчас вижу пыльную, пахнущую гарью кобринскую площадь, и черную тарелку репродуктора над ней, не забыл тот урок гимнастики...

Приложение 18. Наземные РЛС 22 июня 1941 г. в Севастополе

Источник: <http://www.80apvo.su/history-logs/80-16-rtbr.html>

16-я радиотехническая бригада (Севастополь)^[243]

Военное время

Боевые действия 11-го батальона ВНОС начались в 1 час 30 минут 22 июня 1941 г., когда от постов ВНОС, расположенных на мысу Тарханкут^[244] и мысу Фиолент^[245] поступила информация об обнаружении самолетов противника, которые старались прорваться к Севастополю. Благодаря своевременному выявлению и оповещению о налете, все силы ПВО Черноморского флота были приведены в боевую готовность.

Первый налет авиации противника был фактически сорван. Сбито три самолета противника^[246], а другие сбросили бомбы на внешнем рейде. Три радиолокационные станции РУС-2 работали круглые сутки, поочередно обеспечивая воздушное наблюдение на подступах к Севастополю. Все сведения и данные о воздушной обстановке передавались на КП ПВО ЧФ.

К осени 1941 г. гитлеровцам удалось захватить большую часть Крыма. Фронт вплотную подошел к Севастополю. Началась героическая оборона города.

В трудных условиях приходилось воевать личному составу наблюдательных постов ВНОС и расчетов радиолокационных станций. Часто посты попадали в окружение и вносовцы были вынуждены с боями пробиваться к своим. Так случилось с постом, который возглавлял сержант Гошидзе М. Н. Фашисты обошли пост с трех сторон и решили уничтожить горстку храбрецов, которые остались в живых. Советские воины огнем из винтовок и пулемета остановили наступление противника, а ночью вышли из окружения. За отвагу и мужество проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, отважный вносовец был награжден орденом Красной Звезды.

В героической обороне Севастополя принимали участие: начальник РЛС РУС-2 (бухта Круглая) младший лейтенант Василий Левинов, начальник РУС-2 (мыс Фиолент) старший лейтенант Симакин А. Д., лейтенант Кондрашов, старший сержант Бережной В. К., командир отделения Губаренко А. А., оператор РЛС Кабачий В. М., старшина Пузыня А. В., старшина Асос Ф. П., начальник РЛС РУС-1 Леваков В. М., командир роты ВНОС старший лейтенант Шлиумер А. Г.

Непосредственно руководство боевыми действиями 11-го батальона ВНОС осуществляли майор Десна Василий Семенович (в дальнейшем, перед уходом в запас – начальник РТВ ПВО ЧФ), начальник отделения связи Терлецкий Александр Павлович (в дальнейшем – начальник узла связи штаба ЧФ, заместитель начальника РТВ).

В мае 1942 г. 11-й батальон ВНОС был передислоцирован на северный Кавказ в г. Туапсе для обеспечения действий базового района ПВО ЧФ. В Севастополе была оставлена 1-я рота 11-го батальона ВНОС (командир роты старший лейтенант Черкасов, политрук – Конопляненко). Рота имела 10 развернутых наблюдательных постов и одну РЛС «Редут».

1-я рота ВНОС и станция «Редут» работали до последнего момента. 30 июня 1942 г., за 4 дня до оставления Севастополя, станция «Редут» в связи с угрозой захвата и невозможности эвакуации решением командования Севастопольского базового района ПВО была уничтожена, а личный состав ВНОС вошел в состав службы сухопутной обороны.

Наблюдательные посты 11-го батальона ВНОС, передислоцированные на Северный Кавказ, расположились вдоль Черноморского побережья у г. Гагры. С 1942 г. по 1945 г. батальоном командовал старший лейтенант Гарбузов Макар Терентьевич.

В боях при обороне Таманского полуострова отличился расчет РЛС РУС-2, начальником которой был старший лейтенант Бережной Владимир Кириллович. Он обеспечил 45 наведений своих истребителей на фашистские самолеты, 15 самолетов противника было сбито.

После освобождения Севастополя, в июне 1944 г. 11-й батальон ВНОС был передислоцирован в Севастополь, где обеспечивал боевые действия авиации и зенитной артиллерии Черноморского флота, одновременно занимаясь восстановлением боевых позиций наблюдательных постов и радиотехнических рот...»

А. О.: Из этой уникальной информации о применении РЛС в первый день войны ясно, что первые «неизвестные самолеты», участвовавшие в налете на Севастополь в ту ночь, были обнаружены советскими постами ВНОС, имеющими РЛС, даже не в 3.00, как пишут в своих мемуарах о налете «неизвестных самолетов» на Севастополь маршал Жуков и адмирал Кузнецов, а еще на 1,5 часа раньше – в 1.15! То есть о том, что на Севастополь налетели немецкие самолеты, не может быть и речи, так как в «Барбароссе» время пролета границы авиацией было установлено 3.15 по берлинскому времени, то есть в 4.15 по московскому, а потом его уменьшили на 15 минут (похоже, что в действительности налеты начались на два часа раньше, как и говорил Молотов Ф. Чуеву: «раньше двух началось»). Вторая новость – то, что кроме РЛС «Редут-К», установленной на крейсере «Молотов» 15 июня 1941 г. [62. С.219–236], на Черном море

было еще три РЛС РУС-2: две (скорее всего, для круглосуточной работы по очереди) на мысе Фиолент в 12–15 км от Севастополя и одна на мысе Тарханкут – в 120 км от Севастополя. Весьма вероятно, что пост ВНОС на мысе Тарханкут прикрывал вход в Днепровско-Бугский лиман, порт и базу ВМФ Очаков и судостроительные верфи Николаева, а главное, выход из Днепра, по которому на баржах могли перебрасываться на Ближний Восток по договоренности Сталина и Гитлера советские воинские части.

Так что первый авианалет противника в Великой Отечественной войне на Севастополь – Очаков был обнаружен по меньшей мере четырьмя советскими РЛС (четвертая – корабельная РЛС «Редут-К» на крейсере «Молотов»(см. [62. С. 227–233]), поэтому надо искать в военных архивах карты с зафиксированными этими РЛС трассами полетов неизвестных самолетов ночью 22 июня 1941 г.

Приложение 19. Обращение Митрополита Сергия (Страгородского) 22 июня 1941 г

Пастырям и пасомым Христовой православной церкви^[247]

В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснется нашей страны. Но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьей помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге пред родиной и верой и выходили победителями. Не посрамят же их славного имени и мы – православные, родные им и по плоти, и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства. Вспомним святых вождей русского народа, например Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья-разбойника.

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг.

Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: «Больши сея любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя». Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради родины. Нам, пастырям

Церкви, в такое время, когда отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией. А если, сверх того, молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснится еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно «ради Иисуса, а не ради хлеба куса», как выражался святитель Димитрий Ростовский. Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнью свою за родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей.

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины.

Господь нам дарует победу.

*Патриарший Местоблюститель Смиренный Сергий
Митрополит Московский и Коломенский
Москва
22 июня 1941 года [70. С. 15–17]*

А. О.: Многие годы об этом обращении в нашей стране знали только служители православной церкви и небольшой круг верующих. А ведь этот факт поразительный – на десять дней раньше вождя в первый же день

войны к православным, а фактически ко всему народу страны обратился Патриарший Местоблюститель Митрополит Сергей (Патриарха с 1925 г., после смерти Тихона, в стране не было). Вот как описывают это уникальное событие «Очерки по истории Русской Православной Церкви. Выпуск 2. Издание 1988 г»: «О нападении фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. Митрополит Сергей узнал, вернувшись в свою скромную резиденцию из Богоявленского (Елоховского. – А. О.) собора, где он служил Божественную литургию в Неделю Всех святых, в земле Российской просиявших. Первосвященник ясно сознавал, что в этот тяжкий час испытаний для всего народа Русская Церковь, верная своим традициям, должна быть вместе с народом, питая его духовные силы. Митрополит Сергей ушел к себе в кабинет, и вскоре его близкие слышали стук пишущей машинки. Патриарший Местоблюститель писал Послание к Церкви по случаю начала войны».

А вот еще одно свидетельство, из которого следует, что Сергей на литургии 22 июня 1941 г. все же говорил о немецком нападении и призвал православных и весь народ «на защиту священных границ нашей Родины», но сделал это после того, как выступил Молотов: «22 июня 1941 года, в День Всех Святых, в Земле Российской просиявших, через два часа после выступления по радио наркома иностранных дел Молотова о нападении Германии на Советский Союз и за две недели до обращения Сталина к советскому народу митрополит Сергей призвал верующих, собравшихся в Богоявленском кафедральном соборе Москвы, весь народ дать отпор агрессору». Практически в каждом интернетовском материале о Патриархе Сергии дословно приведен указанный текст. Изредка он имеет следующее продолжение: «В тот же день он стал рассылать Послание “Пастырям и пасомым Христианской Православной Церкви” по всем приходам».

Так говорил Митрополит Сергей во время литургии о нападении Германии или нет?

Здесь необходимо отметить, что в Елоховском соборе по воскресным дням литургия начиналась и начинается в 10.00 и продолжается не менее трех часов. О нападении немцев очень многие в Москве уже знали с 6.30, так как с этого времени Геббельс начал зачитывать по радио обращение Гитлера к немецкому народу, а в московских коммунальных квартирах еще жили интеллигентные люди, знающие немецкий язык, и у многих из них в комнатах имелись не только репродукторы, но и радиоприемники (см. [62. С. 315–316]). Поэтому о нападении Германии Митрополит Сергей мог слышать сам по радиоприемнику, или ему сообщил об этом кто-то из церковного клира или прихожан до начала службы. Однако сказать об этом

всем верующим, прежде чем это сделает руководитель государства, он не мог. Но во время службы ему могли сообщить о выступлении Молотова по радио, и тогда Сергей в своей проповеди, завершающей литургию, обратился к собравшимся в храме и сказал им о начале войны, тем более что тема литургии была «Все святые, в земле Российской просиявшие». Потому он и упомянул Александра Невского и Димитрия Донского, призвал верующих и весь народ дать отпор врагу. И выразил уверенность в победе с Божьей помощью: «Господь нам дарует победу».

Интересно, что, выступая только через десять дней после Митрополита Сергея, Сталин, скорее всего находясь под впечатлением его послания, начал свою речь привычным в те годы обращением «товарищи», потом добавил «граждане», а закончил церковным обращением «братья и сестры». А в своей речи 7 ноября 1941 г. на Красной площади перед воинами, уходящими с парада на фронт, повторил за Сергием имена святых Александра Невского и Дмитрия Донского, назвав их первыми в списке великих предков – защитников Отечества.

Послание Митрополита Сергея 22 июня 1941 г. – очень важное событие для понимания этого дня – трактуют по-разному. Высказано даже предположение о том, что Митрополиту Сергию о начале войны сообщил сам Сталин (дескать, а кто же еще мог первым знать о том, что началась война?). Кто-то, наоборот, всячески преуменьшает важность этого события – мол, церковь хочет возвеличить свою роль в Великой Отечественной войне. Один из таких «исследователей» послания утверждает, что обращение Сталина «Братья и сестры!» ни малейшего отношения к выступлению 22 июня 1941 г. Сергея не имеют. Этот автор пишет: «“Братья и сестры” в официальных речах Сталин использовал не один раз на протяжении всей войны в первомайских и “сентябрьских” речах». Это очевидная неправда, в чем легко убедиться, перелистав книгу Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». В текстах опубликованных в ней тридцати восьми его выступлений, приказов и ответов на вопросы корреспондентов лишь один раз встречаются слова «братья и сестры» – в выступлении Сталина по радио 3 июля 1941 г. Есть серьезное подтверждение высокой оценки, данной Сталиным обращению Митрополита. 5 сентября 1943 г., по возвращении Митрополита из Ульяновска, где он находился в эвакуации, его вместе с митрополитами Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем) принял Сталин в своем кремлевском кабинете. А через три дня, 8 сентября, в новом здании Патриархии (Чистый переулок, д. 5) уже состоялся Собор епископов, который избрал Митрополита Сергея Патриархом Московским и всея Руси.

Символично и то, что Собор проходил в бывшей резиденции германского посла, которая после этого была передана Патриархии. Сталин никогда ничего не забывал.

Приложение 20. «Маска сброшена» – публикация в газете «Таймс» 23 июня 1941 года

Источник: <http://rus.ruvr.ru/2010/06/22/10260176.html>

Вряд ли стоит тратить слова на нравственную оценку последнего шага Гитлера. Внезапно, без всякого предупреждения, он развернул на 180 градусов политический курс, начало которому было положено год и 10 месяцев назад подписанием Пакта Риббентропа – Сталина, – точно так же, как сам этот пакт диаметрально изменил его политику (и принципы, в верности которым он клялся с пеной у рта предыдущие пятнадцать лет). (Это «Таймс» напоминает, что Гитлер пятнадцать лет клялся Европе, что будет воевать с Советской Россией. – А. О.)

Различные предлоги, которыми оправдывается нынешний разворот – насчет того, что Советская Россия не соблюдала заложенную в Пакте позицию нейтралитета или что советские патрули на прошлой неделе нарушали границу, – звучат по-детски нелепо. Единственный пассаж в заявлении Гитлера, содержащий хотя бы малую толику искренности, – тот, где он, по сути, признает, что Пакт был временной уловкой, позволявшей добиться определенных целей (между прочим, подобного соглашения-уловки до начала войны добивалась Англия, что видно хотя бы по поведению англо-французской военной делегации в Москве в августе 1939 г. – А. О.), с тем чтобы позднее «сбросить маску», когда эти цели будут достигнуты.

Большинство стран мира – но, увы, не простодушная жертва агрессии (вот как Англия позиционировала Сталина в тот момент. – А. О.) давно уже подозревали, что дело обстоит именно так. Главный урок вчерашних событий удачно подытожил председатель Комитета по иностранным делам американского Сената: ни одному слову, ни одному обещанию Гитлера верить нельзя. После произошедшего трудно представить себе, чтобы кто-нибудь, каким бы наивным он ни был, подписал соглашение с Гитлером, считая, что тот будет его соблюдать, а не рассматривать просто как прелюдию к очередному акту вероломства.

Пока что развитие событий следует по до боли знакомому руслу. Внезапное, без объявления войны, нападение, бомбежки мирных городов, обращение Гитлера к немецкому народу, зачитанное Геббельсом, нота, врученная Риббентропом дипломатическому представителю жертвы агрессии, обещание обнародовать «разоблачительные» документы, захваченные в ходе некоей предыдущей операции – все это мы видели уже много раз. Жертве в очередной раз не был предъявлен ультиматум, не выдвигалось никаких требований. Цель, однако, вполне очевидна – стереть Советскую Россию с политической карты, как уже были стерты Чехословакия и Польша, Дания и Норвегия, Голландия и Бельгия, Югославия и Греция. И

конечные планы нацистов тоже не изменились.

Никто в нашей стране не должен поддаваться соблазну облегченно вздохнуть из-за того, что теперь силы Гитлера отвлечены на Востоке. Ведь нападение на Россию лишь еще один этап подготовки к вторжению на Британские острова. Это еще один шаг к воплощению гитлеровской мечты о мировом господстве. Что же касается конкретных задач, которые ставят перед собой нацисты, и вероятных последствий нападения на Россию, то о них можно лишь гадать. Если главная цель Гитлера – запасы сырья и продовольствия, он должен был бы избрать для этого более подходящие средства. Когда военные действия начинаются накануне страды, надеяться на рекордный урожай не приходится. Кроме того, даже если сопротивление русских будет куда слабее, чем можно ожидать, исходя из неоспоримых фактов прошлого, трудно представить себе, что советские нефтепромыслы попадут в руки немцев неповрежденными.

С другой стороны, если Гитлер намеревается превратить российскую территорию в плацдарм для наступления на Ближний Восток (в Англии отлично понимают главную цель взбунтовавшегося Гитлера. – А. О.), мы можем испытать некоторое удовлетворение при мысли о том, что он не решился штурмовать препятствия, которые мы возвели на более удобных для него маршрутах. Но вывод из этого может быть только один: нам следует приложить все усилия, чтобы выстроить столь же мощные и неприступные барьеры на случай успеха его нынешнего предприятия. Каждое наступление вражеских войск, независимо от того, куда оно направлено, – это очередное предупреждение нам и нашим союзникам о необходимости активизировать наши приготовления и максимально усилить наши возможности, как оборонительные, так и наступательные.

Возможно также, что Гитлер принял это радикальное решение, рассчитывая в первую очередь на перелом в политическом аспекте войны. Пока что блестящие военные успехи не смогли развеять апатию и беспокойство немцев – ведь война явно затягивается, и конца ей не видно. Возможно, Гитлер надеялся вызвать у своих подданных запоздалый энтузиазм, вытащив из нафталина прежние лозунги о «крестовом походе» против большевизма (помнят, однако, в Англии, к чему призывал Черчилль в 1918 г. – А. О.). Если так, то он явно просчитался. Даже тех немцев, которых ему удалось обмануть, убедив поддержать нацистскую идеологию как противовес коммунизму, вряд ли удастся еще раз ввести в заблуждение, столь бесстыдно и цинично провозглашая «крестовый поход», который уже был один раз начат, а затем отменен (похоже, что автор имеет в виду именно интервенцию стран Антанты 1918–1919 гг. против Советской России. – А. О.). Еще меньше шансов на то, что эти идеологические «обманки» смогут кого-то запутать в других странах. Те, кто в свое время был одурачен и вообразил Гитлера спасителем мира от марксистской угрозы, больше не попадутся на эту удочку. Мир уже осознал как беспредельность его амбиций, так и абсолютную неразборчивость в средствах для их

достижения. И никакие ужимки Гитлера это понимание уже не перечеркнут.

В этих условиях ответ Британии на вчерашнюю агрессию четок и ясен. Безрассудно добавив Россию к списку своих врагов, Гитлер вынужден будет вести войну на два фронта, избежание которой до сих пор считалось кардинальным принципом его стратегии (и организовать которую 22 июня 1941 г. наконец удалось Черчиллю. – А. О.). Тем самым он создал новую ситуацию, из которой его противники должны без колебаний (на тему нравственно это или безнравственно. – А. О.) извлечь максимальные преимущества. Сейчас возможна лишь одна постановка вопроса. Те, кто помогает Гитлеру, – наши враги, какая бы взаимная симпатия и интересы ни объединяли нас с ними в прошлом. И напротив, тех, кто, подобно нам, – пусть и с запозданием – присоединился к фронту сопротивления нацистской гегемонии, следует считать нашими соратниками (это объясняется, почему Советская Россия, которая с 7 ноября 1917 г. по 21 июня 1941 г. считалась злейшим врагом Англии, вдруг становится ее союзником. – А. О.) по борьбе, заслуживающими любой возможной поддержки и помощи с нашей стороны, которая, к тому же, отвечает и нашим собственным интересам.

Мы, несомненно, не упустим шанса оказать косвенную поддержку новой жертве нацистской агрессии за счет усиления наших ударов по военным и промышленным объектам Германии. Вопрос о том, осуществима ли наша непосредственная помощь уже в ближайшем будущем, будет непременно и безотлагательно рассмотрен военными специалистами обеих наших стран. Давно прошли те времена, когда русский солдат должен был идти в бой ради идеологических постулатов. Сегодня он клянется в верности лишь своей советской родине. Во вчерашнем радиообращении г-н Молотов призвал русский народ стойко сражаться в «отечественной» войне «за родину, за честь, за свободу» и привел славный пример из истории, когда вся страна поднялась на борьбу с Наполеоном (который был не менее ярким противником Британской империи, чем Гитлер. – А. О.).

Пожалуй, столь же уместно – хотя, наверно, не для г-на Молотова – было бы вспомнить другой случай, уже из недавней истории, когда Россия тоже была среди тех, кто отражал очередную попытку решить судьбы Европы огнем и мечом. Никакое хитроумие государственных деятелей ничего не смогло поделать с географическими факторами и потребностями баланса сил; в результате, без каких-либо осознанных намерений любой из сторон, сегодня сложились те же группировки держав, что и в 1914 г. (да это же слова Черчилля: «У Англии нет союзников, у Англии есть интересы». – А. О.). В тот раз вторжение германских войск на российскую землю стало прелюдией к одному из самых мимолетных успехов в истории, но затем и к одному из самых сокрушительных поражений – краху Германской империи. И этот прецедент сейчас наверняка беспокоит очень многих немцев.

Приложение 21. Первые оперативные сводки Генштаба в Великой Отечественной

Источник: [15. С. 17–24]

Оперативная сводка Генерального штаба Красной Армии № 01

На 10 ч 00 мин 22 июня 1941 г.

В 04.00 22 июня 1941 г. немцы без всякого повода совершили налет на наши аэродромы и города и перешли границу наземными войсками.

1. Северный фронт. Противник звеном самолетов-бомбардировщиков нарушил границу и вышел в район Ленинграда и Кронштадта. В воздушном бою нашими истребителями сбито 2 самолета.

До 17 самолетов противника пытались пройти в район Выборга, но, не дойдя, повернули обратно.

В районе Куолаярви взят в плен немецкий солдат моторизованного полка 9 пд. На остальных участках фронта спокойно.

2. Северо-Западный фронт. Противник в 04.00 открыл артогонь и одновременно начал бомбить аэродромы и города Виндава, Либава, Ковно, Вильно и Шауляй. В результате налета возникли пожары в Виндаве, Ковно и Вильно.

Потери: уничтожено на аэродроме Виндава 3 наших самолета, ранено 3 красноармейца и зажжен склад горючего; в 04.30 над районами Каунаса и Либавы шел воздушный бой, результаты выясняются.

С 05.00 противник ведет систематические налеты группами по 8 – 20 самолетов на Поневеж, Шавли, Ковно, Рига, Виндава, результаты выясняются.

Наземные войска противника перешли в наступление и наносят удары в двух направлениях: основной – из района Пиллкален, Сувалки, Гольдап силами трех-четырех пд и 200 танков в направлении Олита и обеспечивающий главную группировку удар – из района Тильзит на Таураге, Юрбаркас силами до трех-четырех пд с невыясненной группой танков.

В результате пограничных боев атака противника на Таураге отбита, но противнику удалось захватить Юрбаркас. Положение на направлении главной группировки противника уточняется. Противник, видимо, стремится действиями на Олита, Вильно выйти на тылы Западного фронта, обеспечивая свои действия ударом на Таураге, Шауляй.

3. Западный фронт. В 04.20 до 60 самолетов противника бомбардировали Гродно и Брест. Одновременно во всей полосе Западного фронта противник открыл артиллерийский огонь.

В 05.00 противник бомбардировал Лида, нарушив проводную связь армии.

С 05.00 противник продолжал непрерывные налеты, нанося удары группами бомбардировщиков До-17 в сопровождении истребителей Ме-109 по городам Кобрин, Гродно, Белосток, Брест, Пружаны. Основными объектами атаки являются военные городки.

В воздушных боях в районе Пружаны сбиты 1 бомбардировщик и 2 истребителя противника. Наши потери – 9 самолетов.

Сопоткин и Новоселки горят. Наземными силами противник развивает удар из района Сувалки в направлении Голынка, Домброва и из района Соколув вдоль железной дороги на Волковыск. Наступающие силы противника уточняются. В результате боев противнику удалось овладеть Голынкой и выйти в район Домброва, отбросив части 56 сд в южном направлении.

В направлении Соколув, Волковыск идут напряженные бои в районе Черемха. Своими действиями на этих двух направлениях противник, очевидно, стремится охватить северо-западную группировку фронта.

Командующий 3-й армией вводом танковой дивизии стремится ликвидировать прорыв противника на Голынка.

4. Юго-Западный фронт. В 04.20 противник начал обстрел пулеметным огнем нашей границы. С 04.30 самолеты противника ведут бомбардировку городов Любомль, Ковель, Луцк, Владимир-Волинский, Новоград-Волинский, Черновицы, Хотин и аэродромов у Черновицы, Галич, Бучач, Зубов, Адам, Куровице, Чунев, Скнилов. В результате бомбежки в Скнилов был зажжен технический склад, но пожар ликвидирован; выведено из строя на аэродроме Куровице 14 самолетов и на аэродроме Адам 16 самолетов. Нашими истребителями сбито 2 самолета противника.

В 04.35 после артогня по районам Владимир-Волинский и Любомль наземные войска противника перешли границу, развивая удар в направлении Владимир-Волинский, Любомль и Крыстынополь.

В 05.20 в районе Черновицы у Карпешти противник также начал наступление.

В 06.00 в районе Радзехув выброшен парашютный десант противника неустановленной численности.

В результате действия наземных войск противник занял, по непроверенным данным, Пархач и Высоцко в районе Радымно. До полка конницы противника с танками, действующими в направлении Рава-Русская, проникло к УР. В районе Черновицы противник потеснил наши пограничные заставы.

На румынском участке в воздушных боях над Кишинев и Бельцы сбито 2 самолета противника. Отдельным самолетам противника удалось прорваться на Гросулово и бомбить аэродромы Бельцы, Болград и Болгарийка. В результате бомбежки уничтожено 5 самолетов на

аэродроме Гросулово.

Наземные войска противника на фронте Липканы, Рени пытались форсировать р. Прут, но были отбиты. По непроверенным данным, противник в районе Картала высадил десант через р. Дунай.

Командующие фронтами ввели в действие план прикрытия и активными действиями подвижных войск стремятся уничтожить перешедшие границу части противника.

Противник, упредив наши войска в развертывании, вынудил части Красной Армии принять бой в процессе занятия исходного положения по плану прикрытия. Используя это преимущество, противнику удалось на отдельных направлениях достичь частного успеха.

Начальник Генерального штаба Красной Армии
генерал армии Жуков

(ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1071. Д. 1. Л. 2–5. Подлинник)

Оперативная сводка Генерального штаба Красной Армии № 02

На 22 ч 00 мин 22 июня 1941 г.

Германские регулярные войска в течение 22 июня вели бои с погранчастями СССР, имея незначительный успех на отдельных направлениях. Во второй половине дня, с подходом передовых частей полевых войск Красной Армии атаки немецких войск на преобладающем протяжении нашей границы отбиты с потерями для противника.

1. Мурманско-ленинградское направление. В течение дня противник наземными войсками границы не нарушал. Авиация противника производила перелеты госграницы в районе Энсо и Нурме, по-видимому, с целью разведки Выборгского направления.

В течение 22 июня сбито 2 самолета противника и захвачен пленный 9 пд в районе Куолаярви.

2. Виленско-рижское направление. Штафронта – Поневеж. Войска фронта в течение дня вели напряженные бои с противником силой до одиннадцати-двенадцати пд и двух-трех тд на фронте Кретинга, Таураге, Шакиай, Мариамполе, Симно, Сеирияй.

8-я армия. Штарм – Куртувенай. Ведет бой с противником силою до четырех-пяти пд с танками, пытающимися прорваться на Шауляй из районов Мемель и Тильзит.

10 ск, контратаковав противника, занявшего Картена, ведет наступление на Кретинга. Противник отходит.

11 ск: 125 сд ведет упорные бои с противником в районе Таураге; 90 и 48 сд сосредоточиваются в район Кведарна, Неманшчай.

12 мк сосредоточен в районе Тришкиай, Шиаулией.

9 птабр в районе Ужвентис, Кражиоай.

11-я армия. Штарм – Каунас. Ведет упорные бои с сувалкинской группировкой противника, развивающей удар на Каунас, Олита.

16 ск занял рубеж Шакий, Мариамполь и ведет бой с противником силою до трех-четырех пд и одной-двух тд.

128 сд, атакованная двумя пд и большим количеством танков, отошла и ведет бой на рубеже Симнас, Сейрияй. 184 сд сосредоточена в районе Ораны. 23 сд на подходе к Андрушканцы.

3 мк сосредоточен в районе Ионава, Олита.

3. Западный фронт. Штафронта – Минск. В течение дня, сдерживая наступление противника на гродненском, белостокском и брестском направлениях, одновременно подтягивает из глубины резервы для перехода в контрнаступление.

3-я армия. Штарм – Гродно. Ведет напряженные бои с пятью-шестью пд и одной тд противника.

56 сд, понеся тяжелые потери, отошла и ведет бой на восточном берегу р. Неман севернее Гродно. 85 сд обороняет рубеж Гродно, Беланы. 27 сд обороняется на фронте Августов, Граево. 29 тд атаковала противника в направлении Сопоткин, приостановила его наступление и к 14.00 вела бой на рубеже Лабны, Огородники.

10-я армия. Штарм – Белосток. Отбив наступление противника на Белосток, ведет бой на фронте Ломжа, Цехановец. Противник от Ломжа отходит на Остроленка.

В районе Радунь, Нача в период 16.42–17.54 22.6 выброшен парашютный десант в количестве 1 000 – 1 500 человек.

13 мк в 18.00 перешел в контратаку в направлении Боцьки против танков противника, прорвавшихся на Бельск.

6 мк сосредоточен в районе Белосток. Положение остальных частей армии уточняется.

4-я армия. Штарм – Заполье. В течение дня войска армии вели упорные бои с превосходящими силами противника на рубеже Мельник, Брест-Литовск.

4. Юго-Западный фронт. В течение дня армии вели бои с превосходящими силами противника, наступающими на луцком и львовском направлениях. Попытки противника переправиться на левый берег р. Прут успеха не имели.

124 сд, занимая правым флангом прежний район, левым флангом отошла на Стоянув. На остальном фронте положение без перемен.

Заместитель начальника Генерального штаба

Красной Армии генерал-лейтенант Маландин

(ЦАМО. Ф, 28 (16). Оп. 1071. Д. 1. Л. 6–8. Подлинник)

**Оперативная сводка Генерального штаба Красной Армии
№ 03**

На 08 ч 00 мин 23 июня 1941 г.

В ночь на 23 июня противник крупных активных действий наземными войсками не предпринимал. В 05.30 23 июня пехота противника, поддержанная до дивизии танков, атаковала наши части, занимавшие предмостные укрепления у Олита, отбросила их на правый берег р. Неман и захватила переправу.

В течение всей ночи имели место массовые эшелонированные воздушные налеты противника одиночными самолетами и группами от 10 до 50 бомбардировщиков на приграничные пункты и аэродромы на глубину до 400 км. Наиболее интенсивные бомбардировки велись на направлении Минск, Бобруйск. На этом же направлении продолжались выброски с самолетов мелких диверсионных групп противника с основной целью нарушить управление войсками.

Наши части в течение ночи на 23 июня готовились активными действиями отразить предстоящие атаки противника, производя с этой целью частичные перегруппировки и продолжая подтягивать соединения, дислоцированные в глубине.

Округа приступили к от мобилизации своих войск в соответствии с Указом Правительства.

1. Северный фронт. В течение ночи на 23 июня наземные войска боевых действий не вели. Противник, заканчивая сосредоточение, продолжал подтягивать свои войска к нашей госгранице.

Сосредоточение войск фронта проходит по плану. Ведется усиленное наблюдение за противником.

14-я армия продолжает вывод частей в районы сосредоточения, усиливая оборону Мурманска, мурманско-петсамого и куолярви-рованиемского направлений.

Части 14 сд проводили работы по развитию укреплений на полуостровах Рыбачий и Средний и в районе Титовка.

42 ск занимает укрепленный рубеж Кора, Еуоланрви, Кайрала.

1 тд продолжает перевозки по железной дороге в районе ст. Алакурти.

7-я армия заканчивает сосредоточение в районе Куолииска, Корниселья, Вертосия, Ристалаhti, Суоярви, прикрывая петрозаводское направление. Штарм – Суоярви.

23-я армия, продолжая оборонительные работы, прикрывает Выборгско-ленинградское и кексгольмско-ленинградское направления. Части армии занимают:

19 ск – Ристалаhti, ст. Энсо;

50 ск – на фронте (иск.) ст. Энсо, Вийпури;

70 сд совершает марш в район Муола, ст. Лейпясую;

22 ск (191, 16, 80 сд) занимает оборону южного берега Финского залива на фронте Нарва, Хаапсалу;

10 мк с утра 23.6 из района Вийпури переходит в Антреа;

1 мк без 1 тд к утру 23.6 сосредоточивается в районе Пушкин, Слуцк.

В течение ночи на 23.6 авиация противника двумя группами в 7 и 9 самолетов пыталась произвести налет на Ленинград. Сброшена 1 бомба в районе Песочное (22 км сев. – зап. Ленинград). Во время этого налета огнем зенитной артиллерии в районе Медного завода (сев. Ленинград) сбит 1 самолет противника, 4 германских летчика-офицера взяты в плен; в районе Кронштадт сбито 4 самолета противника. В течение ночи противник бомбил Ханко. Городу причинен значительный ущерб. Военные объекты не пострадали.

2. Северо-Западный фронт. Войска фронта в течение ночи закреплялись на занятых рубежах и изготавились с утра нанести концентрический удар по группировке противника, действующей на шауляйском направлении.

8-я армия. Штарм – Куртувенай. Имея против себя до шести пехотных, трех мото- и одной танковой дивизий и одной кавбригады противника, закреплялась:

- 10 ск на фронте р. Саланта, р. Миния, р. Немила, р. Акмена;
- 11 ск на фронте Рудукишкяи, Реведаубе, лес севернее Лансарвас;
- 12 мк в исходном районе для наступления Тверяй, Раудена, Кельме.

11-я армия. Штарм – Кайшадорис. Под натиском до семи-восьми пд, двух тд и двух мд противника войска армии отходят с рубежа ст. Козлова Руда, Олита на Каунас: 16 ск (5, 33 сд) ведет бой в Козлове-Рудских лесах; 188 сд отходит из района Пренай; 126 сд отошла от Олита на Каунас; 128 сд понесла большие потери, связи с ней нет.

3. Западный фронт. Штафронта – Минск. Войска фронта продолжают вести упорные бои с противником силою до тридцати – тридцати двух пд, четырех тд и двух мд, наступающим на гродненском и бельском направлениях.

3-я армия. Штарм – Путришки (10 км вост. Гродно):

4 ск занимает рубеж обороны на фронте Гожа, Гродно, Беланы; 29 тд, приостановив наступление противника, ведет бой в районе Лабны, Огородники; 27 сд обороняет рубеж Августов, Граево.

10-я армия ведет сдерживающие бои на фронте Ганиондз, Осовец, Васош, ст. Снядово, Чижев, Кучин (сев. – вост. Цехановец):

- 2 сд занимает рубеж обороны Гониондз, Осовец, Ковавесь;
- 1 ск к исходу 22.6 вел бой, предположительно, на рубеже Васош, устье р. Гатська; 6 кк находится южнее Ломжи;

5 ск, предположительно, к исходу 22.6 вел бои на рубеже ст. Снядово, Кучин;

13 мк сосредоточен в 6 км западнее Брянск; материальной частью корпус не укомплектован;

6 мк к 18.00 22.6 занимал район Малый Хорош, Ванюты, Сураж и в боях не участвовал; последних данных о положении корпуса не имеется;

155 сд из района Барановичи переходит в Волковыск. Данных о положении частей левого фланга армии не имеется. 4-я армия. Штарм –

Запруды (15 км сев. – вост. Кобрин).

28 ск:

49 сд – сведений не поступило;

42 сд вела бои в районе Черновицы, Черны (10 км сев. – вост. Брест-Литовск); 6 сд – положение не установлено.

14 мк к исходу 22.6 сосредоточился в районе Жабинка, его 205 мд в районе Запруды, Картуз-Береза готовит оборонительный рубеж по р. Мухавец.

Резервы фронта:

17 сд – на марше из Коркененш в район Поречье, Скидель, Новый Двор;

50 сд – на марше из Дунялович в Крево; 37 сд – в районе Волослечники;

161 сд – на марше из Волма в Минск;

108 сд – четыре эшелона к 21.00 разгрузились в Лесне;

64 сд сосредоточивается в районе Радошаовицы, Ратомна; к 21.00 22.6 прибыло 6 эшелонов.

23.6 в 02.50 авиация противника группами по 5–6 самолетов бомбила аэродромы Бобруйск, Осиповичи, Березовка и производила выброску авиадесантов в районах Картуз-Береза, ст. Домановичи, ст. Ивацевичи, ст. Лесна. Количество десантов уточняется.

4. Юго-Западный фронт. Штафронта – Тарнополь. Войска фронта частями прикрытия сдерживают наступление противника и продолжают сосредоточение основных сил к линии фронта.

5-я армия. Штарм – лес 14 км юго-восточнее Ковель. Войска армии ведут упорные бои на фронте Влодава, Устилуг, Порицк, Стоянов:

15 ск обороняет рубеж Влодава, Устилуг;

27 ск ведет бой на фронте Порицк, Стоянов;

22 мк сосредоточивается в Луцк.

6-я армия продолжала вести упорные бои с противником, наступающим на крыстынопольском направлении. Одновременно подготавливает маневр подвижных сил по разгрому прорвавшихся групп противника. Смелым маневром 3 кд противник выбит из района Пархач, Брусно. Взяты пленные 9 пд.

6 ск отбросил противника, наступающего на Рава-Русская, и ведет бой на рубеже Лубуча, Любачув, Радымно.

37 ск в движении из района Тарнополь, Галич к линии фронта.

4 мк в районе Янов в готовности к контратаке.

15 мк на исходном положении для действий у Радехов.

8 мк выводится в район Янов, Городок с целью контратаки противника во взаимодействии с 15 мк.

26-я армия передовыми частями ведет бой на р. Сан, подтягивая к линии фронта остальные войска.

12-я армия. Штарм – Станислав. Части прикрытия армии ведут бои на черновицком направлении с румынскими и немецкими войсками. Главные силы сосредоточиваются к линии фронта:

13 ск главными силами в движении к госгранице;

17 ск ведет упорные бои на линии госграницы юго-восточнее Черновицы; перед фронтом корпуса наступают до трех пд немцев и румын; в районе Герц взято в плен 7 и убито 14 немецких солдат, захвачены 1 пушка, 1 миномет и 6 пулеметов;

16 мк заканчивает сосредоточение в район Снятын, лес севернее Жадово. Резервы фронта в движении к линии фронта из районов:

31 ск – Сновидовичи, Березно, Корец;

36 ск – Дубровка, Полонное, Немировка;

55 ск – Новая Ушица, Шпиков, Могилев-Подольский;

49 ск продолжает сосредоточение двумя дивизиями по железной дороге и 199 сд – походом.

Авиация противника неоднократно бомбила аэродромы Черновицы, Станислав, Галич, Боушув и пункты Снятын, Калуш, Стрый, Дрогобыч, Самбор. В районах Лисятыче (15 км сев. – вост. Стрый), Козова (юго-вост. Брзжаны) и 12 км северо-западнее Залещики сброшены парашютные десанты неустановленной численности. Для их ликвидации привлечены танковые и стрелковые части.

9-я отдельная армия. Штарм – Тирасполь. Войска армии, отбив все попытки противника перейти госграницу, занимают положение:

35 ск обороняет госграницу на рубеже Тецкань (юго-вост. Липканы), Чоры;

14 ск обороняет рубеж Кагул, Рени, Жибриени, успешно отражая все попытки противника переправиться на нашу территорию;

2 мк: 15 мд в районе Тирасполь; 16 тд – Рыбница; 11 тд – Кишинев; 48 ск сосредоточился в районе Бельцы, его 30 гсд заняла оборону на рубеже Алуниш, ст. Реуцея;

9 оск (106, 156 сд, 32 кд) занимает оборонительные рубежи на побережье Крымского полуострова.

Румынские ВВС при поддержке немецких самолетов неоднократно бомбили Бельцы, Кишинев, Болград. За 22.6 сбито 16 самолетов противника.

Заместитель начальника Генерального штаба

Красной Армии генерал-лейтенант Ватутин

(ЦАМО. Ф. 28(16). Оп. 1071. Д. 1. Л. 9 – 15. Подлинник)

Оперативная сводка Генерального штаба Красной Армии № 04

На 18 ч 00 мин 23 июня 1941 г.

В течение дня 23 июня немецкие и румынские войска стремились развить наступление по всему фронту, направляя главные свои усилия на шауляйском, каунасском, гродненско-барановичском, брестско-пинском, владимир-волинском и бродском направлениях. Финляндия

продолжает сосредоточение своих сил к нашей госгранице.

Войска Красной Армии обороной и контрударами оказывали упорное сопротивление наступающему противнику, нанося ему в течение дня значительные потери.

В результате дневных боев части прикрытия Северо-Западного и Западного фронтов под давлением превосходящих сил противника отошли и ведут бои на линии Плунге, Средники, р. Неман, Гродно, Сокулка, Нарев, Пружаны, Днепровско-Бугский канал.

Войска Юго-Западного и Южного фронтов успешно сдерживали наступающего противника. Стремительным контрударом части 6-й армии на равнине в направлении разгромили противника и, восстановив положение, отбросили его за госграницу.

Авиация вела непрерывные воздушные бои, прикрывая войска, штабы и военные объекты от постоянных атак авиации противника, и содействовала войскам в отражении атак его наземных войск. В воздушных боях и средствами зенитной обороны в течение дня уничтожено 50 самолетов противника, из них один посажен в районе Минска.

1. Северный фронт. В течение дня наземные войска боевых действий не вели. Продолжается сосредоточение войск.

Противник производит оборонительные работы, ведет усиленную разведку и наблюдение, особенно на Карперешейке и рованинском направлении, и продолжает подтягивание своих войск к госгранице. Авиация противника в 06.55 подвергла безрезультатной бомбардировке транспортное судно у мыса Мишуков.

При входе в залив Петсамо нашим артогнем береговых батарей уничтожен 1 тральщик противника,

Изменений в группировке войск 14, 7 и 23-й армий не произошло.

2. Войска Северо-Западного фронта продолжают сдерживать наступление превосходящих сил противника на рубеже Плунге, Кведарна, Редники, р. Неман.

8-я армия, сдерживая наступление семи-восьми пд с танками на шауляйском направлении, силами 12 мк наносит контрудар с рубежа Жаренай, Раудена в направлении Скаудвиле по группировке противника, наступающей вдоль Тильзитско-Шауляйского шоссе:

10 ск (10 сд) ведет бои с превосходящим противником на рубеже р. Саланта, р. Миния, Плунге, Кулнай, Ендрейва;

11 ск (90, 125, 48 сд) ведет упорные бои на фронте Шивале, ст. Батакяй, Видукле, Россиены. Перед фронтом корпуса до пяти-шести пд с танками.

11-я армия. Новых данных нет.

3. Западный фронт.

Части 3-й армии в 13.00 вели бои за Гродно на южном берегу р. Неман, Сокулка, р. Нарев, Бельск, Пружаны, Днепровско-Бугский канал.

С 10-й армией в течение дня штаб фронта связи не имел.

4-я армия. В 05.30 одна тд противника перешла в наступление на

Жабинку и три пд с танками – со стороны Бреста на Кобрин.

4. Войска Юго-Западного фронта, успешно отражая атаки противника, заканчивают сосредоточение сил. Войска 5-й армии ведут упорные бои на фронте Влодава, зап. Владимир-Волынский, Стоянув, отражая наступление крупных пехотных и танковых сил противника:

15 ск удерживает фронт Влодава и зап. Владимир-Волынский;

27 ск ведет бой на фронте (иск.) Порыцк, Стоянув; в 16.30 до 500 танков противника прорвались на Горохув и ведут наступление на Броды; для уничтожения прорвавшихся танков противника направлены 22 мк из Луцка и 9 мк из Ровно.

6-я армия продолжает сдерживать наступление крупных сил противника в любачувском и перемышльском районах. В районе Рава-Русская контратакой наших войск противник отброшен за границу:

6 ск в 12.00 перешел в контрнаступление, отбросил наступавшие части противника за госграницу;

37 ск – на марше из района Тарнополь, Галич к линии фронта;

4 мк из района Добровина, Янув, Майдан наступает в направлении Жулкев, Крыстынополь с задачей уничтожить крыстынопольскую группу противника;

15 мк из района Броды, Бялы Камень, Золочев наступает на Радзехув с задачей уничтожить радзехувскую группировку противника;

8 мк к 13.00 сосредоточился в районе Винники, Борыниче, Куровице в готовности наступать на Радзехув.

26-я армия ведет бой на р. Сан. На правом фланге, в районе Перемышля сдерживает наступление крупных сил пехоты и мотомехвойск противника. Перемышль в наших руках.

12-я армия. Штарм – Станислав. Ведет бой на черновицком направлении с румынскими и немецкими войсками:

13 ск прикрывает госграницу в Карпатах;

17 ск занимает фронт Каменка, Новоселица, Липканы, отразив наступление до двух румынских и немецких пд, наступавших на фронте Каменка, Герца;

16 мк сосредоточился в районе Снятый, Лукавица (15 км юго-вост. Черновицы), Динауци. Резервы фронта (31, 36, 55, 49 ск) продолжают сосредоточение к линии фронта.

5. Южный фронт, успешно отбивая наступление и атаки противника, удерживает левый берег р. Прут. Противнику силою до пд удалось форсировать р. Прут в районах Скулени (15 км сев. Яссы) и у Кагула силами до полка, усиленного двумя танковыми ротами. Попытки противника продвинуться на этих направлениях встречаются контратаками наших войск.

На участке Сарата, Розешти до двух батальонов немцев форсировали р. Дунай, развивали успех на Минжир, но контратакой наших войск с потерями для него отброшены на правый берег р. Дунай. В этом бою захвачено в плен 50 немецких солдат. В районе Валены переправилось до двух рот противника. В районе Корпачи, Бранешти, Авронемы переправились мелкие части противника,

Авиаразведкой в 12,00 установлена колонна танков противника глубиной до 30 км в движении на Фэлчиу. В 18.30 более полка вражеских танков на переправах у Фэлчиу было атаковано нашей авиацией,

На Крымском полуострове части 9 оск^[248] заняли положение для обороны.

Изменений в группировке 9-й отдельной армии за день не произошло.

18 мк выдвигается на фронт. Его дивизии в 10.00 сосредоточились в районах: 44 тд – Тарутино; 47 тд – Аккерман; 218 мед – Сарата.

В течение дня налетам авиации противника подверглись Тирасполь, Кишинев, Одесса.

6. Военно-Морской Флот заканчивает развертывание и проводит частные операции на морях. В устье Финского залива обнаружены подлодки и минные заграждения противника. Краснознаменный Балтийский флот выполняет оборонительные операции в устье Финского залива и на подходах к Рижскому заливу.

На Черном море самолеты противника сбрасывали парашютные мины в районе Очаков. Один самолет противника сбит.

Черноморский флот закончил развертывание и ведет оборонительные операции на подходах к базам. Авиация флота произвела три налета на порты Констанца, Сулин. Всего произведено 99 самолето-вылетов СБ и ДБ.

Корабли Дунайской военной флотилии вели успешную борьбу с противником, переправившимся в районе Рени, и подавляли артиллерию противника.

Заместитель начальника Генерального штаба
Красной Армии генерал-лейтенант Ватутин

Отпечатано 19 экз.: Экз. № 1 – т. Сталину

2 – т. Молотову

3 – т. Ворошилову

4 – т. Жданову

5 – т. Вознесенскому

6 – т. Маленкову

7 – т. Берия

8 – наркому обороны

9 – наркому Военно-Морского Флота

10 – т. Мехлису

11 – зам. НКО т. Буденному

12 – т. Кулику

13 – т. Шапошникову

14 – т. Мерецкову

15 – нач. 3-го упр. НКО

16 – нач. РУ Генштаба

17 – для передачи генерал-лейтенанту Коневу
18, 19 – в дело Генштаба

Выписки из оперативной сводки № 04 об обстановке на соседних фронтах направлены командующим фронтами.

(ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1071. Д. 1. Л. 16–21. Подлинник)

А. О: В приведенных выше оперативных сводках Генштаба Красной Армии за два первых дня войны (они выпускались утром – в 10.00, а затем в 8.00, и вечером – в 18.00, а затем в 20.00) лишь в вечерней сводке за 23 июня была приведена полная рассылка оперсводок. В числе адресатов Мерецков, значит, в 18.00 в этот день он еще не был арестован, или в Генштабе об этом еще не знали. Удивляет, что в этом списке нет командующих сражающихся фронтов Попова, Кузнецова, Павлова, Кирпоноса и Черевиченко. Не хотели пугать их точным описанием тяжелой военной ситуацией фронтов-соседей? Или эти фронты входили в состав каких-то других армейских образований – направлений, которыми командовали в соответствии с секретным постановлением Политбюро от 21 июня 1941 г. Мерецков, Жуков, Кулик, Шапошников? Но тогда почему ее направили генерал-лейтенанту Коневу – командующему всего лишь армией (19А), или у него была еще какая-то должность покрупнее?

Тот факт, что за два дня упомянуты восемь выброшенных немцами десантов, в том числе один (Радунь – Нача) численностью 1 000 – 1 500 человек, позволяет предположить, что за десанты принимались немецкие войска, пересекшие границу СССР 20–21 июня в вагонах товарных поездов, которым боеприпасы скидывались на парашютах после начала боевых действий (кстати, именно этот момент чаще всего воспринимался советскими частями за выброску десанта).

Приложение 22. Начало войны на Балтийском флоте (21–22 июня 1941 г.)

**Из книги: Олег Стрижак. «Секреты балтийского подплава не утаить в глубинах флотских архивов»
(М.: Воениздат, 1996. С. 66–71)**

...Загадочны действия Трибуца и его штаба в первые часы войны. Н. Г. Кузнецов в книге «Накануне» (М.: Воениздат, 1969) пишет, что указание флотам о переходе на готовность номер один было дано около 23 часов 21 июня.

Затем Кузнецов, нарком ВМФ, звонит командующим флотами, первый звонок – Трибуцу: «Не дожидаясь получения телеграммы, которая вам уже послана, переводите флот на оперативную готовность номер один – боевую. Повторяю еще раз – боевую».

Трибуц спрашивает: «Разрешается ли открывать огонь в случае явного нападения на корабли и базы?»

Кузнецов отвечает: «Можно и нужно!»

«Мой телефонный разговор с Трибуцем закончился в 23 часа 35 минут» (см. с. 356, 357, 359).

Что происходило в Либаве, нам рассказывает Грищенко в книге «Соль службы». В час ночи 22 июня офицеры были вызваны посыльными на корабли и в части. Личный состав перешел из казарм на лодки. Готовности номер один объявлено не было.

В четыре утра Грищенко «решил не терять зря времени, провести учение по живучести и непотопляемости корабля».

Моряки понимают, что если б была объявлена боевая готовность, то ни о каких «учениях по живучести» и речи б не могло быть.

«В самый разгар наших учений мне подали радиограмму с адресом “По флоту”. Я быстро прочел: “...последнее время многие командиры занимаются тем, что строят догадки о возможности войны с Германией и даже пытаются назвать дату ее начала... Вместо того, чтобы... Приказываю прекратить подобные разговоры и каждый день, каждый час использовать для усиления боевой и политической подготовки... Комфлот Трибуц”».

Хорошая радиограмма в пятом часу утра 22 июня.

Почти тотчас, пишет Грищенко, над гаванью и над подводными лодками появились бомбардировщики с крестами и свастиками. «Но никто из командиров подводных лодок, памятуя указание “огонь не открывать”, не решается осмелиться и нарушить его... Самолеты в третий раз пролетают над нами. Где-то в стороне – не то взрывы бомб, не то стрельба орудий» (см.: «Соль службы», с. 53–54).

Заглянем в «Боевую летопись ВМФ...» (с. 95): «Около 4 ч. немецко-фашистские войска при поддержке танков, авиации и артиллерии перешли в наступление на приморском направлении. Самолеты противника, не встретив противодействия, нанесли бомбовый удар по Лиенае...»

Исторический сборник «Краснознаменный Балтийский флот...» (М.: Наука, 1973. С. 23–24) говорит об этом подробнее: около 4 час. утра краснофлотец Колотенков, разведчик 841-й зенитной батареи, которая находилась в боевом дежурстве (это уточнение подчеркивает, что и в береговых частях флота готовность номер один не была объявлена), определил, что неизвестные самолеты идут курсом с моря на военноморскую базу. Колотенков объявил по батарее боевую тревогу и доложил по телефону о самолетах на КП. С КП дивизиона последовала команда: «Огня не открывать».

12 бомбардировщиков «Ю-88» нанесли удар по Батскому аэродрому, где базировался 148-й истребительный авиационный полк.

Командир 503-й зенитной батареи, которая прикрывала аэродром, старший лейтенант В. Рябухин приказал (видимо, на свой страх и риск) открыть огонь. Однако самолеты уже отбомбились и без потерь развернулись на обратный курс.

Вот эти разрывы бомб и стрельбу орудий и слышал Грищенко, находясь на мостике лодки «Л-3» в гавани и читая удивительный приказ Трибуца прекратить разговоры о войне с Германией и заняться политической подготовкой.

Далее в историческом очерке говорится, что немцы уничтожили восемь истребителей, а днем 22 июня 148-й полк приказом штаба Северо-Западного фронта был переведен в Ригу. «Таким образом, уже в первый день войны база осталась без прикрытия истребительной авиацией» (Там же. С. 24).

Так Трибуц напрямую не выполнил боевой приказ наркома ВМФ. А нарком не знал, что его приказ не выполнен.

С чего вдруг Трибуц стал так «независим»?

Кузнецов в книге «Накануне» сообщает интересный «поворот в сюжете» ночи на 22 июня.

Сталин, пишет Кузнецов (см. с. 355–357, 365), не позднее 14 часов 21 июня «признал столкновение с Германией если не неизбежным, то весьма и весьма вероятным». До вечера Сталин занимался военными вопросами. Вечером он распорядился запретить партийным работникам воскресный отдых и выезд за город: «Возможно нападение немцев». В 23 часа Генштаб привел в готовность пограничные округа.

А ночью ни один телефон Сталина не отвечал. Дежурный в Кремле, когда Кузнецов хочет доложить Сталину, что началась война, что бомбят Севастополь, соединяет Кузнецова с Маленковым. В ту ночь Маленков – первый человек в государстве.

«Вы понимаете, что вы докладываете?» – раздраженно и недовольно отвечает Маленков и, не желая ничего слушать, вешает трубку.

Трибуц не выполнил приказ Кузнецова. Может быть, Трибуц имел

другие «ходы наверх»?..

«Боевая летопись ВМФ...» (см. с. 91) без комментариев фиксирует, что Военный совет КБФ объявил по флоту о нападении Германии в 4 часа 49 минут: после налета авиации противника на Кронштадт и Красногорский рейд. А все части и соединения Балтфлота, говорит «Летопись», перешли на готовность номер 1 только к девятнадцати часам 22 июня.

Так выходит и по книге Гриценки: его лодка «Л-3» доложила о готовности выйти в море к 18 часам...

А. О.: Текст радиogramмы Трибуца абсолютно совпадает со странными указаниями, которые в этот день поступали командирам частей и соединений западных округов от отдельных представителей высшего командования, участвовавших в совещании 24 мая 1941 г. в кабинете Сталина, например – члена Военного Совета ПриБОВО корпусного комиссара Диброва. Так как штаб Балтфлота находился на территории ПриБОВО в Таллине, их командование тесно общалось, поэтому Диброва мог сообщить Трибуцу наказ об избегании провокации и необходимых действиях, если она вдруг произойдет, слышанный им лично из уст вождя. Тогда возможны два варианта объяснения этой странной ситуации. Либо, получив 21 июня в 23.35 указание о переходе на готовность № 1 лично от наркомфлота Кузнецова, а затем информацию Диброва, передавшего слова Сталина по этому вопросу, Трибуц решил принять к исполнению наказ вождя (тогда непонятно, почему он не сообщил об этом Кузнецову во время их телефонного разговора и почему разослал свою успокоительную радиogramму по Балтийскому флоту лишь через 4,5 часа). Либо до начала боевых действий никакого указания о переводе флотов на готовность № 1 Кузнецов не давал. Поразительно и то, что согласно «Боевой летописи ВМФ...» на готовность № 1 корабли и части Балтфлота 22 июня перешли лишь к 19.00.

Это, скорее всего, означает, что никакого нападения (за исключением утренних налетов «неизвестных самолетов», сбросивших «магнитные донные мины», и бомбежки аэродрома под Либавой, в этот день на Балтфлоте не было, так как бомбежку флотов в этот день по тайной договоренности Гитлера с Черчиллем взяли на себя англичане.

Приложение 23. Воспоминания П. М. Стефановского о С. П. Супруне (июнь – июль 1941 г.)

Из книги: *Стефановский П. М. Триста неизвестных*

(М.: Воениздат, 1968. С. 181–183)

... Да, война. Долгие годы мы готовились к ней, на то и военными были, а грянула она внезапно, словно гром среди ясного неба...

С каждым днем все тревожнее сообщения радио и газет – наши войска ведут ожесточенные бои с превосходящими силами противника... наши войска оставили населенные пункты...

Ежедневно в кабинетах начальника института и его заместителей, в партийном комитете собирается много народу. Мы уже не просим, а требуем немедленной отправки на фронт. Ответ получаем один и тот же:

– Занимайтесь своим делом. Об отправке вас на фронт никаких распоряжений сверху не поступало.

Заниматься-то занимаемся, летаем, испытываем, но все делается как-то механически, без прежнего огонька. Думы каждого там, на фронте, где пылают наши города и села, гибнут советские люди, где враг неумолимо продвигается в глубь нашей страны. Но солдат есть солдат... Внешне институт живет по давно заведенному распорядку. Все ведут себя деловито, спокойно. Но в сердцах наших кипят страсти. Нас, испытателей, считают лучшими летчиками, а вот туда, где мы сейчас больше всего нужны, не пускают. Гордиев узел какой-то...

С. Супрун на пляже в Сочи в июне 1941 г.

Узел этот разрубил Степан Супрун, депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза. Когда началась война, он отдыхал в Сочи. Услыхав по радио о нападении на нашу страну гитлеровской Германии, он немедленно направился в Москву, прямо к И. В. Сталину, с просьбой разрешить ему сформировать из летчиков-испытателей авиационно-истребительный полк и немедленно вылететь на фронт. (Как-то трудно представить, что подполковник авиации, пусть даже депутат и герой, по собственной инициативе вернувшись в Москву, не доложившись своему непосредственному начальнику – начальнику НИИ ВВС, поехал в Кремль к вождю. По «Кремлевскому журналу» Супрун появился в кабинете Сталина 24 июня в 20.15 и вышел из него в 20.35. Через 20 минут после его ухода в кабинет вошел Жданов, также отдыхавший в Сочи. Скорее всего, Жданов приехал или прилетел из Сочи вместе с Супруном и в Кремль они оба пришли по команде Сталина, возможно, чтобы лично что-то передать Молотову и другим членам высшего руководства – А. О.)

– Это очень хорошо, – произнес И. В. Сталин, – что испытатели готовы помочь нам и на фронте. Но одного полка мало.

– Можно поручить моему другу подполковнику Стефановскому, – ответил Супрун, – организовать еще один полк истребителей.

– Все равно мало, – сказал И. В. Сталин. – Войне нужны десятки, сотни полков. Постарайтесь организовать в НИИ возможно больше добровольцев. Срок формирования частей – трое суток. По приезде в институт немедленно доложите, сколько полков можно организовать у вас на новых самолетах и кто будет ими командовать. Все необходимые

распоряжения будут отданы. Вам на период формирования предоставляются большие полномочия. До свидания. Желаю вам удачи, товарищ Супрун. (Скорее всего, здесь излагается разговор с вождем, состоявшийся у Супруна перед его отъездом или отлетом из Сочи. Именно для срочной реализации этого плана в виде поручения вождя Супрун и пришел в Кремль. – А. О.)

Это фото было опубликовано с такой подписью: «Командир 401 иап особого назначения Герой Советского Союза подполковник С. П. Супрун перед вылетом на фронт (фото 30.6. 41 г.)»

С какой радостью встретили в институте это известие Степана Павловича! В узком руководящем кругу мы немедленно обсудили поставленную перед нами задачу. В Кремль полетело донесение: на базе НИИ ВВС и Наркомата авиапромышленности можно создать шесть авиационных полков – два истребительных на МиГ-3, один штурмовой на Ил-2, два бомбардировочных на пикирующих Пе-2 и один дальнебомбардировочный на ТБ-7 (Пе-8). На должности командиров этих частей соответственно подобраны С. П. Супрун, Н. И. Малышев, А. И. Кабанов, В. И. Жданов, В. И. Лебедев и я.

Командир 402-го иап подполковник П.М. Стефановский перед вылетом на боевое задание

Впоследствии из летчиков-испытателей была образована разведывательная авиационная эскадрилья, летавшая на МиГ-3 и Пе-2. Ее прикрывало такое же подразделение на ЛаГГ-3.

Согласие на формирование полков и утверждение названных лиц командирами было получено незамедлительно. И сразу же заработали все рычаги правительственного и военного аппарата. С авиационных заводов перегонялись все новые партии боевых самолетов. Из Тулы прибыло оружие – десятизарядные полуавтоматические винтовки для наземного состава и пистолеты ТТ для летно-подъемного. Доставлялось обмундирование и снаряжение.

Институт напоминал взбудораженный улей. На самолетных стоянках пристреливалось оружие, проверялись моторы. Командиры комплектовали личный состав своих полков исключительно из добровольцев – лучших людей института. Тут же их распределяли по эскадрильям и звеньям.

Инженеры и техники учили летчиков самостоятельно обслуживать самолеты. Эти навыки понадобятся им во время перелета на фронт и в первые боевые дни. Инженерно-технический состав прибудет на фронтовые аэродромы позже. Оружейники готовили боекомплекты. Интенданты выдавали обмундирование и снаряжение. Штабы были завалены картами, списками, всевозможными наставлениями и

инструкциями...

Главное политическое управление РККА прислало летчиков-истребителей, окончивших Военно-политическую академию, на должности комиссаров истребительных полков и эскадрилий. Штаб ВВС присвоил нумерацию авиачастям особого назначения. Они подчинялись непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования.

Через три дня Супрун, Кабанов и меня вызвали в Кремль к И. В. Сталину (Примечательно, что, хотя в НИИ ВВС и НКАП создали шесть авиаполков и были определены их командиры, по «Кремлевскому журналу» только трое из них 28 июня были вызваны в Кремль и находились в кабинете вождя с 22.00 до 22.10. – А. О.)

– Как, формирование полков закончено? – сразу спросил И. В. Сталин.

Первым доложил подполковник С. П. Супрун: к вылету на фронт готова половина его полка, готовность остальных через сутки. Мы с полковником А. И. Кабановым доложили то же самое.

– Хорошо, – в раздумье сказал И. В. Сталин. – Куда вылетать и в какое время, получите приказ сегодня. Оставьте своих заместителей для завершения формирования. Сами с готовыми экипажами по получении приказа вылетайте в пункты назначения. Есть у вас вопросы?

– Есть, – заявил Степан Павлович. – Нельзя ли нам получить по самолету Ли-2 для переброски техсостава и боеприпасов. Истребительным полкам нужны также лидеры. Ведь мы, истребители, редко летаем по маршруту.

– Хорошо, – последовал ответ И. В. Сталина, – Ли-2 будут выделены каждому из полков, в ваше полное распоряжение. Лидеров для истребителей назначит товарищ Кабанов. Желаю успеха. (Скорее всего, это надо понимать так: разговор шел в кабинете Сталина, но не со Сталиным, а с Молотовым. Выделяются три самолета Ли-2, на которых три лучшие летчика-испытателя страны повезут делегацию Политбюро во главе с Молотовым в Сочи. Очевидно, в трех полках за них остаются заместители. – А. О.)

В НИИ ВВС возвращаемся молча. Каждый из нас прекрасно сознает, какая огромная ответственность легла на его плечи. И в который раз задает себе вопрос: что ждет мой полк завтра, там, на фронте... Ночью поступил приказ – полкам вылететь в пункты назначения 30 июня 1941 года в 17 часов (с. 162–164).

А. О.: На мой взгляд, полки улетели на фронт 30 июня, а три самолета Ли-2 с членами руководства страны во главе с Молотовым и Жуковым (представляющим НКО), а также их помощниками и адъютантами, вылетели в Сочи утром 29 июня. Интересно отметить, что из трех этих пилотов два впоследствии стали генерал-майорами авиации в один день – 4 февраля 1944 г, а С. Супрун погиб на следующий день после выступления Сталина по радио и в тот же день, когда был арестован генерал армии

Павлов, то есть 4 июля 1941 г. Интересно также, что 23 июля 1941 г. в газете «Правда» был опубликован Указ Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 г.: «За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с германской армией, дающих право на получение звания Героя Советского Союза, наградить Героя Советского Союза подполковника Супрун С. П. второй золотой медалью “Золотая Звезда”, соорудить бюст и установить на родине награжденного». Удивляют несколько моментов. Во-первых, формулировка Указа – не «За мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками», а «За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с германской армией, дающих право на получение звания Героя Советского Союза». Из такой формулировки вполне может следовать, что это звание ему присваивается за выполнение важного правительственного задания в тылу, приравненное к героическим действиям в бою. Во-вторых, ни слова о том, что Супрун погиб, нет и слова «посмертно». Но согласно официальной версии его гибели (см. с. 860) еще 9 июля 1941 г. «в штаб дивизии (какой?) пришел крестьянин (фамилия?)», который принес его личные вещи – обгоревшие документы, звезду Героя, значок депутата Верховного Совета СССР и пистолет «ТТ». И погибшему в бою герою впервые в этой войне присваивают звание дважды Героя, но не за мужество и героизм, а за выполнение каких-то заданий, «дающих право». Это означает, что указать конкретно, за что он награжден, было нельзя. В-третьих, в повестках дня заседаний Политбюро отсутствует решение о награждении Супруна второй «Золотой Звездой» (первым за войну решением ПБ о присвоении звания Героя Советского Союза летчику с указанием его имени стало постановление П.34/277 от 26 июля 1941 г. о награждении капитана Н. Ф. Гастелло). И наконец, в-четвертых: «немецкая пропаганда объявила Супруна сдавшимся в плен». На основании чего, если он погиб при взрыве самолета, а остатки его документов и личные вещи «крестьянин» принес в «штаб дивизии», то есть падение и взрыв произошли на еще незанятой врагом территории? Если же он пропал без вести, как могли ему дать самую высокую награду? Почему, если место его падения и захоронения было известно еще с июля 1941 года, его останки были найдены лишь в июле 1960 г. его братом Федором? Невольно приходит на ум, что останки героя-разведчика Николая Кузнецова, погибшего в 1944 г., были обнаружены по ходатайству его брата Виктора в то же время и захоронены во Львове 27 июля 1960 г. Все эти неясности в сочетании с «запятнанной» биографией героя (в 1913–1924 гг. он жил в Канаде, куда эмигрировал в поисках работы его отец; во время службы в Бобруйске в начале 30-х годов

из-за перелета в Польшу летчика из его звена Супрун был арестован и некоторое время находился в тюрьме; в 1938 г. он был исключен из партии за связь с «врагом народа» начальником ГлавПУРа Гамарником и через два дня восстановлен) и с его работой по обслуживанию полетов кремлевской верхушки могли стать причиной совсем другого варианта его гибели.

...Подполковник С. П. Супрун не был новичком в воздушных боях. В 1939 году он находился в Китае, возглавлял там группу истребителей-добровольцев, прикрывавшую важнейшие объекты страны от налетов японской авиации. В этих боях Степан Павлович обрел солидный опыт, научился сражаться не только днем, но и ночью. За успешное выполнение специальной командировки и личные боевые подвиги ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

И теперь, формируя свой добровольческий полк, С. П. Супрун весьма умело применял накопленный ранее организаторский опыт. Под его руководством все делалось быстро и четко. Обремененный множеством забот и хлопот, он еще умудрился продолжать испытательскую работу. Отчет о результатах облета истребителя Як-1 (модифицированный вариант) Супрун закончил словами: «Необходимо срочно запустить самолет в серию». Впоследствии Як-1 стал одним из лучших истребителей периода Великой Отечественной войны.

Не дождавшись полного укомплектования полка самолетами МиГ-3, Степан Павлович оставил в институте своего заместителя К. К. Коккинаки и 30 июня с первой и второй эскадрильями вылетел на Западный фронт. В тот же день он написал родителям в Сумы свое последнее письмо: «Дорогие родные! Сегодня улетаю на фронт защищать свою родину, свой народ. Подобрал себе замечательных летчиков-орлов! Приложу все силы, чтобы доказать фашистской сволочи, на что способны советские летчики. Вас прошу не беспокоиться. Целую всех. Степан».

Это письмо и по сей день хранится в Историческом музее в Москве.

Степан Павлович с честью сдержал свое обещание. Эскадрильи 401 иап приземлились на лесном аэродроме Зубово. Самолеты рассредоточились по стоянкам. Супрун приказал немедленно дозаправить машины. Почти тут же в воздухе появился немецкий разведчик. Степан Павлович мгновенно взлетел на «миге» и с первого же захода сбил вражеский самолет. Вскоре на его счету появился второй сбитый фашист.

На этом участке фронта, как, собственно, и на других, немецкие летчики вели себя нагло, поскольку летали почти безнаказанно. Истребители 401-го авиаполка в первые же дни отбили у них пристрастие к полетам над самой землей, загнали их на высоту.

30.6.41.
Желовская

Дорогие Родные

Сегодня улетаю на
фронт защищать свою Родину
свои люди. Подарю себе запечатле-
ных летчиков Орлов. Прилепту
вас свои и что доказател-
ствами своей способности летать
всех людей и летчиков
вперед всех
Степан

Письмо родным, написанное С. П. Супруном перед вылетом на фронт

Человек необыкновенной храбрости, подполковник Супрун участвовал в каждом боевом вылете. И летчики всегда чувствовали его присутствие в воздухе. Между тем Степан Павлович никогда не

подменял командиров эскадрилий.

Почти ежедневно Супрун лично сбивал по неприятельскому самолету. Однажды ему пришлось драться с четверкой, а в другой раз с шестеркой немецких истребителей.

До обидного короткой оказалась ратная жизнь Степана Павловича. Утром 4 июля 1941 года он в паре с лейтенантом Остаповым вылетел на разведку, затем дважды слетал на сопровождение бомбардировщиков. Перед четвертым вылетом подполковник Супрун подошел к инженерам эскадрильи по специальностям – Николаю Степановичу Павлову и Андрею Арсентьевичу Манучарову, пожал плечами и сокрушенно произнес:

– Ребята, я сегодня себя не узнаю. Вот уж вылетаю четвертый раз, а пока не сбил ни одного самолета противника.

Из этого полета Степан Павлович не вернулся...

22 июля 1941 года С. П. Супрун за свой бессмертный подвиг в огненном небе войны был удостоен звания дважды Героя Советского Союза.

Останки отважного летчика удалось обнаружить лишь в июне 1960 года. На Новодевичьем кладбище ему установлен памятник.

Подполковник Супрун провоевал в Великой Отечественной войне всего лишь четыре дня... Но имя его, как знамя, осеняло полк на протяжении всей войны, звало и вело летчиков на подвиги, вселяло в них мужество, рождало ненависть и непреклонную волю к победе, на что способны советские летчики (с. 181–183).

А. О.: Если Супрун с 1 по 4 июля «почти ежедневно» сбивал по немецкому самолету, то вполне можно было в Указе о присвоении ему звания дважды Героя сказать и о трех сбитых им самолетах. Почему-то это не было сделано...

Сайт «Герои страны»

Из источника: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=408

...Утром 4 июля 1941 года Супрун летал на разведку. Затем дважды во главе группы сопровождал бомбардировщики. В 13.00 вылетел на МиГ-3 (бортовой № 13) в паре с лейтенантом Остаповым на разведку (это был четвертый за день боевой вылет). Остапов заметил вражеский бомбардировщик и погнался за ним, но сам был сбит. Оставшись один, Супрун в районе города Толочин Витебской области вступил в бой с 6 истребителями противника. В этом бою сбил Ме-109, но и сам был сбит. Посадил горящий самолет на поляне у опушки леса возле поселка Крупки, но из кабины выбраться не успел. Раздался взрыв, и Супрун погиб.

Немецкая пропаганда объявила Супруна сдавшимся в плен. В связи с этим И. В. Сталин лично распорядился уточнить причину и место гибели.

Стало известно, что 9 июля 1941 года в штаб дивизии пришел

крестьянин, который принес значок депутата Верховного Совета СССР, Золотую Звезду № 461, обгоревшие документы и пистолет «ТТ».

В 1960 году полковник Ф. П. Супрун возобновил поиски места гибели брата. С помощью сотрудников толочанского военкомата и местных жителей были обнаружены останки летчика и детали его самолета. По результатам поисков был составлен акт, который ныне хранится в Центральном музее Вооруженных Сил.

В июле 1960 года останки С. П. Супруна были доставлены в Москву и захоронены на Новодевичьем кладбище. В музее города Сумы хранится бронеспинка от МиГ-3 Супруна, найденная на месте посадки...

Резюме-указатель к трилогии «Великая тайна Великой Отечественной»

В годы перестройки выяснилось, что к 22 июня 1941 г. общая численность советских войск, количество советских самолетов, танков, пушек и т. д. были во много раз больше, чем у Германии. О сравнении ресурсов – людских, территориальных и сырьевых – даже говорить не приходится. Поэтому произошедший в первые дни войны разгром Красной Армии просто нереален – в нем сокрыта какая-то тайна. Проведенные автором многолетние исследования привели к выводу, что и СССР, и Германия готовились к другой войне.

Совершенно очевидно, что общим противником этих двух стран на тот момент могла быть только Британская империя. Поэтому Гитлер и Риббентроп во время переговоров на высшем уровне в 1939–1940 гг. уговаривали Сталина и Молотова включиться в ее разгром, намекая, что большую часть этой работы Германия уже выполнила. В том, чтобы Сталин принял решение о вступлении СССР в войну, были заинтересованы и Гитлер, и Черчилль. Гитлер же сумел доказать Сталину, что для него будет более выгодным союз с Германией и Японией, которая в течение предшествовавшего десятилетия представляла серьезную угрозу для СССР на востоке.

Исходя из того, что трактовка событий предвоенных лет и первых дней Великой Отечественной войны советскими историками не объяснила причины трагедии, произошедшей 22 июня 1941 г., автор пришел к новой гипотезе, раскрывающей, по его мнению, эту, к сожалению, по-прежнему Великую в нашей истории тайну и изложил суть и обоснование своей гипотезы в трех книгах с общим названием «Великая тайна Великой Отечественной» и подзаголовками: «Новая гипотеза начала войны» (книга 1 ^[249], М.: Время, 2007), «Ключи к разгадке» (книга 2, М.: Время, 2010) и «Глаза открыты» (книга 3, М.: Время, 2013). В последней, третьей книге, которую читатель держит в руках, автор предлагает резюме своей трилогии со ссылками на соответствующие каждому пункту страницы вышедших книг.

1. По мнению автора, главная причина катастрофы 22 июня 1941 г. – отношение Сталина в 1939–1941 гг. к Германии не как к противнику, а как к

временному стратегическому партнеру, что и привело его к заключению тайного соглашения с Гитлером о совместной операции против Британской империи. Заключение этого соглашения сделало возможным теснейшее экономическое и военно-техническое сотрудничество между СССР и Германией, переходящее в кооперацию, что позволило в кратчайшие сроки резко увеличить военно-промышленный потенциал страны. Но это не позволяет сделать вывод о том, что Сталин однозначно собирался участвовать в антибританской операции. Он должен был понимать, что открыто проводимая фашистской Германией политика расовой нетерпимости, агрессии и массового уничтожения людей, встретит объединенное сопротивление стран и народов мира, что неизбежно приведет к разгрому немецкой армии. Поэтому вождь был крайне заинтересован в осуществлении только первого этапа советско-германской операции – переброске советских войск через Польшу и Германию к берегам Ла-Манша (названной автором Великой транспортной операцией). Только после этого Сталин, предположительно, собирался принять решение, в какую сторону нанести удар – по Англии вместе с Германией или по Германии вместе с Англией. Наличие двух противоположных стратегических планов в сложившейся к тому времени ситуации характерно не только для Сталина, но и для Гитлера – «Морской лев» и «Барбаросса», и Чемберлена – подталкивание фашистской Германии к войне с Советским Союзом и одновременно переговоры Англии и Франции с СССР (Кн. 1, с. 37–47; кн. 2, с. 12–18).

2. Автором обнаружен в АВП РФ и введен в научный оборот ранее не публиковавшийся в открытой печати (впервые он был опубликован автором 22–23 июня 2010 г. в газете «МК») список делегации Риббентропа в Москву, состоящий из 38 человек. Проведено иконографическое исследование, позволившее идентифицировать большинство членов делегации. Семь из них оказались членами «свиты» Гитлера: личные пилот, переводчик-стенографист, представитель МИД, фотограф, врач, адъютант, ординарец. Обнаружены еще несколько человек из ближайшего окружения Гитлера, в том числе Ева Браун с сестрой Ильзе и бессменный начальник личной охраны и телохранитель Гитлера Ганс Раттенхубер. Присутствие этих лиц в списке позволяет сделать вывод, что Гитлер был приглашен в Москву, дал согласие на приезд и потому включил в этот список людей из «ближнего круга». Поэтому не исключено, что и сам Гитлер тайно побывал в Москве (Кн. 3, с. 60 – 104).

3. После тщательного изучения массива фото– и кинодокументов

автором установлены четкие критерии для определения даты (23–24 августа или 27–29 сентября 1939 г.) любого фотоснимка переговоров Риббентропа со Сталиными и Молотовым (до настоящего времени фотографии двух этих визитов постоянно путают). Если на фото Молотов в светлом пиджаке, то это август, если на фото присутствует начальник Генштаба Шапошников или новый полпред СССР в Берлине Шкварцев, то это сентябрь (Кн. 1, с. 9, 10, 13, 14 Фотоприложений; кн. 2, с. 44, 45 Фотоприложений; кн. 3, с. 60 – 104).

4. Установлено, что истинной целью приглашения Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. было желание Гитлера уговорить Сталина участвовать в дележе «британского наследства». В завершение этих переговоров немецкая сторона предложила Пакт трех (Берлин – Рим – Токио) превратить в Пакт четырех (Берлин – Рим – Москва – Токио). В АВП РФ автором найден «Список лиц, сопровождающих Председателя СНК и Наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова» (66 человек), в РГАСПИ – фотоальбом «Молотов в Берлине» и подаренные немецкой стороной 18 фотографий, сделанных во время этого визита (впервые опубликованы автором 11–13 июля 2010 г. в газете «МК»), а в киноархивах – соответствующие кадры немецкой и советской кинохроники. Эти находки показали, что 12–14 ноября 1940 г. в Берлине находились советские руководители нескольких наркоматов оборонной промышленности, директора и главные конструкторы предприятий, генералы, способные быстро и компетентно решить любые возникающие при переговорах вопросы. Военный и военно-технический аспект переговоров – разработка плана удара по Британской империи силами Пакта четырех и подготовка необходимых для этого войск и средств их транспортировки для выхода на исходные позиции (Кн. 3, с. 169–232).

5. В АВП РФ автором обнаружен рабочий документ НКВД СССР, в котором собраны отклики мировой прессы на визит Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. Автором зафиксировано, что во время визита Молотова в Берлин и после его окончания мировая пресса считала одной из важных тем берлинских переговоров вопрос о строительстве в СССР авиазаводов, работающих и в интересах Германии. Изучение отчетов о поездках советских военно-технических комиссий в Германию и немецких в СССР позволило автору сделать вывод, что военно-техническое сотрудничество между СССР и Германией осуществлялось не только в виде взаимных поставок сырья и оборудования, но и в высшей его форме, а именно путем

кооперации, то есть распределения между ними функций по разработке и производству отдельных видов вооружения (Кн. 3, с. 251–263).

6. Примеры тесного военно-экономического сотрудничества с Германией приводят к выводу, что главной причиной арестов в апреле – июле 1941 г. и расстрелов в июле – октябре 1941 г. и феврале 1942 г. советских военачальников и отдельных руководителей оборонной промышленности было не поражение войск под их управлением в начале войны, а их участие в разработке и подготовке антибританской операции, а также в предвоенном советско-германском военном и военно-техническом сотрудничестве и даже кооперации. При этом часть арестов, произведенных до начала войны, явилась прямым следствием Решения Политбюро от 9 апреля 1941 г. о снятии замнаркома обороны по ВВС Рычагова (считаю, что он возражал против слишком тесного сотрудничества с фашистской Германией, в частности – против показа советской авиатехники и авиазаводов немецкой авиакомиссии в период нападения Германии на Югославию). С 21 апреля, вероятно по той же причине, начались аресты авиаторов и работников ГАУ, часть которых была арестована до 22 июня, большая же часть – после начала войны (одновременно были арестованы обладатели подобной информации, компрометирующей Сталина и Берию). При приближении немцев к Москве все они были расстреляны (в октябре 1941 – феврале 1942 г.) (Кн.1, с. 242–263; кн. 3, с. 308–314).

7. Эти массовые репрессии военных и технических специалистов подтверждают существование к тому времени высшей формы военно-технического сотрудничества между СССР и Германией – кооперации в научно-технических разработках и производстве вооружения, когда имели место разделение труда и взаимная координация и контроль. Цель такой кооперации – избежать дублирования и обеспечить наиболее рациональное для экономик двух стран распределение ресурсов при создании самого эффективного вооружения в огромном количестве. Эта тема автором лишь обозначена и нуждается в углубленном изучении (Кн. 3, с. 105–162, 360–381).

8. Свидетельством координации действий в области военного строительства и оборонной промышленности СССР и Германии являются унификация вермахта и РККА, а также действия на высшем штабном уровне, осуществленные в 1940–1941 гг.:

1) присвоение нескольким крупным военачальникам маршальских званий в СССР в мае и в Германии в июле 1940 г.

2) введение генеральских званий в СССР и присвоение их 2 июня 1940 г. 1048 военачальникам (вместо комбригов, комдивов, комкоров, командармов);

3) приведение к аналогии воинских званий в обеих странах;

4) проведение в Берлине штабных игр ОКХ по новым планам войны (операциям «Морской лев» и «Барбаросса») 29 ноября 1940 г. – на следующий день после приезда в Берлин Деканозова с советским вариантом присоединения в Пакту трех, а также 3 и 7 декабря;

5) доклад Гитлеру 18 декабря 1940 г. нового плана войны и утверждение его, в том числе «Барбароссы» – как варианта;

6) проведение в Москве 23–31 декабря 1940 г. совещания высшего руководящего состава РККА, а затем двухсторонних оперативно-стратегических игр на картах (первая игра – 2–6 января, вторая – 8 – 11 января 1941 г.);

7) разбор проведенных игр в Кремле с участием Сталина 13 января 1941 г.; Жуков играл за «западных» («синих»), Павлов – за «восточных» («красных»), разгромленных «западными». Суворов-Резун объясняет это так: «Немецкие генералы и фельдмаршалы искали оптимальный, самый лучший вариант разгрома Красной Армии. Жуков встал на их место, посмотрел на карту немецкими глазами и нашел то же самое решение»; автор считает, что причина успеха Жукова в другом: Сталин, которому ко дню рождения доставили от Гитлера экземпляр дезинформационного плана «Барбаросса», предложил разыграть его Жукову и Павлову; «победившего» в этих играх назначили 15 января начальником Генштаба, а «проигравшему» 22 февраля было присвоено звание генерала армии;

8) после этого, предположительно, была осуществлена «утечка» на Запад информации о подготовке СССР к войне с Германией (Кн. 1, с. 263–272). Затем последовали:

9) назначение новых командующих военными округами (15 января 1941 г.);

10) Постановление СНК и ЦК о строительстве 251 аэродрома для НКО (24 марта);

11) Постановление СНК и ЦК о введении в Красной Армии новой формы одежды и знаков различия (9 апреля);

12) выступление Гитлера в Спортпаласе перед выпускниками офицерских школ (29 апреля, а по некоторым данным, 27 апреля), где он заявил: «В ближайшее время произойдут события, которые многим

покажутся непонятными».

13) выступление в Кремле (5 мая) нового Предсовнаркома (с 4 мая) Сталина перед выпускниками военных академий, где он объявил, что СССР будет вести не оборонительную, а наступательную войну, к которой страна готова (с кем война – не назвал).

Тема унификации армий, оружия, боеприпасов и невероятной согласованности действий на высшем уровне СССР и Германии в предвоенный период вплоть до 22 июня автором только обозначена и нуждается в углубленном изучении.

9. Факты тесного военно-экономического сотрудничества СССР и Германии позволяют автору по-новому объяснить, почему Гитлер отдал 24 мая 1940 г. «стоп-приказ» об остановке танковых групп, что позволило Англии с 26 мая по 4 июня переправить из Дюнкерка через Ла-Манш 340 тыс. своих солдат и офицеров. Скорее всего, Гитлер сделал это, имея в виду, что в соответствии с договоренностью со Сталиным высаживаться там будут советские войска, и в надежде, что Англия и СССР понесут при этом большие потери (Кн. 1, с. 47–48).

10. Автор впервые связал между собой два факта: первый, малоизвестный – ознакомление Молотовым 25 ноября 1940 г. в Москве посла Германии Шуленбурга с советским вариантом договора, составленного на основе переданного ему Риббентропом в Берлине немецкого проекта о присоединении СССР к Пакту трех; второй факт – прибытие в Берлин 28 ноября нового советского посла Деканозова, который, видимо и привез этот советский вариант. Какова судьба этого документа? Был ли он тайно подписан, а после 22 июня уничтожен обеими сторонами? Или не был подписан, но до 22 июня его условия выполнялись по устной договоренности лидеров? Вопрос нуждается в дальнейшем исследовании (Кн. 1, с. 58, Приложение 7; кн. 3, Приложение 8).

11. Автором обнаружено, что пилот УВМЛ ГВФ П. Я. Кириченко неоднократно летал в Берлин и даже возил туда Молотова (последний раз Кириченко прилетел из Берлина 21 июня 1941 г.). Из этого следует, что могли иметь место неизвестные визиты Молотова в Берлин. В семье Кириченко хранилась хрустальная ваза, якобы подаренная ему Гитлером. Кириченко погиб 10 августа 1941 г. во время второго налета советской авиации на Берлин (Кн. 1, с. 235–242).

12. Автором выявлена возможность тайного участия в визите в Берлин в ноябре 1940 г. и самого Сталина. В пользу этого говорят следующие факты: перерыв в приеме в кремлевском кабинете вождя с 6 по 14 ноября 1940 г. [92. 317–318], а также анализ решений Политбюро с визой вождя за этот период, который показал, что Сталин вполне мог доехать до Берлина молотовским поездом, а оттуда вернуться самолетом 14 ноября (Кн. 1, с. 218–222; кн. 3, с. 233–250).

13. Одна из целей заключения Сталиным договоров о ненападении от 23 августа 1939 г. и о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. – появление у СССР общей границы с Германией для упрощения контакта при осуществлении военно-технического сотрудничества и при подготовке антибританской операции. Но именно наличие общей границы стало одной из важных причин катастрофы 22 июня 1941 г. (Кн.1, с. 419–420; кн. 2, с. 317–319).

14. Размещение у границ СССР германских дивизий, а затем увеличение их числа не вызывало опасений у Сталина, поскольку это предусматривалось договоренностью с Гитлером. По плану Великой транспортной операции немецкие войска готовились к переброске через СССР на Ближний Восток, а советские – к Ла-Маншу и на Ближний Восток (Кн. 1, 64–68; кн. 2, с. 16–18).

15. Узнав о начале завершающей стадии этой подготовки, Черчилль, с целью рассорить новоявленных союзников, мог силами своей разведки «организовать» перелет Гесса в Англию, что и было сделано 10 мая 1941 г. Войдя в контакт с арестованным в Англии Гессом, Черчилль предложил Гитлеру нанести 22 июня совместный удар по СССР, используя момент, когда участвующие в Великой транспортной операции соединения Красной Армии будут временно находиться в небоеспособном состоянии. Такая договоренность была достигнута. Англия при этом взяла на себя обязательство бомбардировать до начала рассвета 22 июня советские базы ВМФ – Севастополь, Очаков, Кронштадт, Таллин.

Высадка немецкого десанта на остров Крит (20 мая) и потопление линкоров – английского «Худ» (24 мая) и немецкого «Бисмарк» (27 мая) – должны были убедить Сталина, подозревавшего Гесса в тайном посредничестве между Гитлером с Черчиллем, что последние ни о чем не договорились. 24 мая Сталин проводит в Кремле последнее предвоенное совещание с участием командного состава пяти приграничных округов.

Состав участников этого совещания был установлен лишь после опубликования «Кремлевского журнала». Никаких отчетов, стенограмм и принятых на нем решений не обнаружено, ни один из его участников никогда о нем не упомянул. Все это позволяет предположить, что Сталин собрал тогда только лиц, непосредственно участвующих в разработке и проведении согласованной с Гитлером тайной операции (Кн. 1, с. 71–81; кн. 2, с. 41–42, 49–51, 228–234).

16. Автор впервые связывает внезапный отъезд английского посла Криппса 6 июня 1941 г. из Москвы в Лондон с «Сообщением ТАСС» от 13 июня 1941 г. В соответствии с предположением о достигнутой через Гесса договоренности Черчилля с Гитлером, автор полагает, что по отношению к СССР отъезд Криппса можно трактовать двояко: либо как предупреждение советскому руководству о недопустимом сближении с Германией, либо как прямой отзыв посла (тогда Советскому Союзу скорее следовало готовиться к войне с Англией, а не с Германией). Но это могло быть и знаком Черчилля Гитлеру о том, что он готовится к нападению вместе с Германией на СССР (Кн. 3, с. 382–392). Вопрос нуждается в углубленном рассмотрении.

17. В тексте плана операции «Барбаросса» написано, что «речь идет о мерах предосторожности на тот случай, если Россия изменит свое отношение» к Германии. Этот план мог быть к тому же и дезинформацией, сразу же подброшенной Черчиллю. 18 декабря 1940 г. Гитлер подписал «Вариант “Барбаросса”», а 19 декабря принял нового советского полпреда Деканозова, прибывшего в Берлин 28 ноября с советским вариантом присоединения к Пакту трех и, по мнению автора, вручил ему экземпляр «Барбароссы» для Сталина (Кн. 1, с. 263–273; кн. 3, Приложение 8).

18. О существовании и осуществлении предполагаемого автором плана Великой транспортной операции говорят следующие данные:

1) перетяжка железнодорожного полотна на западноевропейскую колею на расстоянии 120–200 км от границы с целью исключения перегрузки на самой границе (Кн. 1, с. 296, 406–408, 411–416; кн. 2, с. 100–101);

2) разработка и изготовление в Германии съемного передвижного башмака для осей железнодорожных вагонов, позволяющего составу без смены колесных пар переходить на колею другой ширины (Кн. 2, с. 89);

3) выселение жителей населенных пунктов, проживающих вблизи тех участков железных дорог, где должна была производиться перетяжка;

с этим связаны начавшиеся 22 мая 1940 г. массовые аресты и высылки населения из прибалтийских республик, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии (Кн. 1, с. 87–90; кн. 2, с. 96 – 100). Аналогичные мероприятия проводились и по другую сторону границы, поскольку пропускная способность советских железных дорог была в три раза ниже, чем немецких, часть советских соединений перебрасывалась через границу своим ходом и грузилась на немецких станциях (Кн. 1. с. 341–346, 349–352, 409–410);

4) подготовка к использованию Августовского и Днепровско-Бугского каналов для транспортировки тяжелой боевой техники и войск баржами через Германию и Польшу к Северному морю и через СССР к Черному морю (Кн. 1, с. 283–284; кн. 3, с. 663–676);

5) покупка Советским Союзом у Германии 10 января 1941 г. части Сувалкской области (по которой проходит Августовский канал) за 7,5 млн золотых американских долларов (Кн. 1, Приложение 19; кн. 2, с. 59–60; кн. 3, с. 663–676);

5) строительство вблизи границы (в 5 – 20 км с обеих сторон) полевых аэродромов для промежуточной посадки самолетов; возможно – с целью максимального приближения к границе для сокращения дальности перелета во время переброски, а также для изменения опознавательных знаков (перекрашивание советских красных звезд – на черные кресты, и наоборот), чтобы обеспечить беспрепятственный пролет над чужой территорией во время переброски. Возможно, именно для этого вышло постановление Политбюро от 19 июня «О маскировке самолетов» (Кн. 2, Приложение 16).

19. Для участия в Великой транспортной операции из приграничных военных округов еще до начала войны были выделены фронты. Их штабы, называемые Полевыми фронтовыми управлениями, с 18 июня выводились в пункты, от которых до границы вела перешитая на западноевропейскую колею: ПриОВО – г. Паневежис, ЗапОВО – г. Обуз-Лесня, КОВО – г. Тарнополь, ныне Тернополь, ОдВО – г. Тирасполь. Воинские соединения этих фронтов располагались вблизи перешитых на европейскую колею железных дорог на всем протяжении от границы до указанных пунктов. Другого объяснения этому непонятному расположению войск дать невозможно.

Обнаружен документ, из которого следует, что для переброски к Ла-Маншу должно было быть задействовано 100 тысяч железнодорожных вагонов.

Воинские соединения, в первую очередь танковые и механизированные, готовившиеся к транспортировке на баржах, располагались вблизи судоходных рек и каналов (Кн. 1, с. 411–416; кн. 2, с. 96–97, с. 55 Фотоприложения).

20. По условиям договоренности боевая техника должна была перевозиться по территории другого государства в небоеспособном состоянии – танки с минимумом горючего (чтобы заехать на железнодорожную платформу и съехать с нее) и без боекомплекта; с пушек должны были снять панорамы, с самолетов – боезапас и вооружение. Тому есть множество свидетельств очевидцев. Армейские склады боеприпасов, ГСМ, амуниции и продовольствия должны были выноситься максимально близко к границе и находиться в вагонах или на платформах. Именно поэтому значительная часть боевой техники, боеприпасов и амуниции оказалась в руках немцев после их внезапного нападения на СССР (Кн. 1, с. 157, 316, 322, 324).

21. По свидетельствам очевидцев, документам и фотографиям автору удалось установить, что в некоторых частях приграничных округов с 12 июня 1941 г. командирам выдавались личные медальоны, а красноармейцам и младшему комсоставу – личные медальоны, а также трусы и майки вместо кальсон и нательных рубаш и дополнительные отличительные знаки на петлицы – большие металлические треугольники золотистого цвета. Скорее всего, их выдавали тем, кого готовили к переброске (Кн. 1, с. 89–90, 170; кн. 2, с. 77–85).

22. Создание второго стратегического эшелона РККА (19А, 20А, 21А, 22А и 16А) автор объясняет тем, что входящие в него войска перебрасывались на Запад, чтобы заменить соединения, убывающие для участия в Великой транспортной операции (Кн. 2, с. 110–112).

23. Запись в дневнике Гальдера: «3 июля 1941 года, 12-й день войны... кампания против России выиграна в течение 14 дней» автор считает главным подтверждением того, что Великая транспортная операция началась утром 20 июня 1941 г. То есть «кампания» началась на два дня раньше, чем боевые действия (Кн. 1, с. 142).

24. Вполне возможно, что 18–21 июня бойцам и командирам Красной Армии объясняли, что они едут на совместные учения с союзной армией

Германии, а солдатам и офицерам вермахта – что по договоренности с СССР их перебрасывают к Ираку для поддержки войск Рашида-аль-Гайлани в борьбе с англичанами. И в советских частях, движущихся к Северному морю, и в немецких, направлявшихся в Ирак, не было боеприпасов и горючего. Но немцы знали, как будут разворачиваться события, и предусмотрели доставку самолетами боеприпасов и горючего 22 июня. Оказавшись в тылу наших войск по плану якобы совместной с СССР операции, немцы, получив боеприпасы и горючее, нанесли удар по отступающим советским частям, а наши войска и гражданское население принимали их за немецкие десанты, о чем имеются свидетельства участников войны (Кн. 1, с. 279–284; кн. 2, с. 16–18, 573–574).

25. Автор считает, что большие потери наших самолетов на аэродромах при ударе люфтваффе в первый день войны (1 200, см. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945». М., 1961, т. 2, с. 16) являются следствием их почти нулевой боеготовности. Потери же за два первых дня войны изумляют еще больше – 2 585 самолетов (согласно дневнику Геббельса). Возможно, что это с учетом тех, что перелетели границу по плану Великой транспортной операции 20–21 июня и оказались на территории Германии, поскольку сведения о них поступили в ОКХ лишь во второй половине дня 23 июня (Кн. 2, с. 265–266; кн. 3, с. 481–502).

26. Автором установлено, что приближение самолетов в 2–3 часа ночи 22 июня первыми обнаружили советские РЛС в Севастополе («Редут-К» и РУС-2) и в ЗапОВО (РУС-2), о чем немедленно было доложено в Москву. Однако оттуда поступили совершенно разные приказы: в Севастополе – открыть огонь (так как там были обнаружены «неизвестные самолеты»), а в ЗапОВО – «приземлить» поднятые по команде командующего ВВС округа Копеца советские самолеты (так как «нарушителями» были немецкие самолеты, летевшие по договоренности). В Севастополе на рассвете 22 июня «неизвестные самолеты» сбросили не бомбы, а донные магнитные мины. Одна из них взорвалась на берегу. Ни один корабль советского ВМФ в этот день не пострадал. Автор полагает, что этот налет осуществляли английские самолеты с авиабаз Мосул, Хаббания, Кипр. Вопрос нуждается в дальнейшей проработке (Кн. 1, с. 192–204, 248–250; кн. 2, с. 219–235).

27. Есть основания предположить, что на время переброски войск во время Великой транспортной операции Сталин уехал на 10 дней в отпуск в

Сочи. Не найдено ни одного доказательства его присутствия в Москве 19 июня – 3 июля 1941 г., но зато есть ряд странных событий и фактов, которые объясняются скорее его отсутствием. К ним можно отнести: выступление по радио Молотова, а не Сталина 22 июня; фильм о выступлении Сталина 3 июля, где нет ни единого «синхрона»; отсутствие его подписи на главных документах начала войны – решении Политбюро от 21 июня 1941 г., Директивах наркома обороны № 1, 2 и 3, а также Указах Президиума ВС о мобилизации и введении военного положения от 22 июня 1941 г. (Кн. 2, с. 321–326, 436–437; кн. 3, с. 433–480).

Автором доказано, что главные доводы тех, кто утверждал, что в период 19 июня – 2 июля 1941 г. Сталин был в Москве – записи в «Кремлевском журнале» и воспоминания посетителей – не служат свидетельством того, что в это же время в кабинете находился и сам Сталин. Свидетельства посетителей о том, что они находились в зафиксированное в журнале время в кабинете вождя и беседовали с ним, – чистая правда. Но они умалчивали о том, что беседовали с ним по прямому ВЧ-телефону, связывающему его кремлевский кабинет с сочинской дачей (Кн. 2, с. 164–167; кн. 3, с. 503–521).

Установлено, что по решению Политбюро от 10 июня 1941 г. Жданов ушел в отпуск и уехал в Сочи 19 июня 1941 г. Известно, что Сталин после смерти Кирова отдыхал только вместе со Ждановым, поэтому можно предположить, что и на этот раз они уехали вместе. Жданов вернулся в Москву 24 июня, а Сталин – лишь 3 июля.

28. Тот факт, что немцы, захватив 22 июня 1941 г. множество «красных пакетов» с приказом на случай войны, ни одного из них не опубликовали, автор объясняет тем, что из их текста явствовало бы, что Красная Армия не собиралась наносить удар по немецким войскам, а готовилась действовать совсем в другом направлении (Кн. 1, с. 44).

29. Гипотеза автора о проведении Великой транспортной операции объясняет тот факт, что в первые дни войны советские войска подвергались атакам самолетов с красными звездами. Это были немецкие самолеты, перелетевшие по договоренности 20–21 июня на советскую территорию и перекрасившие опознавательные знаки на советские, чтобы лететь дальше через СССР к Ираку. С началом войны им были сброшены боеприпасы с воздуха. Советские же самолеты, перелетевшие в Германию 20–21 июня, утром 22 июня были интернированы (Кн. 2, с. 214–215, 246–248).

30. Еще одним подтверждением этой гипотезы служит тот факт, что на

сбитых в первый день войны немецких пилотах под комбинезонами была форма не военных, а гражданских летчиков^[250]. В этой форме (на случай вынужденной посадки) немцы могли перелетать границу 20 и 21 июня. За эти два дня советские летчики и бойцы ПВО уже «привыкли» к разрешенным Москвой перелетам на рассвете немецких самолетов. Поэтому не удивились и 22 июня, считая, что те идут на посадку. А немцы начали бомбардировку (Кн. 2, с. 259–260).

31. Автор дал свое объяснение, почему в первые дни войны в ЗапОВО у советских танков практически не было горючего. При допросе арестованного командующего ЗапОВО генерала армии Павлова в июле 1941 г. на вопрос, почему стояли его танки, он ответил, что на весь округ было лишь 300 т горючего, так как по указанию Генштаба горючее для его округа находилось в Майкопе. За 1 500 км! Единственное, чем можно объяснить этот невероятный факт – горючее предназначалось для заправки немецких танков, которые должны были двигаться через СССР на Ближний Восток. А возглавляемым Павловым войскам горючее должна была взаимобразно оставить где-то в Польше или Германии уходящая оттуда немецкая группа армий. Возможно, для сокращения объема перевозок (Кн. 1, с. 322–324).

32. Автором установлено, что из названных Молотовым в его речи 22 июня четырех городов, подвергавшихся утром немецкой бомбардировке (Житомир, Киев, Севастополь, Каунас), в утренней оперативной сводке Генштаба за этот день указан лишь один – Ковно (Каунас). Дано новое объяснение первой бомбардировки – немцы бомбили только те населенные пункты, рядом с которыми имелись аэродромы, причем, в первую очередь, те, на которых базировались новые самолеты (МиГ-3, Як-1 и др.). Поэтому Молотов и не упомянул о бомбардировке аэродромов в своей речи (Кн. 2, с. 219–235; кн. 3, с. 481–501).

33. Автор полагает, что самый первый удар на рассвете 22 июня 1941 г. был нанесен немецкой авиацией по приграничным советским аэродромам, на которых располагались авиаполки, использующие новые истребители МиГ-3, МиГ-1, Як-1, ЛаГГ-3 (кн. 3, с. 481–501).

34. Автором высказано предположение о том, что большое количество морально устаревших самолетов (И-16, И-153), которые находились рядом с новыми самолетами (МиГ-3, Як-1 и др.) на советских приграничных

аэродромах, предназначались для участия в высадке десанта в Англии. Их масса позволила бы забить отражениями экраны английских РЛС. Нельзя исключать и возможность их использования в качестве беспилотных самолетов-снарядов. Существуют свидетельства того, что подобные разработки велись советской промышленностью (Кн. 3, с. 496, Приложение 11).

35. Автором обнаружены в РГАСПИ и впервые опубликованы решения Политбюро из «Особой папки» по распределению на 1941 год средств и авиаресурсов между военными округами. Из них неожиданно следует, что основным стратегическим направлением для авиации Сталин считал не запад, а юг. Скорее всего, потому, что при высадке десанта на Британские острова основную ударную силу авиации должны были составлять самолеты люфтваффе, а при ударе по английским базам на Ближнем Востоке – самолеты советских ВВС. Количество авиаполков двух округов на юге (КОВО и ОДВО) в 1,65 раза, а их мобрезерв авиабензина в 1,28 раза превышали количество авиаполков и мобрезерв всех остальных западных округов, вместе взятых (Кн. 3, с. 498–501).

36. Автором обосновано предположение о том, что одной из главных причин задержки на восемь часов сообщения советскому народу по радио о нападении немцев стало требование Молотова личной подписи Сталина под текстом своего выступления, устно согласованного с вождем по ВЧ-телефону. И, по всей видимости, Сталину передали этот текст в Сочи телеграфом, он поставил свою подпись и фототелеграммой вернул подписанный текст в Москву. При этом Сталин внес в него ряд изменений. В результате зачитанный Молотовым текст сильно отличался от написанного его рукой: в автографе 305 слов, а в речи 608. Рукописный текст Молотова обнаружила и сообщила о нем в ведомственном издании МИД Г. Н. Пескова. Автор же впервые опубликовал молотовский автограф в газете «МК» 20 июня 2011 г. и там же изложил свое объяснение причины различий между автографом и текстом, зачитанным Молотовым по радио (Кн. 3, с. 503–521).

37. Автор полагает, что 22 июня Сталин не находился в шоковом состоянии, как об этом пишут большинство историков и литераторов, а был вполне дееспособен. Об этом свидетельствует правка вождя на присланном ему из ТАСС проекте Сводки Главного командования о боях за 22 июня. Это единственный за тот день документ со следами руки Сталина, который

удалось обнаружить автору. Впервые он был опубликован без каких-либо комментариев в сборнике «Сталин. Июнь 1941 – май 1945» [79. С. 35]. В газете «Правда» за 23 июня 1941 г. указанная «Сводка...» была напечатана уже с учетом сталинской правки. Тем большее удивление вызывает отсутствие подписи Сталина и правки, сделанной его рукой, на важнейших документах начала войны – Директивах № 1, 2 и 3 и Указах о мобилизации и военном положении. Наиболее вероятная причина этого – отсутствие в эти дни Сталина в Москве, из-за чего все секретные документы в этот день попасть к нему не могли, а несекретный текст этой Сводки был передан из ТАСС обычным телеграфом (Кн. 3, с. 522–527).

38. Автором высказано предположение о том, что поездка к Сталину на дачу в конце июня 1941 г., о которой упоминают Молотов, Микоян и Берия, имела место, но не на ближнюю дачу в Кунцево, а на дальнюю – в Сочи. Видимо, они не ездили, а летали туда 29–30 июня (во время двухдневного перерыва в приеме посетителей в кремлевском кабинете вождя), захватив с собой от НКО Жукова. Привезенный ими Сталину проект «Директивы Совнаркома и ЦК партийным и советским организациям...» был там же подписан и послужил основой для текста речи Сталина 3 июля. Там же они высказали идею немедленно создать ГКО во главе с вождем и передать ему всю полноту власти в стране. Под диктовку Сталина Маленков написал текст «Образование ГКО», который за подписями Сталина и Калинина был опубликован во всех газетах 1 июля (его увезли самолетом в Москву на следующее утро после подписания). Там же была организована запись выступления вождя на магнитную пленку для трансляции по радио. Молотов привез эту пленку самолетом, вернувшись в Москву 1 июля (Кн. 1, с. 32; кн. 2, с. 149–164; кн. 3, с. 433–480).

39. Автором обнаружены в РГАСПИ и впервые опубликованы письма Молотову, датированные 1 июля 1941 г., от его жены и дочери, которые в тот день уезжали в эвакуацию. В этих письмах они сожалеют, что не сумели с ним даже попрощаться, что тоже говорит об отсутствии Молотова в Москве с 28 июня до 16.40 1 июля 1941 г. (Кн. 2, с. 160–164).

40. Установлено, что на четырех оперативных сводках Генштаба за 29 и 30 июня подпись Жукова имеется только на одной – в 8.00 29 июня. Следующие три сводки подписаны Соколовским, и лишь с 8.00 1 июля 1941 г. снова появляется подпись Жукова [15. С. 40–48]. Это

свидетельствует о том, что 29–30 июня 1941 г. Жукова не было в Москве. Значит, не исключено, что он летал к Сталину в Сочи вместе с членами Политбюро (Кн. 2, с. 160–164).

41. Автором высказаны и обоснованы предположения о том, что Яков Джугашвили, старший сын Сталина, не попал в плен, а был интернирован утром 22 июня 1941 г. на немецкой территории, где оказался при осуществлении Великой транспортной операции (Кн. 1, с. 64–65 Фотоприложения; кн. 2, с. 327–408, с. 1 – 31 Фотоприложения).

42. Автором высказано предположение о том, что гауптштурмфюрер СС Шульце, привезший Якова в Заксенхаузен, а после его гибели там руководивший Особой комиссией РСХА, которая разбиралась с ее причинами, – не кто иной, как Рихард Шульце, адъютант Гитлера, который 28 сентября 1939 г. был сфотографирован рядом со Сталиным при подписании Договора о дружбе и границе (Кн. 2, с. 409–429).

43. Автором обнаружены в АВП РФ и впервые опубликованы 20–21 июля 2011 г. в газете «МК» документы об обмене в июле 1941 г. сотрудников германского посольства в Москве на сотрудников советского посольства в Берлине и членов колонии советских представителей в Германии и странах – ее союзниках. Впервые названа наиболее вероятная дата окончания обмена – раннее утро 19 июля, совпадающая с первыми сообщениями германской и мировой прессы о пленении Якова Джугашвили – старшего сына Сталина. В связи с этим автор предполагает, что известное письмо отцу Яков написал 19 июля 1941 г. и передал через бывшего посла СССР в Берлине Деканозова, который возвратился в Москву в тот же день (сообщение о возвращении 19 июля Деканозова в Москву найдено автором в газете «Правда» от 20 июля 1941 г.). Позднее в немецких листовках неоднократно печаталось факсимиле этого письма с указанием, что оно передано отцу дипломатическим путем (Кн. 2, с. 401–409; кн. 3, с. 528–569).

44. Автором изложена новая версия о причинах потопления 30 января 1945 г. немецкого лайнера «Вильгельм Густлофф». Вероятно, на нем из Готенхафена должен был после начала наступления на Кенигсберг (13 января) вывозиться доставленный из Кенигсберга «Восточный архив» гауляйтера Эриха Коха, в котором хранились основные документы о тайных связях и контактах рейхсвера и вермахта с РККА, НСДАП с ВКП(б), высшего руководства Третьего рейха и СССР, в том числе Сталина

и Гитлера, а кроме того документы двух восточных ставок фюрера – «Вольфшанце» и «Вервольф». Поэтому командир подводной лодки С-13 капитан третьего ранга А. И. Маринеско, скорее всего, по тайному указанию высшего руководства страны получил приказ командования потопить конкретное судно – «Вильгельм Густлофф» и дежурил у выхода из Данцигской бухты с 13 по 30 января (Кн. 2, с. 451–515).

45. Остается неизвестным, когда Сталин принял столь невероятное решение – 24 июня 1945 г., стоя на трибуне Мавзолея, или раньше (ведь «не при параде» пришел он в тот день на Парад Победы), – но после этого счастливейшего события и величайшего праздника для всего советского народа в течение 20 лет Парад Победы не повторялся. В «Правде» за 24 декабря 1947 г. автором обнаружено сообщение «В Президиуме Верховного Совета СССР» от 23 декабря о переносе дня отдыха с 9 мая на 1 января. После этого до 1965 года любимый праздник нашего народа День 9 мая перестал быть государственным праздником и нерабочим днем (Кн. 2, с. 437–440; кн. 3, с. 654).

Зафиксирован и еще один поразительный и никем не объясненный факт. До сих пор не опубликовано ни одного фото, сделанного на двух торжественных приемах в Кремле в честь Победы 24 мая и 25 июня 1945 г. Сталин, осознавая, какую роль сыграл он в катастрофе первых дней войны, и понимая, видимо, что в этой войне победил не он, а народ, не хотел лишний раз напоминать стране о великой победе и лишний раз давать людям повод для размышлений обо всем произошедшем.

Так что Великой тайной Великой Отечественной войны автор считает роковые ошибки вождя не только в первые дни вероломного нападения Германии, но и в течение предшествующих двух лет удивившей весь мир дружбы с заклятым врагом. Потому-то вождь больше всего боялся своего народа – победителя и благодарил его за терпение в своем известном тосте на приеме в Кремле 24 мая 1945 г. (Кн. 1, с. 362–364; кн. 2, с. 437–440, с. 78 Фотоприложения).

У К А З

Президиума Верховного Совета СССР

Об объявлении 9 мая ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ

В ознаменование победоносного завершения Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков и одержанных исторических побед Красной Армии, увенчавшихся полным разгромом гитлеровской Германии, заявившей о безоговорочной капитуляции, установить, что 9 мая является днём всенародного торжества—ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ.

9 мая считать нерабочим днём.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 8 мая 1945 года.

В Совнаркоме СССР

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 Мая ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ Совнарком СССР постановил считать 9 Мая 1945 года нерабочим днём.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 г.
(«Правда», 9 мая 1945 г.)

В Президиуме Верховного Совета СССР

Президиум Верховного Совета СССР
постановил:

1. Во изменение Указа Президиума
Верховного Совета СССР от 8 мая 1945
года считать день 9 мая — праздник
победы над Германией — рабочим днем.

2. День 1 января — новогодний праздни-
к — считать нерабочим днем.

**Указ Президиума
Верховного Совета СССР
О награждении орденом Ленина
первооткрывателя Воркутского
каменноугольного
месторождения Попова В. Я.
За открытие Воркутского месторождения**

Постановление Президиума Верховного Совета СССР («Правда», 24 декабря 1947 г.), на 18 лет лишившее ветеранов войны и весь советский народ великого и всеми любимого праздника

Список использованных сокращений

- А** – армия
АБТУ – Автобронетанковое управление
АДД – авиация дальнего действия
ад дба – авиационная дивизия дальнебомбардировочной авиации
ап – арtpолк
АПРФ – Архив Президента РФ
АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации
АрхВО – Архангельский военный округ
АУ РККА – Артиллерийское управление РККА
бад – бомбардировочная авиадивизия
ббп – ближнебомбардировочный полк
БМ-13 – многозарядные пусковые установки для ведения залпового огня 132-мм реактивными снарядами РС-132, позже названы «катюшами»
БПЛ – бригада подводных лодок
БТМВ – бронетанковые и механизированные войска
БФ – Балтийский флот
ВАТ – военный атташе
ВВС – Военно-воздушные силы
вдк – воздушно-десантный корпус
«ВИЖ» – «Военно-исторический журнал»
ВНОС – воздушное наблюдение, оповещение, связь
ВМФ – Военно-морской флот
ВорФ – Воронежский фронт
ВС – Военный Совет
ВС СССР – Верховный Совет СССР
ВЦСПС – Всесоюзный Центральный Совет профессиональных союзов
ВЧ – высокочастотная защищенная телефонная связь
гап – гаубичный артиллерийский полк
ГАУ – Главное артиллерийское управление
ГВМУ – Главное военно-мобилизационное управление Наркомтяжпрома.
ГВФ – Гражданский воздушный флот
ГлавПУР – Главное политическое управление
ГКО – Государственный комитет обороны СССР

ГРУ – Главное разведывательное управление КА (с октября 1942 г.)
ГУ – Главное управление
ГУ ВВС – Главное управление ВВС
ГУ АС ВВС – Главное управление авиационного снабжения ВВС
дбп – дальнебомбардировочный полк
ДВФ – Дальневосточный фронт (июнь-август 1938 г., 1940–1945 гг.)
ДБ-3ф (Ил-4) – дальний бомбардировщик конструктора Ильюшина
ДЗОТ – деревоземляная огневая точка
ДОТ – долговременная огневая точка
Ер-2 (ДБ-210) – дальний ночной бомбардировщик конструктора

Ермолаева

ЗабВО – Забайкальский военный округ
ЗакВО – Закавказский военный округ
ЗапОВО – Западный Особый военный округ
ЗФ – Западный фронт
И-16 – истребитель-моноплан конструктора Поликарпова
иап – истребительный авиаполк
КА – Красная Армия
кап – корпусной артиллерийский полк
КВО – Киевский военный округ
кд – кавалерийская дивизия
кк – кавалерийский корпус
КОВО – Киевский Особый военный округ
КП – командный пункт
лап – легкий артиллерийский полк
ЛВО – Ленинградский военный округ
мд – моторизованная дивизия
МФТИ – Московский физико-технический институт
НКАП – Народный комиссариат авиационной промышленности
НКБ – Народный комиссариат боеприпасов
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности
НКВМФ – Народный комиссариат военно-морского флота
НКВТ – Народный комиссариат внешней торговли
НКВД – Народный комиссариат иностранных дел
НКЛП – Наркомат легкой промышленности
НКНП – Наркомат нефтяной промышленности
НКО – Народный комиссариат обороны
НКОП – Народный комиссариат оборонной промышленности

НКПС – Народный комиссариат путей сообщения
НКСМ – Наркомат среднего машиностроения
НКСП – Народный комиссариат судостроительной промышленности
НП – наблюдательный пункт
НСДАП – Национал-социалистическая немецкая рабочая партия
ОдВО – Одесский военный округ
ОрВО – Орловский военный округ
ОКВ – Верховное Главнокомандование вооруженных сил Германии
ОКХ – Главное командование сухопутных войск Германии
ПВО – противовоздушная оборона
ПЛ – подводная лодка
ПрибОВО – Прибалтийский Особый военный округ
ПриВО – Приволжский военный округ
птабр – противотанковая артиллерийская бригада
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГАКФ – Российский государственный архив кинофотодокументов
РГАЭ – Российский государственный архив экономики
РГК – Резерв Главного Командования
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РЛС – радиолокационная станция
РСХА – Главное имперское управление безопасности
РУ – Разведывательное управление Генштаба Красной Армии (1940–1942 гг.)
РУС-1, РУС-2 – «Радиоуправляемый самолет» – радиолокационные станции (РЛС) ПВО КА, принятые на вооружение в начале 1941 г
САВО – Среднеазиатский военный округ
сад – смешанная авиадивизия
сбп – скоростной бомбардировочный полк
сд – стрелковая дивизия
СЗФ – Северо-Западный фронт
СибВО – Сибирский военный округ
ск – стрелковый корпус
СНИС – служба наблюдения и связи (на флотах)
СНК – Совнарком, Совет Народных Комиссаров – высший исполнительно-распорядительный орган СССР, с 1946 г. – Совет Министров
СС – охранные отряды нацистской партии
СФ – Северный фронт

ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза
тбп – тяжелобомбардировочный полк (авиационный)
тд – танковая дивизия
тк – танковый корпус
УР – укрепленный район
ХВО – Харьковский военный округ
ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны
ЦИАМ – Центральный институт авиационных материалов
ЦКБ – Центральное конструкторское бюро
ЧФ – Черноморский флот
шап – штурмовой авиационный полк
ЮЗФ – Юго-Западный фронт
ЮФ – Южный фронт

Библиография

1. 1941 год: В 2 кн. / Сост. Л. Е. Решин и др., под ред. В. П. Наумова. М.: Международный фонд «Демократия». 1998.
2. Абаринов В. Прекрасная леди Гитлера и Черчилля // Совершенно секретно. 2003. № 12/175.
3. Алферов А. (Осокин А. Н.). Новая гипотеза начала Великой Отечественной войны // Независимое военное обозрение. 2004. № 29.
4. Баур Ганс. Личный пилот Гитлера. 1939–1945 М.: Центрполиграф, 2006.
5. Безыменский Л. А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М.: Вече, 2000.
6. Белов Н. Я был адъютантом Гитлера. Смоленск: Русич, 2003.
7. Бережков В. М. Рядом со Сталиным. М.: Вагриус, 1998.
8. Бережков В. М. С дипломатической миссией в Берлин. 1940–1941. Ташкент: Узбекистан, 1971.
9. Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. М.: Международные отношения, 1982.
10. Бронтман Л. Военный дневник корреспондента «Правды». М.: Центрполиграф, 2007.
11. Ванников Б. Л. Записки наркома // Знамя. 1988. № 1.
12. Ваксберг А. Тайна октября 1941-го // Литературная газета. 1988. 20 апреля.
13. Василевский А. М. Дело всей жизни М.: Олма-Пресс, 2002.
14. Вейцзеккер Э. фон. Посол Третьего рейха: Воспоминания немецкого дипломата. 1932–1945. М.: Центрполиграф. 2007.
15. Великая Отечественная война – день за днем» (по оперсводкам ГШ). Т. 1. М.: Военное издательство, 2008.
16. Великая Отечественная. Командармы: Военный биографический словарь. Жуковский, М.: Кучково поле, 2005.
17. Великая Отечественная. Комкоры: Военный биографический словарь. Жуковский, М.: Кучково поле, 2006.
18. Вестник Архива Президента РФ: СССР – Германия. 1933–1941. М., 2009.
19. Военно-воздушные силы России: Известные документы (1931–1967 гг.). М.: Изд. дом «Вестник Воздушного Флота», 2003.
20. Гареев М. А. Опыт победителей в Великой войне // Новое военное обозрение. 2010. № 9.

21. Гальдер Ф. Военный дневник 1940–1941. М.: АСТ; СПб: Terra Fantastica, 2003.
22. Гальдер Ф. Военный дневник 22.06.1941 – 24.09.1941. М.: Олма-Пресс, Звездный мир, 2004.
23. Ган Н. Ева Браун: жизнь, любовь, судьба. М.: Астрель, 2003.
24. Гофман Г. Гитлер был моим другом: Воспоминания личного фотографа фюрера. М.: Центрполиграф, 2007.
25. Документы внешней политики: 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. М.: Международные отношения, 1998.
26. Документы внешней политики. 22 июня – 1 января 1942. Т. XXIV. М.: Международные отношения, 1998.
27. Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР. М.: Советская Россия, 1992 г.
28. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: В 2 т. 13-е изд. Т. 1. М.: Олма-Пресс, 2003.
29. Журавель В. С маркой «Сделано в Германии» // Новое военное обозрение. 2002. № 22.
30. Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М.: АСТ, 2005.
31. Залесский К. А. Кто есть кто в истории СССР. 1924–1953. М.: Вече, 2009.
32. Залесский К. А. Кто был кто в третьем рейхе, М.: Астрель, 2000.
33. Залесский К. А. НСДАП. Власть в Третьем рейхе. М.: Яуза, 2005.
34. Известия ЦК КПСС. 1990. № 2.
35. Известия ЦК КПСС. 1990. № 6.
36. Иосиф Сталин в объятиях семьи. М.: Родина, 1993.
37. Калашников К. А. и др. Красная Армия в июне 1941 года: Статистический сборник. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003.
38. Карпов В. Маршал Жуков: Его соратники и противники в дни войны и мира. М.: Вече; АСТ-пресс, 1994.
39. Кегель Г. В бурях нашего века. М.: Политиздат, 1987.
40. Кейтель В. Мемуары фельдмаршала. М.: Центрполиграф, 2004
41. Кейтель В. Размышления перед казнью. Смоленск: Русич, 2003.
42. Колпакиди А. И., Прохоров Д. П. Империя ГРУ. М.: Олма-Пресс, 2000.
43. Крафт Г. Фронтовой дневник эсэсовца. М.: Яуза-пресс, 2010.
44. Кулаков Н. М. Доверено флоту. М.: Воениздат, 1985.
45. Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. М.: Олма-Пресс, 2003.
46. Кузнецов Н. Г. Накануне. М.: Воениздат, 1966.

47. Кузнецов Н. Г. От Ялты до Потсдама // 9 мая 1945 года. М.: Наука, 1972.
48. Куманев Г. Говорят сталинские наркомы. Смоленск: Русич, 2005.
49. Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. Смоленск: Русич, 2001.
50. Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума. М.: МФ «Демократия», 1999.
51. Малый атлас СССР. М.: Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1981.
52. Медведев Р. Они окружали Сталина. М.: Издательство полит. литературы, 1990.
53. Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. 3-е изд. М.: Вече, 2008.
54. Мерецков К. А. На службе народу. М.: Вече, 2000.
55. Микоян А. И. Так было. М.: Вагриус, 1999.
56. Миркискин В. А. Военная и научная деятельность Дмитрия Михайловича Карбышева: дис. канд. ист. наук.: 07.002. М.: РГБ ОД, 2004.
57. Некрич А. М. 1941. 22 июня. М.: Наука, 1965.
58. Некрич А. М. 1941, 22 июня. М.: Памятники исторической мысли, 1995.
59. Новобранец В. Я предупреждал Сталина о войне: Записки военного разведчика. М.: Яуза; Эксмо, 2009.
60. Нудельман А. Э. Пушки для боевых самолетов. М.: НТЦ «Информтехника», 1993.
61. Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941. М.: Московский рабочий, 1991.
62. Осокин А. Н. Великая тайна Великой Отечественной: Ключи к разгадке. М.: Время, 2010.
63. Осокин А. Н. Великая тайна Великой Отечественной: Новая гипотеза начала войны. М.: Время, 2007.
64. Оружие Победы. М.: Машиностроение, 1987.
65. Петров И. Ф. Авиация и вся жизнь. М.: ЦАГИ, 1992.
66. Пейн Р. Восхождение и падение Сталина. Нью-Йорк: Симон и Шустер, 1965. (Payne R. The Rise and Fall of Stalin. New York: Simon and Schuster, 1965).
67. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск: Русич, 1993.
68. Поджигатели войны: Карикатуры Бор. Ефимова. М.: Искусство, 1938.
69. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б): Повестки дня заседаний. 1919–1952: Каталог. Т III. 1940–1952. М: РОССПЭН, 2001.

70. Правда о религии в России. Московская Патриархия, 1942.
71. Пройдет десяток лет и эти встречи уже не восстановишь в памяти: Дневник Малышева В. А. // Вестник Президента РФ. 1997. № 5.
72. Решин Е. Г. Генерал Карбышев. М.: Изд-во ДОСААФ СССР, 1980.
73. Ржевская Е. М. Геббельс, портрет на фоне дневника. М.: Слово/Slovo, 1994.
74. Риббентрон И. Между Лондоном и Москвой: Воспоминания и последние записи. М.: Мысль, 1996.
75. Риббентрон И. Мемуары нацистского дипломата. Смоленск: Русич, 1998.
76. Розанов Г. Л. Сталин – Гитлер. 1939–1941. М.: Междунар. отношения, 1991.
77. Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 12(1). Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. М.: Терра, 1993.
78. Соболев Д. А., Хазанов Д. Б. Немецкий след в истории отечественной авиации. М.: Русавиа, 2000.
79. Сталин. Июнь 1941 – май 1945. М.: Достоинство, 2010.
80. Степанов А. С. Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 год – первая половина 1941 года). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009.
81. Суворов В. День-М. М.: АСТ, 2002.
82. Суворов В. Ледокол. М.: Новое время, 1992.
83. Суворов В. Последняя республика. М.: АСТ, 2001.
84. Суворов В. Святое дело. М.: АСТ, 2008.
85. Суворов В. Тень победы. М.: Сталкер, 2003.
86. Спутник партизана. М.: Молодая гвардия, 1941.
87. Спутник партизана. Дальгиз, 1943.
88. Старинов И. Г. Записки диверсанта // Альманах «Вымпел». 1997. № 3.
89. Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М.: Олма-Пресс, 2001.
90. Судоплатов П. А. Спецоперации: Лубянка и Кремль. М.: Олма-Пресс, 1997.
91. Сухомлинов А. В. Кто вы, Лаврентий Берия? М.: Детектив-Пресс, 2003.
92. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.): На приеме у Сталина: Справочник. М.: Новый хронограф, 2008.
93. Тревор-Ропер Х. Застольные беседы Гитлера. 1941–1944. М.:

Центрполиграф, 2004.

94. Ханфштангль Э. Мой друг Адольф, мой враг Гитлер. Екатеринбург: Ультра Культура, 2006.

95. Хильгер Г., Мейер А. Россия и Германия. Союзники или враги? М.: Центрполиграф, 2008.

96. Хрущев Н. С. Воспоминания. М.: Вагриус, 1997.

97. Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть. Кн. I. М.: Московские Новости, 1999.

98. Хрущев Н. С. Мемуары // Вопросы истории. 1990. № 8.

99. Черчилль У. Вторая мировая война. Т. III. М.: Воениздат, 1991.

100. Черчилль У. Вторая мировая война. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.

101. Чиков В. Контрразведка в годы войны // Военно-промышленный курьер. 2005. № 15.

102. Чуев Ф. И. Молотов: Полудержавный властелин. М.: Олма-Пресс, 1999.

103. Ширер У. Крах нацистской империи. М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1998.

104. Шмидт П. Переводчик Гитлера. Смоленск: Русич, 2001.

105. Яковлев А. С. Цель жизни. М.: Изд-во полит. литературы, 1987.

106. Яковлев Н. Д. Об артиллерии и немного о себе. М.: Высшая школа, 1984.

107. Якубович Н. В. Авиация СССР накануне войны. М.: Вече, 2006. Литературно-публицистическое издание

Примечания

Когда рукопись этой книги уже находилась в издательстве, я обнаружил решения Политбюро «О торговом соглашении с Германией» № П23/184 от 22 марта 1935 г. [18. С. 115] и «О торговых заказах в Германии» № П24/107 от 7 апреля 1935 г. [Там же. С. 117]. Оказалось, что на их основании торгпред Д. Канделаки 9 апреля 1935 г. заключил торговое соглашение с Германией с кредитом на такую же сумму, как при подписании пакта Молотова – Риббентропа, – 200 млн марок! Причем уже к 3 сентября того же года от Германии было получено товаров на 115 млн марок. И еще один факт, на который почему-то никто не обратил должного внимания. В 1937 г., в разгар гражданской войны в Испании, на осенних маневрах Белорусского военного округа, проводившихся под руководством командующего округом И. П. Белова и под наблюдением наркома обороны Ворошилова и начальника Генштаба Шапошникова, «в качестве гостей присутствовали генералы и офицеры немецкого генерального штаба». Об этом сообщил маршал Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» [28. С. 152]. Интересно отметить, что об участии военных представителей других стран он не упоминает. Все это свидетельствует о том, что, вопреки общепринятому мнению, между СССР и Германией и в 1933–1939 гг. продолжалось сотрудничество.

Имеется в виду упоминание Черчилля о своей поездке в Мюнхен в его книге «Вторая мировая война».

Известно, что выдвигали его американская писательница Гертруда Стайн и депутат шведского парламента Эрик Брандт.

Я обнаружил довольно любопытную фразу У. Черчилля: «Диктаторы ездят верхом на тиграх, боясь с них слезть. А тигры между тем начинают испытывать голод». Вполне возможно, что тезисы сталинских высказываний по поводу тигров и их хозяев были записаны Ждановым, когда вождь рассуждал по поводу этой фразы Черчилля, произнесенной им где-то и доведенной до сведения Сталина агентами разведки или письмом советского полпреда в Лондоне Майского. Не исключено, конечно, что склонный к самоиронии Черчилль мог таким образом обозначить ситуацию в Европе, когда взрастившая тигра Гитлера английская верхушка оказалась перед фактом его агрессии, вынудившей Англию вступить в войну с ним. Сталин же прямо указывает место действия – Англия. Как не исключено и то, что с помощью этого яркого образа Черчилль охарактеризовал дружбу Сталина с Гитлером. Об этом свидетельствует слово «диктаторы», почему-то озвученное Сталиным как «хозяева».

Есть кадры кинохроники, на которых полноватый человек бежит по полю на фоне взлетающего с московского аэродрома немецкого «Кондора». В своих воспоминаниях [104. С. 191] Шмидт сообщает, что он опоздал на него и поэтому улетал в Берлин на Ю-52. Так что, скорее всего, это он.

«Ильзе отправилась вместе с ней в Берлин. По просьбе Евы Альберт Шпеер предложил ее старшей сестре должность своей секретарши. Гитлер несколько смягчил режим секретности, поэтому позволил себе пригласить обеих молодых женщин на полуофициальный ужин в рейхсканцелярию. Когда подали десерт, Гитлер спросил Риббентропа: “Если вы не против, я открою тайну?” Министр иностранных дел только горделиво улыбнулся в ответ. Тогда Гитлер во всеуслышание заявил: “Никакой крупномасштабной войны не будет. Сегодня ночью Риббентроп вылетает в Москву. Мы подписываем с русскими договор”. В эти предваряющие начало величайшей в новейшей истории войны роковые часы Ева неотступно находилась рядом с Гитлером. Ее альбом содержит поразительные любительские снимки, но еще более ошеломляющее впечатление производят подписи под ними...» [23. С. 138].

7

Звание командира экипажа в немецкой гражданской авиации.

Риббентроп, правда, написал в мемуарах, что при встрече обошли «строй почетного караула советских военно-воздушных сил», однако он или ошибся, так как такой почетный караул был в его сентябрьский прилет, либо скрыл, что так встречали 23 августа другой самолет делегации и в другом месте.

Она называлась не делегацией, а комиссией. – А. О.

По непонятной причине Петров даже не упоминает о первой комиссии по заказам военной техники в Германии и Италии, авиационную бригаду которой по предложению А. И. Микояна от 7.09.39 г. (см. ниже) должен был возглавлять Ильюшин и в которую из перечисленных Петровым лиц (в том числе и его самого) должны были входить лишь Яковлев, Кузнецов и Швецов. Есть несколько серьезных несовпадений и в указанном Петровым составе авиагруппы Хозяйственной комиссии Тевосяна, утвержденной решением Политбюро № П8/128 от 23 октября 1939 г и состоявшей из двух бригад, одну из которых возглавлял Ильюшин, а вторую Гусев. Из перечисленных Петровым лиц в нее не входили Поликарпов, Дементьев и Супрун, из чего следует, что они были командированы в Германию с другой группой позже. Значит, количество советских представителей из руководства оборонными отраслями промышленности, главных конструкторов военной техники и наркомата обороны, работавших с сентября 1939 по май 1941 г. в Хозяйственной комиссии в Германии, могло быть гораздо больше 98 человек, перечисленных в трех списках, утвержденных Политбюро. Это подтвердилось при обмене посольств и колоний представителей СССР и Германии в июле 1941 г.: с немецкой стороны – 140 человек, а с советской – 1 041 человек (большинство из которых составляли приемщики продукции на немецких заводах). – А. О.

Германия в этот период была главным партнером СССР и оказывала ему огромную военно-техническую помощь, в первую очередь по вопросам авиации, показывая практически все свои КБ и заводы, продавая на льготных условиях авиатехнику, ее составные части, станки, оборудование, материалы и чертежи, чего она бы никогда не делала для потенциального противника. Так что вряд ли Сталин так ставил вопрос. Кроме того, согласно «Кремлевскому журналу» Петров был в кабинете Сталина всего один раз и гораздо позже – 31.5.41 г. – А. О.

Как стало известно позже, на самом деле Германия в тот период выпускала 23 самолета в день. Откуда же взялись фантастические цифры И. Ф. Петрова 70–80? Сам просчитался, или немцы «развели» его, чтобы запугать советское руководство? Или он решил таким образом принизить результаты работы руководства советской авиапромышленности и командования ВВС и быть замеченным вождем? Примечательно, что данные советской военной разведки полностью совпали с «петровскими». Начальник РУ Генштаба РККА Голиков в спецсообщении № 660279сс от 11 марта 1941 г. доложил: «За истекший шестимесячный период... военно-воздушные силы увеличились почти в два раза. Если на 1 октября 1940 г. Германия имела 11 900 самолетов... 1 марта 1941 г. Германия имела 20 700 самолетов», из чего следует, что ее заводы в эти полгода выпускали по 86 самолетов в день. Однако из воспоминаний начальника Информотдела РУ полковника В. А. Новобранца «Записки разведчика» (см. Приложение 3) известно, что Голиков подгонял свои доклады под доведенное до него мнение Сталина. Это очень похоже на «персональное задание», полученное Петровым от Сталина. Поэтому, скорее всего, Сталин сам запустил эту цифру и хотел, чтобы Петров ее подтвердил по результатам поездки. С какой целью – можно только гадать: или чтобы «подстегнуть» нашу авиационную промышленность, готовясь к возможной войне с Германией, или, выполняя взятые на себя обязательства перед Гитлером, готовясь (или делая вид, что готовится) к совместной войне с Британской империей. – А. О.

Петров ошибся, правильно не МАП, а НКАП, ставший МАПом в 1946 г.

В тот период советское руководство, и Сталин в первую очередь, представляло Германию как дружественную страну и даже союзника, за разговоры о войне с Германией можно было загреметь в лагерь, так что скорее это послевоенные дописки. – А. О.

Неточность Петрова, опубликованный текст этого отчета (см. с. 149) подписан членами комиссии И. Петровым, Артемом Микояном, С. Супруном, Е. Родзевичем, А. Максимовым. – А. О.

Нет ни единого подтверждения того, что Сталин в предвоенный период посещал авиазаводы. – А. О.

Удет застрелился 17 ноября 1941 г. в своей квартире.

Я совершенно иначе расцениваю этот факт – как подтверждение того, что после начала войны с СССР Гитлер также был вынужден скрывать необъяснимое предвоенное советско-германское военно-техническое сотрудничество и даже применять репрессии против его участников, хотя в несоизмеримо меньших размерах, чем Сталин. – А. О.

Так в тексте, правильно – Риттер. – А. О.

В решении Политбюро «Об изготовлении опытной партии радиоустановок РУС-1» П 12/28 —ОП от 26.1.40 г. я обнаружил такие слова: «Обязать в 2-хмесячный срок разместить в Германии заказы на оборудование для заводов № 208 и № 327 согласно приложения. Выделить для этих целей импортный контингент в сумме 280 тыс. руб.». Это значит, что осуществлявшиеся в это время разработки «радиоуправляемых самолетов» РУС-1 (система обнаружения) и РУС-2 (радиолокационные станции) производилась с помощью Германии.

Получается, что по июнь 1941 г. – А. О.

Так в документе. Должно быть – «Фокке-Вульф». – А. О.

Так в документе. – А. О.

Так в документе. – А. О.

Впервые его опубликовала с моей статьей газета «МК» 11 августа 2010 г.

Год рождения указан у тех членов делегации, имена и фотографии которых не были опубликованы в советской печати, для их идентификации на обнаруженных мной снимках.

Здесь и далее даты и время указаны не по воспоминаниям участников переговоров, а по обнаруженному мной в АВП РФ немецкому документу «Распределение часов к приему... В. М. Молотова. Берлин, 12–14 ноября 1940 года» (Ф. 06. Оп. 2. П. 15. Д. 161. Л. 4–8), а также по данным из сообщений о берлинской поездке и переговорах, которые были опубликованы в газете «Правда» в 1940 г.

В немецком документе «Распределение часов...» оно названо Министерством воздухоплавания. Содержание беседы Молотова с Герингом см. [63. С. 464–470], с Гессом – Приложение 7.

Здесь и далее полужирным выделен текст, вписанный рукой Молотова.

Свое предположение о возможной встрече Сталина с Гитлером я изложил и обосновал в своей книге «Новая гипотеза...» [63. С. 209–242].

А. Глушко, обсуждая со мной мое предположение о значении «бермудского» треугольника на петлицах младшего командного состава РККА, заметил, что это скорее четырехугольник – он ведь не плоский, а выпуклый и является, по сути, пирамидкой, вершина которой и есть четвертый угол.

Ярким примером этого является и «Кремлевский журнал» – «Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным», где ежедневные сведения о посетителях его кабинета почему-то записаны на отдельных листках, а информация собрана почти за 30 лет. Разрозненные листки давали возможность изменять дневную информацию как угодно. Так же можно было изменять или при необходимости заменять подлинники решений Политбюро.

С декабря 1923 г. было решено, что «в протоколы Политбюро ничего, кроме решений Политбюро, записываться не должно». Такой порядок оформления протоколов заседаний существовал до конца 1940-х гг. «В 1939 г. Политбюро приняло решения по 2 855 вопросам, тогда как в течение года было проведено только 2 заседания Политбюро, оформленные именно как его заседания соответствующими протоколами, – 29 января и 17 декабря. Абсолютное большинство решений готовилось Оргбюро и Секретариатом ЦК и принималось путем опроса членов Политбюро либо на совещаниях в узком кругу в кабинете Сталина» [69. С. 22, 24]. В своем дневнике нарком Малышев записывает слова Сталина: «Вот мы в ЦК уже 4–5 месяцев не собирали Политбюро. Все вопросы подготавливают Жданов, Маленков и др. в порядке отдельных совещаний со знающими товарищами...» *Малышев В. Дневник наркома // Вестник Президента РФ. 1997. № 5.*

Хлопок был одним из важных видов сырья, поставляемого в то время в Германию в обмен на военную технику, оборудование и технологии. За 17 месяцев до начала 1941 г. Германия получила 101 тыс. т советского хлопка.

Содержащаяся в этом документе подборка представляет собой перепечатанные на пишущей машинке цитаты из публикаций мировой прессы, подобранные по неизвестному принципу: ни хронология, ни география публикаций по поводу этого визита при этом не выдерживаются. В своей «выборке из подборки» я строго следую этому тексту со всеми его странностями в написании названий отдельных изданий, указании дат и всякого рода разночтениями.

Город и порт в Испании напротив Гибралтара.

Так в оригинале. – А. О.

Когда рукопись этой книги уже находилась в издательстве, мы вместе с Александром Федоровичем Корняковым (главным конструктором проекта первого принятого в нашей стране на вооружение в 1971 г. автоматического гранатомета АКС-17 «Пламя» разработки ОКБ-16) провели большую работу и доказали, что все пушки ОКБ-16, участвовавшие в Великой Отечественной войне, были конструкции Таубина – Бабурина. Наша статья об этом опубликована в газете «Красная звезда» 17–23 авг. 2012 г.

На участие в «свите Молотова... большого количества руководителей советской промышленности» указывал в публикации 13 ноября 1940 г. берлинский корреспондент шведской газеты «Дагенс Нюхетер». Это наблюдение типично для прессы, освещавшей тогда визит Молотова в Берлин (*АВП. Оп. 2. Пор. № 163. П. 15*).

Оказалось, что работы по созданию 37-миллиметровой пушки инициативно велись в ОКБ-16 с 1937 г. (см. ниже).

Я уже высказывал предположение о том, что совещание у Сталина по результатам берлинской поездки делегации Молотова вряд ли могло проходить без Председателя Совнаркома Молотова, если, конечно, в той поездке тайно не участвовал и сам Сталин, на что намекает перерыв в приеме в его кремлевском кабинете с 6 по 15 ноября [63. С. 209–242]. Поэтому вполне возможно, что Молотов пересел 14 ноября из поезда в самолет и прилетел в Москву в тот же день вместе с теми участниками переговоров в Берлине, которые оказались 15 ноября на совещании у Сталина. Тем более что по утверждению единственного человека, рассказавшего об этом совещании, управделами Совнаркома Чадаева, отчетный доклад о поездке на этом совещании делал сам Молотов.

В «Кремлевском журнале» вместо него, на мой взгляд ошибочно, указан Сидоренко – председатель ЦК профсоюза рабочих электростанций. Очевидно, дежурный секретарь Сталина записал так по его устному представлению, подвело созвучие: Федоренко – Сидоренко.

Изобретение времен Первой мировой войны, принято на вооружение в Красной Армии в 1920-х годах.

Виктор Михайлович Бабурин, сын М. Н. Бабурина, ведущего конструктора ОКБ-16 и соавтора Таубина по гранатомету, 23– и 37-мм авиационным пушкам, а также зенитной и танковой пушкам, ознакомился недавно в ФСБ с делом своего отца и рассказал мне, что на допросе в мае 1941 г. следователь задавал Бабурина вопрос о его встрече на испытаниях гранатомета в составе самолета с замнаркома М. Н. Тухачевским и Н. А. Ефимовым, который был в то время начальником Артиллерийского Управления НКО (комкор Ефимов был расстрелян в 1937 г.), а также о том, почему же все-таки гранатомет не приняли на вооружение РККА. Бабурин ответил, что причина ему неизвестна, поскольку после этих испытаний Таубин перевел его на другую тему – разработку 37-миллиметровой зенитной и танковой, а затем и авиационной автоматических пушек. Значит, эти испытания происходили до 10 мая 1937 г. (в этот день Тухачевский был переведен в ПриВО и уехал в Куйбышев).

После этого в гранатомет ввели новую смазку и тормозную жидкость для противооткатного устройства, что обеспечивало его работу при $-50\text{ }^{\circ}\text{C}$.

В упомянутой выше статье, написанной мной вместе с А. Ф. Корняковым, говорится о том, что найдено еще одно, совершенно неожиданное объяснение тому, что гранатомет Таубина не был принят на вооружение в СССР, но такого же калибра гранатомет появился в 1960-х годах в США.

Мушинский пришел в ОКБ позже.

По моему мнению, коллектив ОКБ-16 во главе с Таубиным был награжден за создание и летные испытания в составе самолета Ме-110 авиапушки ПТБ-23.

Пушка МП-3 была создана по схеме с длинным ходом ствола и темпом стрельбы 300 выстр./с.

Главным способом повышения темпа стрельбы пушки МП-6 был перевод кинематики пушки на «короткий ход» ствола.

При всем моем уважении к Михаилу Никитовичу Бабурину как к соавтору и ближайшему сподвижнику Таубина, особую роль которого в деятельности ОКБ-16 подчеркнул Наркомат госбезопасности тем, что подписал лишь на него ордер на арест в один день с Таубиным, не могу не отметить, что по должности Бабурин был лишь ведущим конструктором. И хочу привести слова Грибкова по этому поводу: «Бабурин был ближайшим помощником Таубина и соавтором важнейших работ, в первую очередь пушки МП-6, однако он был только исполнителем и, как правильно отметил А. Э. Нудельман, талантливым трудолюбивым конструктором. Все руководство конструкторским бюро лежало на одном Я. Г. Таубине, как техническое, так и хозяйственное» (Грибков П. П. Рецензия на (рукопись) статью А. Э. Нудельмана «Конструктор автоматического оружия Я. Г. Таубин». Из личного архива Л. Я. Таубиной-Бессоновой. С. 1).

Нам с А. Ф. Корняковым удалось доказать, что хотя все перечисленные в этой цитате сотрудники ОКБ-16 действительно принимали участие в создании 37-миллиметровой автоматической авиапушки, ее главными конструкторами были Таубин и Бабурин, а не Нудельман и Суранов. Более того, несмотря на то что фамилии ее настоящих создателей после их ареста были исключены из названия пушки, она была принята на вооружение в 1942 г. и воевала под названием 11-П. Название НС-37 появилось только в 1948 г. Ставший после ареста Таубина начальником ОКБ-16 военинженер К. К. Глухарев, рискуя жизнью, спас 37-мм пушку Таубина и Бабурина, объявив, что в ОКБ разработана другая пушка – 11-П. Глухарев возглавлял ОКБ-16 до 1943 г., а уходя, предложил на место начальника Нудельмана.

Из протоколов допросов Таубина и Бабурина, с которыми меня познакомил сын М. Н. Бабурина Виктор Михайлович Бабурин, видно, что работа над созданием автоматических авиапушек в ОКБ-16 была начата в 1937 г., и первой была именно 37-миллиметровая пушка.

Проведенная Бабуриным в короткий срок доработка, обеспечившая ее установку в развале двигателя, была столь удачной, что Таубин даже назвал эту модификацию 37-миллиметровой пушки БМА-37, тем самым подчеркнув авторство Бабурина.

В. М. Бабурин рассказал мне, что Таубину и его отцу были предъявлены обвинения в «участии в контрреволюционной организации» и «экономической контрреволюционной деятельности», состоявшей якобы в том, что они создали оружие, которое так и не было принято на вооружение, что привело к бесполезной трате значительных государственных средств.

Текст этого письма впервые привел И. Бунич в своей книге «Операция “Гроза”. Ошибка Сталина» (М.: Яуза, 2004. С. 571–574), но, к сожалению, не сослался на источник информации. У меня же сообщения И. Бунича вызывают все большее доверие. Так, впервые приведенный им в той же книге (с. 635) перечень 30 судов, переданных Сталиным Гитлеру для участия в операции «Морской лев» и задержанных в Германии 22 июня 1941 г., полностью подтвердился (с мелкими разночтениями в наименовании четырех из них) – я обнаружил его в 2010 г. в архиве МИД РФ (АВП. Ф. 82. Оп. 25. Д. 34. С. 190).

Грибков пишет, что на этом совещании обсуждался вопрос о пушке МП-6, так как Таубин дважды звонил ему с совещания, уточняя данные по доработке этой пушки. Запрашивались также такие данные в Коврове и в Туле. Раз Грибков утверждает, что арест произошел на следующий день, значит, это совещание было 15 мая.

Конструкторы Савин и Норов – создатели авиационного пулемета СН (1935 г.) со скорострельностью 2 800—3 000 выстрелов в минуту. С 1937 г. этот пулемет выпускался серийно. Савин и Норов с 1935 г. до самой своей смерти были работниками ОКБ-16. Они находились в длительных командировках на серийных заводах, изготавливавших оружие их разработки.

Из «Кремлевского журнала» следует, что Новиков ни разу не был в кабинете Сталина. Наверное, поэтому в своей книге он описал это по-другому: «Ванников при мне соединился со Сталиным и попросил срочно его принять. Сталин встретился с Борисом Львовичем в тот же день. Около полуночи меня потребовали к наркому».

Отрывки из этих воспоминаний были приведены выше.

Похоже, эти строки были внесены в верстку в последнюю неделю перед подписанием книги в печать (28.04.88) – после статьи в «Литгазете», о которой я дальше рассказываю.

См. ниже (с. 377–378) еще одно мое предположение о причине освобождения от должностей, а затем арестов и расстрела группы авиаторов в связи с приездом немецкой комиссии, переворотом в Югославии и нападением на нее Германии в апреле 1941 г.

В РГАСПИ обнаружен документ, из которого следует, что Савченко выезжал в Германию и раньше, вернулся в 1934 г.

В 1919 г. Перл Семеновна Карповская сменила свое имя на Полину, а фамилию – на подпольную кличку Жемчужина.

П. 633. «Решение “О тов. Жемчужиной”» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Ед. хр. № 25. Л. 15).

Так в тексте. Скорее всего, имелся в виду авиационный пулемет калибра 12,7 мм.

Государственный артиллерийский ремонтно-опытный завод.

Так в справке. Правильно – Голутвин.

Вместе с А. Ф. Корняковым мы обнаружили в РГАСПИ документ, свидетельствующий о том, что К. К. Глухарев был начальником ОКБ-16 до 1943 г.

В акте ВВС говорится: «В апреле месяце 1942 г. НИП АВ ВВС КА (ст. Донгузская) были проведены полигонные испытания 37-мм пушки (11-П № 1) ОКБ-16 НКВ, установленной в развале мотора М-105п на самолете ЛАГГ-3 № 312107... Заключение: Предъявленная ОКБ-16 НКВ 37-мм авиационная пушка 11-П № 2, установленная в развале мотора М-105п самолета ЛАГГ-3, **повторные полигонные испытания выдержала**» [60. С. 170–176]. Далее говорится о результатах сравнения с 37-мм пушкой Шпитального, созданной в ОКБ-15, где выявлено пять серьезных преимуществ пушки 11-П.

Научно-испытательный полигон авиационного вооружения ВВС.

Приказ НКО № 0362 от 22 декабря 1940 г.: «...Во исполнение указаний Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) приказываю:

1. Приказ НКО № 0147 1938 г. отменить.
2. Летчиков, штурманов и авиатехников, независимо от имеющих у них военных званий, находящихся в рядах Красной Армии менее 4 лет, считая срок службы со дня призыва или поступления в военно-авиационную и авиатехническую школу, перевести на положение срочнослужащих.
3. При переводе летчиков, штурманов и авиатехников на положение срочнослужащих сохранить за ними присвоенные военные звания и получаемые оклады содержания.
4. Перевести на казарменное положение к 1 февраля 1941 г. всех переведенных на положение срочнослужащих летчиков, штурманов и авиатехников, занимающих должности ниже командира, заместителя командира, штурмана и старшего авиатехника эскадрильи в истребительной, бомбардировочной и разведывательной авиации; командира, штурмана и старшего авиатехника отряда в тяжелобомбардировочной авиации.
5. В казармах установить четкий внутренний распорядок согласно Уставу внутренней службы, введя утренние и вечерние поверки».

«+3» – очевидно, означает присутствие трех сопровождающих: Репина, Филина и Михина. – А. О.

Летный испытательный институт (с аэродромом) Наркомата авиационной промышленности, где 3–4 апреля как раз происходили испытания «телемеханического самолета» (прототипа будущего самолета-снаряда) на базе самолета ТБ-3, осуществлявшего без пилота взлет, «маршрутный полет на цель и возвращение» с управлением по радио от взлета до посадки на аэродром (см. Приложение 13).

МиГ-3 до ноября 1941 г. был самым скоростным серийным истребителем в мире. Его разработку под названием И-200 начинал и фактически большую часть работы по его конструированию выполнил выдающийся советский авиаконструктор Н. Н. Поликарпов. По непонятной причине во время командировки Поликарпова в Германию решением наркома авиапромышленности М. М. Кагановича (родного брата члена Политбюро Л. М. Кагановича) эта разработка была передана срочно созданному на том же заводе конструкторскому бюро под руководством Артема Микояна (родного брата члена Политбюро А. И. Микояна). Возможно, Поликарпову побоялись доверить столь секретную работу, потому что ранее он неоднократно подвергался репрессиям (его дело было прекращено лишь в 1956 году через 12 лет после его смерти).

Этот вопрос я рассматривал в своей предыдущей книге [62. С. 441–443]. См. об этом также в публикации В. А. Белоконя в журналах «Инженер» № 12 за 1990 г., «Огонек» № 25 за 1996 г. и в его новой книге «Опыт парадоксального начала Второй мировой войны», которая скоро должна выйти.

Второй известный мне пример этой кооперации – история с авиационной пушкой Таубина – Бабурина ПТБ-23, о чем я рассказывал выше.

Так в документе.

Из чего следует, что, скорее всего, это решение Политбюро принималось по факту, то есть когда немецкая комиссия уже прибыла.

Полковник Миронов – начальник отделения оперативных перелетов штаба ВВС КА.

О том, что никаких серьезных претензий к начальнику ГУ ВВС Рычагову не было, свидетельствует утверждение его на должность заместителя наркома обороны лишь месяц назад – 8 марта 1941 г.

В. А. Белоконь сообщил мне, что 6 апреля 1941 г. в военном городке г. Молодечно в квартире его отца А. П. Белоконя (военинженера 2-го ранга, командира саперного батальона, строившего доты на Линии Сталина) между сослуживцами шел оживленный разговор о массированном налете немцев на Белград, в результате которого было много жертв среди гражданского населения. Главное, что врезалось в его память, – категорические высказывания некоторых участников разговора насчет того, что происшедшее в Югославии – явный признак скорого нападения немцев на СССР.

Стоит отметить, что когда по указанию Риббентропа посол Шуленбург посетил Молотова 6 апреля 1941 г. с сообщением о начале военных действий в Югославии, как пишет Шуленбург, «Молотов не воспользовался случаем упомянуть о советско-югославском пакте» [61. С. 314–316]. Похоже, что этот вопрос был согласован руководством СССР и Германии ранее по тайным каналам. Не случайно среди откликов в мировой печати на поездку Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. есть и такой: «...целью переговоров Гитлера с Молотовым было получить согласие на нарушение Германией границ Югославии и Болгарии... Полагают, что такое разрешение было дано Москвой» (см. главу «Мировая пресса – послевизитные круги», с. 251–263).

Так в документе.

Так в документе. – А. О.

Сталин И. В. Сочинения. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 221–223.

Один из командиров на фотографии идентифицирован мною как полковник И. П. Сергеев, который до 31 марта 1941 г. был наркомом боеприпасов, но в этот день был снят и назначен преподавателем Академии Генштаба. Если на снимке действительно он, то съемка происходила между 25 и 30 мая, так как считается, что 30 мая 1941 г. Сергеев был арестован. Хотя вполне возможно, что это легенда прикрытия, а на самом деле он был арестован летом 1941 г. после начала войны вместе со многими другими генералами и руководителями, готовившими Великую транспортную операцию и участвовавшими в мероприятиях предвоенного военно-технического германо-советского сотрудничества и обмена делегациями и комиссиями.

В юбилейном издании «Академия Генерального штаба. 170 лет» (М.: Защитники Отчизны, 2002) почему-то в главе 6 «В годы Великой Отечественной войны» в разделе «Эвакуация и деятельность Академии в новых условиях» на с. 152 это фото напечатано очень малого размера и с не соответствующей действительности подписью: «Командование Академии Генерального штаба им. К. Е. Ворошилова». То есть сделано все, чтобы нельзя было понять, кто запечатлен на снимке и когда был сделан снимок. Следует также отметить, что в этой книге почему-то не указаны в качестве преподавателей Академии обнаруженные на снимке генералы: Ярмошкевич, Воронцов, Воробьев, Сухомлин, а также полковник Сергеев. А среди выпускников – Героев Советского Союза не названы обнаруженные на снимке и имевшие это звание Кравченко, Черняк, Хрюкин, Слепнев, Федюнинский, а также не попавшие на снимок Терехин и Петров. Из этого можно сделать вывод, что группа военачальников, окончивших КУВНАС АГШ в 1941 г., была специально собрана под видом курса усовершенствования с целью тайной подготовки к операции, с которой Красная Армия должна была вступить во Вторую мировую войну.

Почему-то в упомянутом выше юбилейном издании Академии не указано, что Карбышев был заведующим кафедрой АГШ.

О трагической гибели Карбышева в немецком концлагере Маутхаузен (18 февраля 1945 г.) сведения были получены от майора канадской армии С. Де Сент-Клера 13 февраля 1946 г., а до этого (с 30 июня 1942 г.) генерал числился пропавшим без вести с середины июля 1941 г. (см. с. 678). Звание Героя Советского Союза ему было присвоено посмертно 16 августа 1946 г.

Здесь и далее я даю справку об окончании КУВНАС, если этот факт отмечен в послужном списке.

Фото бригадного комиссара артиллерии задало очередную загадку, разгадка которой может стать шагом к разгадке тайны 22 июня 1941 г.: Александр Глушко заметил, что петлицы на его гимнастерке защитного цвета, полевые, или, как их потом до 1943 г. называли, фронтовые. Однако введены они были в Действующей армии приказом наркома лишь в августе 1941-го, так что до этого приказа оставалось еще 2,5 месяца. Но я нашел Решение Политбюро № 33/197 от 6 июня 1941 г. (ОП) об увеличении до 01.01.42 г. количества гимнастерок в мобрезерве вдвое (до 8,96 млн штук). На них все петлицы должны были быть фронтовыми, и половина из них уже изготовлена. Так может быть, в начале июня участникам Великой транспортной операции уже начали их выдавать? И политработникам – в первую очередь (в придачу к медальонам, трусам и майкам, а рядовому и младшему начсоставу – к большим золотистым треугольникам на петлицы и яловым сапогам вместо кирзовых).

Описание Евсеевым начала войны в Севастополе см. в моей книге «Ключи к разгадке» [62. С. 609–611]. О затемнении Севастополя 18 июня 1941 г. в воспоминаниях профессора истории, участника войны Дашичева см. в этой книге главу «Калейдоскоп предвоенного театра абсурда» (с. 659).

Автор дневника ошибается. 22 июня 1939 г. было опубликовано Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о введении праздника «День Военно-Морского Флота», который отмечается с тех пор ежегодно в последнее воскресенье июля.

22 июля 1941 г. в вечерней сводке Совинформбюро сообщалось: «15 июля в боях западнее Ситня, что восточнее Пскова, при отступлении немецких частей нашими войсками захвачены секретные документы и химическое имущество 2-го батальона 52 минометного химического полка противника. В одном из захваченных пакетов находились: секретная инструкция НД № 199 “Стрельба химическими снарядами и минами”, издания 1940 г., и секретные дополнения к инструкции, разосланные войскам 11 июня текущего года Германский фашизм втайне готовит новое чудовищное злодеяние – широкое применение отравляющих веществ. В составе действующих германских войск имеются специальные химические части по отравляющим веществам» .

Против предложений Сталина или предложений, поддержанных им, Молотов никогда не голосовал, лишь однажды воздержался, когда в феврале 1941 г. на XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б) его жену П. С. Жемчужину выводили из состава кандидатов в члены ЦК.

Подлинники документов «Особая папка» хранятся в Архиве Президента РФ.

Протокол заседания Оргбюро ЦК.

Решение Политбюро «Об отпуске Жданову» № 34/236 было принято 10.VI.41 г. Молотов говорил Ф. Чуеву: «Кто-то недавно мне говорил, упрекая: “Жданов-то где был?” Он в Сочи сидел, когда началась война... Упрекают: “О чем они думали? О войне? Нет, они в Сочи сидели!” Оптимисты, мол, какие, члены Политбюро» [102. С. 45]. Из этого «они» следует, что Жданов в Сочи был не один, что там находилось несколько членов Политбюро. Исходя из «Кремлевского журнала» и виз на решениях Политбюро, можно предположить, что, скорее всего, вместе со Ждановым были Сталин, Калинин и Андреев (подробнее об этом см. [62. С.149–167]). Не стоит забывать о том, что вождь пять лет не был в отпуске.

Может быть, именно из-за его отсутствия ни в одном из Указов Президиума Верховного Совета, опубликованных 23 июня 1941 г. в центральных газетах, не было даже сказано, с кем началась война.

«За два дня до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз создал штаб полевой армии из группы офицеров Одесского военного округа. Этот шаг генерал-майора Захарова позволил заранее привести войска в полную боевую готовность, в первые дни войны успешно отражать натиск фашистских сил и наносить им значительный урон» (www.warheroes.ru/hero/hero.asp).

Так в тексте. – А. О.

ЦАМО. Ф. 28 (16). Оп. 1071. Д. 1. Л. 2–5. Подлинник. Опубликовано в книге «Великая Отечественная война – день за днем (по материалам рассекреченных оперативных сводок ГШ КА)» [15. С. 17–18].

Ныне Тернополь (Украина).

Время берлинское.

На с. 468 своей книги Мельтюхов указывает источник этой информации: *Groehler O.* Kampf um die Luftherrschaft. Berlin, 1988. S. 77.

Здесь и далее в этом документе полужирным шрифтом мною выделены населенные пункты, подвергнутые бомбежке во время первого налета. – А. О.

Первоочередную бомбежку аэродромов КОВО-ЮЗФ подтверждает «Боевой приказ штаба ВВС Юго-Западного фронта № ОП/1 от 23 июня 1941 г. 01.00.», где сказано: «ВВС противника 22.6 подвергли бомбометанию наши аэродромы, действуя мелкими группами с низких высот» (ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 5. Л. 3–5. Подлинник. Приводится по публикации в ВИЖ. 1989, № 7. С. 28–29). Знаменательно, что ЮЗФ включает в себя территории, входившие до начала войны в КОВО и ОдВО. Из этого следует, что секретное решение Политбюро от 21 июня 1941 г. было полностью выполнено.

Так в тексте, очевидно, имеется в виду «частичного».

Полужирным выделены аэродромы, которые были подвергнуты бомбардировке немецкой авиации утром 22 июня согласно оперсводке № 01 Генштаба; те, о бомбежке которых стало известно из других источников, отмечены знаком +.

Следует отметить, что еще 81 новый самолет имел флот, в том числе: Черноморский флот – 27 самолетов и Балтийский флот – 54 самолета. 22 июня их аэродромы не подвергались бомбардировкам и ни один из них не был сбит или уничтожен на стоянке. По моему мнению, причиной этому послужило то, что по тайной договоренности Гитлера с Черчиллем, достигнутой через Гесса, бомбежку советских флотов на рассвете 22 июня 1941 г. взяла на себя Англия и имитировала ее в Севастополе, Очакове, Таллине и Кронштадте (см. [62. С. 220, 227–234, 609–612; 63. С. 192–204].

См. *Бюшгенс Г. С.* «Самолетостроение в СССР. 1917–1941» ч. II, 1994, с. 236.

В указанное число не входят 1 769 самолетов Черноморского, Балтийского и Северного флотов, так как по непонятной причине 22 июня 1941 г. (см. примечание выше) немецкие ВВС налеты на советские флоты не совершали (см. [63. С. 197]).

Это подтверждает немецкий источник: Ulf Balke, Der Krieg in Europa. Teil 1.1939–1941: Polen, Frankreich, England, Balkan, Russland. Koblenz: Bernard Gralf Verlag, 1989. S. 427.

Там же.

Англия могла получить по ленд-лизу от США дюжину американских бомбардировщиков В-17С («Летающая крепость»). Высота их полета 7 600 м при скорости 400 км/ч и дальности полета до 4 000 км при бомбовой нагрузке 900 кг (оценка В. А. Белокопя).

Многие исследователи и блогеры указывают, что из всех истребителей в первых боях МиГи понесли самые большие потери, но и в последующие полгода-год, как ни странно, их сбивали чаще, чем устаревшие «ишаки» и «чайки». На мой взгляд, немцы вели настоящую охоту за ними. Надо было иметь большое мужество, чтобы в те годы вести воздушный бой за штурвалом МиГа (как, например, трижды Герой Советского Союза А. Покрышкин, воевавший с первого дня войны на МиГ-3).

До конца 1941 г. было построено около 200 истребителей Пе-3 (по другим источникам – около 360).

Здесь и далее время московское.

Расстояние от Москвы до Сочи по прямой 1 550 км. В обслуживающем правительстве авиаотряде особого назначения (АОН) в 1941 г. были самолеты DC-3 («Дуглас») и ПС-84 (Ли-2). Для «Дугласа» (крейсерская скорость 333 км/ч) полетное время составило бы 4,5 часа, для ПС-84 и Ли-2 – 5,5 часов.

В СССР были разработаны и серийно выпускались факсимильные аппараты БТОР-1, ФТ-34, ЗФТ-А4, ФТ-37, ФТ-38.

Долгие годы о местонахождении и действиях Сталина в первые дни войны вообще не было никакой информации. Впервые об этом рассказал Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» (1969). Из них следует, что вечером 21 июня после звонка ему начштаба КОВО Пуркаева о немецком перебежчике, утверждавшем, что немцы ударят утром 22 июня, Жуков, а не Тимошенко, доложил об этом Сталину, и он вызвал их с наркомом Тимошенко к себе. Сталин «прослушав текст директивы и сам еще раз его прочитав, внес некоторые поправки и передал наркому для подписи» (Директива № 1). Утром 22 июня Жуков (почему-то опять не Тимошенко) разбудил по телефону Сталина и сообщил о нападении, тот вызвал их и членов Политбюро в Кремль к 4.30 (по «Кремлевскому журналу» они вошли в кабинет в 5.30). Выслушав предложения Жукова («задержать») и Тимошенко («уничтожить»), сказал: «Давайте директиву» (№ 2). Жуков пишет, что вечером Ватутин сообщил ему по телефону в Тарнополь, куда он приехал в этот день с Хрущевым: «Сталин одобрил проект директивы № 3 и приказал поставить мою (Жукова. – А. О.) подпись» [28. С. 269]. То есть сам Жуков ее и в глаза не видел – интересно, есть ли его подпись в подлиннике? Это дает серьезный намек на то, что и все согласования со Сталиным в тот день шли по телефону. Вполне вероятно, что личное присутствие вождя было присочинено, скорее даже не Жуковым, а высшими политическими редакторами этого издания. Так же, как и рассказы Молотова Ф. Чуеву о коллективном сочинении его речи 22 июня 1941 г. всем Политбюро во главе со Сталиным в его кабинете.

В этом документе имеются еще две правки, но они сделаны не рукой вождя и не красным, а простым карандашом – зачеркнута пометка «Для ТАСС» в правом верхнем углу и в слове «последнее» заменено «и» на «е» (исправлена грамматическая ошибка). Скорее всего, эти исправления сделал редактор или корректор «Правды» при подготовке к публикации, а помощник Сталина Поскребышев, прочитав газету со сводкой, отметил их простым карандашом и сделал внизу пометку: «Опубликовано 23.VI.41».

В единственном описании возвращения в Москву руководства советского посольства (посла Деканозова, военного атташе генерала Тупикова, заместителя резидента внешней разведки Короткова, советника посла Семенова и первого секретаря Бережкова, который и рассказал об этом в своей книге) говорится, что они добирались 5 дней (см. [7]).

Протокол этого допроса вполне мог быть оформлен позже, после сообщения Маландина с «новыми» данными о Якове.

Небезынтересная деталь – одним из последних довоенных решений Политбюро было решение № 34/75 от 20 июня 1941 г. «О дополнительных ассигнованиях на ремонт судов за границей». И в то же самое время происходили события, о которых вспоминал член Политбюро нарком внешней торговли А. И. Микоян: «За два дня до начала нападения немцев (я тогда как зампред СНК ведал и морским флотом) часов в 7–8 вечера мне звонит начальник Рижского порта Лайвиньш: “Товарищ Микоян, здесь стоит около 25 немецких судов: одни под загрузкой, другие под разгрузкой. Нам стало известно, что они готовятся завтра, 21 июня, все покинуть порт, несмотря на то, что не будет закончена ни разгрузка, ни погрузка. Прошу указаний, как быть: задержать суда или выпустить?” Я сказал, что прошу подождать, нужно посоветоваться по этому вопросу. Сразу же пошел к Сталину, там были и другие члены Политбюро, рассказал о звонке начальника Рижского порта, предложив задержать немецкие суда. Сталин рассердился на меня, сказав: “Это будет провокация. Этого делать нельзя. Надо дать указание не препятствовать, пусть суда уходят”. Я по ВЧ дал соответствующее указание начальнику Рижского порта» [55. Гл. 30]. Я думаю, что разговор Микояна со Сталиным тоже проходил по ВЧ, так как Сталин в это время находился в отпуске в Сочи.

Мне не удалось найти к востоку от Витебска населенного пункта с таким названием. К юго-западу от Витебска есть населенный пункт Сенно.

В начале войны немцы всё снимали на киноплёнку, для этого у них в каждой дивизии была своя киногруппа.

Размышляя о событиях, происшедших 19 июля, нельзя не обратить внимания и на то, что в этот день Сталин не вел прием в своем кабинете, а возможно, даже не появился в нем (по «Кремлевском журналу»).

Несмотря на нажим Гитлера, Болгария, одна из союзниц Германии, сохраняла дипломатические отношения с СССР на протяжении почти всей войны.

Так в тексте, это явная опечатка, должно быть 28 июня. – А. О.

Так в тексте. Это явная описка. Должно быть: от Москвы до Ленинакана.

Это был капитан ГБ (впоследствии генерал-лейтенант) Рясной – начальник 1-го отделения 1-го отдела (борьба с немецкой разведкой) 2-го управления (контрразведка) НКГБ. Он родился в Самарканде в семье железнодорожника; жил, учился, работал и служил в Туркестане до 1931 г., его отлично знал мой друг писатель Теодор Гладков, лично слышавший от него рассказ о вывозе им немецкого посольства.

Я расставил в этом тексте знаки препинания вместо телеграфных «тчк», «двоеточие» и пр. – А. О.

Штаб дивизии. Здесь и далее примечания без указания авторства мои. – А. О.

Вероятно, опечатка – скорее всего, должно быть ф. границы – финской границы.

КЗОТ – каменно-земляная огневая точка.

Совершенно очевидная легенда, внедренная после начала войны. Сталин подобного никогда не говорил.

Может быть, в эти дни происходили какие-то действия во время совместных учений?

Эти факты ничем не подтверждаются, по другим сообщениям, 22 июня немецкие самолеты на Севере только вели разведку, первая бомбежка Полярного была лишь 24 июня 1941 г.

Вероятно, имеется в виду министерства.

Видимо, в истребительном корпусе ПВО.

Интересное сообщение: в первый налет на Кронштадт так же, как в Севастополе и Таллине, почему-то бомбят, не топя боевые корабли, пользуясь внезапностью. Возможно, тоже ставят неконтактные магнитные мины (невидимые на поверхности).

Весьма сомнительно, чтобы такое позволил себе публично представитель ПУРа, тем более – назвать «жуликом» СССР.

Возможно, под видом УРов сооружались и приграничные аэродромы.

Генерал-полковник Ф. Ф. Кузнецов, командующий ПрибОВО, 19 июня 1941 г. выехал в полевое управление Северо-Западного фронта – в лес в 12 км от Паневежиса, откуда, по моему мнению, до границы с Германией уже к 17 июня была «перешита» на западноевропейскую железнодорожная колея.

Очевидно, начальник штаба артиллерии корпуса (наштакор).

А может быть, для погрузки на баржи? Ведь Августовский канал соединяет Неман с Вислой и обеспечивает проход через реки и каналы Польши и Германии к Дортмунду, а оттуда к Северному морю.

Может быть, потому, что эта переброска была согласована с немцами?

Имеется в виду генерал армии Д. Г. Павлов – командующий БВО, затем ЗапОВО, затем Западным фронтом. 4 июля 1941 г. он был арестован, и 22 июля 1941 г Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Павлова к смертной казни, в тот же день он был расстрелян.

Айсзарги – члены военизированного ополчения в Латвии в 1919–1940 гг. В июне 1940 г. организация айсзаргов была распущена, но с момента нападения Германии на СССР группы айсзаргов нападали на приверженцев советской власти, активистов, госслужащих, на отступающие малочисленные части РККА.

Эстонское название Хийумаа. Второй по величине остров Моонзундского архипелага, входящего в состав Эстонии.

Почтово-полевая станция, осуществляющая почтовую связь с воинскими частями.

Так в оригинале.

Яркий пример мифов о первом дне войны, объяснявших тогда разгром Красной Армии. Объясняя жестокие поражения 1941 года, а особенно первых дней войны, появился миф о том, что генералы-предатели и участники антисоветского заговора передавали информацию немецким летчикам расположением зданий, читающимся с неба как текст или как указание направления для бомбардировки.

Имеется в виду К. Н. Галицкий, закончивший войну генерал-полковником. Начальником ГАБТУ был генерал-лейтенант Я. Н. Федоренко.

Вероятно, опечатка. Должно быть – в Овруче.

А радиосвязь? Нет связи – команду на взлет мог дать и устно дежурный по части. Тут какая-то другая причина – то ли летчики находились в увольнении, то ли был жесткий запрет на взлет.

Есть сведения, что Минск первый раз бомбили 23 июня 1941 г.

Вновь легенды начала войны, объясняющие наши поражения в этот период. См. выше рассказ Левина.

Военнообязанные, имевшие среднее образование и подлежавшие призыву в Красную Армию на один год.

Правильно – Розлуч.

См. также материалы IX раздела. – *Примеч. М. Р.*

Официально считается, что Южный фронт первого формирования образован 25 июня 1941 г. на юго-западном направлении на основании приказа НКО СССР от 23 июня 1941 г. в составе 18, 9-й армий и 9-го отдельного стрелкового корпуса. Хотя, согласно секретному решению ПБ, он был организован 21 июня 1941 г.

Участник войны А. М. Лев сообщил мне о бомбежке 22 июня между 9 и 10 часами аэродрома под Киевом в Броварах.

Зенитная установка из трех пулеметов «Максим».

167

Очень похоже на цифру из сводки РУ ГШ № 8, подписанной подполковником Новобранцем.

В 1939 г. усовершенствованный пулемет ДШК, разработанный еще в 1930 г., был принят на вооружение РККА под обозначением «12,7 мм крупнокалиберный пулемет Дегтярева – Шпагина обр.1938 года – ДШК». Массовый выпуск ДШК был начат в 1940–1941 гг.

См. главу «Неравный обмен...» (с. 549–551).

Интересно, по какой причине: погибла в боях, или из-за факта ее пребывания в Иране, или она стала танковой?

Вероятно, опечатка – должно быть: в ночь с 21 на 22 июня 1941 г.

Так в оригинале.

К.-р означает «контрреволюционных». Из этого следует, что аресты в Прибалтике в июне 1941 г. не были спонтанными, а готовились загодя. Несомненно, все это имело место, но еще, по моему мнению, составлялись списки людей, живущих вблизи железных дорог, которые собирались после 14 июня перешивать на узкую западноевропейскую колею.

В Москве на базе 226-го полка НКВД была развернута 2-я дивизия войск НКВД. – *Примеч. М. Р.*

Скорее всего, имеются в виду районы, откуда в мае – июне 1941 г. производилось выселение в Сибирь и Казахстан «ненадежных элементов».

СПО – секретно-политический отдел, что такое «м-ки» и «с» – неясно.

Белорусский военный округ, с 11 июля 1940 г. Западный особый военный округ (ЗапОВО). Павлов с 22 февраля 1941 г. был генералом армии.

Похоже, что одной из причин гибели Павлова стало его честное заявление следователю о том, что указание о разборке танков и самолетов отдал Тимошенко (получивший на это команду вождя), а на самом деле их демонтаж велся для переброски в Великой транспортной операции в разобранном виде через Польшу и Германию.

Так в оригинале, правильно – находящейся.

Еременко перед войной командовал одним из сибирских округов и был переведен в ЗапОВО еще при Павлове. – *Примеч. М. Р.* 19 июня 1941 г. он был назначен командующим 16А.

М. Г. Седов, который по заданию комиссии по истории Отечественной войны в 1942 г. записывал воспоминания генерала И. Е. Петрова, утверждает, с его слов, что И. Е. Петров незадолго до начала войны был переведен из Ташкента, где он был начальником пехотного училища, в Бессарабию, командиром 25 Чапаевской сд., которая в полной боеготовности была на советско-румынской границе и вступила в бой с утра 25 июля 1941 г. – *Примеч. М. Р.* Это – опечатка, дивизия вступила в бой с 22 июня и удерживала позиции до 25 июля 1941 г. И. Е. Петров 22 июня командовал формирующимся 27 мк, командиром 25-й Чапаевской сд он стал 20 августа 1941 г.

Это один из самых интересных новых фактов из записей Рабиновича. Еще предстоит понять, что он означает.

Это очередной миф, ведь Сталин в своей речи слова «Гитлер» даже не произнес. Он объяснил причины военных успехов Германии тем, что она «политически подготовила войну и имеет надежных союзников», имея в виду СССР, и сказал, что непобедимых армий нет.

Поджигателями войны в те годы в СССР называли правительства Англии и Франции.

МПВО – местная противовоздушная оборона.

ПВХО – противохимическая оборона, ГСО – «Готов к санитарной обороне».

Аббревиатура непонятна.

Очевидно, Паневежис.

Карнач – начальник караула.

Нарком морского флота.

Так в оригинале.

8 мая 1941 г. московское радио передало «Опровержение ТАСС»: «Японские газеты публикуют сообщения агентства Домей Цусин, в котором говорится... что Советский Союз концентрирует крупные военные силы на западных границах... концентрация войск на западных границах производится в чрезвычайно крупном масштабе. В связи с этим прекращено пассажирское движение по Сибирской железной дороге, т. к. войска с Дальнего Востока перебрасываются главным образом к западным границам. Из Средней Азии туда же перебрасываются крупные военные силы... Военная миссия во главе с Кузнецовым выехала из Москвы в Тегеран. Назначение миссии, отмечает агентство, связано с вопросом о предоставлении Советскому Союзу аэродромов в центральной и западной частях Ирана.

ТАСС уполномочен заявить, что это подозрительно крикливое сообщение Домей Цусин, позаимствованное у неизвестного корреспондента Юнайтед Пресс, представляет плод больной фантазии его авторов... никакой «концентрации крупных военных сил» на западных границах СССР нет и не предвидится. Крупица правды, содержащаяся в сообщении Домей Цусин, переданная к тому же в грубо искаженном виде, состоит в том, что из района Иркутска перебрасывается в район Новосибирска – ввиду лучших квартирных условий в Новосибирске – одна стрелковая дивизия. Все остальное в сообщении Домей Цусин – сплошная фантастика».

См. беседы с тт. Балаганиным и Захаровским в V разделе. – *Примеч.*
М. Р.

Это ошибка. Сигимицу в 1938 г. был послом в Москве. Пакт о нейтралитете подписал министр иностранных дел Японии Мацуока.

Укрепрайон.

2-я гв. сд имела взводы – состава стрелковых рот, батальоны – силы полка. – *Примеч. М. Р.*

Генерал-майор, военком Киргизской ССР, командир 316-й стрелковой дивизии (с 17 ноября 1941 г. – 8-й гвардейской, прославленной тяжелыми оборонительными боями на Волоколамском направлении под Москвой. Погиб 17 ноября 1941 г, посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Я сам, возвращаясь 10 июня 1941 г. из среднеазиатской командировки по пути из Ташкента во Фрунзе, задержался на несколько часов, т. к. по ж. д. Джамбул – Уральск на Запад непрерывно шли военные эшелоны с людьми и техникой. – *Примеч. М. Р.*

На мой взгляд, эта запись означает, что в рассказ о начале войны в докладе Хрущева предлагалось добавить упоминание об аресте замнаркома обороны генерала армии Мерецкова, что Хрущев и сделал, только почему-то назвал его в числе военачальников, репрессированных и выпущенных из тюрем и лагерей до войны. На самом же деле он был арестован 23 июня 1941 г., подвергался жестоким избиениям, однако 28.08.41 г. написал письмо Сталину и 6.09.41 был освобожден, командовал 7-й и 4-й армиями, а с декабря 1941 г. Волховским фронтом, а затем Карельским и 1-м Дальневосточным фронтами.

В своей второй книге о начале Великой Отечественной я привел обнаруженное мной письмо-доклад Деканозова о подготовке Германии к войне против СССР от 4 июня 1941 г. [62. 571–578]. По своему объему, разностороннему анализу и выводам оно показалось мне гораздо значительней всех известных сообщений и предупреждений Сталина о подготовке Гитлером удара по СССР. Но из приведенного документа видно, что высокая оценка предвоенной работы Деканозова была дана кем-то из членов Президиума ЦК еще в феврале 1956 г.

В своей книге «Воспоминания» Хрущев пишет: «Перед самой войной я находился в Москве, очень долго задержался там, буквально томился, но ничего не мог поделать. Сталин все время предлагал мне: “Да останьтесь еще, что вы рветесь? Побудьте здесь”... Я настойчиво добивался разрешения выехать в Киев и в конце концов прямо сказал Сталину: “Что я сижу здесь, товарищ Сталин? Ведь война может разразиться в любой час, и будет очень плохо, если я буду находиться в Москве или даже в дороге. Мне надо ехать, надо быть в Киеве”. И он согласился: “Да верно, езжайте”... он и сам не знал, зачем меня задерживал... Вроде бы охотно согласился... он нуждался в присутствии возможно большего числа людей из своего окружения... Я сейчас же воспользовался разрешением Сталина и выехал в Киев... Приехал я в Киев утром, как всегда. Это была суббота» [96. С. 92–93]. То есть, если верить Хрущеву, он приехал в Киев 21 июня 1941 г., а выехал из Москвы 20 июня. Как-то очень слабо верится в ничем не мотивированное удержание Хрущева в Москве Сталиным.

Нуждался в присутствии окружения? Неправда, вождь в эти дни всех разогнал: Жданова, Калинина, Носенко, Рычагова, Супруна – в Сочи; Тимошенко и Буденного – в Брянск, Жукова – в Тарнополь, Тюленева и Запорожца – в Винницу, Мерецкова – в Ленинград. Так что Сталин скорее предложил Хрущеву ехать из Москвы до Киева в одном поезде с ним и Ждановым, а это было большой честью для Хрущева. И из Москвы они выехали вместе, вопрос только когда – 19 или 20 июня? Полагаю, что 19-го.

Августовский канал, соединяющий бассейны рек Неман и Висла, частично прорыт, а частично использует естественные русла рек.

Генерал-лейтенант К. Д. Голубев с марта по июль 1941 г. командующий 10А, затем 13А, с октября 1941 г. – 43А. С октября 1944 г. и до конца войны К. Д. Голубев 1-й заместитель уполномоченного СНК СССР по делам репатриации.

В начале войны достойным для командира считался выход из окружения в полной форме со всеми знаками отличия и наградами, со всеми документами. Мой отец Н. И. Осокин, капитан-артиллерист в начале войны, именно так дважды (в июне и августе 1941 г.) выходил из окружения вместе с личным составом своего дивизиона.

О панорамах – бесспорный факт, это рассказ моего отца Н. И. Осокина (а также, независимо, он приведен в мемуарах его однополчанина И. П. Зекова) о том, как встретил начало войны их полк – 270-й кап 16 ск 11А ПрибОВО; о ликвидации портретов вождей – воспоминание участника войны Н. Халилова в сборнике «Я это видел» (М: Время, 2005. С. 20); о заливке в бензобаки самолетов воды – рассказ моего бывшего коллеги Ю. М. Лысякова – жителя авиагородка Жуковский, подтвержденный А. Мартиросяном в книге «Трагедия 22 июня: блицкриг или измена? Правда Сталина» (с. 222–227).

У Владимира Высоцкого есть строчка: «Я ненавижу сплетни в виде версий!». Один отечественный историк распространил ее на свою науку: дескать, вот так относился к версиям наш любимый народом бард, потому такое же чувство должны вызывать и версии относительно истории Великой Отечественной войны. Так ведь Высоцкий не об истории, не о политической или экономической жизни это говорил, а о своей личной: «Я не люблю, когда мне лезут в душу!» И ненависть к сплетням в виде версий вполне понятна, когда речь идет о личной жизни человека, но она не имеет ни малейшего отношения к жизни государства и его истории.

Созданный в 1919 г. рейхсвер имел численность лишь 115 тысяч человек, которые вербовались в него по найму на 12 лет. Германии запрещено было иметь Генеральный штаб, военную авиацию, подводные лодки, крупные боевые корабли, зенитную и тяжелую артиллерию, а также химическое оружие.

Блицкриг – молниеносная война, блицзиг – молниеносная победа.

Судоплатов А. П. Тайная жизнь генерала Судоплатова: Правда и вымыслы о моем отце. В 2-х кн. Кн. 1. М.: Современник, Олма-Пресс, 1998. С. 435–461.

Когда рукопись уже была в издательстве, появилось сообщение о том, что этот срок будет увеличен до 2040 г., то есть превышен на 50 лет!

См. Приложение 4.

В других местах своей книги Новобранец пишет: «до дивизий включительно».

Начальник РУ с июля 1940 г. по июль 1941 г.

Именно это и является самым главным доказательством того, что все делалось по договоренности Сталина с Гитлером.

Так думал Новобранец, на самом деле все происходило наоборот: Сталин сообщал Берии, что он должен докладывать ему и сообщать остальным советским руководителям и наркоматам.

Это не дезинформация осталась неразоблаченной, это планы Сталина до сего дня остаются неизвестными. Согласно моей гипотезе, «Морской лев» в то время (до появления Гесса в Англии) был действующим планом, а «Барбаросса» – дезинформирующим (прикрытием от англичан).

Это, скорее всего, описка или опечатка Новобранца, правильное название – «Хайфиш» («Акула»).

Кузнецов с 1939 до 1946 г. был наркомом ВМФ, а с 1946 г. – министром ВМФ.

В июне 1941 г. так уже и было на самом деле – «Морской лев» был отменен и стал прикрытием для готовящейся «Барбароссы».

Новобранец не учитывает существенных советских военно-морских, авиационных, авиадесантных, а также пехотных сил, перебрасываемых баржами, которые должны были подключиться к «Морскому льву».

Новобранец вновь не учитывает существенных советских сил, о которых сказано выше.

До войны военно-морским флотом руководил нарком ВМФ, но он никак не мог доказывать неосуществимость десантной операции против Англии, так как советский флот готовился к участию в ней.

В. А. Новобранец ошибается. Проскуров после ухода из РУ не был арестован, но ошибка эта весьма знаменательна. Согласно опубликованной в последние годы информации, в сентябре 1940 г. Проскуров был назначен командующим ВВС Дальневосточного фронта(?), а 10 ноября 1940 г. – заместителем начальника ГУ ВВС по дальнебомбардировочной авиации. 12 апреля 1941 г. он был снят с этой должности и в июне 1941 г. назначен командующим ВВС 7-й армии ЛВО. То, что начальник Информационного отдела РУ ГШ РККА не знал о новых назначениях своего бывшего начальника, невероятно. Значит, эти его должности появились позже, а в то время его работа была абсолютно засекречена. Он просто исчез. Скорее всего, и легенда прикрытия о его назначении в ДВФ должна была объяснить его исчезновение из Москвы. Я нашел Проскурова на фото среди сопровождавших Молотова в Берлине уже 14 ноября 1940 г. Вероятнее всего, он руководил ДБА в готовящейся совместной антибританской операции и предшествующей ей транспортной операции, из-за чего после начала войны был арестован (27.06.41 г.) и расстрелян (28.10.41 г.) в Барбыше.

Сталин вел свою предвоенную линию по подготовке антибританской операции совместно с Гитлером, не информируя о ней в целом никого, поручая каждому лишь ее отдельные этапы. Стягивание немецких войск к советской границе для дезинформации Англии и последующая переброска их части на Восток через СССР были оговорены с Гитлером, поэтому доклады об увеличении численности немецких войск возле границы Сталина раздражали – ведь он не собирался всем разведчикам и генералам объяснять свои подлинные планы. И очень боялся провокаций, способных их сорвать.

Выделено мной. Тем, кто утверждает, что Сталин не мог воспользоваться предупреждениям разведки о готовящемся нападении Германии из-за неоднократных переносов этого срока, следует обратить внимание на эту здравую мысль – в 1941 г. срок нападения мог быть только один, и никакой другой.

Это произошло, по утверждению Маршала Советского Союза Жукова, 1 февраля 1941 г., значит, встреча Новобранца с Мерецковым и Василевским состоялась 26–28 января 1941 г.

На мой взгляд, причиной отсутствия Василевского на работе в это время (а также на совещании высшего комсостава 24–29 декабря 1940 г. и оперативно-стратегических играх 2—11 января 1941 г.), скорее всего, была не болезнь, а длительная командировка в Германию (12 ноября 1940 г. он прибыл туда в составе делегации Молотова) для участия в разработке совместных планов удара против Великобритании.

Есть довольно подробное описание ее римской поездки, из которой можно кое-что понять о возможности ее присутствия в Москве: «В мае 1938 года Гитлер прибыл в Италию с ответным визитом. Первый и последний раз он съездил за границу по официальному приглашению главы другого государства и, судя по записям застольных бесед, сохранил приятные воспоминания об этой поездке... Ева потребовала, чтобы Гитлер взял ее с собой в Италию. Как можно было не разрешить ей принять участие в триумфальном шествии своего возлюбленного? Да и кто в данном случае осмелился бы лишить ее такой радости? Поэтому Гитлер в конце концов пошел Еве навстречу с условием, что сопровождать ее будут достойные, с его точки зрения, люди. Поскольку Фриц Браун (отец Евы. – А. О.) настойчиво возражал против новой поездки жены, Гитлер остановил свой выбор на владелице “Рейнского отеля” в Годесберге госпоже Дрезен, чья семья когда-то оказала будущему фюреру существенную помощь на заре его политической карьеры. В знак благодарности Гитлер отправил эту женщину со своей любовницей на торжества в Италию. Таким образом, Ева, госпожа Дрезен, ее сын Фриц, доктора Морелл и Брандт (последний тогда занимал должность личного врача Гитлера) образовали группу, неотступно следовавшую по пятам за сопровождающими Гитлера официальными лицами. Правда, во время визита Ева практически не общалась с Гитлером, ее не приглашали на официальные приемы и лишь позволяли присутствовать на митингах и демонстрациях» [23. С. 123–124].

Ошибка? Опечатка? Или сокрытие фактов?

По предложению Сталина эта линия была изменена в договоре о дружбе, подписанном через пять недель, 28 сентября 1939 года. Литва становилась частью советской сферы интересов. Взамен Германия получила польские территории, расположенные между реками Висла и Буг.

Скорее всего, вновь опечатка. Должно быть 28 сентября.

Это, скорее всего, или описка Гофмана, или опечатка.

Это имя упоминается впервые. – А. О.

Видимо, неточность перевода: Шкварцев не провожал, а сопровождал Риббентропа в Москву. – А. О.

Поэтому все фото переговоров, на которых есть Шапошников – сентябрьские. – А. О.

Это ошибка, причину которой стоит понять. В те годы возглавляемое Проскуровым управление называлось Разведывательным управлением Генштаба. – А. О.

Сталин за то, чтобы сохранялась тайна дислокации немецких войск. Почему? Либо потому что это общая тайна Сталина и Гитлера, либо для того, чтобы никто в стране, кроме него, не знал истинного положения. – А. О.

То есть советская сторона готова подписать пакт четырех держав, если будут приняты еще три дополнительных протокола, предлагаемые Молотовым. – А. О.

ВАТ – военный атташе. – А. О.

Так в тексте. – А. О.

Посол США в Румынии.

Видимо, невнятность этой фразы – следствие неточности перевода. Скорее всего, в оригинале было «должно быть принято до семи часов...»

Имеется в виду современная 16-я радиотехническая бригада современной Украинской армии, в данной публикации рассказывается о ее истории и первом боевом применении РЛС 22 июня 1941 г. – А. О.

Мыс Тарханкут – крайняя западная точка Крымского полуострова.

245

Мыс Фиолент находится в 12 км западнее Севастополя.

Никаких документальных подтверждений этому нет. Поэтому никогда не указывается тип сбитых самолетов.

«Этот документ представляет собою обращение Митрополита Московского и Коломенского Сергия, главы Православной Церкви в России, разосланное в первый день войны по всем приходам» [70. С. 15].

оск – особый стрелковый корпус. Его переход к обороне говорит о том, что до этого перед ним стояли совсем другие задачи.

Так, для краткости, даются в резюме ссылки на первую, вторую и третью книги трилогии.

Этот факт зафиксировал и ввел в научный оборот М. Мельтюхов, но объяснения ему не дал.